

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СЕРИЯ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

РАННЕСЛАВЯНСКИЙ МИР

АРХЕОЛОГИЯ СЛАВЯН И ИХ СОСЕДЕЙ

ВЫПУСК 8

Серия основана в 1990 г.
С.А.Плетнёвой и И.П.Русановой

Редакционная коллегия серии:
И.О.Гавритухин, Н.В.Лопатин, А.М.Обломский

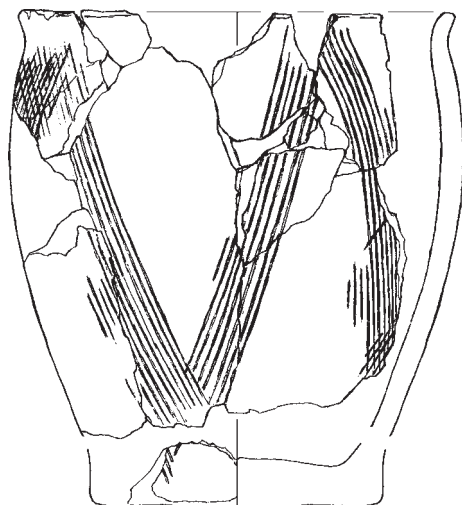
МОСКВА 2007

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

Н. В. Лопатин, А. Г. Фурасьев

**СЕВЕРНЫЕ РУБЕЖИ
РАННЕСЛАВЯНСКОГО МИРА
В III–V вв. н.э.**

МОСКВА 2007

УДК 902/903
ББК 63.4
Л77

*Книга издана при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(грант № 05-01-16044д)*

*Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии РАН*

*Рецензенты:
доктор истории Университета Сорбонна М. М. Казанский
доктор исторических наук А. М. Обломский*

Л77 Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. Северные рубежи раннеславянского
мира в III–V вв. н.э. (Раннеславянский мир. Выпуск 8). – М., 2007. –
252 с.: ил.

ISBN 978-5-94375-057-1

В книге дается всесторонняя характеристика древностей круга За-
озерье-Узмень, включаемых авторами в киевскую культурно-исто-
рическую общность. Делается вывод, что эта группа древностей ос-
тавлена ранними славянами, расселявшимися на север по Днепру и в
III–V вв. н.э. освоившими земли белорусского Подвинья, смоленского
Поднепровья, а также ряд соседних регионов.

Для археологов, историков, краеведов.

УДК 902/903
ББК 63.4

На титульном листе: глиняный сосуд с расчесами, городище Новое Село (раскопки П. Н. Подгурского).

ISBN 978-5-94375-057-1

© Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г., 2007 г.
© Институт археологии РАН, 2007 г.
© Государственный Эрмитаж, 2007 г.

Предисловие

Время и характер заселения славянами Северо-Запада Русской равнины продолжают оставаться дискуссионными проблемами. Авторы книги придерживаются той точки зрения, что процесс этот имел место в середине I тысячелетия н.э., а исходным направлением было южное – со стороны белорусского Поднепровья и Подвинья.

Наша книга посвящена главным образом малоизученной группе древностей «круга Заозерье-Узмень», соответствующей периоду непосредственно накануне этого расселения, т.е. тому времени, когда славяне в своем движении на север заселили исходный регион (в области верхних течений Днепра и Западной Двины) и вступили во взаимодействие с абригенами – днепровскими балтами.

Мы присоединяемся к тем археологам, которые считают, что ранние славяне представлены в числе других и киевской археологической культурой III–V веков н.э. Впервые выделенная в районе современного Киева (отсюда название), к настоящему времени киевская культура стала известна на огромной территории от Северского Донца до южной Псковщины и от Восточной Польши до самарского Поволжья. Размеры территории и многообразие локальных вариантов требуют, очевидно, признания за этой группировкой более высокого статуса – культурно-исторической общности. Соответственно, ее этническое содержание не могло быть однородным на всей территории; в различных областях существовали свои субстраты, определявшие локальные этнокультурные особенности.

Северная часть очерченного ареала занята на археологической карте памятниками круга Заозерье-Узмень (рис. 1). Название происходит от памятников, представляющих две наиболее отчетливые культурно-хронологические группы в этом регионе. Некоторые различия между ними, проявившиеся в особенностях керамического комплекса, представляют собой следствия тех или иных форм взаимодействия киевских традиций (деснинской и типа Абидня) с местными памятниками и друг с другом. Характернейший объединяющий признак этих памятников, наряду с устойчивым набором лепной посуды, – находки фрагментов керамики с расчесами гребнем. Несмотря на то, что доля такой посуды в керамических наборах обычно невелика (а отдельные памятники лишены ее вовсе), она является четким, легко диагностируемым визуально, важнейшим культурно-хронологическим индикатором всей группы памятни-

ков. Его устойчивое сохранение здесь в тот период, когда в ареале других групп киевской культурно-исторической общности он из употребления выходит, а также специфические особенности нанесения расчесов, неизвестные в других регионах, кроме Верхнего Поднепровья (расчесы по краю венчика, ромбовидные композиции, имитация расчесов другими штампами), говорят о том, что этот прием имел какое-то семантическое значение и не просто механически копировался, а осмыслялся. Добавим здесь, что расчесами украшались далеко не все типы сосудов. На некоторые морфологические типы расчесы не наносились никогда.

Нельзя умолчать о том, что высказанные в этом предисловии положения не являются общепринятыми. Не только этническое определение носителей культурных традиций круга Заозерье-Узмень, но и взаимосвязи этой группы с предшествующими, одновременными и последующими культурами остаются пока под вопросом. Мы надеемся, что представленные в нашей книге материалы будут способствовать разрешению этих проблем.

Впервые в тезисной форме положение о памятниках «типа Заозерья» было высказано Н. В. Лопатиным в 1988 г. на конференции в Курске. Более развернутая аргументация основных положений нашей концепции явилась уже плодом совместного труда [Лопатин, Фурасев 1994]. Затем были защищены две кандидатские диссертации [Лопатин 2000 (научный руководитель В. В. Седов); Фурасев 2001б (научный руководитель М. Б. Щукин)], в которых при разных территориальных и хронологических охватах материала изучение памятников круга Заозерье-Узмень получило дальнейшее развитие. Несмотря на различие наших концепций в некоторых деталях, позиции по наиболее принципиальным вопросам истории этой культурной группы остаются согласованными.

Уровень информативности использованного нами в работе материала и степень доверия к нему при формулировании выводов будут зависеть не только от количественного состава коллекций, но и от условий их обнаружения, характера памятника, методики раскопок и качества обработки их результатов. Исходя из этого, опорными памятниками в дальнейшей работе для нас будут поселения Ермошино, Узмень, Фролы, грунтовые могильники Узмень и Фролы. Памятники раскопаны по современной методике, с выделением закрытых комплексов и стратиграфических горизонтов. Коллекции либо полностью обработаны и

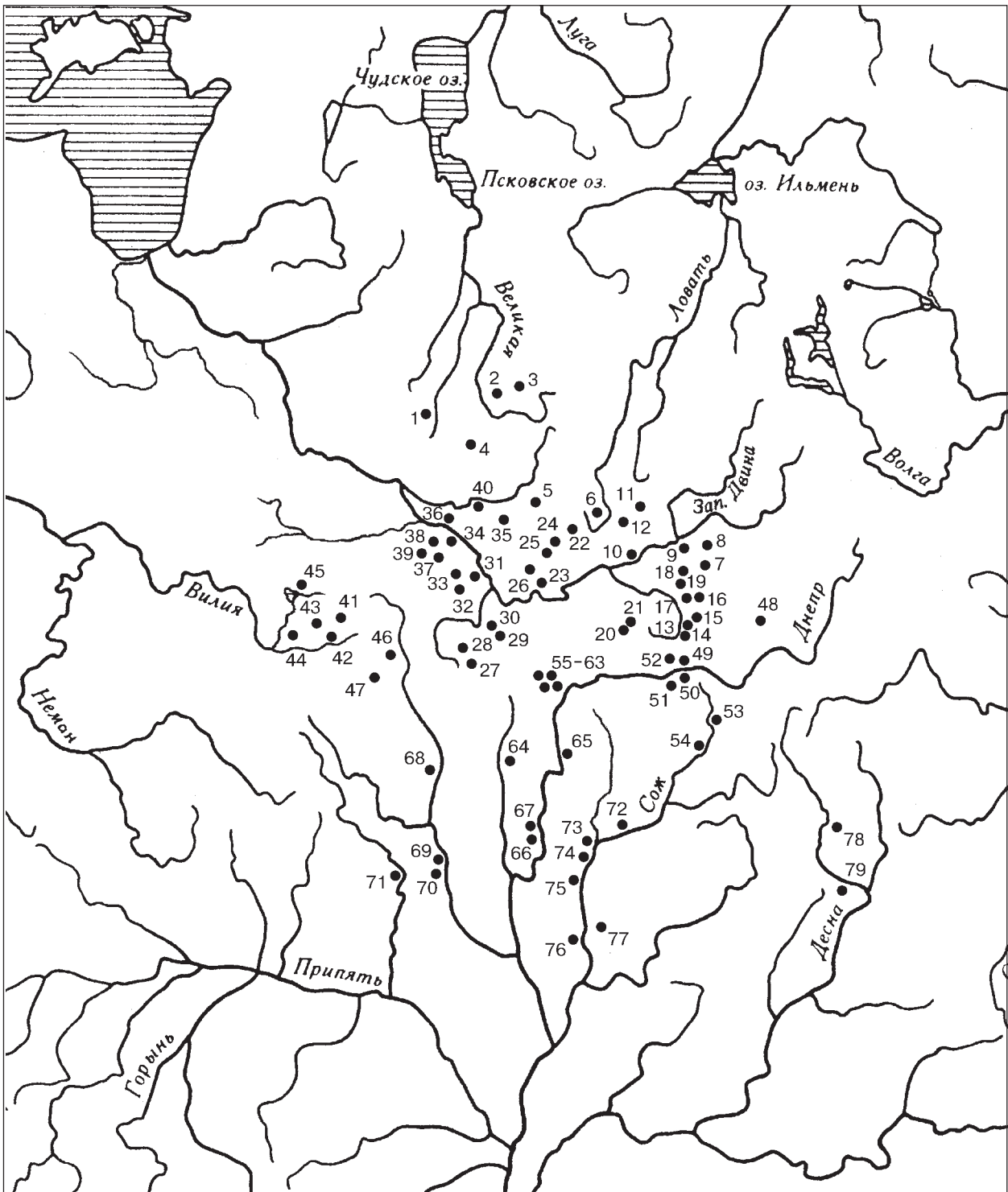

Рис. 1. Карта памятников круга Заозерье-Узмень и северных памятников других вариантов киевской культуры. Номера соответствуют номерам в каталоге.

опубликованы, либо подготовлены к публикации, и именно полную публикацию материалов этих памятников мы рассматриваем как одну из основных целей данной книги. Целый ряд уже давно известных и опубликованных памятников дает важный материал для характеристики керамического и вещевого комплекса. Прочие, фигурирующие в каталоге, служат в основном для уточнения ареала памятников данного типа.

Авторство отдельных глав книги не во всех случаях может быть однозначно указано. Но все же в основе своей оно следующее: Н. В. Лопатин – главы 1, 2 (разделы 1, 5), 4; А. Г. Фурасев – главы 2 (разделы 2–4), 3; совместно: глава 2 (раздел 6), заключение.

Глава 1.

История изучения древностей III–V вв. н.э. в Верхнем Поднепровье и Подвинье

Памятники круга Заозерье-Узмень (ПЗУ) рассматриваются в качестве отдельной культурной группы лишь в течение последних 15 лет. Вплоть до настоящего времени часть исследователей не признает за ними такого статуса. Поэтому под историей изучения ПЗУ следует понимать обзор исследований (полевых и кабинетных), затрагивающих обсуждаемую здесь культурную группу в разной степени и с самых разных позиций. В данном обзоре нельзя обойти также историю выявления и изучения типологически близких древностей позднезарубинецкого и киевского круга, в первую очередь памятников типа Грини и Абидня.

1920-е – 1930-е годы

Первые документированные находки керамики с расчесами в бассейне Западной Двины и к северу от него были сделаны в 1920-е гг. – А. Н. Лявданским на селищах Бельчица и Рудня близ Полоцка [Лявданский 1930б, с. 157–161, 179–197] и Ф. Балодисом на селище Волкорезы в юго-восточной Латвии [Balodis 1926-О]. Во всех трех случаях известны и совпадают друг с другом условия находки – в переотложенном культурном слое селищ, использованном для сооружения насыпей курганов.

А. Н. Лявданский с присущим ему вниманием к деталям пытался дать описание и интерпретацию небольшой группы лепной керамики, выделявшейся среди «некурганной» посуды из насыпей курганов. Коллекции не сохранились, но рисунки и фотографии из отчетной статьи [Лявданский 1930б, табл. I: 15–19 на с. 162, табл. VII: 1–6 на с. 197] дают ясное представление о характерных чертах керамических наборов, что выгодно отличает ее от многих более поздних публикаций. Сопровождающий текст свидетельствует, что до той поры подобные древности не вводились в научный оборот. Три фрагмента с очевидными расчесами гребнем из Бельчицы [Лявданский 1930б, табл. I: 17–19] характеризуются по-разному: «штрихованные» и «с орнаментом» [Лявданский 1930б, с. 161]. В материалах селища Рудня фрагменты со штриховкой и с расчесами [Лявданский 1930б, табл. VII: 4, 6] объединены в одну группу – имеющих «штрихованный орнамент», но с оговоркой: «если его можно назвать таким» [Лявданский 1930б, с. 196]. А. Н. Лявданский сделал важное и в основном подтвердившееся позднее наблюдение относительно находок из Бельчицы и Рудни: «посуды с такой штри-

ховкой не найдено на городищах БССР и Смоленщины». Однако датировка данной группы древностей, на которую удалось тогда впервые обратить внимание, была определена неверно: «более раннее время, чем древнейшие городища Белоруссии» [Лявданский 1930, с. 196], то есть до начала н.э., поскольку так определялась в то время начальная дата городищ раннего железного века.

В те же годы керамика с расчесами была найдена К. М. Поликарповичем в ходе разведок стоянок каменного века на среднем Соже [Паликарпович 1930]. Описания К. М. Поликарповича отличаются от описаний А. Н. Лявданского и являются более точными: «наружная поверхность покрыта сеткой пересекающих друг друга прямых нарезных линий» [Паликарпович 1930, с. 407, 409, табл. 23: 8]; «орнамент составлен из 7 параллельных узких нарезных линий, которые пересекаются не под прямым углом полосой из 5 таких же линий» [Паликарпович 1930, с. 457, 459, табл. 23: 7]. Никакой атрибуции этих материалов предложено не было.

1960-е – 1970-е годы

Повторно керамика с расчесами гребнем на территориях северной Белоруссии и западной Смоленщины оказалась в поле зрения археологов уже в 1960-е гг.

Одной из первых с ней столкнулась О. Н. Мельниковская в ходе небольших раскопок селища Барсуки на р. Сож в Могилевской обл. в 1957 г. Была обнаружена керамика двух видов – грубая и лощеная; впервые сделано верное наблюдение о способе нанесения расчесов на грубую керамику: «Орнамент на сосудах представляет собой различно направленные пучки параллельных врезанных линий, нанесенные на поверхность сосуда зубчатым штампом. Распространены зигзагообразные и горизонтальные расчесы в верхней части сосуда» [Мельниковская 1962, с. 54]. Была отмечена аналогия с находками К. М. Поликарповича. Датировка лощеной керамики у исследовательницы не вызвала сомнения (середина I тыс. н.э.), но для интерпретации набора грубой посуды с расчесами она предложила два варианта: 1) аналогична (в определенной степени) роменской и относится к VIII в.; 2) синхронна лощеной керамике [Мельниковская 1962, с. 56].

Культурно-хронологическое определение памятников, содержащих керамику с расчесами, было вы-

работано к середине 1960-х гг. П. Н. Третьяковым и белорусскими археологами – Л. Д. Поболем, А. Г. Митрофановым, Г. В. Штыховым – на основе новых раскопок того времени в разных районах Белоруссии. Впервые согласованная к тому времени позиция перечисленных исследователей была заявлена на конференции 1966 г. в Минске [Древности Белоруссии 1966; Третьяков 1966].

В 1960 г. Л. Д. Поболь начал многолетние исследования комплекса памятников в урочище Абидня у д. Адаменка в Могилевской обл. на Днепре, где обнаружил разнообразные материальные остатки позднеримского времени. Он пришел к выводу о том, что этот памятник благодаря своей однослойности может считаться эталонным для позднего этапа зарубинецкой культуры Верхнего Поднепровья [Поболь 1966а, с. 209]. Набор керамики состоял из: груболопной гладкостенной (85%), с «прочесами» (10–11%), лощеной (4–5%). По серии предметов римского импорта памятник датировался II–V вв. [Поболь 1966а, с. 210, 212]. Найденная здесь керамика, «украшенная гребенчатыми прочесами», привлекла внимание П. Н. Третьякова [Третьяков 1966, с. 268], который сделал заключение о сходстве этих материалов с находками на селище Барсуки и отнес оба памятника ко второй четверти – середине I тыс. н.э.

Сходные материалы были выявлены Л. Д. Поболем в 1963–1965 гг. на р. Березине: на первом селище у д. Щатково (Могилевская обл.) и на селище в уроч. Узвечев у пос. Красная Зорька (Минская обл.). Слабопрофилированную керамику, в том числе украшенную расчесами, автор раскопок датировал III–IV вв. и отнес к позднезарубинецкой культуре [Поболь 1966а, с. 213; 1967, с. 223–239].

А. Г. Митрофанов при первоначальном обобщении материалов своих раскопок первой половины 1960-х гг. в средней и северной Белоруссии (селища Городище, Дедиловичи, Некасецк и др.) считал такую керамику элементом культуры VI–VII вв., причем элементом, генетически связывающим эти древности с более ранними памятниками типа Абидня [Митрофанов 1966, с. 228].

Г. В. Штыхов, повторно (после А. Н. Лявданского, см. выше) исследовавший памятники в Бельчице, обнаружил под насыпью кургана культурный слой с лепной керамикой, в том числе украшенной «прочесами». Он датировал это селище временем около середины I тыс. н.э. и предположил, что оно занимает промежуточное положение между памятниками типа Адаменка (Абидня) и типа Дедиловичи [Штыхов 1966, с. 243].

Таким образом, керамика с гребенчатыми расчесами стала рассматриваться не только как принадлежащая культуре потомков зарубинецкого населения, но и в качестве одного из признаков раннего этапа древностей типа Тушемля-Банцеровщина. Ее место в этом контексте определено в первую очередь А. Г. Митрофановым [Митрофанов 1966; 1978; 1980] и Е. А. Шмидтом [Шмидт 1974; 1975; 1994].

Е. А. Шмидт сделал важный вывод о том, что керамика, украшенная расчесами, в бассейне Днепра и Западной Двины может датироваться второй четвертью I тысячелетия н.э., так как на городищах-убежищах VI–VII вв. она уже не встречается [Шмидт 1974, с. 155; 1975, с. 21].

В своих поздних работах А. Г. Митрофанов отнес рассматриваемые процессы и явления к более раннему времени, чем считал прежде: II в. н.э. – начало культуры типа Абидня («типа Адаменского селища»), синтез зарубинецких и новых элементов; к рубежу IV–V вв. – исчезновение зарубинецких традиций в культуре типа Абидня, продвижение ее носителей на север и смешение с местным населением (культур штрихованной керамики и днепродвинской), завершение смены городищ селищами на севере Белоруссии; V–VI вв. – ранний период культуры типа верхнего слоя Банцеровщины: отсутствие городищ, бытование слабопрофилированных форм керамики, в том числе с расчесами; с конца VI по VIII в. – период городищ-убежищ и селищ при них, отсутствие керамики с расчесами [Митрофанов 1978, с. 84, 85, 87, 114, 118; 1980, с. 107, 108].

Хронологическая схема Е. А. Шмидта несколько сдвинута в сторону древности: керамика с расчесами относится к сравнительно короткому промежутку времени между уходом населения с городищ днепродвинской культуры и сооружением городищ-убежищ; по аналогиям керамическому материалу на памятниках типа Абидня и по ряду ранних датирующих вещей этот период датируется III–IV вв. Рубеж III–IV вв. – время формирования тушемлинской культуры. Основной период тушемлинской культуры с городищами-убежищами и без керамики с расчесами датируется V–VII вв., окончательное угасание – VIII в. [Шмидт 1994, с. 108–110]. Несмотря на целый ряд хронологических наблюдений, Е. А. Шмидт отрицает возможность разделения всего времени тушемлинской культуры IV–VIII вв. на отдельные этапы [Шмидт 1994, с. 110–111]. Очевидно, этот вывод следует понимать как невозможность разделить перемешанные комплексы долговременных памятников и выявить этапы развития керамического комплекса культуры в целом, поскольку признаки по крайней мере одного (раннего) этапа уже определены выше.

Сходных взглядов на хронологию и характер культурогенеза древностей типа Банцеровщина (в широком смысле, т.е. включающей группы типов Тушемля и Колочин), ограниченных в рамках V–VIII вв., придерживается В. Б. Перхавко [Перхавко 1978б, с. 18]. Выделенные им четыре хронологические группы памятников не являются этапами, поскольку различаются только конечными датами, совпадая по начальной (V в.). Керамика с расчесами в основном присутствует на селищах V–VI вв., хотя встречается и на памятниках с широкой датировкой [Перхавко 1978б, с. 18].

Перечисленные выводы составили к началу 1980-х гг. основу современных научных знаний о

культуре III–V вв. на землях севера Белоруссии и запада Смоленщины. Этот пласт древностей сменил культуры раннего железного века (штрихованной керамики и днепро-двинскую) и послужил базой для развития культур третьей четверти I тыс. н.э.

Полученный комплекс основополагающих выводов выявил круг нерешенных вопросов, которые можно свести в следующий перечень: 1) Составляют ли памятники круга Заозерье-Узмень (по нашей терминологии) единый культурный круг? 2) Какие элементы составляют неотъемлемый культурный комплекс этих памятников круга Заозерье-Узмень (ПЗУ), а какие относятся к другим периодам и лишь механически смешаны с данными древностями в культурных слоях? 3) Что стоит за разницей датировок ПЗУ у разных авторов, для разных территорий? 4) В какой степени древности типа Абидня являются генетическим предшественником ПЗУ? 5) Каков был вклад местных культур раннего железного века в генезис древностей ЗУ? 6) Продолжалось ли функционирование культур раннего железного века одновременно с ПЗУ? 7) Являлись ли древности ЗУ прямым и единственным предком культур последующего периода, то есть их ранней стадией?

1980-е – 2000-е годы

Непосредственное отношение к дальнейшей интерпретации древностей Верхнего Поднепровья и Подвинья имели новые данные и выводы, полученные в 1980-е гг. для территории Среднего Поднепровья и нижнего Поддесенья.

Р. В. Терпиловский выделил особый тип памятников поздnezарубинецкого круга – поселения типа Грини, которые не составляют ограниченного ареала, но разбросаны по разным регионам Среднего и Верхнего Поднепровья. Характерным признаком этих древностей является присутствие керамики, украшенной расчесами зубчатой щепкой или гребнем [Терпиловский 1981]. Дальнейшими исследованиями этого автора и А. М. Обломского установлена хронология памятников типа Грини и их место в культурогенезе поздnezарубинецко-киевских древностей.

Памятники типа Грини, в отличие от других поздnezарубинецких групп (типа Лютежа, Почепа, Картамышева-2), сформировавшихся на среднеднепровской зарубинецкой основе, имеют иное происхождение. Их предшественником является особая культурная группа классического зарубинецкого периода – памятники типа Чечерск-Кистени, – распространенная в бассейнах Средней Березины и Среднего Сожа. Специфика керамического комплекса группы Чечерск-Кистени (штриховка и расчесы на поверхности грубых горшков, редкость лощеной посуды) обусловлена контактами «зарубинцев» в этом регионе с населением культуры штрихованной керамики [Обломский 1983, с. 15–18; Обломский, Терпиловский 1991, с. 93–102; Дробушевский 2000].

Было замечено, что некоторые памятники типа Грини выходят за хронологические рамки поздnezарубинецкого периода и существуют также в III в. н.э., синхронизируясь с раннекиевскими [Обломский 1986, с. 47–53]. К настоящему времени сформулировано положение об особой группе древностей, продолжающей линию типа Грини и являющейся уже составной частью киевской культуры, ее верхнеднепровским вариантом (Абидня, Тайманово, Верхнестриженское-3, Мена-5) [Терпиловский, Абашина 1992, с. 20, 125, 140, 175; Обломский 1996а, с. 26–32; Обломский, Терпиловский 1998, рис. 13, 15].

Сомнения в обоснованности культурно-хронологической схемы Обломского – Терпиловского для Верхнего Поднепровья высказываются белорусскими археологами. А. А. Егорейченко считает, что контакта культур зарубинецкой и штрихованной керамики в Поднепровье не было, а единственное предположаемое его свидетельство – штриховка поверхностей сосудов на памятниках типа Чечерск-Кистени – не имеет прямого отношения к культуре штрихованной керамики, а является наследием местного варианта милоградской культуры [Егорейченко 1996, с. 68–69; 1999а, с. 234]. Данное рассуждение, однако, не подвергает сомнению оценку роли группы Чечерск-Кистени в культурогенезе последующего времени.

А. М. Медведев, напротив, возражает против положения об участии зарубинецкого населения Верхнего Поднепровья в генезисе памятников типа Грини. В отличие от Л. Д. Поболя, называющего памятники типа Абидня поздnezарубинецкими, А. М. Медведев вообще отрицает наличие поздnezарубинецких памятников (то есть памятников докиевских, датирующихся концом I – II в. н.э.) в Верхнем Поднепровье и указывает на хронологическую лауну между зарубинецкой и киевской (типа Абидня) культурами [Медведев 1999, с. 297]. Замечу, что подобные лауны наблюдаются и в других регионах, например, в Среднем Поднепровье [Обломский 1992, с. 38], и в первую очередь обусловлены, вероятно, состоянием источников. К настоящему времени подобные памятники начинают выявляться, одно из них – поселение Симоновичи (Каталог, № 71) [Дубицкая 1998].

Не все отмеченные выше спорные вопросы имеют непосредственное отношение к данной работе, и затронуты они здесь только для характеристики культурно-хронологического положения памятников типа Абидня, имеющих большое значение для исследования соседних с ними памятников типа Заозерье.

В последнее десятилетие продолжены попытки выяснения характера культурно-этнических процессов в Верхнем Поднепровье и Подвинье, и в частности, значения керамики с расчесами.

Е. А. Шмидт в работах 1990-х гг. признает «заметные импульсы», не исключая и миграции населения, из южной части Верхнего и Среднего Поднепровья (проявившиеся в изменении керамического комплекса, в том числе в появлении керамики с расчеса-

ми). Несмотря на то, что тушемлинско-банцеровская культура сформировалась под влиянием этих импульсов, пришлые элементы довольно быстро растворились в местной среде, сохранив свою самобытность [Шмидт 1992, с. 113–114; 1996а, с. 84].

В недавно опубликованных статье и книге Е. А. Шмидт значительно конкретизировал свои взгляды на культурогенез первой половины I тыс. н.э. [Шмидт 1999б; Шмидт 2003]. В первые века н.э., по его мнению, произошло сближение культур восточных балтов – днепро-двинской, верхнеокской, южновской и отчасти милоградской, что проявилось в выработке керамики типа среднего слоя Тушемли. Не исключается воздействие на этот процесс из более южных районов Поднепровья (очевидно, имеется в виду зарубинецкая культура), однако принципиальным моментом автор концепции считает отрицание смены этноса. В III–IV вв. на основе указанной общности типа среднего слоя Тушемли в Смоленском Поднепровье, а в междуречье Днепра и Западной Двины – также с участием днепро-двинской культуры западнодвинского варианта происходит формирование тушемлинской культуры. В качестве характерных примеров, подтверждающих такую эволюцию, публикуются материалы селищ Яново (Березинка) и Микулино [Шмидт 1999б, с. 43–45, рис. 1–3]. Керамика селища Яново, по мнению Е. А. Шмидта, иллюстрирует дополнительное влияние культуры штрихованной керамики на среднетушемлинскую: здесь обычны фрагменты со штриховкой, а также с намеченным ребром. На некоторых фрагментах, как считает автор, вместо штриховки наблюдаются расчесы гребнем, а этот элемент в дальнейшем характерен для ранних комплексов тушемлинской культуры. Среди материалов селища Микулино отмечается керамика трех видов – слабопрофилированная днепродвинской культуры, профилированная среднетушемлинская и слабопрофилированная «тушемлинских типов», в том числе с расчесами гребнем. Автор полагает, что все эти виды бытовали одновременно (найлены в заполнении жилища), что свидетельствует о формировании последнего вида на основе первых двух [Шмидт 1999б, с. 39].

Эта концепция основана, однако, на ряде недоказанных моментов. Прежде всего, отчетная документация о раскопках селища Микулино допускает возможность того, что указанные три вида керамики не одновременны, а смешаны в заполнении углубленного сооружения [Шмидт 1981-О]. Изучение коллекции селища Яново (рис. 40: 6–15) показывает, что в ней нет ни достоверных элементов культуры штрихованной керамики (для такой атрибуции недостаточно наличия штриховки и фрагментов с ребрами), ни достоверных расчесов гребнем (наблюдаются лишь расчесы «зубчатой щепкой»). Данный керамический набор (как и набор нижнего слоя городища Церковище) находит наилучшие аналогии на посожских зарубинецких памятниках группы Чечерск-Кистени, датирующихся в рамках II в. до н.э. – I в. н.э.

Таким образом, полагаем, что представленные материалы не являются достаточными для обоснования непосредственной генетической связи между культурами начала н.э. (днепро-двинской, штрихованной керамики, типа среднего слоя Тушемли) и ранней тушемлинской (по терминологии Е. А. Шмидта).

Мнение Е. А. Шмидта (подобная точка зрения высказывается также А. М. Медведевым и В. В. Седовым), что расчесы в тушемлинской культуре носились на сосудах «местных форм» в отличие от киевской культуры [Шмидт 2003, с. 135; Медведев 1995а; Седов 1999, с. 134], вызывает недоумение. Наши исследования керамики показывают, что эти «местные формы» практически во всех случаях без исключения находят непосредственные прототипы в материалах киевской культуры.

В новейшей монографии Е. А. Шмидт приходит к выводу о том, что «... в дальнейшем, при накоплении значительного объема материалов, будет достаточно оснований разделить тушемлинскую культуру на две самостоятельные археологические культуры» – конца III – начала V в. и V–VII вв. [Шмидт 2003, с. 142]. «Ограниченность материалов» вынуждает исследователя рассматривать керамику тушемлинской культуры суммарно – как в географическом, так и в хронологическом отношении [Шмидт 2003, с. 55]. На наш взгляд, именно недостаточно подробное изучение керамики не дает возможности Е. А. Шмидту более основательно выделить хронологические и локальные варианты в «тушемлинской культуре».

В 1986, 1988 и 1989 гг. О. Н. Левко исследовала один из ярких памятников рассматриваемого круга (типа Заозерье) – селище у райцентра Городок в Витебской области. Полученные материалы были сопоставлены с киевской культурой (в Верхнем Поднепровье – типа Абидня) и датированы III–V вв. [Левко 1988, с. 76; 1990, с. 40; 1993; 1994, с. 216, 217; Левко, Колосовский 1990, с. 57–59].

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. Н. В. Лопатыным была предпринята попытка обобщить известные материалы и определить место группы памятников Типа Заозерье в системе культур. Был сделан вывод о внутреннем единстве данной группы и о том, что ее нельзя полностью объединить ни с предшествующими, ни с синхронными, ни с перекрывающимися древностями. В связи с этим было предложено дать изучаемой группе древностей собственное наименование – «памятники типа Заозерья» [Лопатын 1991, с. 52–53].

Более обстоятельную характеристику памятники типа Заозерье получили в нашей совместной статье, где обосновывались положения о том, что эти древности сходны по целому ряду признаков с киевской культурой, а также являются общим предком культур типа Тушемля-Банцеровщина и псковских длинных курганов [Лопатын, Фурасев 1994].

Изложенные гипотезы обсуждались в дискуссиях по докладам и в научной литературе, касающейся

истории различных регионов Поднепровья и Северо-Запада Русской равнины.

На конференции «Киевская культура, ее истоки и наследие» (Курск, 1988) материалы памятников типа Заозерье были продемонстрированы в кругу специалистов по киевской культуре (А. М. Обломский, Р. В. Терпиловский, Н. С. Абашина, О. А. Щеглова и др.) [Гавритухин, Терпиловский 1991, с. 298]. Вывод о существенных взаимосвязях этих памятников с киевской культурой был признан основательным. Вскоре Р. В. Терпиловский опубликовал карту локальных вариантов киевской культуры и ареалов близких ей памятников, в том числе в Верхнем Поднепровье и Подвинье [Терпиловский 1991, с. 37].

А. М. Обломский усматривает сходство в характере культурно-этнических процессов римского времени в междуречье Сулы и Ворсклы и рассматриваемого нами региона. Такие территории, где происходила смена разных по происхождению позднезарубинецко-киевских групп, он назвал «регионами колонизации» [Обломский 1994, с. 53].

Памятники типа Заозерье в соответствии с нашей публикацией [Лопатин, Фурасьев 1994] нанесены на общую карту памятников киевской культуры [Обломский, Терпиловский 1998, с. 87].

В. В. Седов в работах 90-х гг. разрабатывает концепцию генезиса культур тушемлинской и псковских длинных курганов на общей культурно-этнической подоснове и отрицает преобладавшее когда-то мнение о том, что формирование тушемлинской культуры было результатом прямой эволюции местных древностей раннего железного века [Седов 1998, с. 56; 1999, с. 133, 134]. В этом наши позиции совпадают, однако при определении конкретного претендента на роль общего предка двух культур они расходятся. В. В. Седов отводит эту роль мигрантам из провинциально-римского ареала Средней Европы и не допускает возможности какого-либо серьезного участия здесь племен киевской культуры. Его критика нашей концепции развивается по двум основным направлениям. Во-первых, он замечает, что переселенцы из киевско-позднезарубинецкого ареала не могли принести в тушемлинскую культуру наборы провинциально-римских вещей среднеевропейских типов, поскольку не были знакомы с таковыми [Седов 1999, с. 133]. Во-вторых, разбирается явление керамики с расчесами. В. В. Седов утверждает, что она встречается в Смоленском Поднепровье и Полоцком Подвинье в виде единичных фрагментов и не на всей территории формирования тушемлинской культуры, не имеет прямого продолжения в керамике культур псковских длинных курганов и тушемлинско-банцеровской, а также что она не была и характерным маркером киевской культуры, но появляется у потомков племен культуры штрихованной керамики. Из всего сказанного делается вывод, что племена, принесшие керамику с расчесами, хоть и повлияли на ход культурно-этнического процесса, но раствори-

лись в массе местного населения [Седов 1995, с. 218, 219; 1999, с. 133, 134; 2002, с. 377–379]. Сходную точку зрения на керамику с расчесами высказывают и Е. А. Шмидт [Шмидт 2003, с. 184].

Относительно единичности находок керамики с расчесами заметим, что некоторые памятники дают достаточно хорошие серии (Заозерье, Городок), но главное не это, а то, что эти находки представляют собой лишь часть керамических наборов, которые в целом состоят совсем не из единичных фрагментов. Что же касается утверждения о нехарактерности керамики с расчесами для киевской культуры, то оно не относится к региону Верхнего Поднепровья [Терпиловский 1984, с. 46; Обломский 1986, с. 48–50; Терпиловский, Абашина 1992, с. 52–54, 174–181]. Отнесение расчесов преимущественно к раннему комплексу киевской культуры и западной части ее ареала не является аргументом против сопоставления памятников типа Заозерье с киевской культурой, поскольку это именно те (в частности) пространственно-временные рамки, которые делают такое сопоставление возможным. Участие культуры штрихованной керамики в генезисе зарубинецко-киевских групп Верхнего Поднепровья признается и специалистами по этим древностям, но лишь в качестве второстепенного элемента [Обломский, Терпиловский 1991, с. 95, 102; Дробушевский 1996, с. 19].

Следует заметить, что из вещей среднеевропейских типов, появляющихся в Восточной Европе, по В. В. Седову, в V в. (как индикатор предполагаемой миграции славян), некоторые известны здесь и ранее, в том числе и на памятниках верхнеднепровского варианта киевской культуры [Медведев 1999, с. 310, мал. 89: 6–8, 19]. Важнейшим этнографическим признаком населения тушемлинско-банцеровской культуры V–VII вв., причем указывающим на их славянство, В. В. Седов считает браслетообразные височные кольца [Седов 2002, с. 380–382]. Но подобные изделия находят и на памятниках киевской культуры [Обломский 1991, рис. 32: 28–31; Терпиловский 1984, табл. 16: 3; Поболь, Дубицкая, Пилипцевич 2003, рис. 14: 10, 11].

Положения, изложенные здесь тезисно в качестве ответа на критику В. В. Седова, нуждаются в подробном обосновании, которое и будет развернуто в основной части работы. Добавим, что исследование участия киевской культуры в генезисе культур тушемлинской и псковских длинных курганов не отрицает участия в этом процессе иных компонентов.

А. М. Медведев, критикуя выводы О. Н. Левко и Ю. В. Колосовского, не только возражает против сближения материалов селища Городок с киевской культурой, но и считает возможным предполагать «самостоятельное возникновение» посуды с расчесами в тушемлинской культуре [Медведев 1995а, с. 168, 169]. К сожалению, в этой статье А. М. Медведева конструктивный разбор (например, исправление датировки бус с селища Городок) соседствует с рядом произвольных допущений и ошибочных

утверждений, основанных на некорректном цитировании работ других авторов. Так, ссылка на книгу Р. В. Терпиловского и Н. С. Абашиной используется для утверждения о бытовании керамики с расчесами в киевской культуре исключительно на раннем этапе. Однако цитируемые авторы пишут лишь о тенденции и вовсе не отрицают датировку памятников верхнеднепровского варианта киевской культуры (тип Абидня, для которого характерна керамика с расчесами) в том числе IV в. [Терпиловский, Абашина 1992, с. 52, 53, 175, 177]. Утверждение А. М. Медведева, что «... штрихованной керамики на селище Городок исследователи не отмечают», неверно: «Среди лепной керамики ... выделено лишь 24 фрагмента штрихованной» [Левко, Коловский 1990, с. 59]. Конструктивные замечания вполне имеют право на существование, но, как представляется, не опровергают атрибуцию, предложенную автором раскопок: во-первых, датировка нижнего слоя селища Городок IV–V вв. ни в коей мере не мешает сопоставлению этих материалов с киевской культурой, во-вторых, и сама О. Н. Левко предлагает подобную датировку (III–V вв.) [Левко 1990, с. 40; 1993], а вовсе не II–III вв., как утверждает А. М. Медведев.

В. Я. Конецкий, изучая проблему формирования культуры длинных курганов, расценивает нашу гипотезу о единой подоснове культур псковских длинных курганов (ПДК) и тушемлинско-банцеровской (ТБ) в виде памятников типа Заозерье [Лопатин, Фурасев 1994] как имеющую «позитивные моменты» [Конецкий 1997, с. 216]. Так, она является попыткой снять возражение С. В. Белецкого Р. С. Минасяну о сложности доказательства верхнеднепровского происхождения ПДК ввиду синхронности ПДК и ТБ [Минасян 1979, с. 184; Белецкий 1979, с. 10]. В. Я. Конецкий, однако, полагает, что предположение о мощной миграционной волне населения ПДК, исходящей со сравнительно небольшой территории (север Белоруссии и юг Псковщины), неубедительно. Он предлагает искать предшественников ПДК на всей территории последней – в древностях типа среднего слоя Тушемли, которые, по приведенным им отрывочным данным, занимают пространство от Псковского городища на западе до Удомельского Поозерья на востоке. Не соглашается В. Я. Конецкий и с концепцией происхождения древностей III–V вв. в Верхнем Поднепровье и Подвинье (типа Заозерье) от киевской культуры. По его мнению, следует вести речь о постзарубинецком наследии в широком смысле [Конецкий 1997, с. 216–218].

Полагаем, что концепция В. Я. Конецкого потенциально совместима с нашей. Действительно, памятники типа среднего слоя Тушемли и типа Заозерье появляются, очевидно, в результате последовательных миграций (и, возможно, воздействий иного характера) разных групп носителей постзарубинецких традиций. Предположение о широком ареале памятников типа среднего слоя Тушемли весьма интерес-

но, но пока не обеспечено достаточной источниковой базой. Если оно подтвердится, то эта культурная группа может рассматриваться в качестве одного из предшественников ПДК, однако главным образом в демографическом смысле, поскольку типологических и хронологических оснований для этого она имеет в сравнении с ТЗ недостаточно.

Что касается демографического потенциала группы типа Заозерье, то его довольно сложно оценить. Дело в том, что невыразительность культурных слоев, скорее всего, является следствием не малочисленности населения, но определенного хозяйственно-культурного типа. Если же обратиться к вопросу происхождения ТЗ, то и здесь типологический анализ материалов приводит в первую очередь именно к киевской культуре, а не к «постзарубинецкому наследию в широком смысле». Нам представляется, что в интересах дальнейшего выяснения особенностей культурно-этнических процессов I-й половины I тыс. н.э. в лесной зоне не стоит смешивать типологически и хронологически разные (хотя и родственные) древности типа среднего слоя Тушемли и типа Заозерье.

Последнее замечание адресуем также М. М. Казанскому, который в одной из статей поясняет, что памятники типа Заозерье представляют собой вариант культуры типа среднего слоя Тушемли [Казанский 1999, с. 406]. В книге о происхождении славян М. М. Казанский соглашается с нашими выводами о выделении древностей типа Заозерье, близких к киевской культуре. В этническом отношении он предлагает рассматривать их как группы венедов, проникающие далеко на север. Географическое размещение древностей типа Заозерье в удалении от черняховской культуры приводит М. М. Казанского к мысли о соотношении носителей ТЗ с предками новгородских славян, которые, согласно исследованиям лингвистов, не испытали восточногерманского (готского) влияния в позднеримское время [Kazanski 1999, с. 35]. Это интересное построение во многом согласуется с нашим пониманием роли древностей круга Заозерье-Узмень в культурогенезе. Существование подобного звена в этногенезе псковско-новгородских кривичей (говорящих на древненовгородском диалекте) предполагает и В. А. Буров. По его мысли, поскольку славяногерманские языковые взаимодействия (отразившиеся на всех праславянских диалектах, кроме древненовгородского) относятся ко времени до V в. н.э., «псковско-новгородские кривичи должны были ... прийти из региона, где не было контактов с германцами, где они могли „пересидеть“ в IV–V вв.» [Буров 1996а, с. 8; Буров 1996б, с. 126].

Г. В. Штыхов в двух публикациях 1999 г., посвященных культуре ранних длинных курганов северной Белоруссии, поддержал нашу точку зрения о том, что эта культура имеет местные корни в виде памятников III–V вв., на которых в качестве индикатора присутствует керамика с расчесами (тип Заозерье, по нашей терминологии). По мнению Г. В. Шты-

хова, многочисленные памятники с находками керамики с расчесами, приведенные в сводке Л. Д. Поболь для территорий Могилевской, Гомельской и Минской областей [Поболь 1983], аналогичны северобелорусским [Штыхов 1999а, с. 379–383; Штыхов 1999б, с. 25–36].

В новейших работах Р. В. Терпиловский трактует ареал памятников типа Заозерье (возникающих, по его мнению, в результате продвижения древностей типа Грини или Абидня на север) как широкую контактную зону между киевской культурой и архаичными «лесными» группами, относящимися к иной культурно-хозяйственной модели. Он считает, что на протяжении второй и третьей четвертей I тысячелетия в Верхнем Поднепровье и Подвинье происходила славянизация балтов или «народов между балтами и славянами» [Терпиловский 1999, с. 295; 2003, с. 425; 2004, с. 93, 95]. Здесь, во-первых, следует уточнить, что речь может идти только о контакте внутрирегиональном, поскольку днепро-двинская культура в III–IV вв. переживает период упадка, и о ее самостоятельном ареале, не совпадающем с территорией памятников круга Заозерье-Узмень, судить трудно. На большинстве городищ культуры поздней штрихованной керамики в Центральной и Северо-Западной Белоруссии жизнь также прекращается в конце II – середине III в. [Егорейченко 2006, с. 109–112]. Во-вторых, те следы наследия лесных культур раннего железного века, которые мы наблюдаем в составе древностей круга Заозерье-Узмень, вряд ли превосходят масштаб пережиточных субстратных элементов. Взгляды Р. В. Терпиловского на древности типа Заозерье представляются нам компромиссным дополнением к его концепции славянского этногенеза, протекавшего, как он считает, в пределах ареалов четырех «классических» вариантов киевской культуры, а также протопражских памятников.

В недавней монографии В. И. Шадыро [Шадыро 2006] дан новый интересный очерк развития древностей белорусского Подвинья на протяжении всего I тыс. н.э., рассматриваются взаимосвязи местных и пришлых культурных групп дифференцированно в пределах трех регионов: западного, центрального (Полоцкое Подвинье) и восточного (Витебское Подвинье). Для аргументации этнокультурных построений привлечены многочисленные археологические материалы, в том числе ранее не публиковавшиеся. Автор рассматривает керамику с расчесами как в контексте позднего этапа днепро-двинской культуры, говоря о влиянии на нее древностей киевского типа в III–V вв. н.э. [Шадыро 2006, с. 27, 38], так и в качестве элемента банцеровской и тушемлинской культур в V–VI вв. [Шадыро 2006, с. 80]. В. И. Шадыро уп-

рекает нас в преувеличении роли керамических традиций киевской культуры в истории древностей Верхнего Поднепровья и Подвинья. Он считает, что хотя первые признаки смены культуры в Витебском Подвинье проявились в III в., днепро-двинская культура западного варианта просуществовала на некоторых территориях до IV–V вв., а «точное время ее исчезновения в конкретных регионах можно будет выяснить только в результате глобального исследования всех городищ и каждого в отдельности» [Шадыро 2006, с. 45].

На это необходимо заметить, что такого досконального исследования требуют не только городища днепро-двинской культуры, но и синхронные памятники круга Заозерье-Узмень. Возможно, внимание к ним должно быть даже большим, поскольку их характер (остатки кратковременных открытых поселений) накладывает негативный отпечаток на их изучение. Именно недостаточное внимание к селищам круга Заозерье-Узмень приводит В. И. Шадыро к выводу, что «на запад от линии Езерище – Бешенковичи – Чашники притока нового населения не фиксируется до IV–V вв.» и к трактовке керамики с расчесами как второстепенного элемента в составе нескольких культур. Если же попытаться выделить эту керамику вместе с однородной ей гладкостенной, а также с соответствующими остальными культурными элементами в отдельный комплекс, если рассмотреть материалы каждого памятника круга Заозерье-Узмень в отдельности и обобщить их, то и в выводах о культурогенезе Подвинья в целом придется значительно сместить акценты. Наше понимание соотношения днепро-двинской и киевской культур в III–V вв. изложено в главе 3 этой книги.

Таким образом, дискуссии 1980-х – начала 2000-х гг. выявили дополнительные вопросы, подлежащие разработке: 8) Какие из вариантов древностей типа Грини-Абидня имеют наибольшее отношение к ПЗУ? 9) Какой характер имеют более ранние, по сравнению с группой ЗУ, проникновения традиций постзарубинецкого происхождения и каково их соотношение с ПЗУ? 10) Какие предметы составляют вещевой комплекс древностей ЗУ и какое он имеет происхождение? 11) Возможно ли местное (в среде культур штрихованной керамики, днепро-двинской и среднего слоя Тушемли) происхождение керамики с расчесами? 12) Как соотносится ареал ПЗУ с ареалами более поздних культур? 13) Насколько сходны и как взаимодействуют с группой Заозерье древности иных типов III–V вв. в Верхнем Поднепровье и Подвинье? 14) Насколько существенное место занимают древности ЗУ в этно- и культурогенезе данного региона и каков их демографический потенциал?

Глава 2. Памятники круга Заозерье-Узмень. Описание культуры

1. Керамика

Культурно-хронологическая атрибуция памятников круга Заозерье-Узмень делается в подавляющем большинстве случаев на основании находок фрагментов керамики определенного рода. Керамика до сих пор остается единственным по-настоящему массовым материалом, более-менее равномерно распределенным по территории. Поэтому мы и начинаем описание культуры с данного раздела.

Прежде чем приступить к анализу керамики, следует дать определение основным используемым понятиям и методам, обозначить подходы к материалу.

Определение понятий

Набор – реально существовавшая в обиходе коллектива людей совокупность посуды. Гипотетичность того или иного набора связана с источниковедческими проблемами.

Стиль (стилистическая группа) – совокупность посуды, сходная внутри себя и отличающаяся от других по наиболее общим (в основном качественным) признакам формы (характер профилировки, манера выделки, устойчивые виды декора). Вообще говоря, стилистические единства настолько общи, что пересекают границы категорий, т.е. охватывают предметы разного назначения, отражая эстетические идеалы (представления об оформлении вещей) в целом в данной человеческой культуре. В то же время в определении стиля нет запрета и на группировку внутри одной категории [Клейн 1991, с. 163], в данном случае глиняных горшков.

Сходное место в системе понятий занимает «семейство форм» (*rodzina form naczyn*'), обоснованное и примененное в качестве основной классификационной единицы А. Буко. В работах этого автора приводится интересный обзор историографии применения понятия «стиль» в археологии и его конкуренции с понятием типа, а также разрабатываются различные методы (в том числе и вполне формальные) выделения стилистических групп керамики [Буко 1990, с. 293 и др.].

Применение понятия стиля в нашей работе обусловлено двумя конкретными причинами. Во-первых, постановка задач определила необходимость изучения целого ряда разнохарактерных наборов, в том числе из нестратифицированных культурных слоев

поселений, содержащих лепную керамику разных периодов железного века и раннего средневековья в смешанном виде. Поэтому для первоначальной группировки нужно было использовать крупную классификационную единицу, ориентированную на характер, сущность керамических форм, чтобы обратить внимание на самые отчетливые различия в материале. Во-вторых, при работе с выделенной центральной группой материала – керамикой киевской культуры и одновременной ей посудой днепровского региона – было замечено, что стилистические признаки в ряде случаев позволяют сместить акценты в типологии и выделить среди формально сходных сосудов типы, в наибольшей степени следующие киевским образцам (причем разных вариантов), и типы, в которых отразилось взаимодействие пришлых и местных традиций.

Понятие «стиль орнаментальный», «стиль декора», часто применяемое в археологии (в частности, при изучении керамики), по своему содержанию, сути совпадает с нашим определением понятия «стиль», но более узко по области применения. Дело в том, что признаки декора – наиболее яркие и очевидные из определяющих стиль. Если же изучить предметы одного орнаментального стиля детальнее, обязательно выяснится, что их объединяют и другие признаки. «Орнаментальный стиль» отражает лишь одну из сторон явления. Ограниченность понятия «орнаментальный стиль» особенно отчетливо проявляется при изучении материалов, в которых значительную долю составляет неорнаментированная керамика (как в случае с нашей работой).

Стиль, как и **тип**, определяется совокупностью признаков вещи, т.е. любых объективных признаков, которые можно дефинировать. При этом главным образом речь идет о признаках, осознававшихся мастерами. Конечно, не всегда можно уверенно судить, осознавался ли тот или иной признак (напр., малозаметная внешне технологическая деталь). Но такого рода признаки одинаково мало существенны для выделения и стиля, и типа. Стиль – более широкая совокупность, чем тип. Применительно к посуде можно привести как пример сервиз, представляющий собой стилистическое единство при наличии различных типов и **категории** (функциональных групп) сосудов внутри.

Понятие «стиль» близко понятию «традиция» и может быть определено также как материальное проявление последней.

Понятие **класса**, несмотря на значительное количество разработок, определяющих его, и в частности, в отличие от понятия **типа**, в исследовательской практике археологов в большинстве случаев применяется как равнозначное типу, взаимозаменяемое с ним. В типологиях керамики позднезарубинецкой и киевской культур [Обломский, Терпиловский 1991; Обломский 1991; Терпиловский, Абашина 1992] понятие класса помещено на следующий более высокий уровень иерархии. Однако по смысловому наполнению (чем объясняется, с какими явлениями соотносится более широкое единство на более высоком уровне типологии?) в этих исследованиях оно ничем не отличается от понятия типа, основанного на чисто формальном изучении признаков. Поэтому, хотя внешне и наблюдается параллельность иерархических схем (у А. М. Обломского и Р. В. Терпиловского «класс – тип», здесь «стиль – тип»), содержание наших двух уровней иерархии иное – попытка распределить формальные типы (которые в основном не вызывают сомнений) по реальным более крупным совокупностям, соответствующим (хоть в какой-то мере) тем культурным группам, которые существовали в древности.

Вариант понимается как единица, подразделяющая какую-либо другую. Правомерны употребления: вариант типа, вариант стиля. Смысл этих вариантов не должен иметь обобщенной трактовки, а определяется в каждом конкретном случае при необходимости. **Вариант стиля** – такая стилистическая группа, которая характеризуется отличием явным и стабильным, но одним, при этом остальные признаки – объединяющие. Иногда при накоплении (углублении) знаний такой вариант может перерасти в отдельный стиль.

Итак, здесь применяется следующая иерархическая схема группировки керамики, в которой каждая следующая ступень является подразделением предыдущей: **стиль – вариант стиля – тип – вариант**. Вне иерархии находятся понятия: 1) категория (речь о них почти не идет, поскольку подавляющее большинство материала принадлежит к одной категории горшков); 2) вид (или прием) декора. Стили обозначены римскими цифрами, варианты стилей – прописными русскими буквами, типы – арабскими цифрами, варианты типов – строчными буквами в скобках.

В общем виде метод выявления стилей состоит из двух встречных движений: 1) учет всех признаков, четко проявляющихся внешне (форма, орнаментация, технология); 2) определение тех деталей формы, технологии и декора, которые не должны учитываться при стилистическом исследовании на верхнем уровне, но могут быть существенными на следующем этапе – при выделении вариантов стиля и типологии. При этом каждый признак должен быть предварительно рассмотрен в его территориально-хронологической определенности, т.е. с точки зрения отношения к культурной традиции. Подход к признакам не может быть однозначным, раз и навсегда за-

данным. Он всегда обусловлен конкретным материалом. Например, степень профилированности или отгиба венчика может входить в характеристику стиля, если в конкретном комплексе она стабильна и отличается от других. В другом случае, если она варьирует внутри комплекса на фоне стабильности всех остальных признаков, то может оказаться несущественной для выделения отдельного стиля.

Основа выделения наборов и стилей – археологические комплексы, содержащие их в несмешанном виде. В случаях преобладания перемешанных открытых комплексов последние анализируются при помощи стилистико-типологического анализа и сравнения полученных стилистических групп (стилей) и типов с другими комплексами, где они встречены в чистом виде.

Пример: выделение набора типа Заозерье. Керамика ТЗ почти исключительно происходит из нестратифицированных перемешанных слоев поселений. Поэтому керамический набор ТЗ выделяется следующим образом:

а) Исключается инокультурная (ранний железный век, лепная керамика VIII–X вв., круговая).

б) Отбирается керамика с расчесами.

в) На основании того, что во всех культурных группах, где есть керамика с расчесами, она присутствует наряду с такой же по формам керамикой без декора, добавляется подобная гладкостенная (без расчесов) керамика.

г) Разбираются (предпочтительно на основе взаимовстречаемости в закрытых комплексах) возможности добавления к полученному набору остальной керамики, т.е. той, которая не является однозначно инокультурной, но имеет дополнительные отличия от керамики с расчесами.

д) Выявляются различия (по перечню и характерности типов) между наборами отдельных памятников, выделяются хронологические и/или локальные варианты.

Остается сделать более мелкие уточнения по терминам, имеющим в литературе разные варианты употребления.

Структурные части керамической формы: венчик – верхняя часть от края до шейки; шейка – суженные формы, отделяющее венчик от плеча; плечо – часть формы от шейки вниз до наибольшего расширения тулова; перегиб тулова – то же, что его наибольшее расширение.

Декор – орнамент и обработка поверхности (последняя часто имеет как декоративный, так и технологический смысл).

Минеральные примеси в глине – искусственные неорганические примеси в формовочной массе: дресва (дробленый камень, чаще всего гранит, изредка болотная руда – лимонит); песок (окатанные частицы кварца); гравий (недробленые камешки), шмот (дробленая керамика). Размер – наибольший поперечник наиболее крупного включения (в мм); иногда уточняются подробности размеров разных

включений. Определения вида и размера минеральных примесей проводились авторами визуально, без применения микроскопа. Результаты определений приведены на рисунках керамики в разделе «Материалы» вместе с шифрами фрагментов.

Виды и элементы декора

Прежде чем дать описание выявленных типов и стилей в целом, необходимо более подробно разобрать отдельные элементы этого описания, в первую очередь виды декора, часть которых имеет определяющее значение для выделения ряда стилистических групп.

Изучаемая керамика в целом известна как грубая и неорнаментированная. Это означает, что ее поверхность, как правило, неровная, бугристая с выступающими частицами искусственных примесей (в основном дресвы), лишенная каких-либо декоративных элементов. В общей массе, однако, обнаруживаются несколько стилистических групп посуды, имеющих признаки «внимательного» отношения к обработке поверхности. В большинстве случаев эти группы имеют территориальную и хронологическую определенность. Приемы или виды обработки поверхности, характеризующие эти стилистические группы, суть следующие:

1) Сквозные проколы, отпечатки тонкого крученого шнура, «сетчатые» или «текстильные» отпечатки.

2) Вдавления и насечки.

3) Штриховка.

4) Расчесы.

5) Прочерченные линии.

6) Налепы.

7) Вытянутые (без налепа) валики.

8) Лощение.

9) Тщательное заглаживание (выглаживание).

Все перечисленные приемы применялись к сосудам до обжига. Некоторые приемы могут встречаться на одном сосуде (2 и 3, 7 и 9). Некоторые, вероятно, связаны друг с другом генетически: налепной валик и оттянутый валик по ребру, расчесы и штриховка, и др.

Приемы, сгруппированные под номером (1), в разной степени характерны для стиля II – днепровской культуры западного варианта (*рис. 90: 1–5; 134, 140*). Сквозные проколы под венчиком часто дополняются расходящимися тонкими линиями, однако по крайней мере в части случаев это не прочерчивания (прием 5), а вдавления узким длинным предметом. Керамика с проколами и отпечатками шнура под венчиком найдена Е. А. Шмидтом на селище Микулино и интерпретируется им как достаточно поздняя, переходная от днепровской культуры к тушемлинской [Шмидт 2003: табл. 40–43].

Прием (2) в основном связан с керамикой стиля III (типа среднего слоя Тушемли) – грубых профилированных горшков S-образного профиля, причем

практически обязателен для них (*рис. 39–42*), – а также с керамикой стиля V. Этим способом оформлялись, как правило, края венчиков. Реже вдавления (ногтем, палочкой) наносились в одну или несколько линий по плечу сосуда. При специальном изучении этого способа декора следует различать по крайней мере три варианта: а) вдавления с отпечатком ногтя; б) «насечки» или нарезки «ножом» (т.е. инструментом из твердого материала, способным оставлять на выпуклых участках сосуда клинообразные в сечении удлиненные отпечатки); в) вдавления пальцем без отпечатка ногтя. В отдельных случаях вдавления производились другими предметами, например, «уплощенным лезвием» прямоугольного сечения. Варианты (а) и (б) в равной мере характерны для указанной группы керамики, а вариант (в) относится, как правило, к 4-й четверти I тыс. н.э. (стиль IX, *рис. 101: 16*). Прием (2) связывается генетически с керамикой разных групп зарубинецких и позднезарубинецких древностей (не позднее II в. н.э.). Сходные приемы орнаментации известны и в древностях второй–третьей четвертей I тыс. н.э. на территории бассейнов рек Оки, Москвы и примыкающих регионов правобережья Волги: мощинских, позднедьяковских, могильниках кошибеевского типа, рязано-окских и др.

Прием (3) – штриховка – характерен для культуры штрихованной керамики (стиль I; *рис. 8: 1–3; 142: 1*), части наборов типа среднего слоя Тушемли (стиль III; *рис. 39: 9; 40: 3, 5, 10, 12–15; 41: 3; 42: 3, 4, 8, 6, 11*), керамики типа Грини (стиль VA) и части верхнеднепровских памятников киевской культуры типа Абидня (стиль VB; *рис. 100: 9; 103: 6; 141: 7, 8*). Есть основания полагать, что этот прием декора свидетельствует о наличии генетических связей (полных или частичных) всех указанных групп древностей между собой. Штриховкой принято называть нанесение на глину многочисленных бороздок разной глубины. Иногда они располагаются почти параллельно друг другу, пучками, иногда пересекают друг друга. Штриховка («бороздчатое заглаживание») производилась различными предметами [Бобринский 1978, с. 218]. Уточнение данных о способах нанесения штриховки ввиду малочисленности и периферийного (в хронологическом смысле) положения данной группы керамики в изучаемом материале не входило в задачи работы. Единственный момент, который является в данном случае существенным, это различие приемов 3 и 4 – штриховки и расчесов.

Промежуточное положение между штриховкой (прием 3) и «настоящими расчесами» (прием 4) занимают изредка встречающиеся следы расчесов каким-то твердым, но неровным штампом, возможно, зазубренной щепкой. От штриховки и прочерчиваний (прием 5) они отличаются строгой параллельностью бороздок. При интерпретации таких экземпляров особенно важен контекст, в котором они найдены. Так, в подъемном материале селища Хиславичи фрагмент с «расчесом» такого рода (*рис. 150: 5*) присутствует наряду со штрихованными фрагментами

ми, главным образом стиля ВБ (*рис. 158: 2, 7, 9, 10*), что дает некоторые основания для интерпретации этого набора.

Расчесы (прием 4) – прочерчивания по глине аккуратным гребенчатым штампом. Этому виду декора посвящен нижеследующий раздел.

Прием (5) – прочерчивания. Наносились на сосуды различными, в основном одинарными, остриями и заостренными краями разнообразных твердых предметов. Судя по композициям, образуемым прочерчиваниями, этот декоративный прием взаимосвязан как со штриховкой (прием 3), так и с расчесами (4). В одних случаях прочерчивания покрывают формы стиля ПБ, и расположение этих прочерченных линий аналогично «штрихам» – близко друг к другу, выше перегиба тулова горизонтально, ниже – вертикально (*рис. 8: 10*; ср. фрагменты стиля ПБ с «настоящей штриховкой» на *рис. 40*).

В других случаях прочерчивания связаны с сосудами стилей V–VII и располагаются либо вертикально, либо под углом к горизонтали, перекрещиваясь между собой, что соответствует основной композиции нанесения гребенчатых расчесов (*рис. 18: 8*). Серия таких фрагментов найдена на западном участке селища Заозерье [Лопатин, Шмидт 2002, *рис. 5: 5; 7: 1, 4–6, 12; 8: 1–4*], причем удается различить некоторые особенности, относящиеся к инструментам, которыми наносились эти следы. Есть линии, нанесенные неровным (неаккуратным) острием, углом твердого предмета, бороздки от которого имеют треугольное сечение. В ряде случаев видно, что прочерчивания имеют плавные волнообразные изгибы, что также является характерной особенностью расчесов. Встречен экземпляр со следами двузубого неаккуратного острия с зубцами треугольного сечения, что также подтверждает родственность этого приема в данном случае гребенчатым расчесам.

Налепы (прием 6) довольно редки. Выделяются следующие варианты: а) налепные опоясывающие валики на разных уровнях сосуда, иногда украшенные насечками (*рис. 50: 3, 4; 103: 2; 129: 7*), б) овальные налепы (*рис. 80: 9; 100: 2; 101: 6; 114*). На изучаемой керамике чаще встречаются оттянутые валики (прием 7), чем налепные, хотя в литературе можно встретить ошибочные определения. Приемы (6) и (7) не всегда легко различить на целом сосуде (особенно если он отреставрирован и догипсован, как это случилось с горшком из Жабино – *рис. 45: 5*). Для уверенного различения необходимо наблюдать поперечный излом черепка с валиком.

Прием (7) – оттянутый валик – выступает главным образом в качестве декоративного оформления элементов профилировки сосудов – ребер. Иногда бывает легко спутать собственно декоративный и конструктивный признаки. Дело в том, что этот конструктивный элемент (ребро), как и орнаментальный пояс, сам по себе четко выделяется на сосуде. Однако правомерность такого различения конструктивного и декоративного элементов подтверждается не

только теми многочисленными случаями, когда элементы конструкции не имеют никакого дополнительного оформления, но также в особенности случаями «отрыва» приема (7) от «породившего» его конструктивного элемента: например, оттянутый из глины валик располагается выше перегиба профиля (*рис. 46: 5*) или на сосуде, вообще не имеющем реберчатого перегиба (*рис. 46: 2; 47: 3; 115: 3*).

Лощение (8) и тщательное заглаживание (9) существуют в течение всего рассматриваемого периода, хотя и в сочетании с разными морфологическими и функциональными группами керамики, главным образом стилей IV и VIII. Необходимо различать эти два приема: лощение характеризуется блеском поверхности керамики. Заметим, что специальное изучение позволяет и более подробно классифицировать варианты лощения [Бобринский 1978]. В литературе при описании керамики с данными вариантами обработки поверхности часто не проводится их различия: применяются термины «лощенный» и «подлощенный», что не совсем точно, поскольку в технологическом смысле «подлощность» – явление непонятное.

Необходимость различия приемов (8) и (9) доказывается тем, что они тяготеют к разным стилям и формам керамики: лощение – к столовой посуде (мискам) стиля IV, а выглаживание – к крупным сосудам стиля VIII. В обоих случаях характерным дополнительным признаком является использование мелкой (по сравнению с грубой керамикой тех же наборов) минеральной примеси. В изучаемом материале это по преимуществу дресва (толченый гранит) – в лощеных мисках отдельные включения до 2–3 мм в поперечнике, в сосудах стиля VIII – до 3–4 мм. Последний признак служит дополнительным фактором при диагностировании фрагментов сосудов аналогичных форм, но не имеющих лощения и даже хорошей выглаженности. Керамика всех остальных стилистических групп имеет, как правило, включения частиц минеральных примесей до 5 и более миллиметров в поперечнике.

Анализ гребенчатых расчесов

«Расчесами», как и «штриховкой», в археологии принято называть различные виды так называемого «бороздчатого заглаживания» [Бобринский 1978, с. 218] глиняных сосудов, производившегося до высыхания глины. Разделить чисто технологический и декоративный смысл этих приемов обработки поверхности сосудов проблематично, а во многих случаях и невозможно.

Расчесами обычно называют более регулярную, по сравнению со штриховкой, обработку, проводившуюся гребенчатыми штампами. Штампы, которыми наносились расчесы, могли быть самыми разными по количественным и качественным признакам, в том числе грубыми и неровными.

В Верхнем Поднепровье и Подвинье известна керамика римского времени, декорированная весьма

аккуратными расчесами, часто составляющими орнаментальные (в основном ромбические) композиции. Она является одним из наиболее характерных признаков культурной группы типа Абидня (верхнеднепровский вариант киевской культуры). По керамике с расчесами диагностируются и более северные памятники круга Заозерье-Узмень.

Одновременно керамике с расчесами и в более раннее время (культуры штрихованной керамики, зарубинецкая, поздnezарубинецкая, киевская) бытовала керамика, покрытая штриховкой. Этим термином обозначают нанесение неопределенными предметами (предполагается использование пучков травы) на глину многочисленных бороздок разной глубины. Иногда они располагаются почти параллельно, иногда пересекают друг друга.

Несмотря на тесную взаимосвязь обоих приемов, совершенно очевидно, что в интересах познания культурогенеза их необходимо различать. Если мы стремимся когда-нибудь продвинуться в изучении целого ряда подробностей взаимодействия вышеречисленных культур и их вариантов, желательнее принять единые методические правила идентификации, описания и графического воспроизведения керамики штрихованной и с расчесами.

Анализ расчесов необходимо начать с вопроса об их появлении.

П. Н. Третьяков выдвинул несколько гипотез, объясняющих происхождение рассматриваемого декоративного приема: «Такая орнаментация имеется в отдельных случаях на посуде зарубинецких поселений... Первоначально мне казалось, что керамика с прочесами, находящаяся в южных частях Верхнего Поднепровья, генетически связывается со штрихованной посудой древних белорусских городищ. Но это, по-видимому, не так. Эта посуда несет на себе отголоски тех традиций, которые сложились и развивались в первые века нашей эры в более западных областях. Прежде всего я имею в виду керамику так называемой пуховской культуры, распространенной в северной Словакии и в южных частях Польши, на северо-восточной окраине кельтского мира» [Третьяков 1966, с. 268]. Позднее П. Н. Третьяков внес уточнение в эту теорию: «... этнические процессы в Поднепровье... не исчерпывались только движением зарубинецкого населения с юга на север... Речь идет о появлении среди поздnezарубинецкого керамического материала глиняной посуды, украшенной расчесами, по-видимому, свидетельствующими о ее западном происхождении... Может быть, ее появление как-то связано с продвижением гетов в верховья Припяти и южнее... Хотя расчесы – скорее латенская традиция» [Третьяков 1982, с. 58].

В латенизированных культурах, например, в зарубинецкой, расчесы встречаются хотя и редко, но регулярно. По своему характеру они отличаются от рассматриваемых здесь. Во-первых, расчесы наносились здесь, как правило, на лощеную посуду. Во-вторых, полосы составляли иные композиции – или

отдельные вертикально расположенные на равном расстоянии друг от друга, иногда с завитком на конце, или параллельно одна вплотную к другой, не перекрещиваясь. Рассуждения о расчесах как прямом наследии латенизированных культур (особенно удаленных от Поднепровья) не получили развития и потому, что не могли объяснить значительное распространение этой традиции именно в данное время и в данном месте. Напротив, в 80-е гг. появилась теория, развивавшая первоначальное предположение П. Н. Третьякова.

В работах Р. В. Терпиловского и А. М. Обломского [Терпиловский 1981, Обломский 1983, с. 15–18; Обломский, Терпиловский 1991, с. 93–102] была очерчена отдельная группа поздnezарубинецкой культуры – типа Грини (II в. н.э., возможно, до начала III в.), – характерным признаком которой является покрытие поверхностей как штриховкой (в том числе зубчатой щепкой), так и гребенчатыми расчесами. Штриховка грубой керамики свойственна и непосредственному предку группы Грини – зарубинецкой верхнеднепровской группе типа Чечерск-Кистени (II в. до н.э. – I в. н.э.), испытавшей влияние культуры штрихованной керамики. Расчесы как основной прием декора грубой керамики перешли и на следующую стадию развития группы Грини – киевскую культуру верхнеднепровского варианта типа Абидня (III–IV вв.)

К этому следует добавить, что постепенной замене в поздnezарубинецко-киевской среде штриховки на гребенчатые расчесы способствовали, вероятно, и латенские стилистические традиции, и распространение в Восточную Европу вельбарской и пшеворской культур, одним из непеременимых элементов которых являлись костяные гребни, характерные позднее для черняховской культуры.

Расчесы характеризуются следующими обязательными отличительными особенностями (рис. 2, 3): а) узкие борозды в глине имеют одинаковую глубину и четкую форму – чаще подпрямоугольного сечения (следы уплощенных зубцов, рис. 6: 3), реже подтреугольного (следы заостренных, рис. 6: 6); б) расположены строго параллельно друг другу (в пределах одной полосы); в) сами полосы состоят из нескольких борозд (от двух до двух десятков). Эти признаки свидетельствуют о том, что расчесы наносились жестким гребенчатым штампом с тщательно обработанными узкими зубцами. Полосы расчесов, как правило, перекрещиваются между собой, иногда образуя орнаментальные ромбические композиции (рис. 2: 3, 4; 3: 1, 3–5, 7; 16: 8; 18: 6, 12). Часто расчесы наносились и по краю венчика (рис. 2: 1, 2, 4).

Для конкретизации представлений об инструментах, которыми наносились расчесы, проведено измерение ширины бороздок и промежутков (пропилов) между ними на керамике. Ширина зубцов колеблется от 0,6 до 1,1 мм (в единичных случаях – до 1,8); ширина промежутков – от 0,8 до 1,6 (редко – до 3,3). Отмечены характерные особенности отдельных эк-

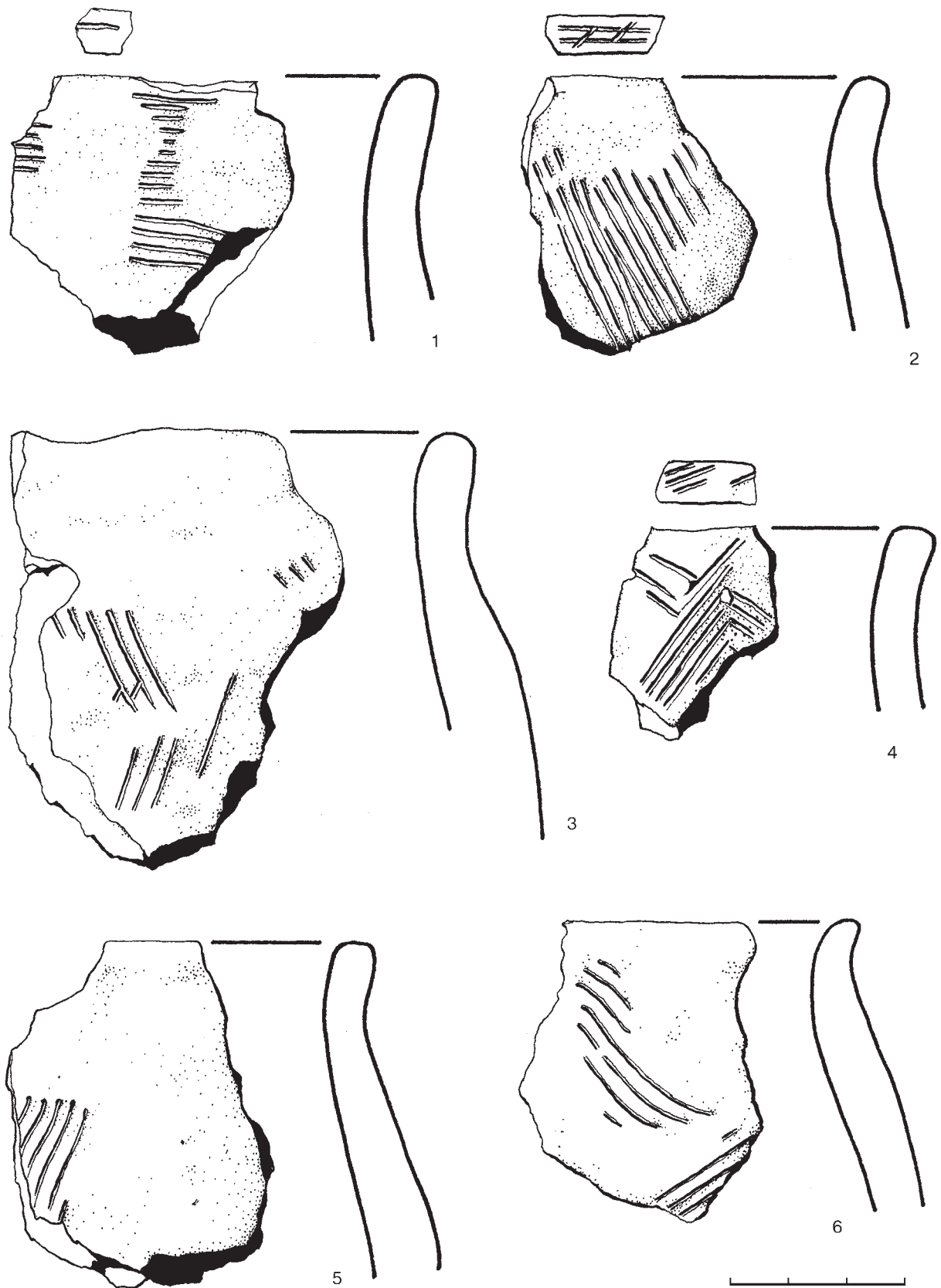

Рис. 2. Фрагменты керамики с расчесами. 1 – Некасецк, 2 – Ревячка, 3 – Городище, 4 – Бураково, 5 – Холм, 6 – Демидовка. Рисунки Е. И. Телишева по эскизам Н. В. Лопатина.

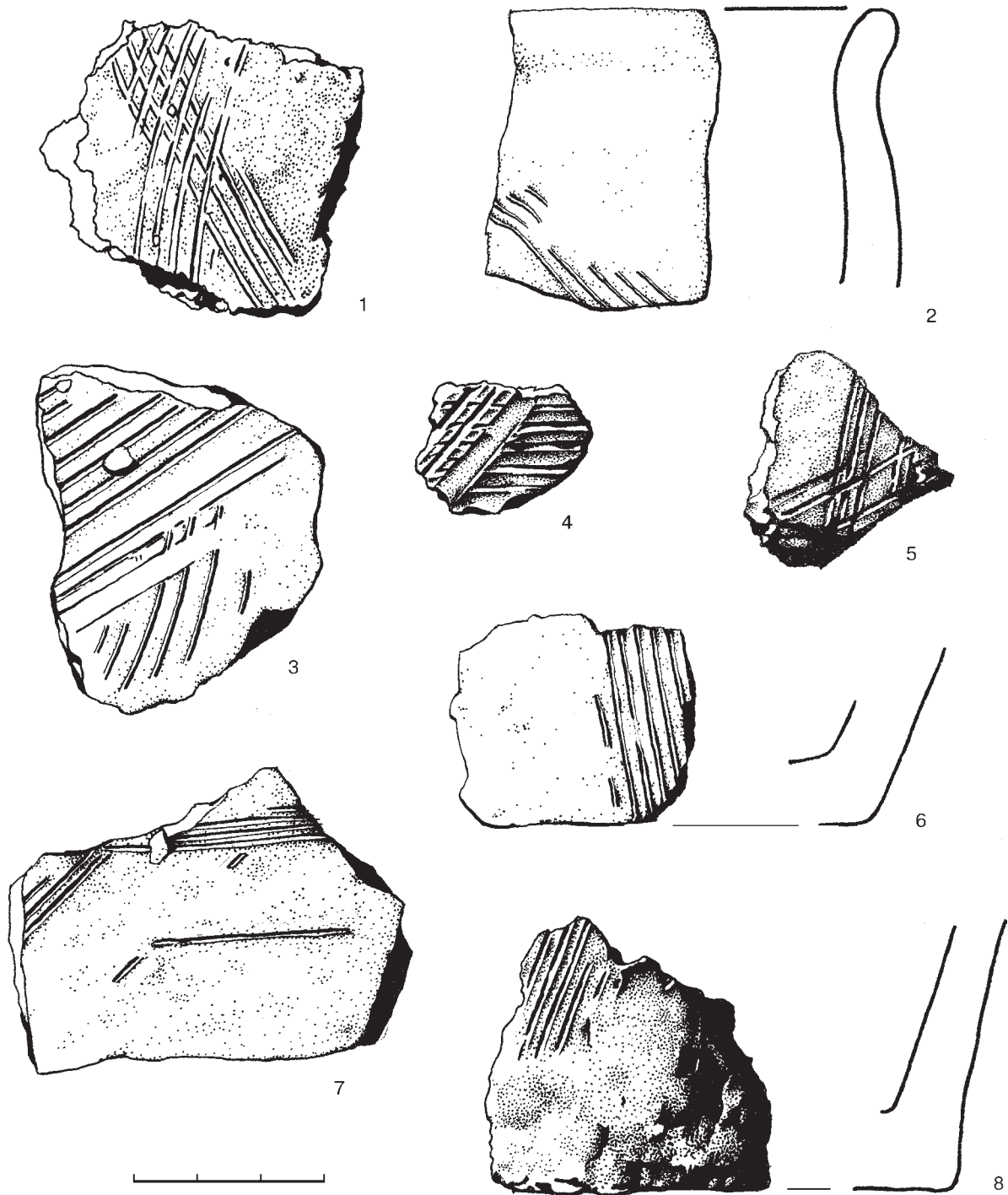

Рис. 3. Фрагменты керамики с расчесами. 1, 4–6 – Заозерье, 2 – Некасецк, 3 – Бураково, 7 – Ревячка, 8 – Подосинки. Рисунки Е. И. Телишева по эскизам Н. В. Лопатина.

земляров штампов: а) широкий (до 4 мм) крайний зубец, иногда со скошенным окончанием (Повалишино, Бураково, Заозерье, Абидня, Тайманово, *рис. 3: 3, 4; 6: 3*); б) выломанный один или несколько зубцов (Ревячка, Повалишино, Бураково, *рис. 3: 3, 5, 7*). Интересен гребень, которым орнаментировался сосуд из кургана в Повалишине (*рис. 6: 3*). По сопоставлению фрагментов его отпечатков на разных фрагментах сосуда выяснено, что последовательность зубцов была следующая: широкий зубец – 4

узких – 1 укороченный заостренный – 4 узких – 1 выломан – 2 узких – 1 выломан – 5 узких. Всего штамп состоял (первоначально) как минимум из 19 зубцов (с правой стороны отпечаток обрывается из-за фрагментарности керамики), из которых крайний был широким (4,4 мм), остальные имели уплощенные окончания и среднюю ширину 1,1 мм при ширине промежутков в среднем 1,2 мм. Из числа 18 узких зубцов к моменту орнаментации сосуда два оказались выломанными.

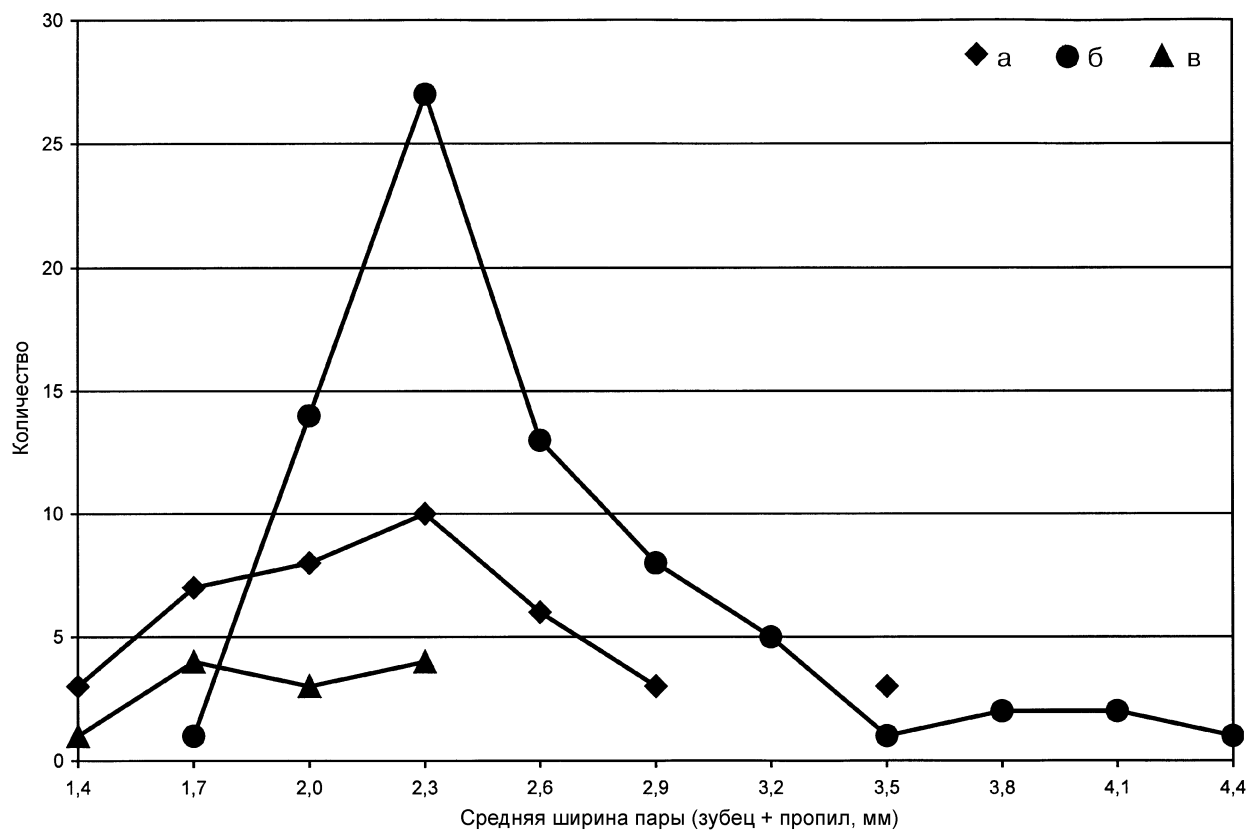

Рис. 4. Распределение значений средней ширины пары «зубец + пропи́л» (по расчесам и костяным гребням).

а – керамика поселения Абидня; б – керамика памятников круга Заозерье-Узмень; в – костяные гребни.

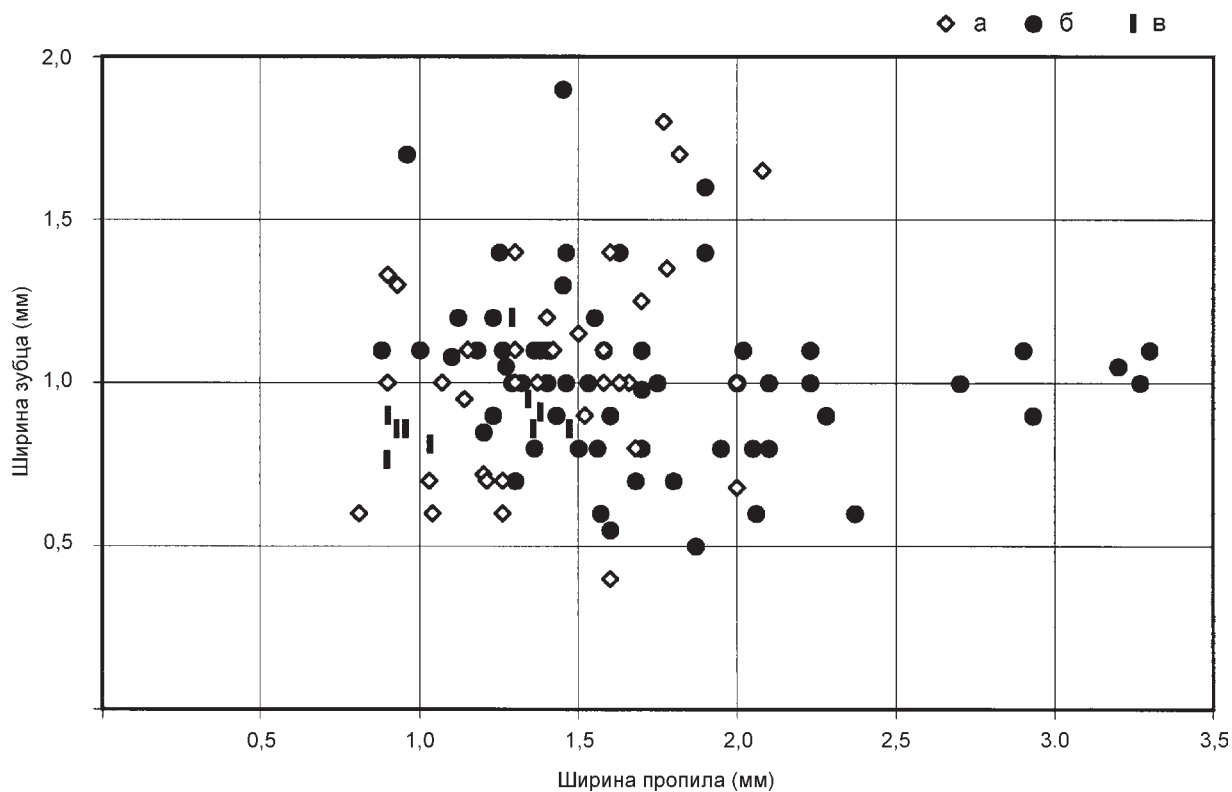

Рис. 5. Корреляция ширины зубца и пропи́ла (по расчесам и костяным гребням).

а – керамика поселения Абидня; б – керамика памятников круга Заозерье-Узмень; в – костяные гребни.

Перечисленные особенности нуждаются в тщательной фиксации. Упрощенная зарисовка и отсутствие подробного описания образцов искажает историю этого важнейшего элемента культуры. Точная прорисовка расчесов, особенно на целых сосудах, чрезвычайно трудоемка, поэтому следует отдать предпочтение качественной фотографической, в том числе цифровой, фиксации расчесов на керамике. Можно применять сканирование на планшетном сканере [Захаров 2001].

Вышеуказанные признаки позволили высказать предположение, что расчески наносились импортными костяными гребнями и их обломками [Лопатин 1995]. Для проверки этого предположения сравнивались параметры зубцов и промежутков (пропилы) в расчесах на керамике и у костяных гребней. Измерениям были подвергнуты 74 образца керамики с памятников круга Заозерье (Дедиловичи, Некасецк, Городище, Ревячка, Повалишино, Бельчица, Городок, Заозерье, Ермошино, Холм, Подосинки, Каменная Лава, Свиноухи) и 40 образцов с поселения Абидня, – а также 12 костяных гребней и их фрагментов: Лепесовка, Думаново, Журовка, 10-й Октябрь, Бовшев, Рипнев (последние два – по прорисовкам И. Г. Гавритухина). К настоящему времени основная часть этой керамики опубликована [Поболь, Ильюттик 2001; Поболь, Ильюттик 2002; Лопатин, Шмидт 2002; Лопатин, Штыхов 2002; Лопатин, Медведев 2002; Фурасьев 2002].

Для того, чтобы нейтрализовать факторы погрешности измерения отдельных зубцов, а также колебаний ширины зубцов и пропилов в пределах одного гребня, измерялась (штанген-циркулем) общая ширина расчеса и гребня (или отдельной секции последнего), которая затем делилась на количество пар «зубец+пропил» (рис. 4). В рамках зачения средней ширины пары на основе нескольких единичных измерений выяснялось соотношение зубца и пропила (рис. 5).

Для сопоставления расчесов на керамике с зубцами костяных гребней проверялось влияние усадки глины при высыхании на результаты измерений. Экспериментально изготовленный глиняный горшок был орнаментирован с помощью современной расчески, имевшей ширину 10 зубцов вместе с соответствующими промежутками 22 мм. Ширина расчеса этого же количества зубцов после полного высыхания изделия составила 21 мм, т.е. уменьшилась за счет усадки глины приблизительно на 4,5%. На основании этого наблюдения данные измерений зубцов гребней умножались на коэффициент 0,955. Последняя цифра весьма условна, поскольку усадка глины бывает разной. Так, известно, что для изделий из отмученной глины (которая, впрочем, не применялась для изготовления изучаемой грубой керамики с расчесами) усадка может достигать и более 10%. Однако даже и в этом случае параметры костяных гребней не вышли бы за пределы области параметров расчесов на графиках (рис. 4; 5).

Выяснилось, что распределение параметров расчесов на керамике поселения Абидня, с одной стороны, и памятников круга Заозерье, с другой, не тождественно (рис. 4). Пики этих распределений совпадают (мода вариационного ряда признака «ширина пары зубец+пропил» приходится на значение 2,30–2,59 мм). Несмотря на это, полигон для памятников круга Заозерье смещен вправо (в сторону больших значений), а для поселения Абидня – влево. Интерпретировать это различие позволяет сопоставление с полигоном распределения этого признака у костяных гребней (рис. 4: в). Левая часть полигона Абидни повторяет полигон гребней, а правая – полигон памятников круга Заозерье. Следовательно, по размерности расчесов керамика Абидни отчасти соответствует гребням с наиболее узкими зубцами и пропилами, а отчасти – совпадает с керамикой круга Заозерье.

На двухмерный корреляционный график выведены ширина зубца и ширина пропила по отдельности (рис. 5). Он более явно демонстрирует, что гребенчатые штампы, которыми наносились расчески на керамику, на фоне сходства качественных признаков делились на три основные размерные группы: 1) Мелкая (зубцы шириной 0,6–1,0 мм, промежутки 0,8–1,2 мм, пары менее 2,0 мм) – зафиксирована только в Абидне и находит соответствие в костяных гребнях из Журовки, Думанова и 10-го Октября. 2) Средняя (зубцы 0,8–1,3 мм, промежутки 1,3–1,6 мм, пары 2,1–2,9 мм) – наиболее многочисленная группа как из Абидни, так и памятников круга Заозерье, соответствует гребням из Лепесовки, Бовшева и Рипнева. 3) Крупная (зубцы 1,3–1,8 мм, промежутки 1,6–3,3 мм, пары 2,9–4,5 мм) – известна главным образом по памятникам круга Заозерье, причем соответствий в костяных гребнях пока не обнаружено; можно предполагать существование деревянных гребней с такими зубцами. Расчески с наиболее широкими промежутками, возможно, сделаны гребнями с зубцами, выломанными через один.

На рис. 6 приводятся изображения гребней разных стандартов и реконструкции гребней по отпечаткам зубцов на керамике.

Изложенные данные подтверждают, что часть расчесов могла наноситься костяными гребнями, поступающими из черняховского ареала, и их обломками. Находки костяных гребней черняховских типов на изучаемой территории известны в могильнике Тайманово (один из периодов Тайманова соответствует типу Абидня) и селище Кислые в Смоленском Подвинье (керамики с расчесами на данном памятнике, кажется, не найдено). Представляется, что приведенное выше сопоставление расчесов из Абидни и памятников круга Заозерье подтверждает предполагаемое проникновение костяных гребней на данную территорию с юга: их размерность гораздо лучше прослеживается именно в Абидне. Здесь же в расчесах гораздо чаще встречаются и отпечатки крайнего широкого зубца – восемь случаев в Абидне плюс

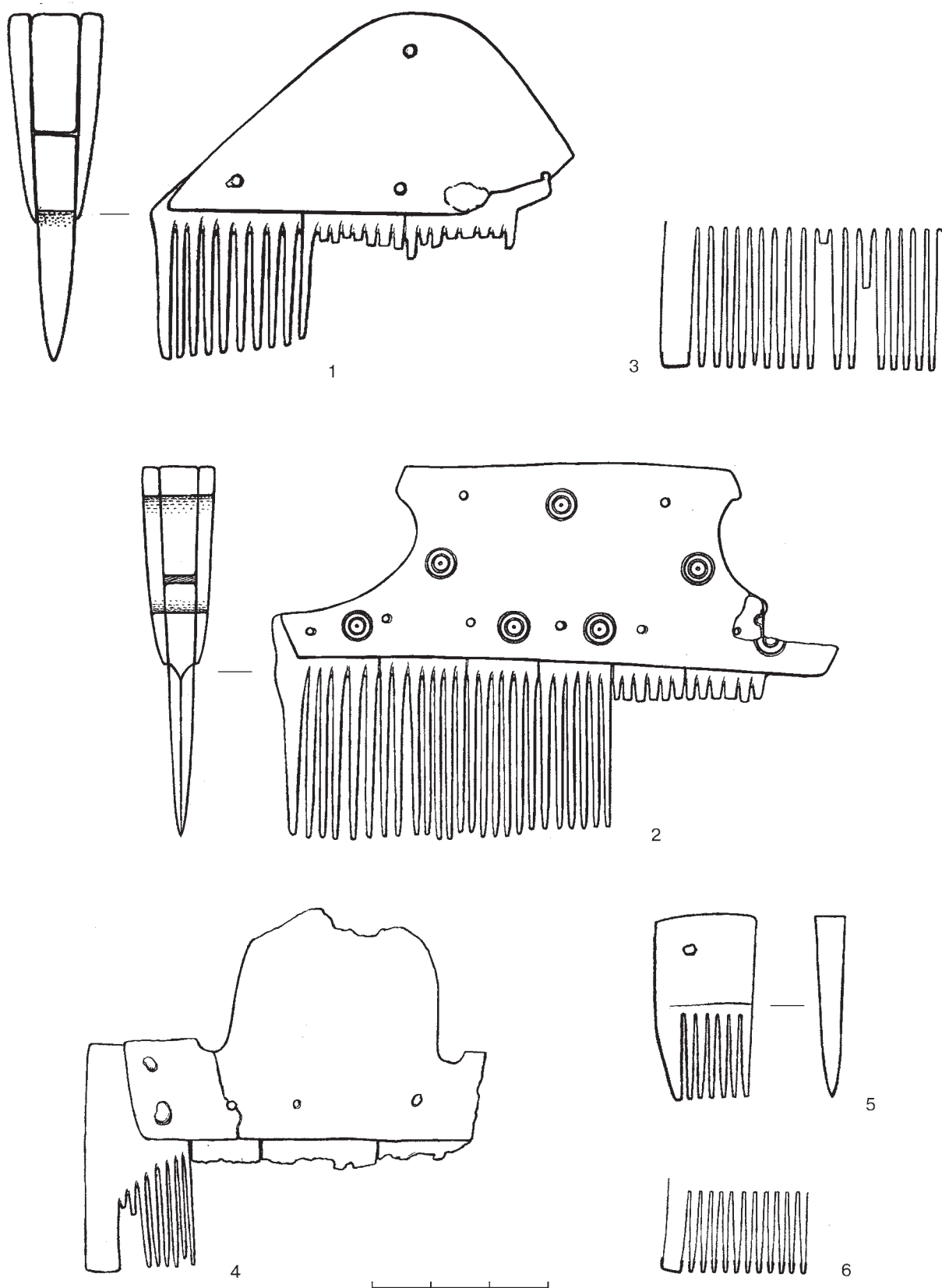

Рис. 6. Костяные гребни (1, 2, 4, 5) и реконструкции гребней по следам зубцов в расчесах на керамике (3, 6).

1-3 – средний стандарт, 4-6 – мелкий стандарт.

1, 2 – Лепесовка (ГЭ), 4 – Журовка (ГИМ), 5 – 10-й Октябрь, 3 – Повалишино, 6 – Абидня.

Рисунки Н. С. Сафроновой по обмерам и эскизам Н. В. Лопатина.

		Ермошино	Бельчица	Заозерье, к. 9, 11	Заозерье, к. 52
1) Всего фрагментов		1571	136	?	?
В том числе	2) Всего венчиков	76	28	47	139
	% от (1)	4,8	20,6		
	3) Всего фрагментов с расчесами	8	16	39	10
	% от (1)	0,5	11,8		
	4) Венчиков с расчесами	0	3	8	0
	% от (2)		10,7	17,0	
	% от (3)		18,8	20,5	

Рис. 7. Подсчеты соотношений керамики гладкостенной и с расчесами.

один в Тайманове против пяти на памятниках круга Заозерье.

Существенным является вопрос, какую долю в керамическом наборе может составлять керамика с расчесами. Таких данных довольно мало. На поселении Абидня в заполнении отдельных жилищ керамика с расчесами составляла в большинстве случаев от 8 до 16%, изредка меньше [Поболь, Ильютки 2001, с. 102–111]. По подсчетам О. Н. Левко, на селище Городок (Луговое) в трех раскопах эта доля была от 9 до 37% [Левко 2003, с. 167]. Непосредственно по музейным коллекциям проводить такие подсчеты, как правило, некорректно ввиду неизвестности принципов отбора керамики в коллекции, а также просто плохого их состояния. Все же для хранения обычно отбираются все найденные фрагменты венчиков лепной керамики. Это дает некоторую зацепку, поскольку известно, что расчесы, как правило, равномерно (хотя и с пробелами) покрывали весь сосуд сверху донизу. Поэтому следует предположить, что в каждой данной коллекции доля венчиков с расчесами среди всех венчиков должна быть равна доле сосудов с расчесами среди всех сосудов данного исходного керамического набора. Также должны совпадать доля всех венчиков среди всех фрагментов и доля венчиков с расчесами среди всех фрагментов с расчесами.

Это предположение проверялось на материале двух коллекций – селища Ермошино (раскопки Н. В. Лопатина) и селища Бельчица (раскопки Г. В. Штыхова). Для Ермошина подсчитано общее количество фрагментов керамики из заполнения углубленных сооружений. Это переотложенный слой, суммарно относящийся к выделяемым трем периодам поселения с лепной керамикой, но в то же время не затронутый средневековой и современной распашкой (в нем практически нет круговой керамики и других поздних артефактов). Заполнение углубленных объектов изучалось с тщательной ручной пе-

реборкой. Небольшая коллекция из Бельчицы производит впечатление взятой полностью: в ней присутствуют не только профилированные и декорированные фрагменты, но и фрагменты стенок вплоть до мелких. Получены следующие цифры (рис. 7).

В Ермошине фрагменты с расчесами составляют 0,5% от общего числа. Венчиков с расчесами нет совсем, как оно и должно ожидаться (0,5% от 76 – общего числа венчиков). Коллекция Бельчицы еще более убедительно показывает, что выдвинутые выше предположения о попарном совпадении процентных показателей справедливы (20,6 – 18,8; 11,8 – 10,7). Следовательно, данные, полученные по фрагментам венчиков из западного участка селища Заозерье (насыпи курганов 9, 11 и культурный слой под ними) можно считать справедливыми для керамического набора этого участка поселения в целом.

Таким образом, доля керамики с расчесами составляет на западном участке селища Заозерье 17%, на селище Бельчица 11%, а на селище Ермошино – 0,5%. Такой низкий показатель последнего объясняется, очевидно, не только малой характерностью такой керамики для этого памятника и «засоренностью» набора керамикой других периодов, но и сильной измельченностью черепков: дело в том, что при последовательном измельчении куска керамики, не полностью покрытого расчесами, появляется все больше мелких фрагментов без декора. Этот же фактор, несомненно, обусловил и низкую долю всех венчиков среди всех фрагментов в Ермошине (около 5% против 20% в Заозерье и Бельчице). Совпадение последнего показателя в Заозерье и Бельчице объясняется сходными условиями формирования культурных слоев (консервацией участков слоя перекрывшими их курганными насыпями), в результате чего сохранились относительно крупные фрагменты керамики. Можно предположить, что показатели Бельчицы и западного участка Заозерья относятся также к восточному участку последнего (слой под насыпью

кургана 52), и 139 фрагментов венчиков составляют 20% от общей массы керамики. Из этого получается, что доля керамики с расчесами здесь очень мала (10 фрагментов или 1,4%), и этот участок поселения по набору керамики кардинально отличается от западного участка.

Стилистические группы лепной керамики I тысячелетия н.э. в Днепро-Двинском регионе

Для изучаемого периода (вторая четверть I тыс. н.э.) характерны главным образом стили V, VI, VII, VIII. Они находят продолжение в следующем периоде (V–VII вв.), а возможно, и в поздней груболепной керамике VIII–X вв. (тип 10, входящий в стилистическую группу IX). Впрочем, вопрос генезиса форм типа 10, наиболее характерных для Северо-Запада в конце I тыс. н.э., далеко выходит за пределы нашей темы.

Выше обосновано, что стилистические группы (стили) – более высокий (по сравнению с типами) уровень группировки керамического материала, основанный на наиболее общих признаках такого сходства, которое объясняется в первую очередь причиной родства традиций гончарства.

Общая стилистическая особенность всей груболепной керамики киевской культуры – плавно изогнутая верхняя часть профиля с отогнутым наружу венчиком. Лишь некоторые ребристые формы в крайних проявлениях имеют абсолютно прямой или изломанный верх, не составляя в большинстве случаев отдельной стилистической группы. В следующем разделе представлена типология форм для стилей V–VIII.

Стилистические группы I, II, III, IV (I–III вв. н.э.) и IX (VIII–X вв.) в основном инородны для изучаемого круга древностей Заозерье-Узмень. Рассмотрение их необходимо, во-первых, для обоснования выделения из смешанных открытых комплексов, содержащих также керамику III–V вв., и во-вторых, для изучения проблем взаимовстречаемости и возможного участия отдельных групп керамики начала н.э. в генезисе последней. Типология (т.е. более детальный анализ) керамики этих стилей (I–IV, IX) не была здесь актуальной и не разрабатывалась. Замечу, что керамические материалы культур раннего железного века изучаемого региона в начале н.э. (штрихованной керамики и днепро-двинской) представляются в литературе довольно монолитными массивами, в которых выделяемые типы близки между собой [Шмидт 1992, с. 92, Митрофанов 1978, с. 31; Шадыро 1999, с. 193; Егорейченко 1999б, с. 129]. Это, вероятно, во многом соответствует реальности и свидетельствует об устойчивом состоянии традиций гончарства в этих культурах. Применение к этим древностям понятия стиля происходит вполне естественно.

Для днепро-двинского региона в I тыс. н.э. выделяются нижеследующие керамические стили и их варианты (вероятно, список является открытым).

Стиль I. Позднештрихованный «классический» (рис. 8: 1, 2).

Горшки с ребром в верхней трети высоты; венчик прямой, наклоненный внутрь, изредка поставлен вертикально или слегка отогнут. Тулово – в виде усеченного конуса. Нижняя часть (от ребра) покрыта штриховкой, венчики чаще всего не штриховались. Довольно обычна дополнительная орнаментация – защипы, ямки, нарезки и др.

К концу существования культуры появляются сглаженные ребра и слабопрофилированные сосуды, пропадает орнамент и сама штриховка [Егорейченко 1999б, с. 129–130]. Примером такой керамики признается набор городища Васильковка [Митрофанов 1978, с. 32]. В материалах этого памятника действительно наряду с классической позднештрихованной присутствует гладкостенная слабопрофилированная (рис. 8: 3). Однако эта наипозднейшая группа керамики крайне плохо известна. Она мало опубликована, нет подробных данных о стратиграфических соотношениях ее с керамикой классического позднештрихованного стиля, не исследовался вопрос о возможном заимствовании моды на гладкостенную слабопрофилированную керамику в это время извне. Поэтому в настоящее время можно лишь ограничиться констатацией «классического» стиля, оставляя вопрос о «позднештрихованном слабопрофилированном» стиле открытым.

Стиль II. Днепро-двинский.

II-A. Слабопрофилированный (рис. 8: 4, 5). Керамика гладкостенная, грубая, плавного профиля, с расширением в верхней половине или трети. Иногда подразделяется на типы [Шадыро 1999, с. 193], которые имеют черты стилистического сходства между собой, отличаясь в основном невыделенностью или слабой выделенностью короткого венчика (бывает вогнутый, прямой или отогнутый), вариантами его оформления. Толщина стенок в основном 4–6 мм. Перечисленные признаки характерны и для других культур эпохи раннего железа лесной зоны Восточной Европы, в частности, для дяковской. Особенностью западного варианта днепро-двинской культуры является орнаментация керамики сквозными проколами или ямочными вдавлениями под краем, а также узкими прямыми линиями (нарезными, прочерченными или вдавленными – см. выше), расходящимися от отверстий и перекрещивающимися.

Некоторые экземпляры слабопрофилированной керамики, сходные с посудой культур середины – третьей четверти I тыс. н.э. и причисляемые иногда к днепро-двинской культуре, происходят из верхних слоев городищ, где есть горизонты более позднего времени. Так, реконструированная целая форма из городища Зароново, опубликованная у В. И. Шадыро [Шадыро 1999, мал. 62: 16], в отчете о раскопках К. П. Шута [Шут 1964-О, рис. 22] приводится как ха-

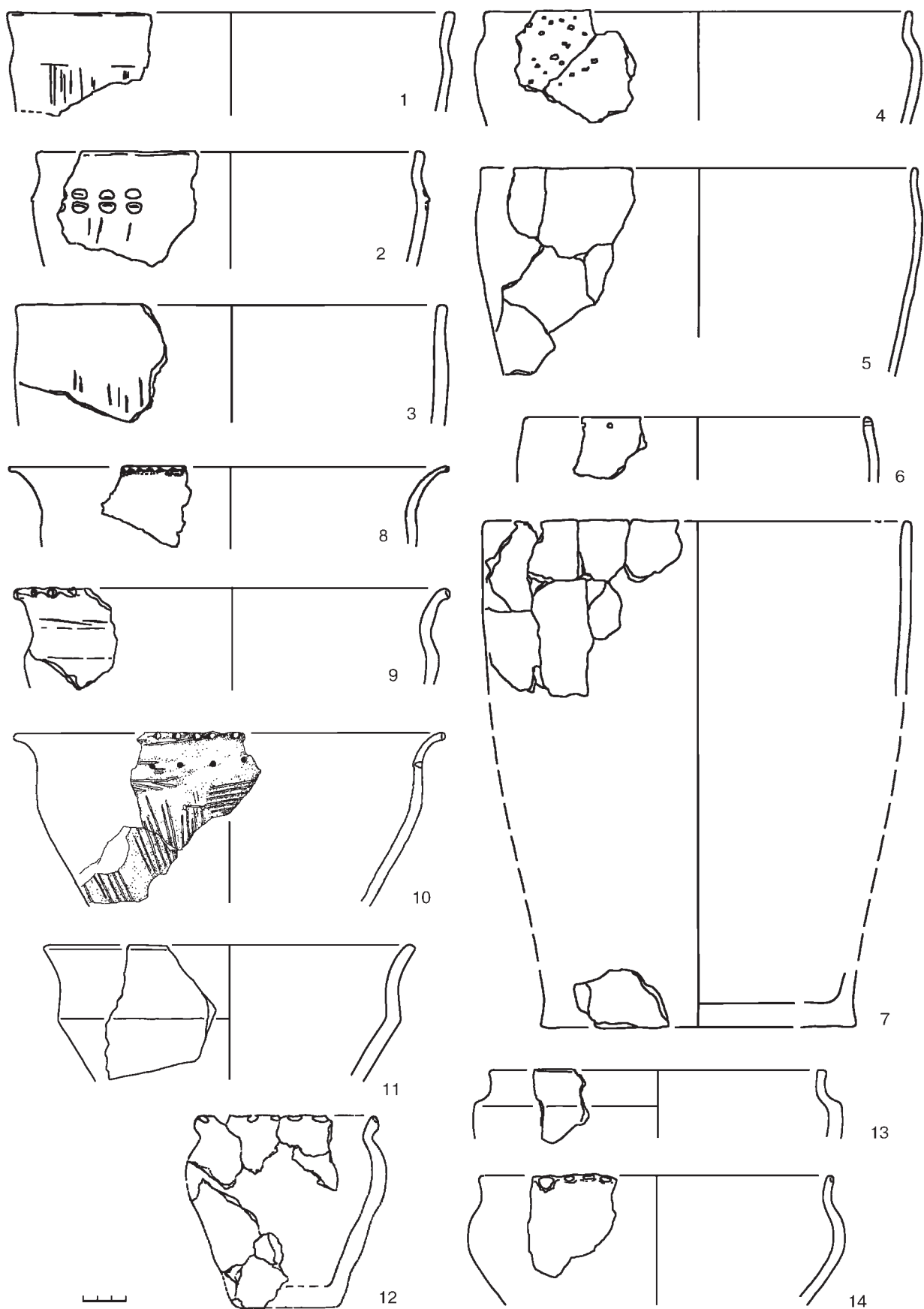

Рис. 8. Примеры керамики стилей I (1-3), II (4-7), III (8-10), IV (11) и IX (12-14).
 1-3 – Васильковка; 4 – Заозерье (восточный участок); 5 – Анашкино; 6 – Фролы; 7 – Каратай; 8, 10 – Деми-
 довка; 9 – Яново; 11 – Абидня; 12 – Ерможино, погр. 1; 13, 14 – Подосинки.

рактёрный экземпляр посуды 3-й группы, отличающейся от керамики днепро-двинской культуры толстостенностью и широкогорлостью и происходящей только из верхнего горизонта городища и культурного слоя близлежащего селища. Таким образом, эта керамика принадлежит другому набору и не нарушает единства стиля, так же как и небольшое количество фрагментов с городищ Подвинья, имеющих штрихованную и текстильную поверхность.

В восточной части ареала днепро-двинской культуры (днепровский или смоленский вариант) керамика варианта ПА отличается главным образом отсутствием (точнее, большой редкостью) орнаментации. Небольшую серию составляют только сосуды с отпечатком перевитого шнура на изгибе венчика. В целом восточный днепро-двинский стиль производит впечатление еще большего однообразия (почти безраздельное господство стиля ПА), чем западный. Стандартность не нарушается и выявленными Е. А. Шмидтом хронологическими изменениями технологических признаков [Шмидт 1963а, с. 155–158].

II-Б. Непрофилированный (рис. 8: 6, 7). Формы исключительно с вертикальными стенками верхней части, прямым или слегка загнутым внутрь краем (называемые часто банковидными). Край часто приплюснут при выравнивании, в результате чего образуются локальные (не по всей окружности) наплывы глины с внутренней (рис. 37: 9–11) или внешней (рис. 64: 7а) стороны. Среди керамики варианта II-Б выделяется группа более толстостенной (рис. 8: 7; 37: 1–3) по сравнению с основной массой керамики стиля II (толщина стенок 5–8 мм). Поверхность может быть довольно ровной, даже «замытой» [Короткевич 1989, с. 11], но встречается и очень грубая, бугристая. Иногда покрыта вертикальной штриховкой, как на городище Подгай [Станкевич 1960, рис. 36: 6; 37: 3]. Наиболее чистый комплекс получен на городище Каратай, где, на основании отсутствия ранней, в первую очередь сетчатой, керамики, известной на этой территории, он отнесен к заключительной фазе днепро-двинской культуры и датирован III–IV вв. [Минасян 1980, с. 47]. С этим согласуются данные по селищу Ермошино, где развалы сосудов стиля II-Б найдены в комплексе постройки 1, датирующейся, скорее всего, IV в. н.э., а также по селищу Фролы (в слое рубежа IV–V вв.). Данные В. И. Шадыро по территории Подвинья дают иную картину: керамика сходных форм там наиболее характерна для нижних слоев городищ [Шадыро 1999, с. 193]. В восточном ареале культуры вариант II-Б встречается редко [Шмидт 1963а, с. 153, 154].

Стиль III. Зарубинецкий груболепной.

III-А. Гладкостенный (рис. 8: 8). Профилированные, часто S-образные горшки, венчик плавно, но сильно отогнут наружу. Диаметр края чаще превышает диаметр перегиба тулова или равен ему, реже бывает меньшим. Край обычно украшен насечками, нарезками или ногтевыми вдавлениями. Реже подобная орнаментация располагается и на уровне наибольшего расширения тулова.

III-Б. Штрихованный (рис. 8: 9, 10). Отличается от предыдущего штриховкой поверхности. По-видимому, для этого стиля более, чем для варианта III-А, характерны сосуды с намеченным ребром на месте наибольшего расширения тулова (рис. 40: 12, 13). Обращая внимание на эту особенность, Е. А. Шмидт видит в этом свидетельство влияния культуры штрихованной керамики [Шмидт 1999б, с. 39]. Вероятно, это так и есть, но данное влияние вряд ли происходило в Смоленском Поднепровье, поскольку все перечисленные признаки в единстве характерны для зарубинецкой группы типа Чечерск-Кистени, сформировавшейся в начале н.э. в Могилевском Поднепровье и Посожье [Обломский, Терпиловский 1991, с. 99, рис. 26]. Косвенным признаком, обособляющим два стиля зарубинецкой грубой керамики, является их редкая взаимовстречаемость и вообще различие ареалов в коренном регионе Белорусского Поднепровья [Обломский, Терпиловский 1991, с. 97, рис. 25].

В Верхнем Поднепровье и Подвинье стиль III обоих вариантов является отличительной особенностью памятников типа среднего слоя Тушемля (характеристику этой культурной группы см. в главе 3).

Общие приемы декора стиля III (насечки и вдавления по краю) наследуются керамикой поздnezарубинецкого периода и постепенно изживаются в киевской культуре. Отдельные, вырванные из контекста, отогнутые венчики с насечками стиля III могут относиться не только к зарубинецкому времени, но также к поздnezарубинецкому или к раннекиевскому кругу культур (следы последнего незначительны, см. ниже).

Стиль IV. Зарубинецкий лощеный (рис. 8: 11; 9: 11; 23: 1–3).

Здесь относится столовая лощеная посуда зарубинецкой культуры, главным образом миски. Стиль наследуется некоторыми группами поздnezарубинецкой культуры и в меньшей степени киевской. Две группы зарубинецкой культуры Верхнего Поднепровья – типа Горошков-Чаплин и типа Чечерск-Кистени – различаются по степени характерности лощеной посуды: на последних ее мало. В какой-то мере эта закономерность справедлива и для днепро-двинского региона: относительно представительные серии лощеных мисок (несколько десятков фрагментов) известны на памятниках, гипотетически увязываемых с типом Горошков-Чаплин (Тушемля, Демидовка). Единичные экземпляры мисок стиля IV происходят в днепро-двинском регионе с памятников III–V вв. (Ермошино, Каменная Лава, Слобода-Глушица). К этому же стилю можно относить экземпляры мисок без лощения, но отличающиеся тонкой формовочной массой (например, Полибино, рис. 41: 8).

Стиль V.* Поздnezарубинецко-киевский западный (объединяет типы 1, 2, P-1).

Все сосуды имеют относительно высоко (в верхней трети) расположенный перегиб тулова. Из-за

* Типологию керамики стилей V–IX см. ниже.

этого формы с ребром и без ребра близки между собой. Часто присутствует декор нескольких видов.

На близость типов 2 и Р-1 указывают Р. В. Терпиловский и Н. С. Абашина [Терпиловский, Абашина 1992, с. 47]. Преобладание этих типов характерно для позднезарубинецких и раннекиевских памятников Верхнего Поднепровья, некоторых памятников нижнего Подесенья и отчасти Среднего Поднепровья (рис. 9: 5, 7–10) [Терпиловский, Абашина 1992, с. 53, рис. 13]. Стиль V ведет свое происхождение от зарубинецкого стиля III-A (тип Чечерска).

V-A. Ранний – тип Грини. Ведущие типы – 2 и Р-1. Характерна орнаментация насечками и вдавлениями по краю, расчески и штриховка по поверхности. Датируется II – началом III в.

V-B. Поздний – тип Абидня. Является дальнейшим развитием стиля V-A. Варианты V-A и V-B соответствуют двум хронологическим группам памятников верхнеднепровских традиций, специфика которых намечена А. М. Обломским [1996а, с. 26–32]. В наборе Абидни преобладающими становятся более закрытые формы типов 1, 2а и Р-1а. Датировка – вторая половина III – начало IV в. (вероятно, весь IV в.). Наиболее южными памятниками, по А. М. Обломскому, являются Верхнестриженское-3 и Мена-5 (Нижнее Подесенье). Нам представляется, что весьма близки им также некоторые памятники Среднего Поднепровья, в частности Казаровичи и Глеваха.

Вариант V-B сохраняет архаичные элементы декора, связанные с зарубинецким наследием – штриховку (есть и расчески), насечки и вдавления по краю. Наряду с этим более обычной становится керамика без декора или только с гребенчатыми расчесами по поверхности и краю. В материалах поселений Абидня, Верхнестриженское-3 и более южных памятников киевской культуры все эти стилистические мотивы существуют. Однако известны и наборы, в которых отсутствуют архаичные элементы декора – на селище Барсуки (рис. 151–153) и более северных памятниках типа Заозерье. В Подвинье есть несколько пунктов, где отмечена керамика стиля V-B с архаичными элементами декора – Городок, Рудня (рис. 141), Заболонье (рис. 103: 1, 2, 6), Подосинки (рис. 98: 6, 10; 100: 9). Недавно несколько пунктов с подобными материалами открыты на правом притоке Днепра – р. Одров – в Оршанском районе Витебской области. Представляется, что они маркируют продвижение традиций типа Абидня в направлении Подвинья.

Обычно считается, что керамика, выделенная здесь в стиль V, характерна только для начальных периодов киевской культуры. Однако в более северных регионах (Абидня и севернее) ее история длиннее – по крайней мере, до 3-й четверти I тыс. н.э. Здесь развитие характерных керамических форм продолжается, несмотря на почти полную потерю декора. Очевидно, реминисценции форм стиля V представлены на селище Жабино (рис. 45: 1, 2, 4, 5) и некоторых других памятниках времени псковских длинных курганов в верховьях Ловати и Великой.

Стиль VI. Киевско-колочинский восточный. Представлен типами 3, 4, Р-2, Р-3, т.е. формами с расширением около середины высоты (в средней ее трети). Орнаментация и декоративная обработка поверхностей не характерна, однако на памятниках Подвинья расчески изредка наносились и на эти формы (рис. 16: 8; 17: 8), что обусловлено, скорее всего, смешением традиций.

Перечисленные типы объединяются плавной вытянутостью верхней части по вертикали. Они появляются в восточной части ареала киевской культуры начиная с предшествующего – позднезарубинецкого – времени (памятники типа Картамышево-Терновка) и затем неуклонно развиваются вплоть до рубежа 3-й–4-й четвертей I тыс. н.э. (колочинская и пеньковская культуры), расширяя свою территорию в северном и западном направлениях (Поднепровье и Подесенье). В виде деснинского варианта киевской культуры появление их в Верхнем Поднепровье (Гудок, Тайманово) отмечает А. М. Обломский [Обломский 1996а, с. 29].

Таким образом, намечаются два широко распространенных стиля, характерных для киевской культуры и связанных с ней древностей, – **стили V и VI**. Для первого из них характерна более сильная профилировка за счет сдвинутой перегиба тулова вверх. Заметна (особенно в раннекиевское время) их географическая приуроченность: стиль V характерен для западных регионов киевской культуры (Поднепровье), стиль VI – для территорий к востоку от Днепра – ср.: [Терпиловский, Абашина 1992, с. 53, рис. 13].

Появление керамики обоих стилей в Подвинье относится к III в. н.э., но в рамках этого столетия стиль V, вероятно, отмечается несколько раньше (подробнее см. ниже в разделе о периодизации).

Стиль VII. Северо-западный ранний (середина I тыс. н.э.) – типы 7–9, 11, Р-4. Груболопная керамика слабопрофилированных форм с перегибом тулова чаще всего в верхней трети высоты. Здесь объединена керамика, стилистические особенности которой обнаруживают две тенденции: во-первых, некоторое огрубление плавной профилировки форм керамики киевской культуры стилей V и VI; во-вторых, усиление профилировки верхнего края сосудов, занимающего незначительную часть общей высоты формы. Обе тенденции можно связывать с участием традиций, представленных стилем II (днепро-двинской культуры). В целом можно говорить о постепенной перестройке стилистической системы керамики, происшедшей на Северо-Западе в середине I тыс.

В 3-й четверти I тыс. н.э. стиль VII характерен для древностей типа Тушемли и Банцеровщины, а также для культуры псковских длинных курганов. Поэтому для уточнения истории стилей керамики Северо-Запада в середине – второй половине I тыс. н.э. необходимо более подробное изучение материалов 3-й четверти I тыс. н.э. Отчасти эта работа уже делается [Лопатин 2003; 2005]. Судя по некоторым датированным ранним находкам (Ермошино I, постройка 1),

Рис. 9. Керамика киевской культуры в Среднем Поднепровье и Подесенье.
 Стили IV (11), V-Б (5, 7–10), VI (1–4). 1 – Мезин; 2, 4 – Лавриков Лес; 3 – Вишенки;
 5 – Верхнестриженское-3; 6–9 – Глеваха; 10, 11 – Гочевы-1 (по: [Терпиловский, Абашина, 1992]).

развитие стиля VII (а именно появление типа 7) начинается уже в III–IV вв. при взаимодействии традиций киевской и днепро-двинской культур.

Стиль VIII. Крупные сосуды улучшенной выделки. По форме это в основном широкие горшки или горшки-миски. В любом случае они четко отличаются от мисок стиля IV – и относительно высокими пропорциями, и крупными размерами. Имеют соответствия в нескольких формах грубой посуды стилей VI, VII и редкой формы типа 6. Двойственное положение этих сосудов в системе стилей отражено в их обозначении здесь двумя римскими цифрами.

VIIIa(VI) – формы соответствуют стилю VI. Главным образом, это типы P-2 и P-3 с валиком на ребре. Валик оттянутый (не налепной). Характерна улучшенная (по сравнению с округлободыми формами этих же наборов и по сравнению с ребристыми горшками других территорий) выделка: относительно мелкая (до 3–4 мм) примесь в формовочной массе, выглаженная (иногда лощеная) поверхность. Последние признаки позволяют выявлять в общей массе керамики фрагменты, не сохранившие ребра. Вариант возникает не позднее V в. (датировка верхнего слоя городища Демидовка). Стиль весьма распространен: он зафиксирован на ряде городищ (Акатово, Близнаки, Лахтеево) и селищ (Заозерье и др.) Смоленщины, а также на более поздних городищах оршанского и могилевского Поднепровья (Кисели, Черкасово – *рис. 50: 2*, Вежки, Никодимово), датирующихся в том числе VII в.

В наборе верхнего слоя Демидовки известен лощеный вариант сосудов типа 3 (округлободых) (*рис. 16: 13*).

VIIIб – тип 6. Три экземпляра происходят из верхнего слоя городища Тушемля (*рис. 50: 14*).

VIIIв(VII) – тип P-4 с валиком на ребре. Серия экземпляров происходит с селища Узмень. Отличается от стиля VIIIa пропорциями форм. Кроме того, изредка (по крайней мере один случай на селище Узмень – *рис. 129: 7*) валик налепной. Судя по пропорциям верхних частей (целые формы для второй четверти I тыс. неизвестны), тяготеет к ребристым формам типа P-1 с расширением в верхней трети. Представление о целых формах, вероятно, дает более поздняя керамика культуры псковских длинных курганов (*рис. 47: 3, 5*).

Стиль IX. Северо-западный поздний (4-я четверть I тыс. н.э.).

Толстостенная грубая керамика с коротким выделенным венчиком, коротким крутым плечом (*рис. 8: 12–14*) и возможным декором (оттиски «палочки с намотанной веревочкой» по краю и зигзагообразно по плечу, вдавления подушечкой пальца по краю). Иногда крутой перегиб тулова оформляется в виде ребра. Стиль характерен на рассматриваемой территории для культуры смоленско-полоцких длинных курганов, а также ранних поселений и курганов эпохи Древней Руси. Типология керамики разработана слабо, наборы рассматриваются в литературе, как

правило, суммарно. Дальнейшее изучение должно дать ответ на весьма важный вопрос: в какой мере появление керамики стиля IX обусловлено развитием местных форм стиля VII, а в какой – внешними влияниями – со стороны южных культур VII–VIII вв.

Типология керамики III–VII вв. (стилей V–IX)

В данном разделе представлена более подробная характеристика керамики памятников круга Заозерье-Узмень (входящей в стилистические группы V–VIII) и стиля IX.

История развития керамических наборов Верхнего Поднепровья и Подвинья в III–V вв. н.э. – это история замещения традиций эпохи раннего железа новыми традициями, сопоставимыми с разными вариантами традиций киевской культуры (*рис. 9*). Оговоримся сразу, что это положение вовсе не равнозначно утверждению о вытеснении, замещении соответствующего населения. Вопрос о механизмах замещения керамических традиций, к которому можно лишь подойти на основе углубленного изучения самого материала, будет затронут ниже. Кроме того, удастся выделить ряд вариантов керамических форм середины – третьей четверти I тыс. н.э., в которых ощущается наследие традиций местного раннего железного века.

Исходя из такого понимания сущности процесса, разрабатываемые подходы опираются в первую очередь на принципы и типологии, выработанные для материалов позднезарубинецкой, киевской и колочинской культур [Горюнов 1981; Терпиловский 1984; Обломский, Терпиловский 1991 и др.]. Имеющийся в нашем распоряжении материал отличается от использованного в перечисленных работах фрагментарностью и малочисленностью, а кроме того, разумеется, имеет локальные особенности. На первом этапе сопоставления керамики днепро-двинского региона с материалами киевской культуры необходимо учитывать последние в целом – с тем, чтобы на втором этапе выделить наиболее перспективные для такого сопоставления локальные варианты. Поэтому для сравнительного анализа была взята за основу типологическая схема, представленная в сводной работе по киевской культуре [Терпиловский, Абашина 1992, с. 46] (*рис. 10*). Данная типология основана на многолетнем изучении данных древностей авторами, сочетает в себе качества широты охвата (учитывает многообразие локальных вариантов), обобщенности (не злоупотребляет детализацией, уместной в региональной работе) и логической четкости (последнее качество, однако, в большей мере свойственно графической таблице, чем словесным описаниям типов). Благодаря перечисленным качествам типология Терпиловского – Абашиной позволяет легко визуально диагностировать ведущие керамические формы, не прибегая к формально-количе-

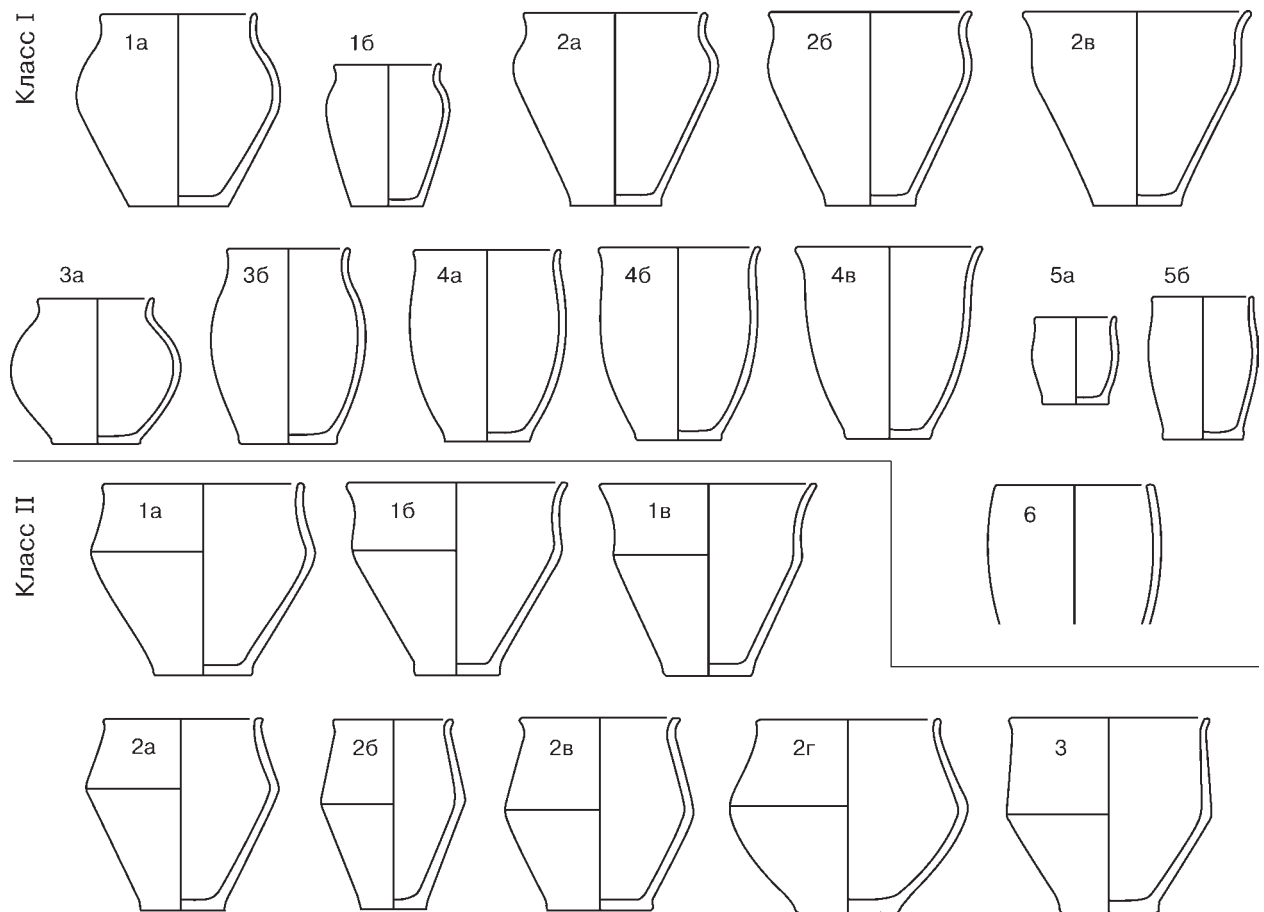

Рис. 10. Типология горшковидных сосудов киевской культуры.
(по: [Терпиловский, Абашина 1992, с. 46])

ственным критериям. Без изменений принята типология мисок, поскольку посуды этой категории в нашем распоряжении крайне мало.

Тем не менее, применение указанной типологии к материалам (горшковидным сосудам) Верхнего Поднепровья и Подвинья выявило ряд ее особенностей, подлежащих корректировке. Отчасти они связаны с локальной спецификой, а отчасти – с некоторыми недостатками структуры самой типологии и неоднозначности дефиниций отдельных типов. К сожалению, в книге Р. В. Терпиловского и Н. С. Абашиной нет типологических определений конкретных опубликованных сосудов, поэтому нельзя быть до конца уверенным в адекватном понимании каждого типа при использовании этой типологии другими исследователями. В нашей книге мы стараемся восполнить этот недостаток, тем самым уточняя наше понимание выделяемых типов.

В результате при сохранении нумерации типов в исходную схему внесены следующие изменения (рис. 11).

1) Не применяется в качестве основополагающего деление всех горшковидных сосудов на два класса – с плавным профилем и ребристых. Дело в том, что ребристые сосуды в изучаемом массиве весьма различны, имеется множество переходных со-

стояний между наличием и отсутствием ребра. Часть ребристых сосудов, имеющих сглаженные и слегка намеченные ребра, непосредственно примыкает к соответствующим по пропорциям округлобким формам, на что указывают и авторы типологии [Терпиловский, Абашина 1992, с. 47]. Размытие границы между ребристыми и округлобкими формами характерно для керамики с расширением в верхней трети, поскольку из-за сжатости верхней части неизбежно усиливается ее профилировка у сосудов с плавным профилем. В свою очередь, растянутость элементов профиля по вертикали у сосудов с перегибом на середине высоты приводит к тому, что часть таких ребристых сосудов могут быть признаны округлобкими. Примеров сомнительных отнесений сосудов к округлобким и ребристым в литературе по киевско-количинской проблематике очень много.

Иными словами, классы ребристых и не имеющих ребра во многих случаях обнаруживают внутри себя более существенную разнородность, чем между собой. Отмечу, что реальные взаимосвязи типов между собой выявляются авторами разбираемой типологии и другими исследователями на следующем этапе работы – при изучении процентного соотношения форм в комплексах.

В связи с этим при нумеровании типов нами не применяются римские цифры, обозначающие классы, а во избежание дублирования номеров типов для ребристых сосудов перед номером ставится буква «Р» (соответствует классу II исходной типологии).

2) Изменены описания типов, с тем чтобы приблизиться к последовательности и однозначности дефиниции каждого типа. С этой целью основной акцент в дефинициях перенесен на один признак – пропорции верхней части: растянутые по вертикали верхние части сосудов в большинстве случаев относятся к целым формам с расширением в середине высоты, а сжатые (низкие) – к сосудам с расширением в верхней трети. Второй по значимости признак – характер перегиба тулова (плавный/ребристый). Вспомогательная роль отводится другим признакам – характеру профилировки верхней части (признаки прогнутости/прямизны, выделенности и длины шейки), форме и пропорциям нижней части сосуда, размерности (различение горшков средних размеров и корчаг).

3) На материалах территории Верхнего Поднепровья и Подвинья выделяется ряд типов и вариантов, которые хотя и примыкают к исходной типологии, но составляют отдельные варианты и могут тяготеть сразу к нескольким типам, т.е. формально представляют собой переходные формы. Безоговорочное включение их в имеющиеся типы было бы насильем над материалом. Они добавлены к исходной типологии под номерами 7–11 и Р-4.

4) В таблицу не включены типы и варианты, которые не диагностируются по фрагментарному материалу, а также не представлены в изучаемом регионе – 2а, 3а, 5, 1в, Р-1в, Р-2а, Р-2б, Р-2г (подробнее об этих вариантах см. в описаниях типов).

5) Новая типологическая схема разделена на три модификации для керамики разных степеней сохранности (рис. 11–13). Как известно, большинство вышперечисленных типологий создано для верхних частей сосудов, точнее, для форм, реконструированных от верха до перегиба (наибольшего расширения) тулова. На деле это зачастую оборачивается тем, что верхние части сосудов рассматриваются сквозь призму представлений о соответствующих целых формах, а мелкие фрагменты не участвуют в типологиях вовсе. Не свободна от этих недостатков и взятая здесь за основу схема Терпиловского – Абашиной.

Конечно, типология тем надежнее, чем более полную информацию об объектах имеет исследователь. Однако мы лишены возможности выбора объектов на основе степени их сохранности. На памятниках Верхнего Поднепровья и Подвинья мелкие фрагменты керамики составляют, как правило, значительную долю материалов, и пренебрегая ими, можно остаться вообще без источника. В этой ситуации более корректным подходом является не подгонка фрагментов к гипотетическим целым формам, а разработка отдельных модификаций типологии для отдельных степеней сохранности с последующим выяснением соотношения этих модификаций между собой.

Основная модификация типологии (рис. 11) справедлива для целых форм (**степень сохранности А**). При последовательном отделении верхних частей сосудов, реконструированных от верха до перегиба тулова (**степень сохранности Б**, рис. 12), сливаются между собой типы, основанием для разделения которых были общие пропорции или форма нижней части. В нашем случае это происходит с типами (попарно) 5 и 4а, 1а и 3а, Р-2а и Р-2г.

Считается, что обращение к еще более мелким фрагментам керамики ведет к существенному искажению общей картины: «сосуды с загнутым внутрь краем и расширением в верхней части обычно легко определяются даже по незначительным обломкам, в то время как для диагностирования сосудов с плавным перегибом в средней части необходимы крупные фрагменты» [Терпиловский, Абашина 1992, с. 47]. Однако это не совсем так. Сосуды с перегибом тулова в средней части обычно легко диагностируются и по экземплярам, не сохранившим перегиба. Дефинирующим признаком в этом случае являются стенки верхней части сосуда, плавно (почти по прямой) направленные книзу. Такой же по размеру фрагмент сосуда с перегибом в верхней части или сохраняет сам перегиб, или имеет более сильно профилированные стенки с траекторией закругления (приближения к перегибу).

Данное наблюдение позволяет выделить **степень сохранности В** (рис. 13), для которой принят единый формальный критерий размерности фрагментов любого типа: наименьшая высота – 80% радиуса верхнего края сосуда. Единственная ощутимая потеря типологии в модификации В по сравнению с предыдущим уровнем Б – неотличимость многих экземпляров типов Р-2 – Р-3, теряющих ребро, соответственно от типов 3 и 4. Однако в этом явлении есть и положительный момент: подчеркивается сходство верхних частей и общих пропорций данных типов ребристых и округлобоких сосудов. В остальном модификация схемы для сохранности В сохраняет диагностирующие возможности модификации Б.

Таким образом, по причине фрагментарности керамических материалов основной рабочей схемой типологии для Верхнего Поднепровья и Подвинья является модификация В, с обращением по возможности к уровню Б при определении типов Р-2 и Р-3. Представляется, что именно степень сохранности В, а не уровень обязательного присутствия перегиба тулова является методически наиболее корректным для типологии разнородных керамических материалов I тысячелетия н.э. в Верхнем Поднепровье и соседних регионах.

Используемая в работе типология имеет следующий вид (рис. 11–13).

Тип 1 (рис. 14) – закрытые сосуды с расширением в верхней части и выпуклым плавным перегибом. Вариант (а) – тулово «раздутое» (рис. 14: 4–11). Вариант (б) – более вытянутых пропорций (рис. 14: 1–3).

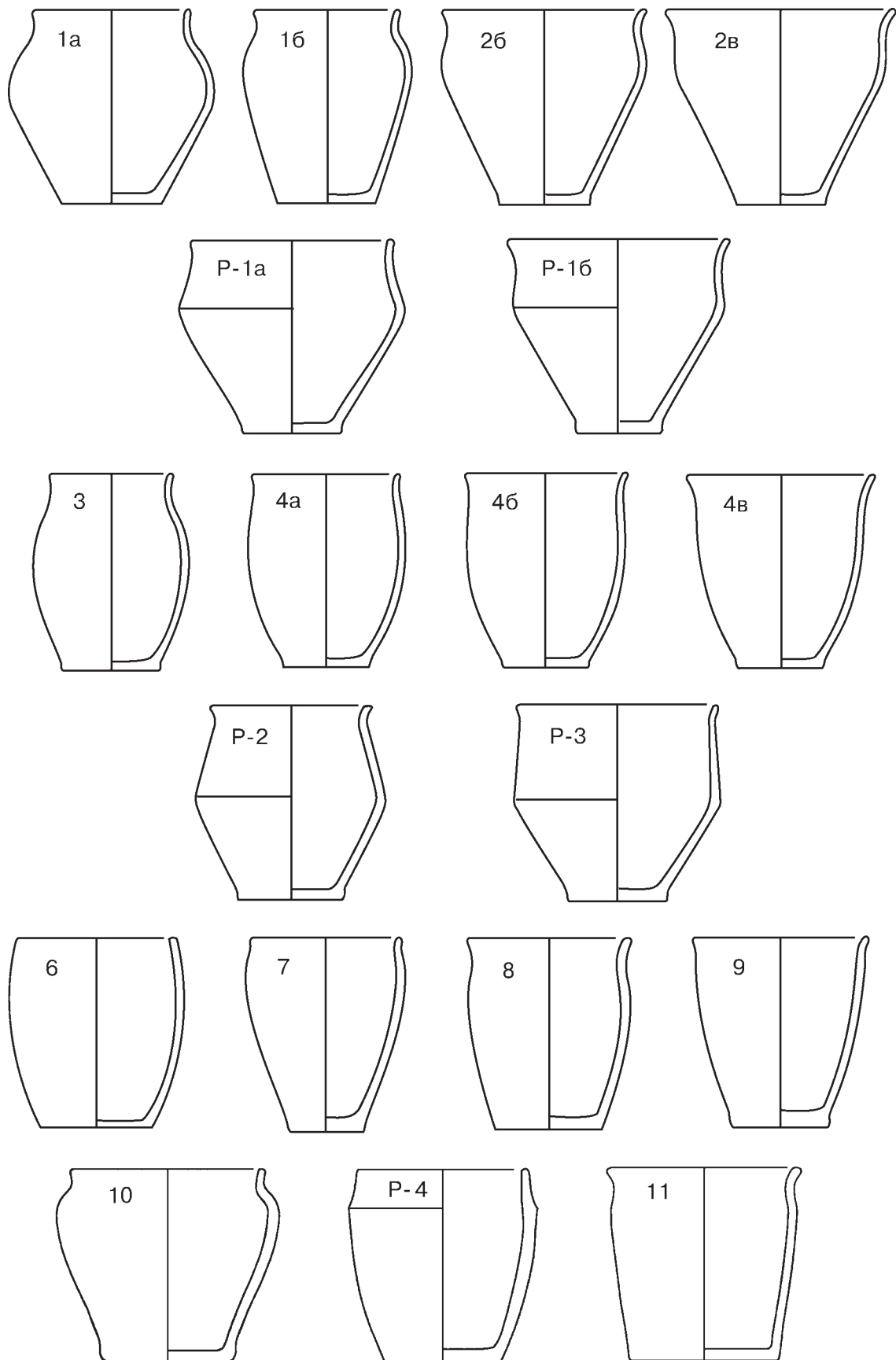
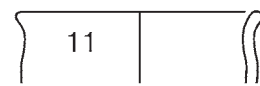
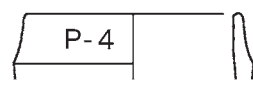
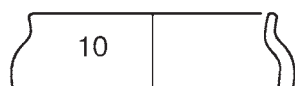
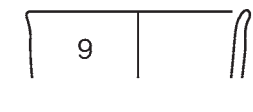
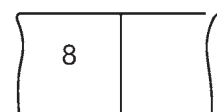
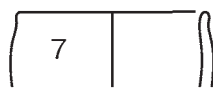
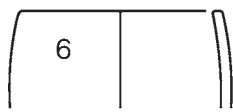
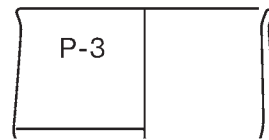
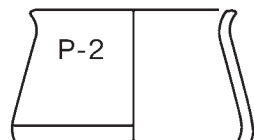
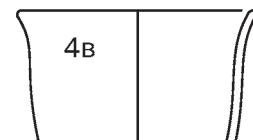
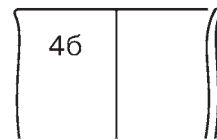
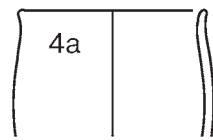
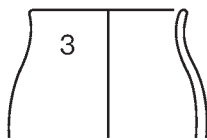
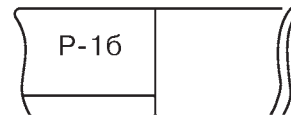
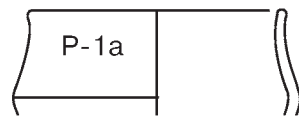
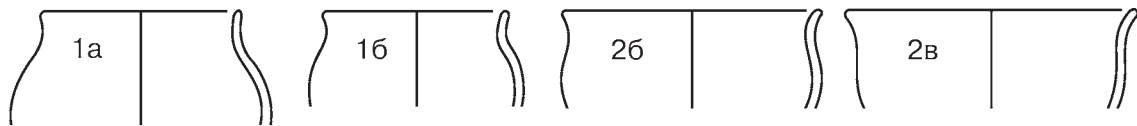

Рис. 11. Типология горшковидных сосудов Верхнего Поднепроя и Подвинья.
Модификация А (целые формы).

Б

Рис. 12. Типология горшковидных сосудов Верхнего Поднепровья и Подвинья.
Модификация Б (от верха до перегиба тулова).

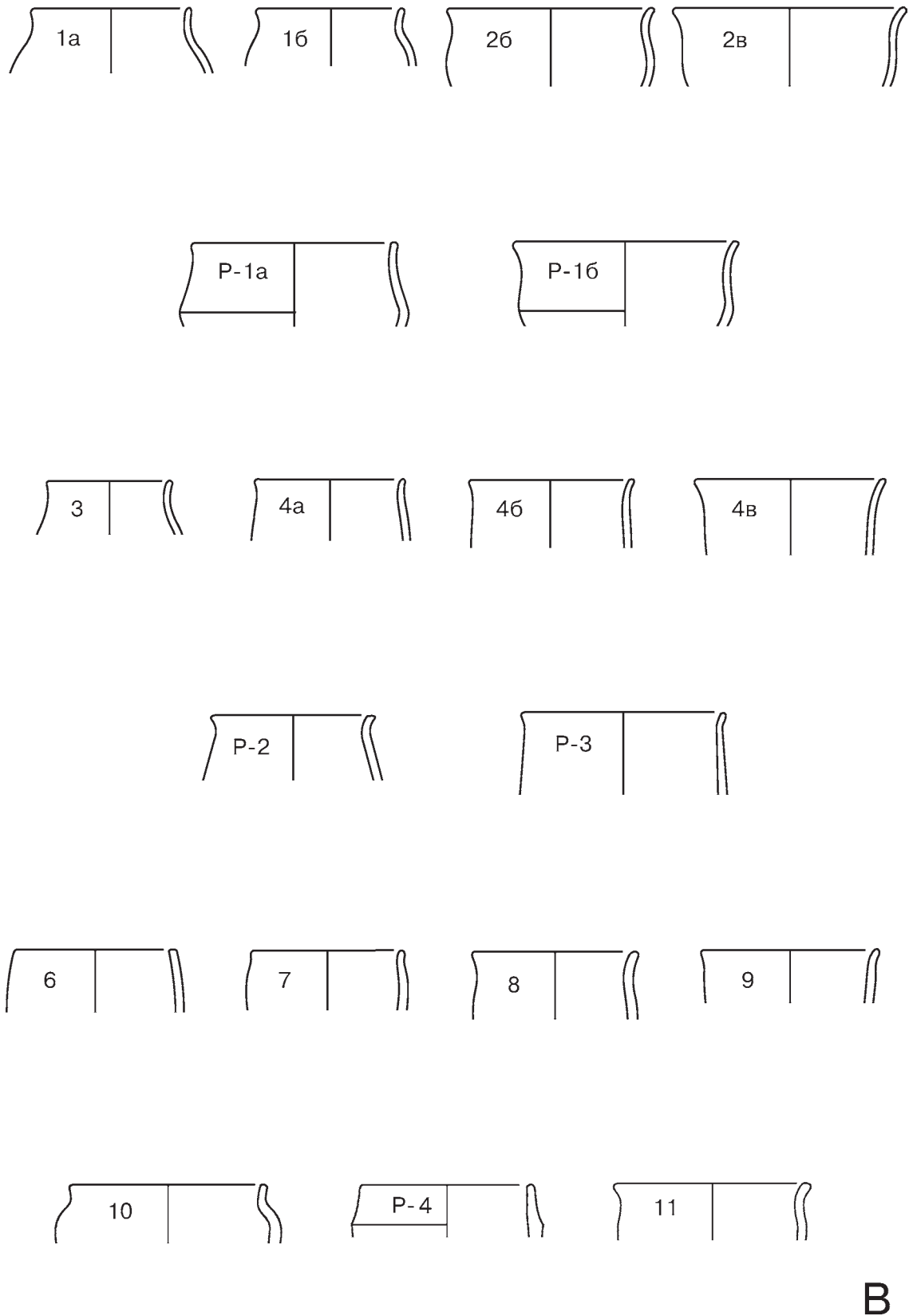

Рис. 13. Типология горшководных сосудов Верхнего Поднепровья и Подвинья.
Модификация В (от верха на высоту 0,8 радиуса края).

Тип 2 (рис. 15) – сосуды с наиболее высоко расположенным плавным перегибом тулова. Варианты выделяются по степени открытости, или, иначе, по признаку угла наклона плеча. Сосуды этого типа наилучшим образом выделяются на крупных экземплярах (корчагах) – см. о них, напр., в книге Е. А. Горюнова [Горюнов 1981, с. 39]. У экземпляров меньшего размера при сохранении всех особенностей профилировки не столь подчеркнуты пропорции, и может происходить совмещение с иными типами. Представляется, что в типологии Терпиловского – Абашиной к таким случаям относится вариант 2а, который может четко отличаться от типа 1а только на корчагах; в материалах днепро-двинского региона таких экземпляров не встречено. Варианты 2б и 2в определены в том числе для сосудов небольшого размера.

Тип 3 (рис. 16) – закрытые сосуды с плавно расширяющимися книзу от горловины стенками, с плавным перегибом тулова в средней части. Выделение вариантов по степени раздутости тулова возможно при наличии представительных серий экземпляров хорошей степени сохранности. В днепро-двинском регионе с уверенностью можно говорить об одном варианте – относительно стройных пропорций, более приземистые экземпляры немногочисленны (рис. 16: 6, 7).

Тип 4 (рис. 17) – сосуды с верхней частью, близкой к цилиндру, с плавным перегибом тулова в средней части. Варианты (а–в) выделяются по степени открытости, то есть по признакам угла наклона плеча и степени отгиба венчика.

Тип 5 – «банковидные» сосуды. Тип выделяется по общим пропорциям (диаметр дна почти равен диаметру венчика) и, следовательно, в модификациях типологии Б и В должен быть присоединен к типу 4а, поскольку характеристика верхней части фактически совпадает с последним.

Тип 6 – сосуды с загнутым внутрь краем. Форма, чуждая позднезарубинецко-киевским традициям. Происхождение ее не выяснено; возможно, что оно не едино на разных территориях. Экземпляры почти везде малочисленны. А. М. Обломский и Р. В. Терпиловский предполагают происхождение ее в позднезарубинецких древностях востока левобережья Днестра из пшеворской или верхнеокской культур [Обломский, Терпиловский 1991, с. 92]. В наших материалах есть экземпляры, которые увязываются с наследием днепро-двинской культуры (Ермошино, постройка 1, рис. 64: 6). Иного происхождения, вероятно, керамика группы 2 [Трегьяков Шмидт 1963, с. 68] верхнего слоя Тушемли (рис. 50: 14): стилистически близкие друг другу сосуды улучшенной отделки имеют или форму типа 6, или уступ в верхней части.

Тип 7 (рис. 18) – сосуды закрытые, с расширением в верхней трети, плавно сужающиеся к слабо намеченной шейке, с плавно отогнутым коротким венчиком. Целых форм почти нет. Одна из них реконст-

руирована по развалу сосуда из недавних раскопок П. Н. Подгурского на городище Новое Село (рис. 18: 12). Тем не менее, серия фрагментов верхних частей с четкой траекторией плавного закругления профиля плеча близко к верхнему краю позволяет сделать частичные реконструкции.

Верхние части этих сосудов имеют определенное сходство с керамикой днепро-двинской культуры стиля II-A, но отличаются от последней рядом стилистических признаков: более плавной изогнутостью, большей толщиной стенок (у крупных сосудов около 1 см) и, наконец, частым присутствием расчесов на поверхности. Все эти признаки связываются с наследием киевской культуры, на памятниках верхнеднепровского варианта которой также встречаются отдельные экземпляры таких сосудов, правда, с более длинным венчиком (рис. 18: 3). Эти сосуды могут быть отнесены на поселении Абидня к типам 1(б) и 2(б), но с несколько ослабленной профилировкой. Кроме того, данных о поздней датировке керамики днепро-двинской культуры стиля II-A и о ее возможном непосредственном взаимодействии с традициями киевской культуры в III–IV вв. пока нет (в отличие от стиля II-B). Таким образом, следует предполагать происхождение типа 7 на основе керамики верхнеднепровского варианта киевской культуры с участием местных традиций днепро-двинской культуры.

Тип 8 (рис. 19) – сосуды плавного S-образного профиля. Чаще всего имеют симметричное расширение от шейки в обе стороны – вверх (до края) и вниз (до перегиба тулова).

Наиболее вероятный прототип – сосуды типа 4(б), которые характерны для деснинского варианта киевской культуры и присутствуют наряду с типом 8 в целом ряде наборов днепро-двинского региона, например в верхнем слое городища Тушемля. Сходство двух типов подкрепляется и тем, что оба они почти никогда не имеют расчесов. Влияние на унификацию форм могла оказать также традиция изготовления сосудов типов 2(б) и 3 (у которых более явно, чем у 4(б), профилирована шейка), также встречающихся в наборах с типом 8 (Дедиловичи). Вряд ли можно предполагать участие в генезисе типа 8 профилированных S-образных форм стиля III-A (типа среднего слоя Тушемли) из-за значительных стилистических различий (более сильная профилировка венчика и почти обязательная орнаментация у последних) и из-за хронологического разрыва.

Тип 9 (рис. 20) – сосуды раскрытые, очень слабо профилированные (близкие к усеченному конусу), но все же с намеченной шейкой. Перегиб тулова (едва уловимый) находится в верхней трети. Тип может рассматриваться в качестве слабопрофилированного варианта ряда других типов (2, 4, 7, 8).

Эта форма довольно редко встречается на памятниках III–V вв.; она более характерна для 3-й четверти I тыс. н.э. (культура псковских длинных курганов). Представляется, что это продукт развития типа 4 (б, в) с ослаблением профилировки тулова под влияни-

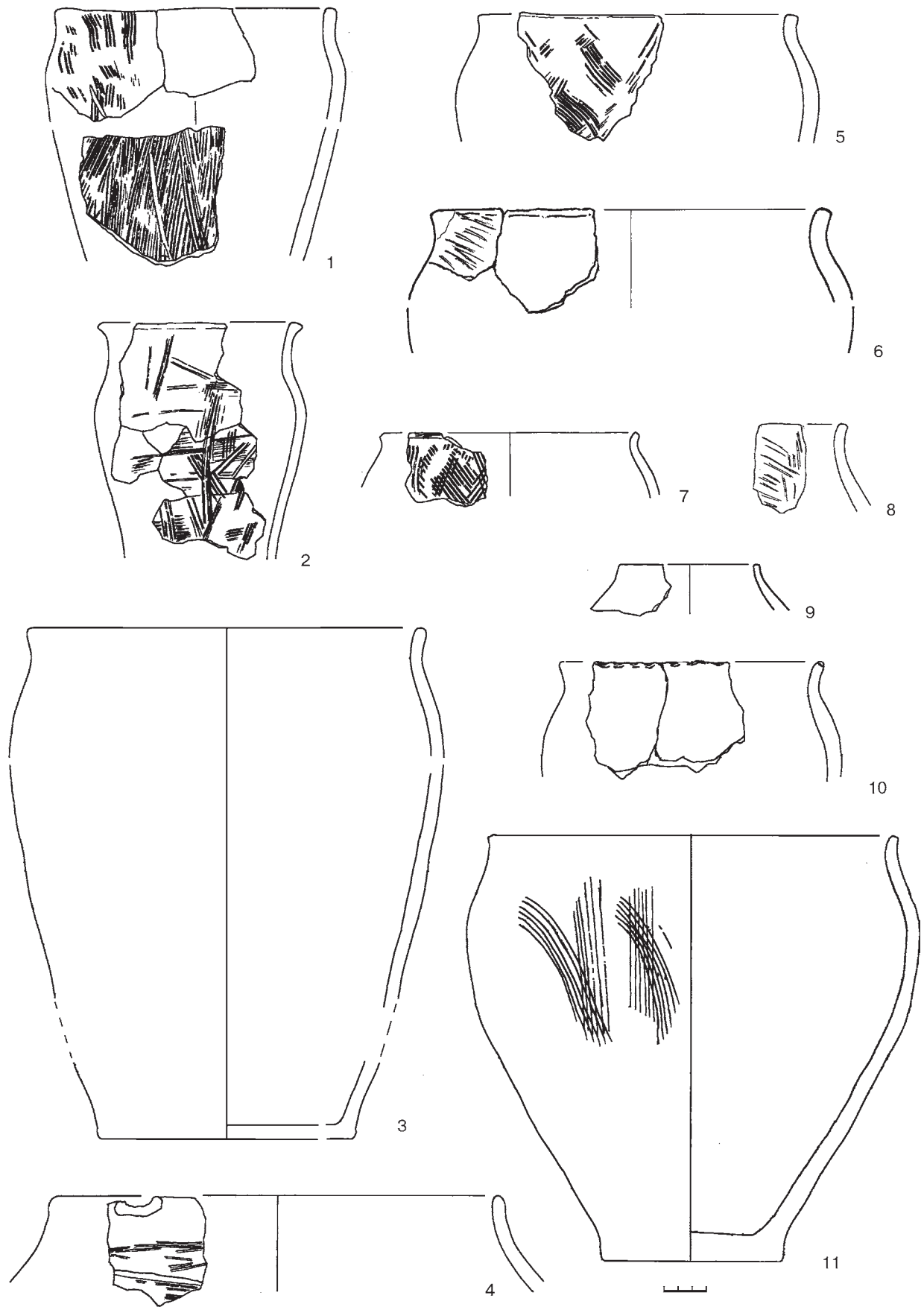

Рис. 14. Керамика типа 1, вариантов а (4–11) и б (1–3).
 1, 4 – Городок; 2, 5 – Барсуки; 3 – Фролы; 6 – Заболонье; 7 – Бельчица; 8 – Подосинки;
 9 – Заозерье; 10, 11 – Абидня (11 – декор показан схематично).

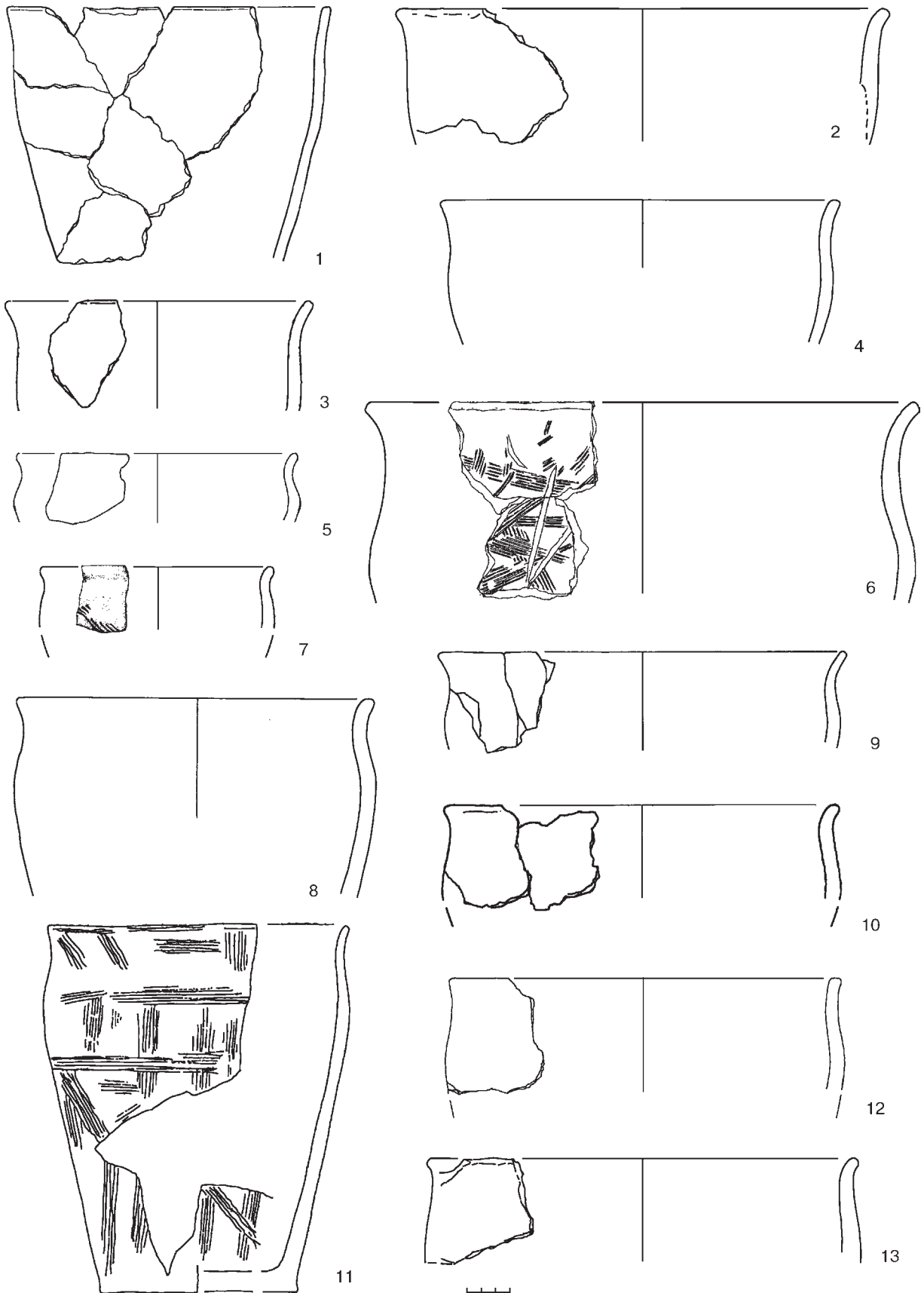

Рис. 15. Керамика типа 2, вариантов б (5–13) и в (1–4).
 1 – Ермошино; 2, 4, 8, 13 – Узмень; 3, 6, 11 – Абидня; 5 – Подосинки, 7 – Некасецк,
 9 – Бураково, 10 – Заболонье; 12 – Дедиловичи.

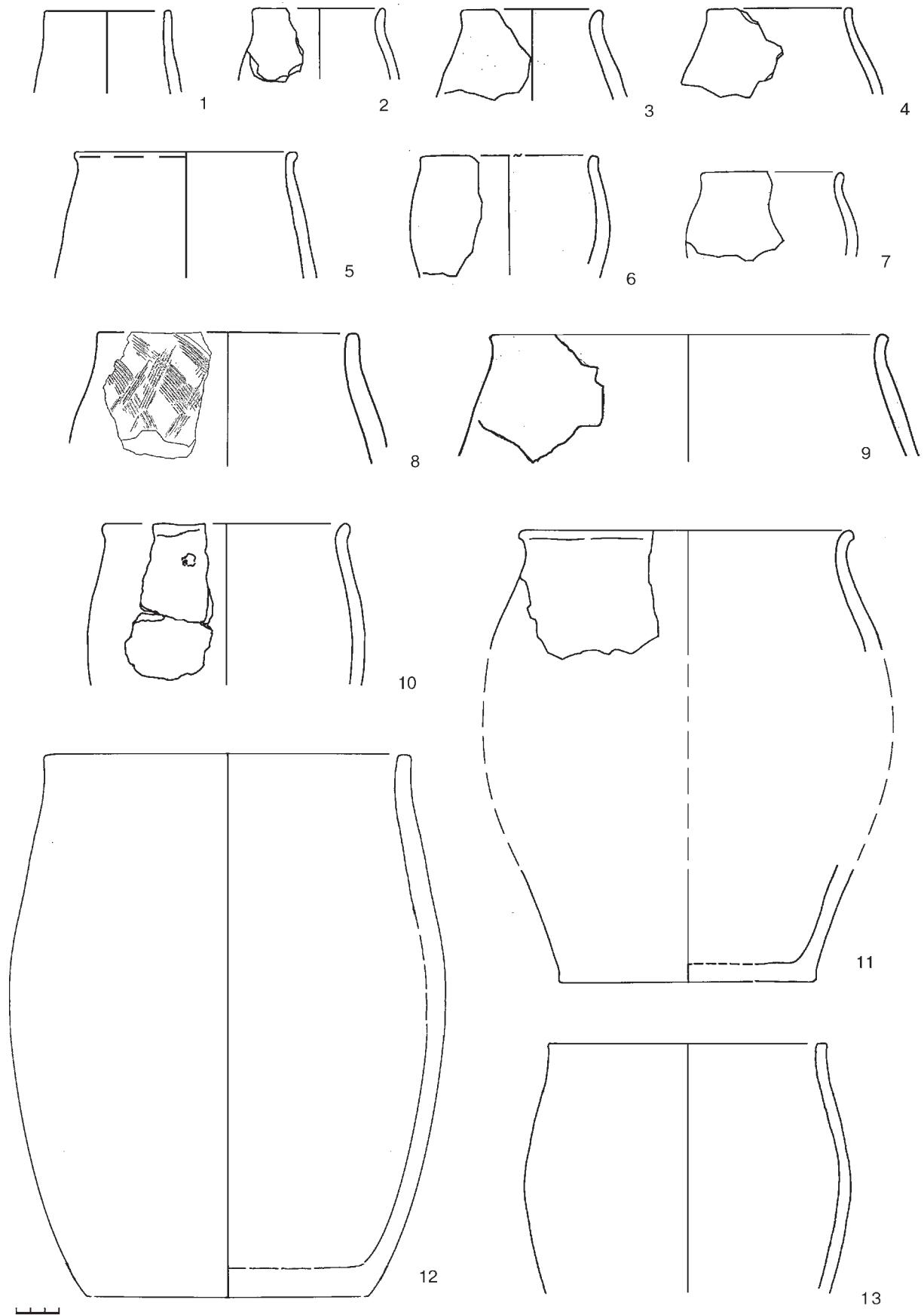

Рис. 16. Керамика типа 3.
 1, 5, 7, 13 – Демидовка; 2 – Бураково (селище); 3, 6 – Городок; 4, 8 – Заозерье;
 9, 11 – Слобода-Глушица; 10 – Фролы; 12 – Дедиловичи.

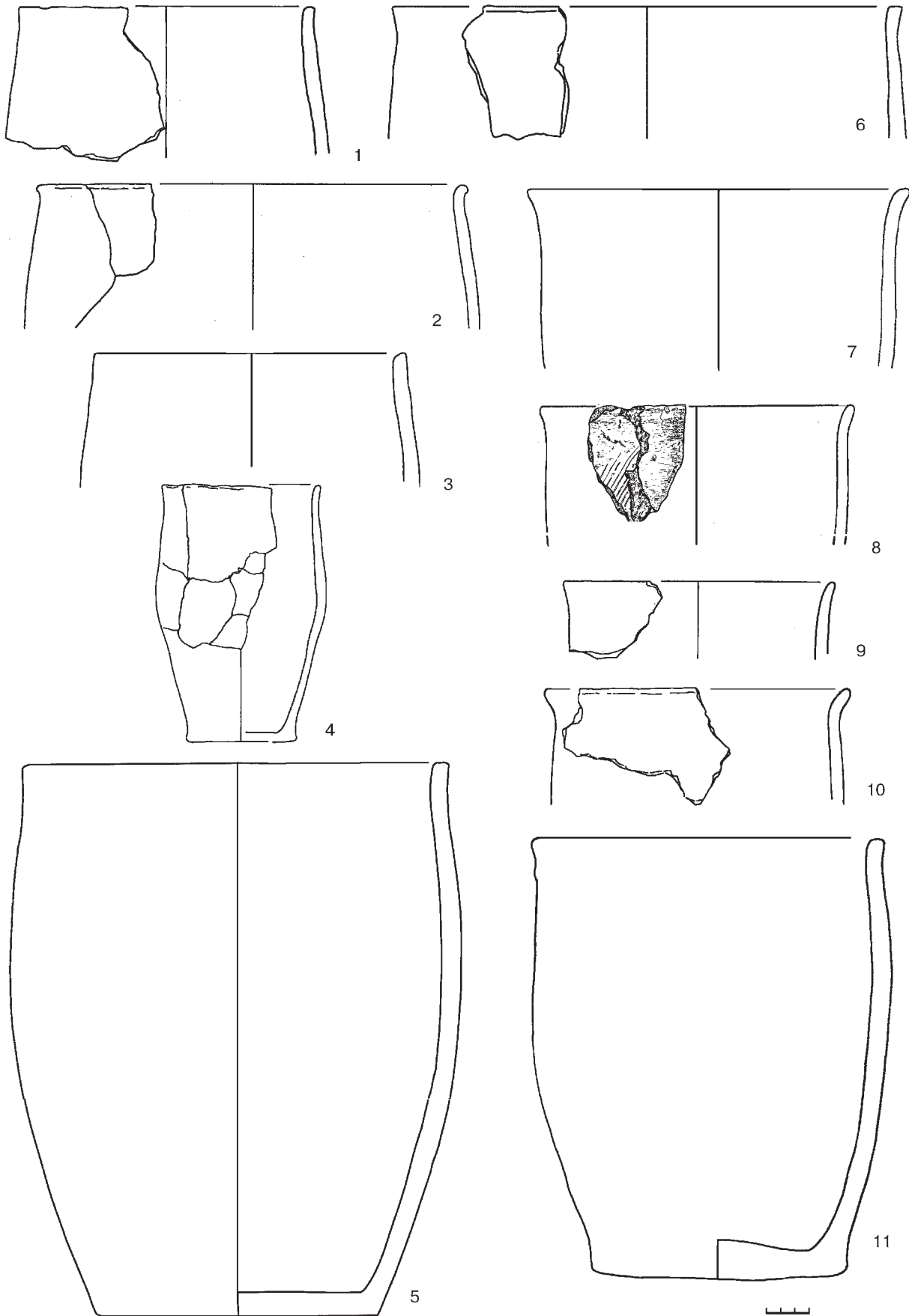

Рис. 17. Керамика типа 4, вариантов а (1–5); б (6, 11); в (7–10).
 1, 9 – Заозерье; 2 – Городок; 3, 7 – Демидовка; 4, 10, 11 – Узмень; 5 – Дедиловичи; 6 – Фролы; 8 – Казиново.

ем днепро-двинской керамики стиля II-B (ср. *рис. 8: 7* и *рис. 111*).

Тип 10 – сосуды с высоко расположенным крутым плечиком и хорошо профилированным коротким венчиком (*рис. 8: 12–14*).

К периоду V–VIII вв. лишь предположительно относятся отдельные экземпляры такой керамики (*рис. 48: 1, 8*). Главным образом это посуда VIII–X вв., происходящая из поздних длинных курганов (смоленско-полоцких), из связанных с ними поселений, а также из ранних древнерусских погребений, городских и сельских культурных слоев в Верхнем Поднепровье, Подвинье и на Северо-Западе Руси. Сходные керамические традиции присущи одновременным памятникам Верхневолжья, Поочья, а вероятно, и более широкому кругу древностей, оставленных летописными восточнославянскими племенами и населением ранней Руси. Представляется, что вся эта керамика объединяется определенным стилистическим сходством (особенно на фоне слабопрофилированной посуды V–VIII вв.), и поэтому здесь условно представлена одним типом. При специальном исследовании ее типология должна быть детализирована. Несколько особняком располагается массив ребристой керамики ладожского типа, но непреодолимых рубежей с вышеописанными формами у него, кажется, нет: ребристые экземпляры встречаются и среди керамики без ребер, представляя собой «акцентированный вариант» форм с крутым плечиком (*рис. 8: 13*).

Тип 11 (*рис. 21*) – раскрытые S-видные сосуды, у которых верхняя часть сильно «сжата», в результате чего S-видный изгиб профиля более короткий и резкий, чем у типа 8. Край иногда отогнут весьма резко. Среди сосудов этого типа нередки сильно асимметричные экземпляры, которые с одной из сторон сформованы по типам 4, 8, 9. Чисто внешне некоторые экземпляры типа 11 сходны по профилировке (если не учитывать орнаментацию) с керамикой типа среднего слоя Тушемли (*рис. 39: 11, 12; 41: 5*). Однако ни связующих типологических звеньев, ни хронологического стыка между этими группами мы не наблюдаем.

Первоначально при разработке типологии керамики круга Заозерье-Узмень этот тип нами не выделялся и рассматривался как частное проявление типа 8 [Лопатин 2001; 2004]. Однако после специального исследования более поздней керамики [Лопатин 2003г] стало ясно, что тип 11 отличается от типа 8 не только морфологически, но и территориальным распространением, причем эти два типа представляют собой в большинстве случаев взаимоисключающее явление.

Сходные типы 8 и 11 возникают параллельно (8-й – в южной части территории, 11-й – в северной) в процессе развития древностей круга Заозерье-Узмень и затем составляют характерный элемент древностей 3-й четверти I тыс., соответственно – типа Банцеровщина и псковских длинных курганов.

Тип P-1 (*рис. 22: 1–14*) – сосуды с ребристым перегибом в верхней трети. Варианты (а–в) выделяются по степени открытости, или, иначе, по признаку угла наклона плеча. Вариант (а) типа II 2 типологии Терпиловского – Абашиной близок к этому типу по признаку высокого расположения ребра. В то же время, судить о том, на какой относительной высоте находится перегиб у сосудов вроде представленных на *рис. 21: 9, 12* (с относительно высокой верхней частью), можно лишь на основании целых или почти целых форм. Поэтому уверенно отнести по фрагментам к типу P-1 можно лишь экземпляры со «сжатой» верхней частью, у которых ее высота меньше 80% верхнего радиуса. Вариант P-1в в днепро-двинском регионе не представлен, а P-1б очень редок; по-видимому, эти формы тяготели к позднезарубинецкому периоду (конец I – начало III в.), когда проникновение южных традиций в Верхнее Поднепровье и Подвинье было минимальным.

Тип P-2 (*рис. 22: 15, 16*) – сосуды с ребристым перегибом в средней трети и сужающимися кверху стенками верхней части (биконические). Для выделения вариантов в днепро-двинском регионе материалов недостаточно.

Тип P-3 (*рис. 23: 4–6, 8, 17*) – сосуды с ребристым перегибом в средней трети и почти вертикальными стенками верхней части (цилиндро-конические). При последовательном применении признаков данный тип может считаться вариантом типа P-2, однако цилиндрико-конические сосуды представлены наряду с биконическими в днепро-двинском регионе несколькими хорошими сериями.

Тип P-4 (*рис. 23: 7, 9, 11, 13*) – ребристые сосуды слабопрофилированной формы. Пропорции верхней части обычно такие же сжатые, как и у типа 11. Ребро расположено на прямом участке профиля (то есть только имитирует несуществующий перегиб), во многих случаях выше наибольшего расширения тулова, как правило, на уровне 2/3 или 3/4 высоты. Вариант (а) – ребро в виде округлого в сечении валика. Вариант (б) – ребро оттянутое, заостренное. Выделка чаще улучшенная (тщательное заглаживание, примесь мелкой дресвы). Особенности варианта а позволяют выявить прототип формы P-4 – это сосуды типов P-2 и P-3 с оттянутым валиком по ребру. Наибольшая их серия происходит с памятников типа верхнего слоя Демидовки, но встречаются они широко на памятниках поздней киевской, колочинской и пеньковской культур. Отличие состоит в том, что у типов P-2 и P-3 валик всегда отмечает перегиб тулова (чаще резкий, реже плавный) и расположен близко к середине высоты. На селище Узмень, датирующемся концом IV – V в. н.э. [Фурасев 1996], встречены фрагменты типов P-2, P-3 и P-4 обоих вариантов (*рис. 23: 7–13*).

Изложенная типология обладает полезным свойством, которое можно назвать периодичностью (по аналогии с системой Менделеева). В типологической таблице (*рис. 11*) типы сосудов легко располагаются горизонтальными рядами («периодами»), в пределах

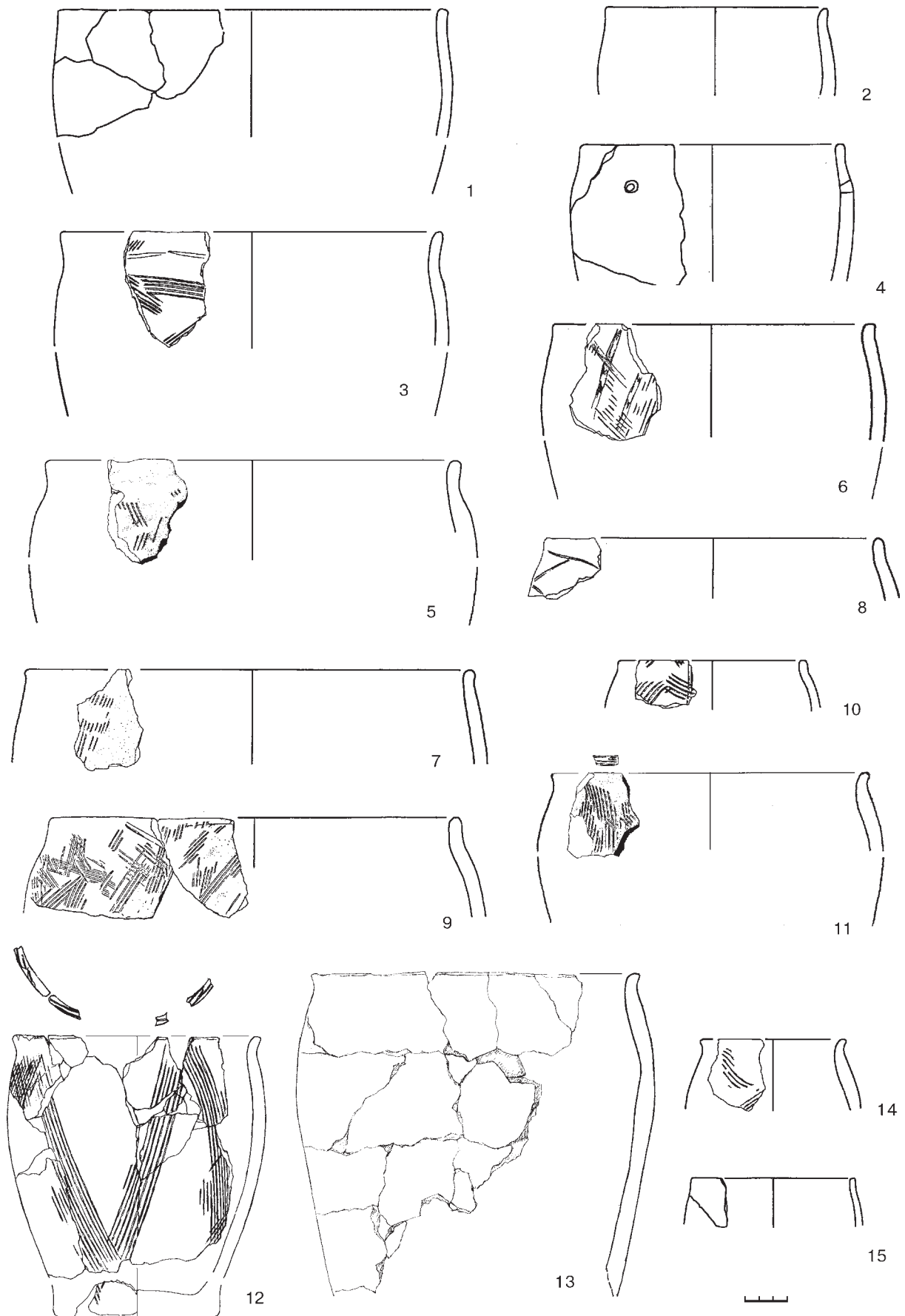

Рис. 18. Керамика типа 7. 1, 15 – Ермошино; 2, 5 – Городище; 3 – Абидня; 4 – Бельчица; 6–8 – Заозерье; 9 – Повалишино; 10 – Узмень; 11 – Городок; 12, 13 – Новое Село; 14 – Демидовка.

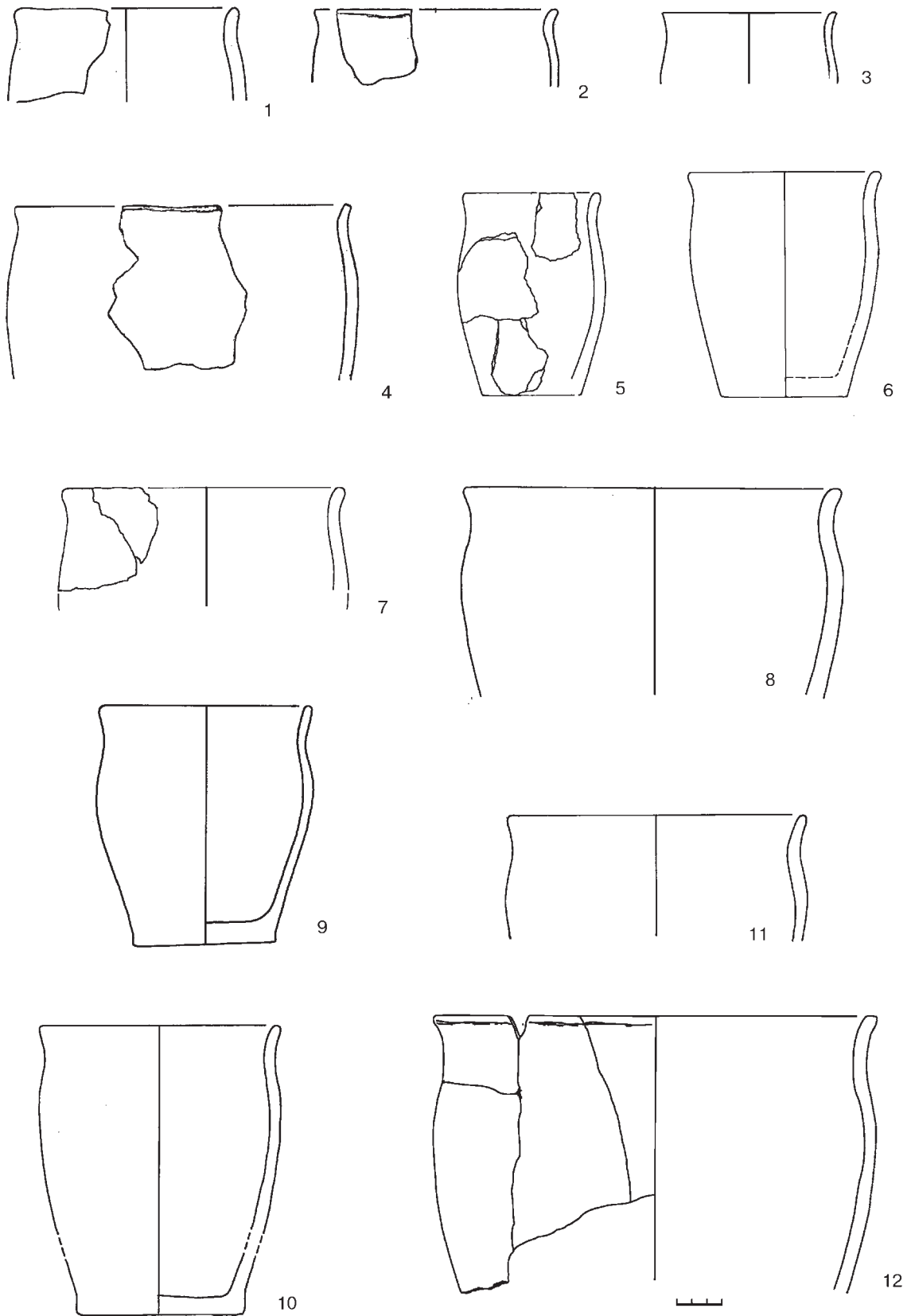

Рис. 19. Керамика типа 8.
 1 – Городок; 2 – Каменная Лава; 3 – Демидовка; 4 – Казиново; 5–7 – Дедиловичи; 8 – Узмень;
 9, 10 – Тушемля; 11 – Городище; 12 – Фролы.

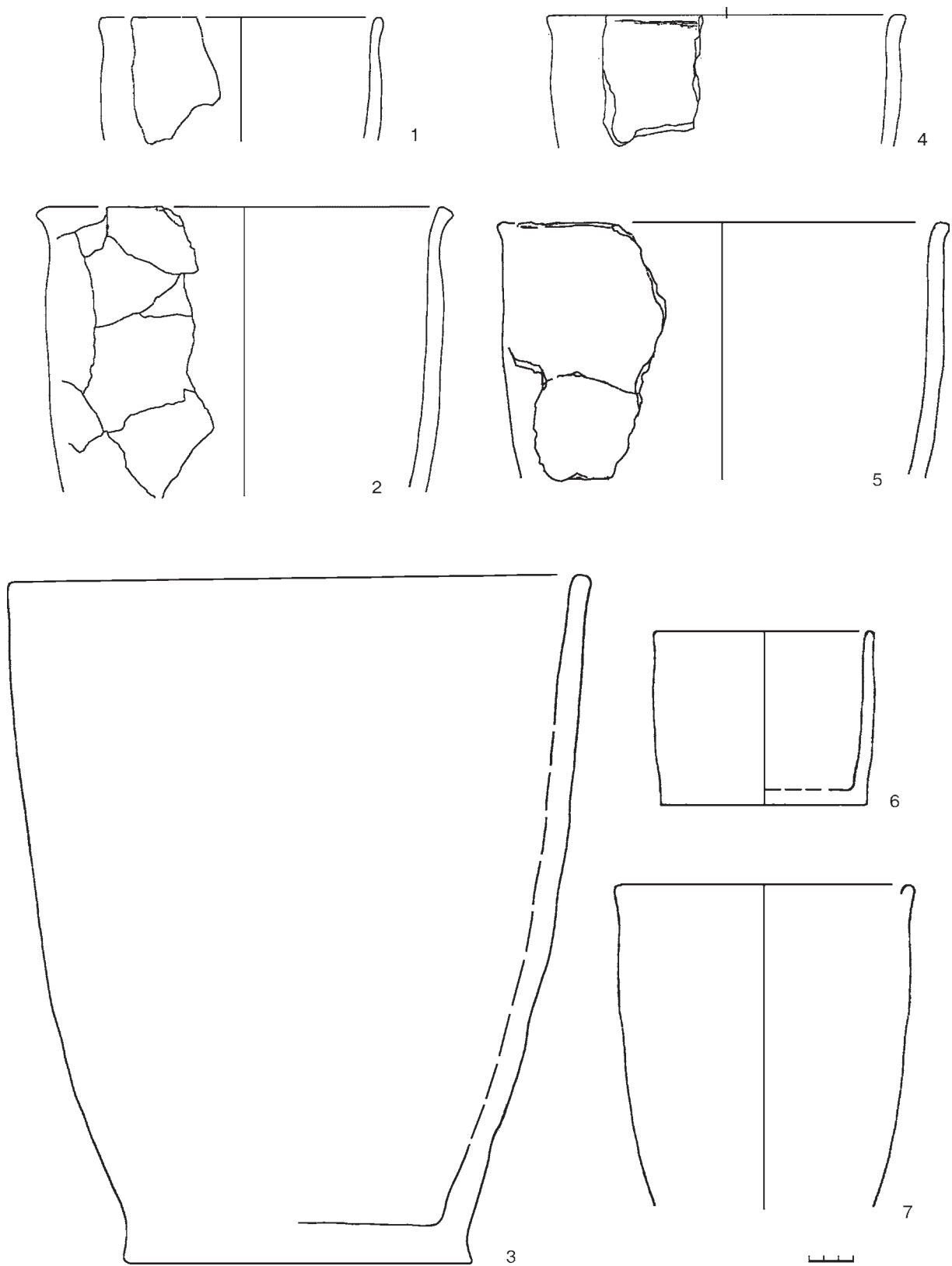

Рис. 20. Керамика типа 9.
 1 – Некасецк; 2, 3, 5 – Узмень; 4 – Орляки; 6, 7 – Ревячка.

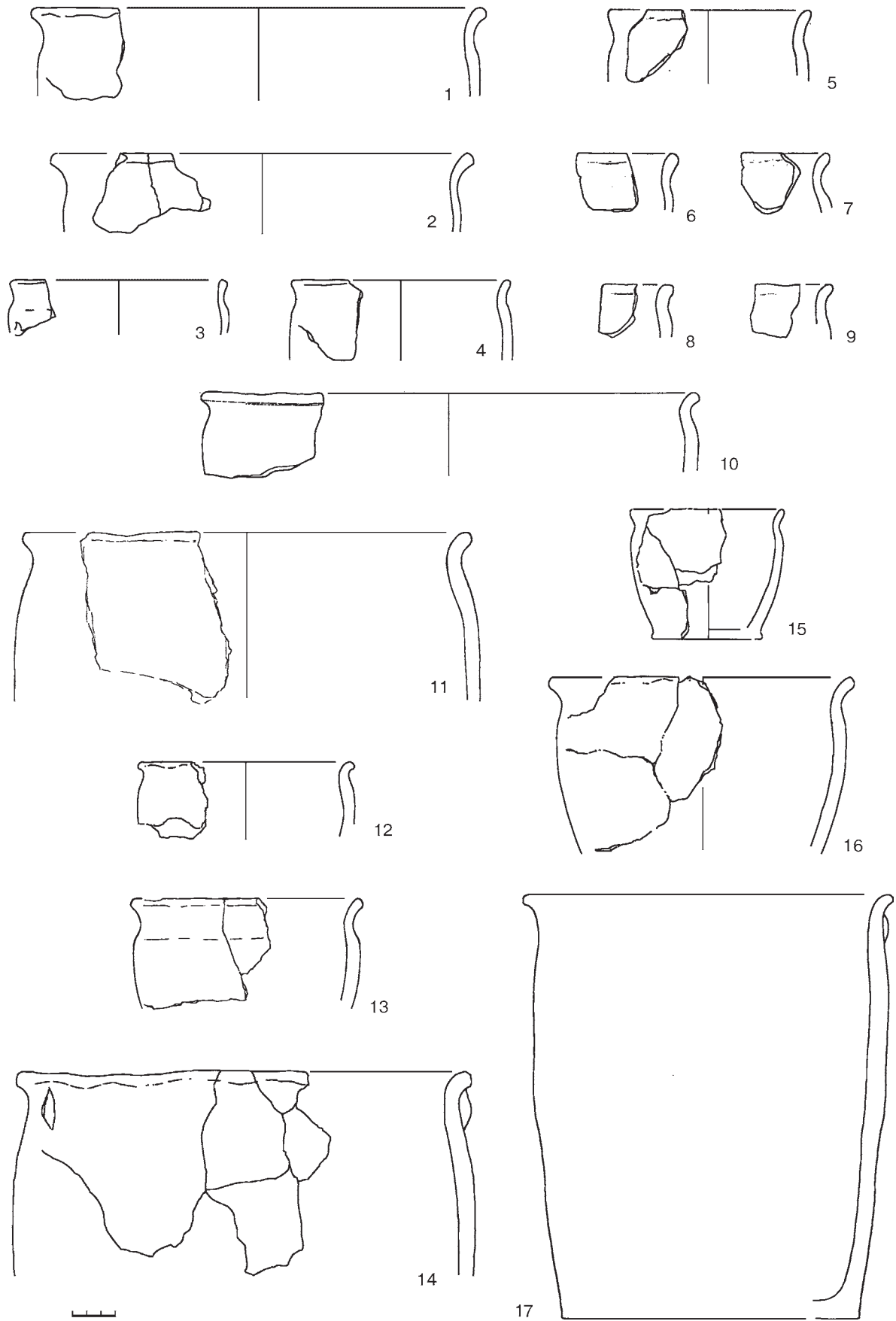

Рис. 21. Керамика типа 11.
1–4 – Фролы; 5–9 – Каменная Лава; 10 – Ермошино; 11–17 – Узмень.

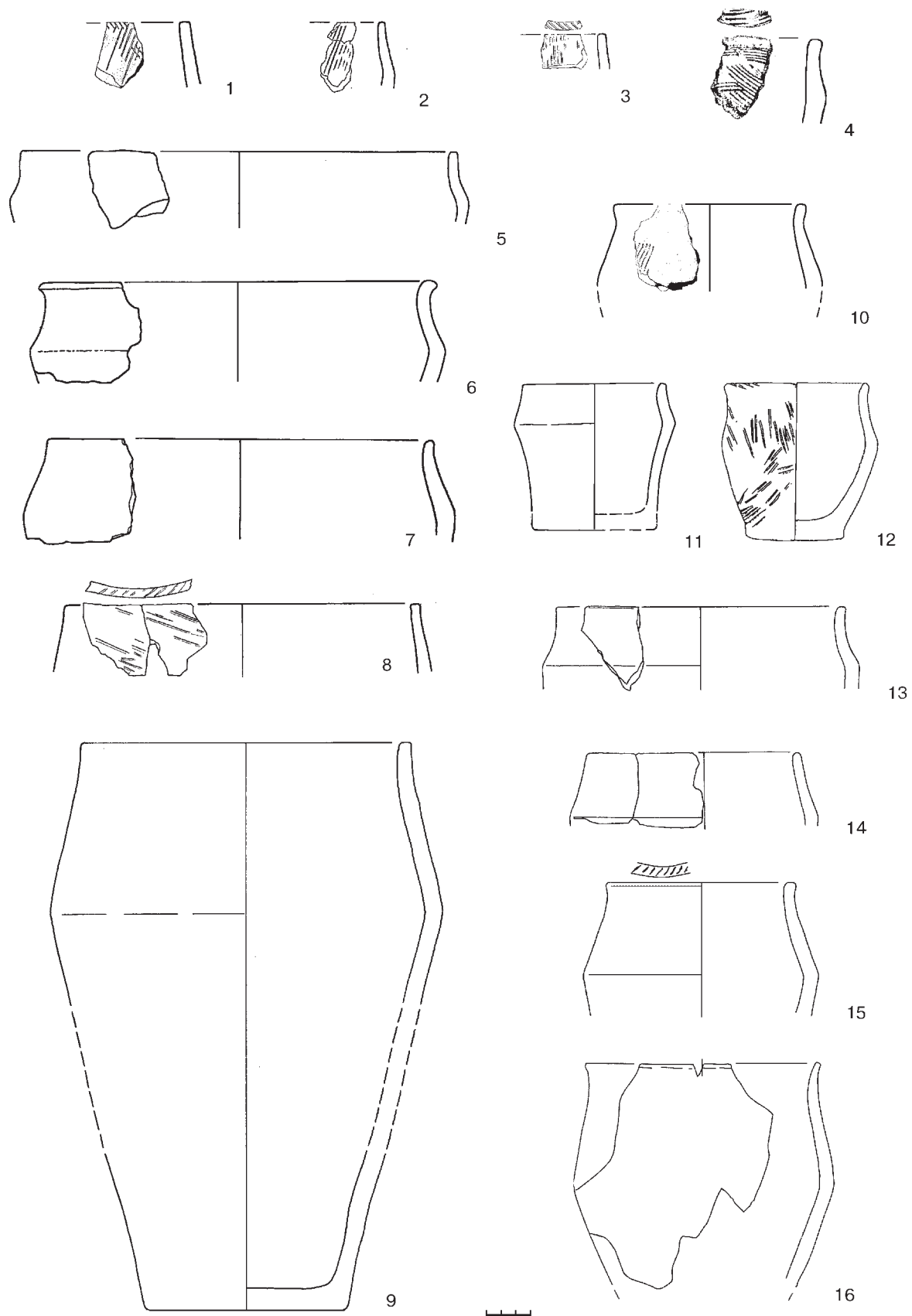

Рис. 22. Грубая ребристая керамика типов Р-1 (1–14) и Р-2 (15, 16).
 1, 7, 13 – Заозерье; 2 – Повалишино; 3 – Ермошино; 4, 8, 14 – Городок; 5 – Узмень; 6 – Бураково; 9 – Тушем-
 ля; 10 – Холм; 11 – Дедиловичи; 12 – Абидня; 15 – Демидовка; 16 – Хотылёво.

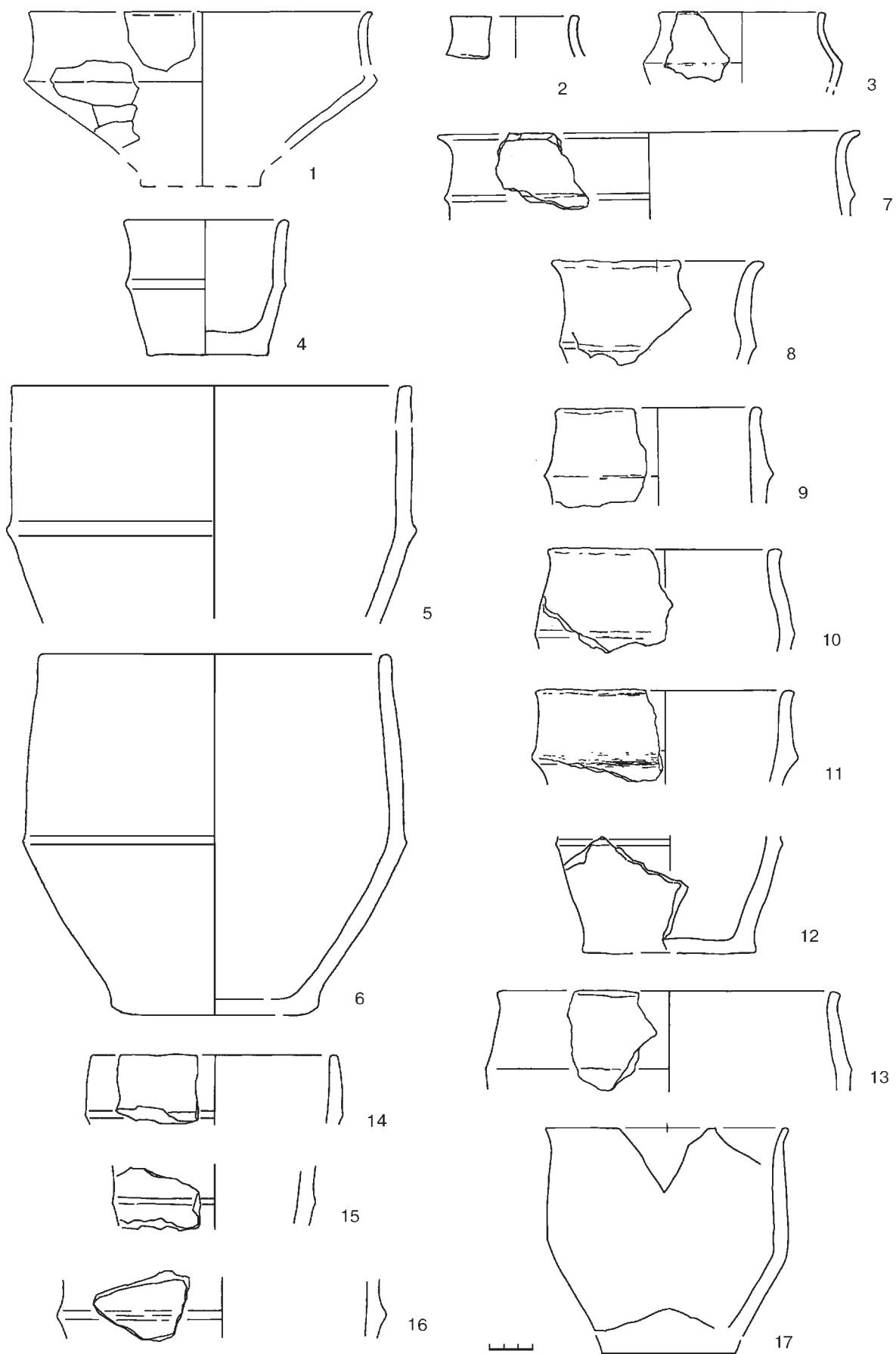

Рис. 23. Лощеная столовая посуда стиля IV (1-3) и ребристая керамика улучшенной выделки стилей VIIa (4-6, 8, 12, 15-17) и VIIb (7, 9-11, 13, 14). 1 – Ермошино; 2, 14-16 – Заозерье; 3 – Зайцево; 4-6 – Демидовка, 7-13 – Узмень, 17 – Хотыльёво.

каждого из которых при сохранении общих пропорций форма верхних частей изменяется сходным образом – от закрытой до раскрытой. Наблюдаются и вертикальные столбцы, в пределах которых группируются сходные по степени раскрытости формы, а общие пропорции и степень ребристости меняются. Нельзя, конечно, преувеличивать естественность этой схемы (в отличие от системы химических элементов). Скорее это удобная служебная компоновка, позволяющая легко находить место каждого сосуда в типологии. Таблица показывает и соответствие между типами и стилистическими группами: два верхних ряда соответствуют стилю V, следующие два – стилю VI, два нижних (без типа б) – стилям VII и IX.

2. Памятники

Материалы культурного круга Заозерье-Узмень обнаружены на археологических памятниках различного характера. Наиболее многочисленны открытые поселения (селища). Постепенно накапливаются данные о городищах, хотя традиционно считалось, что данной эпохе они не свойственны. Известно несколько могильников и единичные погребения на селищах.

Открытые поселения

По разведочным сведениям, а также по результатам стационарных раскопок, их на сегодня насчитывается более 50 (считая местонахождения, т.е. пункты находок, где сведений о культурном слое нет). Все они располагаются в непосредственной близости от воды. Наиболее предпочтительными для населения были, по-видимому, берега озер, особенно при устьях небольших рек или ручьев. Явное предпочтение отдавалось северным берегам водоемов, обращенным своими пологими склонами к югу. Селища размещаются на невысоких береговых всхолмлениях, дюнах, коренных берегах и очень часто вплотную примыкают к поймам. Проведенные на некоторых памятниках стационарные раскопки показывают, что культурный слой этого времени может распространяться и на пойменные участки местности, а порою – даже на заболоченные, что зафиксировано на поселении Фролы (рис. 76). В любом случае, высота поселения относительно современного уровня воды, как правило, очень невелика.

Площадь селищ составляет обычно от 0,7–0,8 га до 2,5–3 га. Как предварительное наблюдение можно отметить, что поселения наиболее крупных размеров как правило приурочены к берегам озер. Селища, расположенные вдоль рек, чаще имеют небольшие размеры. Иногда удается проследить, что на поверхности очень крупных по площади селищ читаются более темные пятна культурного слоя, возможно соответствующие либо уплотненной застройке, либо

планиграфической последовательности или перепланировке поселений. Порою такие наблюдения интерпретируются как «кустовая» или «гнездовая» схема расположения небольших поселков, то есть структуры расселения. Но, не имея твердых данных, подтверждающих синхронность этих пятен, делать такие выводы нам кажется преждевременным, хотя и полностью их исключать тоже нельзя. Так или иначе, подобные особенности отмечены на поселениях Свинухи, Ермошино, Заозерье.

Городища

Кроме селищ, на ряде городищ западнодвинского бассейна и на Днепре отмечены находки характерной керамики с расчесами (рис. 24). Сами городища содержат в основном культурном слое днепродвинские материалы, которые датируются скорее всего рубежом эр – первыми веками н.э., а также обломки профилированной посуды, более характерной уже для третьей четверти I тыс. н.э. Перечисление этих памятников не займет много места: Осыно, Вышедки, Бураково, Казиново, Старое Село, Клишино, Новое Село, Замошье, Заговалино, Недружно, Лемница, Демидовка. На некоторых из них находки фрагментов с расчесами единичны (Старое Село, Заговалино, Лемница), на других немногочисленны. Однако серийность этих находок и особая концентрация в районе витебского Подвинья не оставляет сомнений в их неслучайности.

В непосредственной близости от городищ как будто не найдено одновременных селищ. В тех случаях, когда селища есть (Бураково, Казиново), они, скорее всего, относятся к более позднему времени. Среди керамики с этих селищ фрагментов с расчесами нет, а по формам она, вероятно, относится к 3-й четверти I тыс.

Серия городищ на фоне подавляющего преобладания открытых поселений требует осмысления. Ранее было высказано предположение, что эта ситуация свидетельствует о включении «заозерцев» в общины носителей днепродвинской культуры, для которых проживание на городищах было привычным [Лопатин 1997, с. 174]. Однако доказательств синхронности днепродвинских и заозерских материалов на городищах нет. Напротив, в ряде случаев (Бураково, Новое Село) результаты раскопок свидетельствуют о тяготении первых (днепродвинских) к нижним пластам культурного слоя, а вторых – к верхним [Шут 1964–1966-О; Подгурский 2003, с. 466–468]. Это в большей мере соответствует варианту заселения «заозерцами» запустевших городищ и может объясняться возникновением напряженной ситуации, заставившей их перебираться в укрепленные места. Во всяком случае, у потомков «заозерцев» в 3-й четверти I тыс. на территории древностей типа Тушемли-Банцеровщины и в южной части ареала псковских длинных курганов городища – обычное явление. В разделе «Хронология» мы еще вернемся к вопросу городищ.

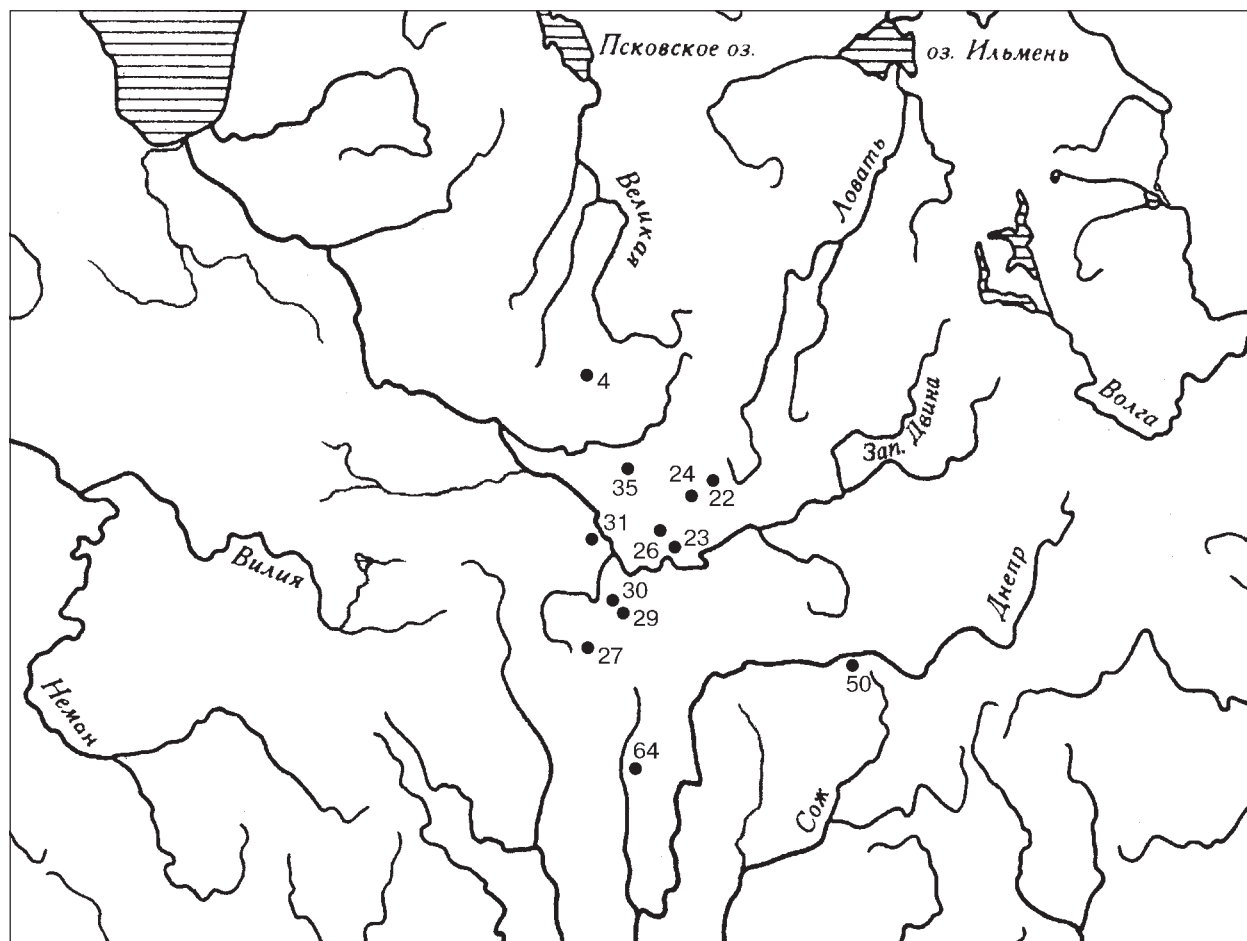

Рис. 24. Карта городищ, на которых найдена керамика с расчесами (номера соответствуют номерам в Каталоге).

Домостроительство

Остатки жилищ и хозяйственных построек зафиксированы на многих памятниках изучаемого круга, — на тех, исследование которых носило планомерный и сколько-нибудь масштабный характер. Общее количество учтенных построек весьма значительно (более 100), правда, за счет всего нескольких поселений (в первую очередь это Городище и Дедиловичи, относящиеся к позднему и даже переходному к следующему периоду времени), тогда как в остальных случаях на памятниках обнаружены следы не более чем трех-четырех жилищ.

Подробное описание построек, обнаруженных на селищах Фролы и Ермошино, приведено в Каталоге памятников.

Все обнаруженные постройки относятся к трем основным типам:

1. Наземные жилища столбовой конструкции с очагами: А — длинные многокамерные (Микулино), Б — небольшие прямоугольные (Кислые). Возможно, подобные жилища были и в Абидне.

2. Углубленные прямоугольные однокамерные постройки, почти все срубные: с очагом (Ермошино, Некасецк) или с печью-каменкой (Городище, Дедиловичи, Ревячка). На трех последних памятниках есть

столбовые постройки, но столбы иногда не вкапывались, а устанавливались в углы котлована (в Дедиловичах — предположительно [Митрофанов 1978, с. 95]).

3. Углубленные постройки с «ваннообразным» котлованом (Ермошино, Кислые, Заозерье, Куприно).

Длинные многокамерные дома столбовой конструкции с очагами (1А) — несомненно наиболее архаичный вид из всех названных. Излишне будет напоминать, что это основной тип домостроительства на городищах раннего железного века — днепро-двинской и других культур.

Постройка данного типа была зафиксирована и на селище с материалами типа среднего слоя Тушемли у д. Устье [Третьяков, Шмидт 1963, с. 114–116, рис. 60]. Нельзя исключить того, что и на селище Микулино жилище подобного типа принадлежало населению среднетушемлинской культуры. В таком случае с этим периодом можно сопоставить как само жилище, так и фрагменты керамики в его заполнении, имеющие среднетушемлинский и днепро-двинский облик, а также железный серповидный нож. А материалы, характерные для второй четверти I тыс. (в частности, керамика с расчесами), связаны со следующим этапом функционирования поселения. В заполнение жилища они могли попасть позже. Сложность в расчленении материалов в данном случае состоит

в том, что само жилище, будучи в общем-то наземным, имело неровное дно с западинами максимальной глубиной до 0,5 м, которые, заплывая со временем, могли «поглощать» в себя и более поздний материал, осевший сверху. Неровное дно с аморфными западинами, на наш взгляд, – также признак, в большей степени характерный для памятников раннего железного века, нежели для 2-й четверти I тыс., когда нивелировка поверхности пола углубленных жилищ становится почти правилом. По-видимому, это делалось для удобства покрытия пола теплоизолирующим материалом – досками, соломой и т.п.

Зафиксированные размеры постройки в Микулине: ширина 4 м, длина более 6 м, но длинными сторонами постройка вышла за границы раскопа, поэтому ее точные размеры неизвестны. Остатки очага зафиксированы в виде скопления дресвы чуть выше уровня дна западины.

Две постройки аналогичной конструкции и также отапливавшиеся открытыми очагами, однако, с плоским дном и, по-видимому, чуть меньших размеров, чем предыдущая (Микулино), обнаружены на селище Кислые [Шмидт 2003, с. 19, рис. 3]. Постройки частично перекрывают друг друга, их размеры маркированы большими столбовыми ямами по углам: 3,7 x 5 и 5 x 5 м. Очаги – большие пятна сильно прокаленного песка с максимальными размерами в поперечнике 1,2 и 1,8 м.

Можно согласиться с Р. В. Терпиловским в том, что наземная столбовая техника домостроительства в нашей ситуации должна рассматриваться как вероятное наследие или еще живая традиция населения днепро-двинской культуры, во всяком случае, это довольно существенный момент, резко отличающий наши памятники от собственно киевских [Терпиловский 1999, с. 295]. Подобные жилища, как многокамерные длинные, так и небольшие однокамерные, были широко распространены на городищах конца I тыс. до н.э. – первых веков нашей эры и являются, скорее всего, результатом эволюции местных домостроительных традиций, восходящих еще к началу раннего железного века [Шмидт 1992, с. 47].

Но вместе с тем, этот тип жилищ не был чужд и более южному населению в первые века нашей эры, и что особенно важно, он зафиксирован и на раннекиевских памятниках. Так, два больших наземных дома столбовой конструкции с очагами были обнаружены на селище Попово-Лежачи в Посеймье и на селище Картамышево-2 в верховьях Псла [Обломский, Терпиловский 1998, с. 64]. Их размеры и конструктивные элементы соответствуют характеристикам построек селища Кислые.

Редкость подобных жилищ указывает на их предположительно чуждое происхождение, но сказать, какая именно из соседних культурных традиций могла послужить источником заимствования – днепродвинская или, как считают А. М. Обломский и Р. В. Терпиловский [Обломский, Терпиловский 1998, с. 64], пшеворская, – пока очень трудно. Важно, что

эта техника домостроительства была известна населению киевской культуры и памятников круга Заозерье-Узмень и использовалась, хотя и не так часто, как другие.

Жилища второго типа на памятниках круга Заозерье – совсем другое дело. Речь идет о небольших прямоугольных углубленных в землю постройках. Конструктивные особенности этих жилищ весьма разнообразны, даже в пределах одного поселения. Так, на селищах Городище и Дедиловичи (См. Каталог), а также и в Абидне одновременно функционировали и срубные, и столбовые постройки, отапливавшиеся и открытыми очагами, и печками-каменками. Они могли быть как углубленными в материк до 0,5–0,8 м, так и всего лишь «врезанными» в склон тремя сторонами для придания горизонтальности полу. Объединяющими чертами в этом изобилии приемов остаются однокамерность, небольшие размеры и близкая к квадратной форма, а также мелкие строительные детали (вход-ступенька или пандус, ниши в стенах).

Такое разнообразие домостроительных приемов может говорить не только о неустоявшемся наборе традиций, как считают Р. В. Терпиловский и Н. С. Абашина [Терпиловский, Абашина 1992, с. 34–35]. Совокупность выбранных и использованных строительных приемов могла зависеть от ряда внешних обстоятельств: характера почв и влажностного режима (степень углубленности), характера растительности и обеспеченности строительными материалами (столбы, жерди, прутья), необходимых темпов застройки и предполагаемой продолжительности жизни на данном месте (срубные или столбовые техники), наличия камней (печи или очаги). На наш взгляд, в этом не обязательно можно видеть какую-то несформированность или незаконченность устоявшейся традиции. Скорее, данная традиция формируется в условиях чрезвычайной мобильности населения, постоянной необходимости адаптации к новым условиям среды, в том числе (в нашем случае) и с учетом опыта аборигенных групп населения. Во всяком случае, знакомство со столь различными строительными приемами, их использование и комбинирование, по-видимому, являются следствием активных межплеменных контактов.

Среди жилищ этой группы на памятниках круга Заозерье-Узмень преобладают небольшие постройки срубной конструкции с очагами, обложенными камнями (Ермошино, постройки 1 и 4 – рис. 61, 62, 73), печками-каменками (Дедиловичи, Ревячка) или хозяйственные без отопительного устройства (Фролы – рис. 94: Б). Столбовые конструкции зафиксированы значительно реже (Городище). Возможно, в данной группе существовали и наземные жилища срубной конструкции. Однако археологические следы таких построек весьма невыразительны, а порой и сомнительны. Определить их размеры почти невозможно. Единственное документальное свидетельство их существования – остатки отопительных устройств

(очажные пятна, развалы обожженных камней и т.п.) – не всегда может быть доказательством в каждом конкретном случае. По этнографическим данным известно, что часто такие устройства делались выносными (так называемые «летние кухни»), поэтому за каждым из них видеть отдельную постройку нельзя. Хотя, повторим, наземные жилища-срубы, скорее всего, действительно сооружались.

Следует обратить внимание, что на памятниках бассейна Западной Двины и в Днепро-Двинском междуречье пока не зафиксировано углубленных построек с центральным опорным столбом (которые считаются яркой специфической особенностью киевских памятников Подесенья), в то время как в керамическом комплексе влияние деснинской традиции проявляется на протяжении IV–V вв. весьма отчетливо. Наиболее удаленный на север пункт, где найдено такое жилище, – селище Хотыльёво в верховьях Десны (Брянская обл.). Далее к северу и северо-западу мы сталкиваемся с господством верхнеднепровской домостроительной традиции (вероятно, в сочетании с местными приемами). В частности, на селище Абидня можно найти аналоги практически всем жилищам, известным на нашей территории, как по типам техники домостроительства, отопительных устройств, так и по более мелким особенностям конструкций: углубленные срубные и столбовые (каркасно-плетневые) постройки с открытыми очагами и с очагами, обложенными или выложенными камнями, наземные жилища [Поболь, Ильютик 2001, с. 111, рис. 2–18].

Отметим, что в постройке 1 селища Ермошино след центрального столба был зафиксирован в заполнении (рис. 61: А, разрез ямы обозначен «Р. 2»). Этот конструктивный элемент относится к последнему строительному горизонту жилища, поэтому яма не достигла материка.

Новацией ряда памятников северных территорий, по сравнению с южной киевской метрополией, где пока известны лишь единичные случаи [Терпиловский, Абашина 1992, с. 34], является широкое распространение печей-каменок. На поселениях круга Заозерье-Узмень они появляются на позднем этапе (Городище, Дедиловичи, Ревячка). Типологическим прототипом печки-каменки вполне мог быть очаг, обложенный крупными камнями. Учитывая массовое распространение печей с середины I тыс. н.э. на памятниках многих археологических культур Восточной Европы, в том числе не только связываемых со славянами, можно увидеть здесь явление как культурного, так и стадиального порядка. Причиной этого могло стать резкое ухудшение климатической ситуации в Европе в конце IV – V в. – похолодание, по своим масштабам считающееся наиболее сильным за последние 2000 лет. Кстати, печи-каменки на памятниках киевской культуры не случайно тяготеют к северной части ареала (Гудок, Щатково).

Следующий особый тип построек – так называемые «ваннообразные» жилища, то есть жилища с углубленным в землю большим котлованом овальной в

плане формы, с покатыми стенками и вогнутым дном. По-видимому, эти постройки имели наземную часть вполне обычной формы – прямоугольные стены срубной конструкции, внутри которых выкапывался котлован-подполье, скорее всего, перекрытый настилом на уровне дневной поверхности (Ермошино, постройка 3, рис. 73). По мнению Е.А.Шмидта, такие постройки имели сугубо хозяйственное назначение. Действительно, в ряде случаев остатки отопительных устройств здесь вообще отсутствуют (Заозерье, Кислые). Но иногда они находились на краю котлована (открытый очаг постройки 2 в Ермошино, рис. 68) или прямо на перекрытии (локальная линза ярко-красного прокаленного песка – Ермошино, постройка 3, рис. 76). Трудно сказать, использовались ли подобные постройки для постоянного жилья, или, быть может, только в теплое время года, а зимой служили хранилищами.

Такие жилища известны на памятниках второй половины I тыс. н.э. – в Польше [Szymanski 1967], а весьма близкие им – на Северо-Западе России, на поселениях культуры сопок. Во втором случае «ваннообразный» котлован занимал только половину полезной площади дома по его длинной оси, печь располагалась в другой половине, а иногда и над котлованом, на перекрытии [Носов, Плохов 1991, с. 121; Конецкий 1991, с. 98–100, рис. 5].

Часть ваннообразных жилищ в ареале древностей круга Заозерье-Узмень также относится к более позднему времени – третьей четверти I тыс. н.э. В частности, на период VII–VIII вв. указывают радиоуглеродные датировки (табл. 1 на с. 111) построек 2 и 3 поселения Ермошино (постройка 3 к тому же прорезала прямоугольную неглубокую полуземлянку с очагом – постройку 4). К сожалению, представительных керамических материалов в ермошинских постройках 2, 3 и 4 не обнаружено. Поздние материалы отмечены и в Заозерье. Но для селищ Куприно и Кислые таких данных, кажется, нет.

Погребальные памятники

В настоящее время с древностями круга Заозерье-Узмень могут быть уверенно соотнесены два погребальных памятника – грунтовые могильники, расположенные близ открытых поселений Узмень и Фролы. Основанием для культурной атрибуции этих некрополей служит несколько обстоятельств: ситуационная близость могильников и селищ, несомненная однородность археологического материала (керамического и, в меньшей степени в силу скудости, вещевого), датировка погребений второй четвертью I тыс. н.э. – периодом существования памятников круга Заозерье-Узмень.

Следует однако оговориться, возможно, несколько забегаая вперед, что все названные здесь погребальные памятники относятся к поздней (второй) фазе развития древностей круга Заозерье-Узмень – к концу IV – V в. Захоронений предшествующего вре-

мени, связанных с первой фазой, пока не обнаружено. И это, по-видимому, не случайно. Сходная ситуация наблюдается и применительно к собственно киевским памятникам Поднепровья и Подесенья. Практически все погребальные памятники относятся либо к ранней, либо к поздней фазе развития этой культуры, а захоронений, условно говоря, первой половины IV века по каким-то причинам выявлено крайне мало. Пожалуй, лишь в Тайманове более или менее уверенно удастся выделить погребения, совершенные на этом отрезке времени [Поболь, Дубицкая, Пилипцевич 2003, с. 30; Терпиловский, Абашина 1992, с. 177].

Грунтовый могильник Узмень расположен в 100 м к северу от одноименного синхронного поселения, на противоположном от него склоне небольшого холма. Могильник исследовался Р. С. Минасяном в течение 1971–1972 гг. [Минасян 1974]. Изученная площадь составляет 872 кв. м. Всего обнаружено 34 погребения по обряду трупосожжения на стороне, помещенных в материковые ямки, частично поврежденных распашкой, различной степени сохранности. Погребения сосредоточены несколькими группами на возвышенных участках рельефа. Как считает автор раскопок, между группами захоронений, попавшими в пределы раскопов 1 и 2, в древности существовало небольшое понижение, заполненное водой или заболоченное и впоследствии запыленное гумусированным песком.

В приложении (с. 119–120) приводится описание погребений по основной публикации данного памятника, включая и результаты антропологического определения костей, дополненное нами сведениями о наличии мелких обломков керамики в безурновых захоронениях, полученными при работе непосредственно с коллекцией.

Таким образом, практически все погребения могильника Узмень были помещены в материковые ямки круглой или овальной формы, диаметром в среднем около 20–35 см. Шесть захоронений – урновые, причем одно из них (погребение 1) было накрыто большим перевернутым сосудом. Аналогичный случай зафиксирован только в Ревячке, однако этот небольшой могильник может относиться и к третьей четверти I тыс. н.э.

Семь погребений из 34 (что составляет 20%) содержат скудный сопроводительный инвентарь, остальные – безынвентарные. Отметим также, что в пахотном слое вне погребений найдены синяя стеклянная бусина и бронзовая умбоновидная бляшка, происходящие, очевидно, из разрушенных захоронений. Десять погребений (29%) наряду с углем содержат мелкие фрагменты лепной керамики, иногда со следами вторичного обжига. Только в четырех случаях (12%) кальцинированные кости были очищены от следов костра, в остальных они залегают вперемешку с углем.

Время функционирования могильника Узмень может быть определено на основании находок из по-

гребений. Бронзовое височное колечко с одним утолщенным концом имеет аналогии на памятниках киевской культуры [Обломский 1991, рис. 32: 28, 30] и на городище Демидовка в верховьях Днепра [Шмидт 1970, рис. 3: 19], которое прекращает функционировать в конце V в. [Фурасьев 1996, с. 5], а также на нескольких селищах круга Заозерье-Узмень в Смоленской области – в Заозерье, Шугайлове [Шмидт 2003, табл. 21: 13, 14, табл. 22: 4, 10]. Железная посоховидная булава из проволоки ромбического сечения аналогична булавам позднего этапа киевской культуры и культуры штрихованной керамики [Медведев 1995б, с. 191–193, рис. 8, 10; Поболь, Ильютик 2002, рис. 53: 2, Поболь, Ильютик 2003, рис. 2: 5]. Такие же булавы найдены на селищах Фролы (рис. 92: 2), Шугайлово и в Демидовке [Шмидт 2003, табл. 20: 5, 9]. Эти находки указывают возможную датировку – IV–V вв., что соответствует и наиболее вероятной датировке поселения (см. в соответствующем разделе).

В 1996 г. был обнаружен второй памятник подобного типа – могильник Фролы, так же как и Узмень, расположенный на окраине сопутствующего селища. Он занимает возвышенную восточную оконечность террасообразного плато коренного берега озера Сенница, максимальная высота которого составляет 5,6 м. В течение 1996–1998 гг. А. Г. Фурасьевым исследована почти вся площадь могильника, не потревоженная распашкой и поздними перекопами. Вскрыта площадь 288 кв. м, обнаружено 21 погребение (Каталог, с. 115–118).

Практически все погребения совершались в грунтовые ямки, и лишь два погребения – 8 и предположительно 18 – урновые. Два погребения – 10 и 15 – поверхностные. Десять погребений содержали сопроводительный инвентарь, что составляет 48% от общего числа захоронений. В четырнадцати погребениях были мелкие фрагменты лепной керамики, часто со следами вторичного обжига, лежащие вперемешку с костями (66%). Только в шести случаях кости очищены от следов погребального костра, в остальных присутствовали угли и зола (71%). Как правило, кости очень мелкие, сильно пережженные, поэтому их объем в погребениях невелик, как невелики и размеры погребальных ямок. Преобладают ямки диаметром 15–30 см. Выделяются две большие ямы – погребения 7 (0,5 м) и 9 (0,9 м).

Обращают на себя внимание и другие, менее характерные, но весьма показательные детали обряда: размещение костей в мягких органических емкостях (погребения 11, 13, 16), вероятно поэтапное помещение костей в ямы, выразившееся в наличии нескольких отдельных сгустков костей в одной ямке (погребения 7 и 12), стратифицированное заполнение могильных ям (погребения 7 и 9), непреднамеренное «сгребание» остатков погребального сопроводительного инвентаря с костра, следами чего стало наличие многочисленных очень мелких обломков бронзы, смешанных с угольками и костями (погребения 4, 13, 17).

Особо выделяется погребение 9 – своего рода ритуальный комплекс, занимавший большую яму диаметром 0,9 м, с остатками сосуда-приставки, столбовой ямой, то есть столбом на поверхности, и воткнутым рядом железным ножом, вероятно, свидетельствующим о ритуале «запирания» могилы (рис. 9б: 12). В этом же погребении, в верхнем горизонте заполнения, была обнаружена цилиндрическая прописка из голубого полупрозрачного стекла (рис. 9б: 11), которая, впрочем, могла попасть в погребение вместе с заполнением ямы культурным слоем более раннего селища.

Для образца угля из погребения 20 получена радиоуглеродная дата (Ле-5429, см. табл. 2 на с. 117), при калибровке дающая интервал от 10 г. до н.э. по 430 г. н.э. Поэтому наиболее вероятное время возникновения могильника – не позднее первой половины V в.

Проблема происхождения погребального обряда грунтовых могильников в регионе Смоленского Поднепровья и Подвинья специально пока не затрагивалась в научной литературе, хотя отдельные высказывания по данному вопросу делались различными авторами. Видимо, тот факт, что на территории Среднего Поднепровья и Подесеня грунтовые могильники были практически единственным видом погребальных памятников на протяжении железного века и раннего средневековья (если не считать курганов кочевников), а известные ныне погребальные традиции середины I тыс. н.э. других близлежащих областей значительно отличаются от них (всевозможные каменные могильники и могильники с оградками Прибалтики, «домики мертвых», восточнолитовские и мощинские курганы), подсказал наиболее простые пути решения проблемы уже при первом ее рассмотрении.

Так, А. Г. Митрофанов, рассматривая проблему происхождения древностей V–VIII вв. Верхнего Поднепровья, связывал появление здесь новых культурных элементов, в том числе и грунтового обряда погребения, с расселением позднезарубинецких (киевских) племен [Митрофанов 1980, с. 107–108]. Этой же точки зрения придерживался и П. Н. Третьяков, считая обряд могильника Акатово в Смоленской области не характерным для местных племен и связанным с традициями населения Среднего Поднепровья [Третьяков 1966, с. 270]. Среднеднепровское происхождение этой обрядности, отмеченной в ареале культуры длинных курганов, или шире – на Северо-Западе Русской равнины, не вызывает сомнений у В. Я. Конечного [Конечный 1997, с. 222], Р. В. Терпиловского [Терпиловский 1999, с. 296] и Г. Цолль-Адамиковой [Цолль-Адамикова 1999, с. 325–326].

Более детальное изучение обрядов захоронения на территории Поднепровья, правда, чуть более позднего времени – V – VII вв., проведенное относительно недавно и основанное на дробной хронологии и сравнительном анализе различных погребальных традиций, также наглядно продемонстрировало

главную роль южных культур (колочинской) в формировании грунтового обряда погребения в середине I тыс. н.э. в тушемлинском ареале [Синица 2004, с. 14–15].

Заметим, однако, что такие явно преобладающие характеристики обряда, как трупосожжение на стороне и помещение костей вперемешку с углями и обломками керамики (в том числе вторично обожженными) в грунтовые ямы, имеют в первой половине I тыс. н.э. очень широкое распространение. Подобные захоронения характерны не только для киевской, но и для черняховской и пшеворской культур. Все они, как правило, безурновые и безынвентарные. И все-таки именно киевский погребальный обряд наиболее близок могильникам Подвинья как в основных чертах, так и в частности.

Располагаются могильники киевской и колочинской культур в непосредственной близости от синхронных им поселений, как и некрополи Подвинья, часто на более возвышенном участке местности, неподалеку от водоема. Могильники Подвинья тяготеют к берегам озер, озерных протоков или небольших рек; некрополи Поднепровья занимают песчаные всхолмления в пойме, иногда – высокие коренные берега рек [Терпиловский, Абашина 1992, с. 38].

Факт частого местонахождения погребений в непосредственной близости от поселений круга Заозерье-Узмень, или даже буквально от жилищ, заслуживает внимания. Данная традиция характерна для киевской культуры, где небольшие по размерам некрополи, включающие от нескольких до полутора-двух десятков погребений, располагаются вплотную к поселениям. В ряде случаев исследователи даже отмечают, что захоронения могли совершаться прямо в пространстве между жилищами [Терпиловский, Абашина 1992, с. 38; Поболь, Ильютик 2003, с. 61]. В нашем регионе единичные погребения, как уже упоминалось, совершены на поселениях Шугайлово и Ревячка. Могильник Фролы возник, по-видимому, на только что заброшенной окраинной части селища. Вполне вероятно увидеть в этом определенную культурную традицию. Ее истоки могут лежать как в ограниченности «чистого» свободного от леса пространства (чистого не только в буквальном, но и в мифологическом смысле), так и в каких-то других ритуально-семиотических представлениях, связанных с противопоставлением «своего» и «чужого», «мира живых» и «мира мертвых».

Погребения киевской культуры в подавляющем большинстве безурновые, безынвентарные, содержат неочищенные кости, помещенные вместе с обломками керамики в грунтовые ямы, диаметром в среднем от 0,35 м до 1,2 м [Терпиловский, Абашина 1992, с. 39–42]. Ямки небольших размеров в Среднем Поднепровье и Подесенье встречаются реже, чем более крупные. Маленькие ямки диаметром до 0,5 м характерны для киевско-колочинских некрополей, расположенных на территории Белорусского Поднепровья [Терпиловский, Абашина 1992, с. 39–42].

Другие индивидуальные особенности погребального обряда могильников Узмень и Фролы также имеют аналогии на памятниках киевской культуры, где они встречаются значительно чаще и рассматриваются как культуруопределяющие: стратифицированное заполнение могильных ям, компактное расположение костей в ямке, наличие как сырых, так и пережженных костей животных, крупных кусков угля и вторично обожженной керамики [Терпиловский, Абашина 1992, с. 39–41, табл. 2]. Ямки от столбов, отмечавших погребение на поверхности, как во Фролах, обнаружены на могильниках киевской культуры Кулига [Щукин 1990, с. 16, рис. 3] и Приоскольское-2 [Обломский 1991, с. 208]. Ямы с углем, но без костей, как на могильниках Узмень и Фролы, часто фиксируются на киевских некрополях, где их связывают с ритуальными действиями [Терпиловский, Абашина 1992, с. 39].

При перерастании киевской культуры в колочинскую обряд существенно не меняется [Горюнова 2004, с. 27], но прослеживается явная тенденция к количественному преобладанию могильных ям небольших размеров (около 20–50 см в диаметре) и увеличению числа урновых [Горюнов 2004, с. 16] и инвентарных погребений. Среди последних встречаются захоронения с многочисленными мелкими пережженными остатками вещей, помещенными сюда скорее всего непреднамеренно, вместе с костями и углем [Горюнова 2004, с. 23; Липкинг 1974, с. 140–141, 147–151; Падин 1974, с. 132–135; Поболь 1974, с. 170], аналогичные погребениям № 4, 13 и 17 могильника Фролы.

По-видимому, могильники Акатово на Смоленщине (раскопки Е. А. Шмидта) и Ревячка в Белоруссии (раскопки А. Г. Митрофанова) представляют собой следующий этап развития погребальной традиции, привнесенной сюда заозерско-узменьским населением. Существенных отличий в погребальном обряде от могильников Узмень и Фролы в Акатове нет. На вероятность более поздней даты указывает высокий процент урновых погребений (40%, то есть почти половина) и отсутствие среди кальцинированных костей мелких обломков вторично обожженной керамики (во всяком случае, в основной публикации памятника этот признак не зафиксирован). Это в целом подтверждает датировку Акатовского могильника, предложенную автором раскопок – V–VII вв. [Шмидт 1963б, с. 61].

Нами была составлена суммарная сравнительная таблица особенностей погребального ритуала могильников Подвинья и наиболее представительных «полей погребений» киевской и колочинской культур Поднепровья и Подесенья [Фурасев 2003а]. Все данные заимствованы из основных публикаций и свода памятников киевской культуры: Новый Быхов и Нижняя Тошица [Поболь 1974], Тайманово [Поболь, Дубицкая, Пилипцевич 2003], Абидня [Поболь, Ильютик 2003] Усох [Падин 1974], Княжинский и Лебязинский [Тихомиров 1990], Казаровичи, Новые

Безрадици, Приоскольское-2 [Терпиловский, Обломский 1992, табл. 2], Картамышшево [Горюнова 2004]. Используются также обобщающие данные по колочинским могильникам из работы Е. А. Горюнова [Горюнов 2004].

По своим основным характеристикам и по совокупности более мелких деталей погребального ритуала можно констатировать значительное сходство, практически тождество погребального обряда грунтовых могильников Подвинья, с одной стороны, и некрополей киевской и колочинской культур Верхнего Поднепровья и Подесенья, с другой. Учитывая, что последние являются результатом развития одной погребальной традиции во времени, можно прийти к выводу, что и на памятниках северных территорий также прослеживается развитие той же киевской погребальной обрядности [Фурасев 2003а].

При этом мы, как и Е. В. Саница, хотя он и датирует этот процесс чуть более поздним временем, склонны думать, что новая погребальная традиция проникает на север, в Смоленское Поднепровье и Подвинье в уже сложившемся виде вместе с населением из более южных областей. Особенно важно, что, по мнению того же исследователя, наиболее вероятный исходный ареал переноса данной традиции, судя по спектру наиболее характерных признаков погребений, – Подесенье [Саница 2004, с. 14–15], что согласуется с нашим выводом (забегая вперед), основанным преимущественно на сравнении керамических традиций.

Кроме двух могильников, нам известны и отдельные захоронения по аналогичному обряду, расположенные непосредственно на территории поселений с материалами круга Заозерье-Узмень, в частности в Заозерье, Шугайлове, Кислых и Ревячке. Скорее всего, они тоже должны быть отнесены к числу интересующих нас древностей. Здесь также прослежена традиция совершения захоронений непосредственно на поселении. Однако в данном случае единственным аргументом для культурной атрибуции является местонахождение этих захоронений. В Заозерье и Шугайлове отмечены и материалы более поздние – третьей четверти I тыс. н.э., а в Ревячке погребения вообще впущены в культурный слой [Митрофанов 1978, с. 119]. Поэтому, несмотря на чрезвычайную культурно-генетическую близость древностей второй и третьей четверти I тыс. на данной территории, в том числе и в области погребальных традиций, вопрос о культурной принадлежности этих единичных захоронений мы оставим открытым.

Еще один памятник не может быть здесь не назван. Курган 3 могильника Повалишино в Полоцком Подвинье интересен и даже уникален тем, что здесь были найдены фрагменты лепного сосуда-урны, поверхность которого орнаментирована расчесами. Пока это единственный случай обнаружения подобной керамики в погребении культуры псковских длинных курганов. В. В. Седов высказал сомнение в принадлежности этого сосуда погребению и предпо-

ложил, что он попал сюда вместе с культурным слоем селища, из которого якобы насыпан курган [Седов 1974, с. 57]. С любезного разрешения Г. В. Штыхова, автора раскопок, мы ознакомились с материалами этого памятника. Представляется наиболее вероятным, что сосуд с расчесами все же был использован в погребении. Его крупные фрагменты вместе с фрагментами других сосудов находились на вершине невысокой первоначальной курганной насыпи, среди россыпи кальцинированных костей (подробнее см. в каталоге памятников); следов культурного слоя в насыпи не зафиксировано. Вопрос о культурных процессах, стоящих за этим частным случаем, будет рассмотрен отдельно.

3. Вещевой комплекс

В данном разделе будут рассмотрены вещевые находки, составляющие набор хозяйственно-бытового инвентаря памятников круга Заозерье-Узмень. Практически все они были в ходу на протяжении долгого времени, многие разновидности предметов лишены особой культурной специфики и не имеют датирующего значения. Но само по себе устойчивое сочетание нескольких, весьма немногочисленных, типов изделий говорит о близости памятников и характеризует определенный хозяйственно-культурный тип населения.

Наиболее часто встречаются на памятниках круга Заозерье следующие категории бытового инвентаря и орудий труда: глиняные пряслица, железные ножи, серпы, кресала, бритвы, обломки лезвий топоров (к сожалению, типологически неопределимые).

Пряслица, как и во многих других культурах железного века и раннего средневековья, являются наиболее массовыми находками после керамики. Подавляющее большинство их – глиняные битрапециодные низкие (диаметр, как правило, больше высоты), с относительно широким отверстием (около 1 см), четкими заостренными формами, часто с вогнутыми основаниями и гранями (рис. 25: 5, 6, 11, 15–17; 63: 1, 2, 105: 7–18 и др.). Поверхность многих из них лощеная. Подобные пряслица характерны для ряда культур лесной зоны начиная с позднзарубинецкого периода – Почепского селища, памятников типа Грини, верхнеднепровского и деснинского вариантов киевской культуры, более поздних культур тушемлинско-банцеровской и псковских длинных курганов [Шарова (Лопатина) 2004, с. 65–72]. Изредка пряслица делались из черепка сосуда (рис. 25: 12).

Другой довольно часто встречающийся вид изделий из глины – **грузила**. Все они отличаются от пряслиц крупной шаровидной или неправильно-цилиндрической формой, в поперечном диаметре достигают 4–5 см. (Фролы, Каменная Лава, Шугайлово, Заозерье, Кислые).

Для каких целей они служили – к сожалению, неясно (рис. 25: 18; 90: 10, 11).

На наших памятниках известны и находки **грузиков** дьякова типа – в Ревячке (рис. 142: 4), Фролах (обломок – рис. 90: 12), Шугайлово, Старом Куприне, Микулине [Шмидт 2003, табл. 17: 14–16]. На данной территории большинство находок этих грузиков связано со среднетушемлинскими городищами первых веков нашей эры, там они обнаруживаются, как правило, по несколько штук на каждый памятник. Во второй четверти I тыс. н.э. встречаются только единичные экземпляры, хотя и на многих селищах. На поселениях позднего этапа днепродвинской культуры распределение находок дьяковских грузиков весьма избирательное: численно находок много, но они сосредоточены буквально всего на трех памятниках – Кострица в Северной Белоруссии [Шадыро 1985, рис. 60], Подгай в верховьях Западной Двины [Станкевич 1960, табл. III], и Новые Батеки на Смоленщине [Шмидт 1992, табл. 38: 13]. Находкам на прочих городищах, имеющих днепродвинские материалы, практически всегда сопутствует профилированная керамика с защипами. По-видимому, на территории Верхнего Поднепровья и Подвинья грузики дьякова типа могут служить неплохим хронологическим индикатором для первых веков нашей эры. И разгадка тайны их назначения могла бы внести важный положительный момент в понимание культурных процессов этого периода.

Имеются также находки предметов литейного или ювелирного ремесла – глиняные **тигли**, **лячки**, **литейные формочки** и их обломки (рис. 59: 9; 64: 1, 2; 105: 3–6). Они довольно многочисленны, но мы не будем на них подробно останавливаться. Особой культурной специфики они не имеют. К сожалению, по сохранившимся фрагментам литейных форм невозможно определить, какие изделия в них отливались. Отметим, что несколько находок форм из Шугайлово [Шмидт 2003, табл. 18: 5, 10] относятся, по мнению О. А. Щегловой, к последней четверти I тыс. н.э. и связаны с кругом вещей из оловянистых сплавов [Щеглова 2002, с. 137, рис. 2: 20].

Ножи встречены двух типов. Первый – с прямой спинкой, – широко распространен на памятниках всего железного века Восточной Европы (рис. 28: 19; 107: 5). Второй тип – ножи с плавными уступами (сверху, а иногда также снизу) при переходе от лезвия к черенку (Фролы, Узмень, Свинухи, Шугайлово, Демидовка, Заозерье). Типологически он является несомненно более поздним (рис. 25: 10, 28: 17, 18; 92: 6; 96: 12, 107: 8–11). Появление таких ножей в лесной зоне Европы, вероятно, можно связывать с зарубинецким временем и влиянием. Во второй четверти I тыс. на памятниках киевской культуры такие ножи известны в огромном количестве (группа II по классификации Р. С. Минасяна [Минасян 1980, с. 69–70]). Правда, есть одно отличие: основная часть этих предметов (но все же не 100%) имеет уступы между лезвием и черенком четко выделенные, вертикаль-

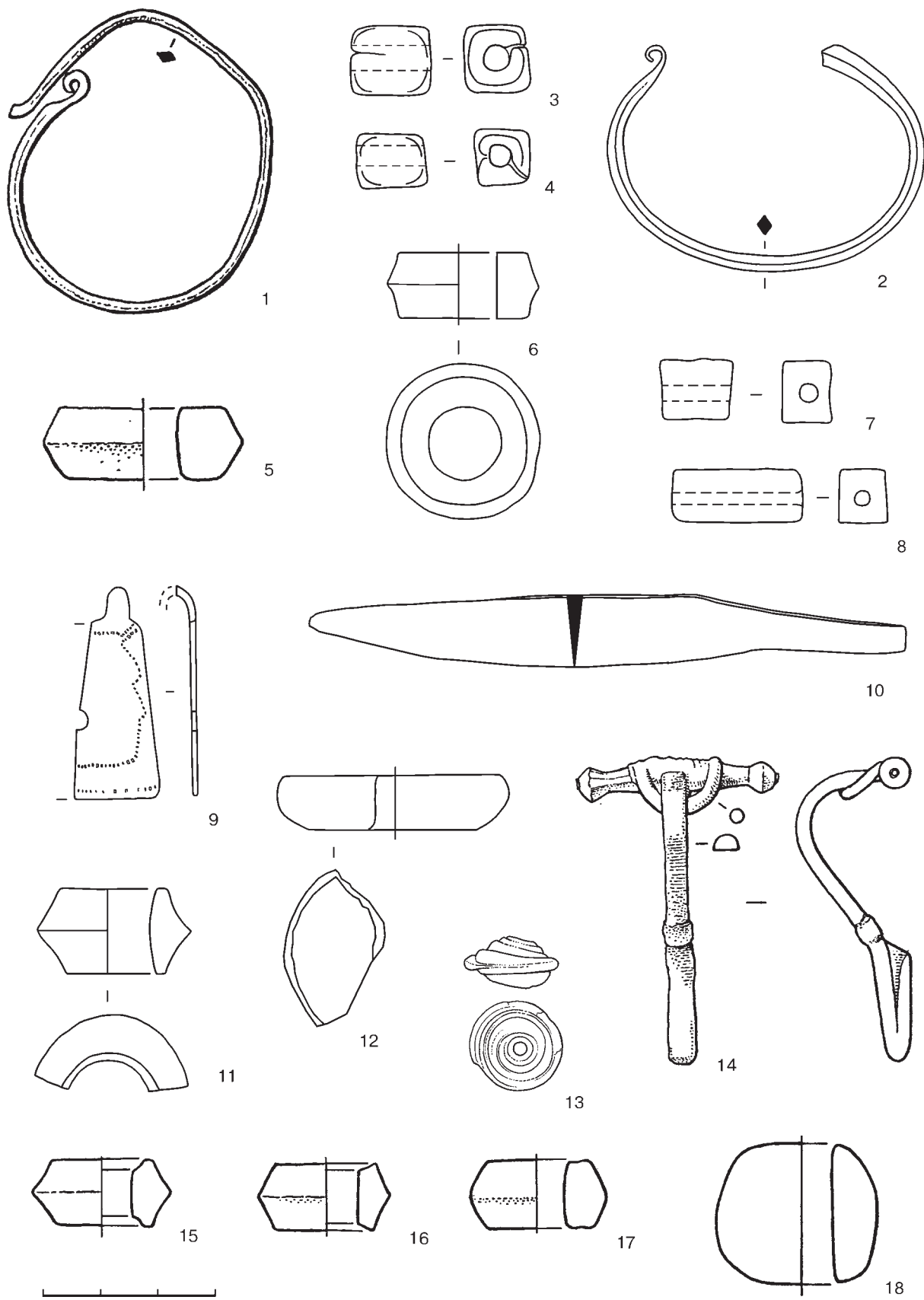

Рис. 25. Находки с памятников круга Заозерье-Узмень.
 1, 5 – Бельчица; 2, 6 – Каменная Лава; 3, 4 – Узмень; 7–12 – Свинухи; 13 – Новое Село; 14–18 – Заозерье.

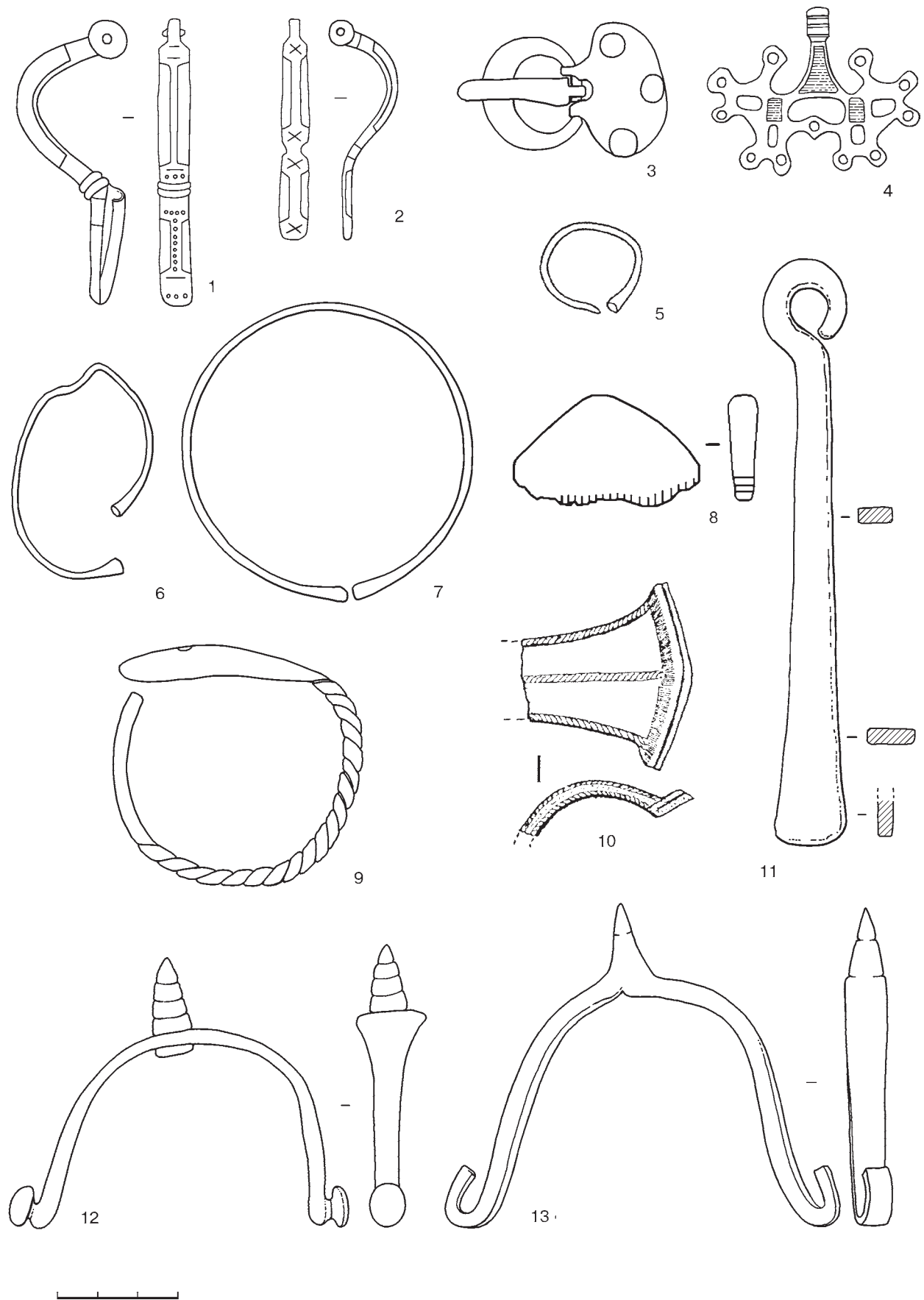

Рис. 26. Находки с памятников круга Заозерье-Узмень (по: [Шмидт 1970; 1994; 2003].
1, 6, 10, 11 – Заозерье; 2, 5, 9, 13 – Шугайлово; 3, 4, 7 – Демидовка; 8 – Кислые; 12 – Цурковка.

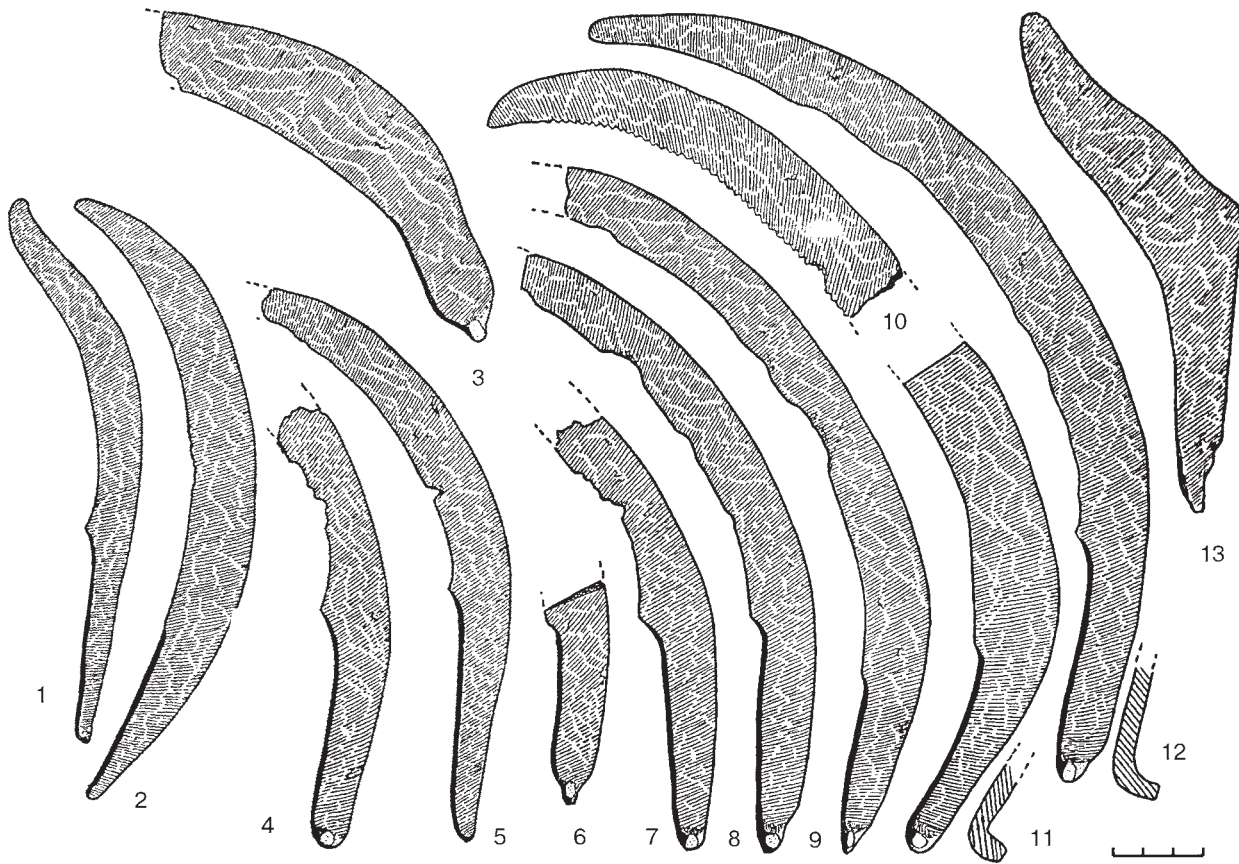

Рис. 27. Железные серпы с памятников круга Заозерье-Узмень [Шмидт 2003, табл. 13–15].
1 – Гнёздово; 2 – Заозерье; 3 – Слобода-Глушица; 4–6 – Кислые; 7–12 – Шугайлово; 13 – Микулино.

ные, в отличие от наших ножей с плавными. Для изготовления первых должен был использоваться напильник (рашпиль), которым эти четкие уступы и оформлялись. Видимо, ремесленники более северных областей (в их числе, кстати, и киевские верхнеднепровские мастера), где подобные находки крайне редки, этим инструментом не располагали и ограничивались только ковкой железа. Возможно, это связано с разными способами насаживания рукоятки на лезвие.

Ассортимент **серпов** немного разнообразнее. Согласно широко известной классификации серпов Р. С. Минасяна, они соответствуют нескольким разновидностям. Первая, более архаичная, – тип 1Д [Минасян 1978, с. 79], такие серпы встречаются еще на поздних днепро-двинских городищах [Минасян 1978, рис. 3: 48, 52] и памятниках типа Абидня (рис. 28: 20, 21). Находки у нас: Фролы (рис. 92: 1), Узмень (рис. 107: 7), Заозерье, Кислые (рис. 27: 2, 5). Более многочисленны находки серпов с принципиально другой схемой крепления рукоятки – с так называемым крючком или «пяткой», загнутым вверх концом для упора (рис. 27: 4, 6–11). Это тип II, первая подгруппа, по классификации Р. С. Минасяна. Конфигурация изгиба лезвия у них также иная – более плавная, само лезвие заметно шире и часто длиннее (Шугайлово, Заозерье, Дедиловичи, Ревячка, Бу-

раково, Кислые). Вероятно, более крупные экземпляры с широким лезвием (рис. 27: 3) принадлежали косам-горбушам (Слобода-Глушица). Этот тип несомненно связан происхождением с культурами южного круга [Минасян 1978, с. 79], а в лесной зоне появляется эпизодически с первых веков нашей эры (зарубинецкая культура и постзарубинецкий пласт памятников, включая среднетушемлинские). Широкое распространение его относится только ко второй четверти I тыс., при этом «киевский след» [Терпиловский, Абашина, 1992, рис. 14: 11–13, с. 61] в этом процессе был, по-видимому, решающим. Позднее количество находок в раннеславянском ареале заметно сокращается [Минасян 1978, с. 79].

Серповидный нож – уникальная находка для нашего круга памятников, причем его культурная принадлежность в данном случае спорна. Он происходит с селища Микулино (рис. 27: 12). Ножи такого типа (по Р. С. Минасяну, вариант В) типичны для позднего этапа днепро-двинской культуры первых веков нашей эры (рис. 36: 8, 11). На данном памятнике материалы днепро-двинской культуры действительно присутствуют, в частности, в керамике.

Кресала представлены несколькими экземплярами (рис. 26: 11, 74: 1). Это пластинчатые кресала с петлей на конце (Слобода-Глушица, Демидовка, Ермошино, Заозерье). Существует мнение, что эти

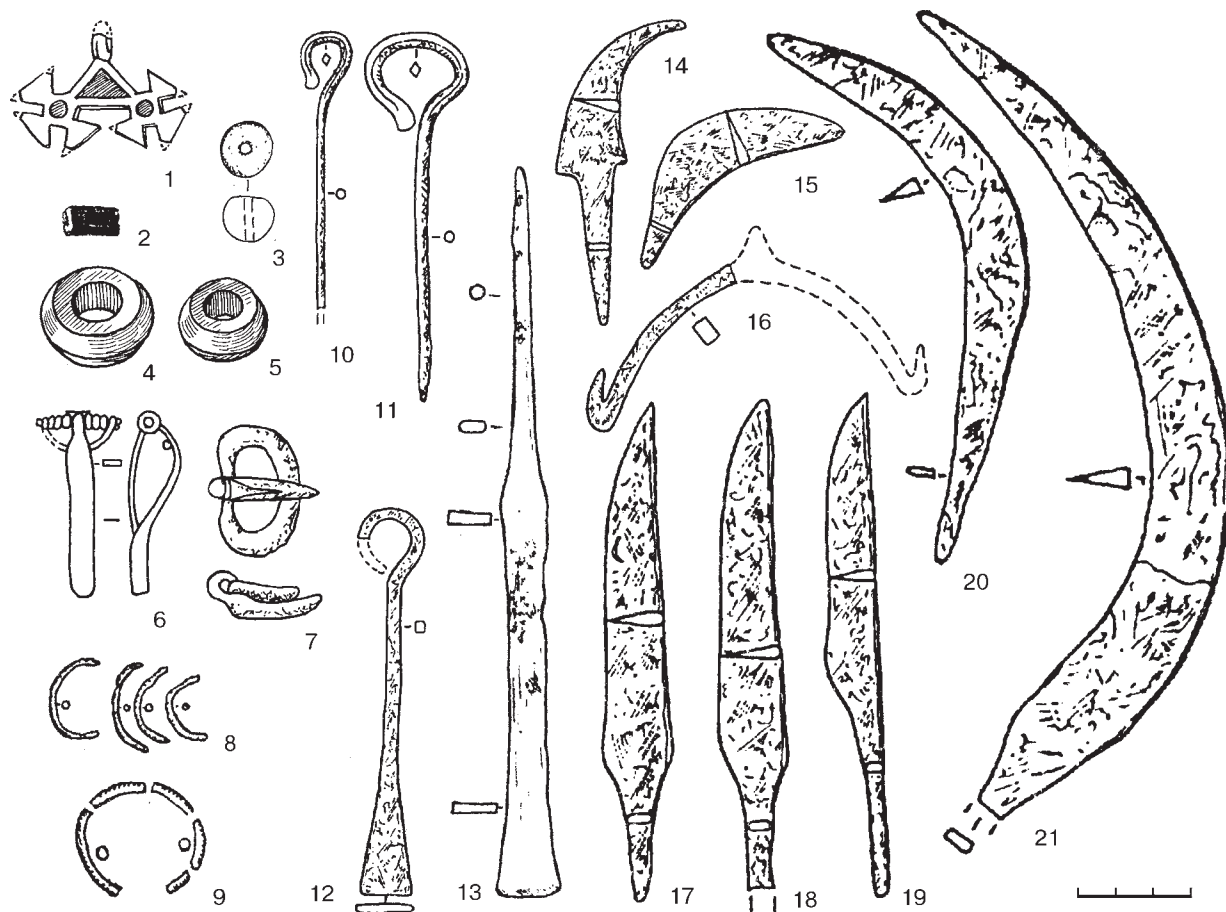

Рис. 28. Вещевой инвентарь памятников киевской культуры Верхнего Поднепровья (Абидня, Тайманово), по: [Медведев 1999; Поболь, Дубицкая, Пилипевич 2003; Поболь, Ильютик 2001].

предметы служили не кресалами, а поясными подвесками, впрочем, одно не исключает другое. Мы не будем решать этот спорный вопрос на столь ограниченном материале. Данный тип изделий довольно широко распространен в лесной зоне Восточной Европы, известен он и на киевских памятниках Верхнего Поднепровья (рис. 28: 12).

Также спорна и функциональная атрибуция весьма близких по виду предметов, но не с загнутым в петлю, а с прямым стержневидным концом. Возможно, это так называемые «долотовидные» кресала [Лыч 1997, с. 95; Шмидт 2003, табл. 8], не исключено, что стрелы-срезни. Так или иначе, важно, что этот тип изделий очень четко связан во второй и третьей четверти I тыс. н.э. с вполне определенным культурным миром: киевская культура, круг Заозерье-Узмень, культуры тушемлинская, колочинская и псковских длинных курганов. Находки на памятниках круга Заозерье-Узмень: Каменная Лава (обломок), Узмень (3 экз.), Демидовка, Шугайлово, Ермошино, Старое Куприно, Кислые (рис. 74: 12, 106: 5–7).

Фрагментированное изделие из Ермошина, возможно, являлось «фитильной трубочкой» (рис. 74: 2).

Все бритвы однотипны: они имеют прямой черенок (иногда короткий, иногда длинный) и плавно выгнутое наружу сегментовидное лезвие (рис. 107: 4, 6). Найдены на поселениях Узмень (3 экз.), Демидовка, Заозерье. Аналогичные бритвы распространяются еще с первых веков н.э., в ареале древностей круга Заозерье-Узмень они известны также на памятниках днепро-двинской (Барсуки, Бураково, рис. 36: 3, 4), среднетушемлинской (Староселье) культур. Южнее находки отмечены на киевских верхнеднепровских поселениях (рис. 28: 14, 15). Надо сказать, что название «бритвы» применительно к этим изделиям условно. Назначение их скорее всего было совершенно иным. Довольно крупные размеры, длинный черенок и крутизна лезвия позволяют предполагать, что это могли быть разделочные ножи или орудия для выделки шкур и кож.

Упомянем обломки лезвий топоров (Подосинки, Узмень – рис. 97: 2; 107: 1–3 и др.), орудия рыболовства из железа – крючки (Заозерье, Слобода-Глушица [Шмидт 2003, табл. 13: 9, 10] Узмень, рис. 106: 1) и составные остроги (Узмень, рис. 106: 8–11; Шугайлово [Шмидт 2003, табл. 13: 15]).

К предметам снаряжения всадника относятся удила и шпоры. Шпоры известны двух типов – с пуговицеобразными зацепами и с загнутыми наружу концами. Первые рассмотрены нами чуть ниже, в разделе о хронологии. Второй тип шпор принципиального значения для датировки не имеет, но зато территориально он распространен весьма широко, практически по всей лесной зоне Восточной Евро-

пы, на различных памятниках второй и третьей четвертей I тыс. н.э., включая и раннеславянские (или предположительно раннеславянские) древности. Это тип V по В. Б. Перхавко – шпоры с острым коническим шипом и отогнутыми крючками [Перхавко 1978, с. 122]. Находки на поселениях круга Заозерье-Узмень – Шугайлово, Демидовка, Дедиловичи и др. (рис. 26: 13; 138: 8).

Удила, точнее их обломки, найдены на двух памятниках – Демидовка и Слобода-Глушица. Они однотипны, принадлежали двучастным кольчатым удилам, широко распространенным в Восточной Европе. К сожалению, хронология таких предметов практически не разработана.

Детали поясной гарнитуры – **пряжки** и накладки на ремни (Демидовка) – по большей части характерны для древностей позднеримского и раннесредневекового времени юга Восточной и Центральной Европы. Те находки, которые могут быть типологически определены и датированы, подробно рассмотрены нами в разделе о хронологии.

Что касается оружия, то, на наш взгляд, практически все найденные на памятниках круга Заозерье предметы вооружения (наконечники стрел и копий) имеют чужеродное происхождение. Они происходят с поселений, погибших в результате вражеского нападения, и принадлежали скорее всего не оборонявшимся, а нападающим. Особенно показателен в этом отношении набор оружия из горизонта пожара Демидовки [Шмидт 2004, табл. 1–3]. Трехлопастные стрелы, часть которых имеет прокованные трехгранные острия (бронебойные?) в сочетании с копьями нескольких типов (среди которых есть экземпляры уникальные для лесной зоны Восточной Европы этого времени) наиболее характерны для центрально-европейского набора вооружения эпохи Великого переселения народов. Попадание этих предметов вооружения на отмеченную территорию может быть убедительно связано с внешним вторжением с запада, прокатившимся во второй половине V в. по западнодвинскому бассейну, вплоть до Волго-Окского междуречья [Казанский 1999, с. 414–415; Ахмедов, Казанский 2004, с. 172–173].

Особое внимание следует обратить также на ряд вещей, преимущественно украшений, которые, хотя и не могут быть точно датированы, тем не менее важны тем, что их частое обнаружение на многих памятниках нашего круга, видимо, не случайно. Эти предметы составляют устойчивый комплекс, связанный с традиционным костюмом населения, и поэтому отражают этнокультурную специфику изучаемого круга древностей.

Проволочные височные кольца, изготовленные из бронзы, или в редких случаях из серебра, встречаются нескольких разновидностей, главными различиями между которыми служат, во-первых, сечение проволоки (круглое либо четырехгранное); во-вторых, размеры. По этим признакам можно выделить три близких варианта:

1. Крупные кольца из проволоки круглого сечения со слегка расширяющимися концами. Диаметр 6–9,5 см. Толщина проволоки – около 2,5 мм (рис. 26: 6, 7). Все они найдены в Демидовке [Шмидт 2003, табл. 21: 2, 4, 6, 8, 12].

2. Маленькие колечки из такой же проволоки, но чаще всего с одним расширяющимся концом, возможно, изготовленные из обломков больших колец [Шмидт 2003, с. 80], изредка с двумя. Их диаметр колеблется примерно от 2,5 до 4,5 см. Находки таких колечек отмечены в Демидовке, Шугайлово, Заозерье, Узмене, Повалишине (погребение в кургане). Это наиболее распространенный вариант (рис. 26: 5; 96: 23).

3. Кольца из проволоки четырехгранного (ромбического) сечения, один конец которых слегка расширяется, а другой сплюснен и согнут в маленький завиток. Диаметр их около 5–6 см. Два таких кольца найдены на селищах Бельчица и Каменная Лава (рис. 25: 1, 2). Кроме того, в одном из погребений могильника Фролы обнаружены фрагменты более крупных изделий из аналогичной проволоки (рис. 96: 21, 22), диаметр которых мог достигать 9–10 см. Возможно, это также крупные височные кольца, по размерам подобные первому варианту.

Вероятно, кольца первого варианта являются относительно более поздними. Во-первых, Демидовка – памятник в целом V века (см. ниже), во-вторых, почти аналогичные украшения, но еще чуть более крупные, известны вкладах «древностей антов» в Поднепровье, которые относятся уже к VII в. [Щеглова 1990, с. 180–181, Корзухина 1996, табл. 64]. Колечки маленьких размеров появляются еще на памятниках киевской культуры [Обломский 1991, рис. 32: 28–31; Терпиловский 1984, табл. 16: 3] и особенно широко распространяются в колочинское время [Горюнова 2004, рис. 6: 2; Липкинг 1974, рис. 2: 12; Поболь 1974, рис. 7: 7].

Посоховидные булавки, обнаруженные на памятниках круга Заозерье-Узмень, практически все однотипны. Они изготовлены из железного стержня круглого сечения, верхняя часть которого прокована, чтобы придать ей четырехгранность (ромбовидное сечение), и согнута в головку округлой или округло-подтреугольной формы. Находок несколько: Фролы, Узмень, Демидовка, Шугайлово (рис. 92: 2; 105: 1). Согласно сведениям, собранным А. М. Медведевым, данный тип посоховидных булавок во второй четверти I тыс. является характерным для памятников киевской культуры (в особенности верхнеднепровского варианта), а несколько ранее он был распространен и на городищах культуры штрихованной керамики [Медведев 1995б, с. 193–197].

Бусы из стекла, по-видимому, были редкостью на наших памятниках. Все они, несомненно, привозные. За исключением редчайших случаев (Демидовка – бусы с металлической прокладкой, Городок, Новое Село – зеленые спиральные, рис. 25: 13), все они выполнены из не очень качественного глухого темно-синего стекла и имеют форму куба или параллелепипеда

со скругленными углами (Фролы, Узмень – 3 экз., Каменная Лава) (рис. 25: 3, 4; 92: 7). Находки таких бус весьма характерны для памятников третьей четверти I тыс. н.э. чуть ли не всей Восточной Европы (культура длинных курганов, колочинская, пражская, могильники южного Крыма, рязано-окские могильники). Вероятно, и на памятниках типа Заозерье они появляются только на поздней стадии развития. За недостатком стеклянных украшений население изготавливало бусы из глины (рис. 25: 7, 8; 59: 8; 64: 3; 75: 1). Они имеют округлую или подпрямоугольную форму (Демидовка, Шугайлово, Микулино, Свинухи, Ермошино). На Демидовке же найдены янтарные дисковидные бусы, тоже единственный случай.

Важное место в costume населения, оставившего древности круга ЗУ, занимали так называемые восточноевропейские выемчатые эмали, которые подробно будут рассмотрены в разделе, посвященном хронологии. Здесь мы отметим следующее. Находки таких украшений с нескольких селищ и с городища Демидовка (см. ниже) служат подтверждением того, что это не случайные вещи, а устойчивая традиция, присущая населению и ярко характеризующая его этнокультурную специфику. Кроме бесспорных фактов обнаружения вещей с эмалью на селищах и городище Демидовка (см. ниже), мы считаем вполне возможным связывать с изучаемым кругом древностей также отдельные находки в их ареале (см. хорошо известную сводку Г.Ф.Корзухиной, кат. №№ 87, 245, 246 [Корзухина 1978, с. 75, 85]), а также и вполне возможно, клад на городище Сутоки Себежского р-на Псковской обл., к сожалению, не сохранившийся [Корзухина 1978, с. 80, кат. № 188].

Подводя итог вещеведческой части работы, можно констатировать следующее. Набор орудий труда, бытовых изделий и некоторые наиболее распространенные украшения на памятниках круга Заозерье-Узмень образуют вполне определенный комплекс, который, хотя и не отличается разнообразием ассортимента и обилием в количественном отношении, тем не менее сохраняет устойчивое сочетание типов предметов на многих памятниках, поэтому может рассматриваться как один из культурно-определяющих признаков. Этот комплекс включает в себя: ножи, серпы с пяткой и без нее, пластинчатые и «долотовидные» кресала, «бритвы», биконические пряслица, круглые грузила, некоторые виды украшений (височные кольца, посоховидные булавы, находки круга варварских эмалей и редкие черняховские импорты – фибулы, бусы и некоторые другие).

4. Хронология

Серия ранних датированных находок – фибул и украшений круга выемчатых эмалей – происходит из сборов на группе памятников бассейна р. Одров [Колосовский, Куропаткин 2002, рис. 58: 1, 2; 62: 1]. Все

они укладываются в рамки конца II – III в. н.э., то есть основного периода бытования восточноевропейских эмалей, а фибула типа Альмгрен 84 [Колосовский, Куропаткин 2002, рис. 59: 9] захватывает и более раннее постзарубинецкое время. Строго говоря, эта группа памятников может рассматриваться как связующее звено (и по своей хронологии, и согласно географическому положению) между ареалами древностей типа Абидня, с одной стороны, и круга Заозерье-Узмень, с другой.

Наиболее ранние датированные находки на памятниках круга Заозерье-Узмень основной территории происходят из раскопок Е. А. Шмидта в Смоленской области [Шмидт 1994, рис. 1]. На эпонимном селище у д. Заозерье найден фрагмент манжетовидного браслета (рис. 26: 10) типа украшений круга выемчатых эмалей. Такие браслеты наиболее характерны для западнобалтских древностей начала позднеримского времени (период С1 по К. Годловскому). В лесной зоне Восточной Европы эти браслеты встречаются в комплексах вещей с эмалью, относящихся преимущественно к III в., в частности, они входят в состав кладов на городище Мошино и на поселении ранней фазы киевской культуры Шишино-5 [Гороховский 1982, с. 135; Гороховский, Обломский 1986, с. 15–17; Обломский 1991, с. 181].

В Цурковке, в насыпях культуры смоленских длинных курганов, вместе с материалами более раннего селища второй четверти I тыс. н.э., найдена железная шпора с пуговицеобразными зацепами [Шмидт 1958, с. 165, рис. 4: 9] группы V по К. Годловскому, относящаяся к начальному периоду позднеримского времени (рис. 26: 12). По мнению Е. А. Шмидта, население Смоленского Поднепровья использовало данный тип шпор в III–IV вв. [Шмидт 2003, с. 135]. Однако есть все основания сузить эту дату до III в., так как в Поднепровье они происходят с памятников только раннего этапа киевской культуры – Новые Безрадицы [Терпиловский, Абашина 1992, с. 109] и Попово-Лежачи 4 на Сейме [Обломский, Терпиловский 1998, с. 66, рис. 7: 16]. В работе Е. Гинальского шпоры данного типа из могильников пшеворской культуры объединены в подгруппу F. Они бытуют в течение периодов С1а и С1в центрально-европейской хронологической шкалы (примерно 180–270 гг.), а позже неизвестны [Ginalski 1991, s. 64–67, гус. 19]. Аналогичная шпора происходит и из Слободы-Глушицы. Шпора, найденная в Шугайлово, имеет зацепы иной формы, в виде отогнутых наружу крючков (рис. 26: 13). Это наиболее характерный для третьей четверти I тыс. н.э. тип шпор в Восточной Европе, однако самые ранние его образцы известны и на памятниках III–IV вв. н.э. [Магомедов, Левада, 1996, с. 310; Перхавко 1978, с. 122].

На поселении Кислые обнаружен костяной односторонний гребень с треугольной спинкой (рис. 26: 8). Односторонние гребни в типологии З. Томас рассматривались обобщенно (типы А1 и П, треугольная спинка специально не отмечена);

указано, что они главным образом относятся к раннеримскому времени и изредка – к началу поздне-римского [Thomas 1960, S. 56, 57, 120]. Согласно выводам Г. Ф. Никитиной, время бытования одночастных костяных гребней в Восточной Европе довольно четко ограничено III в., скорее даже его началом. Наиболее показателен в этом отношении факт почти полного отсутствия таких предметов в погребениях черняховской культуры, даже на ранней стадии ее развития [Никитина 1969, с. 154–155].

На двух памятниках в витебском Подвинье – селище Городок и городище Новое Село – найдены дисковидные спиральные бусины из зеленого стекла (*рис. 25: 13*) [Левко 2003, *рис. 4: 2*; Подгурский 2005, с. 551, *рис. 76: 2*]. В Центральной Европе такие бусы часто встречаются в комплексах периодов B2 – C1в (80–270 гг.) [Tempelmann-Maczynska 1985, p. 45–47, *tab. 8, taf. 3, 193, 194*]. Очевидно, более поздние находки данного типа бус (но худшего качества изготовления) в Восточной Европе происходят из памятников черняховской и киевской культур [Терпиловский 1984, *табл. 13:15*; Бажан, Гей 1992, *рис. 4, VI, рис. 11, II*]. По мнению О. В. Бобровской, такие бусы могли изготавливаться непосредственно населением черняховской культуры, хронологически они наиболее характерны для комплексов 1-й и 2-й фаз черняховских могильников, то есть для середины III – первой трети IV в. [Бобровская 1999, с. 154, *рис. 4:2*; Гороховский 1988а, с. 42–43].

На селище Микольцы найдены две бронзовые двучленные прогнутые подвязные фибулы [Зверуго 2005, с. 104], из которых одна (*рис. 29: 7*) по датировке относится к раннему периоду древностей круга Заозерье-Узмень: тип Альмгрен VI-161 – III в. н.э. или чуть шире – конец II – начало IV в. [Амброз 1966, с. 59].

Важными данными для датировки являются результаты радиоуглеродного анализа (*табл. 1 и 2* на с. 111 и 117), проводившегося главным образом на двух опорных памятниках – Ермошино и Фролы. К первому периоду древностей круга Заозерье-Узмень относятся пять дат: Ле-4955, Ле-5372, Ле-5374, Ле-5375, Ле-5376 (их расположение на абсолютной шкале – *рис. 29*). Следует оговориться, что серия дат из Фролов может быть несколько старше, чем начало накопления культурного слоя. Следовательно, первый период селища Фролы должен относиться не к самому раннему времени поселений круга Заозерье-Узмень, а к первой половине IV в. (подробнее см. в каталоге памятников). К сожалению, два образца из постройки 1 селища Ермошино оказались не относящимися ко времени этого объекта. Из них стратиграфически наиболее ранний (Ле-4956) дал современную дату, а происходящий из верхнего горизонта (Ле-4954) – VII–VIII вв., что вполне характерно для памятника в целом, но только не для постройки 1. Небольшой образец угля из очага поврежденной в древности постройки 4 (аналогичной постройке 1) имел слишком большую погрешность датировки (Ле-4948).

Таким образом, наиболее вероятное время появления первых памятников круга Заозерье-Узмень в Верхнем (Смоленском) Поднепровье и Подвинье на основании вещевых находок и данных радиоуглеродного анализа может быть определено в рамках III в. н.э., что было убедительно показано Е. А. Шмидтом применительно к памятникам Смоленщины, которые он рассматривает как ранний этап тушемлинской культуры [Шмидт 1994, с. 108–109; Шмидт 2003, с. 136]. Некоторые наблюдения над особенностями керамического комплекса различных памятников и соотношением некоторых выделенных нами локальных типов поселений круга ЗУ позволят уточнить эту датировку.

Особенно следует подчеркнуть, что, так же как и по ряду особенностей керамического комплекса, по своему вещевому набору ранние памятники круга Заозерье-Узмень соответствуют ранней фазе киевской культуры. Особенно показательны в данном отношении вещи круга восточноевропейских выемчатых эмалей, на территории Поднепровья встреченные в комплексах только раннего этапа киевских древностей [Обломский 1999, с. 83–84]. Следовательно, время появления первых памятников в Подвинье, генетически связанных с киевским культурным миром, должно было произойти не позднее первой половины – середины III в. (*рис. 29*).

Основной (второй) период существования древностей круга Заозерье-Узмень представлен более многочисленными и разнообразными датирующими находками (*рис. 29: 8–22*). Вторая фибула из Микольцев типа Альмгрен VI-162 (*рис. 29: 8*) – датируется концом IV – 1-й половиной V в. [Амброз 1966, с. 66; Зверуго 2005, с. 104]. На селище Шугайлово обнаружен фрагмент витой бронзовой гривны с ложковидным концом, превращенный в браслет (*рис. 26: 9*). Такие гривны особенно широко были распространены в Литве в III–IV вв., в комплексах восточнолитовских курганов они встречаются с вещами круга выемчатых эмалей [Гороховский 1982, с. 135]. Дата довольно широка и может относиться к обоим периодам древностей круга Заозерье-Узмень. Но с селища Шугайлово происходит и черняховская бронзовая прогнутая подвязная фибула (*рис. 26: 2*) серии БЗ по классификации Е. Л. Гороховского, датируемая серединой IV – началом V в. [Гороховский 1988а, с. 44–45]. А. К. Амброз такие фибулы датировал суммарно в пределах всего IV в. [Амброз 1966, с. 64, *табл. 11: 14*].

Железный трехлопастной наконечник стрелы из Узменя (*рис. 106: 8*) относится к типу 3а по классификации И. П. Засецкой и датируется гуннским временем, то есть концом IV – V в., в комплексах VI–VII вв. такие наконечники не встречены [Засецкая 1994, с. 37–39]. Железные бритвы (с того же поселения) с серповидным лезвием и длинным прямым черенком (*рис. 107: 1, 3*) характерны для многих культур первой половины I тыс. н.э. – штрихованной керамики, днепро-двинской, киевской, древностей Прибалтики.

По мнению А. Г. Митрофанова, они датируются временем до конца IV в. [Митрофанов 1978, с. 35]. В могильниках Эстонии и Латвии такие находки особенно характерны для первых веков нашей эры [Короткевич 1989, с. 12]. Массивный бронзовый браслет с утолщающимися подквадратными в сечении концами (*рис. 105: 9*) имеет аналогии на ряде памятников позднего этапа киевской культуры [Терпиловский, Абашина 1992, с. 67], в рязано-окских могильниках, в погребениях IV–V вв. [Ахмедов, Белоцерковская 1996, с. 121, рис. 1: 10, 7: 7].

Находки в слое селища под могильником Фролы – железная пряжка с круглой утолщенной спереди рамкой и хоботовидным язычком (*рис. 90: 16*) и стеклянная миниатюрная пронизка в виде трубочки с перехватиком на конце (*рис. 96: 11*) – относятся к тому же периоду. Время бытования подобных пронизок в Северном Причерноморье и Центральной Европе относится преимущественно к первым векам н.э., а в IV в. их производство прекращается [Алексеева 1978, с. 67, рис. 15], хотя отдельные экземпляры встречаются еще в комплексах периода D [Stawiarska 1987, s. 39, tab. 8, taf. 3, 145, 147]. Железная пряжка с хоботовидным язычком относится к числу предметов, широко распространившихся в эпоху Великого переселения народов, правда, чаще всего подобные пряжки выполнялись из цветных металлов [Засецкая 1994, с. 93, рис. 19в, 36]. И именно из серебра выполнена аналогичная пряжка (*рис. 26: 3*) в составе поясного набора, найденного в качестве клада на городище Демидовка [Шмидт 2003, табл. 1: 19]. На памятниках Поднепровья пряжки данного типа датируются концом IV – V в. [Гороховский 1988, с. 15–16]. В Центральной Европе они являются характерной деталью поясов всего периода D [Tejral 1997, Abb. 9; 17]. Поясной набор из Демидовки состоял из упомянутой круглой пряжки и нескольких десятков прямоугольных накладок. Как полагает М. Казанский, он может быть датирован по многочисленным аналогиям скорее всего концом IV – первой половиной V в. [Kazanski 1993, p. 122–123].

Черняховская подвзаяная фибула из Заозерья (*рис. 26: 1*) относится к серии Б3 по классификации Е. Л. Гороховского и датируется серединой IV – началом V в., скорее даже концом этого периода из-за своих крупных размеров [Гороховский 1988а, с. 44–45]. А. К. Амброс такие фибулы датировал суммарно в пределах всего IV в. [Амброс 1966, с. 64, табл. 11: 12–15]. Дата второй фибулы из Заозерья – железной прогнутой подвзаяной с бронзовыми декоративными шишечками, насаженными на концы оси пружины, определяется сложнее (*рис. 25: 14*). Тип фибулы как таковой характерен для IV – первой половины V в. [Гороховский 1988, с. 12], но насаживание литых шишечек на перекладину или на концы оси пружины – специфическая черта двупластинчатых фибул эпохи Великого переселения народов. Поэтому находка из Заозерья может датироваться, вероятнее всего, первой половиной V в.

На селище Свинухи найден обломок бронзовой пластины с отверстием – часть прямоугольного щитка пряжки (*рис. 25: 9*). В целом такие изделия характерны для финала позднеримского времени и для эпохи переселения народов, точечный орнамент насечками на этом щитке, возможно, является пережитком или подражанием орнаментации западноевропейского стиля Сёсдал конца IV – первой половины V в.

На городище Лемница найдена средневропейская железная В-образная пряжка с рифлением (*рис. 29: 22*) [Медведев 1995, рис. 1: 3], дата которой – вторая и третья четверти V в., периоды D2 и D3 [Бажан, Каргапольцев 1989, 29–33]. Однако, учитывая, что распространение таких пряжек на Северо-Западе Русской равнины принято связывать с культурным импульсом середины – второй половины V в., эта находка из Лемницы может относиться уже ко времени «классических» тушемлинских городищ.

Вопрос датировки городищ с материалами круга Заозерье-Узмень заслуживает особого внимания. Е. А. Шмидт неоднократно отмечал, что традиция орнаментации части керамики расчесами в Смоленском Поднепровье исчезает до момента возникновения большинства тушемлинских городищ V–VII вв., так как на них такой посуды не найдено [Шмидт 1975, с. 21; Шмидт 1994, с. 108; Шмидт 1997, с. 347]. В целом это утверждение проверено на практике и не вызывает сомнений. На территории Смоленщины имеется только один памятник, несколько выбивающийся из этих рамок – городище Демидовка. Оно в течение нескольких сезонов было полностью раскопано Е. А. Шмидтом и принесло огромную по богатству вещевых и керамических находок коллекцию. Верхний слой, относящийся, по мнению автора раскопок, к V–VII вв., содержал несколько фрагментов лепной керамики, орнаментированной расчесами.

Проделанная нами работа по уточнению хронологии этого памятника позволила установить, что начало накопления верхнего слоя Демидовки относится еще ко второй половине IV в., или к рубежу IV–V вв. [Фурасев 1997, с. 34], на что указывают находки лунницы с выемчатой эмалью (*рис. 26: 4*) позднего варианта развития таких изделий [Гороховский 1982а, с. 131] и гончарного серолощенного кубка черняховского происхождения (*рис. 29: 14*) [Kazanski 1992, p. 94]. Время гибели городища Демидовка в результате пожара маркировано самыми поздними находками середины – второй половины V в. [Фурасев 1996, с. 5]: трехлопастными гуннскими наконечниками стрел, серебряным поясным набором (пряжка и накладки), фрагментом бронзовой двупластинчатой фибулы, серебряной пряжкой с кербшитным орнаментом (несомненно импортной), также датируемой по западноевропейским аналогиям последней третью V в. [Фурасев 2001, с. 5]. Для горизонта пожара на городище Демидовка имеется одна дата по ^{14}C – 1570 ± 60 [Шмидт 2003, с. 141]. При калибровке эта дата дает интервал 420–550 гг. н.э.

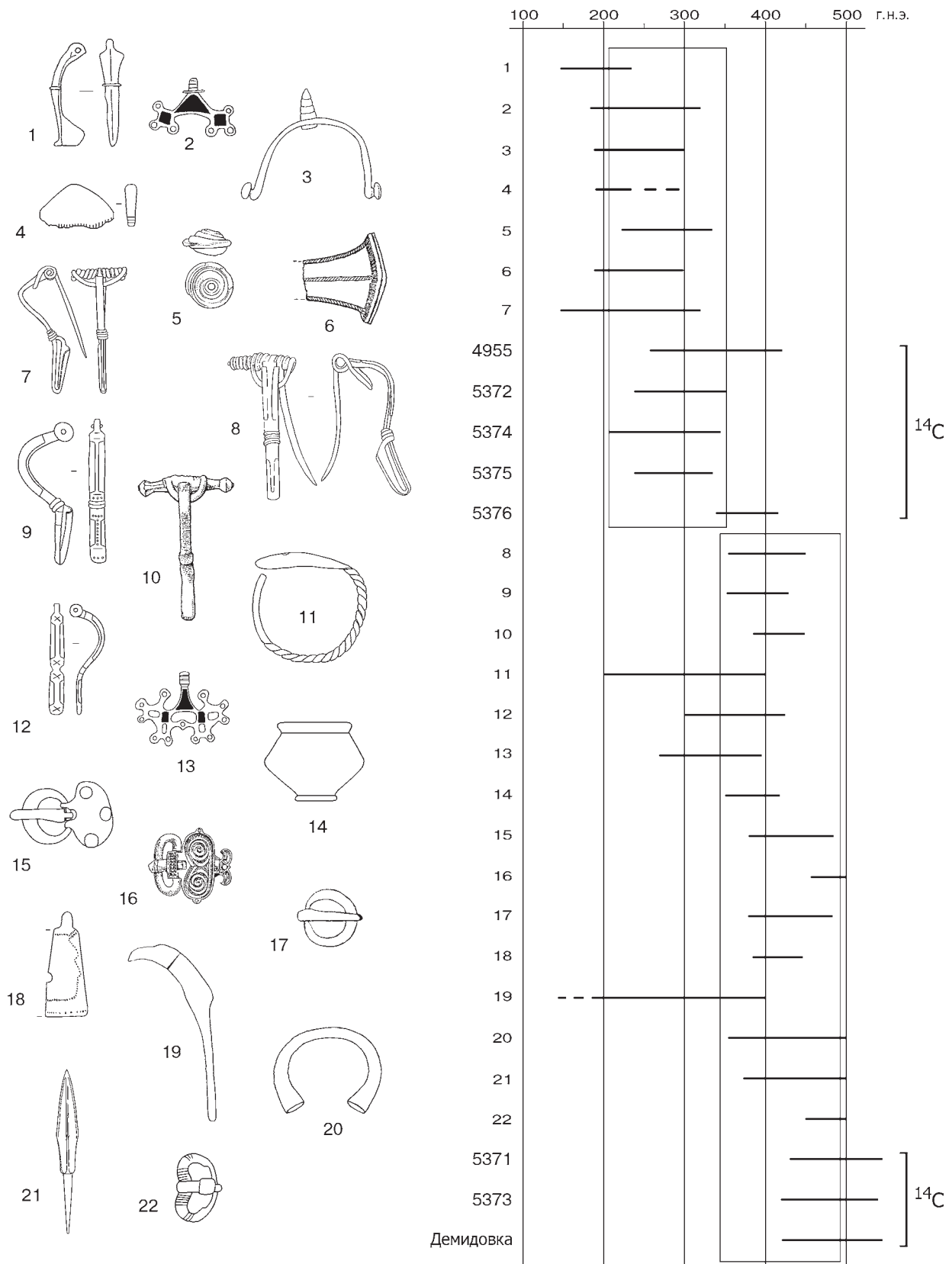

Рис. 29. Хронология древностей круга Заозерье-Узмень.
 Прямоугольниками обведены датировки периодов по совокупности данных.
 Радиоуглеродные даты – см. табл. 1 и 2 на с. 111 и 117.

Таким образом, верхний слой Демидовки с редким для городищ случаем наличия керамики с расчесами узко датируется в пределах от конца IV в. до конца V в., то есть он захватывает финальный период существования памятников типа ЗУ, и, видимо, маркирует тот хронологический рубеж, за которым начинается функционирование уже тушемлинско-банцеровских городищ третьей четверти I тыс. н.э. Возможно, именно керамика с расчесами соответствует наиболее ранним датированным находкам верхнего слоя, маркируя начало его формирования, или даже составляет в комплексе с ранними вещами отдельный горизонт недолгого формирования, стратиграфически не выраженный.

Скопление городищ, где найдена керамика с расчесами, известно теперь в витебско-полоцком Подвинье (см. выше). Возможно, это именно тот регион, где наиболее рано (для данного исторического периода), еще во время бытования керамики с расчесами, началось освоение городищ.

Радиоуглеродные даты для второго периода древностей круга Заозерье-Узмень получены также на селище Фролы, где два образца стратиграфически относятся к рубежу раннего и позднего горизонтов культурного слоя (Ле-5371 и Ле-5373, см. табл. 2 на с. 117). Широко датирован также образец из погр. 20 могильника Фролы (Ле-5429). При датировке этого могильника нужно учесть, что он частично перекрывает селище, содержащее несколько находок, датирующихся временем не ранее IV вв. (см. выше). Следовательно, могильник можно датировать в рамках всего V в.

С учетом имеющихся данных по хронологии вещей и по ^{14}C основной период существования древностей круга Заозерье-Узмень датируется второй половиной IV – V в. н.э. (рис. 29). При определении их верхней хронологической границы следует учитывать, что она отчасти условна, поскольку на данной территории памятники круга Заозерье-Узмень трансформируются в культуры эпохи раннего средневековья, вероятно, без существенной смены населения (см. главу 4).

5. Подходы к подразделению

В составе древностей круга Заозерье-Узмень наблюдаются отдельные культурно-хронологические группы (такие единства называют обычно «памятники типа...»), имеющие локальную специфику. Удастся наметить также их изменение во времени. Состояние источников, однако, не позволяет во многих случаях уверенно объяснить особенности того или иного памятника как локальные или хронологические, а также подобрать ему однозначное место в системе культурно-хронологических групп.

Важнейшим инструментом выделения культурно-хронологических групп является анализ наборов ке-

рамической посуды, наблюдения за распределением и встречаемостью стилей и типов керамики. К сожалению, на памятниках круга Заозерье-Узмень закрытые комплексы керамики, так необходимые для построения системы хронологических групп, – большая редкость. Поэтому приходится основываться на следующих источниковедческих допущениях.

Во-первых, памятники с незначительными отложениями признаются единовременными комплексами. Непротиворечивость таких комплексов проверяется при сопоставлении с аналогичными закрытыми комплексами на соседних территориях, датировками отдельных находок в культурных слоях.

Во-вторых, условно единовременными комплексами в рамках памятников с относительно многочисленными материалами считаются так или иначе выделяемые слои, горизонты, обособленные в плане участки. Так, на территории многих селищ изучаемого региона насыпаны более поздние курганы, заключающие как в насыпях, так и под ними остатки отдельных участков культурного слоя, в то время как между насыпями ранний слой может быть полностью уничтожен. На селище Заозерье удалось проследить, что курганы западной и восточной частей памятника «законсервировали» участки поселения, заметно различные в культурном отношении. На селище Городок наиболее выразительные ранние материалы также выявлены под курганной насыпью. В ряде случаев различия наборов керамики прослеживаются и между памятниками, входящими в «комплект», например, городище + селище (Бураково, Казиново).

Далеко не все памятники, включенные в каталог, представлены достаточным количеством материала (определимых форм сосудов) для сопоставления между собой. В корреляционную таблицу включен 21 памятник (таблица на рис. 30). В случаях, когда на памятниках выделялись горизонты или периоды, различные по керамическому набору, анализ проводился в соответствии с этими подразделениями (обоснования периодизации памятников см. в каталоге). Помимо собственно памятников круга Заозерье-Узмень, в таблице присутствует несколько эталонных памятников коренной территории древностей типа Абидня, а также ряд памятников изучаемого ареала с нечеткими датировками (возможно, более поздними – V–VI вв.). Это сделано для того, чтобы выделение культурно-хронологических групп сделать более отчетливым при опоре на более представительные коллекции, пусть и выходящие за территориальные или хронологические рамки нашей темы.

В таблице отмечено также наличие экземпляров стилей II, IV–VIII (достоверные случаи встречаемости керамики круга Заозерье-Узмень в комплексах со стилями I, III, IX нам неизвестны). Специально отмечено наличие важнейших стилистических признаков – видов декора 2 (насечек и ногтевых вдавлений), 3 (штриховки) и 4 (расчесов). Подсчеты процентного соотношения типов по ряду малочис-

№	СТИЛИ ТИПЫ	II	IV	V			VI				VII					Д-2-3	Д-4		
				1	2	P1	3	4	P2	P3	7	8	9	11	P4				
66	Абидня		❖	❖	❖	❖	♦	♦♦	♦♦			♦♦						❖	❖
67	Тайманово (1-й период)		❖	❖	❖	❖												❖	❖
73	Барсуки		❖	❖	♦♦		♦					♦							❖
9	Заболонье			♦♦	♦♦													♦♦	
25	Городок (нижн. горизонт)			❖	♦	♦♦						♦♦						❖	❖
29	Новое Село											♦♦							❖
34	Бельчица			♦					♦♦			♦♦						♦	❖
21	Заозерье (западная часть)		♦♦	❖	❖	♦	♦♦	❖				❖	♦					♦	❖
26	Казиново (г-ще, верх. слой)					♦	♦♦	❖					♦	♦					♦
43	Городище			♦	❖	♦	♦	❖				♦♦	♦♦	♦♦	♦				♦
46	Дедиловичи				❖	♦	♦♦	♦♦					♦♦	♦♦					♦
5	Ермошино	♦♦	♦♦		♦♦		♦♦					♦♦			♦				♦
12	Узмень			♦♦	❖	♦♦	❖	❖		♦♦	♦♦	♦	❖	❖	❖				♦
6	Фролы (нижн. и сред. гориз.)	❖		♦	♦♦		♦♦	♦♦					♦♦		❖	♦			♦
11	Каменная Лава	♦♦	♦	♦♦	♦♦		♦♦								♦♦				♦
21	Заозерье (восточная часть)				♦♦	♦♦	♦♦	❖		♦				♦	❖	♦			♦
50	Демидовка (верхний слой)				♦		❖	❖	❖	❖	♦								♦
15	Кислые (Курлын)		♦♦				❖	❖	♦	♦									
53	Слобода-Глушица		♦	♦			❖	❖											
25	Городок (верхн. горизонт)						♦♦	♦♦											
67	Тайманово (2-й период)		♦♦				❖	❖	♦♦	♦♦									

Рис. 30. Культурно-хронологические группы памятников согласно взаимовстречаемости стилей и типов керамики в наборах.

Сокращения и условные обозначения: ♦ – 1 экземпляр; ♦♦ – 2–4 экз.; ❖ – 5 и более экз.; д. 2-3 – декор видов 2 и 3 (насечки и вдавления, штриховка); д. 4 – декор вида 4 (расчесы);

Для колонки «д. 4» (керамика с расчесами): ♦ – не более 1-2% в наборе; ❖ – около 10% и более.

ленных коллекций были бы некорректны, поэтому мы ограничиваемся тремя градациями массовости: 1 экз., 2–4 экз., 5 и более экз.

На основании проделанного анализа выявлено четыре культурно-хронологические группы.

Тип Абидня. Включает как памятники с огромным количеством материала (Абидня, нижний горизонт Тайманова), так и пункты с незначительным по объему, но характерным материалом. Таким характерным признаком явилось наличие архаичных видов декора керамики стиля V – насечек или ногтевых вдавлений по венчику, а также иногда штриховки поверхности. Важно отметить в связи с вопросом о различении древностей типов Абидня и среднего слоя Тушемли, что для типа Абидня обязательны слабопрофилированные закрытые толстостенные сосуды с вышеупомянутыми архаичными признаками декора. В набор входят сосуды типов 1, 2 и P-1 (вместе – стиль VB), столовая посуда стиля IV, в небольшом количестве также керамика иных типов киевской культуры и типа 7. Керамика с расчесами в большинстве случаев составляет 10–15% (подробнее см. выше).

Памятники Подвинья, включаемые в тип Абидня, отличаются, возможно, тем, что массовым становится

тип 7. На этом основании в предыдущих публикациях выделялся особый тип Городок [Лопатин 2004, с. 150]. Однако все эти памятники, в отличие от памятников коренного региона, незначительны по количеству материала [Левко 2003, рис. 7–15], и какие-либо определенные выводы на их основе, кроме вывода об их проникновении в Подвинье начиная с III в., делать пока, очевидно, некорректно.

Тип Заозерье. На фоне небольшого количества определенных форм в большинстве коллекций регулярно встречаются типы 1, 2, 3, 4, 7, P1. Отсутствуют (точнее, выявлены единично) архаичные элементы – насечки, вдавления и штриховка, стабильно присутствуют фрагменты с расчесами. Обращает на себя внимание сохранение характерных еще для типа Абидня ромбических и перекрещивающихся композиций нанесения расчесов. Отдельные памятники имеют индивидуальную специфику. В наборе селища Заозерье дополнительными массовыми типами являются 3 и 4. Эти типы присущи в первую очередь деснинскому варианту киевской культуры и свидетельствуют, вероятно, о смешении традиций. Зафиксированы единичные случаи попадания расчесов на сосуды типов 3 (рис. 16: 8) и 4 (рис. 17: 8).

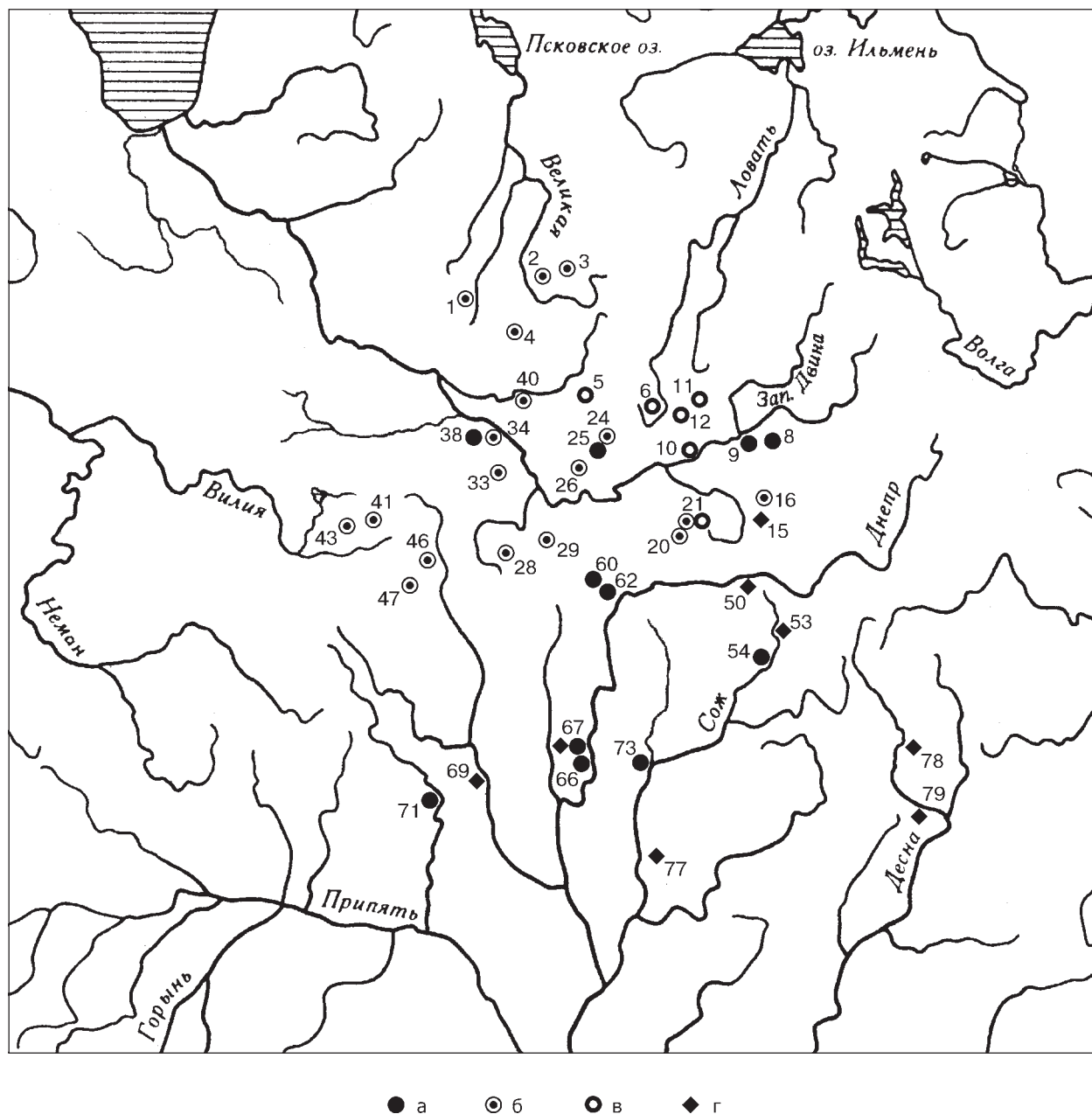

Рис. 31. Карта распространения памятников различных культурно-хронологических групп. а – тип Абидня; б – тип Заозерье; в – тип Узмень; г – деснинский вариант киевской культуры.

Изученные раскопками памятники типа Заозерье немногочисленны (рис. 30). Однако они хорошо диагностируются и по подъемному материалу, если в нем присутствует значительное количество керамики с расчесами.

Определенной «автономией» в рамках типа Заозерье обладают поселения Дедиловичи, Городище, Казиново. Их заметные особенности – небольшая доля керамики с расчесами, присутствие типов 8 и 9. Представляется, что особое положение этих памятников объясняется не столько близостью к иному типу (например, типу Узмень), сколько их поздней датой и переходным положением к древностям следующего периода (типа Банцеровщины).

Тип Узмень. Керамика с расчесами присутствует в виде небольшой примеси; определимые экземп-

ляры крайне редки (рис. 110: 2). Наиболее массовы типы 2, 3, 4, 9, 11, второстепенную роль играют типы 1, 7, 8, P1, P4. На селище Узмень значительна серия ребристой керамики улучшенной выделки. На трех памятниках выявляется локальная традиция добавления в глину наряду с гранитной дресвой недробленого гравия, а также шамота и дробленого лимонита (Узмень, Фролы, Каменная Лава).

В Ермошине начального периода не зафиксирована керамика с расчесами. Зато есть такие примечательные элементы набора, как чернолощенная ребристая миска типа 3(б) по Терпиловскому – Абашиной, горшки типов 2, 3, 7, керамика днепровинской культуры стиля ПБ, причем в надежном комплексе (в отличие от других случаев, где органичность ее присутствия в наборе может подвергаться сомне-

нию). Во Фролах днепро-двинская керамика встречается во 2-м горизонте слоя («шихта»).

Восточная часть селища Заозерье (материалы из насыпи кургана 52 и слоя под ней) по набору керамики (преобладание типов 4 и 11, наличие типов 2, P1, 3, P3, 9, P4, немногочисленной керамики с расчесами) также относится к типу Узмень (рис. 30, с. 121). Мы склоняемся к мнению, что этот восточный участок поселения более поздний, чем западный (с культурой «типа Заозерье»), хотя решающих аргументов и не имеем.

Деснинский вариант киевской культуры. Ряд памятников не имеет керамики с расчесами вовсе (Кислые, Слобода-Глушица). Непременные элементы – типы 3 и 4. Также весьма характерны, но присутствуют не везде (придавая локальную специфику некоторым вариантам набора), типы P-2 и P-3, столовая посуда стиля 4, типы 1 и 2. В керамике селища Слобода-Глушица регулярно встречается шамот, что очень редко для днепро-двинского региона, но типично для Подесенья.

К деснинскому варианту киевской или раннеколочинской культур относятся (хотя и обладают некоторой автономией) памятники типа верхнего слоя городища Демидовка. Наиболее характерные элементы – типы 3, 4, P-2 и P-3. Отличительная особенность по сравнению с деснинским вариантом и, вероятно, вообще на фоне всей киевской культуры – чрезвычайная характерность крупных сосудов улучшенной выделки типов P-2 и P-3. Присутствует небольшая примесь керамики с расчесами.

Перечисленные четыре культурно-хронологические группы объединяются попарно по признаку характерности керамики с расчесами. Выше, в разделе о расчесах, перечислен ряд памятников с представительными материалами, изученность которых и состояние коллекций позволили произвести достаточно точные подсчеты процентного содержания керамики с расчесами в наборах. На их фоне можно рассмотреть и целый ряд других памятников, для которых доля керамики с расчесами определяется на оценочном уровне. Все они делятся на две основные группы (рис. 30): в первой эта доля составляет не менее 10% (типы Абидня и Заозерье), во второй – не более 1–2% (типы Узмень и деснинский). Следует оговориться, однако, что во вторую группу могут попадать и поздние памятники типа Заозерье, относящиеся к периоду угасания традиции декорирования керамики расчесами. Возможно, к таким памятникам относятся поселения Дедиловичи и Городище (см. выше).

Культурно-хронологические группы достаточно определенно размещаются на карте (рис. 31). Немногочисленные памятники типа Абидня маркируют продвижение этой группы древностей на север по Днепру и, возможно, Сожу, а также указывают на регион первоначальной колонизации, ограниченный собственно бассейном Двины от Велижа до Полоцка. Памятники типов Заозерье и Узмень делят эту

территорию на две неравные части: первые занимают большую из них, западную, с расширением к юго-западу и к северо-западу (то есть до бассейнов Вилии и Великой), а вторые – восточную и северо-восточную (до верховьев Ловати). Памятники деснинского варианта (включая тип Демидовки) сосредоточены в юго-восточной части ареала. Сходные памятники есть и на Двине (поздний горизонт Городка, селища при городищах Бураково и Казиново, городище Заговалино), однако мы предполагаем, что они относятся уже к 3-й четверти I тыс.

6. Периодизация и процессы культурогенеза

В разделе 4 намечены две группы вещей и радиоуглеродных датировок. Первая (ранняя) группа относится к III – первой половине IV в., вторая (поздняя) – ко второй половине IV – V в. Хронологический рубеж между периодами нечеток и условен, поскольку узких дат в нашем распоряжении крайне мало. Не исключено, что культурные явления, относимые нами к 1-му и 2-му периодам, могут в конкретных случаях сосуществовать в течение всего IV века.

Совокупный анализ вещевого инвентаря, даже с учетом находок, имеющих относительно узкую датировку, не всегда дает какие-либо твердые основания для разделения материала на периоды. Узкая датировка каждого конкретного памятника также не всегда возможна: одна или даже несколько датирующих вещей на поселении не могут уверенно свидетельствовать о том, что тот или иной памятник возник раньше или позже другого. В большинстве случаев соотнесение датирующей находки с конкретным периодом многослойного памятника проблематично. Лишь наиболее ранние и самые поздние памятники могут диагностироваться относительно определенно, конечно, при условии наличия нескольких датирующих находок. Однако есть и другие возможности, в первую очередь сравнительный анализ керамических комплексов поселений и стратиграфические наблюдения.

Основания периодизации

В основу периодизации, помимо рассмотренных дат, положены следующие признаки.

1) Для группы памятников, имеющих высокую долю керамики с расчесами – наличие архаичных элементов декора стиля V (насечки, вдавления, штриховка). По их наличию диагностируется тип Абидня. Эти элементы декора связаны с сосудами типов 1, 2, P1 (рис. 32).

2) Для этой же группы памятников – многочисленность керамических форм стиля VI (типы 3, 4, P2, P3), что свидетельствует о смешении традиций раз-

		1	2	P1	3	4	P2	P3	7	8	9	11	P4
66	Абидня	❖	❖	♦♦									
67	Тайманово (1-й период)	♦♦	❖										
8	Подосинки	♦											
9	Заболонье	♦											
25	Городок (нижн. горизонт)	♦♦	♦										
38	Рудня	♦♦											
54	Хиславичи	♦		♦									
60	Ломачино	♦		♦									
62	Зайцево	♦	♦										

Рис. 32. Формы керамики с архаичными элементами декора (насечки, вдавления, штриховка).
Условные обозначения см. рис. 30.

	ТИПЫ	1	2	P1	3	4	P2	P3	7	8	9	11	P4
66	Абидня	❖	❖	♦♦					♦				
67	Тайманово (1-й период)		♦♦	♦									
73	Барсуки	♦♦							♦				
25	Городок (нижн. горизонт)	❖		♦♦					♦♦				
29	Новое Село								♦				
34	Бельчица	♦											
33	Двор Гомель	♦											
38	Рудня								♦				
40	Повалишино			♦					♦				
43	Городище								♦				
44	Некасецк		♦										
21	Заозерье (западная часть)	♦♦	♦		♦				❖				
12	Узмень								♦				
26	Казиново (г-ще, верх. слой)					♦							
50	Демидовка (верхний слой)								♦				

Рис. 33. Формы керамики с расчесами.
Условные обозначения см. рис. 30.

ных вариантов киевской культуры и соответственно должно считаться относительно поздним признаком. Типы 3 и 4 характерны для селища Заозерье. В редких случаях эти формы (наряду с типами 1, 2, P1, 7) украшены расчесами (рис. 33). Таких случаев может быть несколько больше, но фрагменты венчиков в основном слишком малы для типологических определений [Лопатин, Шмидт 2002, рис. 4: 5; 7: 2; 8:3].

Признаки 1-й и 2-й являются, как правило, взаимоисключающими и позволяют выделить ранние и поздние комплексы, содержащие керамику с расчесами.

3) Появление памятников, не свойственных киевской культуре, – городищ и курганного могильника (Повалишино). По отсутствию керамики с архаичными элементами и соображениям исторического плана (см. ниже) это признак относительно поздний. Соответствующие даты имеются для городища Демидовка (см. выше).

4) Стратиграфические данные. Главным образом, они относятся к археологическому комплексу Фро-

лы (см. Каталог памятников, № 6). Здесь непосредственно установлена последовательность трех горизонтов культурного слоя, из которых два нижних относятся к изучаемому периоду. На раскопах за пределами стратиграфической траншеи также собраны факты, позволяющие синхронизировать отдельные участки и объекты с определенными горизонтами. Таким образом, комплекс Фролы является опорным для всей группы типа Узмень и отчасти для всех изучаемых памятников. Небольшие стратиграфические данные получены и на селище Ермошино – постройки 1, 3 и 4, ямы 9 и 12 (см. Каталог памятников, № 5).

5) Наличие керамики типов 8, 9, 11, P4. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что все эти типы – относительно поздние. Все они отсутствуют в немногочисленных комплексах, где имеются ранние признаки: Ермошино, постройка 1 вместе с ямой 12; Фролы, нижний горизонт. Напротив, эти типы есть в наборах, которые или стратиграфически, или по имеющимся датировкам, относятся к более позднему

времени: Ермошино, яма 9 (прорезала яму 12); Фролы, средний горизонт; Узмень в целом; Дедиловичи в целом. Эти типы керамики продолжают бытовать и в последующий период.

6) Присутствие лощеной посуды (стиль IV), как и на киевских памятниках других территорий, – признак относительно ранний. К сожалению, эта категория на изучаемой территории везде, в том числе и на ранних памятниках (Ермошино, постройка 1; Кислые; Зайцево), немногочисленна. При этом единично она встречается и на памятниках 2-го периода (Заозерье, Слобода-Глушица).

7) Большие сосуды улучшенной выделки (стиль VIII) – наоборот, существуют, кажется, только на памятниках 2-го периода (Демидовка, Узмень).

8) Элементы домостроительства, такие как печикаменки, а также «ваннообразный» тип жилищ, – признаки поздние и выходящие за верхний хронологический рубеж древностей круга Заозерье-Узмень.

Развитие традиций киевской культуры в северной части ее ареала. Начальный период

В пределах III – 1-й половины IV в. в части бассейна Западной Двины (по современным ориентирам – примерно от Велижа до Полоцка, включая районы Смоленска и юга Псковщины) появляются открытые поселения, связанные с традициями разных вариантов киевской культуры (культурно-исторической общности).

Во-первых, это памятники типа Абидня (верхнеднепровский вариант киевской культуры).

Памятники типа Абидня прекращают свое существование на коренной территории (в могилевском Поднепровье) к началу IV в., сменяясь продвинувшимися сюда киевскими древностями деснинской традиции, что наилучшим образом прослеживается на материалах селища Тайманово [Обломский 1996а; 2005]. Передвижение «абиднянцев» на север маркировано серией местонахождений, заполняющих территориальный разрыв между двумя регионами. Важные находки (керамика и бронзовые украшения) обнаружены в нескольких пунктах на р. Одров под Оршей (по каталогу № 55–63) [Колосовский, Куропаткин 2002]. Скорее всего, все это остатки поселений, но изучены они пока путем поверхностных сборов. Небольшие раскопки проведены на селище Пруды (№ 65). Найдена керамика с расчесами, но в целом место этого памятника в системе культур неясно. На основании находок характерной керамики у пос. г.т. Хиславичи (№ 54, *рис. 150*) можно предполагать, что «абиднянцы» двигались на север также по р. Сож.

Возможно, проникновение традиций типа Абидня в северном направлении могло начаться и в пер-

вой половине III в. На это указывают, в частности, найденная на селище Погост фибула типа Альмгрен 84 [Колосовский, Куропаткин 2002, с. 75, *рис. 59: 9*] и шпора из Цурковки (см. выше). К сожалению, нам неизвестны определяемые формы среди керамики с расчесами, обнаруженной на последнем памятнике.

Так или иначе, в Подвинье древности типа Абидня вряд ли надолго переживают рубеж начала IV в. Известные здесь памятники этого типа немногочисленны и, очевидно, кратковременны. По всей видимости, в условиях передвижения на новые территории и взаимодействия с другими культурными группами (как родственными – «деснинского» типа, – так и местными, неродственными), древности типа Абидня довольно быстро трансформировались в тип Заозерье. При этом для памятников типа Заозерье основного периода также имеются ранние даты (напр., обломок манжетовидного браслета из Заозерья). Из этого следует, что типологически более ранние памятники с «чистой» верхнеднепровской традицией (типа Абидня) должны и в абсолютном измерении датироваться чуть более ранним временем – скорее всего, с начала III в. Иными словами, датировка типа Абидня на коренной территории и в Подвинье на основе современных немногочисленных данных не различается.

Во-вторых, наблюдается менее понятный след иных традиций, вероятно, связанный с деснинским вариантом киевской культуры.

К этой ранней группе мы относим постройку 1 селища Ермошино и часть материалов селища Кислые (Курлын). Постройка 1 поселения Ермошино, синхронизирующаяся по керамике с ранним этапом киевской культуры (III в.), имеет радиоуглеродную дату (JE-4955), которая при калибровке дает календарный период 260–420 (*табл. 1* на с. 111).

Таким образом, проникновение разных традиций киевской культуры на север (верхнеднепровских и деснинских), вероятно, происходило параллельно. Так что ситуация, отразившаяся в Тайманове (где культура деснинского типа сменила традицию Абидни), не обязательно является всеобщей закономерностью.

В итоге очерчен ареал проникновения ранних традиций киевской культуры на север (*рис. 34: и*). Он полностью укладывается в ареал днепро-двинской культуры (главным образом западного варианта), послужившей субстратом для пришлых культурных групп и оказавшей некоторое влияние на развитие их традиций, в первую очередь керамических. Такие данные к настоящему времени получены для западного варианта днепро-двинской культуры. Напротив, для территории восточного (смоленского) варианта ни смешанные комплексы (пример с селищем Микулино, по нашему мнению, ненадежен), ни гибридные формы керамики неизвестны. Здесь обычны керамические наборы, сохраняющие киевские традиции, близкие деснинскому варианту, в чистом виде (Кислые, Слобода-Глушица, Демидовка).

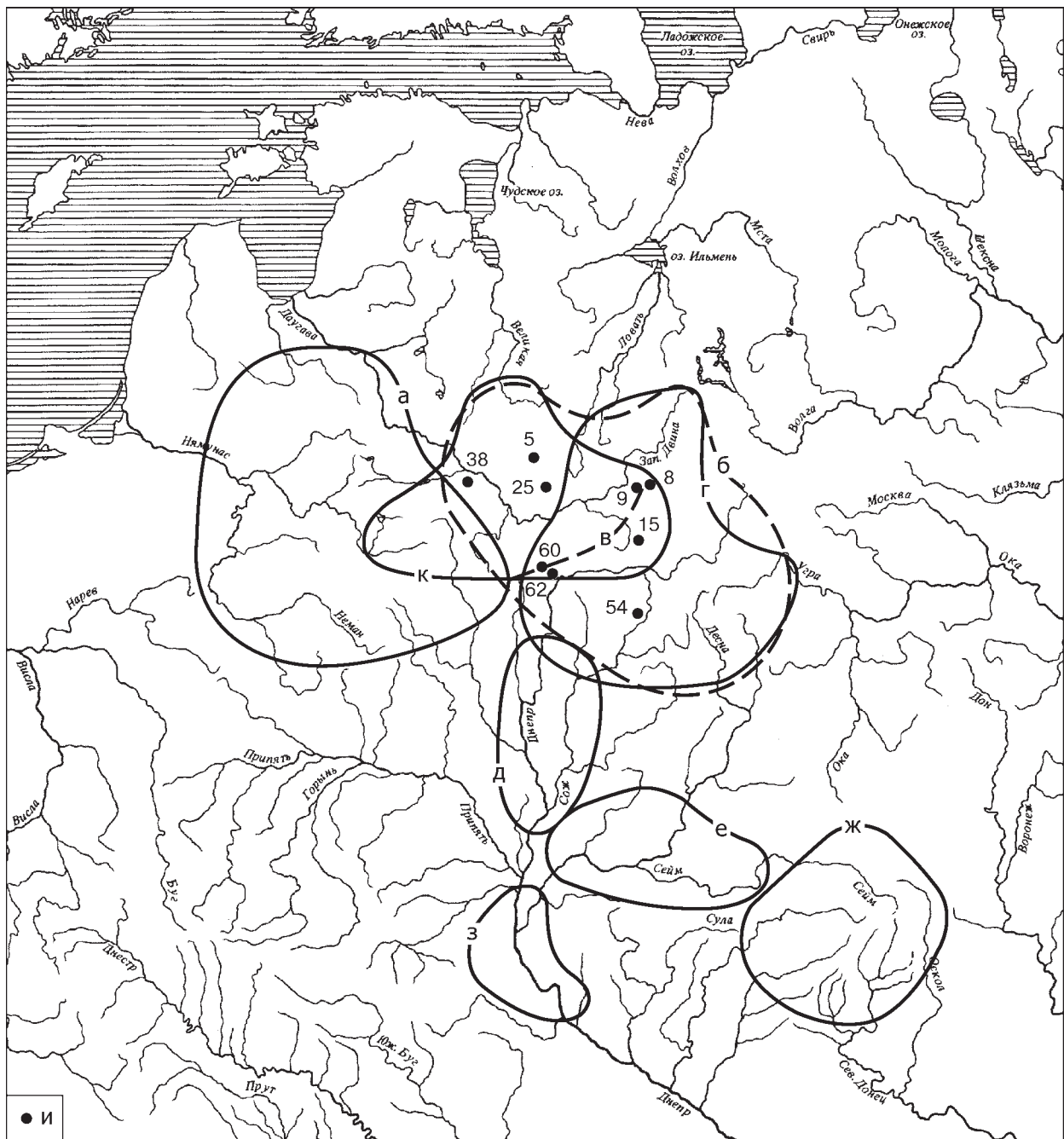

Рис. 34 Ареалы культур Верхнего Поднепровья и Подвинья в период формирования древностей круга Заозерье-Узмень:

а – штрихованной керамики (по А. А. Егорейченко); *б, в* – днепро-двинской: *б* – общий ареал, *в* – граница западного и восточного вариантов (по Е. А. Шмидту и Б. С. Короткевичу); *г* – памятники типа среднего слоя Туשמли (по Е. А. Шмидту и Б. С. Короткевичу); *д-з* – киевская культура: *д* – верхнеднепровский, *е* – деснинский, *ж* – восточнолевобережный, *з* – среднеднепровский варианты (по Р. В. Терпиловскому), *и* – пункты проникновения ранних традиций киевской культуры на север (см. Каталог памятников); *к* – памятники круга Заозерье-Узмень (обобщенный ареал III–V вв.).

Хорошие материалы для периодизации получены при изучении культурно-стратиграфической колонки на комплексе памятников у д. Фролы (рис. 76), относящемся к типу Узмень. Ее важность заключается в том, что это пока единственный памятник, где отложения второй и третьей четвертей I тыс. н.э. четко подразделяются на несколько слоев, которые к тому же имеют серию радиоуглеродных датировок. При-

мечательно и то, что на данном объекте археологические слои соответствуют литологическим почвенным горизонтам, что позволяет проследить климатические изменения, сопутствующие культурным (рис. 76: Б) [Фурасьев 2001г, с. 20–21, рис. 2]. Из трех периодов два укладываются во вторую четверть I тыс. н.э.

Период 1 селища Фролы. Сюда относятся нижние слои – торф и серый песок, имеющие датировки по

¹⁴C, с учетом калибровки и обстоятельств залегания образцов (см. с. 115), в интервале с III по 1-ю четверть V в. Наиболее вероятная датировка археологических материалов из этих слоев – весь IV в. (т.е., возможно, захватывает и 2-й период развития древностей круга Заозерье-Узмень).

В культурном отношении материалы Ермошина и Фролов объединяет отсутствие или единичность фрагментов керамики с расчесами и небогатый набор керамических форм (отсутствие типов 8, 9, 11, P). Доля керамики с расчесами в этом же периоде в Городке, напротив, максимальная, что отражает две различные традиции.

В палеоклиматическом отношении 1-й период отличается довольно благоприятным теплым и умеренно влажным климатом. Весьма благоприятный в климатическом отношении теплый и влажный период, начавшийся в первые века нашей эры, длился до середины IV в. Он характеризуется повышением среднегодовых температур на 1–1,5 градуса и увеличением годового количества осадков примерно на 50 мм от современного уровня. В это время возобновляется активный рост болот и торфяников, в ряде мест прерванный в засушливое время на рубеже эр. Темпы прироста торфа, по данным болот Эстонии, – одни из самых высоких за весь голоцен. В IV в. происходит незначительная трансгрессия Балтики [более подробно см.: Фурасев 2003б].

Слой материкового торфа в траншее на селище Фролы – сильно разложившийся, содержащий остатки пней и ствол поваленного дерева – является так называемой поверхностью возвратного развития торфяника. Это свидетельство полного высыхания торфяника, произошедшего скорее всего на рубеже эр и связанного с жарким засушливым климатическим периодом. Уровень воды в оз. Сенница в это время ниже современного как минимум на 1–1,5 м (рис. 76: Б). Во II–III вв., судя по радиоуглеродным датировкам, накопление торфа здесь возобновляется, что говорит о повышении уровня грунтовых вод. Уровень озера повышается примерно на 0,5 м. Вскоре на берегу возникает поселение, и образование торфа идет параллельно с накоплением культурного слоя.

Образование слоя серого песка связано с наступлением нового климатического периода – похолодания, начавшегося после середины IV в. Прослойка песка скорее всего была намыта в результате начавшихся трансгрессивных явлений, вероятно, это был поверхностный смыл, поэтому археологические находки из этого слоя, отложившиеся в предшествующее время, синхронны материалам из торфа, и должны рассматриваться в контексте первого периода.

Основной период

К этому периоду относятся собственно памятники типа Заозерье, основные наслоения памятников типа Узмень, памятники типа Демидовка. В генезисе

типа Заозерье, помимо верхнеднепровского варианта киевской культуры, принимали участие также элементы других вариантов киевской культуры, скорее всего, деснинского. Об этом говорит присутствие керамики типов 3 и 4 (не свойственных верхнеднепровскому варианту), в том числе изредка украшенной расчесами. Этим же участием, возможно, объясняется быстрое изживание архаичных верхнеднепровских элементов декора.

На памятниках киевской культуры позднего этапа более южных вариантов керамики с расчесами нет. Исчезает она и в верхнеднепровском локальном варианте (тип Абидня), будучи вытесненной традициями гончарства киевской культуры деснинского варианта. В Подвинье же в это время продолжается ее развитие в качестве элемента культурной группы типа Заозерье. Наряду с типичной киевской керамикой здесь вырабатываются местные формы, в первую очередь тип 7, стабильно связанный со стилистическим наследием традиций типа Абидня, но имеющий также признаки керамики днепро-двинской культуры. В то же время, полностью исчезают архаичные элементы, составлявшие важное звено керамических традиций типа Абидня – орнаментация насечками и ногтевыми вдавлениями по краю венчика, изредка встречающаяся наряду с расчесами штриховка. Единственным элементом декора остаются расчесы, наносившиеся на внешнюю поверхность, а часто и на край сосуда.

Перечислим главные направления развития керамического комплекса по всему кругу древностей Заозерье-Узмень.

1) При участии днепро-двинских традиций изменяется стилистика керамики: с одной стороны, пропадает «размашистая» плавность изгибов тулова сосудов, свойственная киевской культуре. С другой – часто появляется заметная профилировка самого края сосуда. Первые признаки взаимодействия с днепро-двинской культурой отмечены в первом периоде (Ермошино), но продолжается оно и во втором (Фролы, горизонт «шихты»).

2) Скорее всего, именно под влиянием наследия «днепро-двинцев» формируются новые керамические формы, которые затем бытуют и во второй половине I тыс. – типы керамики стиля VII: тип 7 – с 1-го периода; типы 8, 9, 11 – со 2-го.

3) Взаимодействие традиций Абидня-Заозерье с традициями Ермошино-Узмень имеет обоюдный характер: практически невозможно найти во втором периоде «чистые» по происхождению керамические наборы. В типе Узмень влияние типа Абидня (типы керамики 1, 2, некоторое количество керамики с расчесами) отчетливо прослеживается лишь во 2-м периоде. Обратное влияние также еще не ощущается в нижнем горизонте Городка, но хорошо заметно (типы 3, 4) в Заозерье (западная часть) и в материалах более поздних памятников (Дедиловичи, Городище).

Во втором периоде наблюдаются новые импульсы непосредственно со стороны киевской культуры

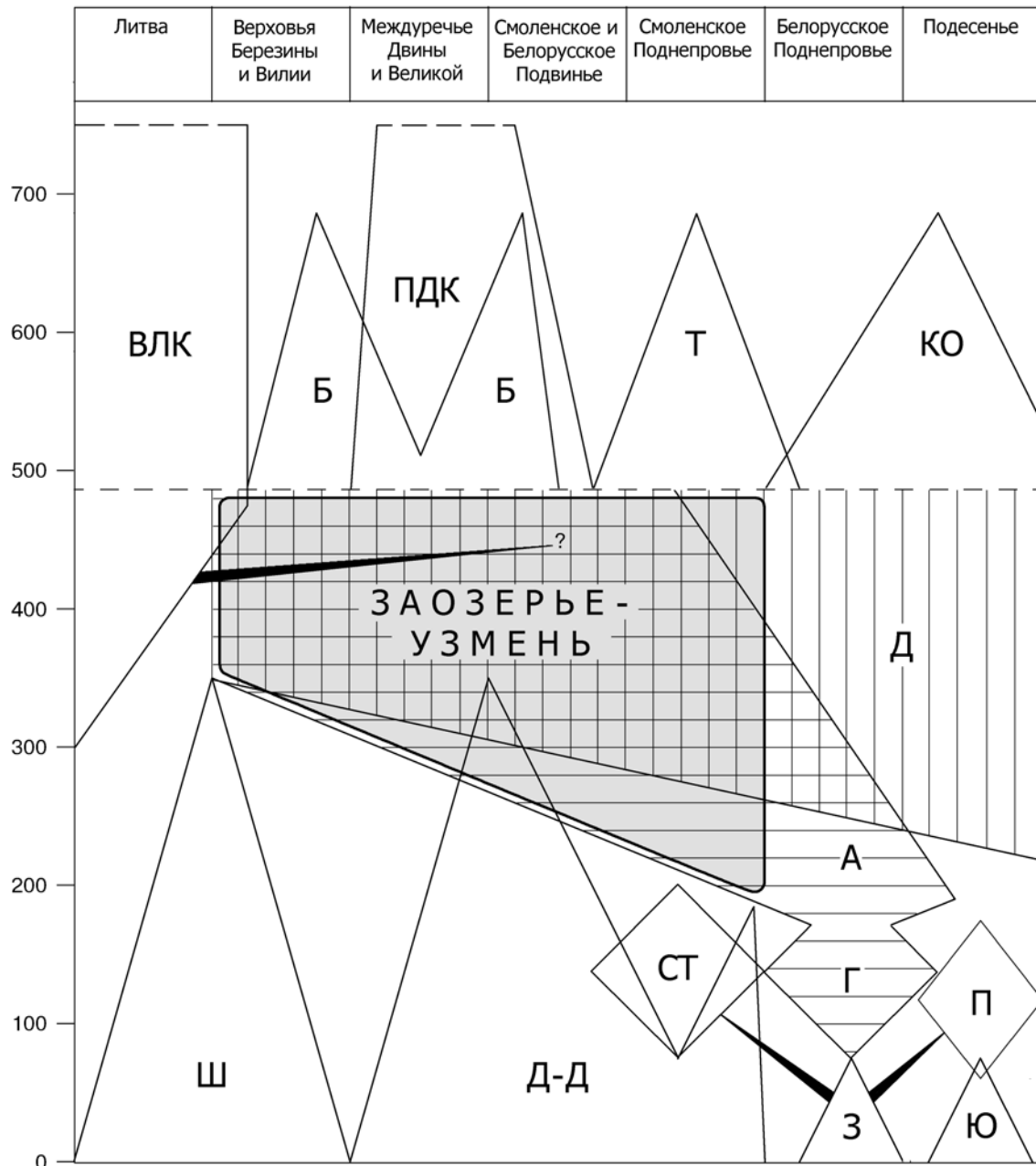

Рис. 35. Схема культуругенеза.

Сокращения: Ш – культура штрихованной керамики; Д-Д – днепро-двинская культура; З – зарубинецкая культура; Ю – юхновская культура; П – тип Почеп; Г – тип Грини; СТ – тип среднего слоя Тушемли; А – тип Абидня (верхнеднепровский вариант киевской культуры); Д – деснинский вариант киевской культуры; КО – колочинская культура; Т – тушемлинская культура; Б – банцеровская культура; ПДК – культура псковских длинных курганов; ВЛК – культура восточнолитовских курганов.

Подесенья. О них красноречиво свидетельствует керамика характерных деснинских форм с примесью крупного шамота (Слобода-Глушица, один сосуд из верхнего слоя городища Тушемля – рис. 50: 16).

Период 2 селища Фролы представлен слоем «шихты», начало накопления которого, вероятно, относится к началу V в. С наступлением этого периода селище Фролы приобретает максимальные по площади размеры, включая территорию будущего могильника. Правда, очень скоро эта площадь значительно сокращается, и на окраине поселения возникает некрополь.

Возможно, жилая часть поселения просто смещается к западу, ближе к озеру, уровень которого в это время вновь начинает снижаться. Грунтовый могильник также функционирует в течение данного периода, верхняя хронологическая граница которого пока не ясна. Скорее всего, слой «шихты» продолжает накапливаться примерно до начала VI в.

Обобщенный по всем памятникам интервал второго периода – 2-я половина IV – V в.

В культурном отношении основные памятники второго периода характеризуются максимальным

разнообразием керамических традиций в области морфологии (все возможные типы) и технологии (неизвестные ранее примеси шамота, дробленой руды и гравия). В это же время появляются и первые погребальные памятники. Площадь поселений, насколько можно судить, увеличивается по сравнению с 1-м периодом (Фролы – 2,5 га, Узмень – 1,5 га, Свинухи – 1,5 га). Количество известных памятников – больше, чем в предыдущее время, их ареал также скорее всего именно в этот период расширяется максимально.

Финал истории древностей круга Заозерье-Узмень, вернее, период трансформации их в ранне-средневековые культуры, отмечен рядом явлений, свидетельствующих о нарушении состояния стабильности.

Во-первых, возникают городища. Одно из них известно в районе себежских озер (Осыно), скопление – в витебском Подвинье, еще два – к югу и юго-востоку (рис. 24). Возможности датирования позволяют относить это явление к IV–V вв. – основному периоду в целом. Наиболее ранняя датирующая находка (спиральная бусина середины III – начала IV в.) происходит с городища Новое Село (см. выше).

Во-вторых, намечаются изменения в погребальном обряде: зарождается традиция сооружения курганов (Повалишино).

В-третьих, зафиксировано переселение заметной группы населения из Подвинья к юго-западу (бассейны верховьев Березины и Вилии), за пределы ареала днепро-двинской культуры (рис. 34). Наиболее яркий памятник – поселение Дедиловичи, имеющее признаки временного места проживания целого племени (подробнее об этом – в Каталоге на с. 127 и в специальной публикации [Лопатин 2002]). Такой тип поселения никак не соответствует хозяйственно-культурному типу той эпохи, требовавшему небольших поселков по берегам рек и озер. Наборы керамики и немногочисленные вещи свидетельствуют о том, что и Дедиловичи, и другие памятники региона относятся к заключительной фазе развития изучаемой культуры (сохраняется небольшая доля керамики с расчесами), а возможно, и к начальной фазе древностей типа Банцеровщина. Вероятно, переселения происходили и в других направлениях от Подвинья: на северо-запад до верховьев Великой (селище Свинухи с относительно поздней находкой) и др.

В-четвертых, появляются вещи европейских типов, в том числе предметы вооружения, воинского и конского снаряжения [Бажан, Каргопольцев 1989; Седов 1999, рис. 94, 98; Казанский 1999]. Нельзя утверждать, что все они попали сюда одновременно. Некоторая часть этих вещей бытовала здесь и ранее. Но все же расцвет этой сферы культуры очевиден.

В-пятых, в это же время (2-я половина V в.) начинается распространение культуры псковских длин-

ных курганов. По нашему убеждению, его исходной территорией и является ареал памятников круга Заозерье-Узмень, главным образом, конкретно в варианте памятников типа Узмень.

Все эти явления свидетельствуют о весьма ошутимом внешнем импульсе. В. В. Седов выстроил теорию миграции большой группы населения, согласно его выводам, славянского, из Средней Европы. Мы считаем, что в большей мере перечисленные явления соответствуют картине столкновения достаточно многочисленного местного населения («заозерцев») с вооруженными пришельцами с запада.

Возможно, прав М. Казанский, рассматривающий эту ситуацию весьма конкретно, следующим образом: серия европейских и балтских вещей, датировка которых укладывается в рамки 2-й трети V – 1-й четверти VI в., говорит об инфильтрации во второй половине V века немногочисленных, но очень хорошо вооруженных и более высоко социально организованных (по сравнению с аборигенами) групп населения, включающих балтов, германцев и славян. Начал формироваться этот симбиоз еще на Дунае, затем в процессе передвижения к нему добавились балты. Толчок был положен при императоре Анастасии, когда герулы, разбитые гепидами и лангобардами, были вынуждены бежать на север. Бежать по хорошо известному «Янтарному» пути между Северной Италией и айстами-эстиями. Затем оттуда они свернули на восток. И вскоре были ассимилированы балто-славянами и финнами [Kazanski 2000, p. 425, 427, 440–441]. В построениях М. Казанского мы никак не можем согласиться с определением славянской составляющей пришлых воинских групп, поскольку перечисленные им признаки, по нашему мнению, или вообще отсутствуют (керамика типа Прага-Корчак), или относятся к культуре местного населения (печикаменки поселения Дедиловичи).

Некоторые элементы культуры псковских длинных курганов, самые яркие из которых – это курганный обряд погребения, а также детали костюма (В-образные рифленые пряжки), указывают на то, что в описываемых событиях заметную роль могли играть и носители культуры восточно-литовских курганов, ареал которых тоже был несомненно затронут движением «пост-дунайских» военных контингентов. О том, что это движение в лесной зоне Восточной Европы было, вероятно, не одноактным, а все же поэтапным, говорят последние исследования рязано-окских могильников, расположенных как раз там, где эти военные походы остановились [Ахмедов, Казанский 2004; Ахмедов, Белоцерковская, в печати (глава в: РСМ, вып. 9)].

Решение поставленных вопросов требует дополнительных исследований, выходящих за рамки данной книги, и мы не склонны сейчас настаивать на одном из вариантов.

Глава 3. Культурные группы I–III вв. н.э. и происхождение древностей круга Заозерье-Узмень

1. Поздний этап днепро-двинской культуры

В первые века нашей эры практически весь будущий ареал памятников круга Заозерье-Узмень (начального периода) был занят городищами западного, согласно принятому делению, варианта днепро-двинской культуры раннего железного века (см. выше, с. 70, *рис. 34*). Границу между западным и восточным вариантами проводят не вполне одинаково [Шадыро 1985, с. 116–117; Шмидт 1992, 21; Короткевич, Мазуркевич 1992, с. 66–67]. Лишь в основном (втором) периоде развития ареал памятников круга Заозерье-Узмень расширяется – как на юго-запад в сторону Вилии, так и, вероятно, на юго-восток в сторону Смоленского Поднепровья.

Отличительными чертами западного варианта является в первую очередь керамика, а также бедный набор бронзовых изделий (по сравнению с памятниками восточного варианта), некоторые специфические типы железных орудий – узколезвийные проушные топоры, бритвы, двушипные наконечники стрел, косари (*рис. 36*). Характеристика вещевого набора днепро-двинских памятников достаточно подробно разработана в трудах ряда исследователей, поэтому мы не будем специально на ней останавливаться. Укажем на несколько новых работ в этой области, заслуживающих внимания новым взглядом на некоторые аспекты хронологии формирования и типологии вещевого комплекса [Ефимова 2001, Ефимова 2003; Шадыро 2006].

Керамика – наиболее яркая отличительная черта западного варианта днепро-двинской культуры. Керамика этой культуры отнесена нами к стилистической группе II (глава 2), причем если для восточного варианта характерен почти исключительно вариант стиля II-A, то в западном присутствуют оба (II-A и II-B).

В первой половине I тыс. н.э. на поселениях Северной Белоруссии и южной Псковщины распространяется так называемая песчаная керамика, отличающая этот регион от верхнедвинского варианта культуры [Короткевич, Мазуркевич 1992, с. 70; Шмидт 1963а, с. 156–158]. Для изготовления сосудов использовалась формовочная масса с мелкой дресвой, из-за чего поверхность посуды, несмотря на заглаживание, была шероховатой. Параллельно с песчаной продолжала производиться и посуда из глины с крупной дресвой и со следами грубого загла-

живания – так называемая сглаженно-исчерченная. Морфологически эти две группы не различаются. В большинстве своем посуда имела тонкие стенки, не более 6–7 мм толщиной, и хороший обжиг, в результате которого она приобретала значительную плотность и цвет от желто-коричневого до почти черного. Сосуды крупных размеров, более 20 см в диаметре, могли изготавливаться менее тщательно.

В. И. Шадыро выделяет два основных морфологических типа керамики (которые в основном соответствуют двум нашим стилистическим вариантам) – баночная и слабопрофилированная. Последняя в свою очередь подразделяется на несколько видов в зависимости от оформления венчика [Шадыро 1985, с. 72–75]. Керамика баночной формы представлена высокими сосудами с прямыми вертикальными или чуть скошенными стенками. В обоих случаях венчик никак не выделялся, он либо являлся прямым продолжением стенок, либо чуть загибался внутрь (*рис. 37: 1–4, 9–11*); край венчика очень часто приострен (*рис. 140: 7, 17*). Иногда встречаются бочонковидные горшки с выпуклыми стенками и слегка отогнутым наружу венчиком.

Особенностью слабопрофилированных сосудов служит заметное превышение диаметра максимального расширения, приходящегося на плечики, над диаметром дна и четкая профилировка верхней части. Сосуды имеют коническое тулово, округлые плечики в верхней трети сосуда, сужающуюся горловину и отогнутый наружу венчик (*рис. 140: 13, 29*). Часто шейка оформлена в виде резкого излома (*рис. 140: 24, 25*), в том числе отмеченного отпечатком шнура.

Что касается процентного соотношения баночной и слабопрофилированной посуды, то в рассматриваемый период наблюдается отчетливая тенденция к увеличению удельного веса профилированных сосудов и сокращению количества баночных. Однако в силу того, что в более раннее время баночная посуда составляла больше половины керамического комплекса поселений, доля слабопрофилированных сосудов, несмотря на отмеченную тенденцию, на городищах Северной Белоруссии редко превышает 60–70%, судя по наблюдениям В. И. Шадыро [Шадыро 1985, *рис. 48*]. Посуда баночных форм даже в более позднее время сохраняет свое значение и остается ведущим морфологическим типом. Так, на городищах юга Псковской области Каратай и Черная Гора (по всей видимости, самых поздних в изучаемом ареале) она в первые века н.э. составляет практически 100% (*рис. 37: 1–4, 9–11; 38: 12, 13*).

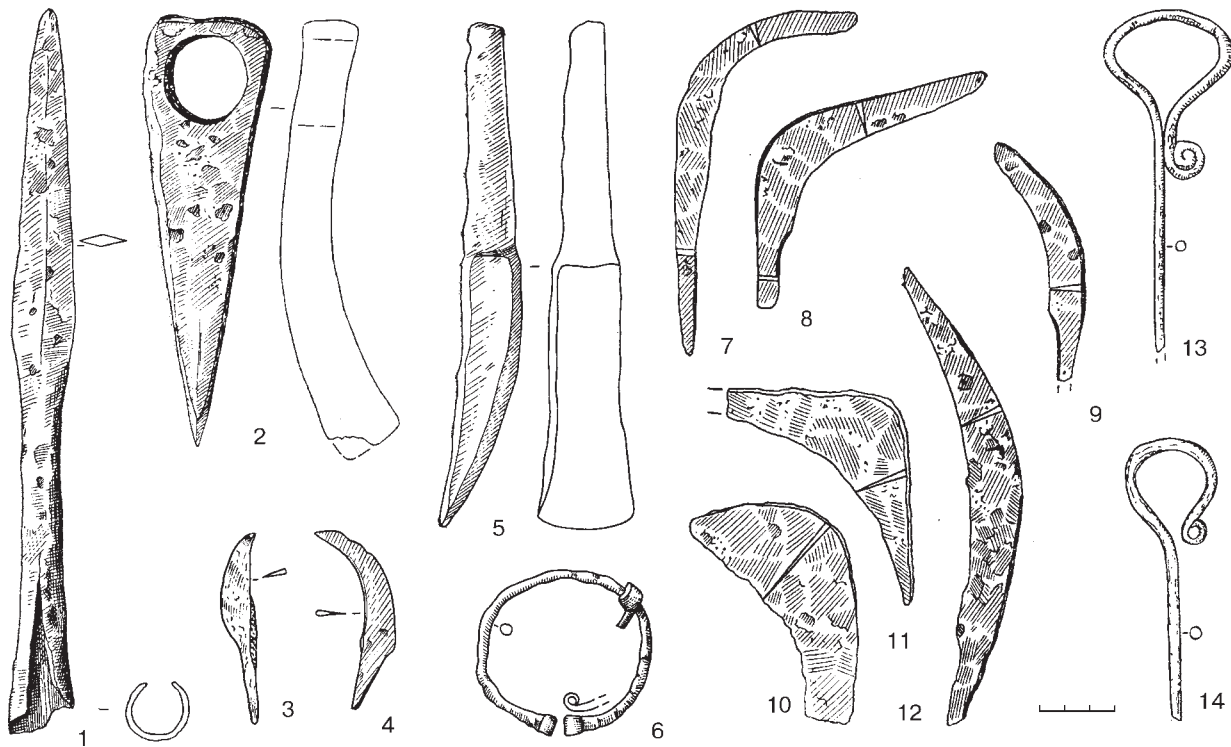

Рис. 36. Днепро-двинская культура. Изделия из железа (по: [Шадыро 1985]).

1, 4, 13 – Бураково; 2, 7, 8, 14 – Кубличи; 3, 11 – Барсуки; 5 – Девички; 6 – Загорцы; 9, 10 – Заговалино.

По сравнению с синхронными памятниками Смоленщины здесь гораздо чаще можно встретить орнаментацию на керамике. Наиболее распространен тычковый орнамент, нанесенный концом косо поставленной щетки, и прочерченный в виде наклонных перекрещивающихся линий, которые зачастую попарно расходятся из одной точки, отмеченной сквозным отверстием под венчиком. Иногда орнамент ограничивается только отверстиями, реже – просто ямочными вдавлениями по плечикам (рис. 134).

В целом керамический комплекс поздних днепро-двинских городищ на данной территории отличается однородностью, однообразием и отсутствием каких-либо чужеродных элементов; во всем наблюдается развитие местных керамических традиций. Исключение составляет лишь один факт. На ряде городищ правобережья Западной Двины в первые века нашей эры в незначительном количестве появляется штрихованная керамика, представленная главным образом типичными днепро-двинскими формами. На некоторых городищах северной Белоруссии она составляет 0,4–1,5% [Шадыро 1985, с. 80, табл. 5].

По мнению некоторых исследователей, появление штрихованной керамики на памятниках Подвинья связано с притоком незначительных групп населения из ареала культуры штрихованной керамики, вытесненных оттуда зарубинецкими племенами [Станкевич 1960, с. 150; Шмидт 1992, с. 141]. Какая-то связь между проникновением штрихованной керамики в Подвинья и расселением носителей зарубинецких древностей действительно очевидна, но механизм

этого явления сегодня нам кажется не столь однозначным.

Время прекращения функционирования днепро-двинских городищ Подвинья и Смоленского Поднепровья определяется сегодня большинством исследователей в рамках III–IV вв. По мнению Е. А. Шмидта и В. В. Седова, на городищах Смоленщины жизнь прекращается уже на рубеже III–IV вв., так как наиболее поздние находки датируются II–III вв., а вещей, твердо датируемых IV в., там нет [Седов 1969, с. 124; Шмидт 1992, с. 119–120]. Сегодня предлагается и еще более ранняя дата: по мнению Ю. В. Ефимовой, на городищах Смоленщины нет даже вещей, узко датируемых III в. н.э. [Ефимова 2003, с. 48–49]. Поздний период существования днепро-двинских городищ Верхнего Подвинья, таких как Подгай, Андроново, Курово, датирован Б. С. Короткевичем в рамках I–III вв. на основании тех же аргументов [Короткевич 1989, с. 11–13].

Лишь на городище Лемница на южной окраине ареала днепро-двинской культуры, в верхнем слое была найдена железная В-образная пряжка с имитацией рифления, датируемая по европейским аналогиям второй-третьей четвертями V в. [Бажан, Каргапольцев 1989, с. 29–33]. Это дало основание автору раскопок памятника А. М. Медведеву поднять верхнюю планку днепро-двинской культуры до середины V в. [Медведев 1995, с. 165–166, рис. 1: 3]. Однако исследователь отмечает, что в верхних слоях городища, где была сделана эта находка, в незначительном количестве присутствуют материалы киевской культуры, а именно фрагменты профилированных и реб-

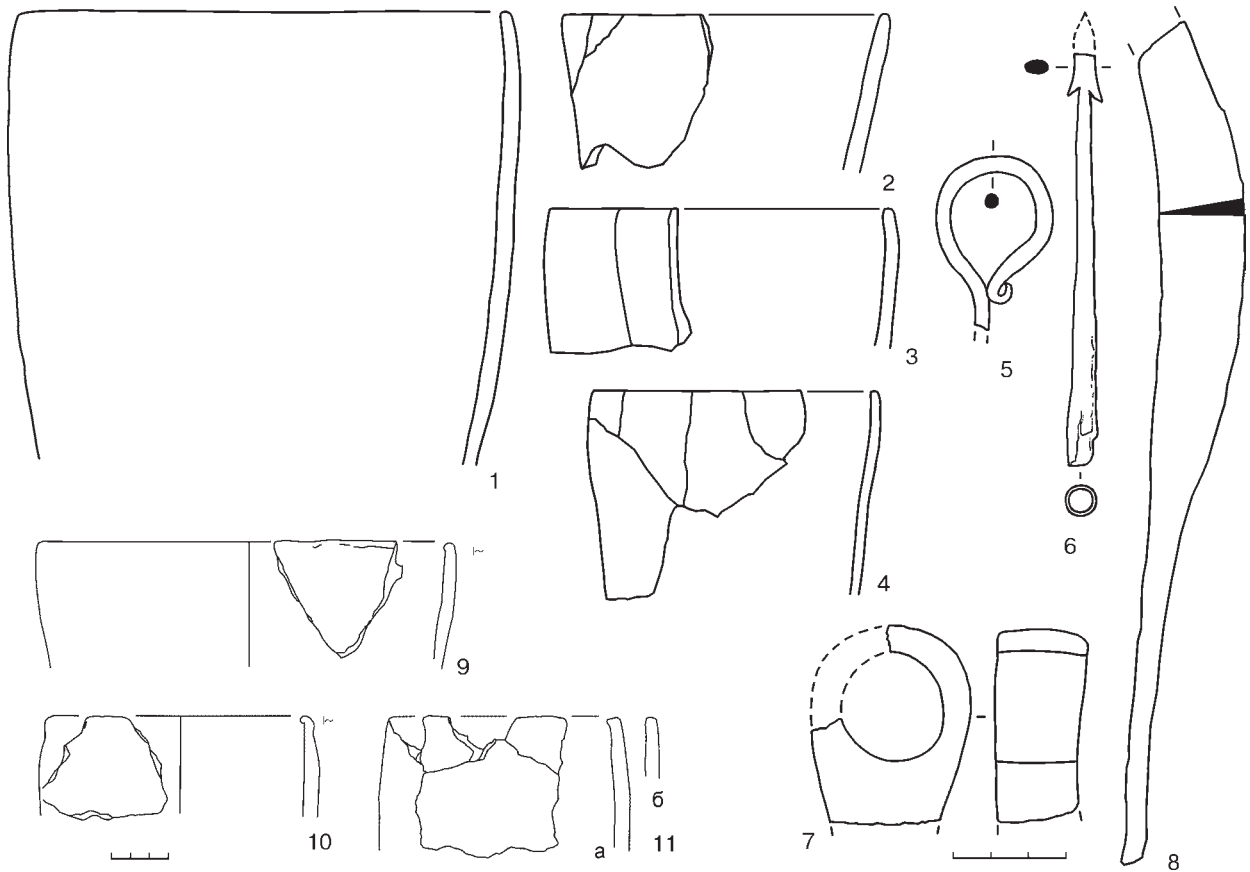

Рис. 37. Городища Черная Гора (1–8) и Каратай (9–11). Находки.
1–4, 9–11 – керамика; 5–8 – железо.

ристых сосудов, керамика с расчесами и лощеная керамика, биконические пряслица с лощеной поверхностью. По А. М. Медведеву, эти находки, в том числе и керамика киевской культуры, относятся к слою днепро-двинской культуры и подтверждают его позднюю дату [Медведев 2004, с. 39]. На наш взгляд, весь этот набор, включая и пряжку, действительно характеризующий самый поздний этап жизни поселения, не имеет отношения к днепро-двинской культуре, основные напластования которой должны датироваться более ранним временем – I–III вв. н.э., по имеющимся на этом городище другим находкам: синей шаровидной стеклянной бусине с поперечными белыми полосками и желтому бисеру с золотой подкладкой [Медведев 1995, с. 165–166].

Учитывая все вышеизложенное, можно сделать вывод, что финальная стадия жизни городищ днепро-двинской культуры датируется в пределах I–III вв. н.э. При этом в ареале среднетушемлинской культуры (см. следующий раздел) некоторые городища были заброшены по каким-то причинам уже начиная с I–II вв.: среднетушемлинцы предпочитали осваивать уже покинутые поселения, и, судя по материалам городищ Староселье и Полибино, вероятно, чаще всего не смешивались с аборигенами. На городище Тушемля отмечена даже стерильная прослойка, отделяющая средний слой от нижнего [Третьяков, Шмидт 1963, с. 45]. После прекращения существова-

ния среднетушемлинских памятников жизнь днепро-двинского населения на них не возобновляется: пока не известно ни одного случая стратиграфического перекрытия среднетушемлинских материалов днепро-двинскими. Следовательно, в ареале памятников типа среднего слоя Тушемли нет (или пока неизвестно) днепро-двинских городищ более позднего времени – III–IV вв. Процесс постепенного оставления городищ днепро-двинским населением продолжается во II–III вв. и повсеместно завершается в течение IV в.

Причины данного явления трудно определить, исходя из имеющихся археологических данных. Очевидно, могли иметь место какие-то демографические и экологические процессы, эпидемии, однако подобные предположения находятся вне нашей компетенции. Возможно, днепро-двинская культура переживает кризис хозяйства. Процесс постепенного, но, по-видимому, довольно быстрого сокращения населения днепро-двинской культуры на протяжении II–IV вв., на наш взгляд, несомненно имел место не только в ареале, затронутом миграциями населения с юга, но и повсеместно.

Тем не менее, нам кажется возможным присоединиться к точке зрения В. И. Шадыро о том, что на окраинах ареала западного варианта днепро-двинской культуры аборигенное население могло сохраняться и до III–IV вв., а в отдельных случаях – и V в.

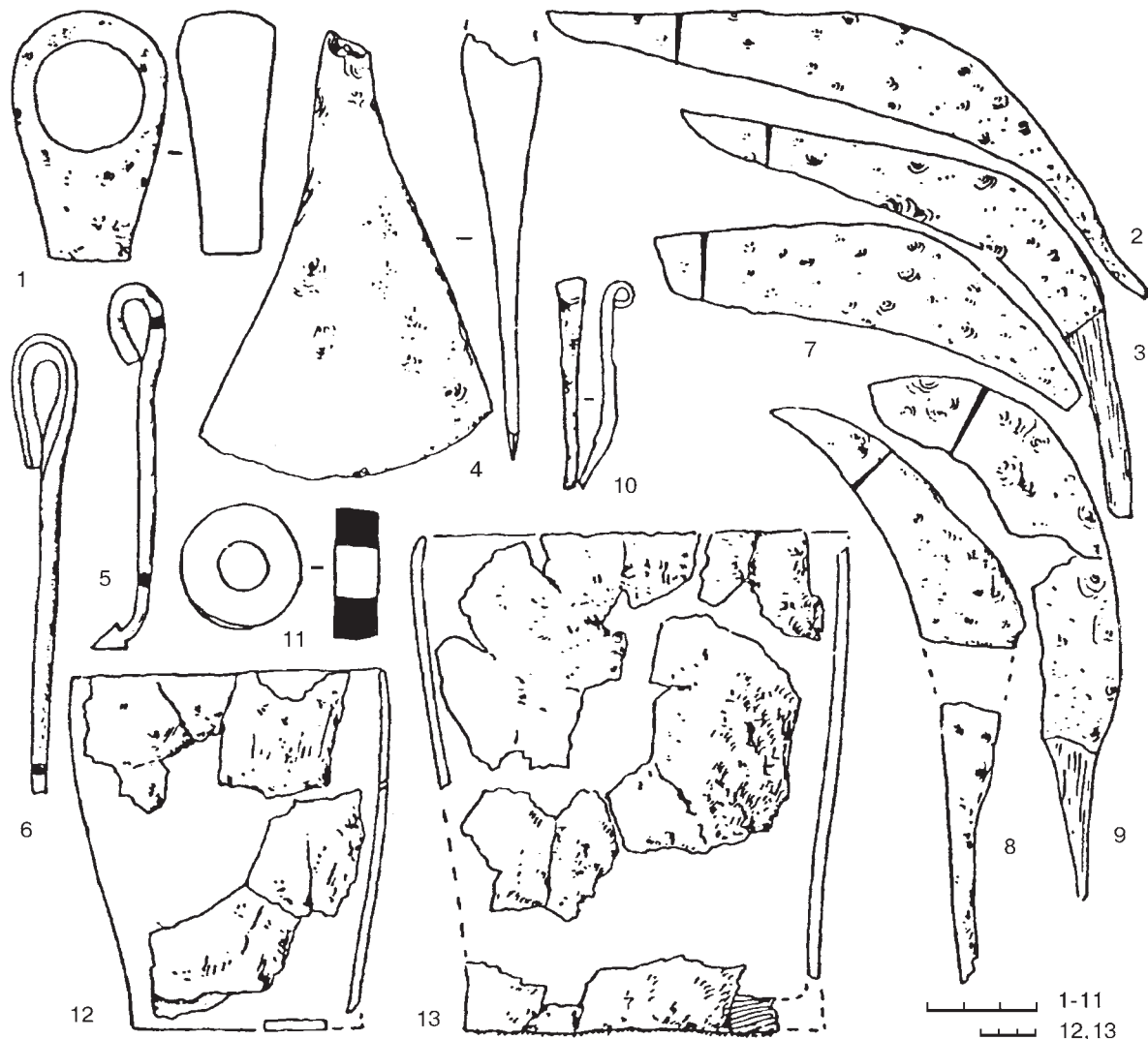

Рис. 38. Городище Каратай.
Изделия из глины (11–13) и железа (по: [Минасян 1980а]).

[Шадыро 1985, с. 112–113; 2006, с. 45]. К сожалению, узко датированных вещей, способных подтвердить существование того или иного памятника в это время, у нас пока нет. Б. С. Короткевич указывает на железное височное кольцо со спиральным завитком с городища Курово в верховьях Западной Двины, которое, по его мнению, датируется не ранее IV в. [Короткевич 2004, с. 15], но это утверждение без дополнительной аргументации кажется мало обоснованным. Однако мы располагаем и другими аргументами, указывающими на сохранение днепро-двинского населения с его культурными традициями в III–IV вв., в рамках существования в регионе памятников круга Заозерье-Узмень.

В керамической коллекции селищ Ермошино, Фролы, Свиных, на ряде памятников Смоленщины (Микулино, Заозерье) присутствуют обломки типичной днепро-двинской посуды. Это тонкостенные баночные сосуды, часто имеющие отверстия под краем венчика и прочерчивания. Их культурная диагностика на основании морфологических и технологи-

ческих признаков не вызывает затруднений. Удельный вес такой керамики в нижних слоях селища Фролы, где она наиболее многочисленна, составляет до 10% (рис. 90: 1–7). Какие-либо переходные или гибридные типы сосудов отсутствуют.

Следы вероятного взаимодействия двух традиций, свидетельствующего о непосредственном контакте остатков днепро-двинского населения с носителями типа Заозерье, отмечены в керамическом комплексе постройки 1 на селище Ермошино. Здесь наряду с профилированной посудой найдены фрагменты двух толстостенных сосудов, имеющих аналогии на днепро-двинских городищах Каратай и Подгай (рис. 64: 6, 7). Один из них имеет чуть вогнутый внутрь венчик, у другого раскрытый профиль. Высказано предположение [Лопатин 1997, с. 172–175], что увеличение толщины стенок керамики некоторых поздних городищ, отмеченное ранее Б. С. Короткевичем [Короткевич 1989, с. 11], могло быть связано с влиянием традиций круга Заозерье-Узмень. Однако этому допущению противоречат данные о морфоло-

гии форм: на городище Каратай баночная посуда стиля П-Б составляет 100% керамического комплекса, что было бы вряд ли возможно в условиях взаимодействия с традициями гончарства круга ЗУ. По мнению Б. С. Короткевича, в толстостенности керамики Каратая можно увидеть влияние не южных, а скорее западных (с территории Латвии) традиций в области керамического производства [Короткевич 2004, с. 18].

Тем не менее, непосредственный контакт днепро-двинского населения с обитателями селищ круга Заозерье-Узмень не вызывает сомнений. Он документирован совместным нахождением соответствующей керамики в слоях поселений и в закрытых комплексах. Самая поздняя узкая датировка для днепродвинской керамики – рубеж IV–V вв., – опирается на время существования селища под могильником Фролы. Но, по нашему мнению, в ситуации контакта аборигенное население занимает пассивное положение и не оказывает заметного влияния на традиции населения круга ЗУ (за исключением некоторых черт керамических форм, см. с. 72). Постепенно все днепродвинские культурные традиции изживаются, хотя население – потомки обитателей городищ (к тому времени уже заброшенных) – сохраняется, смешиваясь с переселенцами.

Судя по всему, переход остатков днепро-двинского населения с городищ на селища действительно происходит, но селища к тому времени уже существуют, основанные пришлым населением. Аборигены лишь включаются (вероятно, вынужденно) в уже сложившиеся коллективы. Особенно показательны в этой связи материалы, полученные во Фролах. Как мы указывали (см. Каталог), ранний этап функционирования этого поселения стратиграфически подразделен на три последовательных горизонта (торф, серый песок, «шихта»). Два нижних горизонта содержат только по 2–3 обломка керамики, которые могут быть атрибутированы как предположительно днепро-двинские. В третьем слое количество характерной днепро-двинской посуды резко возрастает.

Поэтому применительно к носителям древностей круга Заозерье-Узмень не следует говорить о переходе на селища. Это население никогда и не жило на городищах, во всяком случае, до появления на этой территории. А вот возведение новых или реконструкция старых городищ в Подвинье и Поднепровье около рубежа IV–V вв. имели место, возможно, в связи с какой-то военной угрозой (Бураково, Казиново, Заговалино, Лемница, Демидовка и др.).

Собственно днепро-двинских селищ пока неизвестно, хотя в перспективе их обнаружение вполне возможно. Следует в этой связи обратить внимание на предположение А. М. Микляева о том, что такие поселения могут находиться очень низко у воды, могут быть даже затоплены или заторфованы, так как уровень грунтовых вод и внутренних водоемов в период первой половины I тыс. н.э. был значительно ниже современного [Микляев 1994, с. 28]. Действительно,

слой с находками IV в. во Фролах оказался доступен для изучения только благодаря искусственному снижению уровня воды в озере Сенница. Но вместе с тем, сегодня известно большое число открытых поселений III–V вв., которые расположены достаточно высоко и ничуть не затоплены. Так что факт отсутствия днепро-двинских селищ пока остается на повестке дня и не может быть удовлетворительно объяснен только климатическими причинами.

Таким образом, вероятная генетическая преемственность между культурой днепро-двинских городищ и селищ круга Заозерье-Узмень не прослеживается.

2. Памятники типа среднего слоя Тушемли

В первые века нашей эры в восточной части ареала днепро-двинской культуры распространяются поселения с материалами типа среднего слоя городища Тушемля. Впервые они были выделены в особую культурную группу П. Н. Третьяковым [Третьяков, Шмидт 1963, с. 12–18]. Появление этих памятников в верховьях Западной Двины и Днепра положило начало процессу проникновения в этот регион южных по происхождению культурных традиций I тыс. н.э., основной район бытования которых приходится на Среднее и Верхнее (Белорусское) Поднепровье. Со времени выхода в свет работ П. Н. Третьякова ни у кого не вызывает сомнений связь среднетушемлинских керамических традиций с посудой зарубинецкой культуры [Третьяков 1966, с. 232].

В настоящее время на территории Смоленской, Псковской и Витебской областей известно около 30 городищ с находками типично среднетушемлинской керамики. На Псковщине зафиксировано несколько открытых поселений – Михайловское, Гуковы Нивы [Микляев 1994, карта 3], Борисоглеб [Александров 1989]. Два селища исследовались и в Смоленской области – Яново (рис. 40: 6–15) [Седов 1960, с. 27, 135–136; Шмидт 2003, табл. 35] и Устье [Третьяков, Шмидт 1963, с. 114–117, рис. 60].

Сооружение новых городищ для этой культуры не характерно; абсолютно все городища с материалами типа среднего слоя Тушемли были основаны еще днепро-двинским населением не позднее рубежа эр, а затем были вторично заселены «среднетушемлинцами», вероятно, после некоторой перепланировки. Селища располагаются по берегам рек и озер, на краю первых надпойменных террас или в пойме, размеры их не превышают 1 га. Селища находятся иногда поблизости от городищ, служивших в таком случае убежищами (Михайловское), но чаще городищ рядом с ними нет.

Наиболее яркий признак среднетушемлинских памятников – лепная керамика. Она очень сильно от-

личается от днепро-двинской: толстостенная, хорошо профилированная, с иной системой орнаментации. Орнамент состоит из пальцевых (ногтевых) вдавлений или насечек, нанесенных по краю венчика; несложный узор из ногтевых вдавлений иногда встречается и на тулове сосудов (*рис. 39: 7, 15*). Обработка поверхности керамики могла быть двоякой: одна часть сосудов просто заглажена, другая покрыта штриховкой, нанесенной, вероятно, пучком травы или щепкой. По формам те и другие не различаются. Изредка встречаются единичные фрагменты лощеной посуды.

Прежде чем перейти к подробной характеристике керамического комплекса, охарактеризуем имеющиеся в нашем распоряжении источники по данному вопросу. При работе над настоящим исследованием мы оперировали в основном материалами (музейными коллекциями) нескольких городищ: Полибино, Староселье, Назимово; непосредственно ознакомиться нам удалось и с коллекциями других памятников – городищ Тушемля и Демидовка (*рис. 39*), Мокрядино, Церквище, селища Яново (*рис. 40*). Естественно, учтены и опубликованные материалы памятников Смоленщины и Северной Белоруссии [Мяцельскі 2003, с. 13–19; Шадыро 2006, с. 28, табл. 5-II: 1 и др.].

Коллекция керамики из раскопок Я. В. Станкевич на городище Полибино в верховьях Ловати [Станкевич 1960, с. 276–278] насчитывает на сегодня 33 венчика типа среднего слоя (из них типологически определимых – 17), 6 венчиков днепро-двинских баночных сосудов, 4 фрагмента чернолощеной посуды (*рис. 41*). В качестве примеси к формовочной массе использована дресва. В культурном отношении материалы очень однородные: верхний слой поселения содержит почти исключительно хорошо профилированную керамику (если не считать обломков позднесредневековой посуды), а единичные фрагменты днепро-двинской посуды относятся в основном к раннему периоду жизни городища.

Подавляющая часть керамики, относящейся к собственно среднетушемлинскому типу, – гладкостенная. Лишь один фрагмент венчика (*рис. 41: 3*) и несколько небольших фрагментов стенок покрыты грубой штриховкой, но зато встречаются пальцевые зацепы и вдавления по тулову (*рис. 41: 9*). Основной способ орнаментации края венчика – пальцевые вдавления с отпечатком ногтя, в двух случаях отмечены просто неглубокие ямочные вдавления, по одному случаю – глубокие и четкие косые насечки и слабые отпечатки ногтя. В нескольких случаях край венчика никак не орнаментирован (*рис. 41: 10*). Интересно, что пальцевые зацепы и вдавления в большинстве случаев, несмотря на заметную глубину, имеют очень маленький диаметр, что говорит о миниатюрности руки, их оставившей. Возможно, это была женщина или ребенок.

Лощеной посуды найдено четыре фрагмента, два из которых принадлежат стенкам скорее всего одно-

го сосуда, один является фрагментом донца, еще один также напоминает на первый взгляд донце диаметром 5 см, однако не может им являться, так как имеет выпуклую поверхность и сильно расширяющиеся стенки. Вероятно, это фрагмент крышки. Лощение во всех случаях не очень качественное, но тем не менее имеет характерный зеркальный блеск.

По качеству обработки поверхности лощеной керамики немногим уступают фрагменты мисковидных сосудов, не лощеных, но очень тщательно заглаженных или замытых, которые, кстати, по составу теста (отсутствие крупных примесей) и характеру обжига (плотный однородный черепок) также не отличаются от собственно лощеных. Один фрагмент принадлежит небольшой миске с коротким вертикальным венчиком и четким ребром (*рис. 41: 7*). Аналогии ей известны на памятниках позднезарубинецкого времени [Обломский, Терпиловский 1991, рис. 9: 11, 20, 21: 4]. Обломок второй миски имеет вогнутый внутрь край венчика и коническое тулово (*рис. 41: 6*). Он идентичен сосудам, распространенным на памятниках типа Почеп и Грини [Обломский, Терпиловский 1991, рис. 12: 1, 30: 14, 21: 6].

На городище обнаружен еще один мискообразный сосуд, опубликованный в книге Я. В. Станкевич [Станкевич 1960, табл. LXII, 8]. Такая форма мисок довольно широко распространена на памятниках позднезарубинецкого времени и киевской культуры. Близкие по пропорциям аналоги известны на различных поселениях, однако все предполагаемые лощеные прототипы отличаются либо четкой и резкой профилировкой верхней части, либо большей глубиной. К тому же полибинская миска (*рис. 41: 8*) сильно отличается по составу теста, качеству обработки поверхности и характеру исполнения, значительно уступая по этим показателям даже нелощеной столовой посуде, найденной на городище. Очень близка полибинская миска из погребения III в. н.э. могильника Брест-Тришин [Кухаренко 1980, табл. XXV: 36, 55].

Коллекция раскопок Д. Эдинга 1913 года, хранящая ныне в Государственном историческом музее (инв. № 80135), не вносит никаких существенных дополнений в характеристику памятника. Среди фрагментов керамики практически нет типологически определимых венчиков. Обратим внимание на четыре фрагмента лощеной посуды, а также на использование в нескольких случаях в качестве отошачающей примеси в тесте шамота.

На городище Староселье, расположенном на берегу оз. Двинье, в результате раскопок Р. С. Минасяна был собран характерный материал (*рис. 42: 5–11*). Коллекция керамики насчитывает 26 фрагментов венчиков среднетушемлинского типа (из них 13 типологически определимых), 4 фрагмента лощеной посуды, 18 венчиков днепро-двинской посуды. Основная примесь – дресва, однако найдено несколько фрагментов сосудов с примесью шамота (использование шамота отмечено также в материалах городища Рудня – разведки Я. В. Станкевич). Днепро-двин-

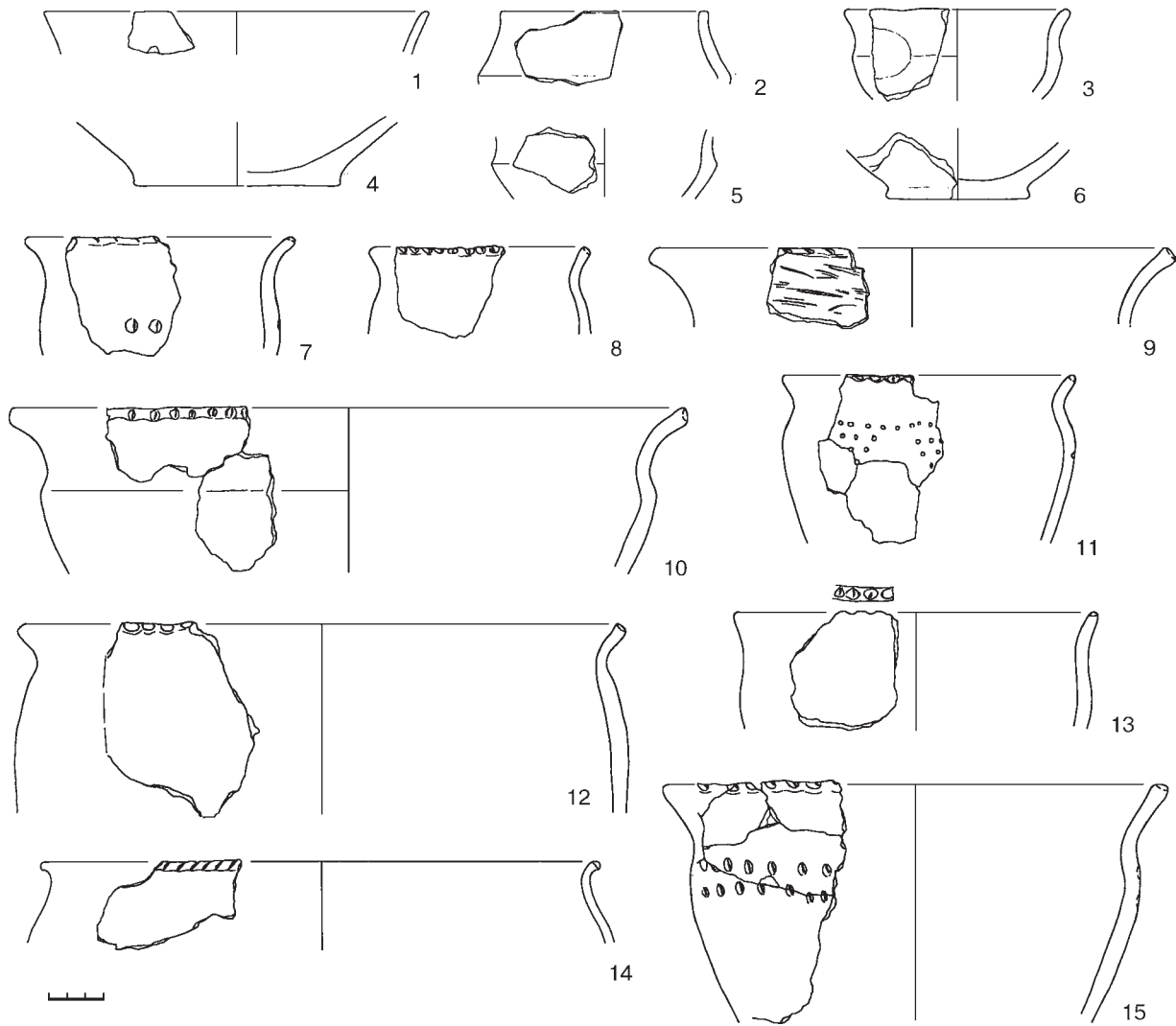

Рис. 39. Керамика из средних горизонтов городищ Тушемля (1–13, 15) и Демидовка (14).
1–6 – лощеная и гладкая, 7–15 – грубая.

ский и среднетушемлинский слои на городище стратиграфически разделяются, однако единичные обломки днепро-двинской керамики есть и в вышележащем слое [Минасян 1974, с. 135–137].

Основной способ орнаментации посуды – пальцевые вдавления с отпечатками ногтя по краю венчика. Штриховка встречается довольно редко, есть лишь два фрагмента венчиков, причем один из них отличается регулярностью штриховки и четкостью наносившего ее штампа, а по венчику украшен круглыми ямочными вдавлениями (рис. 42: 11). Есть также несколько фрагментов стенок, покрытых штриховкой с внешней, а иногда и с внутренней стороны. Три фрагмента принадлежат стенкам сосудов, имеющих пальцевые защипы по тулову.

На городище найдено несколько фрагментов чернолощеной посуды, среди которых есть небольшой обломок плавно отогнутого венчика. Лощение очень качественное, черепок довольно тонкий и плотный, без примесей. Судить о форме миски по этому обломку крайне затруднительно. Еще три фрагмента стенок покрыты черным лощением низкого качества.

Особняком стоит обнаруженный на городище развал крупного горшка с тонкими гладкими стенками, неорнаментированного, имеющего сильно выпуклое тулово и сужающуюся верхнюю часть с почти прямым коротким венчиком, шейка практически не выражена (рис. 42: 10).

Городище Назимово расположено недалеко от северного берега Жижицкого озера. Разведочный раскоп был заложен В. Семеновым в 1972 г. Коллекция хранится в фондах ОАВЕС Эрмитажа.

В ее состав входят 10 венчиков среднетушемлинского типа (рис. 42: 1–4) и только один днепро-двинский. Лощеной керамики нет. Все типологически определимые фрагменты венчиков, а их 6, относятся к одному типу. Диаметр сосудов от 22 до 35 см. Плечики двух сосудов выражены в виде четкого излома, не имеющего, однако, соответствия на внутренней поверхности (рис. 42: 2). Штриховкой изнутри и снаружи покрыты несколько фрагментов стенок и четыре венчика, причем один из них – только изнутри. Край венчика у сосудов орнаментирован пальцевыми защипами с отпечатком ногтя, в одном случае –

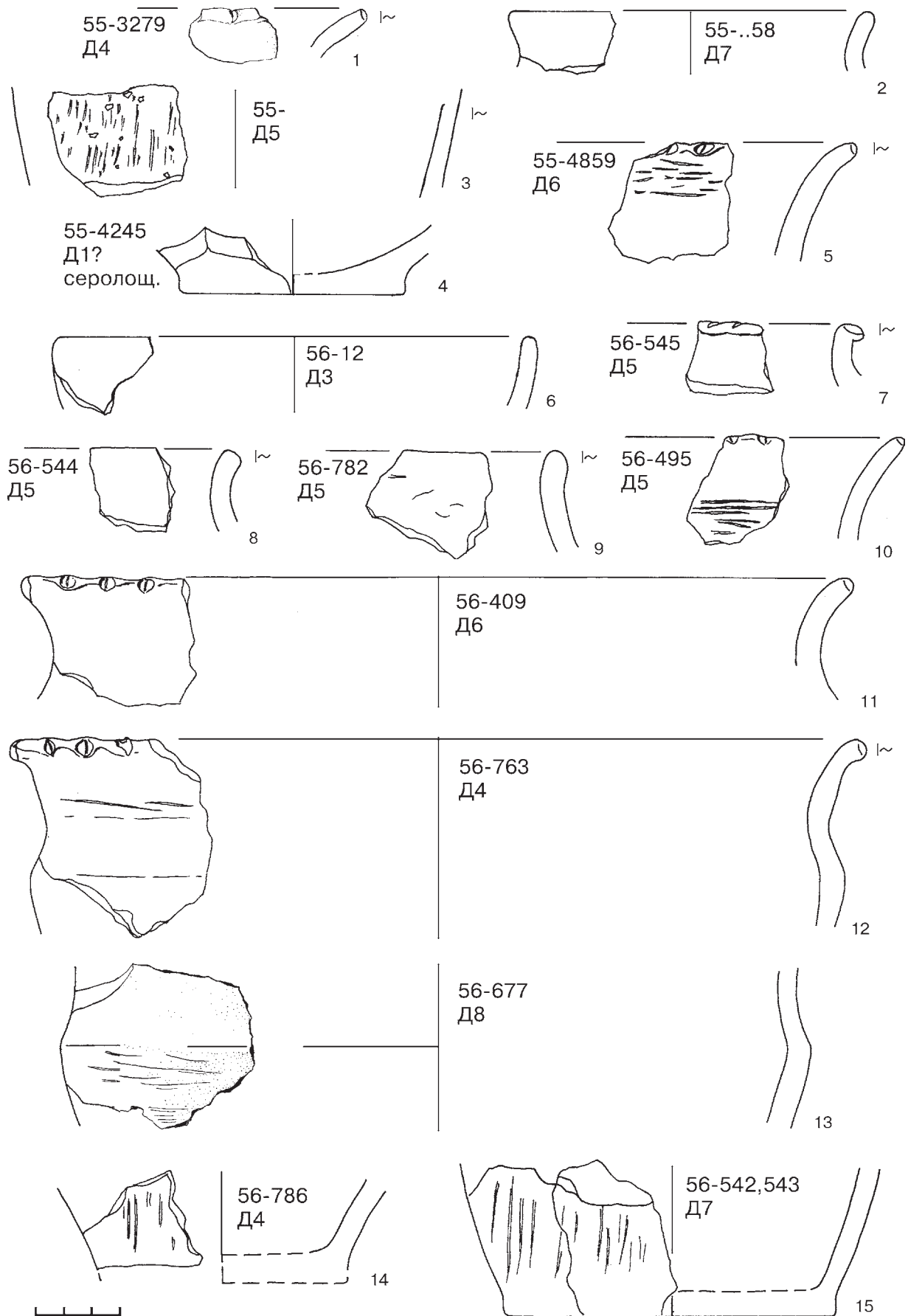

Рис. 40. Городище Церковище (1–5) и селище Яново (6–15). Керамика.
4 – серолощенная, остальные – грубая.

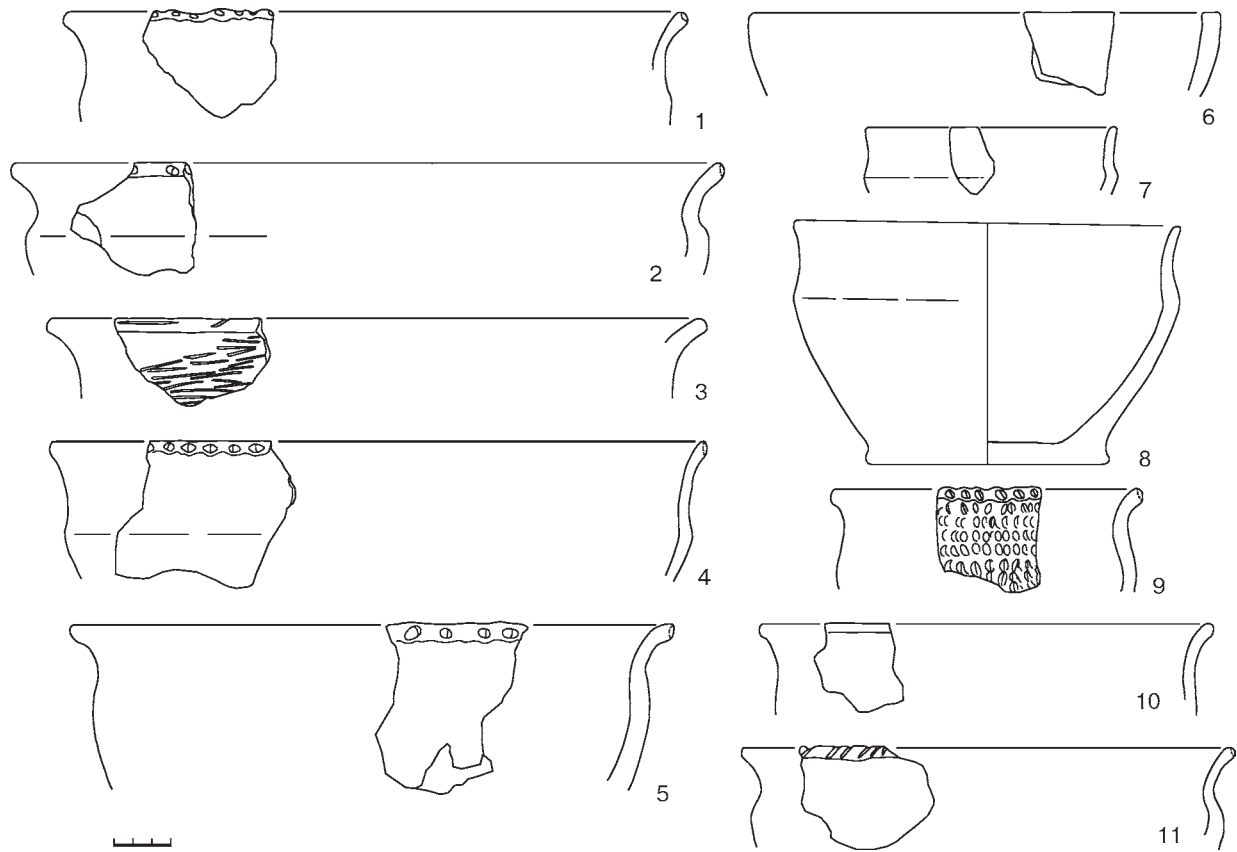

Рис. 41. Городище Полибино. Керамика. 7, 8 – гладкая, остальные – грубая.

очень глубокими пальцевыми вдавлениями без отпечатка ногтя, один фрагмент украшен по венчику отпечатками раздвоенной палочки (рис. 42: 3). Найден один обломок венчика, украшенного кривой «насечкой», аккуратно и глубоко вырезанной ножом. Единственная примесь в глиняном тесте – дресва.

Городище Михайловское расположено на северном берегу Жижичского озера, в устье р. Висечи. Памятник исследовался Я. В. Станкевич в 1950 и 1952 гг. При раскопках была получена очень богатая керамическая коллекция, которая, к великому сожалению, не сохранилась до наших дней в фондах Великолукского краеведческого музея. До нас дошли только фотографии и рисунки автора раскопок, помещенные в публикацию и в полевые отчеты [Станкевич 1960, с. 202–214].

Как можно судить по этим сведениям, коллекция, как и сам памятник, интересна тем, что среднетушемлинский и днепро-двинский материал перемешаны не только в одном слое, но зачастую и в одних комплексах [Станкевич 1960, с. 205–212]. Значительная часть посуды покрыта штриховкой. Интересно и то, что такие типичные среднетушемлинские способы орнаментации посуды, как штриховка поверхности, защипы, насечки и вдавления по венчику нередко встречаются и на типичных днепро-двинских баночных сосудах. То же самое отмечено и на части обломков посуды из Мокрядино. Первоначально такое сочетание признаков пытались рассматривать как пе-

реходный тип от днепро-двинской к среднетушемлинской керамике [Третьяков, Шмидт 1963, с. 22]. Однако скорее всего, это вариант не переходный, а гибридный, что, впрочем, не менее интересно и свидетельствует опять-таки в пользу мирного контакта и даже смешения населения двух культур.

Приводимая ниже классификация груболепной керамики является общей для всех памятников. Лощеная посуда уже рассмотрена индивидуально. Следует отметить, что в нашем распоряжении практически нет целых форм, поэтому деление на варианты основано на профилировке верхней трети сосудов. Это создает некоторую погрешность и трудности в случае сопоставления с уже существующими типологиями близкого в культурно-хронологическом отношении материала. Мы имеем в виду типологическую схему Обломского – Терпиловского, разработанную для позднерубинской керамики [Обломский, Терпиловский 1991, рис. 2]. Но нам кажется, что на принципиальные выводы это повлиять не может.

Типологически определимые сосуды со среднетушемлинских памятников относятся к четырем основным вариантам, как это прослеживается визуально.

1) Сосуды максимально открытой формы с коническим туловом, слабо выраженными плечиками, короткой шейкой и резко отогнутым наружу венчиком. Плечико либо вовсе не выражено, либо едва намечено. Максимальный диаметр приходится на устье (рис. 39: 7, 15; 41: 5; 42: 1, 11). Наиболее близко соответ-

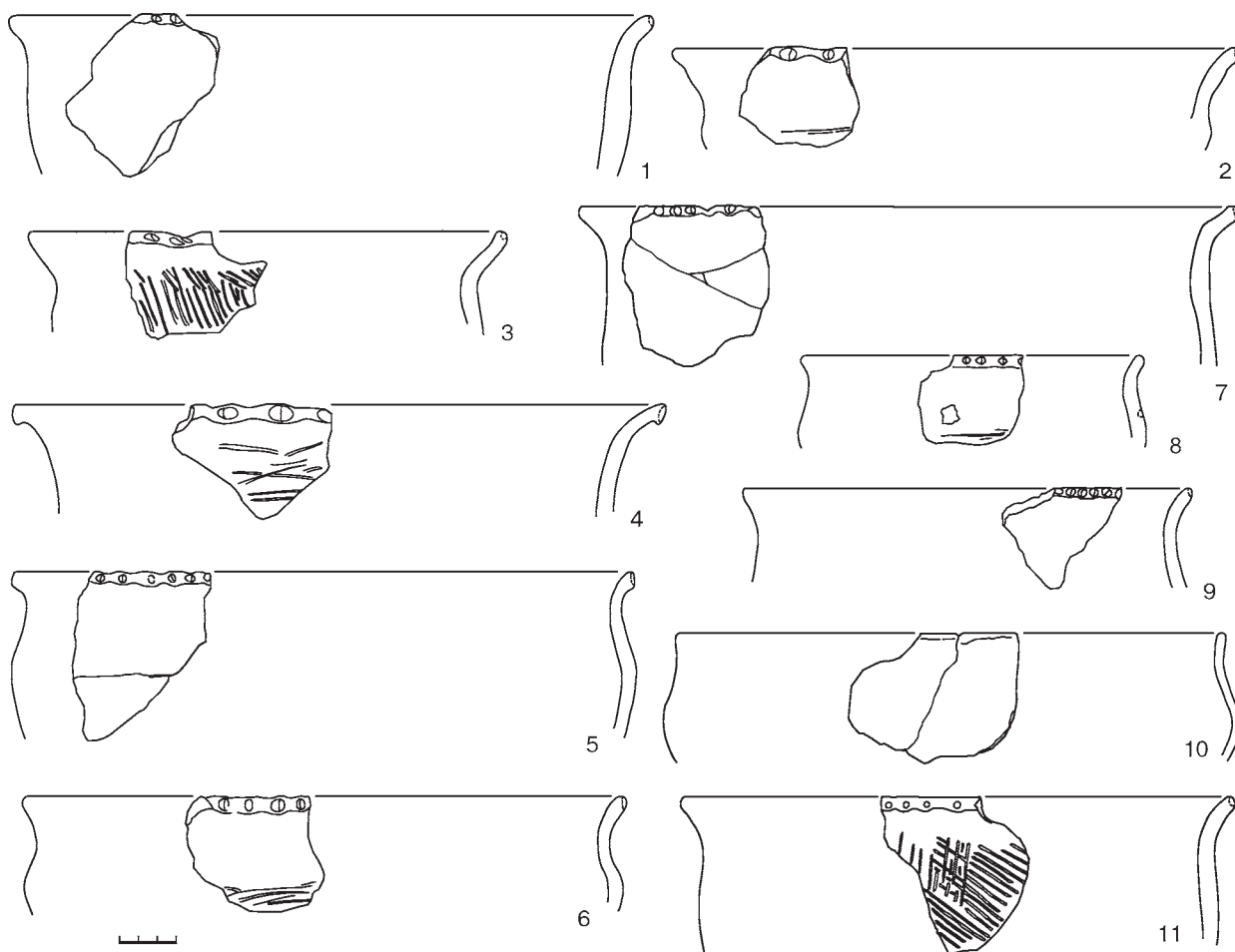

Рис. 42. Городища Назимово (1–4) и Староселье (5–11). Керамика.

ствует типу I-3б округлобюких позднезарубинецких горшков по схеме Обломского – Терпиловского.

2) Сосуды, пропорционально близкие варианту 1, но с более резкой профилировкой. Плечико имеет вид четкого перегиба или даже ребра. Максимальный диаметр приходится на уровень плечиков или устья (рис. 39: 10; 40: 12; 42: 5, 6). Тип II-2б ребристых позднезарубинецких горшков наиболее близок данному варианту.

3) Округлобюкие сосуды с выпуклым туловом, сужающейся шейкой и плавно отогнутым венчиком. Максимальное расширение приходится на середину – две трети высоты (рис. 39: 11, 14; 42: 9). Вероятно, соответствуют позднезарубинецкому типу I-1а-а.

4) Слабопрофилированные с прямым почти вертикальным венчиком и слабо выраженным плечиком (рис. 39: 13; 41: 10). Ближе всего стоят к типу I-1аб по Обломскому и Терпиловскому, хотя фрагментированность материала не позволяет с уверенностью говорить о полном соответствии.

Распределение типологически определимых венчиков по вариантам отражено в таблице:

Памятник \ Вариант	1	2	3	4
Полибино	7	3	2	1
Староселье	3	4	4	1
Назимово	6	-	-	-

Таким образом, ведущий тип посуды на всех памятниках – довольно крупные сосуды открытой формы варианта 1, диаметр которых иногда достигает 30–35 см. Помимо отмеченных в таблице памятников, весьма выразительные сосуды данного типа найдены в среднем слое Демидовки. Также значительную долю составляют пропорционально близкие им сосуды варианта 2 с более резкой профилировкой. Выразительные сосуды варианта 3 были найдены в нижнем слое Витебска [Бубенько, Левко 2003, рис. 7: 1] и на городище Церковище [Седов 1964, рис. 25].

Практически все сосуды имеют какую-либо орнаментацию либо по краю венчика, либо, по тулову, либо заштрихованную поверхность. Совершенно гладкие неорнаментированные сосуды – большая редкость.

Железный бытовой инвентарь среднетушемлинских памятников в целом аналогичен днепродвинскому, но он несравненно богаче в количественном отношении. Здесь встречены все те же серпы типа 1Б, серповидные ножи вариантов А и В, ножи с прямыми и горбатыми спинками, бритвы. В Михайловском обнаружен узколезвийный проушной топор прибалтийского типа, наиболее вероятная дата которого II–V вв. [Короткевич 1989, с. 12].

Особо отметим, что со среднетушемлинским этапом связано начало распространения в Верхнем Поднепровье и Подвинье железных орудий новой схемы – серпов с загнутой пяткой для крепления рукояти. Подобное орудие найдено на селище Устье [Третьяков, Шмидт 1963, рис. 60А].

Украшения представлены булавками с кольцевидным и посоховидным навершием. Бронзовый пластинчатый браслет, орнаментированный точечными вдавлениями, который найден в Полибине, точных аналогий не имеет. Скорее всего, он связан с более поздним периодом жизни на этом поселении. Массивный браслет из железного круглого дрота обнаружен на городище Михайловское. Подобные предметы широко бытовали и на днепровско-двинских памятниках в начале нашей эры. На этом же поселении найдена трапециевидная подвеска из бронзового листа с колечком для подвешивания. Подобные экземпляры встречаются на зарубинецких и дьяковских памятниках первой половины I тыс. н.э. [Митрофанов 1978, с. 39].

Изделия из глины представлены биконическими и эллипсоидными пряслицами и грузиками дьякова типа. На последних стоит остановиться подробно. Грузики дьякова типа относятся к числу находок, не известных на городищах западного варианта днепровско-двинской культуры, за исключением всего нескольких памятников только позднего этапа – городищ Кострица и Подгай в бассейне Западной Двины [Шадыро 1985, рис. 60; Станкевич 1960, табл. III], и единичных находок на Смоленщине, в частности, в Новых Батеках. Зато они непременно сопровождают комплекс вещей среднетушемлинских поселений не только в Подвинье, но и в Верхнем Поднепровье. Грузики, обнаруженные на городищах Михайловское, Анашкино, Староселье, так же как и находки на днепровско-двинских городищах финальной стадии, относятся к наиболее поздним типам, бытующим, судя по находкам с дьяковских поселений, с I в. до н.э. по III в. н.э. [Смирнов 1971, с. 96].

Таким образом, своеобразие среднетушемлинских памятников определяется прежде всего особенностями керамической традиции, явно не имеющей местных генетических корней в Подвинье. В настоящее время ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что эта керамика типологически восходит к зарубинецкой (а некоторые типы просто копируют ее) и наиболее близка посуде позднезарубинецких поселений Верхнего Посожья и Подесенья [Третьяков, Шмидт 1963, с. 22]. По мнению П. Н. Третьякова, проникшие сюда в первые века нашей эры носители зарубинецкой культуры оказывали сильное влияние на более северные племена, которые заимствовали от них профилированную керамику и некоторые типы орудий труда и украшений [Третьяков 1966, с. 232–233].

Датировка городищ Западнодвинского бассейна (Полибино, Михайловское, Староселье) опирается на аналогии столовой посуде, рассмотренные выше, а

также на находки бритв с прямым черенком, биконического пряслица, грузиков дьякова типа. Все это с наибольшей вероятностью указывает на I–III вв. н.э. [Короткевич 1989, с. 13].

Для уточнения датировки среднетушемлинских памятников следует привлечь данные по городищам Смоленщины. Датировочные находки, обнаруженные на среднетушемлинских поселениях Поднепровья, также относятся к первым векам нашей эры. Глазчатая фибула прусской серии, найденная на городище Церковище [Шмидт 1992, табл. 45: 8], по классификации Р. Ямки, наиболее близка экземплярам типа III, распространенного преимущественно в низовьях Вислы с конца I в. н.э. до рубежа II–III вв. [Jamka 1964, s. 65–67]. Подвязная прогнутая одночленная фибула верхнеднепровского варианта по А. К. Амброзу, происходящая из среднего слоя городища Тушемля [Третьяков, Шмидт 1963, рис. 21], была датирована II в. н.э. [Амброз 1966, с. 68]. Однако самые ранние образцы подобных фибул (вариант Ф по Ю. В. Кухаренко) обнаружены на памятниках финала классической зарубинецкой культуры, и поэтому их появление следует относить к I в. н.э. [Обломский, Терпиловский 1991, с. 23–24]. Проникновение «верхнеднепровских» фибул в лесную зону, как и формирование среднетушемлинской культуры, по мнению М. Б. Щукина, связано с процессами второй половины I в. н.э. [Щукин 1994, с. 238–239].

Бронзовая фибула среднелатенской схемы, найденная в Городке [Третьяков, Шмидт 1963, рис. 52] происходит из перемешанного слоя и относится скорее к раннему днепровско-двинскому этапу жизни поселения [Щукин 1994, с. 112].

С учетом этих данных наиболее вероятная датировка памятников типа среднего слоя Тушемля на территории Верхнего Поднепровья и Подвинья – с конца I до рубежа II–III вв. н.э. Возможно, что некоторые доживают и до начала III в.

Попытка определить генетические истоки керамического комплекса среднетушемлинских памятников, исходя из современных представлений о подразделении зарубинецкой культуры на варианты, привела нас к следующему выводу. Особенности орнаментации и обработки поверхности посуды, а также набор форм сосудов указывают на основной компонент, сыгравший ведущую роль в формировании среднетушемлинских керамических традиций: верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры или иначе – памятники типа Горошков-Чаплин и типа Чечерск-Кистени [Лопатин 1991, с. 51–52, Фурсев 2000, с. 205–206].

Памятники типа Чечерск-Кистени или чечерской группы, впервые выделенные А. М. Обломским [Обломский 1983, с. 15–16], сегодня рассматриваются как один из локальных вариантов зарубинецкой культуры и датируются II в. до н.э. – I в. н.э. [Дробушевский 1994, с. 82–85; Дробушевский 2000, с. 49; Обломский, Терпиловский 1991, с. 96–102]. Характерной отличительной чертой этого варианта

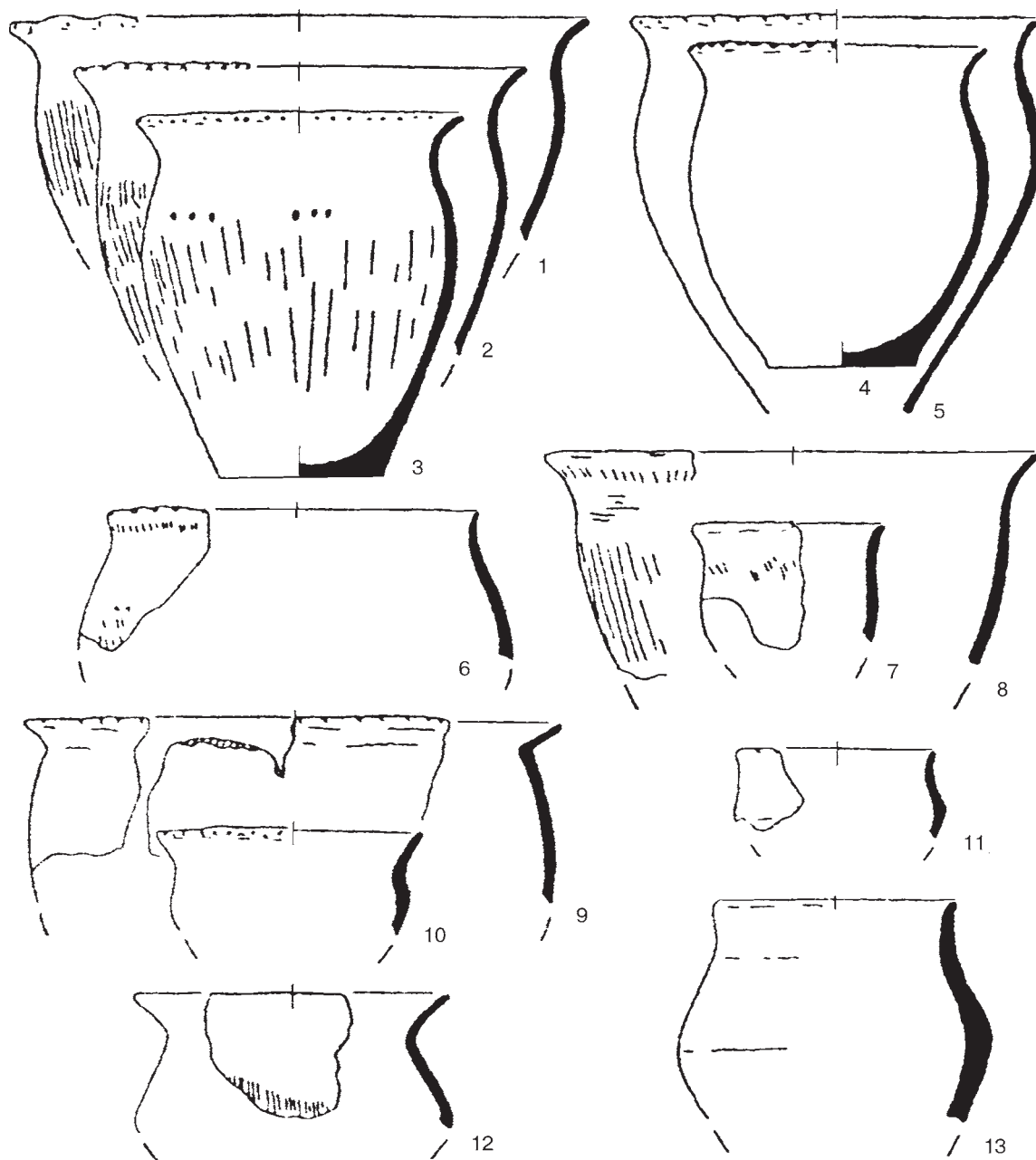

Рис. 43. Памятники типа Чечерск-Кистени (чечерской группы).
Основные (1–7) и редкие (8–13) формы nelloщенных горшков (по: [Дробушевский 2000]).

является сочетание типичных зарубинецких форм и орнаментации венчиков сосудов с обычаем покрывать их поверхность штриховкой, который связан с влиянием населения культуры штрихованной керамики. На памятниках чечерской группы штриховкой могут быть покрыты не обязательно все сосуды, а только часть, но, как правило, в Посожье эта часть – основная, минимально – 20–30% [Дробушевский 2000, с. 54].

Ближние памятники с аналогичной по форме посудой, но без штриховки, образуют отдельную группу – Горошков-Чаплин [Обломский 1983, с. 15–16]. Для этой группы несколько более характерна лощеная керамика.

Частое присутствие штриховки (один из основных отличительных признаков группы Чечерск-Кистени) на поверхности сосудов с зачидами как будто свидетельствует о главенствующем вкладе этих древностей в процесс сложения среднетушемлинской культуры. Но в то же время, наличие в Смоленской области нескольких среднетушемлинских городищ, где штриховка отсутствует почти полностью (Тушемля и Демидовка, где штрихованные фрагменты единичны, и селище Устье), говорит и о вероятном участии памятников типа Горошков-Чаплин. На вариант Горошков-Чаплин указывает и относительно большая доля лощеной керамики в среднем слое городища Тушемля по сравнению, например, с верх-

недвинскими памятниками. Можно допустить с большой долей вероятности, что за пределами своего основного ареала эти две и без того весьма близко родственные традиции смешались.

В области морфологии прежде всего отметим присущий и среднетушемлинским, и чечерским поселениям бедный (на фоне классических зарубинецких памятников) набор керамических форм (рис. 43), практически полное отсутствие таких характерных зарубинецких атрибутов, как глиняные диски, крышки, кружки, редкость лощеных мисок. Основной чертой керамического комплекса, наряду с его бедностью, является количественное преобладание довольно крупных профилированных сосудов усеченно-конической формы (рис. 43: 1, 2, 8) с отогнутым наружу венчиком и слабо выраженным плечиком (тип I-36 по Обломскому-Терпиловскому). Для памятников классической зарубинецкой культуры сосуды таких пропорций вообще не характерны [Дробушевский, Лошенко 1995, с. 43–45; Дробушевский 2000, с. 50–51], они отличают лишь верхнеднепровский вариант культуры. В поздnezарубинецкий период такие горшки являются наиболее типичными для памятников круга Грини, генетически связанных с чечерской группой верхнеднепровского варианта, а на поселениях других культурных групп этого времени встречаются значительно реже [Обломский, Терпиловский 1991, с. 82]. Профилировка и пропорции сосудов, найденных на городищах Подвинья и Посожья, в целом совпадают. Их характеризуют сильно раскрытая форма, едва намеченные плечики, расположенные довольно высоко. Определенное сходство прослеживается и с керамикой типа Грини, но там орнаментация уже несколько иная: вместо штриховки часто используются расчесы, в то время как насечки, защипы и ногтевые вдавления встречаются значительно реже.

Что касается других представленных в Подвинье типов груболепной посуды, то они имеют довольно широкое распространение по всему зарубинецкому ареалу и не позволяют судить о локальных особенностях.

Следует также обратить внимание на такой важный показатель, как примеси в керамике. Для зарубинецкого и поздnezарубинецкого периодов одним из основных отощителей формовочной массы является шамот. На этом фоне выделяются памятники Посожья и Верхнего Поднепровья, характеризующиеся крайне редким использованием шамота и широким распространением примеси дресвы [Дробушевский 2000, с. 50]. На городищах Подвинья присутствие шамота в тесте зафиксировано лишь в трех случаях: несколько фрагментов сосудов, найденных в Староселье, Полибине и Рудне. Но основной отощитель здесь также дресва.

Таким образом, связь среднетушемлинских традиций в области изготовления керамики, распространенных на территории Подвинья, с памятниками Посожья нам представляется вполне очевидной. Па-

радокс состоит в том, что периоды бытования тех и других памятников почти не совпадают. В Посожье они, как принято считать, доживают примерно до конца I в. н.э., а появление среднетушемлинских городищ с учетом ранних находок с территории Смоленщины относится ко времени около рубежа I–II вв. н.э., в Подвинье же, скорее всего, уже ко II в. н.э. Таким образом, фибулы и некоторые формы столовой посуды позволяют четко синхронизировать среднетушемлинские памятники с постзарубинецкими древностями (так называемый горизонт Рахны-Почеп), но лепная посуда выглядит для этого времени архаично.

Предположение о возможном влиянии почепской культуры на среднетушемлинские памятники [Седов 1969, с. 125], казалось бы, должно привлечь самое пристальное внимание, так как эта культура наиболее близка им в территориально-хронологическом отношении: те и другие памятники существуют практически синхронно, почепские поселения с юга вплотную подступают к среднетушемлинским городищам Смоленщины. Однако на конкретном материале эта связь не прослеживается: керамический комплекс почепских памятников имеет ряд специфических особенностей (характерные сосуды с высоким раструбообразным венчиком, большое количество лощеных мисок типичных цилиндрико-конических форм), совершенно не представленных на городищах Подвинья и Верхнего Поднепровья. И наоборот, основные отличительные признаки керамики Подвинья (сосуды типа I со штриховкой) не имеют почепских аналогов. Возможно, дальнейшее изучение смоленских городищ, расположенных в верховьях Сожа, позволит внести коррективы в данное наблюдение.

Существуют две точки зрения на механизм распространения вещевого и керамического комплекса типа среднего слоя Тушемли и их появления в Подвинье, в ареале днепро-двинской культуры. Первая была высказана П. Н. Третьяковым [Третьяков 1966, с. 230–234], к ней затем присоединились Е. А. Шмидт [Шмидт 1992, с. 134–137] и Б. С. Короткевич [Короткевич 1992, с. 65–67]. Она вкратце сводится к заимствованию населением днепро-двинской культуры некоторых элементов от своих южных соседей, что связано с распространением в лесной зоне земледельческих навыков, родиной которых была лесостепь. П. Н. Третьяков предложил схему постепенного развития керамических форм от баночных днепро-двинских к профилированным «зарубиноидным» [Третьяков, Шмидт 1963, с. 22], но в дальнейшем она не получила развития.

Другая точка зрения основывается на том, что, согласно хронологическим изысканиям, прекращение жизни чечерских поселений Посожья совпадает по времени с началом распространения среднетушемлинских памятников Верхнего Поднепровья и Подвинья. Из этого следует вывод о невозможности культурного влияния первых на вторые. Следями

влияния являются скорее находки фибул и образцов столовой посуды, восходящей к постзарубинецким прототипам и вполне современной для первых веков нашей эры. Довольно широкое распространение архаичных типов грубой кухонной посуды может свидетельствовать скорее о сохранении и расселении самих носителей этой традиции, по каким-то причинам вынужденных покинуть ареал первоначального обитания и продвинуться далеко на север в зону днепровских племен [Дробушевский 2000, с. 64–66].

Как можно судить по характеру распределения автохтонного и пришлого по происхождению материала на различных городищах, процесс взаимодействия этих двух компонентов мог протекать по-разному. Преобладание поселений, на которых среднетушемлинский слой стратиграфически отделен от более раннего, а днепровские материалы представлены крайне бедно (Староселье, Назимово, Тушемля, Полибино), свидетельствует в пользу того, что иммигранты предпочитали осваивать уже заброшенные городища. Вместе с тем, возможно было и смешение традиций на одном памятнике (Михайловское, Мокрядино).

Время финала памятников типа среднего слоя Тушемли, помимо вещевых находок конца I – III в., может быть уточнено на основании полного отсутствия характерной для них керамики на поселениях круга Заозерье-Узмень, самые ранние из которых датируются первой половиной III в. Видимо, между этими памятниками не было хронологического стыка, и уже не позднее первой половины III в. все среднетушемлинские культурные традиции прерываются.

Оставив очень яркий, но непродолжительный след в культуре Верхнего Поднепровья и Подвинья, среднетушемлинское население вскоре бесследно растворяется, возможно, вырождается, утратив прежние связи. Историко-демографическая специфика этой яркой культуры состояла, видимо, в том, что ее оставило население, попавшее в данный регион в результате единовременного выплеска, произошедшего около рубежа I–II вв., и оказавшееся в результате в культурной изоляции. Причины исхода населения из Среднего Поднепровья и Посожья на север можно увидеть в дестабилизации политической ситуации во второй половине I в. н.э., вызвавшей серию цепных миграций, коснувшихся и лесной зоны. Главным отражением этого стала гибель классической зарубинецкой культуры и образование на ее основе культурного пласта постзарубинецких памятников или горизонта Рахны-Почеп [Шукин 1994, с. 236–237].

У нас есть все основания включить древности типа среднего слоя Тушемли в горизонт Рахны-Почеп, чего ранее никем не делалось. Все обстоятельства этому вполне соответствуют: памятники существуют с конца I в. и весь II в., их исходный регион формирования связан с окраиной классической зарубинецкой культуры, керамические традиции имеют прямую генетическую связь с памятниками типа Чечерск-Кистени. Присутствует большинство «интегрирующих ти-

пов» вещей, по выражению М. Б. Шукина [Шукин 1994, с. 236]: глазчатые фибулы, чернолощенные миски, тюльпановидные и округлобокие зарубинецкие горшки с насечками и вдавлениями по венчику; неизвестен погребальный обряд.

У ряда исследователей вызывает сомнение правомерность включения памятников типа Чечерск-Кистени в круг «классической» зарубинецкой культуры: слишком сильная специфика керамического и вещевого набора заметно отличает их от действительно классических памятников Полесья и Среднего Поднепровья. Вероятно, данное наблюдение небезосновательно. Однако в контексте настоящего исследования мы не станем разбираться в этом нюансе. Более важной и пока достаточной представляется констатация типологической связи двух существующих типов памятников, указывающей направление возможных культурных связей и миграций. Вероятно, это наблюдение, наоборот, в дальнейшем позволит в какой-то степени пролить свет на суть такого культурного явления, как памятники чечерского типа.

Перспективным нам кажется недавно высказанное А. М. Дробушевским предположение о существовании в западной части ареала древностей чечерского типа особой культурной группы – рогачевских городищ. Материальный облик этих памятников специфичен и не позволяет безоговорочно относить их к зарубинецкой культуре. «Эклектичный характер материальной культуры обитателей рогачевских городищ свидетельствует о незавершенности этнокультурных процессов в этом регионе» [Дробушевский 2000, с. 62–63]. Вероятно, именно эта локальная группа памятников в дальнейшем включается в культуругенез древностей раннеримского времени не только на данной территории, но и далее к северу [Дробушевский 2000, с. 64].

3. Происхождение древностей круга Заозерье-Узмень. Их соотношение с местными древностями предшествующего периода и с киевской культурой

В главе 2 нами уже рассмотрены важнейшие особенности культуругенеза древностей круга Заозерье-Узмень, включая обоснование их генетической преемственности с киевской культурой раннего этапа. Здесь остается лишь сопоставить эти факты и вышеизложенные наблюдения о соотношении памятников круга Заозерье-Узмень с предшествующими местными культурами.

Высказанное в соответствующем разделе предположение о кризисе днепровской культуры в пер-

вых веках н.э. и об отсутствии преемственности между материальной культурой городищ раннего железного века с более поздними памятниками (в данном случае – древностями круга Заозерье-Узмень) вступает в противоречие с широко распространенным мнением таких ведущих специалистов по днепродвинской культуре, как Е. А. Шмидт и В. И. Шадыро. Они считают, что запустение городищ связано не с кризисом культуры и сокращением численности населения, а со структурными изменениями в хозяйстве населения. Эти изменения приводят к переходу жителей на неукрепленные поселения – селища, которые иногда возникают у подножия городищ, но чаще – на некотором удалении от них, в непосредственной близости от воды [Шадыро 1985, с. 117; Шмидт 1992, с. 142; Шмидт 1997, с. 349].

По мнению П. Н. Третьякова, «процесс смены укрепленных поселений неукрепленными был повсеместным» и в лесной зоне Восточной Европы он протекал в середине I тыс. н.э. [Третьяков, Шмидт 1963, с. 7, 26]. Многочисленные факты не позволяют сомневаться в таком выводе. Однако нельзя не заметить, что этот процесс сопровождается на территории Верхнего Поднепровья и Подвинья, сменой культуры, изменением керамического комплекса, появлением новых приемов домостроительства и погребальных традиций, что отмечают и вышеуказанные авторы [Шадыро 1985, с. 117; Шмидт 1992, с. 142; Шмидт 1997, с. 349]. Фактически, если на городищах мы имеем дело с одной культурой, то на селищах – с совершенно другой. Процесс смены типов поселений, как явление несомненно стадияльное, не снимает проблемы генетической и культурной преемственности между ними и тем более не должен подменять собой реконструкцию конкретных процессов культурогенеза в лесной зоне Восточной Европы.

Многолетние исследования Е. А. Шмидта в Смоленской области привели его к выводу, что «переселение с городищ на селища в конце III – IV в. связано с изменением природных (экологических) условий и изменением характера хозяйственной деятельности, а не с миграционными процессами. Основателями открытых поселений-селищ были жители днепродвинских городищ с их керамикой и грузиками дякова типа и другим инвентарем» [Шмидт 1997, с. 349; 2003, с. 17]. Однако автор отмечает и некоторое незначительное влияние южных культурных традиций [Шмидт 2003, с. 169–171].

Сравнительный анализ материалов изучаемого нами региона, представленных, с одной стороны, поздними днепродвинскими городищами, с другой – древностями круга Заозерье-Узмень (селища и грунтовые могильники), не позволяет нам согласиться с таким мнением. Сопоставим конкретные категории археологического материала.

1) *Вещевой инвентарь* городищ и селищ состоит преимущественно из совершенно различных типов изделий. На городищах – серповидные ножи и серпы типа 1Б по Р. С. Минасяну, косари, ножи с горбатой

спинкой; на селищах – серпы типа 1Д, ножи с плавными уступами между лезвием и черенком, иногда – с прямой спинкой, пластинчатые и долотовидные кресала. И на селищах, и на предшествующих городищах известны лишь железные «бритвы». Посоховидные булавки на селищах имеют подтреугольную головку из проволоки четырехугольного сечения и имеют круг аналогий на памятниках второй четверти I тыс. н.э. киевской культуры и чуть раньше – штрихованной керамики [Медведев 1995б, с. 195–197, рис. 8, 10], в то время как днепродвинские – с наверху округлой формы из круглого в сечении стержня. К отдельным находкам биконических пряслиц на днепродвинских городищах следует относиться осторожно, так как почти все они происходят из тех памятников, где имеются и поздние материалы IV–V вв. Единичные грузики дякова типа на селищах – также не показатель преемственности с днепродвинской культурой, поскольку большинство грузиков связано со среднетушемлинскими материалами городищ, за очень редким исключением.

2) *Погребальный обряд* днепродвинских племен до сих пор неизвестен. Для древностей круга Заозерье-Узмень характерны грунтовые могильники с погребениями по обряду трупосожжения на стороне, помещенными в грунтовые ямы (Узмень, Фролы).

3) *Керамика* – основной источник для изучения культурно-генетических процессов. Элементы влияния субстратных традиций днепродвинской культуры в гончарстве древностей круга Заозерье-Узмень рассмотрены в главе 2. Однако в целом керамика двух культур совершенно различна, и различия эти проявляются на уровне разделения стилистических групп (см. там же).

Мы не склонны отрицать, что население этих двух культурных общностей контактировало друг с другом, в ряде случаев проживало во второй четверти I тыс. н.э. совместно на одних поселениях и, вероятно, даже смешивалось. Однако, что касается характерного набора устойчивых культурных традиций, связанных с определенным типом хозяйства и социальных отношений, к которому и принято применять термин «археологическая культура» (либо его синонимы), то он меняется радикально. Старый – автохтонный днепродвинский – угасает и не получает дальнейшего развития, в то время как новые элементы культуры и хозяйства, впервые появившиеся здесь вместе с новым населением, продолжают развиваться и в последующее время.

Однако мы оставили без внимания другую группу памятников первых веков нашей эры – среднетушемлинскую, которая тоже могла бы претендовать на роль генетического предшественника древностей круга Заозерье-Узмень на нашей территории.

Нельзя не отметить, что по некоторым признакам памятники круга Заозерье-Узмень и типа среднего слоя Тушемли схожи. Если не принимать во внимание различия в способах орнаментации и рассмотреть только морфологию сосудов, то можно обра-

тить внимание на пропорциональное тождество и сходный характер профилировки верхней части сосудов некоторых среднетушемлинских и заозерских типов. Впрочем, и орнаментация поверхности керамики также имеет весьма близкое сходство. Расчесы гребенчатым штампом и штриховка посуды – генетически близкие приемы, варианты эволюции одной орнаментальной традиции [Обломский 1983, с. 18–19; Обломский, Терпиловский 1991, с. 102].

Все эти данные вполне соответствуют уже сложившемуся твердому мнению исследователей о единой генетической линии развития древностей Верхнего и Среднего Поднепровья от зарубинецких памятников типа Чечерск-Кистени (чечерская группа) II в. до н.э. – I в. н.э. к памятникам типа Грини II – начала III в. и затем к поселениям киевской культуры типа Абидня III–IV вв. Таким образом, если среднетушемлинская культура Подвинья восходит к древностям типа Чечерск-Кистени, а памятники круга Заозерье-Узмень – к раннекиевским древностям типа Абидня, которые также наследуют чечерским памятникам, то степень родства среднетушемлинских и заозерских древностей между собой соответствует, образно говоря, родству дяди и племянника.

Теоретически можно было бы допустить возможность того, что памятники круга Заозерье-Узмень сформировались в Подвинье на основе существовавших здесь в I–II вв. древностей типа среднего слоя Тушемли, и процесс их трансформации протекал в том же русле, что и в исходном регионе – в Верхнем Поднепровье. Такую возможность, в принципе, подразумевает Е. А. Шмидт, говоря о преемственности культуры поздних днепро-двинских городищ, под которыми он подразумевает материалы типа среднего слоя Тушемли, и селищ типа Заозерье (в его терминологии – «раннего этапа тушемлинской культуры») [Шмидт 1994, с. 34–35; 2003, с. 168–171]. И в этом смысле он прав, отмечая морфологическое сходство лепной керамики и ряд других общих категорий вещей (дьяковские грузики, лощенные миски, пряслица).

Близкую по сути точку зрения, правда в более широком контексте, высказал В. Я. Конецкий. По его мнению, именно со среднетушемлинским культурным импульсом можно связать формирование в первые века нашей эры своеобразного культурного единства, охватившего значительную часть лесной зоны Русской равнины, ареалы будущих культур длинных курганов и тушемлинско-банцеровской. Единство это нашло свое археологическое отражение в повсеместном распространении некоторых типов железного инвентаря, грузиков дьякова типа и, главное, профилированной керамики с защипами [Конецкий 1997, с. 217–218]. Эта общая культурная подоснова могла стать причиной сильного сходства вышеназванных раннесредневековых культур на столь значительном пространстве [Конецкий 1997, с. 217–218]. В целом гипотеза В. Я. Конецкого близка нашему видению некоторых аспектов культурогене-

за первых веков нашей эры, и при таком широком рассмотрении проблемы с этой гипотезой спорить трудно. Но работа с конкретными материалами нашего региона склоняет нас сместить хронологические рамки схемы В. Я. Конецкого на несколько более поздний период.

Вернемся в Подвинье. Что касается точки зрения Е. А. Шмидта, то, на наш взгляд, нельзя ставить знак равенства между поздним этапом днепро-двинской культуры и среднетушемлинскими материалами. Это две различные традиции, существующие синхронно на частично перекрывающихся друг друга территориях. При этом, даже несмотря на то, что в первые века нашей эры число днепро-двинских городищ в данном ареале сокращается, нам хорошо известен целый ряд памятников, несомненно синхронных среднетушемлинским, но не испытавших никакого влияния с их стороны и продолжающих прямое развитие местных днепро-двинских традиций. Именно по отношению к таким городищам и применим термин «поздний этап днепро-двинской культуры». Во-первых, это, конечно же, поздние городища за пределами среднетушемлинского ареала (Казиново, Бураково, Черная Гора, Каратай), и во-вторых, городища внутри среднетушемлинского ареала, такие как Подгай в Верхнем Подвинье [Станкевич 1960, с. 155–176] и Новые Батеки на Смоленщине [Шмидт 1963а, с. 158].

Кроме этого, в случае преемственности традиций круга Заозерье-Узмень и среднего слоя Тушемли необходимым переходным звеном должны были бы быть комплексы с сочетанием таких признаков, как насечки, ногтевые вдавления и расчесы (наряду со штриховкой), а также слабопрофилированные формы керамики наряду с S-видными раскрытыми. Иными словами, необходимо связующее звено, аналогичное древностям типа Грини, а оно в Подвинье не выявляется.

Уточняя наш вывод о принадлежности среднетушемлинских памятников к кругу позднезарубинецких древностей, следует оговориться, что этот вариант, в отличие от большинства других группировок горизонта Рахны-Почеп, не имеет тенденции развития в культуры следующей эпохи.

Немногочисленные пункты в Подвинье, где прослеживаются и слабопрофилированная керамика с расчесами, и архаичные признаки декора, не являются связующим звеном между типом среднего слоя Тушемли и типом Заозерье. Во-первых, они имеют уже вполне законченный раннекиевский набор признаков (типа Абидня); во-вторых, хронологически оторваны от среднетушемлинских; в-третьих, несмотря на свою малочисленность, сильно выходят за пределы их ареала (рис. 31, 34).

Итак, памятники верхнеднепровского варианта киевской культуры типа поселения Абидня и нижнего горизонта Тайманова явились метрополией в процессе колонизации западнодвинского бассейна новым населением. Даже поверхностное знакомство с материалами наталкивает на эту мысль. Наиболее

яркий и зримый культурный элемент как верхнеднепровских памятников, так и древностей круга Заозерье – керамика, орнаментированная расчесами. На данном отрезке времени, точнее в III–IV вв., ни одна из культурных групп в Восточной Европе так часто и с таким явным удовольствием, изобретательностью и изысканностью не пользуется этим декоративным приемом. При этом применение расчесов несомненно несло некую семантическую нагрузку: этот орнамент имеется далеко не на всех типах сосудов, на некоторых формах он никогда категорически не встречается. Внушительные ромбовидные композиции из перекрещивающихся полос расчесов по всему тулову сосудов – тоже важный общий элемент северных и южных памятников.

Морфология ведущих типов посуды также подтверждает вывод об их родстве (см. в главе 2). Добавим здесь и наш вывод о предельной близости вещевого комплекса памятников круга Заозерье-Узмень и верхнеднепровских киевских (см. раздел о вещевом комплексе).

Процесс продвижения верхнеднепровского населения на север, как уже отмечалось, начинается в рамках второй половины III в., а возможно, и несколько раньше (фибула из Погоста).

Более многочисленны в «северном» регионе, однако, уже древности несколько иного типа – Заозерье, которые лишены ряда архаичных элементов декора керамики и несут следы участия в их формировании также традиций деснинского варианта киевской культуры.

Заселение «деснинцами» Верхнего Поднепровья происходило, вероятно, не с востока (из Подесенья), а параллельно с колонизацией Подесенья в конце III в. Их расселение в могилевском Поднепровье приводит к смене культурной традиции (второй горизонт Тайманова) [Обломский, 1996а; Обломский 2005]. Возможно, данное обстоятельство в какой-то степени стимулировало отток населения из Верхнего По-

днепровья на север, в Подвинье, и оно же вызвало появление в начале IV в. памятников со смешанной деснинско-верхнеднепровской традицией. При этом не исключено, что смешение этих двух традиций началось еще до окончательного оседания мигрантов в западнодвинском бассейне и Смоленском Поднепровье (так, керамический набор селища Барсуки в могилевском Посожье лишен наиболее архаичных «абиднинских» признаков – насечек, вдавлений и штриховки).

Нельзя не обратить внимание на то, что появление памятников круга Заозерье-Узмень происходит вскоре после начала их истории в исходной зоне миграции. В Белорусском Поднепровье широкое распространение памятников типа Абидня относится, вероятнее всего, к первой половине III в., а в Подвинье верхнеднепровская традиция начинает проникать, по-видимому, уже вскоре после середины этого столетия. То же самое можно сказать и о появлении деснинской керамической традиции как в самом Подесенье, так и в бассейне Западной Двины – фиксируемый разрыв между этими событиями также составляет не более полувека, в реальности он мог быть и еще меньше. Отдельные находки в «северном» регионе датируются как будто даже более ранним временем, чем проникновение киевской культуры в Подесенье.

В данной ситуации регион Подвинья и Смоленского Поднепровья выступает скорее как область основной первичной колонизации, наряду с общепринятым ареалом «классических» памятников Подесенья и Верхнего Поднепровья, нежели как зона какого-то вторичного эпизодического проникновения поселенцев. Освоение этих территорий происходило в рамках изначально единых импульсов колонизационно-демографического роста киевского культурного мира, только северных периферийных областей эти импульсы достигали несколько позже, что вполне объяснимо.

Глава 4. Развитие традиций круга Заозерье-Узмень в третьей четверти I тысячелетия н.э.

Продолжение развития древностей, объединяемых нами в «круг Заозерье-Узмень», прослеживается на той же и более широкой территории в виде ряда культурных групп следующего периода – третьей четверти I тысячелетия н.э. (более правильно, в связи с нечетким характером имеющихся датировок, говорить о более широком периоде V–VIII вв.)

Период V–VIII вв. н.э. в Верхнем Поднепровье и прилегающих более северных регионах – время формирования и господства культурных групп типа Тушемли, Колочина, Банцеровщины и псковских длинных курганов.

Как отмечалось в историографическом разделе, древности круга Заозерье-Узмень часть исследователей трактует как ранний этап тушемлинской и банцеровской культур. Мы считаем, что такое понимание взаимосвязи древностей второй и третьей четвертей I тыс. справедливо лишь в качестве самого общего взгляда на культурную историю этого времени в Верхнем Поднепровье и Подвинье. Детализированное рассмотрение керамических наборов и ряда других аспектов культуры позволяет наметить не только дробное деление этих древностей (глава 3), но и многообразие путей их трансформации в более поздние культурные группы. Выясняется, что к наследию культурных групп круга Заозерье-Узмень имеет отношение, помимо культур типа Тушемли и Банцеровщины, также культура псковских длинных курганов. Это соответствует расселению носителей культуры круга Заозерье-Узмень (возможно, вместе с какими-то другими культурно-этническими группами) на обширных пространствах к северу и северо-востоку от мест их обитания в римское время.

В настоящее время, на основе упорядочения данных о культурах третьей четверти I тыс., и в первую очередь о лепной керамике, имеется реальная возможность наметить, наряду с представлением о существовании культур типа Тушемли, Банцеровщины и псковских длинных курганов, более мелкие культурно-хронологические группы в их составе. В таком исследовании важную роль должно сыграть знание о разнообразии культурно-хронологических групп предыдущего времени, т.е. круга Заозерье-Узмень.

Важнейшим источником для изучения истории культурных традиций рассматриваемого круга остается лепная керамика. Подробное выяснение путей развития керамики и в целом культуры Верхнего Поднепровья и Северо-Запада в 3-й четверти I тысячелетия – это тема другого исследования. Однако в

предварительном виде наблюдения по данному вопросу нужно привести и здесь.

Группы выделяются с учетом двух факторов: 1) территориальной близости памятников; 2) типологической близости наборов керамики. На данном, начальном, этапе исследования керамика рассматривается в первую очередь в пределах локальных групп, выявляющихся при картографировании памятников. По мере углубления знаний более важным должен стать признак типологической близости, который позволит выделить культурно-хронологические группы, пересекающие границы регионов. Последнее явление нормально для эпох, когда миграции населения играют заметную роль. В нижеследующем изложении отмечен ряд признаков, объединяющих керамику разных регионов.

Работа проводилась с использованием той же типологии керамики, которая применялась в основной части книги (рис. 11–13).

Намечен ряд керамических наборов для периода V–VIII вв. (рис. 44). Они соответствуют культурным группам, продолжающим линии развития предыдущего периода.

1. Тип Жабино (рис. 45). Прямая традиция типа Заозерье, своими корнями восходящая к памятникам типа Абидня, по-видимому, постепенно угасает, что проявляется в исчезновении гребенчатых расчесов на поверхности сосудов. Однако характерные формы посуды типов 1, 2, 7 продолжают бытовать. Селище Жабино представляется примером памятников, продолжающих линию Абидня – Заозерье в 3-й четверти I тыс. Сходная керамика найдена на ряде поселений культуры псковских длинных курганов, подвергавшихся небольшим раскопкам: Дорохи, Турушино. Таких материалов пока довольно мало, и на их основании трудно судить, насколько эти традиции переработаны в составе группы Узмень: ведь типы 1, 2, 7 в значительной мере характерны и для нее на втором этапе развития.

2. Тип Дорохи (рис. 46). Керамика памятников Двинско-Ловатского региона (Дорохи, Повалишино, Атоки, Полибино, Михайловское, Борисоглеб, Субовщина). Присутствуют горшки типов 9, 4, 11, Р-4 (в основном варианта а), 7. Экземпляры типа 4 здесь более приземисты, чем аналогичные формы в киевской культуре.

Следует обратить внимание на то, что набор 1 связан в основном только с поселениями, а набор 2 – с погребениями, при этом их территории совпа-

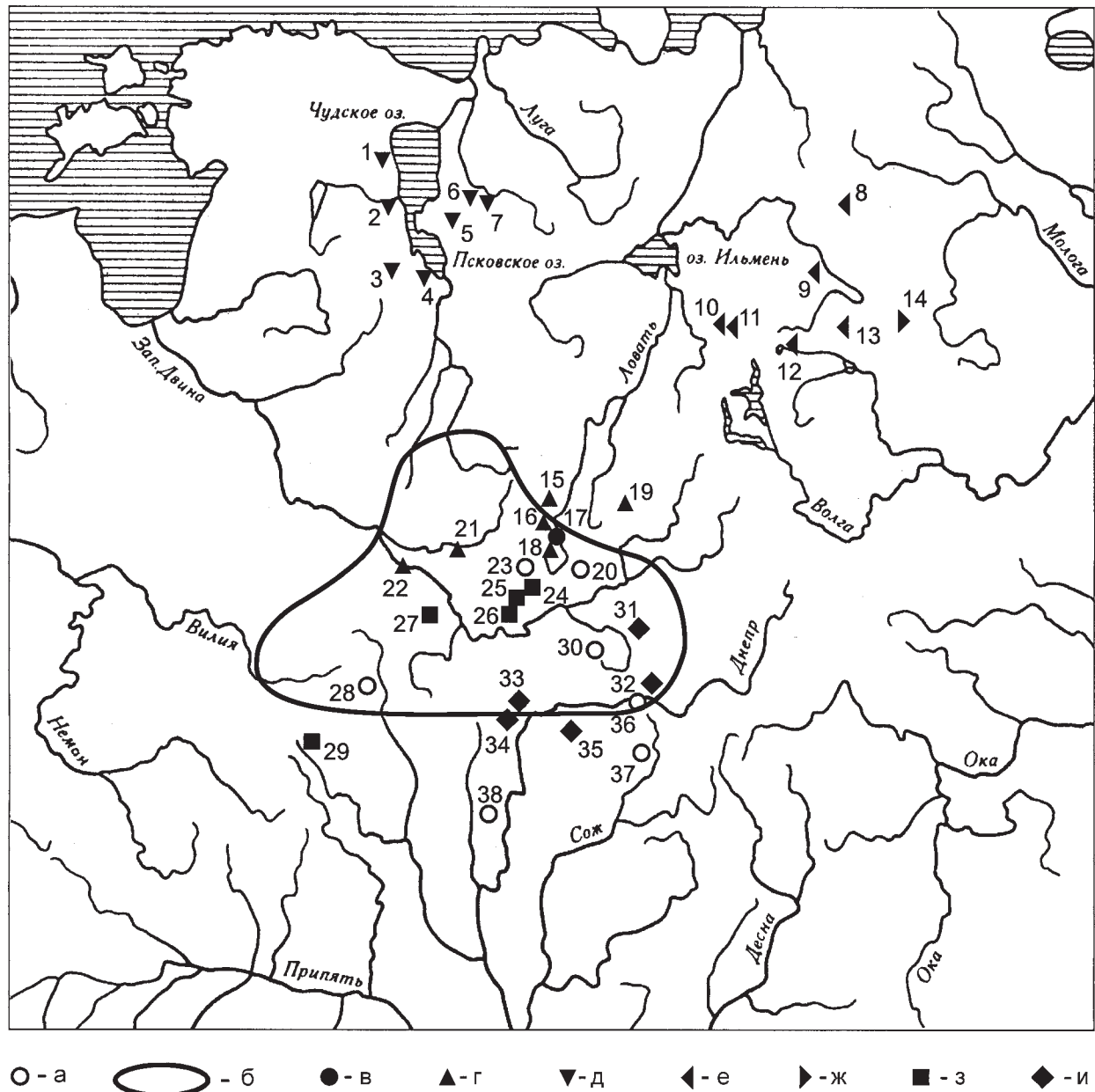

Рис. 44. Культурно-хронологические группы V–VII вв. а – основные эталонные памятники III–V вв.; б – ареал памятников круга Заозерье-Узмень (III–V вв.); в – и – памятники VI–VIII вв.: в – тип Жабино, г – тип Дорохи, д – тип Жеребятино, е – тип Съезжее, ж – удомельский тип, з – тип Банцеровщина; и – тип Кисели. 1 – Козеский Лес, 2 – Кынну, 3 – Линдора, 4 – Лезги, 5 – Грядище (Совий Бор), 6 – Безьва, 7 – Жеребятино, 8 – Съезжее, 9 – Потерпелицы, 10 – Обрыня, 11 – Липицы, 12 – Городок (на Шлине), 13 – Подол, 14 – Юрьевская Горка, 15 – Полибино, 16 – Борисоглеб, 17 – Жабино, 18 – Дорохи, 19 – Михайловское, 20 – Узмень, 21 – Янковичи (Повалишино и Атоки), 22 – Субовщина, 23 – Городок, 24 – Бураково (селище), 25 – Казиново (селище), 26 – Старое Село, 27 – Заговалино, 28 – Дедиловичи (Замковая Гора), 29 – Банцеровщина, 30 – Заозерье (на Рутавечи), 31 – Акатово, 32 – Близнаки, 33 – Черкасово, 34 – Кисели, 35 – Никодимово, 36 – Демидовка, 37 – Тушемля, 38 – Тайманово.

дают. Налицо явная функциональная специфика некоторых типов сосудов. Вероятно, в будущем эти наборы можно будет объединить.

3. Тип Жеребятино (рис. 47). Керамика из длинных курганов Псковско-Чудского региона (Жеребятино, Грядище, Безьва, Лезги, Линдора, Кынну, Козеский Лес). Присутствуют типы Р-4 (чаще вариант б), 9, 8, 4, 3, реже – 7, 11. В наборе 3 все типы имеют

еще более приземистые пропорции, чем в наборе 2.

Керамика поселений этой территории (Сторожинец, Лезги, Псковское городище, Усть-Смолка) пока плохо изучена, но очевидно, по набору форм она не тождественна погребальной (рис. 47: 9–25).

4. Тип Съезжее (рис. 48: 1–6). К востоку от оз. Ильмень (в основном бассейн Мсты и Валдайская возвышенность) в наборе керамики памятников

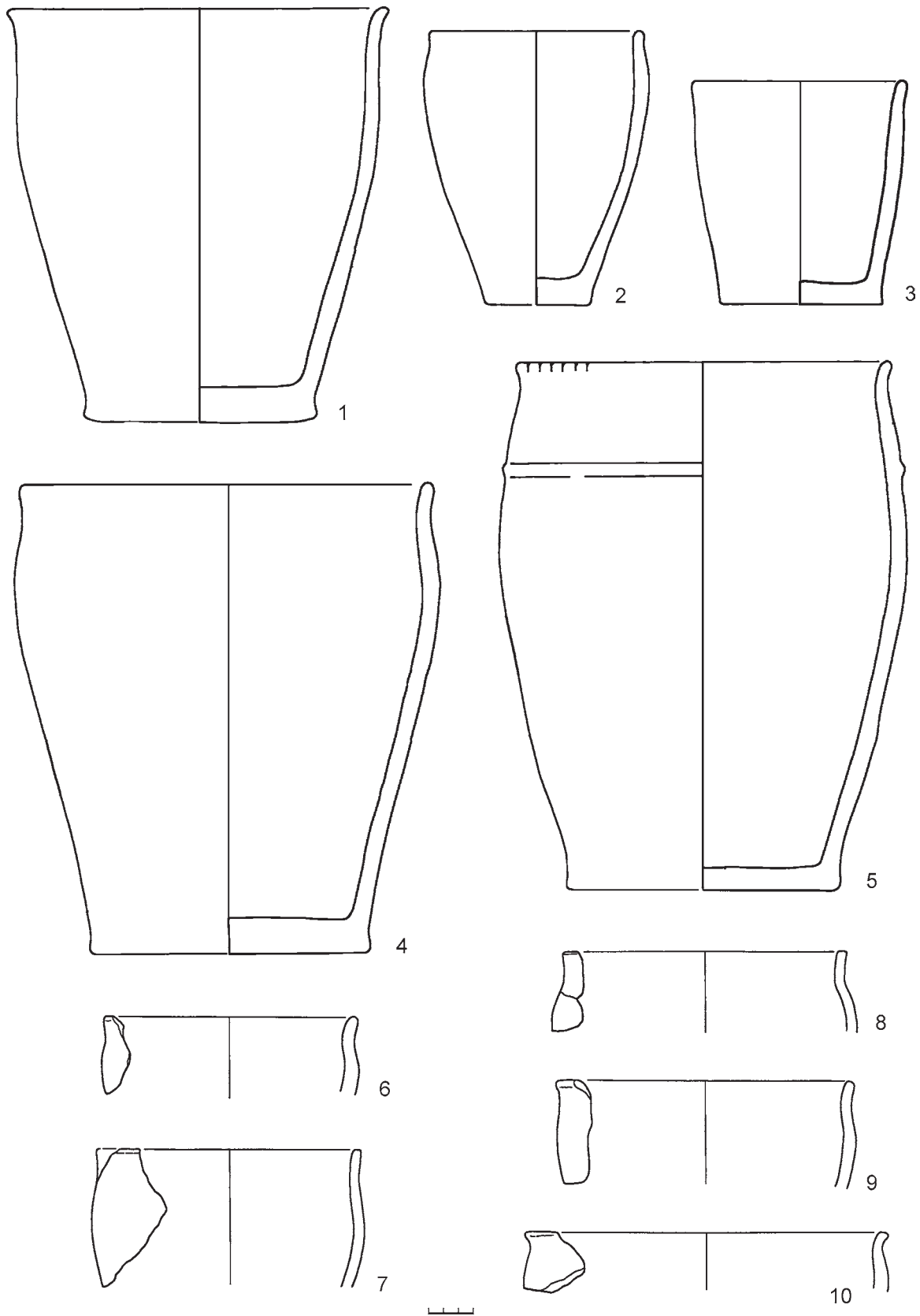

Рис. 45. Керамика памятников типа Жабино.
 1, 4, 6, 7, 9 – тип 2; 2 – тип 7; 3 – тип 9; 5 – тип P4; 8 – тип 1; 10 – тип 11. 1–5 – Жабино; 6–10 – Турушино.

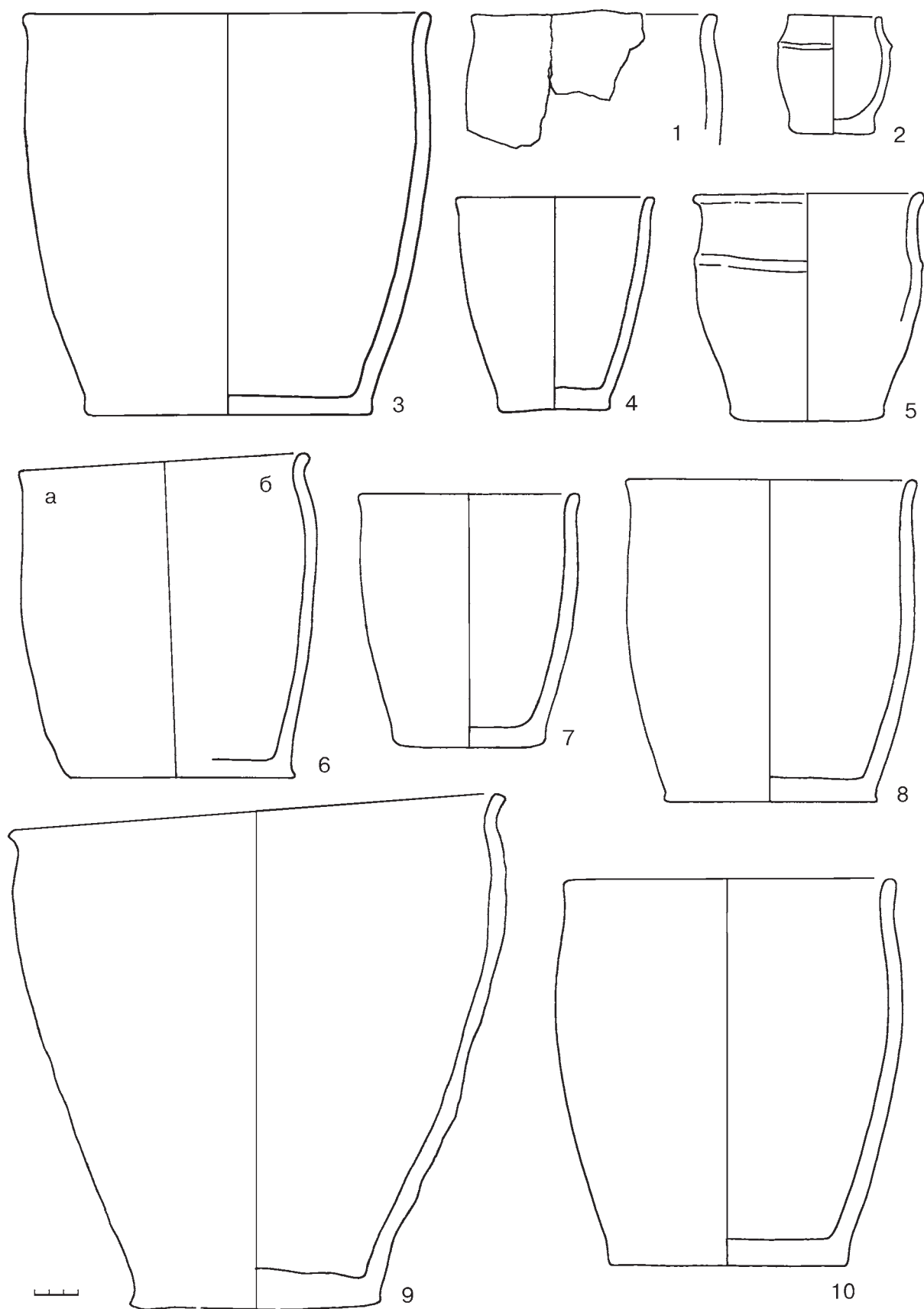

Рис. 46. Керамика памятников типа Дорохи.
 1, 10 – тип 7; 2, 5 – тип Р-4(а); 3, 4, 7 – тип 9; 6 (профиль б), 9 – тип 11; 8 – тип 4. 1, 2 – Субовщина; 3, 4 – Повалишино; 5, 8 – Дорохи; 6 – Борисоглеб; 7 – Полибино; 9 – Михайловское; 10 – Атоки. 1, 2 – по В. И. Шадыро; 3–5, 7, 8, 9 – по Г. В. Штыхову.

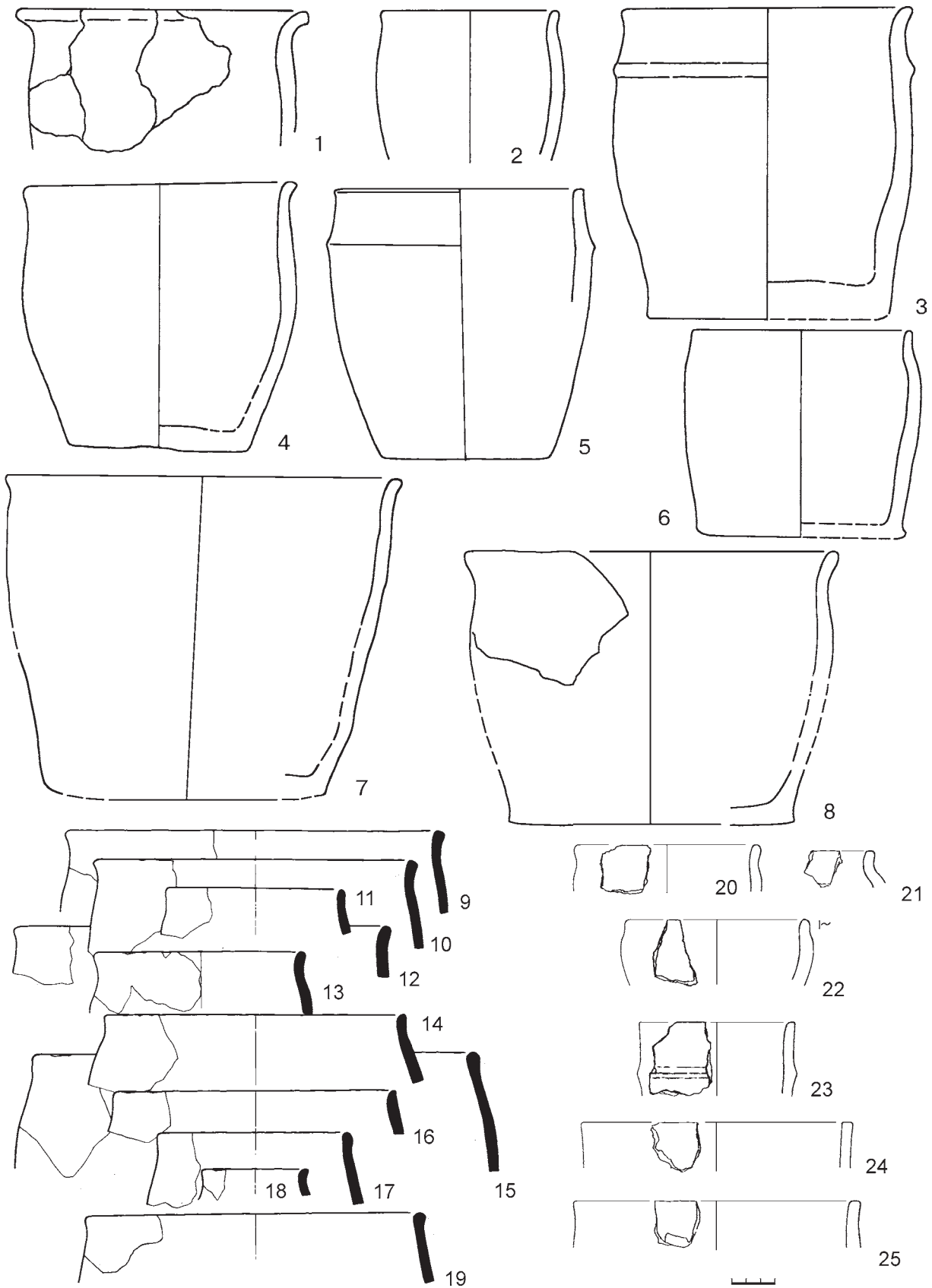

Рис. 47. Керамика памятников типа Жеребятино и поселений Псковско-Чудского региона. 1, 4 – тип 4; 2, 15 – тип 7; 3, 5, 23 – тип Р-4; 7 – тип 9; 8 – тип 8; остальные – редкие формы и мелкие фрагменты. 1–4, 6 – Жеребятино; 5 – Грядище; 7 – Лезги; 8 – Козеский Лес; 9–19 – Сторожинец; 20–25 – Усть-Смолка. 9–19 – по С. Г. Попову.

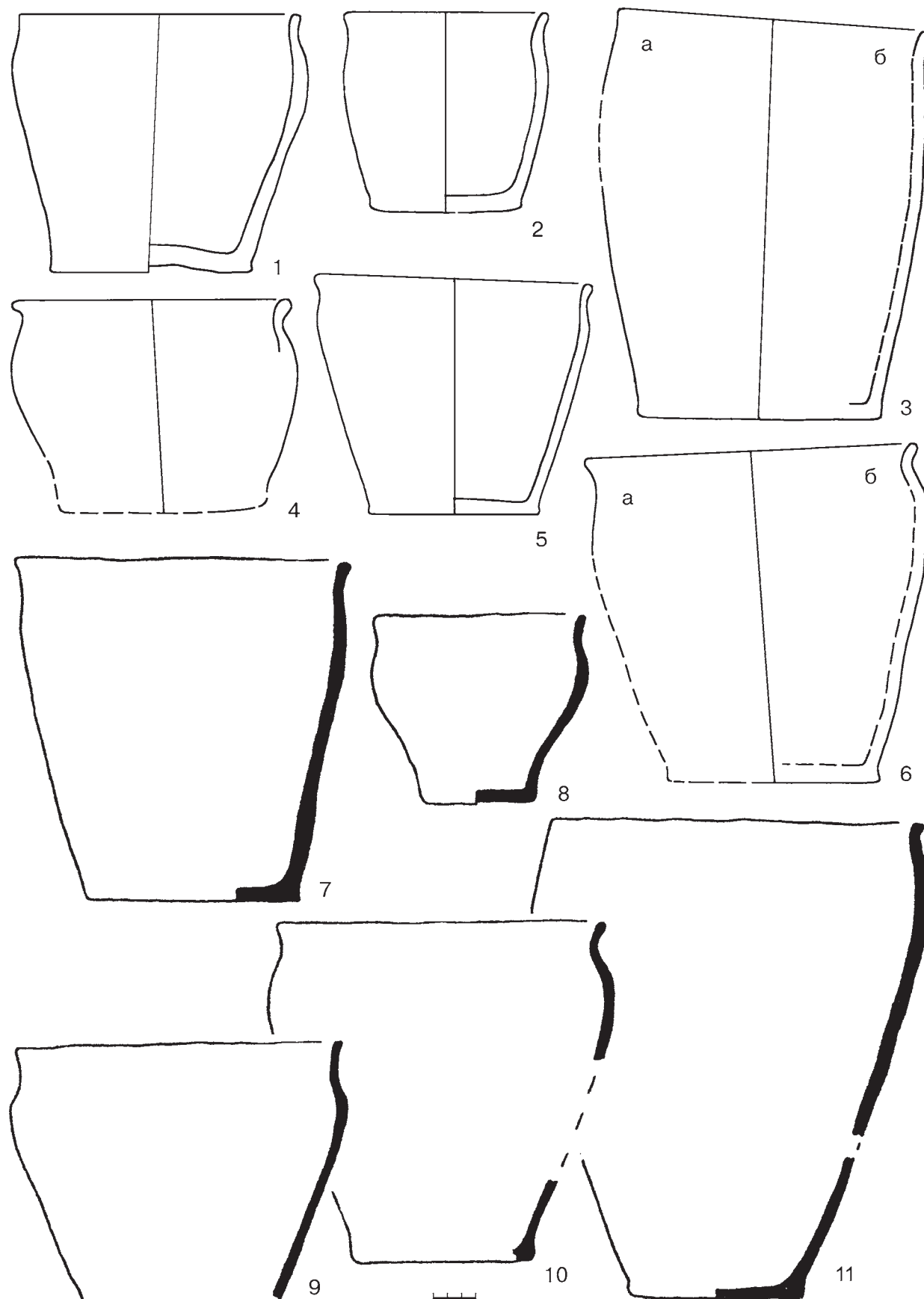

Рис. 48. Керамика памятников типа Съезжее и удомельского типа. 1, 8 – тип 10; 2, 6а – тип 8; 3а, 11 – тип 7; 4, 5, 6б, 10 – тип 11; 3б, 7 – тип 9. 1 – Подол; 2, 5 – Съезжее; 3 – Потерпелицы; 4 – Липицы; 6 – Обрыня; 7–11 – Юрьевская Горка. 1 – по И. Н. Черных и П. Д. Малыгину; 2, 5 – по Е. Н. Носову; 7–11 – по И. В. Ислановой.

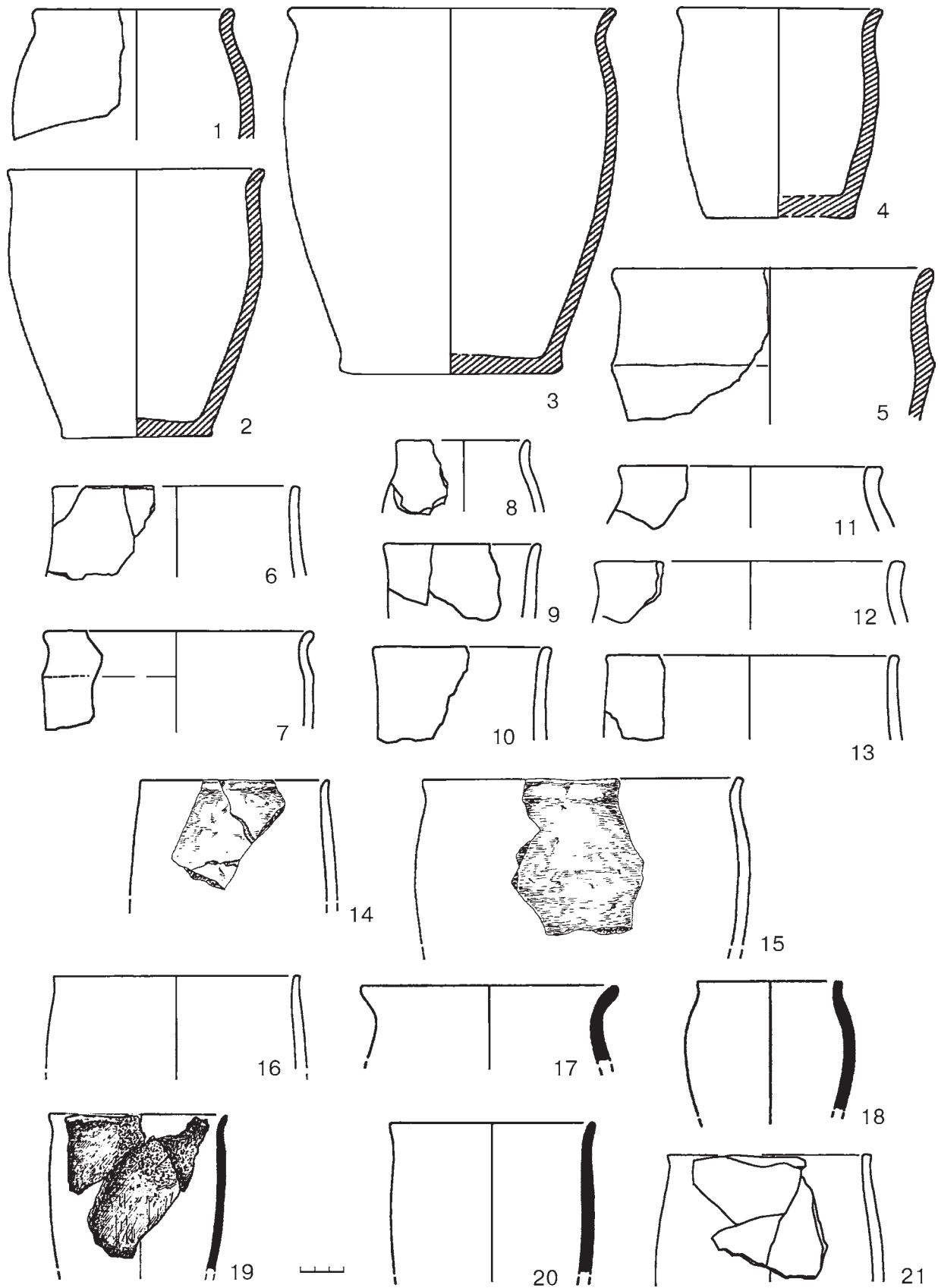

Рис. 49. Керамика памятников типа Банцеровщина.
 1, 8, 11 – тип 3; 2, 6, 9, 10, 13, 14, 16, 20, 21 – тип 4; 3, 4, 15 – тип 8; 18 – тип 7; 19 – тип 9. 1–5 – Банцеровщина;
 6–13 – Бураково; 14, 15 – Казиново; 16–21 – Городок. 14–21 – по О. Н. Левко.

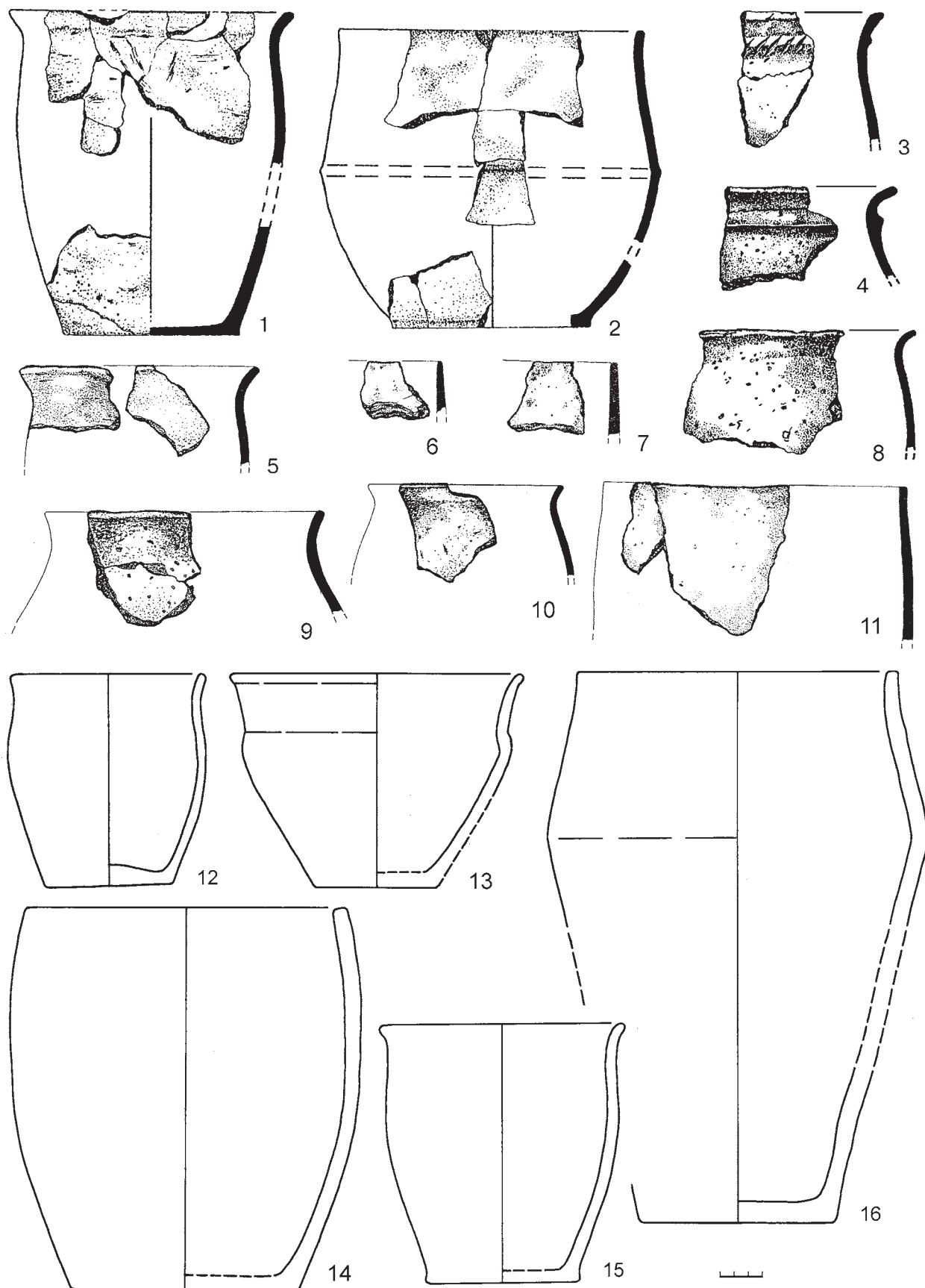

Рис. 50. Керамика памятников типа Кисели и городища Тушемля.
1, 2 – Черкасово; 3–11 – Кисели; 12–16 – Тушемля. 1–11 – по О. Н. Левко и Ю. В. Колосовскому.

культуры длинных курганов (Съезжее, Обрыня, Липицы, Потерпелицы, Городок, Подол и др.) практически отсутствуют ребристые формы (или они невыразительны). Преобладает тип 11, присутствуют также 7, 8, 9. Общая особенность керамики набора 4 – заметная профилированность верхней части. В связи с этим при дальнейшем исследовании надо обратить внимание на возможное раннее появление отдельных экземпляров типа 10.

5. Удомельский тип (рис. 48: 7–11). В последние годы И. В. Ислановой выделен так называемый удомельский тип памятников (эталон – комплекс памятников Юрьевская Горка). Он отличается от соседней Мстинско-Валдайской группы отсутствием курганов и расположением в иных ландшафтах. Предполагается, что от удомельского типа ведет свое происхождение культура сопков [Исланова 1996]. Что касается керамического набора, то его отличия от предыдущих (особенно от набора 4) еще предстоит проверять – по крайней мере потому, что в имеющихся публикациях они обосновывались главным образом на материалах одного памятника. Тем не менее, здесь еще более, чем в наборе 4, заметна профилированность верхних частей сосудов; присутствуют типы 11, 10, 8, 7.

6. Тип Банцеровщина (рис. 12). В наборе верхнего слоя городища Банцеровщина преобладают сосуды типов 3 и 8, меньшую долю составляют тип 4 и ребристые формы. Несмотря на то, что этот набор давно используется в качестве эталонного для обозначения культурной принадлежности многих памятников Белоруссии, керамические материалы других памятников этой группы введены в научный оборот еще недостаточно. Набор поселения Дедиловичи близок керамике Банцеровщины, но обладает архаичными чертами и принадлежит, вероятно, к переходному периоду.

Селища Городок (верхний горизонт), Бураково, Казиново, городища Заговалино, Старое Село составляют компактную группу, связанную происхождением, вероятно, с киевской культурой Подесенья в варианте отсутствия (или единичности) ребристых форм. Они близки типу Банцеровщина, но, как кажется, в большей мере следуют киевско-колочинским традициям: преобладают типы 3 и 4, редко встречаются типы 7 и 9. Вероятно, после полномасштабной публикации материалов ряда памятников этой группы можно будет обосновать ее обособленность от типа Банцеровщины.

7. Тип Кисели (рис. 50: 1–11) представлен группой памятников, хорошо исследованных относительно недавно в Витебском и Могилёвском Поднепровье и датирующихся по многочисленным ярким находкам VII веком – Кисели, Черкасово, Вежки, Никодимово. Эта группа является непосредственным продолжением типа Демидовки: сохраняются все формы и стилистические особенности керамического набора Демидовки: типы 3, 4, P-2, P-3. Единственной ошутимой новацией являются крупные грубые со-

суды (в основном типа 4) с налепным валиком под венчиком (рис. 50: 3, 4). Некоторые экземпляры могут рассматриваться как «промежуточные» между типами 4 и 8 (рис. 50: 1, 8). Памятники Смоленского Поднепровья и Подвинья (Близнаки, Акатово) еще больше сходны с Демидовкой, но их датировка остается под вопросом.

8. Проблема тушемлинской культуры. Верхний культурный слой городища Тушемля (рис. 50: 12–16) наряду с Банцеровщиной и рядом других памятников общепризнан эталоном культуры третьей четверти I тыс. н.э. в Верхнем Поднепровье и прилегающих землях. В научной литературе получило широкое распространение понятие тушемлинской или тушемлинско-банцеровской культуры. С верхним слоем Тушемли принято сближать по керамическому набору многие из вышеперечисленных памятников разных групп. Нам представляется, что согласиться с таким пониманием места этого комплекса среди синхронных древностей можно лишь отчасти – если принимать во внимание только слабопрофилированные горшки типов 8 (преобладают в комплексе Тушемли) и 4, которые, действительно, распространены очень широко, и в частности характерны для городища Банцеровщина.

В то же время, среди довольно многочисленных целых форм верхнего слоя Тушемли отсутствует тип 3, зато имеется серия разнообразных редких экземпляров – лощеные горшки типа 6, лощеная высокая миска с уступом, ребристый крупный горшок с примесью шамота. В целом создается впечатление, что набор Тушемли составлен из разнородных элементов и относится к нестабильному периоду культурогенеза. Вероятно поэтому прямые аналогии набору в целом отсутствуют. Перечисленные редкие элементы керамического набора Тушемли вряд ли могут относиться к VI–VIII вв. (общепринятая датировка этого памятника) и скорее характерны для более раннего времени (V век). Однако вещей с узкими датами в комплексе, к сожалению, нет.

Таким образом, определить конкретную группу памятников «типа Тушемли» не представляется возможным. Однако, учитывая историографическую традицию, данный термин можно применять для обозначения всего круга древностей середины – третьей четверти I тысячелетия н.э. в Верхнем Поднепровье и Подвинье.

Линии развития керамических наборов в IV–VIII вв. (рис. 51, 52). Традиции гончарства киевской культуры сыграли большую роль в культурогенезе Верхнего Поднепровья и Северо-Запада Русской равнины. Облик керамических наборов в конце эпохи раннего железа, с распространением киевских традиций на север, претерпел кардинальные изменения и затем в течение нескольких столетий был связан с дальнейшим развитием киевских традиций. Наиболее близки к последним (деснинскому варианту) наборы памятников типа Кисели (набор 7): здесь обычны формы, выработанные еще в киевской

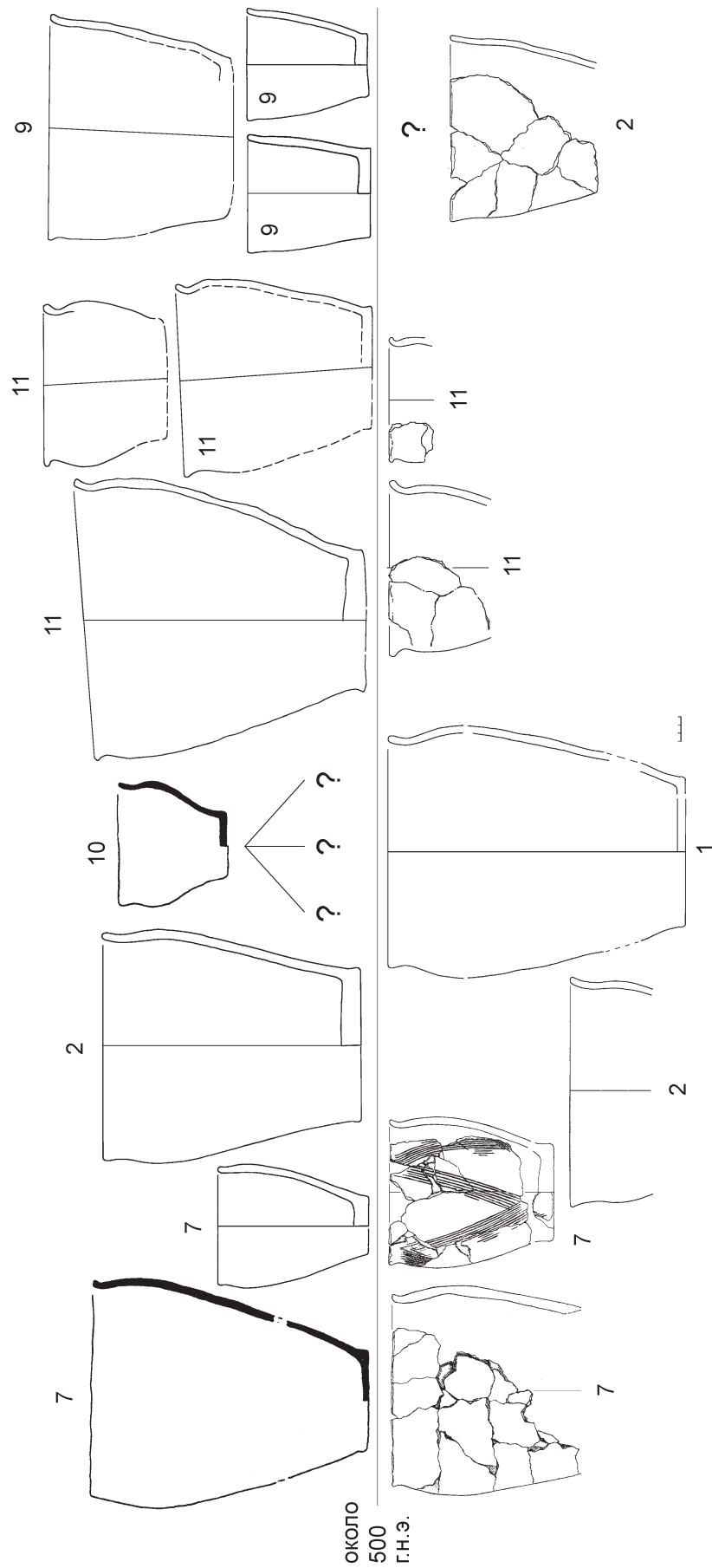

Рис. 51. Линии развития форм керамики в IV–VIII вв. н.э. Указаны типы по типологии на рис. 11.

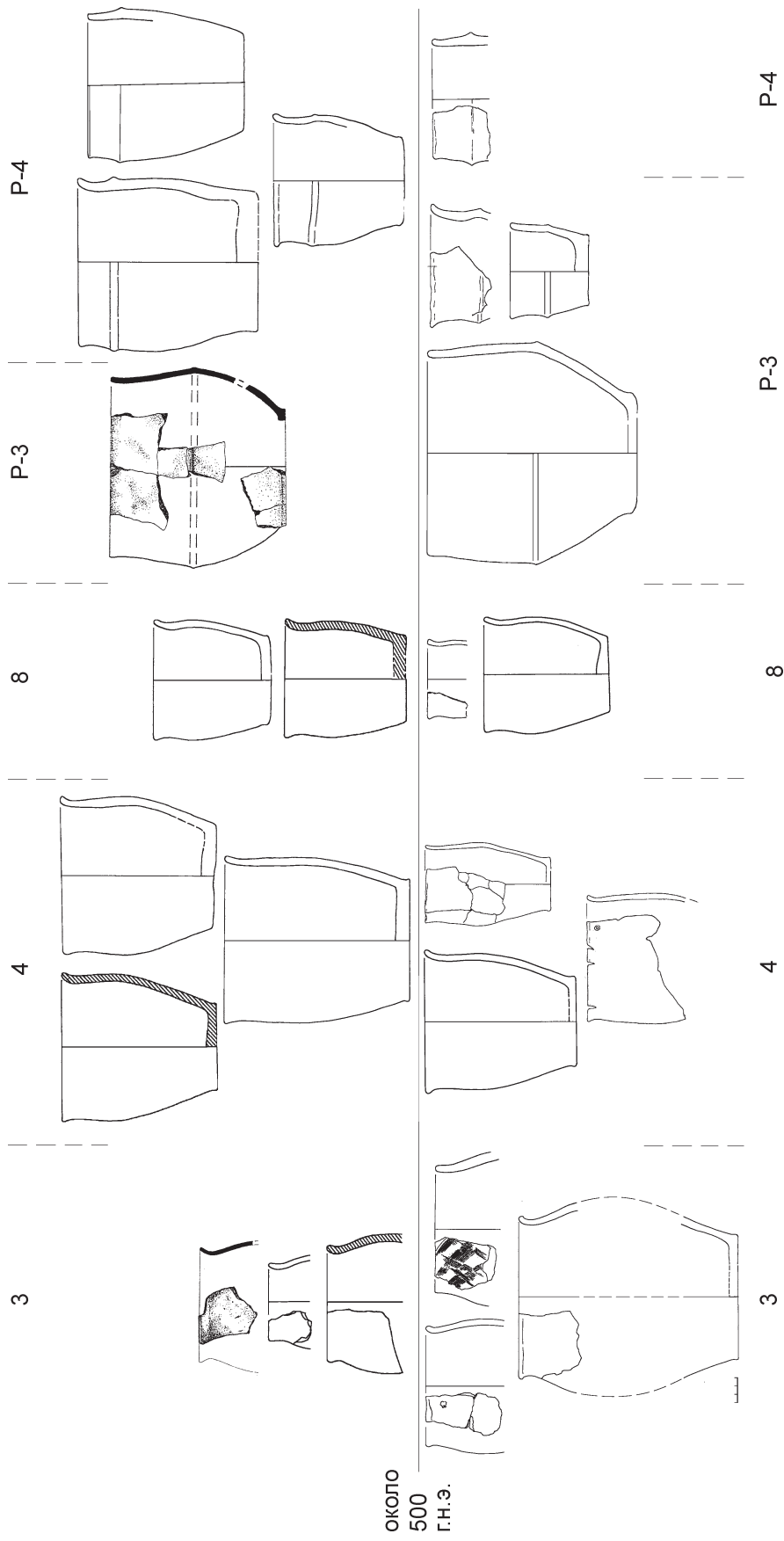

Рис. 52. Линии развития форм керамики в IV–VIII вв. н.э. (продолжение).

культуре (типы 3, 4, P-2, P-3). В связи с этим памятники типа Кисели могут рассматриваться в качестве варианта колочинской культуры. В несколько меньшей степени следуют киевским образцам разные варианты набора 6 – «банцеровской культуры» (типы 3, 4, 8).

Керамика культуры псковских длинных курганов (наборы 1–4, возможно, также 5) отличается более существенно: преобладают собственные формы (типы 8, 9, 11, P-4), хотя и восходящие в большинстве случаев к киевским прототипам. Вероятно, в составе культуры псковских длинных курганов есть также группа древностей (Жабино, Дорохи, Турушино), наследующая локальной традиции памятников типа Заозерье в составе ЗУ, в которой преобладают керамические формы, изначально восходящие к верхнеднепровскому варианту киевской культуры (типы 1, 2, 7). Рассмотрим попарно параллели между регионами Двинско-Ловатским (наборы 1 и 2, селище Узмень предыдущего периода), Псковско-Чудским (набор 3) и Мстинско-Валдайским (наборы 4 и 5). Двинско-Ловатский и Псковско-Чудской регионы объединяются типами P-4 обоих вариантов, 9, в меньшей степени 4, 8 и 11. Двинско-Ловатский с Мстинско-Валдайским – типом 11, а также особенностью оформления верха сосудов – утонченной шейкой и утолщенным краем, в меньшей степени типами 8 и 9. Непосредственные параллели между керамическими наборами Псковско-Чудского и Мстинско-Валдайского регионов не столь очевидны: они проявляются в типах, которые характерны для одного из них (для первого – 9, P-4; для второго – главным образом 11), а для другого редки.

Таким образом, есть основания рассматривать Двинско-Ловатский регион (ареал ЗУ) как связующий для всей территории Северо-Запада. Этот вывод указывает наиболее вероятную коренную исходную

область возникновения культуры псковских длинных курганов, из которой произошло ее распространение на север и северо-восток. Достаточно явным является происхождение всех основных вариантов ее керамических наборов от памятников типа Узмень, хотя на финальном этапе ЗУ традиции Заозерья и Уzmanя оказываются тесно связанными. Препятствий для взаимопроникновения, по-видимому, не было, в особенности в нестабильные, и даже дестабилизирующие моменты развития. А именно таким моментом в Подвинье и было время возникновения псковских длинных курганов.

Лепная керамика VIII–X вв. Некоторые из вышеперечисленных форм керамики (типы 9, 11) в отдельных регионах доживают до конца I тысячелетия н.э. Так, например, в материалах селища Хачево на водоразделе Двины и Ловати керамика, близкая к типу 11, датируется VIII–IX вв. [Еремеев 2001, с. 23–25, рис. 1: 7–9]. В то же время, начиная с VIII века распространяются и господствуют новые керамические традиции (тип 10). Происхождение подобных форм следует выяснять на более широком материале, чем охваченный в данном разделе. Вероятно, имели место культурные импульсы извне изучаемой территории.

Тем не менее, типологическая цепочка с участием типа 10 наблюдается и в рассмотренных здесь материалах: тип Абидня – типы Заозерье и Узмень – тип Жабино – типы Съезжее и удомельский – «поздняя лепная керамика» типа 10. Кроме профилированности верхних частей сосудов для всей этой цепочки характерно присутствие относительно стройных сосудов с узким дном – в отличие от Псковско-Чудского региона, где такие пропорции и профилировка в погребальных комплексах V–VII вв. практически неизвестны и появляются только вместе с керамикой типа 10.

Заключение. Древности круга Заозерье-Узмень и этногенез славян

Культурную группу, которую мы называем «древности круга Заозерье-Узмень», исследователи связывают либо с ранними славянами, либо с их соседями. Здесь мы изложим аргументы, обосновывающие нашу позицию в этом вопросе и отраженную в названии книги.

Археологическая аргументация этнической истории состоит главным образом в рассмотрении развития древних культурных традиций вплоть до исторического времени и времени зарождения национальных государств, а также в сопоставлении процессов изменения культуры в нескольких взаимосвязанных регионах.

Приведенные в нашем исследовании материалы позволяют сделать вывод о том, что начиная с III в. н.э. происходило проникновение традиций киевской культуры разных вариантов в северном направлении, что выразилось в появлении памятников круга Заозерье-Узмень. Это проникновение не было, вероятно, связано с полным вытеснением или предварительным исчезновением местного населения. Культуры эпохи раннего железа (в первую очередь днепро-двинская) послужили субстратом для пришлых традиций. Так, во-первых, наблюдаются местные культурные элементы в составе новых культурных групп. Во-вторых, среди памятников днепро-двинской культуры удается выделить поздние, предположительно синхронные древностям круга Заозерье-Узмень.

Вывод о культурных проникновениях и миграциях населения с юга на север Верхнего Поднепровья в римское время не является совсем новым. Однако отстаиваемая в ряде археологических работ концепция постепенной культурной ассимиляции пришельцев более многочисленными аборигенами выглядит декларативной, не подкрепленной достаточной аргументацией на основе археологических источников. Действительно, единственным археологическим аргументом в пользу такого понимания этнических процессов могла бы быть «реставрация» днепро-двинской культуры.

Мы же наблюдаем обратное – изживание традиций последней и дальнейшее развитие культурных групп круга Заозерье-Узмень и наследующих им культур типа Тушемли, Банцеровщины, Колочина и псковских длинных курганов. Во всех случаях речь должна идти не о поглощении пришлых традиций местными, а наоборот – либо о постепенной культурной ассимиляции местного населения, либо о полном замещении традиции. В широком контексте рас-

смотренных материалов такие признаки, как многочисленность городищ V–VIII вв. в ряде регионов, наличие наземного и столбового домостроительства оказываются частными культурными проявлениями адаптации к социальным и природным условиям и вряд ли могут рассматриваться как возврат к традициям раннего железного века.

Такая перспектива культурогенеза последующего периода свидетельствует о том, что демографическая основа процессов продвижения киевской культуры на север была значительной. Невыразительность сохранившихся остатков открытых поселений не может быть аргументом обратного. Она объясняется особенностями хозяйственно-культурного типа и поселенческой культуры, неблагоприятными для формирования культурных слоев и их сохранности.

Таким образом, киевская культура определила перспективу культурогенеза днепро-двинского региона. Следовательно, этническая интерпретация древностей круга Заозерье-Узмень и наследующих им зависит в первую очередь от этнического определения киевской культуры.

В нашем исследовании мы продемонстрировали теснейшую взаимосвязь древностей круга Заозерье-Узмень с киевской археологической культурой (культурно-исторической общностью). Взаимосвязь эта улавливается во всех проявлениях, доступных для археологического изучения, несмотря на участие в культурогенезе в качестве субстрата местной днепро-двинской культуры. Изучение хронологии и периодизации показало, что древности круга Заозерье-Узмень не являются позднейшим или второстепенным проявлением влияний киевской культуры. Они возникают в Подвинье почти одновременно с ранне-киевскими древностями в Среднем и Верхнем Поднепровье, а также Днепровском левобережье. Кроме того, некоторые специфические черты киевской культуры, постепенно угасающие на других территориях, в рамках древностей круга Заозерье-Узмень продолжают развиваться и на позднем этапе (керамика с расчесами) и даже переходят в последующий период (формы сосудов типа 2).

В составе древностей круга Заозерье-Узмень выделено несколько культурно-хронологических групп, связанных своим происхождением с разными вариантами киевской культуры и обладающих особенными чертами. В то же время, они активно взаимодействуют друг с другом и «обмениваются» рядом признаков, благодаря чему во втором периоде развития

их уже нельзя напрямую связывать с тем или иным вариантом киевской культуры иных территорий. Более явное сходство с деснинским вариантом сохраняют только древности типа Демидовки и некоторые памятники, возникающие, очевидно, в результате новых переселений из ареала деснинского варианта уже в это время.

Все сказанное приводит нас к выводу, что древности круга Заозерье-Узмень являются особым вариантом киевской культурно-исторической общности (КИО), который можно назвать *западнодвинским*.

Этническая принадлежность носителей киевской культуры неоднократно рассматривалась в археологической литературе. Мы присоединяемся к направлению, обосновывающему славянство этой культуры (П. Н. Третьяков, Е. А. Горюнов, Р. В. Терпиловский, А. М. Обломский и др.) [Терпиловский, 1984, с. 83–85; 2004]. Постепенно накапливаются сведения о том, что археологические культуры, соответствующие ранним историческим славянам (склавином, антам и венетам у Иордана и Прокопия), развиваются так или иначе на основе киевской культуры или в тесной связи с ней. Наряду с пеньковской и колочинской к этому широкому кругу относится и наиболее известная славянская культура эпохи Великого переселения народов – пражская. Ее истоки выявляются в среде малоизученных древностей, родственных киевским, в бассейне Припяти [Гавритухин 2003, с. 134–135; Гавритухин, Лопатин, Обломский 2004; Терпиловский 2004, с. 95, 96].

Нам представляется, что и наше исследование вносит лепту в обоснование раннеславянской принадлежности киевской культуры. Так, древности круга Заозерье-Узмень (западнодвинский вариант киевской культурно-исторической общности) оказываются звеном цепи, связывающей раннеславянские древ-

ности Среднего и Верхнего Поднепровья, с одной стороны, и северные культуры славян (в первую очередь культуру псковских длинных курганов), с другой. Мы воспринимаем этот вывод как аргумент в пользу теории заселения Северо-Запада Руси славянами с юга, из Поднепровья.

* * *

Верхнее Подвинье с соседними землями на два-три столетия сделалось северным рубежом расширившегося праславянского мира. Мирное развитие этого периода было нарушено катаклизмами V века, характер которых постигается с большим трудом. Однако результатом этих явлений стало новое расселение славянских племен, и в том числе в северном направлении.

Дух той эпохи, по нашему мнению, воплощен в картине Н. К. Рериха «Гонец. Восста род на род...» (хотя своим названием она и привязана к другому времени). Плод гениального прозрения молодого художника оказался сродни тем выводам, которые археологи получают путем долгих манипуляций с эфемерными остатками давно исчезнувшей живой культуры.

...Типичный и в то же время неповторимый пейзаж русского Северо-Запада. Вечерний сумрак – будто обволакивающая тьма далекого прошлого, почти археологическое безмолвие, неясные контуры реалий древней жизни – крепостных стен, жилищ, оружия и предметов быта. Ощущение тревоги, напряженное ожидание потрясений, зарождение планов переселений в другие, более безопасные, земли. Река – связующая нить в пространстве и времени – и возникающий над крепостицей просвет растущего месяца – как символ надежд на прояснение картины истории ранних славян.

Каталог памятников

Номера памятников соответствуют номерам на картах (рис. 1, 24, 31, 34). Кроме памятников круга Заозерье-Узмень, включены памятники киевской культуры соседних (с юга) территорий верхнеднепровского и деснинского вариантов (№№ ...). В начале каждой статьи под цифрами 1) и 2) – местоположение памятника относительно населенных пунктов и водоемов, 3) – нахождение коллекций (если изучены авторами), 4) – архивные материалы и публикации по памятнику, авторство рисунков и определений. Ссылки на материалы, публикуемые в данной книге, в разделе «Материалы (таблицы иллюстраций)», приводятся при названиях памятников.

Бассейн р. Великой

1) Свиноухи, селище.

1) Псковская обл., Бежаницкий р-н, Бардовский сельсовет, д. Зайцево, в 0,2 км к ЮВ. 2) правый берег р. Алоль при ее истоке из Бардовского оз. (– Великая). 3) Коллекции: ГЭ, ОАВЕС, оп.хр. 272. 4) [Лопатин, Фурасев 1994; публикация материалов: Фурасев 2002].

Все находки на селище Свиноухи происходят из подъемного материала, собранного краеведом В. И. Михайловым за несколько лет. Селище занимает низкий слегка наклонный берег, языкообразно вдающийся в пойму реки, его склоны пологие, четко выраженной террасы нет. С запада оно ограничено болотинной. Вся поверхность селища распахивалась до недавнего времени, благодаря чему видно, что культурный слой залегает пятю основными пятнами. Находки встречаются не только в пятнах, но и между ними на участке в общей сложности почти 250 х 20–60 м, в основном вдоль берега.

Фрагменты керамики мелкие, принадлежат слабопрофилированным формам, есть фрагмент диска. Вся керамика желтого цвета, рыхлая, с примесью дресвы. Значительна доля фрагментов с расчесами, среди которых один венчик. Среди находок (рис. 25: 6–11) обращает на себя внимание большое количество пряслиц, одно из них сделано из черепка сосуда. Часть пряслиц имеет очень тщательно заглаженную поверхность, одно – чернолощеное. Найдены также две глиняные бусины четырехгранной в сечении формы, железный нож, фрагмент бронзового щитка от поясной пряжки с орнаментацией точечными насечками и отверстием для крепления ремня.

2) Ястребово, селище (рис. 53: 1, 2).

1) Псковская обл., Опочецкий р-н, Глубоковский с/с; 2) бассейн р. Алоль (– Великая). 3) Коллекции: ГЭ, ОАВЕС, оп.хр. 272. 4) Рис.: Н. В. Лопатин.

В подъемном материале, собранном В. И. Михайловым, – 4 фрагмента керамики с расчесами, воз-

можно, относящиеся к одному и тому же сосуду. Орнаментир реконструируется как обломок гребня со следующей последовательностью зубцов: крайний широкий – 2 узких – один пропущен (выломан) – 3 узких.

3) Волкорезы, селище (рис. 53: 3–5).

1) Латвия; д. Волкорезы (латыш. Volkarezu); 2) бассейн р. Зилупе (– Великая). 3) Коллекция: Музей истории Латвии. 4) [Balodis 1926-О] (сообщение и рис. Я. Циглиса).

Фрагменты керамики с расчесами происходят из переотложенного культурного слоя селища (?) в насыпях средневековых курганов.

Псковско-Смоленская часть бассейнов Западной Двины и Ловати

4) Осыно, городище (рис. 53: 6–8).

1) Псковская обл., Себежский р-н, д. Осыно, в 0,5 км к С; 2) берег оз. Осыно (– р. Нища – р. Дрыса – Западная Двина); 3) Коллекция: Отдел археологии Псковского музея-заповедника; 4) [Михайлов 2004, с. 54–56, рис. из полевой документации А. В. Михайлова].

Исследовалось П. Н. Третьяковым в 1971–1972 гг. При раскопках А. В. Михайлова 2003 г. помимо материалов днепро-двинской культуры и средневековых найдено несколько фрагментов керамики с расчесами и гладкостенной, которые относятся к кругу Заозерье-Узмень.

5) Ермошино, селище (рис. 54–75).

1) Псковская обл., Невельский р-н, Туричинская волость, д. Ермошино, в 0,4 км к СВ. 2) Берег оз. Туричинского, находящегося в районе верховьев р. Полоты (– Зап. Двина). 3) Коллекция: ГЭ, ОАВЕС, оп.хр. 299-1, 307-2; 4) [Лопатин, Фурасев 1994; Лопатин 1995; Лопатин 1993-О, 1994-О, 1995-О, 1997-О]. Рис.: Т. М. Кудрина, Н. В. Лопатин. Определения примесей в керамике: Н. В. Лопатин.

Открыто в 1980 г. В. А. Булкиным. Раскапывалось в 1993–1995 и 1997 гг. Н. В. Лопатиным и А. Г. Фурасевым (отряд Северо-Западной экспедиции ГЭ). Во время работ СЗАЭ на данном месте выявлено четыре памятника (рис. 54): Ермошино I – основное селище; Ермошино II – небольшое селище с незначительным подъемным материалом (в том числе керамика с расчесами), частично одновременное селищу I.

Селище Ермошино III расположено по другую сторону ручья, впадающего в Туричинское оз.

Подъемный материал, собиравшийся в течение трех сезонов, распространяется вдоль берега озера на 100 м, а вдоль ручья – примерно на 60. Основная его часть – круговая керамика, относящаяся к XII–XIII вв. Она сходна с той, которая в небольшом количестве встречается также на территории селища Ермошино I. Немного керамики датируется временем около XVII в. Кроме того, найдена сильно потерянная медная монета – шеляг Речи Посполитой (Иоанн Казимир, около 1663–68 гг., определение Т. Стукаловой, ГИМ), а также фрагмент железного ножа. Встречается здесь в небольшом количестве и лепная керамика, аналогичная посуде селища Ермошино I, в том числе и с расчесами.

Могильник Ермошино IV относится к последней четверти I тыс. н.э., частично совпадает по площади с селищем I.

Селище Ермошино I располагается на низком песчаном берегу (3–4 м над уровнем воды), полого спускающемся к заболоченной пойме, к западу от впадающего в озеро ручья (рис. 54). Территория селища многие годы распаивалась. По распространению подъемного материала определены размеры селища – около 100 м вдоль берега и не более 50 м – поперек. Небольшая зона распространения аналогичного материала размерами 40 x 20 м зафиксирована в 70 м к юго-западу у изгиба берега (селище II). Раскопанная за 4 сезона площадь селища Ермошино I составила 400 кв.м: 1993 г. (раскоп I + траншея) – 70 + 46 кв.м; 1994 г. (раскоп II) – 134 кв.м; 1995 г. (раскоп III) – 66 кв.м; 1997 г. (раскопы IV и V) – 84 кв.м. Культурный слой на всю толщину перепахан (кроме небольшого участка возле постройки 3). Практически все находки (лепная керамика и немногочисленные вещи) относятся к одному времени (в рамках которого предположительно выделяется три периода) – второй и третьей четвертям I тысячелетия н.э. Помимо поселенческих материалов, в ходе раскопок исследовано три грунтовых погребения по обряду трупопожжения и дуговидные западины – возможно, части курганных ровиков (насыпи не сохранились). Эти объекты относятся, по всей вероятности, к культуре смоленско-полоцких длинных курганов (см. рис. 55).

В подъемном материале и распаханном культурном слое – почти исключительно лепная керамика с примесью дресвы, в основном грубая, толстостенная, слабопрофилированная (рис. 56–58, 60), некоторые фрагменты украшены расчесами гребнем (рис. 56: 1–6; 57: 1–3; 58: 1–4; 60: 1–3). Фрагменты средневековой круговой керамики (рис. 57: 18; 58: 20–33; 60: 20, 21) немногочисленны и скорее всего свидетельствуют об использовании данного места под пашню.

Ниже приводится описание основных исследованных объектов, отнесенных (в том числе предположительно) к поселенческим горизонтам памятника.

Ямы 6 и 7 соединялись между собой неглубокой перемычкой и имели однородное желто-серое за-

полнение, местами более темное – до серого (рис. 69). Яма 6 округлой формы (диаметр до 65 см, гл. 15 см); яма 7 – неправильной (110 x 155 см, гл. 35 см). В заполнении ямы 7 – фрагменты лепной керамики (рис. 67: 1) и шлаки.

Яма 9 округло-вытянутой формы с полого переходящими в дно стенками (наибольшие размеры 270 x 185 см, глубина в материке до 25 см) имела черное углистое заполнение с серой прослойкой у дна и была насыщена разрозненными фрагментами лепной керамики (рис. 67: 4–12), кусочками шлака, обожженными камнями, обломками костей животных. Она прорезала северо-западную часть ямы 12 (рис. 61).

Постройка 1 (рис. 61–66). Несмотря на незначительную заглубленность в материк (не более 30 см), при раскопках выделено 4 строительных горизонта (пронумерованы снизу вверх).

Контур постройки в период горизонта 4 (рис. 61: А) нарушены распашкой, но сохранили подквадратную форму. Очаг располагался в северной четверти и представлял собой пологое углубление диаметром 45–50 см, заполненное обожженными камнями, с линзами прокаленного оранжевого песка в основании. Часть камней, происходящих, вероятно, из очага, находилась к северо-западу от него. Столбовая ямка в центре постройки (диаметр 18, глубина 12 см) прослежена по черному заполнению на светло-сером фоне прослойки, отделяющей горизонт 4 от нижележащего слоя углей в горизонте 3. Развалы керамики, расчищенные в горизонте 4, относились в основном к одному сосуду, скорее всего, типа 26 (рис. 63: 5), венчик которого не сохранился. Кроме того, найдены (рис. 63) мелкие фрагменты венчиков, донца и ребристой стенки разных сосудов, фрагменты глиняных биконических чернолощеных пряслиц, обломок глиняного изделия.

К горизонту 3 (рис. 61: Б) отнесены: черная неровная бугристая углистая прослойка, примыкающие к ней темно-серый слой и очажное пятно диаметром до 40 см, состоящее из коричневого и оранжевого песка (смещено относительно очага вышележащего горизонта 4 к западу), а также находки: семь фрагментов тиглей (рис. 64: 4), два фрагмента глиняных литейных формочек (рис. 64: 1, 2); кусочек шлака и фрагмент бронзы, глиняная шарообразная бусина (рис. 64: 3), ряд развалов и фрагментов керамики (рис. 64: 5–7). Профили заполнения постройки показывают, что южная и юго-восточная часть жилища в период гор. 3 была занята возвышением-лежанкой (песок желто-серого и серого цвета), а хозяйственная (и, возможно, производственная) деятельность сосредоточена в основном в западной четверти.

Горизонт 2 (рис. 62: А, Б) представлен очагом грушевидной формы (размеры 60 x 50 см, глубина до 10 см) в северном углу жилища, в плане близком к очагу горизонта 4, углубленным в материковый пол; песчаной «лежанкой» в южной части и многочис-

ленными развалами и фрагментами керамики, лежащими в очаге и вокруг него в несколько слоев. Обожженные камни лежали в основном рядом с очагом. Керамика, вообще слабая в заполнении жилища, в горизонте 2 буквально распадалась и расплзалась. Поэтому, несмотря на большое ее количество и усилия по консервации на месте, целых форм восстановить не удалось. Фрагменты принадлежат типам 3 (рис. 65: 2, 3) и 7 (рис. 66: 1). Наиболее примечательной находкой в жилище 1 является часть развала чернolощеной ребристой миски, найденной около очага горизонта 2 (рис. 65: 1). В этом же горизонте найден обломок терочника из гальки с заполированными плоскостями (рис. 65: 7).

К горизонту 1 (рис. 62: В) относится котлован жилища. Он имел правильную прямоугольную форму размерами 3 x 2,8 м и ровный пол, углубленный в материк на 14–28 см. У западного угла располагалась ступенька шириной 20 см (очевидно, вход), занимавшая половину протяженности юго-западной стены. Рядом со ступенью, в западном углу и в 80 см от него в северо-западной стене выявлены две ниши шириной по 20 см, которые могут являться следами наклонно стоявших столбов. Почти вся площадь пола занята втоптаннми пятнами черного (углистого) и темно-серого цвета. В восточном углу котлована на полу лежало несколько камней. Возможно, здесь располагался очаг горизонта 1, однако его конструкция не прослеживалась. Находок, за исключением одного фрагмента керамики, не встречено.

Историю функционирования жилища можно представить в следующем виде. Первоначально был выкопан прямоугольный аккуратный котлован (горизонт 1), но этот период вряд ли был продолжительным и не оставил значительных следов жизнедеятельности. В следующий период (горизонт 2) было сооружено песчаное возвышение («лежанка»), занявшее в основном юго-восточную половину котлована и перекрывшее камни и пятна горизонта 1. Свободным остался северный угол, где был сооружен очаг (может быть, он существовал со времени горизонта 1). Продолжали использоваться и материковые стенки котлована в северном углу. У подножия лежанки накапливался культурный слой (серая прослойка, налегающая а середине жилища как на пол, так и на склон «лежанки»). Период завершился появлением большого развала битой посуды. После этого «лежанка» была подсыпана и расширена (желто-серые понижающиеся слои слева и справа в профиле II – рис. 62: Д). Углубленная хозяйственная зона переместилась из северного угла к середине северо-западной стены, лишь частично налегая на периферию хозяйственной зоны предыдущего периода. Здесь отложился слой углей и остатки бронзолитейного производства (?). Слой углей примыкает к серому культурному слою, накопившемуся у «лежанки» за предшествующий период. Форма «лежанки» горизонта 3 прослеживается по более темному пятну горизонта 4, занявшего углубленную часть жилища

предыдущего периода. Очаг перемещен на прежнее место, в центре жилища поставлен столб. Остается добавить, что все эти периоды вряд ли могли быть достаточно продолжительными, чтобы иметь значение для археологических датировок, и вся керамика, найденная в развалах, может считаться условно одновременной.

По углю из горизонта 3 получена дата (ЛЕ-4955); при калибровке она дает суммарный интервал 250–532 гг. (табл. 1).

Яма 12, вероятно, составляла единый комплекс с постройкой 1. Ее форма округло-вытянутая, стенки и дно в разрезе округлые, размеры 180 x 130 см, глубина до 50 см (рис. 61: А, В). В заполнении прослеживается до трех слоев разной интенсивности окраски (от желто-серого до почти черного), повторяющих форму дна ямы. В заполнении встречены два фрагмента глиняных биконических чернolощеных пряслиц (рис. 70: 1, 2), фрагменты лепной керамики (рис. 70: 3–7), в том числе в виде развалов, наиболее крупные из которых располагались у дна ямы, параллельно его наклону. Реконструирован экземпляр типа 2в (рис. 70: 7)

Яма 15 имела овальную форму, размеры 95 x 60 см при глубине 15 см (рис. 69), светлое желто-серое заполнение (слабо отличающееся по цвету от материкового песка), в котором встречены отдельные мелкие фрагменты лепной керамики (рис. 67: 13) и угольки.

Яма 16. Форма неправильная, дно неровное, размеры 60 x 35 см, гл. 18 см (рис. 69); заполнение мешаное серое, серо-желтое, желтое; центральная часть более темная; в ней отдельные мелкие угольки, камешки, шлак.

Яма 17. Округлая, состоит из двух частей (мелкой и более глубокой), размеры 30 x 33, гл. до 5 см (рис. 68, 69); заполнение серое, в середине темно-серое с угольками, в нем осколки пережженных камней и фрагмент лепной керамики.

Яма 18. Форма нечеткая, стенки отвесные, дно плоское, с юго-восточной стороны небольшая ступенька. Размеры 39 x 34, гл. до 25 см (рис. 68, 69); заполнение мешаное желто-серое с коричневым, в нем два больших фрагмента лепной керамики (в середине) и несколько мелких, 3 осколка камня (по краям), осколки зуба животного.

Яма 19. Форма удлиненная, неправильная (края испорчены норами); стенки пологие, постепенно переходящие в дно, размеры 103 x 65, гл. до 24 см (рис. 68, 69). Заполнение серое, в нем многочисленные фрагменты лепной керамики (рис. 70: 8, 9) и осколки камня, фрагмент пряслица (рис. 70: 10).

Яма 20. Округлая, стенки отвесные, дно почти плоское. Размеры 31 x 34, гл. 18 см (рис. 68, 69). Заполнение серое; в нем, у стенок, осколок камня и фрагмент стенки лепного грубого мисковидного сосуда с ребром (рис. 70: 11).

Ямы 21 и 22. Большие подпрямоугольные с закругленными углами (рис. 68, 69). Составляют еди-

ное целое (яма 22 прорезает яму 21). Похожи по форме, размерам, характеру заполнения.

Яма 21 сохранилась в своей юго-восточной части (120 x 100, гл. до 25 см). Стенки наклонные, дно плоское. Такая же форма у стратиграфически более поздней ямы 22. Ее наибольшие размеры по верхнему краю 225 x 120 см, гл. в материке до 40 см. Характерная особенность обеих ям – их слоистое заполнение, наблюдавшееся лучше всего в профилях (рис. 69): темные слои разных оттенков (темно-серые, серо-коричневые, серо-черные) чередуются с чистыми желтыми или желто-серыми прослойками, которые у краев ямы повторяют форму ее стенок и дна (в более пологом варианте). Толщина прослоек в основном от 2 до 5 см, местами до 10–15 см.

Такая стратиграфия могла образоваться в результате систематического поддержания чистоты сооружения путем регулярных подсыпок песка. Темные слои можно связать с загрязнением ямы. После заполнения ямы 21 до краев новая яма (22) была выкопана с небольшим сдвигом и незначительным поворотом оси, с увеличением глубины.

К сожалению, никаких находок, способных прояснить характер использования сооружения, не обнаружено. В заполнении встречались мелкие фрагменты керамики (рис. 70: 12) и осколки камней, угольки (в том числе небольшие углистые прослойки), фрагмент пряслица (?) нечеткой формы, сделанного из стенки сосуда (рис. 70: 13).

Яма 23 располагалась у восточного края ямы 22. Ее размеры 26 x 22, гл. 14 см, дно плоское (рис. 68, 69). Очевидно, столбовая.

Яма 24 находилась у западного края ямы 22. Ее диаметр и глубина около 20 см, форма в разрезе коническая (рис. 68, 69). Также, очевидно, столбовая.

Постройка 2 представляла собой котлован неправильной, слегка вытянутой формы, наибольшими размерами (по пятну при зачистке материка) 2,9 x 2,6 м, глубина в материке 45–48 см. В единый комплекс с котлованом, очевидно, входят очаг и ямы 25–28, которые при зачистке материка были объединены в одно большое пятно (рис. 68, 69). Стенки котлована наклонные. В профиле III видно, что в верхней части они пологие (местами даже близки к горизонтали), а в нижней более крутые. Вероятно, пологая верхняя часть стенок является оплывшими уступами-запличками, на которые опиралось перекрытие. Дно котлована почти плоское, хотя и не очень ровное и не горизонтальное (перепад высот до 8 см). Площадь дна 1,2 x 1,3 м.

Заполнение четко делится на два горизонта: 1) верхний темно-серый, почти черный; 2) нижний, серый, который местами в придонной части переходит в желто-серый, который, однако, как отдельный слой почти нигде не вычленяется. Граница двух основных слоев имеет плавную вогнутую форму, из чего следует, что верхний слой заполнил уже заплывший к тому времени котлован. Нижний слой, возможно, соответствует времени функционирования построй-

ки, однако никаких сооружений и развалов *in situ* в нем не обнаружено. Очевидно, котлован представлял собой погреб, находившийся под полом наземного жилища.

Из заполнения происходит небольшое количество фрагментов лепной керамики (рис. 74: 5–8), в том числе два фрагмента стенок с расчесами (рис. 28: 6,8), а также железные пластинчатое кресало с петлей (рис. 74: 1) и обломок трубочки для трута (?), глиняное пряслице (рис. 74: 3) и фрагмент стенки сосуда зеленоватого полупрозрачного стекла толщиной 4 мм (рис. 74: 4).

У северо-западного края котлована, на выровненной (слегка углубленной по сравнению с общим уровнем материка) площадке, располагались остатки отопительного устройства (рис. 68) – скопление нескольких обугленных кусков дерева, углистых пятен, белого обожженного песка, один осколок камня.

Яма 25 находилась по другую сторону горелого скопления, на расстоянии 0,5 м от котлована постройки 2. Размеры ямы 25–85 x 50 см, глубина до 20 см, стенки плавно переходили в вогнутое дно. В ее профиле прослежено 2 слоя: верхний серый (довольно темный) и нижний желто-серый. В связи с тем, что нижний слой мало отличался от материка, часть контура стенок прослеживалась нечетко.

У краев котлована находились небольшие ямки 26–28, являвшиеся, скорее всего, столбовыми.

Яма 26 (у западного края) – округло-вытянутая, 27 x 20, гл. 10 см, стенки близкие к вертикали, дно плоское.

Яма 27 (у северо-восточного края) – округло-вытянутая, 37 x 30, гл. 12 см, стенки наклонные, дно вогнутое, уплощенное.

Яма 28 (у южного края) – округлая, до 20 см в поперечнике, гл. до 47 см, дно заостренное. Попорченность кротовинами и желто-серый цвет заполнения заставляют сомневаться в надежности зафиксированной формы разреза стенок и дна ямы. В заполнении встречены отдельные мелкие угольки, фрагмент лепной керамики.

Яма 29 не совсем правильной округлой формы, стенки практически отвесные, дно плоское; размеры 30 x 26, гл. до 18 см (рис. 68, 69). Заполнение темно-серое, в нем найден один мелкий фрагмент лепной керамики.

Яма 30 округло-удлиненная, коническая; размеры 30 x 21, гл. 15 см (рис. 68, 69). Заполнение серое.

Яма 31 имела неправильную вытянутую форму, вероятно, подпорченную норами. Ее стенки отвесные, дно плоское, размеры 37 x 25, гл. до 11 см (рис. 69). С северо-западной стороны яма имеет наклонную в виде подбоя углубленную часть диаметром около 25 см, глубиной до 17 см. Вероятно, это след от вбитого в землю под острым углом столба. Заполнение темно-серое, коричневатое, содержало скопление обожженной глины, на которой найдено несколько осколков обожженных камней и фрагментов лепной керамики.

Яма 32 в плане округлая, с отвесными стенками; в СВ стенке небольшой подбой. Размеры 32 x 36, гл. 27 см (рис. 69). Заполнение мешаное: темно-серый и желто-серый песок. Находок нет.

Яма 33. Крупная удлиненно-овальная, размеры 225 x 105, глубина до 30 см (рис. 71: А). Стенки имеют разный наклон: от почти вертикальных на севере до пологих на востоке. Дно неровное, хотя местами плоское. Заполнение темное, почти повсеместно углистое, с вкраплениями обожженной глины. Везде на разных уровнях встречались обожженные камни и их осколки, а также мелкие разрозненные фрагменты керамики (рис. 71: 1–4). По форме и заполнению данная яма напоминает яму 9.

Ямы 34–37 непосредственно примыкали к предыдущей. Их форма неправильная, стенки в разной степени наклонные, размеры от 38 x 21 (яма 37) до 70 x 45 (яма 34), глубина – около 10 см (рис. 71: А). Заполнение всех перечисленных ям сходное – темно-серый, почти черный песок. В яме 36 найдено глиняное биконическое пряслице (рис. 71: 7).

Яма 38. Форма неправильная округлая, испорчена норам, стенки и дно также нечеткой формы (рис. 71: А). Размеры 32 x 30, гл. до 12 см; заполнение серое.

Яма 39 состояла из двух частей неправильной формы (рис. 71: А). Меньшая из них, южная, 17 x 22, гл. 7 см, заполнение темно-серое. К югу от нее, в кротовине, найдены фрагмент пряслица и оселок (рис. 71: 5, 8). Размеры северной 28 x 33, гл. 9 см, заполнение серое.

Яма 40 – круглая, стенки отвесные, дно плоское, диаметр 25, гл. 17 см (рис. 71: А). Заполнение углистое, в нем найдено несколько фрагментов лепной керамики и черешок железного ножа (рис. 71: 6).

Яма 41 – неправильной формы в плане и в профиле, сильно испорчена норам, наибольший поперечник 45, гл. до 22 см (рис. 71: А). Заполнение серое.

Яма 42 и очаг 1 расположены рядом, при зачистке материка они составляли единое пятно восьмеркообразной формы (рис. 71: А; 73). Форма ямы 42 по верху была неправильной, испорченной кротовинами, однако находившиеся в ее заполнении многочисленные осколки обожженных камней составляли почти правильный круг диаметром около 30 см. Кроме камней найдено несколько мелких фрагментов лепной керамики и с краю фрагмент пряслица (рис. 71: 9). Осколки камней заполняли яму полностью, поэтому в процессе расчистки фиксировались три ее горизонта (рис. 71: А). Диаметр ямы у плоского дна 30, глубина также около 30 см. Заполнение серое, темно-серое, коричневатое.

Очаг 1 примыкал к яме 42 с северо-востока. Он представлял собой след от кострища размерами 43 x 38 см, полого углубленного в материк на 3 см. Углубление образовалось, вероятно, в процессе выгребания золы. Пятно кострища выделялось оранжевым цветом прокаленного песка. В пределах пятна, на его

поверхности, найдено несколько сильно пережеженных камней (часть которых представляла собой скопления полностью рассыпавшейся гранитной крошки), пятна коричневого песка, несколько мелких фрагментов лепной керамики.

Постройка 3 обнаружена всего в 1 м к северо-западу от комплекса постройки 2 и напоминала ее формой, превосходя в размерах. Прежде всего необходимо отметить, что на этом участке ниже слоя пахоты залегал темно-серый культурный слой мощностью до 20 см, насыщенный угольками. Он выклинивался примерно в 2 м к юго-западу от котлована постройки 3, а к северу от него не распространялся. Сохранение участка нераспаханного культурного слоя связано с выравниванием площадки (имевшей наклон с севера на юг) при возведении постройки 3.

Остатки постройки 3 представляли собой котлован вытянутой по линии запад-восток, закругленной со всех сторон формы, размерами: по верху пятна 4,5 x 2,6 м, по краям нижнего горизонта 4 x 1,9 м (рис. 72, 73), наибольшей глубиной в материке 90 см. Двухчастная структура пятна с размерами, близкими вышеуказанным, прослежена уже при зачистке пятна в материке: внутренняя темно-серая часть заполнения окружена «лентой» светло-серого цвета.

Котлован имел наклонные стенки и вогнутое дно, т.е. в целом «ваннообразную» форму. В заполнении прослеживались три горизонта: 1) верхний темно-серый, 2) средний серый и 3) нижний светло-серый, местами желто-серый (рис. 73). Общим границам между горизонтами соответствовали углистые прослойки. Очевидно, это остатки сгоревшего перекрытия двух периодов, которое опиралось на заплечики. Последние прослежены для верхнего горизонта в профиле II; для среднего горизонта – в обоих профилях со всех четырех сторон и в северо-восточной четверти котлована.

В пределах углистого слоя верхнего горизонта обнаружен один крупный фрагмент обгоревшего дерева длиной 60 см (рис. 72); с нижним углистым слоем (на границе среднего и нижнего горизонтов) связан большой развал из нескольких обугленных балок, плашек и мелких фрагментов дерева (рис. 73). Длина большой балки, лежавшей в котловане продольно, – 2,2 м, ширина – до 16 см. Северо-западнее большой балки в том же слое обнаружено пятно обожженного песка (сверху отдельные участки коричневого, ниже – оранжевого цвета, ниже переходящего опять в коричневый) и углей; размеры пятна 90 x 30 см, вытянуто, как и балка, вдоль котлована (рис. 73). Вероятнее всего, это остатки отопительного устройства (кострища на песчаной подсыпке), находившегося на перекрытии (на полу постройки) и рухнувшего вместе с ним. Вряд ли можно связывать прокаленный песок с пожаром постройки, поскольку нигде более в пределах углистого слоя, в том числе и рядом с обугленными балками, прокаленный песок не зафиксирован: для появления прокала необходимо было длительное воздействие огня. Трудно сказать,

Табл. 1. Радиоуглеродные даты комплекса памятников Ермошино (калибровка по программе OxCal v3.10).

№	Лаб. № образца	Паспорт образца	¹⁴ C возраст ВР	Калиброванная дата, AD	
				1σ	2σ
1	ЛЕ-4945	погр.1	1350 +/- 30	645 ... 680	630 ... 770
2	ЛЕ-4949	постр.3, верхний слой	600 +/- 50	1300 ... 1405	1280 ... 1420
3	ЛЕ-4947	постр.3, большая плаха	1220 +/- 40	720 ... 880	680 ... 900
4	ЛЕ-4946	постр.3, ниж.слой	1285 +/- 40	670 ... 770	650 ... 860
5	ЛЕ-4950	постр.3, ниж.слой	1340 +/- 50	640 ... 770	600 ... 780
6	ЛЕ-4951	постр.3, ниж.слой	1305 +/- 40	660 ... 770	640 ... 810
7	ЛЕ-4952	постр.2, горелое скопл.	1340 +/- 40	640 ... 770	630 ... 780
8	ЛЕ-4954	постр.1, гориз.4	1360 +/- 80	600 ... 770	540 ... 870
9	ЛЕ-4955	постр.1, гориз.3	1680 +/- 50	260 ... 420	230 ... 540
10	ЛЕ-4948	постр.4, очаг	1340 +/- 180	530 ... 940	250 ... 1050
11	ЛЕ-4953	кв.АБ-22, слой	100 +/- 35		
12	ЛЕ-4956	постр.1, гориз.2	соврем.		
13	ЛЕ-4958	погр.2	соврем.		

связаны ли с этим кострищем осколки камней, найденные в северо-западной четверти котлована. Нижний слой заполнения очень слабо гумусирован и подходит к уровню заплечиков, на которых держалось деревянное перекрытие.

В заполнении и рядом найдены мелкие фрагменты керамики (рис. 74: 13–19), 3 фрагмента глиняных биконических пряслиц (рис. 74: 9–11) и железное стамесковидное орудие (рис. 74: 12).

Ямы 43 и 44 находились к западу от постройки 3, недалеко от ее края (рис. 72). Они похожи по форме (округлая в плане с отвесными стенками и плоским дном, хотя и попорчена норами в обоих случаях). Размеры первой 43 x 38, гл. 10 см, второй – 33 x 25, гл. 16 см (рис. 18). В яме 44 найдено несколько камней. Обе ямы впущены в заполнение котлована постройки 4.

Постройка 4 прорезана котлованом постройки 3. Это была полуземлянка с плоским полом и прямыми углами (сохранилось два из них), длина сохранившейся в материке северо-восточной стенки 3,2 м, глубина в материке до 23 см (рис. 73). Частично сохранились северо-западная и юго-восточная стенки (последняя имела неровную форму, однако здесь уже начиналась подрезка материка для постройки 3). Постройка имела вертикальные стенки и ровное горизонтальное дно, хотя у краев постройки 3 оно наклонно, очевидно, в результате оползания материка. В восточном углу постройки находился очаг-кострище округлой формы, 45–50 см в поперечнике. Он представлял собой скопление обожженных осколков камней, углей, пятно прокаленного песка. Заполнение полуземлянки состояло из почти не гумусированного песка, напоминавшего по цвету материк. Очевидно, это жилище функционировало очень недолго и было засыпано материковым выкидом, в который позднее впущены ямы 43 и 44.

Яма 45, находившаяся к северу от построек 3 и 4, имела мешаное заполнение – от черного до желтого. Форма ямы округло-вытянутая, стенки и дно покатые (рис. 73), наибольшие размеры 2,5 x 2 м, глубина до 0,6 м. Заполнение делилось на три основных слоя, снизу вверх: желто-серый, черный (темно-серый) с включениями желтых материковых линз, желтый. Находки в яме происходят из темно-серого слоя: грубая лепная керамика (рис. 75: 6–11), в том числе с расчесами гребнем (рис. 75: 3, 5), фрагмент чернолощеного сосуда (рис. 75: 4), глиняная бусина и фрагмент миниатюрного сосуда (рис. 75: 1, 2). Скорее всего, яма одновременна последнему горизонту постройки 3.

Яма 46 вскрыта частично. Она имела неправильную в плане и чашевидную в профиле форму, поперечник 45 см и глубину 10 см, светло-серое заполнение (рис. 73). Судя по стратиграфии, она одновременна к нижнему или среднему горизонтам постройки 3.

Яма 47 обнаружена при изучении стенок постройки 4. Она имела заполнение, близкое по цвету к матерiku, поэтому ее форма (рис. 73) и глубина (до 45 см) ненадежны.

Яма 50 – диаметр 25 см (рис. 68), гл. в материке 11 см, дно плоское, стенки наклонные, заполнение серое; найден мелкий фрагмент лепной керамики.

Яма 51 – 20 x 25 см (рис. 73), форма испорчена норами, заполнение желто-серое.

Яма 54. Размеры 1,5 x 1,2 м, глубина в материке 0,2 м, дно покато, заполнение – два слоя: верхний темно-серый и нижний серо-желтый (рис. 69). В верхнем слое – осколки камней и фрагменты лепной керамики, в том числе развал верхней части раскрытого сосуда (рис. 67: 14), а также фрагмент глиняного изделия треугольного сечения, в нижнем слое – отдельные мелкие черепки.

Яма 58. Неправильной округлой формы, в поперечнике до 50 см, глубина 28 см, стенки отвесные, дно плоское (рис. 69), верхняя часть заполнения темно-серая, нижняя – серо-желтая. В заполнении близко к верху – большой плоский осколок камня, непосредственно под ним – развал дна лепного сосуда (рис. 67: 15).

Постройка 4 прорезана котлованом постройки 3 и ямой 45. Это была полуземлянка с плоским полом и прямыми углами (сохранилось два из них), длина сохранившейся в материке северо-восточной стенки 3,2 м, глубина в материке до 23 см (рис. 73). Частично сохранились северо-западная и юго-восточная стенки. Постройка имела вертикальные стенки и ровное горизонтальное дно, хотя у краев постройки 3 оно наклонно, очевидно, в результате оползания материка. В восточном углу постройки находился очаг-козрище округлой формы, 45–50 см в поперечнике. Он представлял собой скопление обожженных осколков камней, углей, пятно прокаленного песка. Заполнение полуземлянки состояло из почти не гумусированного песка, напоминавшего по цвету материк. Не исключено, что это остатки «лежанки», устроенной, как и в постройке 1, еще до отложения в котловане культурных остатков. Никаких предметов в заполнении не найдено. Радиоуглеродная дата по углю из очага (JE-4948) дала слишком большую погрешность (табл. 1).

Объект 60 – ровик, вероятно, относящийся ко времени совершения погребальных обрядов 4-й четверти I тыс. Он заполнен культурным слоем предшествующего времени (рис. 75: 12–18), попавшим сюда при рытье более позднего параллельного ровика (*объект 61*) и перекрытым материковым песком из того же объекта 61 (рис. 75: 12–21).

Материалы памятника Ермошино I можно с той или иной степенью вероятности распределить на пять хронологических периодов, из которых к древнему поселению имеют отношение первые три.

К периоду 1 относятся постройка 1 с ямой 12, предположительно также постройка 4. Постройки – небольшие прямоугольные полуземлянки с открытыми очагами-козрищами и, возможно, центральными опорными столбами. Ямы – округло-вытянутые с покатым дном. Пряслица усеченно-биконические с широким отверстием, часто чернолощенные. Керамика, увязываемая в единый хронологический набор, разнообразна (см. с. 68, табл. на рис. 30). Основная ее часть находит параллели в киевской культуре, но фрагменты сосудов из горизонта 3 постройки 1 (рис. 64: 6, 7) следует отнести, очевидно, к позднему этапу днепро-двинской культуры типа Каратая и Черной Горы. Поскольку с данными комплексами не связано ни одного фрагмента керамики с расчесами, период 1 следует отнести ко времени до появления этого декоративного элемента, а не наоборот, поскольку ранней керамики с расчесами (тип Грини) в Подвинье до сих пор не находили.

Период 2 маркируется фрагментами груболепной керамики с расчесами. Фрагменты венчиков с расчесами очень малы и лишь один из них (рис. 56: б) может быть сопоставлен благодаря своей прямизне с ребристой формой типа Р-1а. Нетронутых объектов не обнаружено. Неясна и доля керамики с расчесами, поскольку вычислению она поддается только в совокупности с материалами периодов 1 и 3 – 0,5% (с. 24, рис. 7).

К периоду 3 относятся постройки 2 и 3 («ваннообразные жилища»), вероятно, также ямы 9, 33 и часть других. Четыре радиоуглеродные даты из постройки 3 и одна из постройки 2 (табл. 1) при калибровке укладываются в интервал VII–VIII вв. Керамика этого времени, очевидно, наследует традиции более ранней. Во всяком случае, материалы перемешанных культурных слоев периодов 1, 2 и 3 из построек 2 и 3, ямы 45 и объектов 60 и 61 (рис. 74, 75) представляются довольно однородными, лишь фрагменты с расчесами и лощением здесь могут быть с уверенностью отнесены к периодам 1 и 2. Таким образом, вероятно, в третьей четверти I тыс. местная керамика – груболепная слабопрофилированная, также присутствует тип 11 (рис. 67: 9). Такое представление о керамике этого времени согласуется с материалами из мастерской Мосты (рис. 91), имеющей также близкие радиоуглеродные даты (табл. 2 на с. 117). К этому периоду, как и к двум предыдущим, могут относиться сходные глиняные и железные предметы (рис. 74: 1–3, 9–12; 75: 1, 2, 12, 19).

Период 4 – могильник с инвентарем типа смоленских длинных курганов; период 5 – средневековая пашня.

Н. А. Кирьяновой исследовались карпологические пробы с селища Ермошино (см. приложение на с. 132). Образцы грунта были взяты неодинакового объема, поэтому при подсчетах некоторые из них разделены на 2 или 3 части. Наибольшее количество и видовое разнообразие зерен зафиксировано в яме 33 (39 против 30 из всех остальных комплексов), отнесенной к 3-му периоду (VII–VIII вв.).

6) Фролы, селище и грунтовый могильник (рис. 76–96).

1) Псковская обл., Невельский р-н, д. Фролы (Фролово), в 1,1 км к В от деревни; 2) сев. берег оз. Сенница (р. Сенница – Ловать). 3) Коллекции: ГЭ, ОАВЕС, оп. хр. 314, 323. 4) [Фурасев 2001а; Фурасев 2001г]. Рис. и определения примесей в керамике: А. Г. Фурасев.

Комплекс археологических памятников включает в себя селище Фролы 1, грунтовый могильник Фролы 2, железоделательную мастерскую Мосты, курганную группу из 7 насыпей в 600 м к западу от селища и курганный могильник в 1,5 км к северо-западу от селища, состоящий из двух групп курганов общим числом 37 насыпей (рис. 1А). Среди них имеются сопковидные, овальные, подквадратные и валообразные насыпи. Комплекс исследовался в 1983–1998

гг. А. В. Виноградовым, А. М. Микляевым, Б. С. Короткевичем, А. Г. Фурасьевым (СЗАЭ).

Курганные могильники, как и мастерская Мосты, возникают в третьей четверти I тыс. н.э., поэтому их подробную характеристику мы здесь опустим. Ее можно найти в другой публикации [Фурасьев 2001г]. Что касается селища, несомненно имеющего отложения VI–IX вв. н.э., мы не станем игнорировать поздние материалы, характеристика которых важна для наших задач. Динамика развития материальной культуры, в первую очередь керамического комплекса середины I тыс., не может быть до конца осмыслена без учета ее дальнейшей трансформации в третьей четверти I тыс.

Селище занимает террасообразное плато коренного берега озера высотой чуть более 5 м над уровнем воды. Общая площадь поселения составляет около 2 га. Сегодня расстояние от южного края селища до уреза воды 130 м, однако достоверно известно, что в начале 1970-х гг. уровень воды в озере в результате мелиоративных работ был искусственно спущен примерно на 1,5 м, и вода отступила от берега на 100–150 м. Сейчас берег озера заболочен, юго-западная окраина селища граничит с торфяником.

Памятник был обнаружен в 1983 г. А. В. Виноградовым. В 1990 г. селище исследовалось Б. С. Короткевичем. Им было заложено несколько шурфов для определения границ распространения культурного слоя. Кроме этого, на юго-западном склоне террасы была заложена разведочная траншея размерами 4 x 1 м, выявившая здесь культурные напластования мощностью более 1 м. Полученные материалы относятся к середине и второй половине I тыс. н.э., в основном к культуре псковских длинных курганов. В 1996–1998 гг. комплекс памятников исследовался А. Г. Фурасьевым.

В 1997 г. на юго-западном склоне террасы, вплотную к разведочной траншее Б. С. Короткевича 1990 г. была заложена еще одна траншея размерами 6 x 2 м, с целью уточнить мощность и характер культурного слоя на стыке «сухого» и торфяникового участков поселения. Это стало возможным благодаря низкому стоянию воды в озере и пересыханию торфяника. Стратиграфия этого участка выглядит следующим образом (рис. 1Б):

0–0,34 – слой 1 – дерново-почвенный слой и, вероятно, старая пахота. Рыхлый неструктурированный слой коричневого цвета.

0,34–0,74 – слой 2-3 – черный сильно гумусированный слой с вкраплениями угольков и мелких железистых частиц.

0,74–1,10 – слой 4 – черный золистый слой, обильно насыщенный мелкой крошкой обожженной глины желтовато-красного цвета и многочисленными обломками железных шлаков, крицы, крупными кусками спекшейся глины и костями животных. Местами верхние пласты этого слоя спеклись в очень плотную трудно пробиваемую корку, толщиной до 30 см, границы которой выходят за пределы раскопа.

1,10–1,22 – слой 5 – темно-серый слабогумусированный заиленный песок.

1,22–1,52 – слой 6 – розовато-серая супесь с мелкими включениями крошки слабообожженной глины. На границе квадратов 1 и 2 этот слой выклинивается и сменяется слоем торфа (слой 7), падающим вниз по склону до глубины 1,7 м. Торф плохо разложившийся, с крупными остатками древесины, веток, коры, содержит также фрагменты искусственно обработанного дерева, часто обугленные. Все вышеописанные слои содержат фрагменты лепной керамики.

Ниже – материк, сложенный в северном углу траншеи из желто-серого плотно слежавшегося песка, который на границе квадратов 1 и 2 падает и сменяется слоем торфа, близким по виду вышележащему торфу, но более сильно разложившимся, более светлым и увлажненным, без всяких следов антропогенного влияния. Материковый торф содержит на поверхности также крупные древесные остатки: пни и ствол дерева.

Далее перейдем к характеристике находок, которую целесообразно будет сделать в прямой хронологической последовательности.

1. Слой слабообожженного торфа (слой 7) является древнейшим жилым горизонтом поселения. С деятельностью первых обитателей селища связаны находки обработанной древесины: крупные щепки, плоские доски, часть четырехгранного бруса до 10 см в поперечнике, две вертикально вбитые свайки, нижние концы которых аккуратно затесаны несколькими ударами рубящего орудия. Скорее всего, свайки были вбиты с уровня вышележащего слоя. Хаотически встречаются камни и куски железных шлаков. Фрагменты лепной керамики попадают преимущественно в верхних пластах торфа, в нижних их практически нет. Формовочная масса характеризуется естественной примесью в глине мелкого пылеватого песка, придающего черепкам шероховатую поверхность, а также примесью дровяной. Единственная находка – фрагмент глиняного биконического пряслица с прочерченной бороздкой по уровню максимального диаметра (рис. 86: 1). Керамика приведена на рис. 78: 1–4.

Для образцов обугленного дерева получена серия радиоуглеродных дат: Ле-5372, Ле-5374, Ле-5375, Ле-5376 (табл. 2).

Существующие ныне палеогеографические данные о средних темпах прироста торфа позволяют уточнить дату возникновения поселения. В середине I тыс. н.э. эти темпы заметно увеличиваются в связи с климатическими условиями периода Субатлантикум-2 и составляют, по данным болот Эстонии, около 18 см за столетие [Валк 1971, с. 47, рис. 1]. Следовательно, слой торфа мощностью 25–30 см мог накопиться примерно за 150 лет. Однако нужно учитывать, что, во-первых, нижние пласты торфа в траншее не содержат находок, а во-вторых, верхние пласты, напротив, насыщены строительными

ми отходами (щепой), что ускорило накопление торфа в период возникновения поселения. Поэтому время накопления собственно культурного слоя в торфянике, вероятно, не превышало 50–70 лет. Учитывая вероятную датировку вышележащего слоя (см. ниже), время возникновения поселения можно с наибольшей вероятностью отнести к началу – первой половине IV в.

2. Выше залегает прослойка темно-серого заиленного песка (слой 5). Наряду с обычными находками керамики, по составу не отличающейся от керамики из торфа (*рис. 78: 5–7; 79*), слой песка содержит обломки досок, часть которых обуглена. Отмечены и отдельные крупные куски криц и шлаков, преимущественно на поверхности слоя. Здесь же найдены крупные обломки лепной керамики и биконическое пряслице (*рис. 86: 2*). Один фрагмент стенки сосуда орнаментирован расчесами (*рис. 79: 2*).

Для данного слоя получены две даты (*табл. 2*): обугленное бревно с его поверхности (Ле-5371) и вертикальная свайка из торфа, вбитая с уровня поверхности серого песка (Ле-5373). Оба образца по обстоятельствам залегания дают время непосредственно после образования слоя песка, то есть начало накопления вышележащего слоя – скорее всего рубеж IV–V вв. Его образование, вероятнее всего, связано с климатическими явлениями трансгрессивного характера, имевшими место в период переувлажнения и похолодания, наступившего на рубеже IV–V вв. Слой мог образоваться относительно быстро, практически одновременно, в результате поверхностного смыва части культурного слоя с вышележащих участков. Поэтому находки из слоев торфа и серого песка могут считаться в целом одновременными. Керамика из этого слоя по составу не отличается от керамики из торфа. Набор форм чуть более разнообразен, но скорее всего за счет количественного превосходства.

3. Следующий слой (4) получил условное название «шихта», из-за чрезвычайной насыщенности отходами металлургического производства. Начало его образования связано с тем, что на поверхности серого песка сооружаются устройства для плавки железа. Они представляли собой, вероятно, примитивные купольные горны диаметром около 0,6 м, от которых сохранились круглые в плане основания из плотно спекшейся обожженной глины, стоящие на дощатых настилах, и обломки стенок свода, одна из поверхностей которых остеклована. Рядом с таким устройством, попавшим в траншею, обнаружен целый кричный сферический желвак диаметром 20 см. В верхних горизонтах слоя шихты остатки таких устройств не диагностируются, поскольку слой представляет собой сплошной трудно проходимый завал глины, спекшейся с кусками шлаков и криц. Вероятно, в дальнейшем сюда сбрасывали металлургические отходы.

Находки (*рис. 86: 3–7*) – фрагмент биконического пряслица, два миниатюрных сосудика, обломок

железного черешка и сланцевый оселок. На данном этапе происходят изменения в составе глиняного теста посуды: наряду с дресвой появляется незначительная примесь недробленного мелкого гравия, а также мелких частиц дробленой железной руды, ранее ошибочно принятой нами за охру. Вероятно, такой состав примесей говорит об использовании озерных или речных береговых отложений, содержащих наряду с мелким гравием частицы болотной руды – лимонита. Набор форм керамики максимально разнообразен (*рис. 80–83, 84: 1–5*).

В пределах траншеи слой шихты выклинивается, что, вероятно, указывает нам край поселения этого периода. Датировка данного слоя опирается на две вышеуказанные даты (Ле-5371 и Ле-5373), отмечающие начало его накопления: V – начало VI в. Датировочных находок нет. Верхняя хронологическая граница не ясна.

4. Верхний слой черного гумуса (2-3) резко отличается от «шихты» почти полным отсутствием отходов металлургии. Очевидно, в этот период процесс плавки железа переносится на другой участок, а именно – скорее всего на мастерскую Мосты в 350 м от поселения. Радиоуглеродные даты мастерской (Ле-4211, Ле-4633, Ле-4634, *табл. 2*) [Zaitseva, Miklyaev, Mazurkevich, Korotkevich 1994, p. 122] указывают как на время ее функционирования, так и на период накопления слоя черного гумуса в траншее – VII в. и, вероятно, начало VIII в. Это время максимально низкого стояния воды в озерах, связанного с теплым климатическим периодом, что и позволило соорудить железодельную мастерскую на дне озера, в тот момент почти полностью пересохшего. Радиоуглеродные даты синхронизируют данные объекты комплекса Фролы-Мосты с периодом 3 поселения Ермошино (постройки 2 и 3).

Лепная керамика из слоя черного гумуса и из Мостов содержит примесь только дресвы. Набор форм в целом прежний (*рис. 84: 6; 85; 91*). Помимо лепной керамики здесь обнаружены фрагменты биконических пряслиц, обломок железного серпа, фрагмент бронзового щитка пряжки с отверстием для крепления ремня (*рис. 86: 8–10*).

У подножия террасы вся толща культурного слоя перекрывается стерильным торфом, для нижнего горизонта которого получены две даты: Ле-5370а и Ле-5370б (*табл. 2*). Даты дают нам верхнюю границу существования поселения – IX в. Самые поздние находки на селище происходят из подъемного материала: отдельные фрагменты посуды, характерные для смоленских длинных курганов, железная (ладейная?) заклепка и обломок бусины-лимонки из синего стекла. Финальный период поселения, таким образом, можно датировать VIII–IX вв. и связывать с ним находки из слоя пахоты.

Материалы, относящиеся к середине и второй половине I тыс. н.э., кроме верхних слоев траншеи 1997 г., получены также на соседнем участке. В 1996 г. были проведены раскопки на западной окраи-

не террасы селища. В раскопе площадью 52 кв.м было обнаружено несколько небольших ям хозяйственного назначения, вероятно, связанных с выплавкой железа, судя по значительному количеству обломков шлаков и крицы. Ямы округлые, диаметром в среднем 0,5–0,7 м, имеют покатые стенки и вогнутое дно. Общая мощность культурного слоя составляет 0,5 м.

Следует особо отметить, что хотя верхние горизонты культурного слоя распаханы, нижний предматериковый слой толщиной 10–15 см не потревожен, и именно в нем сосредоточены основные находки (рис. 92): железные серп типа 1Д по Р. С. Минасяну, нож, посоховидная булавка из железной проволоки ромбовидного сечения, синяя стеклянная бусина, глиняные биконические пряслица. Лепная керамика из этого горизонта по составу формовочной массы соответствует посуде из слоя «шихты» в траншее: она содержит незначительную примесь мелкого гравия и лимонита. Здесь же встречено несколько фрагментов керамики с расчесами. На данном основании мы считаем допустимым синхронизировать эти участки и отнести находки из раскопа 1996 г. к V–VI вв., исходя из наиболее вероятной датировки слоя «шихты». Индивидуальные находки рассмотрены в разделе о вещевом комплексе памятников второй четверти I тыс.

Второй участок селища, изучение которого связано с обнаружением грунтового могильника, исследовался нами на восточной окраине террасы в 1996–1998 гг. Грунтовый могильник расположен всего в 50 м к востоку от края основной территории селища. Он занимает наиболее возвышенную восточную часть террасы. В течение трех полевых сезонов исследована практически вся территория могильника, не потревоженная распахкой и поздними перекопками (всего 288 кв.м), обнаружено 21 погребение. Подробное описание погребений приведено чуть ниже.

Погребения были впущены в деструктурированный культурный слой окраины поселения, к которому относятся некоторые находки и несколько материковых ям. Слой под могильником выражен слабо, он аморфный, слабогумусированный, не имеет четких границ. Вероятно, поселение существовало здесь не более 10–20 лет, занимая в данный период максимальную площадь – не менее 3 га, то есть всю береговую террасу, но вскоре оно сместилось на западную оконечность террасы, а на восточной возник некрополь.

Важно отметить, что керамика из слоя поселения под могильником по составу отошающих примесей (дресва + мелкий гравий + дробленая руда) соответствует керамике из слоя «шихты» в траншее 1997 г. В незначительном количестве присутствует и керамика с расчесами (рис. 87: 2), а также имеется один фрагмент стенки с текстильным отпечатком (рис. 87: 4). Один фрагмент венчика украшен по краю косой насечкой. Набор керамических форм практически аналогичен набору из слоя «шихты», что также подтверждает их синхронность, наряду с наличием и

там и здесь посуды, орнаментированной расчесами. Отметим значительное количество типичной керамики днепро-двинской культуры (рис. 90: 1–7).

В материке обнаружено несколько небольших ям, связанных с селищем, в том числе остатки небольшой углубленной постройки (яма 12). Северный угол ее полностью уничтожен распахкой. Сохранившаяся часть имеет форму, близкую четырехугольной, размерами 1,4 x 1,6 м (рис. 94: Б). Глубина от поверхности материка 10–18 см, дно плоское и горизонтальное, стенки вертикальные. Ориентирована углами по странам света. В юго-западной стенке имеется нишеобразный выступ полукруглой формы (вероятно, вход) с пологими стенками, на краю которых отмечены следы прокаленности в виде нескольких небольших пятен оранжевого цвета и несколько угольков. В заполнении ямы обнаружены фрагменты лепной керамики. Вероятно, данная постройка имела хозяйственное назначение, судя по небольшим размерам и отсутствию отопительного устройства.

В стороне от этой постройки, в 14 м к западу от нее, обнаружен еще один интересный объект – яма 9. Это небольшая ямка овальной формы, размерами 35 x 45 см, глубиной 12 см, заполненная черным углистым слоем (рис. 94: А). Дно и стенки ямы были вымощены крупными фрагментами лепного сосуда, реконструируемого почти полностью (рис. 89: 4), местами черепки лежали в два слоя. Вероятно, это так называемый выносной очаг, функционировавший рядом с жилищем в теплое время года.

Находки в слое селища – фрагменты биконических пряслиц, глиняные грузила, фрагмент грузика, напоминающего дьяковский, маленькие бронзовые спиральки, железная пряжка с калачиковидной рамкой и хоботовидным язычком (рис. 90: 8–16) и стеклянная миниатюрная пронизка в виде трубочки с перехватиком на конце (рис. 96: 11), которая была найдена в заполнении ямы погребения 9, но попала туда, скорее всего, при засыпке этой ямы слоем селища. Хронология этих находок рассмотрена выше, в соответствующем разделе.

Наибольшим разнообразием форм, а также наличием орнаментированной посуды отличается керамический набор V в., возможно, V–VI вв. При этом основные типы посуды, характерные для памятников этого и последующего периодов, появляются уже в слоях торфа и серого песка, то есть не позднее второй половины IV в. В первой половине V в. на памятнике фиксируется появление целого ряда новых традиций, имевших, несомненно, южное верхнеднепровское происхождение: расчесы (киевская традиция) и налепы (раннеколочинская) на керамике, новые керамические примеси (мелкий окатанный гравий и дробленая руда – лимонит).

Грунтовый могильник

Почти все погребения были впущены в деструктурированный культурный слой окраины поселения. В связи с этим обратим внимание на стратиграфию памятника:

0–0,20 м – верхний дерново-почвенный слой.

0,20–0,50 – мешаный желто-серый слой с аморфными включениями слабо гумусированных пятен и прослоек, содержащий фрагменты лепной керамики, отдельные кальцинированные кости и отдельные находки середины I тыс. н.э. Местами на его поверхности, сразу под дерном, фиксируется черная углистая прослойка. Особенно хорошо она сохранилась в центральной части могильника, где ее мощность достигает 4–5 см. В этой прослойке залегают более крупные обломки лепной керамики.

От 0,50 – материк – желто-серый крупнозернистый песок.

Погребения впущены в грунт с поверхности мешаного слоя или из-под углистой прослойки. Судя по всему, эта прослойка является выжженной дневной поверхностью времен существования грунтового могильника. Уровня материка достигают немногие погребальные ямки. Происхождение мешаного слоя, причины его аморфности и слабой гумусированности, наличия в нем находок можно объяснить тем, что до возникновения могильника эта территория в течение непродолжительного времени входила в хозяйственную зону селища, а возможно, даже была распахана. Во всяком случае, сильная перемешанность и аморфность этого слоя могла образоваться только в результате каких-то искусственных механических действий.

Планиграфия погребений (рис. 93) не позволяет проследить каких-либо закономерностей. Выделяется центральная зона могильника, где концентрация погребальных ям очень высокая. Расстояние между отдельными захоронениями – от 0,20 до 1 м. На периферии это расстояние может достигать 3–5 м. Зона наиболее плотной концентрации вытянута с запада на восток, вдоль края береговой террасы.

Погребение 1. Верхняя часть погребения, смещенная поздней распашкой, залегала в виде пятна неправильной формы размерами 75 x 20 см, толщиной 2–3 см, черного углистого цвета. Оно включало мелкие угольки, кальцинированные косточки, отдельные фрагменты лепной керамики и обожженные камни. Под пятном, на материке, зафиксированы остатки ямки диаметром 15 см и глубиной 3–4 см с заполнением, аналогичным вышеописанному. В борозде распашки, повредившей погребение, в 1 м к востоку от него найдено глиняное биконическое пряслице, которое с большой долей вероятности можно считать инвентарем данного погребения (рис. 96: 1).

Погребение 2. Располагалось в круглой ямке диаметром 15 см, сохранившаяся глубина – 6–7 см. Уровня материка ямка не достигает, дно плоское. Заполнение – углистый слой с плотным скоплением кальцинированных костей. Внутри этого скопления найден небольшой фрагмент бронзовой спиральки (рис. 96: 2). Верхняя часть погребения снесена поздней распашкой.

Погребение 3. Остатки ямки в виде зольно-угольного пятна размерами 37 x 20 см, яйцевидной в плане

формы, толщиной 3–4 см, залегали на уровне материка. Пятно насыщено кальцинированными костями, здесь же найдены крупный фрагмент лепной керамики и капля расплавленной бронзы. Погребение сильно повреждено при распашке.

Погребение 4 (рис. 95). Пережженные кости, тщательно очищенные от углей, вероятно, промытые, располагались в грунтовой ямке правильной круглой формы диаметром 26–28 см, глубиной 8 см. Среди костей найдено несколько поврежденных огнем предметов: две крупные бронзовые спиральки и несколько мелких обломков от таких же, фрагменты бронзовых пластинок из тонкой фольги и обломок подвески (петелька) неопределимой формы (рис. 96: 3–10). Кроме этого, среди костей найдено около десятка мелких фрагментов лепной керамики, часть которых носит следы вторичного обжига. Обломки принадлежат нескольким разным сосудам.

Погребение 5 (рис. 95). Расположено в 20 см к западу-юго-западу от погребения 4, в грунтовой ямке диаметром 10 см, глубиной 8 см. Ее заполнение состоит из слабогумусированного песка с включением небольшого количества кальцинированных костей, тщательно очищенных от следов костра, среди которых найден фрагмент бронзовой спиральки.

Погребение 6 (рис. 95). Расположено в 20 см к югу-юго-западу от погребения 4, в грунтовой ямке овальной формы размерами 17 x 12 см, глубиной 6 см от верхнего края. Заполнение включает слабогумусированный песок с небольшим количеством пережженных костей, очищенных от углей.

Погребение 7 (рис. 95). Помещалось в ямке круглой формы диаметром 46–50 см. Дно ямки вогнутое, стенки прямые, глубина 14–15 см. Кости вперемешку с золой и угольками залегают внутри ямы двумя очень плотными скоплениями в верхней центральной части заполнения. Вне этих скоплений заполнение ямы слабогумусированное. Среди костей встречаются мелкие фрагменты лепной керамики со следами вторичного обжига на поверхности.

Погребение 8 (рис. 95). Располагалось внутри лепного сосуда (рис. 96: 24), стоявшего в нормальном положении в круглой ямке диаметром 18 см и глубиной около 20 см. Стенки ямки вертикальные, дно несколько вогнутое. Кости, не очищенные от следов погребального костра, помещались плотным скоплением внутри горшка и частично на дне ямки. Внутри урны, среди костей, найдены оплавленный фрагмент бронзовой спиральки и бронзовая проволочка (рис. 96: 13).

Погребение 9 (рис. 95). Яма погребения имеет неправильные округлые контуры, покатые стенки, плавно переходящие в уплощенное дно. Диаметр ямы 85–90 см, глубина 15–16 см от верхнего края. У северного края этой ямы, в пределах ее внешнего контура, имеется еще одна небольшая ямка, видимо столбовая, диаметром 20 см, глубиной до 10 см. Возможно, это следы столба, отмечавшего некогда место захоронения на поверхности. В верхнем горизонте

Табл. 2. Радиоуглеродные даты комплекса Фролы-Мосты (калибровка по программе OxCal v3.10).

№	Лаб. № образца	Паспорт образца	¹⁴ C возраст ВР	Калиброванная дата, AD	
				1σ	2σ
1	ЛЕ-5372	торф, обугл. дерево	1740 +/- 40	240 ... 350	170 ... 410
2	ЛЕ-5374	торф, обугл. дерево	1770 +/- 40	210 ... 340	130 ... 380
3	ЛЕ-5375	торф, обугл. дерево	1750 +/- 30	240 ... 335	210 ... 390
4	ЛЕ-5376	торф, обугл. дерево	1670 +/- 30	340 ... 415	250 ... 430
5	ЛЕ-5371	сер. пес., уг. дер. (пов.)	1560 +/- 40	430 ... 550	410 ... 590
6	ЛЕ-5373	сер. пес., свайка	590 +/- 50	420 ... 540	340 ... 590
7	ЛЕ-5429	мог., погр. 20, угли	1820 +/- 100	70 ... 330	40 ... 430
8	ЛЕ-4211	мастерская Мосты, дерево	1390 +/- 80	560 ... 770	430 ... 820
9	ЛЕ-4633	мастерская Мосты, дерево	1460 +/- 130	420 ... 680	250 ... 900
10	ЛЕ-4634	мастерская Мосты, дерево	1490 +/- 90	430 ... 650	350 ... 690
11	ЛЕ-5370a	стерильный торф	1010 +/- 40	980 ... 1150	900 ... 1160
12	ЛЕ-5370б	стерильный торф	1080 +/- 90	780 ... 1040	710 ... 1160

заполнения основной ямы отмечено зольно-угольное пятно, содержавшее отдельные мелкие косточки, развал придонной части крупного лепного сосуда и несколько обломков других сосудов, часть – со следами вторичного обжига. Рядом обнаружена миниатюрная пронизка из полупрозрачного голубого стекла в виде трубочки с перехватком на одном конце, второй конец обломан (рис. 96: 11). Не исключено, что эта пронизка попала в погребение случайно при засыпке ямы слоем селища. Верхняя часть заполнения ямы имеет интенсивно черный цвет, затеками проникающий вниз. Нижняя часть заполнения – желто-серая. С данным погребением связана находка железного ножа, обнаруженного воткнутым вертикально в землю на расстоянии 70 см к западу от края ямы (рис. 96: 12). Вероятно, это следы ритуальных действий.

Погребение 10. Кальцинированные кости залегают небольшим скоплением внутри углистого пятна диаметром 15–20 см и мощностью 3–4 см, а также рассеянно вокруг в радиусе до 40 см. Среди костей найдено несколько мелких обломков лепной керамики. Следов ямки не обнаружено. Возможно, мы имеем дело либо с поверхностным захоронением, либо с погребением, очень неглубоко зарытым или втоптаным в дерн.

Погребение 11 (рис. 95). Первоначально на поверхности мешаного слоя обозначилось круглое пятно черного цвета диаметром до 60 см, содержащее отдельные косточки и обломки керамики. Толщина пятна 2–3 см, почва под ним местами прокалена. После снятия этого пятна, под его южным краем, обнаружено погребение в грунтовой ямке. Размеры ямки – до 20 см в диаметре и 8 см в глубину. Кости залегают очень плотным скоплением, диаметр которого на 3–4 см меньше диаметра ямки. Видимо, кости были помещены в какую-то органическую емкость, которая не сохранилась. Кости очень сильно пережженные, не очищенные от сле-

дов погребального костра. Никаких находок в погребении нет.

Погребение 12. Располагалась в грунтовой ямке диаметром 23–26 см, глубиной 13 см от верхнего края. Яма имеет покатые стенки и уплощенное дно. Кости, не очищенные от следов костра и сильно пережженные, залежали внутри ямки несколькими плотными сгустками. Над верхним краем ямки они лежали как бы «горкой». Никаких находок, за исключением нескольких мелких фрагментов керамики, нет.

Погребение 13 (рис. 95). Располагалась в грунтовой ямке овальной формы размерами 28 x 20 см и глубиной 20 см. В разрезе ямка имеет округлую форму: ее устье меньше максимального диаметра, приходящегося на середину высоты, дно вогнутое. Возможно, кости находились в какой-то мягкой емкости, например в мешке. Кости слабо пережженные, не очищенные от угля. Среди них попадаются довольно крупные фрагменты и хорошо сохранившиеся зубы, куски черепа. Погребение отличается значительным сопроводительным инвентарем, состоящим из нескольких десятков обломков различных бронзовых изделий, пострадавших в огне (рис. 96: 14–20). Это обломки небольших и более крупных спиралек, фрагменты браслетов или височных колец из толстой проволоки круглого сечения, просто капли металла. Попадают и мелкие обломки керамики.

Погребение 14. Расположено в 40 см к юго-западу от погребения 13. Оно помещено в маленькую грунтовую ямку правильной и четкой круглой формы диаметром 10 см, глубиной 6 см. Ее заполнение – серая супесь с включением угольков и кальцинированных костей. Находок нет.

Погребение 15. Представляло собой компактное скопление крупных очищенных костей, размерами до 8–9 см в диаметре и 5–6 см толщиной, залегающее внутри углистой прослойки и частично на ее поверхности, не углубляясь в мешанный слой. Среди костей

найден несколько фрагментов керамики и железный гвоздик (рис. 90: 15), принадлежность которого погребению сомнительна. Возможно, что и сам изученный объект является не самостоятельным захоронением, а выбросом из кротовины, нарушившей одно из близлежащих погребений.

Погребение 16 (рис. 95). Расположено в грунтовой ямке яйцевидной в плане формы размерами 20 x 26 см, глубиной 14 см. Ямка имеет конусовидный профиль. Плотное скопление костей, лежащих вперемешку с угольками, на 1–2 см меньше диаметра ямки. Никаких находок, за исключением нескольких мелких фрагментов керамики и кусочка шлака, нет. Но в 20 см к юго-западу от погребения найден фрагмент оплавленной бронзовой проволоки, который, возможно, связан с данным объектом.

Погребение 17 (рис. 95). Размещалось в ямке диаметром 16 см и глубиной 15 см от верхнего уровня мешаного слоя. Ямка имеет круглую в плане, цилиндрическую форму. Кости не очищены от следов костра. Вперемешку с ними залегало несколько десятков мелких обломков бронзовой четырехгранной в сечении проволоки (скорее всего, от височных колец), обломок пластинчатого кольца (рис. 96: 21, 22), капли оплавленного металла, а также мелкие фрагменты керамики.

Погребение 18. Обнаружено при снятии мешаного слоя. Контуры ямы проследить не удалось, так как ее заполнение, видимо, ничем не отличалось от окружающего грунта. Внутри мешаного слоя во взвешенном состоянии залегали несколько крупных фрагментов венчика и стенок крупного лепного сосуда усеченно-конической формы (видимо, служившего урной), среди которых зафиксирована россыпь кальцинированных костей. Отдельные косточки встречались и вокруг, в радиусе до 20 см. Все они довольно крупные, плохо пережженные, тщательно очищенные от углей. Среди костей также обнаружены два крупных обломка железных шлаков и обломки трубчатой сырой кости животного.

Погребение 19. Сильно повреждено распашкой, вероятно, даже смещено со своего первоначального места. Погребение представляло собой два сгустка кальцинированных костей и отдельные косточки между ними, которые растащены вдоль края плужной борозды на протяжении метра. Кости мелкие, сильно пережженные, не очищенные от угля. Находок нет.

Погребение 20. Также повреждено распашкой, но под слоем пахоты удалось проследить остатки грунтовой ямки диаметром 16–17 см и глубиной 5 см. Кости мелкие, сильно пережженные, лежат вперемешку с крупными углями. В ямке находок не было, однако в 30 см к западу, в кротовине среди сгустка аналогичных по характеру костей найдено кольцо из массивного бронзового дрота круглого сечения (рис. 96: 23). Принадлежность его данному погребению наиболее вероятна.

Погребение 21. Обнаружено в материковой ямке овальной формы размерами 24 x 26 см и глубиной 8

см. Погребение было зафиксировано только после полного снятия мешаного слоя, при зачистке материка. Все кости очень крупные, слабо пережженные, очищенные от угля. Среди них есть фрагменты черепа, эпифизы, зуб крупного животного. Не исключено, что все кости принадлежали какому-то животному. Находок нет.

Для погребения 20 получена дата с большой погрешностью (Ле-5429, табл. 2), ее верхний предел с доверительным интервалом в две сигмы – до 430 года. Однако вероятно, образец угля старше момента совершения погребения и не может служить надежным основанием датировки последнего. Принимая во внимание датировку слоя шихты в траншее, краткое время возможного функционирования поселения на территории будущего могильника следует поместить в рамки всего V в. и начала VI в. Однако вероятно, что в эти же общие рамки укладывается и период могильника. С возникновением некрополя территория поселения значительно сокращается, оно смещается на западную половину террасы, вероятно, отделенную в древности оврагом или низменной западиной, слабо прослеживающейся и поныне.

7) Пржевальское, селище.

1) Смоленская обл., Демидовский р-н, пос. Пржевальское. 2) оз. Сапшо, сев. берег (– р. Ельша – р. Мёжа – р. Западная Двина); 4) [Шмидт 2003, табл. 45: 20–24].

Керамика слабопрофилированная, в том числе с расчесами.

8) Подосинки (Мочуры), селище (рис. 97–101).

1) Смоленская обл., Демидовский р-н, пос. Подосинки. 2) р. Ельша, левый берег (р. Мёжа – р. Западная Двина). 4) [Лопатин 1987-О]. Рис.: Н. В. Лопатин, Е. И. Телишев. Определения примесей в керамике: Н. В. Лопатин.

Расположено на пологом берегу реки. Обследовалось Е. А. Шмидтом в 1951 г., раскапывалось Н. В. Лопатиным в 1987 г. (раскоп 1 площадью 140 кв.м и раскоп 2 – 16 кв.м). Культурные слои оказались полностью перепаханными и во многих местах уничтожены вместе со слоем материка лесозаготовительными работами.

Найдены: серия глиняных биконических пряслиц и лепная керамика разного времени. Часть ее относится к стилю VI (рис. 99: 13; 100: 12, 13); представлена также поздняя лепная посуда типа 10 (рис. 98: 9, 11–14; 100: 11; 101: 5, 8, 9, 16). Последняя преобладала в раскопе 2, где вскрыт край углубленного в материк объекта этого времени. Ко второй четверти I тыс. н.э. относятся, очевидно, многочисленные фрагменты с расчесами (рис. 99: 1–9; 100: 4, 6, 10); с овальными налестками (рис. 100: 2; 101: 6), фрагменты миски с мелкой примесью, но грубой выделки (рис. 98: 1), цилиндрико-конического сосудика (рис. 100: 7). Венчик со штри-

ховкой (рис. 100: 9) относится к типу 1а и соответственно к стилю V.

9) Заболонье, селище (рис. 102, 103).

1) Смоленская обл., Велижский р-н, д. Заболонье, в 0,5 км к ЮЗ от деревни. 2) р. Сертея, правый берег (р. Сертея – 3. Двина). 3) Коллекции: ГЭ, ОАВЕС, оп.хр. 247-6 (1986 г.) и 256-5 (1987 г.); 4) [Мазуркевич 1986-О; 1987-О]. Рис. и определения примесей в керамике: Н. В. Лопатин.

Изучалось В. И. Михайловым, Б. С. Короткевичем, А. Н. Мазуркевичем (СЗАЭ). Среди подъемного материала и находок в раскопе, помимо материалов эпох неолита – обломки сосудов с примесью крупной дресвы, определенно относящихся ко второй четверти I тыс. н.э.: фрагмент отогнутого венчика с ногтевыми вдавлениями (рис. 103: 1), фрагмент венчика с налепным валиком и насечками по краю и по валику (рис. 103: 2), фрагменты слабопрофилированных сосудов (рис. 103: 3–6). Те экземпляры, сохранность которых позволяет судить о пропорциях верхней части, имеют расширение в верхней трети (рис. 103: 3, 5, 6) и могут быть отнесены к типам 2б (рис. 103: 5) и 2а (рис. 103: 6), т. е. к стилю VБ. Найдено скопление фрагментов крупного толстостенного сосуда с расчесами, нанесенными зубчатой щепкой (?) по внешней, внутренней поверхности и краю (рис. 103: 6); в некоторых случаях эти расчесы перекрещиваются, образуя подобие ромбической композиции. Все перечисленные признаки находят прямые параллели на поселении Абидня.

В коллекции имеются обломки предметов с бортиком из глины без видимых примесей, округлой и прямоугольной в плане формы (рис. 102: 2, 3).

10) Орляки, местонахождение.

1) Смоленская обл., Велижский р-н, Будницкий с/с, д. Орляки, в 0,3 км к СЗ от деревни; 2) правый берег Западной Двины. 3) Коллекции: ГЭ, ОАВЕС. 4) Публикация материалов: [Фурасьев 2002].

Обнаружено в 1995 г. А. Г. Фурасьевым и И. И. Еремеевым. Непосредственно на берегу реки, у обреза воды собрано большое количество лепной керамики, в том числе фрагмент с расчесами.

Зона распространения находок вытянута по береговой песчаной отмели на небольшой излучине правого берега Западной Двины на расстояние около 150 м. Максимальная ширина отмели от края высокого (8 м) коренного берега до уреза воды составляет 40–50 м. Фрагменты керамики найдены как на берегу, в песке, так и в воде. Вся керамика вполне однотипна (исключение составляют лишь фрагменты круговой древнерусской керамики, найденные здесь же), сформована из одинаковой массы. Это позволяет говорить о том, что она составляет единую коллекцию, происходящую с одного памятника, характер которого не ясен. Вероятно, в этом месте не так давно течением реки была размыва небольшая пойменная часть берега.

Керамика имеет цвет от желто-серого до темно-коричневого, с примесью дресвы, плотное, черепок в изломе однослойный. Исходя из предположения авторов исследования об однородности материала, весь набор должен по фрагменту с расчесом относиться ко 2-й четверти I тыс. н.э.

11) Каменная Лава, селище.

1) Псковская обл., Усвяцкий р-н, Церковищенский с/с, д. Турное, напротив деревни. 2) левый берег р. Каменная Лава (– оз. Ордосно – р. Усвяча – 3. Двина). 3) Коллекции: ГЭ, ОАВЕС, инв. № 2675. 4) [Минасян 1969-О; Лопатин, Фурасьев 1994; публикация материалов: Фурасьев 2002].

Раскопки Р. С. Минасяна (1969 г.). Селище расположено на берегу р. Каменная Лава при ее впадении в озеро Ордосно.

В результате раскопок на нем выяснилось, что культурный слой мощностью 0,7–1,0 м сосредоточен на участке около 15 x 50 м у подножия берега. Под почвенно-растительным слоем толщиной 0,3 м залегает собственно культурный слой, содержащий находки. Он однороден и не имеет никаких прослоек, возможно, переотложен. Материк никаких следов обживания не имел.

Вся керамика, за исключением двух-трех средневековых круговых фрагментов, лепная. В формовочной массе примесь крупной дресвы, до 8–9 мм в поперечнике. В некоторых случаях в качестве отщипителя использовалась не дробленая дресва, а мелкий окатанный гравий. Поверхность тщательно заглажена, однако не исключено, что это следствие окатанности черепков. Край венчика, как правило, закруглен, реже оформлен дополнительным утолщением, как бы наплывом снаружи, в одном случае непосредственно под венчиком видны следы трех глубоких пальцевых вдавлений. Наличествуют фрагменты с расчесами и обломок плечика чернолощеного сосуда.

Найдены железные шлаки и крицы, обломки глиняных льячек, биконическое пряслице с широким отверстием и тщательно заглаженной поверхностью (рис. 25: 4), обломок массивного глиняного грузила, железный предмет трапециевидной формы, бронзовое височное кольцо из четырехгранной в сечении проволоки с завитком на одном конце и небольшим утолщением на другом (рис. 25: 2) и синяя стеклянная бусина кубической формы. По керамике с расчесами и чернолощеной относится ко 2-й четверти I тыс. н.э.

12) Узмень, селище и грунтовый могильник (рис. 104–130).

1) Псковская обл., Усвяцкий р-н, п.г.т. Усвяты. 2) оз. Узмень (– оз. Усвятское – р. Усвяча – 3. Двина). 3) Коллекции: ГЭ, ОАВЕС, оп.хр. 130, 134, 166. 4) [Минасян 1972; 1979; Микляев 1988-О]. Рисунки и определения примесей в керамике: Н. В. Лопатин, А. Г. Фурасьев.

Раскопки Р. С. Минасяна, затем А. М. Микляева и А. М. Мазуркевича (1988 г.). В 1988 г. снят инструментальный топоплан памятника (рис. 104). В результате раскопок селища собран обширный набор находок (рис. 104–107), а также один из наиболее представительных для всего культурного круга Заозерье-Узмень керамический комплекс. К данной публикации проведена новая работа с коллекцией. В первую очередь по возможности полно представлены керамические материалы (рис. 108–130), которые до сих пор публиковались в ограниченном объеме. Керамика поселения Узмень характеризуется разнообразием форм (стили IV, V, VI, VII, VIII). В них прослеживаются как элементы разных традиций киевской культуры (верхнеднепровского и деснинского вариантов) и наследия днепро-двинской культуры (стиль II-Б, см. с. 27, ср. рис. 8: 7 и 111), так и истоки разных линий дальнейшего развития керамики культуры псковских длинных курганов (см. с. 103). Имеется представительная серия фрагментов стиля VIII, диагностируемых как по наличию ребра, так и по улучшенному качеству (мелкая примесь, выглаженная поверхность). Есть немногочисленные фрагменты лощеной керамики (рис. 128: 4; 129: 5). Присутствует один фрагмент с расчесами гребнем (рис. 110: 2). Примесь в формовочной массе – почти исключительно дресва, но встречается шамот, гравий и лимонит (железная руда).

В грунтовом могильнике раскопано 34 погребения (их описание и антропологическое определение опубликовано [Минсян 1979]). Кальцинированные кости, в большинстве случаев вперемешку с угольками, находились в ямках близкой к округлой формы. Погребения повреждены (а некоторые полностью разрушены) распашкой. Шесть погребений были урновыми (от урн сохранились придонные части). В погребении 1 был также накрывающий сосуд, от которого сохранилась верхняя часть – рис. 130: 1), в 10 погребениях обнаружены фрагменты керамики, относимые к погребальному инвентарю, в семи случаях среди останков найдены иные предметы инвентаря.

Датировки находок позволяют отнести памятник в целом к позднееримскому времени (см. раздел о хронологии).

13) Каспля, селище.

1) Смоленская обл., с. Каспля 2) р. Каспля, правый берег (– 3. Двина). 4) [Шмидт 2003, табл. 12: 2, 3, 44: 1–6].

Керамика слабопрофилированная, в том числе с расчесами. Находки – два железных ножа с прямыми спинками.

14) Алфимово, селище.

1) Смоленская обл., д. Алфимово; 2) р. Каспля, правый берег (– 3. Двина). 4) [Шмидт 2003, табл. 44: 7–18].

Керамика слабопрофилированная, в том числе с расчесами.

15) Кислые, 2 селища.

1) Смоленская обл., Смоленский р-н, Бабновский с/с 2) р. Жереспея, правый берег (– р. Каспля – 3. Двина). 4) [Шмидт 1968, с. 63, 64; 1976, с. 215, 216; Шмидт 2003, табл. 31, 32].

При раскопках Е. А. Шмидта в 1968 г. обнаружены остатки двух наземных столбовых построек с очагами, хозяйственные ямы. Среди находок – костяной одночастный гребень (рис. 26: 8), стамесковидное орудие, ножи, серпы, пряслица. Керамика главным образом слабопрофилированная, судя по опубликованным фрагментам – типов 3, 4, P2 и P3. Есть фрагменты с перекрещивающимися прочерчиваниями и лощеные ребристые. На прилегающей территории выявлены грунтовые безынвентарные трупосожжения. На культурном слое насыпаны курганы конца I тыс. н.э.

16) Холм, селище (рис. 131).

1) Смоленская обл., Демидовский р-н, Пересудовский с/с, в 0,2 км к ЮЗ от с. Холм; 2) р. Свадица (– оз. Акатовское – р. Каспля – 3. Двина). 4) [Лопатин 1987-О].

Занимает оконечность пологого мыса коренного берега. Шурф в нижней части территории памятника показал наличие аморфного культурного слоя толщиной до 0,55 м. Собрана керамика слабопрофилированная и с ребром, украшенная расчесами.

17) Дроково, селище.

1) Смоленская обл., Демидовский р-н, Пересудовский с/с, д. Дроково; 2) оз. Акатовское, сев. берег (– р. Каспля – 3. Двина); 4) [Шмидт 2003, табл. 33].

Среди керамики – фрагменты с расчесами и прочерчиваниями, а также лощеные ребристые.

18) Шугайлово, селище.

1) Смоленская обл., Демидовский р-н, Заходский с/с, в 1,5 км к Ю от д. Шугайлово; 2) р. Саченка, правый берег (– р. Половка – р. Каспля – 3. Двина). 4) [Шмидт 1969, с. 64; 1976; 2003, с. 256, табл. 29: 5; 1967-О, Шмидт 2003, табл. 29, 30].

Исследовалось Е. А. Шмидтом. Среди разнообразных находок – керамика с расчесами, посоховидная булава, височные кольца, несколько ножей, серпов, железная шпора и бронзовая прогнутая подвязная фибула позднееримского времени (рис. 26: 2).

19) Никасицы, селище.

1) Смоленская обл., Демидовский р-н, д. Никасицы; 2) р. Половка (– р. Каспля – 3. Двина). 4) [Шмидт 2003, табл. 45: 18, 19].

Среди керамики – фрагмент с расчесами.

20) Микулино, селище.

1) Смоленская обл., Руднянский р-н, Микулинский с/с; 2) ручей (– оз. Рутавечь – р. Каспля – р. Западная Двина). 4) [Шмидт 1999б; 2003, табл. 40–43; Шмидт 1981-О].

В раскопе площадью 6 x 6 м исследована часть углубленной постройки, интерпретированной как жилище. Ширина 4 м, по длинной оси уходила за пределы раскопа, дно покатое, глубина в материке разная, до 0,5 м. Выше дна в заполнении на одном уровне найдено «скопление дресвы» (остатки очага?) и скопление фрагментов керамики. Из заполнения сооружения происходит керамика трех видов – слабопрофилированная днепро-двинской культуры, профилированная среднетушемлинская и слабопрофилированная «тушемлинских типов», в том числе с расчесами гребнем. Автор полагает, что все эти виды бытовали одновременно [Шмидт 1999б, с. 39]. Судя по публикации, керамика с расчесами относится в основном к типу 26.

21) Заозерье, селище.

1) Смоленская обл., Руднянский р-н, Микулинский сельсовет, д. Заозерье, в 0,5 км к СЗ от деревни. 2) Бассейн Западной Двины: левый берег р. Рутаветч (– р. Каспля – З. Двина). 3) Коллекция: Смоленский МЗ [СМЗ 26179, 26632, 26634]. 4) [Шмидт 1969; 1972; 1994; Шмидт 1982–1986-О; частичная публикация материалов: Лопатин, Шмидт 2002].

Селище обнаружено и изучалось при раскопках курганного могильника, относящегося к двум периодам – VIII–X вв. (культура смоленских длинных курганов) и XI–XIII вв. (Древняя Русь). Курганы раскапывались с перерывами в 1957–1989 гг. (с 1979 по 1986 гг. ежегодно). Почти во всех насыпях в переотложенном состоянии обнаружены поселенческие материалы, относящиеся к разным эпохам (неолит, бронза, середина I тыс. н.э., VIII–X вв. н.э.). Культурный слой был перекопан при насыпании курганов; нетронутые участки его сохранились под некоторыми насыпями, а также на периферии некрополя. Протяженность вдоль берега реки – около 300 м начиная от ее истока из озера, ширина – до 75 м.

Поселения разных хронологических периодов, предшествовавших насыпанию курганов, занимали разные участки территории могильника. Сравнение материалов из насыпей удаленных участков показывает существенную разницу материалов поселения, попавших в насыпи и происходящих из участков культурного слоя под курганами. Сравнивались материалы из западного участка селища (компактно расположенные курганы 9, 11, 15, 23, 24 [Лопатин, Шмидт 2002]) и восточного участка (курган 52, материалы готовятся к публикации в серии «Раннеславянский мир»).

На западном участке селища обнаружен довольно однородный (за исключением материалов эпохи неолита – бронзы) набор находок, включающий керамику с расчесами (рис. 3: 1, 4–6; 16: 8; 22: 1). Стилистически к керамике с расчесами примыкает керамика с прочерчиваниями острием. Кроме горшкообразных сосудов стилей V (рис. 14: 6; 22: 1, 7), VI (рис. 16: 4, 8; 17: 1, 9) и VII (рис. 18: 6–8) встречены фрагменты тонкостенной полусферической

миски грубой выделки с дресвой до 3 мм (относительно мелкая); а также глиняного диска диаметром 14 см. Встречаются фрагменты небольших лощеных сосудов. Керамика с расчесами составляет 17% набора (подробнее см. с. 24, рис. 7). В целом, несмотря на несколько сомнительных экземпляров, в данном наборе нет явных инородных элементов. Дату (IV в.) дает прогнутая подвязная железная фибула с бронзовыми наконечниками оси пружины (рис. 25: 12). Кроме нее, здесь же найден ряд других предметов, в том числе фрагменты трех плоских биконических пряслиц с широким отверстием (рис. 25: 13–15, первые два из которых – лощеные), глиняные грузила (рис. 25: 16).

Восточный участок (район кургана 52) дает совершенно иную картину. Здесь отчетливо выделяется несколько культурно-хронологических групп материалов. 1-я группа – стиль IX (культура смоленско-полоцких длинных курганов). 2-я группа – стиль IIА, днепро-двинская культура эпохи раннего железа (рис. 8: 4). 3-я группа – различные ребристые сосуды (рис. 22: 13; 23: 14–16), часть которых принадлежит к стилю VIII, в том числе по признакам улучшенной выделки и характерному оформлению ребер в виде оттянутых валиков. 4-я группа – прямые венчики, незначительно варьирующие по признаку наклона и отгиба края. Не менее половины их также относятся к стилю VIII, остальные – к стилю VI (типы 3б и 4а). 5-я группа – хорошо представленный тип 11. Керамика с расчесами составляет менее 1% (подробнее см. с. 24, рис. 7); лощеные фрагменты единичны. Если группы с 3-й по 5-ю одновременны, такой комплекс (в который входят более редкие типы 2 и 9) в наибольшей мере напоминает тип Узмень.

Белорусская часть бассейна Западной Двины

22) Вышедки, городище.

1) Витебская обл., Городокский р-н, д. Вышедки (бел. Вышадкі), в 0,25 км к ЮВ; 2) берег оз. Вышадского (– р. Овсянка – р. Усвяча – З. Двина). 4) [Шадыро 2005а, с. 73–81, мал. 5].

При раскопках В. И. Шадыро в 1991, 1995, 1996 гг. обнаружены материалы днепро-двинской культуры (рубежа н.э. и позднее), прослеживается влияние культуры штрихованной керамики, найдена керамика местных форм с «упорядоченной штриховкой соломой или штампом». На рисунках представлен ряд фрагментов с перекрещивающимися расчесами гребнем (мал. 5: 5–7, 10, 11, 17), хотя, по мнению автора раскопок, «расчесы классического характера» не зафиксированы. Среди находок – битрапецидные глиняные пряслица с широким отверстием, керамика подлощенная, а также типа Банцеровщины-Тушемли.

23) Старое Село, городище.

1) Витебская обл., Витебский р-н, д. Старое Село, в 2,5 км к Ю; 2) р. Западная Двина, правый берег; 4) [Подгурский 2002, с. 173–175].

Комплекс из городища, селища и курганного могильника известен еще по работам А. Н. Лявданского. С территории селища происходит керамика третьей четверти I тыс. н.э.

При раскопках П. Н. Подгурского в 2000 г., помимо материалов раннего железного века (керамика типичная днепро-двинской культуры и штрихованная), обнаружены представительные находки середины – третьей четверти I тыс. н.э., в том числе слабопрофилированная неорнаментированная керамика, а также единичные фрагменты керамики с расчесами.

24) Бураково, городище и селище (рис. 132–137).

1) Витебская обл., Городокский р-н, Бескатовский сельсовет, д. Новый Болецк (бел. Новы Болецк), в 3 км к СЗ от деревни, у бывшей д. Бураково. 2) р. (– р. Усыса – р. Оболь – З. Двина). 3) Коллекция: Фонды Отделов археологии ИИ АНРБ. 4) [Шут 1964-О; 1965-О; 1966-О (опись за три года); Левко, Шадыро 1993]. Рис. и определения примесей в керамике верхнего горизонта городища и селища: Н. В. Лопатин. В шифрах – квадрат, пласт и номер по описи.

Оба памятника открыты А. Н. Лявданским и К. М. Поликарповичем в 1934 г. К. П. Шут провел раскопки на городище в 1964–1965 гг. (соответственно 32 кв. м, 100 кв. м, 16 кв. м) и селище (1966 г., 36 кв. м). В 1988 г. В. И. Шадыро раскопал еще 92 кв. м на городище. Городище располагается на возвышенности высотой 20 м среди лесистой заболоченной местности. Площадка размерами 45 x 30 м с северной стороны укреплена валами и рвами (рис. 132: 1).

Основная часть культурного слоя городища относится к днепро-двинской культуре раннего железного века. Керамика этого времени принадлежит к стилю II (рис. 134). Материалы второй четверти – середины I тыс. н.э. выделяются более своими внешними признаками, чем стратиграфически, хотя и тяготеют к верхней части культурного слоя. Кроме того, их паспорта показывают, что они концентрировались локально – в квадратах юго-восточной части раскопа (22, 24а, 29, 31) – на краю площадки (рис. 132: 1, 2). Эта группа толстостенной керамики имеет признаки принадлежности к стилю V: типы 2б (рис. 133: 6), P-1 (рис. 133: 7, 8; 137: 2), расчесы гребнем (рис. 2: 4; 3: 3; 132: 4, 5; 133: 3).

Отдельного анализа требует фрагмент типа P1а (рис. 133: 5), имеющий очень грубую поверхность и штриховку, вероятно, нанесенную зазубренной щепкой – в верхней части горизонтально, а ниже ребра – по косой. Этот экземпляр нельзя признать типичным для культуры поздней штрихованной керамики (несмотря на наличие ребра и штриховки), поскольку он не выбивается из набора толстостенной керамики городища Бураково, которая не имеет ни штриховки, ни характерной для «штриховиков» орнаментации по

ребру. Можно предполагать здесь проявление отдельных элементов наследия этой культуры: налицо аналогия с известным экземпляром из городища Занюстье [Станкевич 1960, с. 80: рис. 59; с. 185, табл. XIII: 1, 2]) и материалами ряда других памятников, где прослеживается проникновение элементов культуры поздней штрихованной керамики на северо-восток [Колосовский 1995; Колосовский, Шарковская 2003, рис. 5: 3; Левко, Колосовский 2003, рис. 10: 2].

Небольшой керамический комплекс верхнего горизонта городища Бураково, возможно, представляет собой вариант типа Заозерье со значительной долей ребристой керамики.

Открытое поселение середины – третьей четверти I тыс. н.э. находилось к югу от городища. Площадь 40 x 60 м. На селище, помимо грубой гладкостенной керамики, найдены железная коса и биконическое пряслице (рис. 136). Селище уничтожено в 1987 г. Среди керамики есть немногочисленные экземпляры стиля V (рис. 135: 7) или дериваты ребристых форм этого стиля (рис. 137: 5): для классических форм типа P-1 расширенные пропорции нижней части нехарактерны. Более обычна керамика стиля VI (рис. 135: 1–6, 11). Совсем нет расчесов. Таким образом, заметна разница керамических наборов селища и верхнего горизонта городища, которая представляется хронологической (селище относится к типу Банцеровщина и моложе городища).

25) Городок (Луговое), селище.

1) Витебская обл., г. Городок (бел. Гарадок), на ЮЗ окраине; 2) р. Горожанка (– оз. Луговое – р. Усыса – р. Оболь – З. Двина). 3) Коллекция: Фонды Отделов археологии ИИ АНРБ. 4) [Левко 1990; 2003; Левко, Колосовский 1990, с. 57–59].

Раскопки О. Н. Левко и Ю. В. Колосовского 1986, 1988–1989 гг. (570 кв. м). Селище занимает мыс первой и частично второй надпойменной террасы вдоль правого берега реки. В культурном слое мощностью 0,6–1,0 м выявлено три стратиграфических горизонта с тенденцией тяготения разных групп керамики к каждому из них. Верхний слой содержал керамику позднего средневековья, древнерусскую и лепную, средний (насыщенный углями) – лепную гладкостенную и частично с расчесами, нижний (светло-серый, сохранившийся отдельными участками) – преимущественно керамику с расчесами. Очевидно, данная тенденция соответствует смене керамических стилей со временем. В нижнем слое найдена стеклянная спиралевидная бусина середины III – 1-й трети IV в., в среднем слое – ряд предметов третьей четверти I тыс. н.э. Доля керамики с расчесами весьма значительна (несмотря на наличие горизонта с лепной керамикой совсем без расчесов): по подсчетам авторов раскопок, 451 фрагмент против 1414 без декора.

Гладкостенная посуда среднего слоя сохраняет морфологические особенности, характер примесей и выделки, свойственные керамике нижнего слоя (с расчесами и гладкостенной). Ознакомление с частью

коллекции и публикациями материалов показывает, что различия в формах керамики с расчесами и гладкостенной имеются. Среди фрагментов с расчесами обычны такие, у которых заметна профилировка близко к верхнему краю, т.е. в верхней трети высоты. Это свидетельствует о принадлежности сосудов к типам 1а, 1б (рис. 14: 1, 4), Р-1 (рис. 22: 4, 8), 7 (рис. 18: 11). Среди керамики с декором есть экземпляры, имеющие следы «нерегулярного гребня», в том числе в сочетании с вдавлениями «тупым лезвием» по венчику, и штриховку. Авторы раскопок отмечают 24 фрагмента штрихованной керамики. Все эти архаичные элементы декора – признаки типа Абидня.

Для гладкостенной характерны типы стиля VI – 3 (рис. 16: 3, 6) и 4 (рис. 17: 2; 49: 16, 20, 21); формы стилей V (рис. 22: 14) и VII (рис. 19: 1; 49: 18, 19) более редки. Данный набор наиболее правильно отнести к типу Банцеровщина 3-й четв. I тыс.

26) Казиново, городище и селище.

1) Витебская обл., Городокский р-н, д. Казиново (бел. Казінова), в 1 км к З; 2) р. Усыса, левый берег (– р. Оболь – З. Двина). 3) Коллекции: Фонды Отделов археологии ИИ АНРБ. 4) [Шут 1964-О; Колосовский, Штыхов 2005].

К. П. Шут нашел значительное количество слабопрофилированной керамики, в числе которой была украшенная расчесами, в обрушенной карьере части культурного слоя; в раскопе найдены почти исключительно материалы днепро-двинской культуры. Позднее исследовали Г. В. Штыхов (1975) и О. Н. Левко (1990). Выяснено, что толстостенная керамика, в том числе с расчесами (рис. 17: 8), залегала в слое выше, чем основная масса материалов днепро-двинской культуры.

На прилегающем селище найдена керамика слабопрофилированная без декора, типов 3, 4, 8 (рис. 49: 14, 15) – вероятно, тип Банцеровщина.

27) Клишино, городище.

1) Минская обл., Крупский р-н, д. Клишино и Яновщина (бел. Клішына, Янаушчына); 2) оз. Сеява (– р. Лукомка – р. Улла – З. Двина); 4) [Шадыро 2004, с. 115–125, мал. 8: 1–3; 2005б, с. 230–231].

При раскопках В. И. Шадыро обнаружены материалы культур днепро-двинской, штрихованной керамики и «банцеровско-тушемлинского круга». Керамика с расчесами, по подсчетам автора раскопок, составляет 1–4%.

28) Обузерьье, селище (рис. 146).

1) Витебская обл., Чашникский р-н, д. Обузерьье; 2) оз. Лукомльское, вост. берег (– р. Лукомка – р. Улла – З. Двина).

При случайных обстоятельствах в подмываемом берегу озера, в темном культурном слое, местным жителем найдены фрагменты керамики с расчесами, в том числе слегка отогнутый венчик.

29) Новое Село, городище.

1) Витебская обл., Сенненский р-н, д. Новое Село; 2) р. Свечанка, правый берег (– р. Улла – З. Двина); 4) [Подгурский 2003, с. 466–468].

При раскопках П. Н. Подгурского в 2002 г. обнаружены материалы как днепро-двинской культуры, так и типа Заозерье, в том числе развалы сосудов типа 7 (рис. 18: 12, 13), глиняные битрапецидные пряслица, ножи с прямой спинкой, фрагмент сошника. Поздний комплекс не выделяется стратиграфически, но приурочен к верхнему пласту культурного слоя. Его дату дает находка спиральной стеклянной бусины (рис. 25: 13) – середина III – первая треть IV в. н.э.

30) Замошье, городище

1) Витебская обл., Сенненский р-н, д. Замошье (бел. Замошша); 2) р. Свечанка, правый берег (– р. Улла – З. Двина); 4) [Подгурский 2003, с. 466–467].

При раскопках П. Н. Подгурского в 2002 г. обнаружены материалы днепро-двинской культуры и типа Заозерье (III–IV вв. н.э.), в том числе керамика с расчесами, а также, возможно, материалы 3-й четверти I тыс. н.э. Вероятно, к периоду типа Заозерье относятся железные предметы: долотовидное кресало, ножи, фрагмент шпоры с коническим шипом и загнутыми концами, фрагмент железной пряжки с овальной рамкой, а также бронзовая посоховидная булавка, глиняные битрапецидные пряслица.

31) Заговалино, городище (рис. 139, 140).

1) Витебская обл., Ушачский р-н, д. Заговалино (бел. Загаваліна), в 1 км к З; 2) (– З. Двина). 4) [Шут 1966-О].

Занимает высокий холм, площадка 40 x 30 м. Раскопано 200 кв. м. В нижнем слое – материалы днепро-двинской культуры (рис. 140), в верхнем – лепная толстостенная слабопрофилированная керамика, которая, судя по рисункам из отчета, в основном относится к стилю VI (рис. 139: 6–11, 13–17). Найдены фрагменты с расчесами (рис. 139: 5).

32) Черствяды, селище.

1) Витебская обл., Ушачский р-н, с. Черствяды 2) протока, лев. бер. (– р. Туровлянка – З. Двина). 4) [Климаў 2004-О, с. 22].

Селище вытянуто вдоль берега, размеры 60 x 95 м, лепная керамика с расчесами и банцеровская, а также XI–XVII вв.

33) Двор Гомель, селище (рис. 138: 8, 9).

1) Витебская обл., Полоцкий р-н, д. Двор Гомель. 2) оз. Гомель, вост. бер. (– р. Туровлянка – З. Двина). 4) [Климаў 1997-О].

При разведках найдена керамика с расчесами, в том числе фрагмент сосуда типа 1(б), украшенный расчесами по внешней поверхности и по верхнему краю. Найдена также керамика «банцеровского типа» и железная шпора с коническим шипом и крючками.

34) Бельчица, селище.

1) Витебская обл., Полоцкий р-н, в 4–5 км к югу от Софийского собора г. Полоцка, в 1 км южнее д. Бельчица (бел. Бельчыца). 2) правый берег р. Бельчицы (левый приток З. Двины). 3) Коллекция: Фонды ОА ИИ АНБ (шифры «Бель 65» и «Бельч.к.11»). 4) [Лявданский 1930б, с. 161–173; Штыхов 1965-О; Штыхов 1992, с. 57, 145; публикация материалов: Лопатин, Штыхов 2002].

В 1928 г. А. Н. Лявданский и С. А. Дубинский раскопали 9 курганов X–XII вв., а также зафиксировали следы селища. Три из раскопанных ими курганов (7, 8, 9) находились на территории селища. Всего в 1928 г. было найдено 60 фрагментов керамики (в т.ч. 6 венчиков), относящейся к селищу.

В 1965 г. Г. В. Штыхов исследовал курган 11 (по нумерации А. Н. Лявданского). Под насыпью сохранился участок культурного слоя селища середины I тыс. н.э. мощностью 0,2–0,5 м. Он был насыщен керамикой, скопление которой располагалось в северо-западном секторе кургана. Материалы поселения найдены также в насыпи. К настоящему времени археологические памятники на этом месте уничтожены.

Вся керамика однородна: лепная, грубая, с примесью дресвы. Дресва крупная: наибольший размер ее частиц в глине, как правило, 5–8 мм в поперечнике. Цвет черепков светло-коричневый, серо-коричневый, серо-желтый, реже темно-серый. Всего в коллекции насчитывается 136 фрагментов (в том числе 28 венчиков и 4 донца). Из этого числа 15 (в том числе 2 венчика) несут следы расчесов гребенчатым штампом по сырой глине. Судя по небольшим фрагментам венчиков, по крайней мере часть их относилась к типам 1(а) и 7 (рис. 18: 4). Встречено два фрагмента мисок. Обращает на себя внимание серия венчиков, имеющих уплощенный и слегка расширенный верхний край. Кроме керамики, в культурном слое найдены: обломок глиняного чернолощеного биконического пряслица (рис. 25: 5), бронзовое височное кольцо из проволоки ромбического сечения с завернутым наружу концом (рис. 25: 1) и др.

Рядом находились остатки еще одного кургана, где под дерном было найдено небольшое количество лепной керамики, в том числе с расчесами, а также бляшка от ремня с заклепкой.

35) Недружно, городище.

1) Витебская обл., Полоцкий р-н, Малоситенский с/с, д. Недружно, в 2 км к западу. 2) р. Полота (– З. Двина). 4) [Подгурский, 2004-О, с. 16, 48].

Найдено 15 фрагментов лепной керамики, в том числе 1 фрагмент с расчесами (штамп в 10 зубцов) и подлощенное биконическое пряслице (высота 1,2 мм, диаметр 2,9, диаметр отверстия 1,0).

36) Горовые, селище.

1) Витебская обл., Полоцкий р-н, д. Горовые (бел. Гаравья), в 0,5 км к СВ; 2) р. Западная Двина. 4) [Штыхов 1992, с. 59, рис. 38: 3; с. 114].

На территории могильника с круглыми и длинными курганами 3-й четверти I тыс. н.э., рядом с курганом 22, В. А. Булкиным в 1980 г. найдены десятки фрагментов лепного горшка с расчесами. Судя по опубликованному рисунку фрагментов, горшок имел плавный слегка отогнутый венчик.

37) Вороничи, селище (рис. 138: 10).

1) Витебская обл., Полоцкий р-н, с. Вороничи (бел. Варонічы). 2) оз. Воронец (расширение р. Ушачи, лев. бер. – З. Двина). 3) Фонды ОА ИИ АНРБ. 4) [Климаў 1999-О, с. 31].

Собрана лепная керамика, в том числе с расчесами, и круговая.

38) Рудня, селище (рис. 141).

1) Витебская обл., Полоцкий р-н, между дд. Рудня и Салатки. 2) р. Ушача (– З. Двина). 4) [Лявданский 1930б, с. 179, 180, 196]

При раскопках курганов 4-й четверти I тыс. А. Н. Лявданский в 1928 г. обнаружил в насыпях и под ними материалы селища – фрагменты лепной слабопрофилированной керамики с примесью крупной дресвы. Эти находки происходили из курганов 1–7, 11–13, компактно расположенных на более низком мысу, вдающемся в пойму (рис. 141: 1, западный мыс). В публикации приведены достаточно показательные фотографии и рисунки керамики, а также описания декора и размеров (диаметры горла сосудов 13–20 см, а сосуда на рис. 141: 2 – около 40 см при толщине стенок 1,5 см). Формы в совокупности с видами декора – расчесы (рис. 141: 6), штриховка (рис. 141: 3, 7, 8) и насечки по венчику (рис. 141: 5) – относят весь набор к стилю ВВ.

39) Двор Хоттевичи, селище.

1) Витебская обл., Полоцкий р-н, д. Двор Хоттевичи (бел. Двор Хотцевічы), в 1 км к северу. 2) оз. Навлица, восточный берег (– р. – З. Двина). 4) [Климаў 1996-О, с. 12].

Селище вытянуто вдоль берега, размеры 200 x 110 м, собрана керамика – лепная, в том числе с расчесами, и круговая.

40) Повалишино, курганный могильник и, вероятно, селище.

1) Витебская обл., Россонский р-н, Янковичский сельсовет, в 2 км к востоку от д. Янковичи (бел. Янқавічы), у бывшей деревни Повалишино. 2) левый берег р. Дриссы (– Западная Двина). 3) Коллекция: Отделы археологии ИИ АНРБ. 4) [Штыхов, 1968-О, 1970-О; 1992, с. 23–25, 28, 29, 109–112; 1999а; 1999б].

Курганы исследовались Г. В. Штыховым, открывшим памятник в 1967 г. Могильник включал 11 насыпей, в т.ч. одну удлиненную (№ 3), остальные круглые. В 1968 г. раскопано три кургана, в 1970 г. – четыре. В курганах 1, 2, 7 найдено по одному погребению, в курганах 3 и 4 – по два. Все они совершены по обряду трупосожжения на стороне.

Курган 1 (диаметр 10 м, высота 1,5 м). Насыпан из желтого песка. Окружен ровиком. На материке – зольно-угольная прослойка. На ней в северо-восточной четверти насыпи найдено два лепных черепка. Погребение 1: у края насыпи на материке – кучка пережженных костей (около 200 г).

Курган 2 (диаметр 8 м, высота 0,8 м). С трех сторон ровики. По всей площади подошвы – зольно-угольный и темный гумусированный грунт. Ближе к центру ямка диаметром 50 см, глубиной 40 см. В ней найдены небольшие обломки лепного горшка типа Р-1 с расчесами (рис. 22: 2). Погребение 1, в ямке диаметром 30 см, глубиной 20 см, между краем и центром насыпи – кучка сильно пережженных костей и два обломка бронзовых изделий, возможно, височных колец.

Курган 3. Он был насыпан на небольшой естественной гряде, имел удлиненную форму, размеры 12 x 7 м при высоте 0,6–0,8 м. Вокруг насыпи прослеживался ровик. Изучение стратиграфии показало, что курган был сооружен в два этапа; более древней частью оказалась южная. Погребение 1 связано с поздней досыпкой. Оно, вероятно, было парное, поскольку состояло из двух частей-комплексов, расположенных в 1 м друг от друга на одном уровне, приблизительно в центре насыпи (имея в виду ее окончательную форму), у ее поверхности.

Недалеко от центра в северной части несколько неглубоких пустых ям. Комплексы, связанные с первоначальной насыпью, при раскопках получили наименование погребений 2–4 [Штыхов 1992, с. 110–111]. При изучении материалов было доказано, что они являются частями одного, вероятно, разрушенного, комплекса (везде присутствовали фрагменты одного и того же сосуда 1).

Сосуд 1 (рис. 18: 9) – крупный горшок диаметром по краю более 30 см (возможно, до 40 см); край его уплощен на всю ширину черепка или (местами) только посередине. Внешняя поверхность покрыта многочисленными расчесами гребенчатым штампом, перекрещивающимися между собой. Реконструкция гребня, которым нанесены расчесы, – на с. 20 (рис. 6: 3). Вместе с косточками находились фрагменты, в том числе мелкие, еще не менее трех сосудов.

Вопрос о соотношении погребений и, соответственно, керамики, в кургане 3 весьма сложен. Обряд погребения 2 (первоначального) в связи с его нарушенностью не вполне ясен. Наиболее вероятный вариант – рассыпное погребение вокруг скопления основной части останков в урне на поверхности небольшой насыпи. Менее вероятный вариант – грунтовое погребение, выброшенное позднее при рытье большой ямы на поверхность песчаного бугорка или выкида из этой же ямы, с последующим сбрасыванием части останков обратно в яму во время совершения обрядов погребения 1. В любом случае представляется маловероятной полная обособленность этапов функционирования могильника друг от друга.

Не ясно происхождение фрагментов керамики из курганов 1 и 2. Не исключено, что они происходят из слабо выраженного культурного слоя селища. Фрагмент из кургана 1 сходен уплощенностью края с керамикой из селища Бельчица (см. выше), венчик с расчесом из кургана 2 относится к типу Р-1а.

Верховья Вилии и Березины

41) Ревячка (Василиха), селище и грунтовый могильник (рис. 142–145).

1) Минская обл., Мядельский р-н, д. Ревячка (бел. Равячка), в 1 км к ЮЗ; 2) р. Сервечь, правый берег (– р. Вилия – Неман). 3) Коллекции: фонды Отделов археологии ИИ АНРБ 4) [Митрофанов 1973–1975-О; Митрофанов 1978, с. 85–87, 114, 140; Егорейченко 1999б; Лопатин 2002]. Рис. и определения примесей в керамике: Н. В. Лопатин.

Памятник расположен на невысоком пологом холме среди заболоченной поймы, размеры 165 x 35 м. Автор раскопок А. Г. Митрофанов отнес поселение к начальному периоду банцеровской культуры, для которого характерны наличие керамики с расчесами и расположение отдельно от городищ-убежищ. Ранняя дата обосновывается также присутствием материалов культуры штрихованной керамики.

Исследовано четыре углубленных в материк жилища подквадратной формы. В жилище 4 среди остатков печи-каменки обнаружен развал горшка культуры штрихованной керамики (рис. 142: 1). Из этого же жилища происходит характерное пряслице той же культуры (рис. 142: 2). Материалы данного комплекса используются в литературе для подтверждения поздней даты культуры штрихованной керамики (начало V в.) и характера культурных трансформаций на ее поздней стадии [Егорейченко 1999б, с. 126, 127]. В материалах памятника в целом, по подсчетам автора раскопок, из 7868 фрагментов керамики 95 экземпляров со штриховкой, около 40 с расчесами и 39 подлощенных; из 561 венчика – 27 и реконструированный сосуд культуры штрихованной керамики, 24 – днепродвинской культуры, остальные гладкостенные (типа верхнего слоя Банцеровщины). Последнее утверждение не вполне соответствует действительности: слабопрофилированной керамики в коллекции довольно мало (рис. 142: 7–11); гораздо более представительную группу составляет поздняя лепная стили IX (рис. 144; 145: 4, 5) и раннекруговая посуда (рис. 145: 1–3). К этому периоду несомненно относятся и два ножа с волнитообразными завершениями. Неизвестно, какой материал четко связан с первыми тремя полуземлянками. Исходя из перечисленных наблюдений, выводы о совместном бытовании на данном поселении культур штрихованной керамики и ранней банцеровской (имеющей керамику с расчесами) представляются недостаточно обоснованными.

На восточном краю селища открыты три грунтовых захоронения [Митрофанов 1973-О; Митрофа-

нов 1978, с. 119], ямы которых вырыты в культурном слое и частично затрагивают материк. Обряд – трупосожжение на стороне. Погребение 1 находилось в урне (рис. 143: 2) и было перекрыто более крупным сосудом (рис. 143: 1). Погребение 2 безурновое с сопровождающим сосудом. Предположительно, из этого комплекса происходят фрагменты керамики (рис. 143: 3), не имевшие шифра и находившиеся в пакете (также без подписи) с кальцинированными костями, среди коллекции из Ревячки. Погребение 3 безурновое, безынвентарное: немного кальцинированных костей и необожженные фрагменты черепа человека.

42) Гуры, селище.

1) Минская обл., Вилейский р-н, хут. Гуры (Гурки), 2) р. Сервечь, правый берег (– р. Вилия – Неман). 3) Национальный музей РБ (КП 40415, 40473/11-20). 4) [Митрофанов 1965-О, 1971-О; Митрофанов 1978, с. 87, 114, 132].

Селище находится на пологой мысообразной возвышенности, площадь 0,6–0,7 га. Культурный слой мощностью до 0,25 м потревожен при насыпании курганов в VIII–IX вв. В 1971 г. А. Г. Митрофанов исследовал два удлиненных кургана, накрытые единым раскопом площадью 328 кв. м. Кроме лепной слабопрофилированной гладкостенной, найдена керамика с расчесами, штриховкой и венчики сосудов днепродвинской культуры [Митрофанов 1978, с. 114]. Датируется поселение арбалетовидной фибулой с лопатковидной ножкой – 2-й половиной IV – 1-й половиной V в. [Казанский 1999, с. 401]. К сожалению, довольно условные рисунки в публикации [Митрофанов 1978, с. 132] не дают возможности с уверенностью судить о формах и обработке поверхности керамики, а в составе коллекции представительных форм керамики и фрагментов с расчесами нет.

43) Городище, селище (рис. 146, 147).

1) Минская обл., Мядельский р-н, д. Городище (бел. Гарадзішча) 2) р. Красавка (пересохш.), правый берег (– р. Узлянка – р. Нарочь – р. Вилия – Неман). 3) Коллекции: Национальный музей РБ (КП 40439, 40466), Минский обл. краеведч. музей. 4) [Митрофанов 1965–1973-О; Митрофанов 1978, с. 88–94; Лопатин 2002]. Рис.: Н. В. Лопатин.

Располагалось на пологих склонах возвышенности с городищем на вершине. А. Г. Митрофановым раскопано 2612 м, выявлены остатки 42 жилищ разных типов (часть их нарушала друг друга) и 17 хозяйственных ям. Традиционно относится к банцеровской культуре, однако в эту атрибуцию необходимо внести уточнения. Фрагменты посуды с расчесами (рис. 146: 1–5), найденные на этом памятнике, привлекли внимание А. Г. Митрофанова уже на начальном этапе изучения этого вида керамики [Митрофанов 1966, с. 231]. Эти находки свидетельствуют о раннем начале функционирования поселения. Пред-

ставлены типы 2в (рис. 146: 10), 7 (рис. 146: 5, 6, 7), 3 (рис. 147: 1, 2) и др. (см. табл. на рис. 30). В то же время, в материалах значительно количество поздней лепной керамики стиля IX (рис. 147: 3–7). Как и на селище Ревячка, здесь найден нож с волютообразными завершениями, относящийся к последней четверти I тыс. н.э.

44) Некасецк, селище (рис. 148, 149).

1) Минская обл., Мядельский р-н, д. Некасецк; 2) р. (– р. Вилия – Неман). 3) Коллекции: Минский обл. краеведч. музей. 4) [Митрофанов 1964-О, 1965-О; Митрофанов 1978, с. 88; Лопатин 2002]. Рис.: Н. В. Лопатин.

Селище занимает низкие отроги холма (на котором расположено городище «Черная Гора») с северо-западной, северной и частично с юго-восточной стороны. При раскопках А. Г. Митрофанова исследовано одно жилище – углубленное в землю с отстоящими от котлована столбовыми ямами. Найдена гладкостенная слабопрофилированная лепная, поздняя лепная и раннекруговая керамика. Автор раскопок полагал, что жизнь на поселении продолжалась непрерывно с V–VI по X–XII в.

В коллекции имеется лепная керамика, но кроме гладкостенной – также с расчесами (рис. 148: 1, 2). Имеется поздняя лепная керамика стиля IX (рис. 149: 4), в том числе и с пальцевыми вдавлениями по краю (рис. 149: 5).

45) Микольцы (Никольцы), селище.

1) Минская обл., Мядельский р-н, д. Микольцы, в 1,5 км к СВ; 2) окрестности оз. Нарочь (– р. Нарочь – р. Вилия – Неман); 4) [Зверуго 2005, с. 94–131; Зверуго, Медведев 2003а, с. 88–89; 2003б, с. 88, рис. 25: 2, 6].

Поселение отнесено публикаторами главным образом к банцеровской культуре и датировано VI–VIII вв. Однако на нем есть и материалы III–V вв., в том числе относящиеся к культуре штрихованной керамики. В раскопе 1983 г. (в нижней части культурного слоя) найдено 12 фрагментов керамики с расчесами (0,4%), которая по особенностям изготовления не отличается от основной группы гладкостенной керамики банцеровской культуры. Опубликованы два венчика типов 1 и Р-1а. Из датированных находок наиболее важны две бронзовые двучленные прогнутые подвальные фибулы: типа Альмгрен VI-161 (рис. 29: 7) – III в. н.э. – и типа Альмгрен VI-162 (рис. 29: 8) – конца IV – 1-й половины V в.

46) Дедиловичи (Замковая Гора), селище.

1) Минская обл., Борисовский р-н, д. Дедиловичи (бел. Дзядзілавічы), в 5,7 км к З. 2) в 0,7 км от левого берега р. Цны (– р. Гайна – р. Березина – Днепр). 3) Коллекция: Национальный музей РБ (КП 8304, 11602). 4) [Митрофанов 1962–1966-О; Митрофанов 1978, с. 94–99, рис. 42–47; 55; 56; публикация материалов: Лопатин, Медведев 2002; Лопатин 2002].

Один из наиболее известных памятников «типа Банцеровщины». Исследовался А. Г. Митрофановым. Результаты раскопок отражены в ряде публикаций разных авторов. В недавней публикации приводится «инвентаризация» сохранившейся части коллекции [Лопатин, Медведев 2002].

Всего на склонах холма было видно примерно 300 ям-западин от полуземлянок. При широкомасштабных раскопках не выявлено ни признаков перекрытия одним жилищем другого, ни следов подновления жилищ, ни многослойных заполнений. Другими особенностями памятника являются: незначительность культурного слоя за пределами построек, отсутствие хозяйственных ям, однотипность конструктивных деталей жилищ и найденной посуды, крайне малое число индивидуальных находок, немногочисленность следов пожара (3 случая из 54 раскопанных построек), хорошая сохранность отопительных устройств (главным образом печей-каменок).

Все перечисленные признаки позволяют согласиться с мнением автора раскопок о том, что памятник представляет собой место обитания целого племени численностью более 1000 человек [Митрофанов 1962-О]. В то же время, вряд ли справедливо его предположение, что таких поселений было много. Напротив, большинство селищ изучаемого периода – небольшие. Селище Деделовичи представляется уникальным. Оно могло быть временным местом обитания (вероятно, зимовьем) большой группы людей (переселенцев?), которые с наступлением весны организованно покинули его для расселения небольшими коллективами, соответствовавшими хозяйственно-культурному типу эпохи.

Набор керамики, в отличие от большинства догосударственных многослойных памятников региона (см. выше), достаточно однороден. Это почти исключительно слабопрофилированная посуда типов 2, 3, 4, 8, 9 (рис. 15: 12; 16: 12; 17: 5; 19: 5–7; 22: 11). В некоторых постройках встречена керамика с расчесами и прочерчиваниями, аналогичными найденным на западном участке селища Заозерье.

Если предположение об одновременности построек верно, то присутствие керамики с расчесами должно свидетельствовать о возникновении памятника не позднее V в. Узко датированных вещей нет.

47) Избище, селище.

1) Минская обл., Логойский р-н, д. Избище (бел. Избішча), в 2 км к СЗ; 4) [Штыхов, Казей 1993, с. 281]; рисунки керамики предоставлены для ознакомления Ю. В. Колосовским.

Селище, расположенное на первой надпойменной террасе, раскапывалось В. В. Казеем (1987–89) и Г. В. Штыховым (1990). Обнаружены материалы разного времени, со II по XI в. н.э. Среди находок – две фибулы II–III вв., керамика штрихованная, лощеная и с расчесами. Некоторые фрагменты последней имеют сглаженное ребро.

Смоленское Поднепровье и Посожье

48) Сельцо, селище (?).

1) Смоленская обл., Ярцевский р-н, д. Сельцо, в 1 км к С; 2) р. Вось, правый берег (– р. Днепр); 4) [Нефедов 2003-О].

На первой надпойменной террасе, на территории курганного могильника X в., найдены фрагменты лепной керамики, в том числе один – с расчесом.

49) Гнёздово, селище.

1) Смоленская обл., Смоленский р-н, д. Гнёздово; 2) р. Днепр, правый берег. 4) [Шмидт 1999а]

Из поверхностных сборов Е. А. Шмидта на территории Гнёздовского селища происходят фрагменты лепной керамики с насечками по краю и расчесами.

50) Демидовка, городище.

1) Смоленская обл., Смоленский р-н, д. Демидовка; 2) р. Лубня, правый берег (– Днепр). 3) Коллекция: Смоленский МЗ. 4) [Шмидт 1967-О; Шмидт 1970; Лопатин 1989б; Шмидт, 2003].

Раскопано почти полностью Е. А. Шмидтом. Выявлено три горизонта: нижний относится к днепровской культуре, средний – к культуре среднего слоя Тушемли, в нем найдена керамика стилей IIIA, IIIB и IV.

Верхний слой отнесен автором раскопок к тушемлинской культуре. Действительно, набор керамики может считаться эталонным для культуры середины I тыс. н.э. в Смоленском Поднепровье и Подвинье, и даже в большей степени, чем само городище Тушемля. По богатому комплексу вещей памятник обычно датируется V–VI вв. Очевидно, начало этого горизонта должно быть отнесено ко 2-й половине IV в., поскольку верхний предел бытования нескольких вещей (в первую очередь подвески с выемчатой эмалью) ограничивается этим столетием [Фурсев 1996, с. 79].

Представлены практически исключительно формы стилей VI (рис. 16: 1, 5, 7, 13; 17: 3, 7) и VIII (рис. 23: 4–6) и некоторых других (рис. 19: 3; 22: 15). Из верхнего слоя происходит не менее 6 фрагментов с расчесами (рис. 18: 14). Не исключено, что керамика с расчесами соответствуют наиболее ранним датированным находкам верхнего слоя, маркируя начало его формирования, или даже составляет в комплексе с ранними вещами отдельный горизонт недолго формирования, стратиграфически не выраженный.

51) Цурковка, селище.

1) Смоленская обл., Смоленский р-н, д. Романовка; 2) р. Уфинья, правый берег (– р. Днепр). 4) [Шмидт 1958].

В насыпях курганов культуры смоленских длинных найдены материалы более древнего селища – ке-

рамика, в том числе с расчесами гребнем (сведения В. С. Нефёдова), и железная шпора [Шмидт 1958, с. 165, рис. 4: 9] группы V по К. Годловскому, относящаяся к начальному периоду позднееримского времени – началу III в. Недавно почти идентичная шпора найдена на селище раннего этапа киевской культуры Попово-Лежачи 4 на Сейме [Обломский, Терпиловский 1998, с. 66, рис. 7: 16]

52) Старое Куприно, селище.

1) Смоленская обл., Смоленский р-н, д. Романовка; 2) (– р. Днепр). 4) [Шмидт 2003, табл. 38].

Керамика слабопрофилированная, в том числе с расчесами и прочерчиваниями.

53) Слобода-Глушица, селище.

1) Смоленская обл., Починковский р-н, д. Слобода-Глушица. 2) р. Сож, левый берег (– р. Днепр). 3) Коллекция: Смоленский МЗ; 4) [Шмидт 1963б].

Материалы селища происходят из насыпей курганов (культуры смоленских длинных) и участков культурного слоя под ними. Керамика относится к стилю VI (рис. 16: 9, 11). Из ребристых форм встречен только фрагмент серой миски с хорошо выглаженной поверхностью. Около половины керамики имеет примесь шмота, иногда вместе с дресвой.

К селищу относятся несколько датирующих находок из насыпей курганов. Шпора с выступами-«пуповками» на концах дужки [Шмидт 1963б, с. 183, рис. 3: 31], несмотря на обилие высказанных в литературе взаимоисключающих атрибуций, все же должна быть датирована римским временем [Магомедов, Левада, 1996, с. 310]. Пряжка [Шмидт 1963б, с. 183, рис. 3: 10] также скорее всего относится к селищу, но датируется более поздним временем (VII в.?). Возможно, на селище есть разновременные материалы, но керамический набор в большей мере относится ко «времени шпоры» и находит по комплексу признаков аналогии в позднекиевской культуре деснинского варианта.

54) Хиславичи, селище (рис. 150).

1) Смоленская обл., п.г.т. Хиславичи 2) р. Сож, правый берег (– р. Днепр). 3) Коллекция: Смоленский МЗ. 4) [Модестов 1986-О]. Рис. и определения примесей в керамике: Н. В. Лопатин.

Из поверхностных сборов на низком мысу в пойме реки происходит довольно характерный набор керамики. В основном это прямые или слегка отогнутые венчики, а также фрагменты ребристых частей, многие из которых покрыты неглубокой штриховкой. Один фрагмент имеет неаккуратный расчес зазубренным штампом (рис. 150: 5), есть венчик тонкостенного сосуда с выглаженной поверхностью (рис. 150: 6). Отогнутый венчик с насечками (рис. 150: 3) относится к стилям III или V, остальные фрагменты – по всей видимости, к стилю V и находят аналогии на поселении Абидня. Впрочем, незначительность коллекции оставляет возможность ее отнесения и к бо-

лее ранним родственным Абидне древностям типа Грини.

Оршанское и Могилевское Поднепровье с прилегающими районами

55) Пильковичи (Прихабы), селище.

1) Витебская обл., Оршанский р-н, д. Репухово. 2) р. Одров (– р. Днепр). 4) [Колосовский, Куропаткин 2002, с. 75, рис. 58: 1].

В подъемном материале – керамика с расчесами и фрагмент бронзовой перекладчатой фибулы круга варварских выемчатых эмалей.

56) Репухово, селище.

1) Витебская обл., Оршанский р-н, д. Репухово. 2) р. Одров (– р. Днепр). 4) [Колосовский, Куропаткин 2002, с. 75, рис. 58: 2–27].

Найдены керамика с расчесами, обломок круглой бронзовой бляхи с эмалью, биконические пряслица.

57) Задровье, селище.

1) Витебская обл., Оршанский р-н, д. Задровье. 2) р. Одров (– р. Днепр). 4) [Колосовский, Куропаткин 2002, с. 75, рис. 59: 1–8].

Керамика с расчесами.

58) Голошевка, селище.

1) Витебская обл., Оршанский р-н, д. Голошевка. 2) р. Одров (– р. Днепр). 4) [Колосовский, Куропаткин 2002, с. 75, рис. 60: 1–19].

Керамика с расчесами и часть бронзовой арбалетовидной фибулы.

59) Погост, селище.

1) Витебская обл., Оршанский р-н, д. Погост. 2) р. Одров (– р. Днепр). 4) [Колосовский, Куропаткин 2002, с. 75, рис. 59: 9–23].

Керамика с расчесами, в том числе с расчесами по срезу венчика. Датированная находка – бронзовая фибула типа Альмгрен 84 второй половины II – начала III в.

60) Ломачино, селище.

1) Витебская обл., Оршанский р-н, д. Ломачино. 2) р. Одров (– р. Днепр). 4) [Колосовский, Куропаткин 2002, с. 75, рис. 61: 1–7].

Керамика штрихованная с ногтевыми вдавлениями по венчику и с расчесами.

61) Заболотье, селище.

1) Витебская обл., Оршанский р-н, д. Заболотье. 2) р. Одров (– р. Днепр). 4) [Колосовский, Куропаткин 2002, с. 75, рис. 61: 8–25].

Керамика с расчесами.

62) Зайцево, селище.

1) Витебская обл., Оршанский р-н, д. Зайцево. 2) р. Одров (– р. Днепр). 4) [Колосовский, Куропаткин 2002, с. 75, рис. 62].

Керамика с расчесами (в том числе по внутренней стороне сосуда), штрихованная, с насечками по венчику, глиняные биконические пряслица с широким отверстием, бронзовая лунница с красной выемчатой эмалью.

63) Барань, 2 селища.

1) Витебская обл., Оршанский р-н, г. Барань. 2) р. Одров (– р. Днепр). 4) [Колосовский, Куропаткин 2002, с. 75, рис. 60: 20–24].

Керамика с расчесами и насечками по венчику.

64) Лемница, городище.

1) Могилевская обл., Бельничский р-н, Вышковский с/с, д. Лемница (бел. Лямніца). 2) р. Лемниченка, левый берег (– р. Вабиц – р. Друть – р. Днепр). 4) [Медведев 1995в, с. 110–120].

В раскопе площадью 120 кв. м А. М. Медведевым изучены остатки домостроительства, найден комплекс находок, датирующих памятник 1-й половиной I тыс. н.э., возможно, только его 2-й четвертью, и керамика. По данным публикации, среди обломков глиняной посуды (2339 фрагментов) преобладает и тяготеет к верхним (1-му и 2-му) пластам гладкостенная (62,9 %), штрихованная (31,5 %) преобладает в пластах 3–6, лощеная (4,6 %) встречается в пластах 2 и 3.

Гладкостенная делится на заглаженную и бугристую (последняя особенно характерна для днепродвинской культуры), штрихованная отличается от посуды основного ареала культуры штрихованной керамики малочисленностью ребристых форм и неглубокой штриховкой. Отмечено на керамическом материале влияние киевской культуры на последнем этапе функционирования поселка: горшки типов Р-3 (лощенная) и 4, миска, один фрагмент венчика с расчесами.

65) Пруды, селище.

1) Могилевская обл., Шкловский р-н, д. Пруды 2) р. Днепр, левый берег. 4) [Седин 1995, с. 18–31].

В раскопах и шурфах А. А. Седина найдено 173 фрагмента керамики, в том числе 140 лепной. Последняя слабопрофилированная, со слегка отогнутыми венчиками. Определимых форм нет. 30 фрагментов керамики (21%) имеют расчесы гребнем, 13 экземпляров – выглаженную поверхность.

66) Абидня (Адаменка), селище и грунтовый могильник.

1) Могилевская обл., Быховский р-н, д. Адаменка, уроч. Абидня (бел. Абідня). 2) р. Адаменка (– Днепр). 3) Коллекции: фонды Отделов археологии ИИ АНРБ, Национальный музей РБ, Могилевский обл. краеведческий музей. 4) [Поболь 1966а; 1970; По-

боль, Ильютик 2001; 2002; 2003; Обломский 2005; Терпиловский, Абашина 1992, с. 174–176].

Набор керамики, полученный в результате многолетних раскопок Л. Д. Поболя, по своей обширности, обилию целых форм и обеспеченности датировками превосходит большинство памятников Верхнего Поднепровья и является первостепенным эталоном для сопоставительных исследований культурных традиций 2-й четверти I тысячелетия н.э. Широкие датировки охватывают период II–IV вв.

67) Тайманово, селище и грунтовый могильник.

1) Могилевская обл., Быховский р-н, д. Тайманово (бел. Тайманова), в 200 м к С. 2) р. Белоличка (– р. Днепр). 3) Коллекции: фонды Отделов археологии ИИ АНРБ. 4) [Поболь 1971; 1973; 1983; Поболь, Дубицкая 2005; Поболь, Дубицкая, Пилипцевич 2003; Обломский 2005; Терпиловский, Абашина 1992, с. 175–178].

В обширных материалах этого памятника, согласно ознакомлению с частью коллекции, присутствуют типы керамики стиля ВБ (аналогичны позднему набору Абидни) и сменяющий их набор с преобладанием стиля VI (деснинский вариант киевской культуры). Последняя группа керамики лишена расчесов и других элементов декора.

68) Красная Зорька, 2 селища.

1) Минская обл., Березинский р-н, д. Красная Зорька (бел. Чырвоная Зорка). 2) р. Березина, правый берег (– р. Днепр). 4) [Поболь 1966б, с. 213–215; Поболь 1993, с. 646, 647].

На селище в урочище Узвечев, аналогичном Абидне, найдена керамика груболепная, гладкостенная, с расчесами и лощеная. На селище в ур. Равинки (0,8 км от предыдущего) керамика с расчесами немногочисленна, полностью господствует груболепная керамика «тюльпановидных форм» без декора. Согласно выводам автора раскопок Л. Д. Поболя, селище в ур. Равинки позднее первого и датируется начиная с VI в.

69) Щатково, селище.

1) Могилевская обл., Бобруйский р-н, д. Щатково (бел. Шчаткава), в 1 км к С. 2) р. Березина, правый берег (– р. Днепр). 4) [Поболь 1967; Терпиловский, Абашина 1992, с. 174].

При раскопках исследованы две полуземлянки и следы наземного домостроительства. Керамика в основном относится к стилю VI. Меньшая часть, в том числе опубликованный экземпляр с расчесами, может быть отнесена к стилю ВБ.

70) Дедново, селище.

1) Могилевская обл., Бобруйский р-н, пос. Дедново. 2) р. Бобруйка, левый берег (– р. Березина – Днепр). 4) [Ильютик 1998, с. 47–51].

В 1996–1997 гг. А. В. Ильютик исследовала 400 кв. м культурного слоя мощностью 0,2–1,6 м. Следы жилищ не выявлены. Найдено 10999 фрагментов леп-

ной керамики, из которой 81, 8% гладкостенной, 13, 6% штрихованной, 4,1% с расчесами и 0,5% лощеной или подлощенной. Изредка встречаются вдавления и насечки по краю. Основная часть керамики отнесена автором раскопок ко II–V вв. Две железные прогнутые подвязные фибулы датируются серединой III в. Найдена монета Марка Аврелия (161–180 гг.)

71) Симоновичи, селище.

1) Могилевская обл., Бобруйский р-н, д. Симоновичи. 2) р. Птичь, правый берег (– р. Припять – Днепр). 4) [Дубицкая 1998; 2004].

При раскопках Н. Н. Дубицкой в 1989 и 1990 гг. вскрыта площадь 340 кв. м. Мощность культурного слоя 0,2–0,9 м. Выявлены нечеткие остатки трех наземных и одной углубленной построек. Найдено 2502 фрагмента лепной керамики (включая немногочисленную группу эпохи бронзы). В формовочной массе примесь дресвы и шамота. Керамика со штриховкой составляет 14%, с расчесами (гребнем и щепкой) 1,6%, лощеная 5%.

Два опубликованных сосуда относятся к типу 2 (оба с насечками по краю, один со штриховкой). Слабопрофилированный сосуд со штриховкой, судя по профилю верхней части, также имел перегиб в верхней трети и может быть отнесен к типу 7. На основании датировки стеклянной бусины начало функционирования поселения относится ко II – началу III в. Формы керамики в совокупности скорее всего относятся к стилю VA (тип Грини).

72) Журавель, селище.

1) Могилевская обл., Чериковский р-н, д. Журавель. 2) р. Сож (– Днепр). 4) [Паликарпович 1930, с. 407].

По сведениям К. М. Поликарповича, найдена керамика с расчесами.

73) Барсуки, селище (рис. 151–153).

1) Могилевская обл., Славгородский р-н, с. Барсуки. 2) р. Сож, правый берег (– Днепр). 4) [Мельниковская 1957-О; 1962; Шмидт 2001, с. 22–25, рис. 1, 2].

О. Н. Мельниковская при разведочных работах 1957 г. собрала довольно представительный набор керамики стиля V. В основном сосуды были покрыты расчесами гребнем. Найдено также несколько фрагментов лощеной посуды (рис. 151: 1, 2, 5). В 1969 г. при разведке В. Д. Будько, В. С. Вергей, В. И. Кочеткова и Е. А. Шмидта заложены два шурфа. Найдена лепная керамика, в том числе с расчесами. Из фрагментов реконструированы 4 целые формы. Три грубых горшка относятся к стилю V (типы 1а и 1б, возможно, также 7), есть также высокая ребристая миска стиля IV (рис. 152: 5). Судя по публикациям, в материалах данного памятника нет керамики с насечками и вдавлениями по краю. Это свидетельствует о принадлежности его либо к особому варианту в рамках типа Абидня, либо к типу Заозерье.

74) Глинка, селище (рис. 153: 10).

1) Могилевская обл., Славгородский р-н, д. Глинка. 2) р. Сож, правый берег (– Днепр). 4) [Паликарпович 1930, с. 407, 409].

К. М. Поликарповичем опубликован фрагмент керамики с расчесами.

75) Дерямянице, селище (рис. 153: 11).

1) Могилевская обл., Кармянский р-н, уроч. Дерямянице (бел. Дзярамянішча). 2) р. Сож, правый берег при впадении р. Добрач (– Днепр). 4) [Паликарпович 1930, с. 407, 459].

К. М. Поликарповичем опубликован фрагмент керамики с расчесами.

76) Остров, селище (рис. 153: 12).

1) Гомельская обл., Чечерский р-н, пос. Остров, уроч. Селище. 2) р. Липа, левый берег, при впадении в Сож (– р. Сож – Днепр). 4) [Паликарпович 1930, с. 407, 459].

К. М. Поликарповичем опубликован фрагмент керамики с расчесами.

77) Гудок, селище.

1) Гомельская обл., Чечерский р-н, с. Гудок. 2) р. Покоть (– р. Сож – Днепр). 4) [Терпиловский, Абашина 1992, с. 177–179].

О. А. Макушников исследовал площадь 84 кв. м. Мощность культурного слоя 0,2–0,4 м. Обнаружена полужемлянка с керамикой киевской культуры, в числе которой груболопная стиля VI и фрагменты лощеных мисок.

Подесенье

78) Касилово, селище.

1) Брянская обл., Жуковский р-н, д. Касилово, в 0,5 км к ЮВ. 2) Правый берег р. Ветьмы (– Десна). 4) Публикация материалов: [Массалитина, Нигматуллин 2002].

Раскопки Деснинской экспедиции ИА РАН 1991 г. (Г. А. Массалитина, Р. А. Нигматуллин).

Два местонахождения (относящиеся, вероятно, к одному поселению) расположены на небольших возвышенностях в 200 м друг от друга; их высота над уровнем высокой поймы 1–1,5 м. Немногочисленные фрагменты керамики, глиняные пряслица и их обломки связаны в основном с неглубокими материковыми ямами разных форм.

В раскопе 2 вскрыты остатки квадратной полуземлянки с длиной сторон 3,8 x 4,15 м, углами ориентированную по сторонам света. Ее котлован заглублен в материк на 0,3 м; стенки почти вертикальные, пол плоский. В южном углу сооружения прослежены следы отопительного устройства в виде очага открытого типа: скопление золы, угля, мелких обгоревших плах в слабом углублении в материковом полу. В 0,3 м к северу от него, также на полу, найден развал лепного сосуда. Рядом с юго-восточной стеной пост-

ройки обнаружена яма овальной формы (0,8 x 0,4 м), глубиной почти 0,3 м.

Керамика из постройки, скоплений и слоя однотипна – груболепная с примесью дресвы и шамота. Формы: стиль VI. Встречены 2 фрагмента венчиков лощеных сосудов с цилиндрической горловиной (тип Р-3 – 4а). Довольно значительные по размеру фрагменты донцев позволяют судить о разнице в форме нижних частей сосудов; у некоторых из них она близка к конической. Найдено также несколько фрагментов дисков с очень невысоким бортиком. Находки: фрагмент железного ножа и 16 глиняных пряслиц. Два из них обнаружены в заполнении котлована постройки, остальные – в слое. Все пряслица одного типа – биконические, с хорошо выраженным ребром, часть из них имеет лощеную поверхность.

По всем признакам памятник относится к кругу киевско-колочинских древностей деснинского вари-

анта, на основании находок лощеной керамики – ко времени киевской культуры [Обломский, Терпиловский 1998, рис. 15: пункт 39].

79) Хотылёво, селище.

1) Брянская обл., с. Хотылёво. 2) р. Десна, правый берег (– р. Днепр). 3) Коллекция: Брянский МЗ. 4) [Гаврилов 1995-О; Обломский 1995-О].

При раскопках палеолитической стоянки в верхнем слое обнаружены остатки селища киевской культуры. Выявлены многочисленные столбовые ямки, в том числе расположенные рядами. Они могут быть следами наземных жилищ, но более вероятным А. М. Обломский считает принадлежность участка к хозяйственной зоне. Керамика относится к стилю VI (рис. 22: 16; 23: 17). Есть обломки крупных лощеных сосудов. По керамике предварительно датируется III – 1-й половиной IV в.

Н. А. Кирьянова

Находки зерна на селище Ермошино I

Исследованы 12 отмывок культурного слоя селища Ермошино I. Во всех отмывках обнаружены остатки зерен культурных растений, хотя общее количество их крайне невелико. Зерно из семи отмывок удалось отнести к определенному роду хлебных злаков, в остальных найдены только обломки зерен (табл.).

В наибольшем числе отмывок встречены зерна пшеницы пленчатой и голозерной. По количеству найденных зерен эта культура также стоит на первом месте. Шесть зерен голозерной пшеницы принадлежат популяции, состоящей из карликовой и мягкой пшениц. Пленчатые пшеницы представлены одним зерном пшеницы двузернянки и одним основанием колоска (вилочкой) спельты. Два обломка зерен можно отнести к зернам пшеницы, но определить по ним вид не представляется возможным.

На втором месте по встречаемости в отмывках стоит просо. Общее его количество невелико: две зерновки и пленка. На третьем месте по встречаемости и числу зерен находится ячмень, скорее всего пленчатый. В одной отмывке обнаружены два зерна и один обломок ржи.

Таким образом, на селище Ермошино I найдены зерна трех давно известных земледелию культур и одной новой (ржи). Зерна этих культур встречены на большом числе памятников, близких изучаемому географически и хронологически.

На территории Латвии, где в общей массе земледельческих материалов III–VII вв. набор сельскохозяйственных культур несколько шире, чем на селище Ермошино I, пшеницы, ячмень и просо присутствуют в значительном количестве находок [Расиньш 1958, табл. 1.2; 1959. Приложение 1.2].

На памятниках середины и второй половины I тыс. н.э. Псковской, Смоленской, Тверской областей

и Белоруссии чаще других встречаются зерна пшеницы, ячменя, проса и ржи [История крестьянства, с. 354–355. Кирьянова 1992. Табл. 2, рис. 1.].

Сравнение представленных результатов исследования зерна с селища Ермошино I с материалами по земледелию близких хронологически и географически районов показывает, что на селище найдены те же культуры, которые играли существенную роль в земледелии значительных территорий лесной зоны Восточной Европы. Биологические особенности возделываемых культур указывают на характер возделываемых площадей. Пшеница двузернянка (полба) является одной из древних культур. Она вынослива, имеет прочный стебель, не полегает и не повреждается птицами. Она хорошо растет на почвах, подвергавшихся неглубокой обработке. Но она требует значительных затрат при обмолоте. У голозерных пшениц урожай чистого зерна выше, чем у пленчатых. Эти пшеницы хорошо используют питательные вещества, содержащиеся на малокультуренных землях. Хорошо использует накопленное землей плодородие и просо. Кроме того, при возделывании некультуренных земель посевы проса не угнетены сорняками, что для него очень важно. Близок по потребностям к почвам и ячмень. Он меньше пшеницы и тем более проса реагирует на засоренность, хотя чувствителен к ней.

Перечисленные яровые культуры хорошо развиваются на малокультуренных землях, что является свидетельством широкого использования под посев подсек и перелогов. Единичные находки зерен ржи принадлежат скорее всего яровой форме культуры, являвшейся, возможно, засорителем посевов ячменя.

Таким образом, зерновые материалы с селища Ермошино I хорошо вписываются в общую картину развития земледелия в середине I тыс. н.э. на близлежащих к исследуемому памятнику территориях.

Таблица. Данные определений зерен.

№	Проба	Комплекс	Пшеница	Ячмень	Просо	Рожь	Обломки
1	1	постр. 2, верх. черн. слой	1 обл.		1 пл.		5
2	2	яма 22, верх. черн. слой		1 пленч.			1
3	3	яма 22, средн. сер. слой					3
4	4	постр. 2, ниж. слой			1		3
5	6	яма 21, сер. ниж. слой					1
6	7	яма 22, сер. ниж. слой					1
7	8(1)	яма 33	2 голозер.				6
8	8(2)	яма 33	1 голозер. 1 «вилочка»			2+1 обл.	10
9	8(3)	яма 33	3+1 обл. гол. 1 двузерн.		1		10
10	9	постр. 3, верх. слой					2
11	11(1)	постр. 3, ниж. слой		1 обл.			7
12	11(2)	постр. 3, ниж. слой					2

МАТЕРИАЛЫ
(таблицы иллюстраций)

Масштабы рисунков керамики преимущественно 1:2, остальных находок – 1:1. Деления всех масштабных линеек при рисунках вещей соответствуют 1 см. На рисунках керамики приводятся инвентарные номера (или год раскопок и инвентарный номер, шифр находки), необходимые пояснения даются в каталоге. Ниже номера помещается краткая характеристика примесей в глине (сокращения: Д – дресва, Ш – шамот) с размером поперечника наибольших включений (в мм) и некоторых других признаков. Все определения примесей в керамике производились авторами визуально, без применения микроскопа.

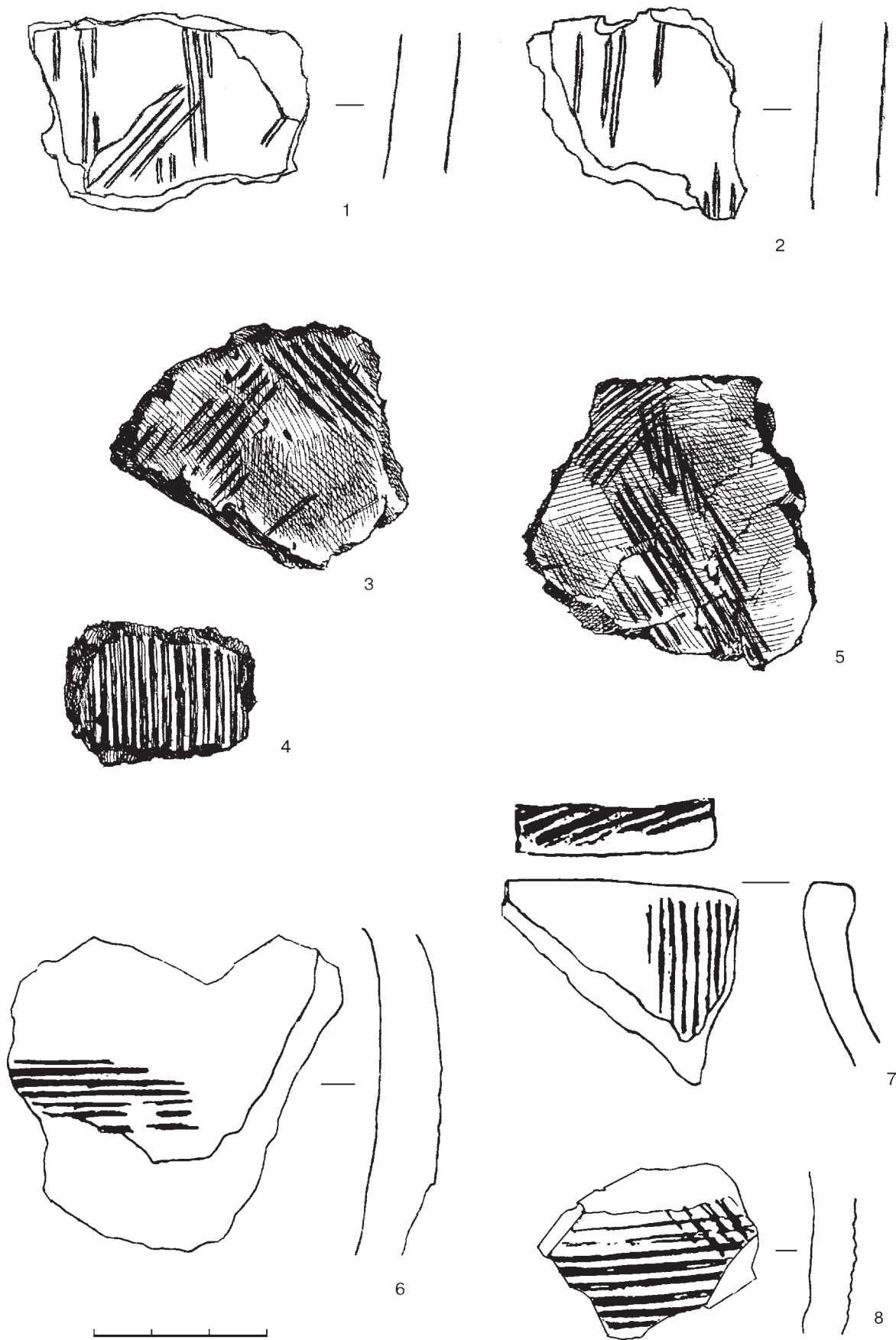

Рис. 53. Керамика с расчесами.
 1, 2 – Ястребово; 3–5 – Волкорезы; 6–8 – Осыно.

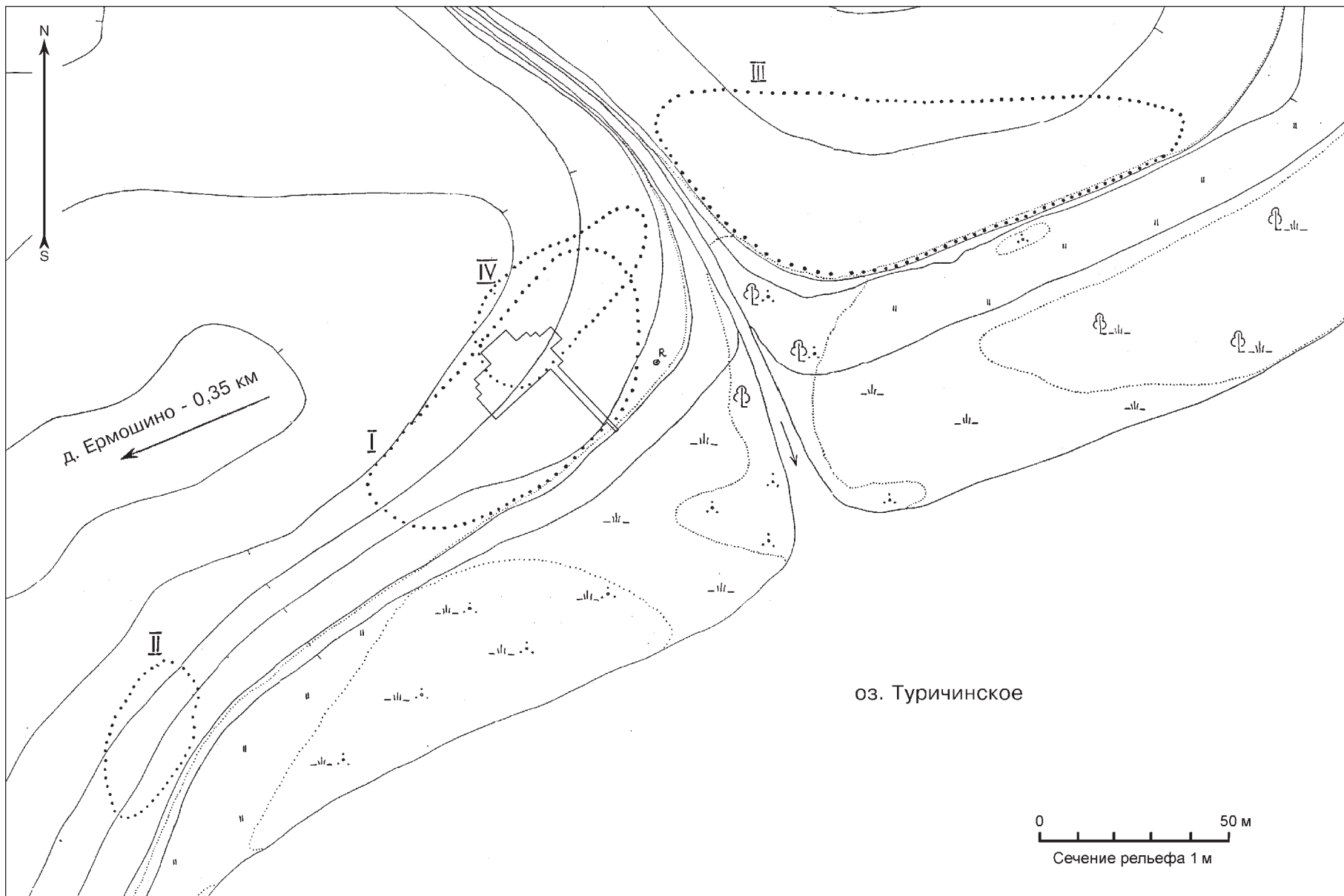

Рис. 54. Ермошино. Топографический план с указанием границ памятников. Инструментальная съемка Н. В. Лопатина 1993 г.

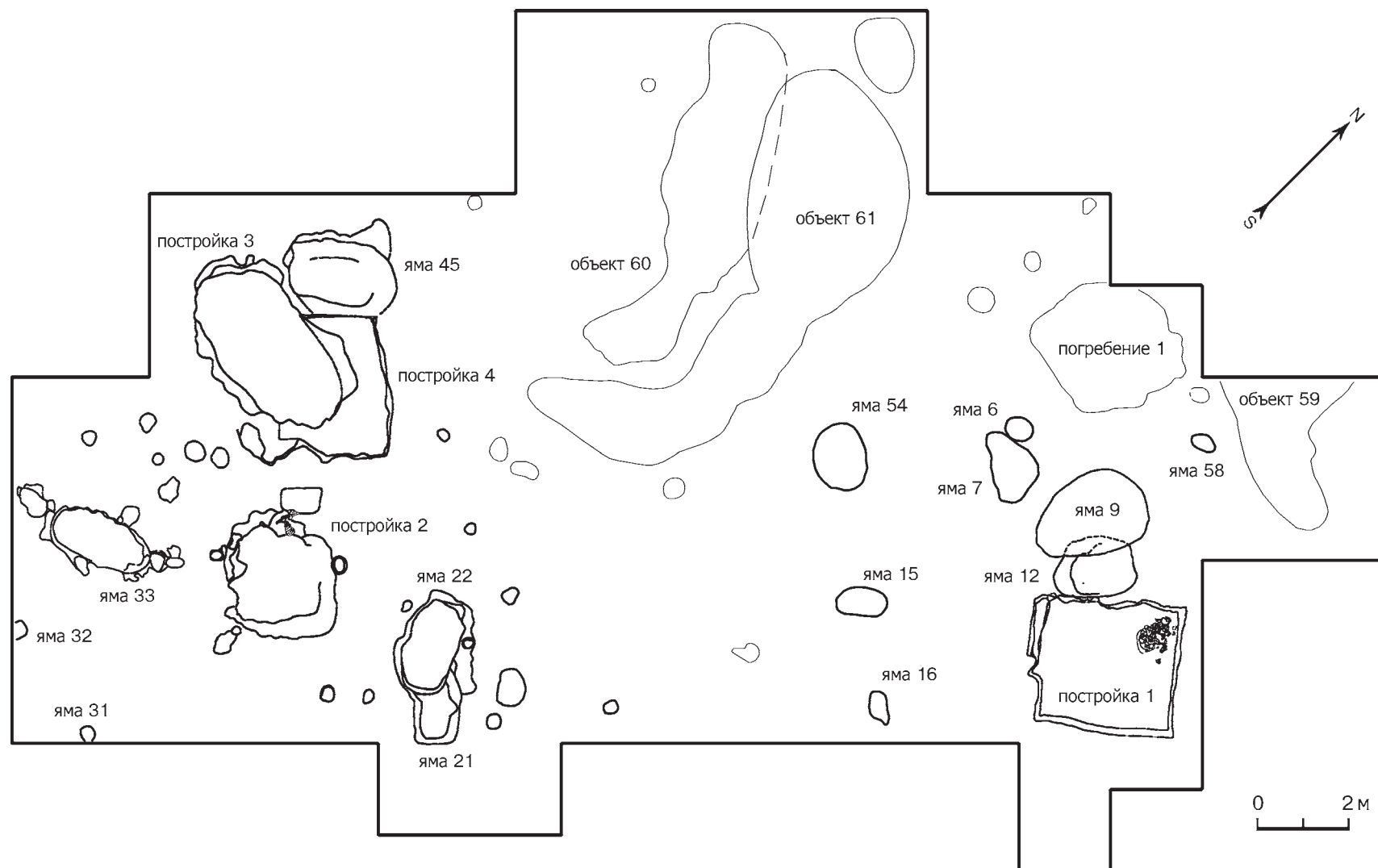

Рис. 55. Ермошино. Сводный план раскопов 1993–1995 и 1997 гг. Жирной линией показаны объекты, относящиеся (в том числе предположительно) к поселению, тонкой линией – к могильнику.

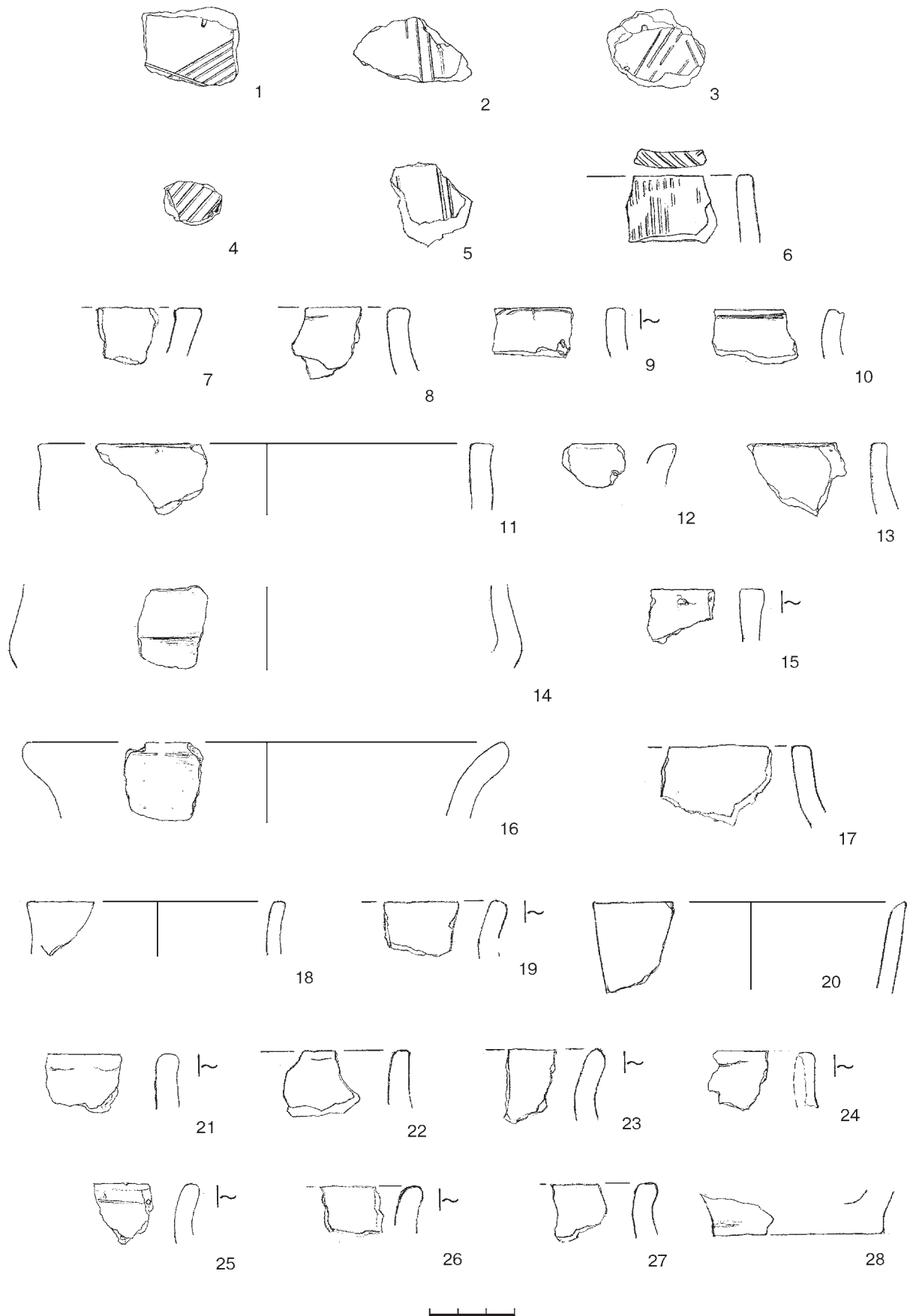

Рис. 56. Ермошино. 1993 г. Лепная керамика. Подъемный материал.

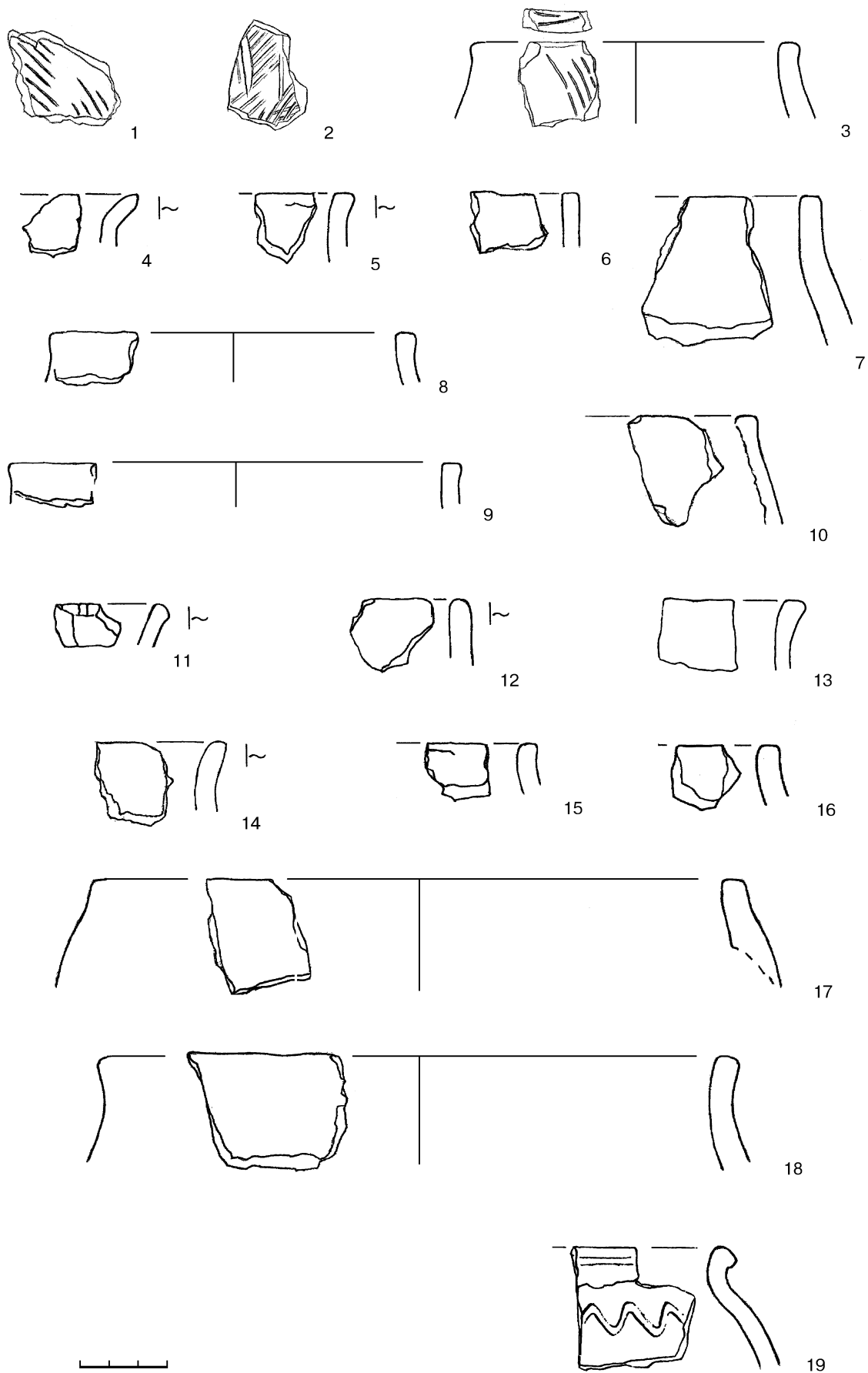

Рис. 57. Ермошино. Раскоп 1993 г. Керамика из слоя пахоты. 1–18 – лепная, 19 – круговая.

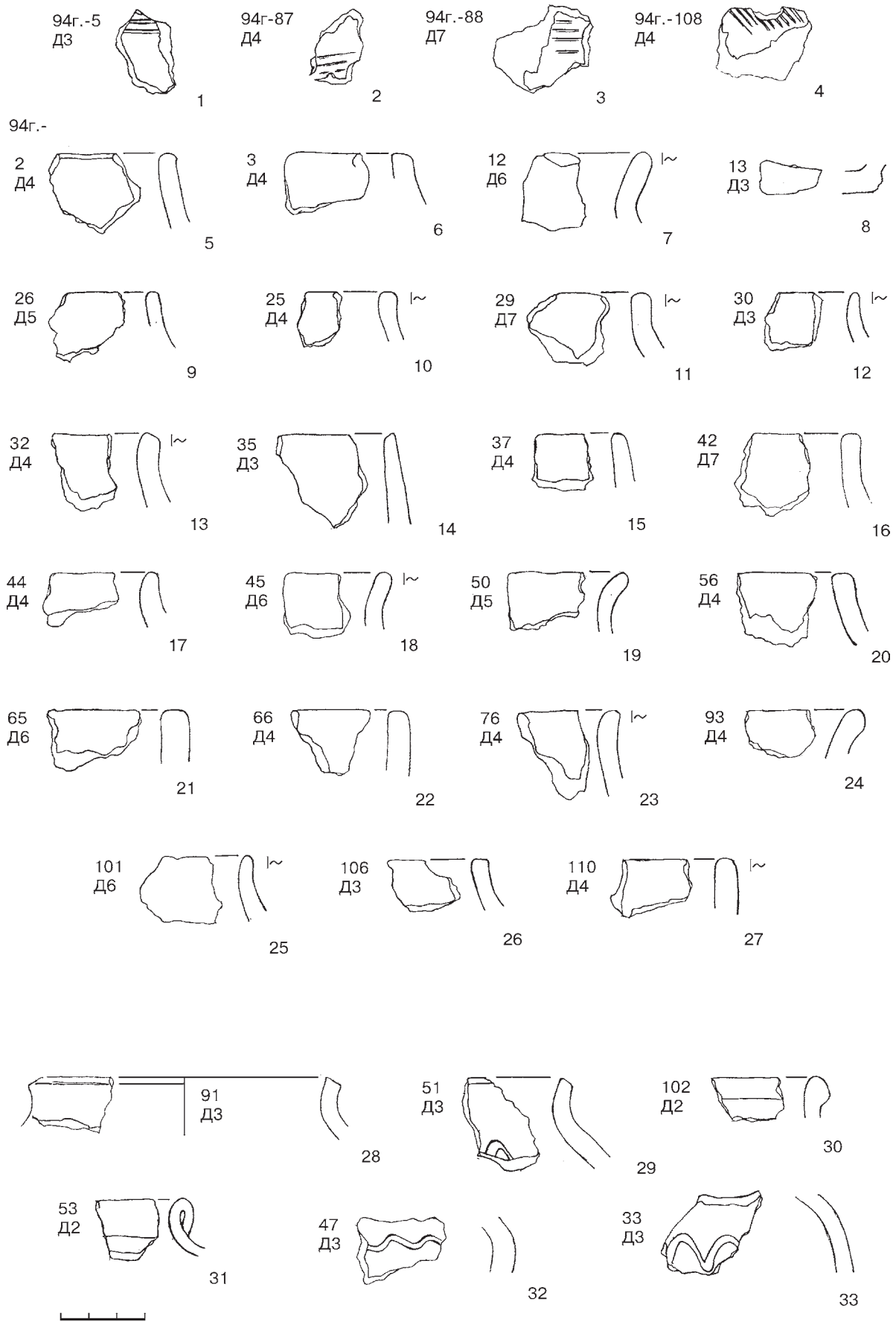

Рис. 58. Ермошино. Раскоп 1994 г. Керамика из слоя пахоты. 1-27 – лепная, 28-33 – круговая.

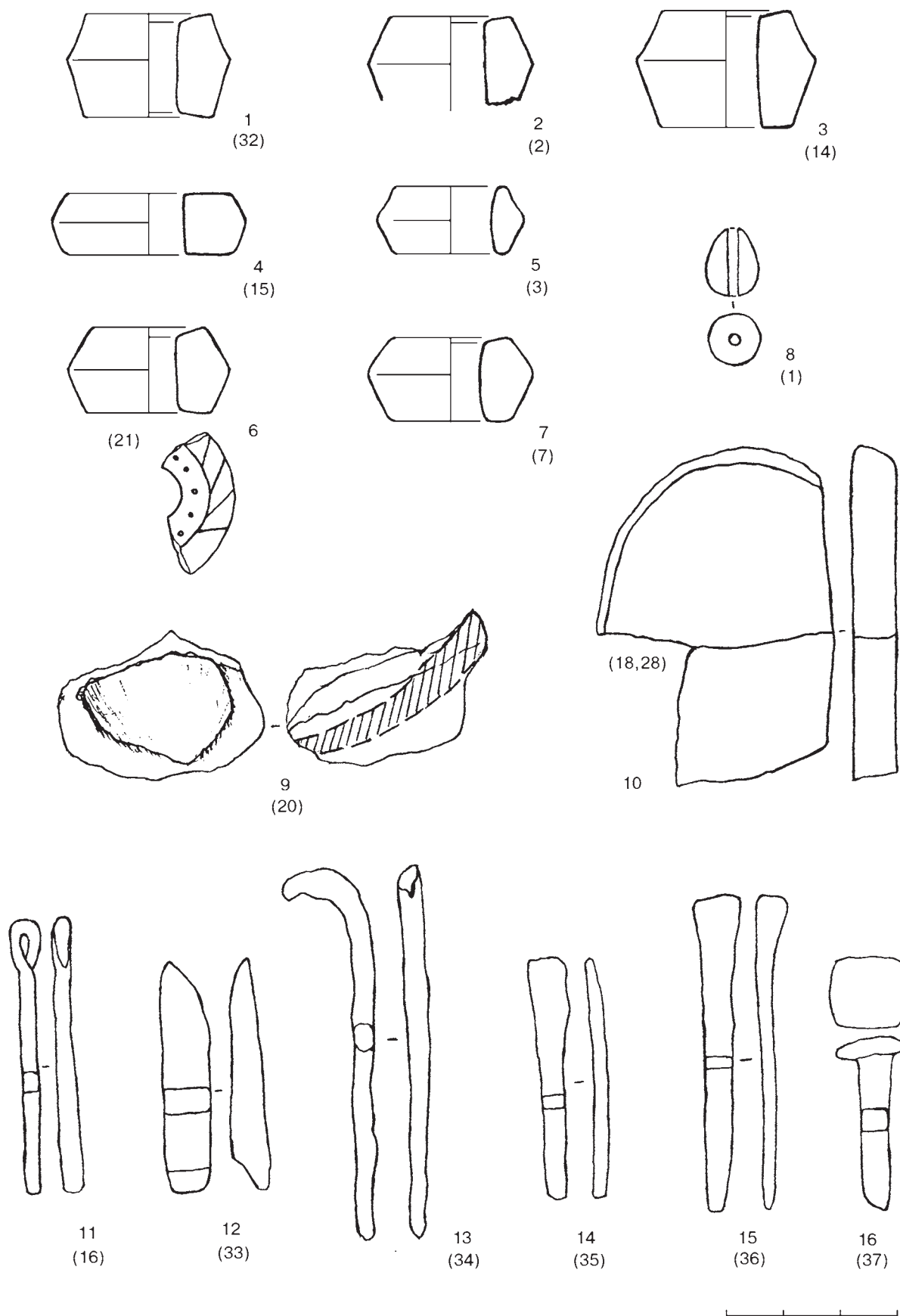

Рис. 59. Ермошино. Раскоп 1994 г. Находки.
 1 – подъемный материал, остальные – из слоя пахоты. 1–9 – глина, 10 – камень, 11–16 – железо.

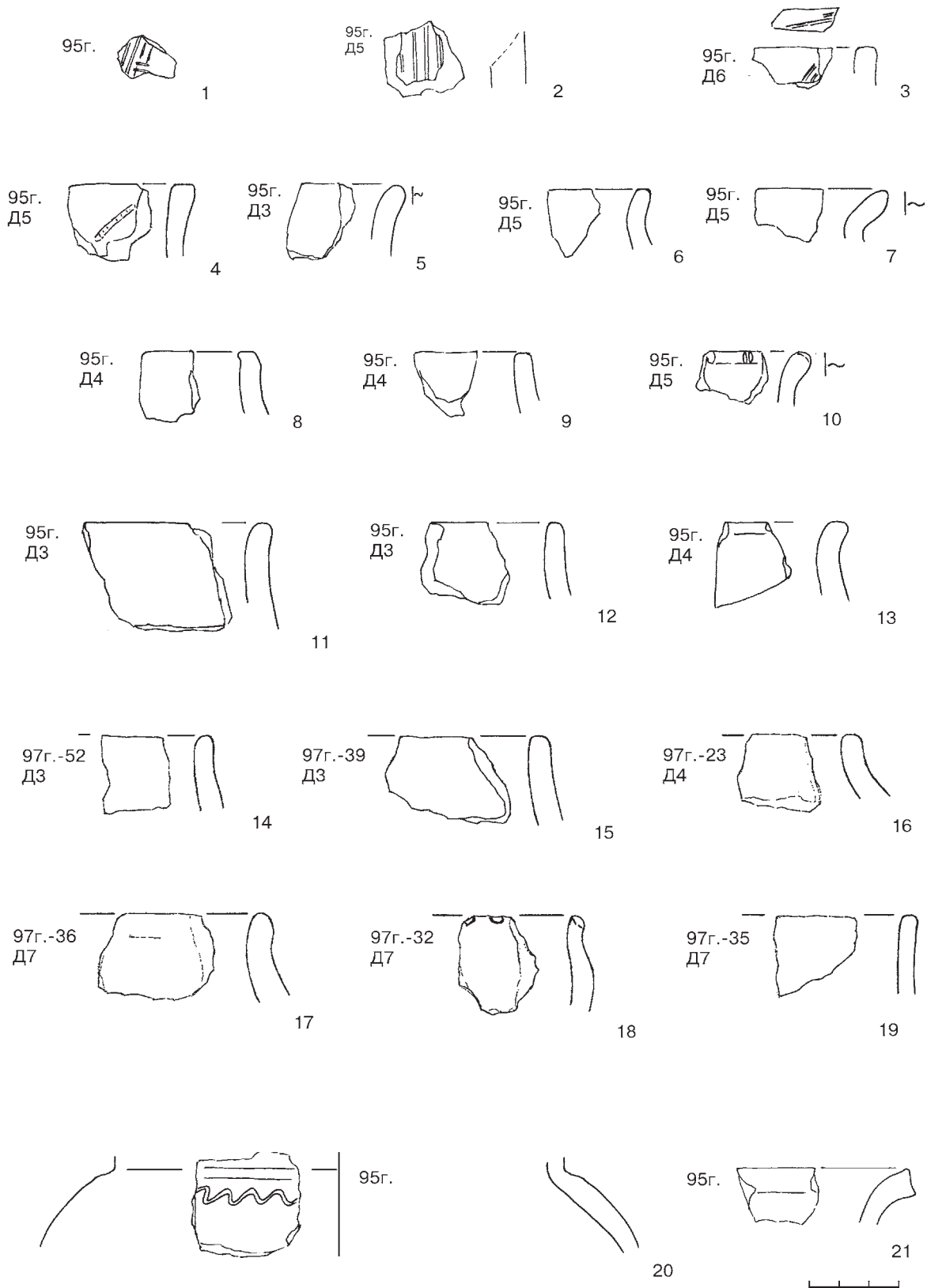

Рис. 60. Ермошино. Раскопы 1995 и 1997 г. Керамика из слоя пахоты.
1–19 – лепная, 20, 21 – круговая.

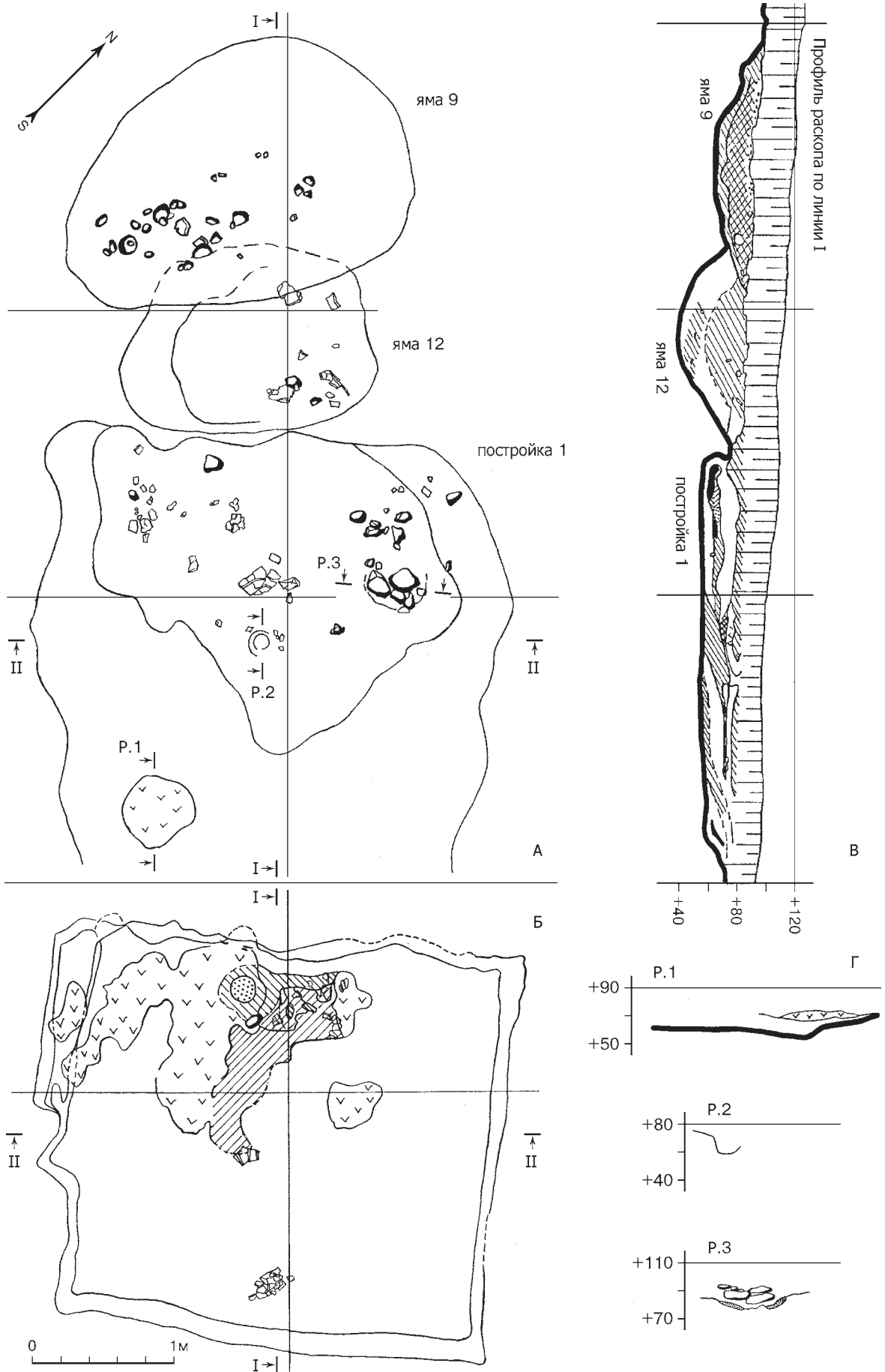

Рис. 61. Ермошино. 1993 г. Постройка 1, горизонты 4 (А) и 3 (Б). Ямы 9, 12. Условные обозначения: рис. 72.

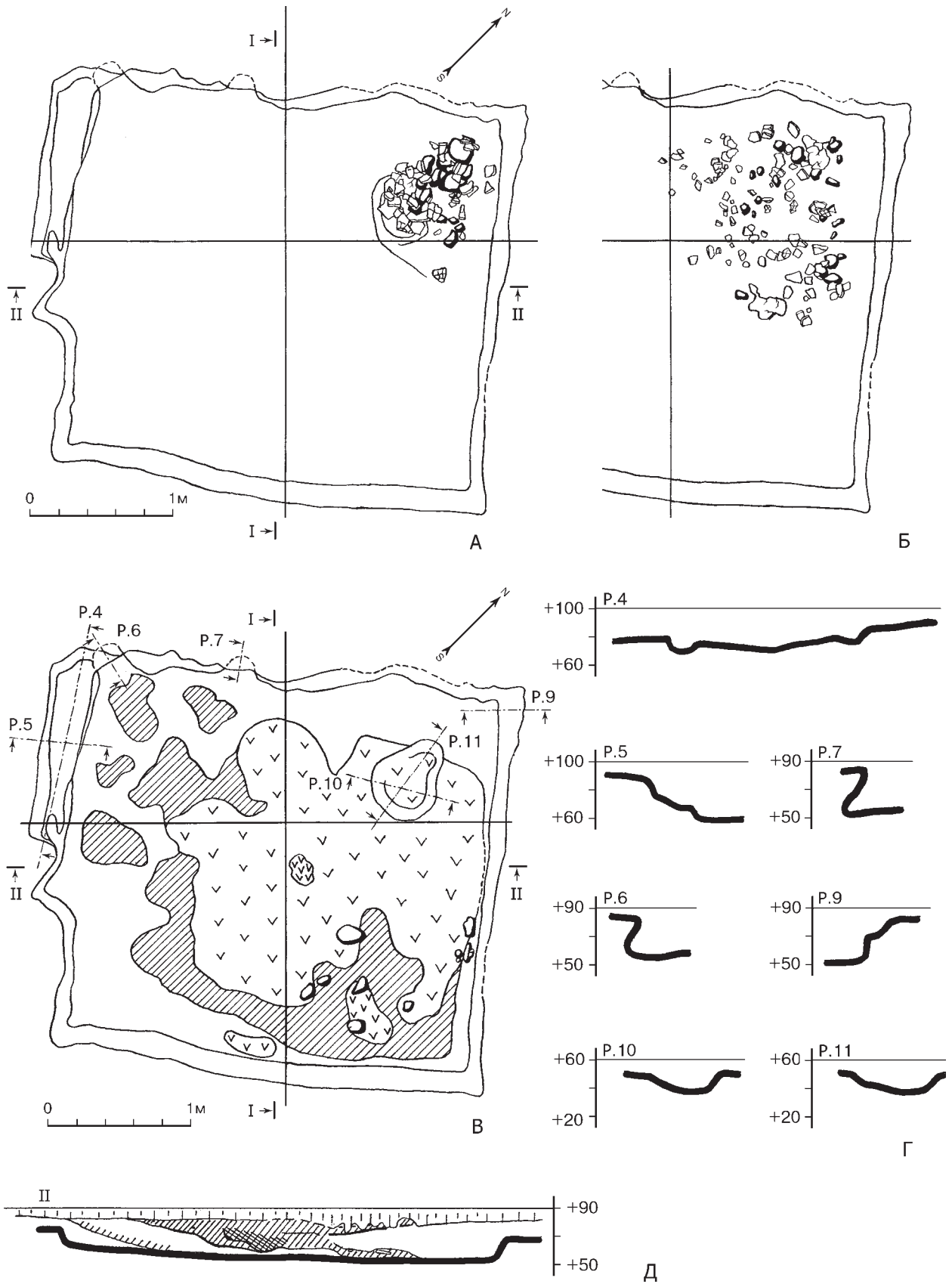

Рис. 62. Ермошино. 1993 г. Постройка 1.
 А – горизонт 2а; Б – горизонт 2б, В – горизонт 1.
 Условные обозначения: рис. 72.

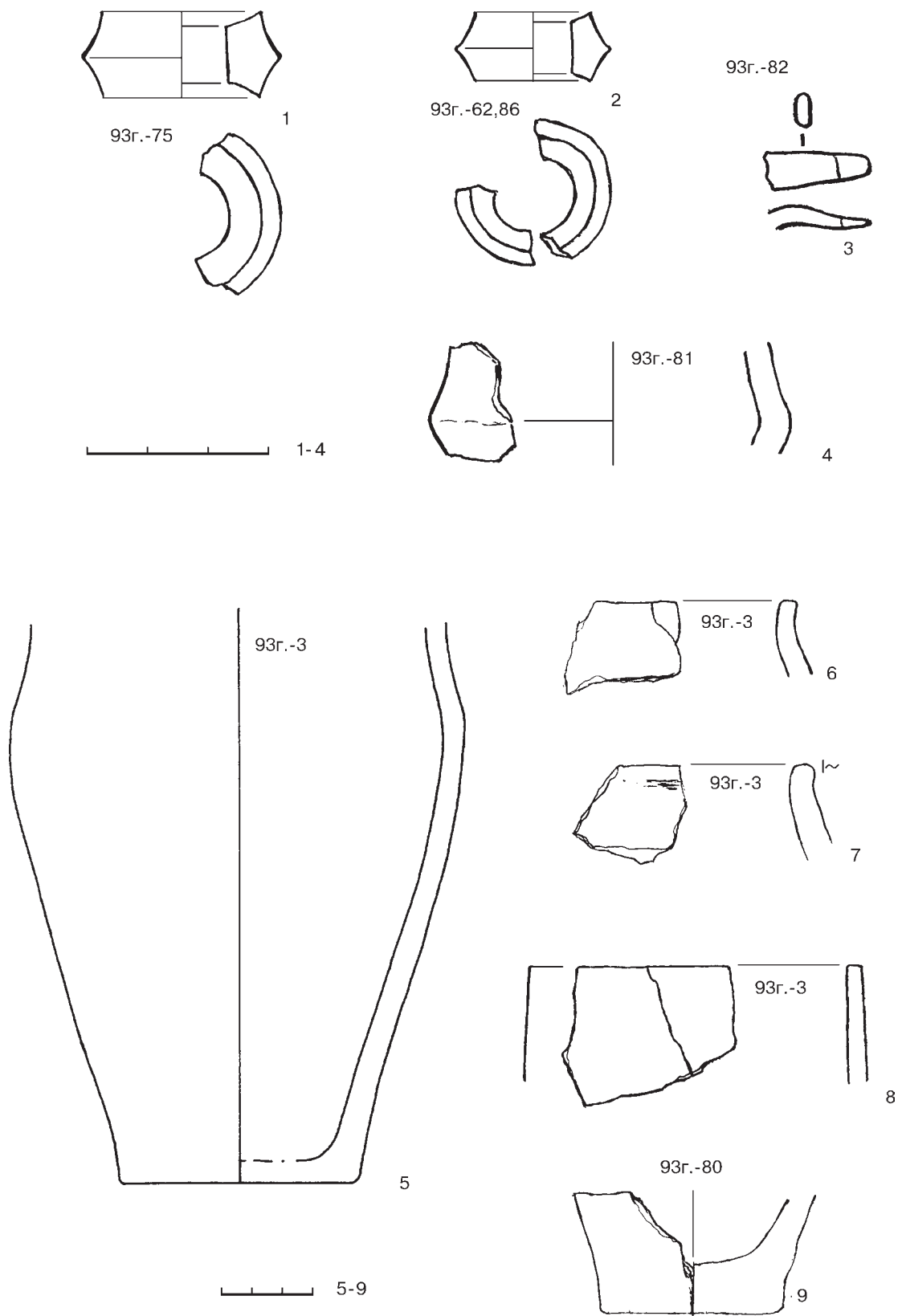

Рис. 63. Ермошино. 1993 г. Постройка 1, горизонт 4. Материалы. Глина.

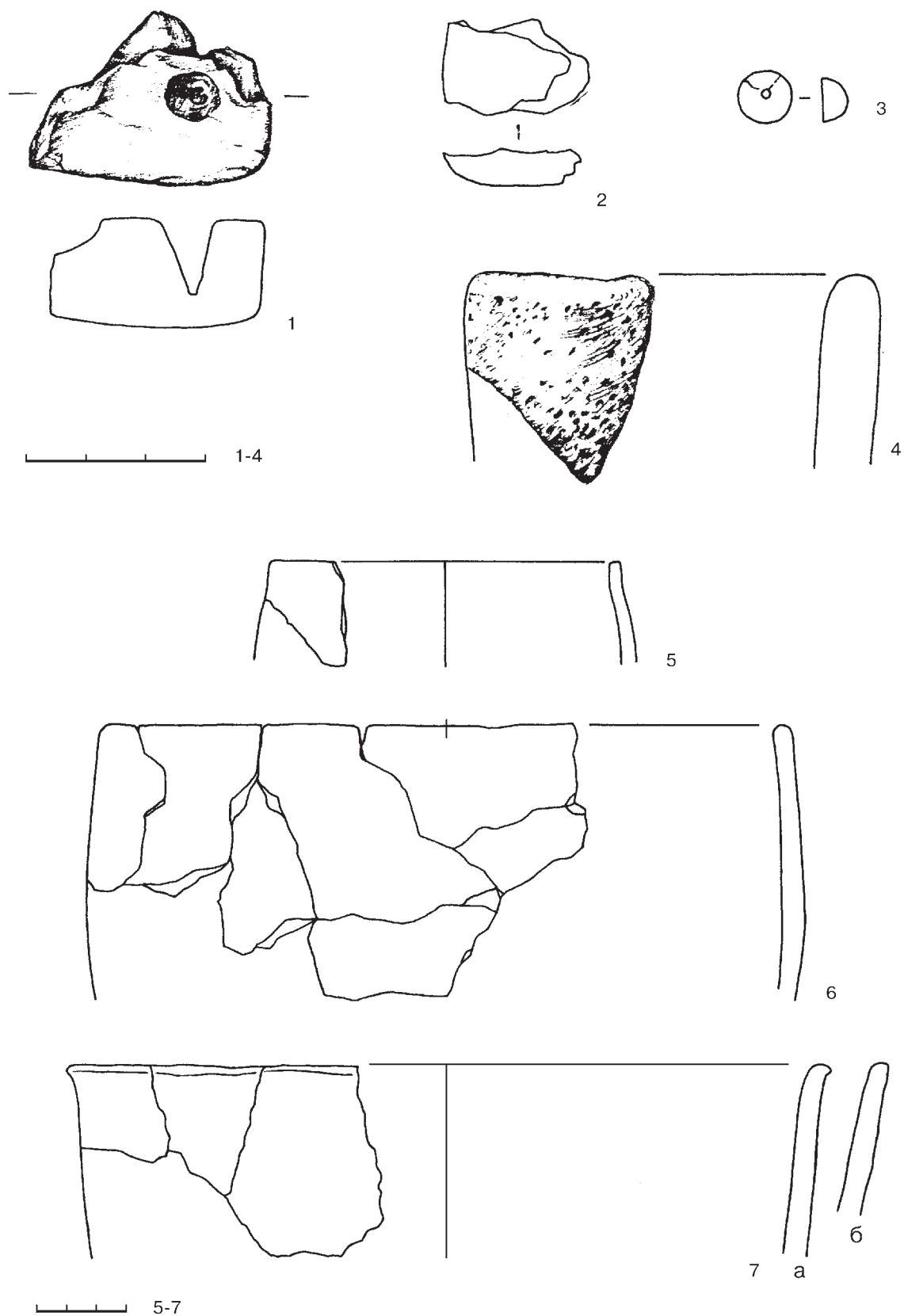

Рис. 64. Ермошино. 1993 г. Постройка 1, горизонт 3. Материалы. Глина.

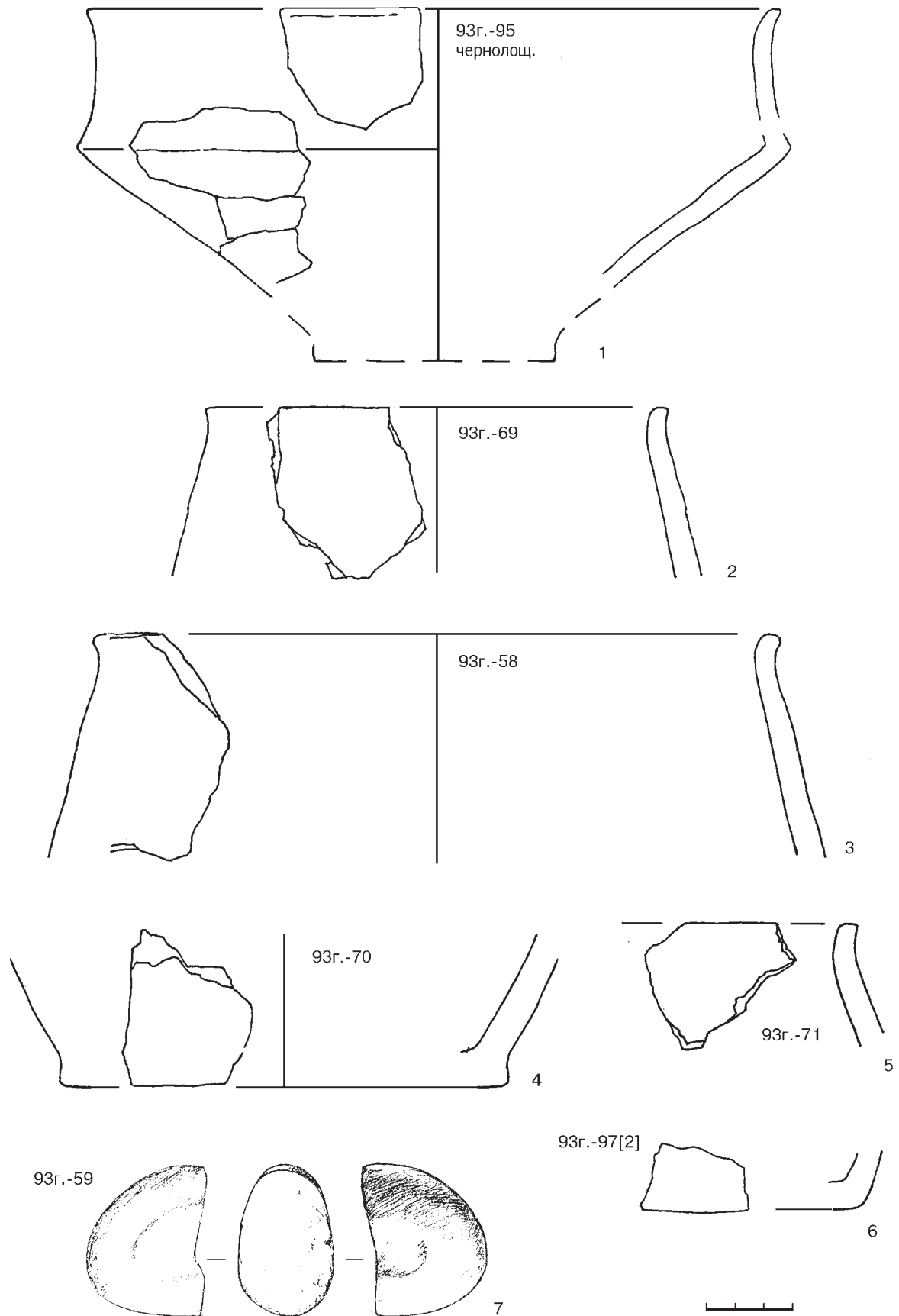

Рис. 65. Ермошино. 1993 г. Постройка 1, горизонт 2. Материалы.
7 – камень, остальное – керамика.

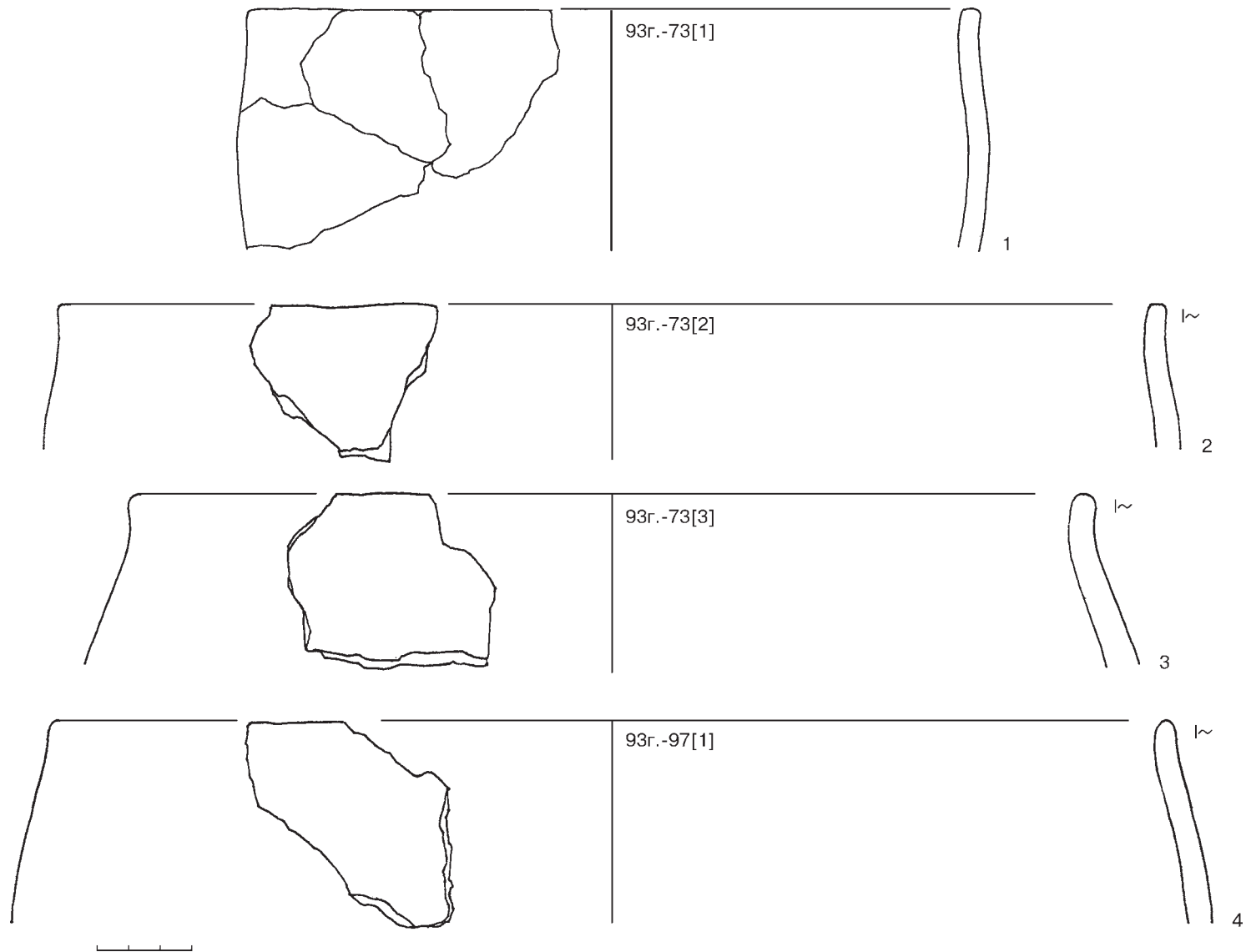

Рис. 66. Ермошино. 1993 г. Керамика из постройки 1 (горизонт 2).

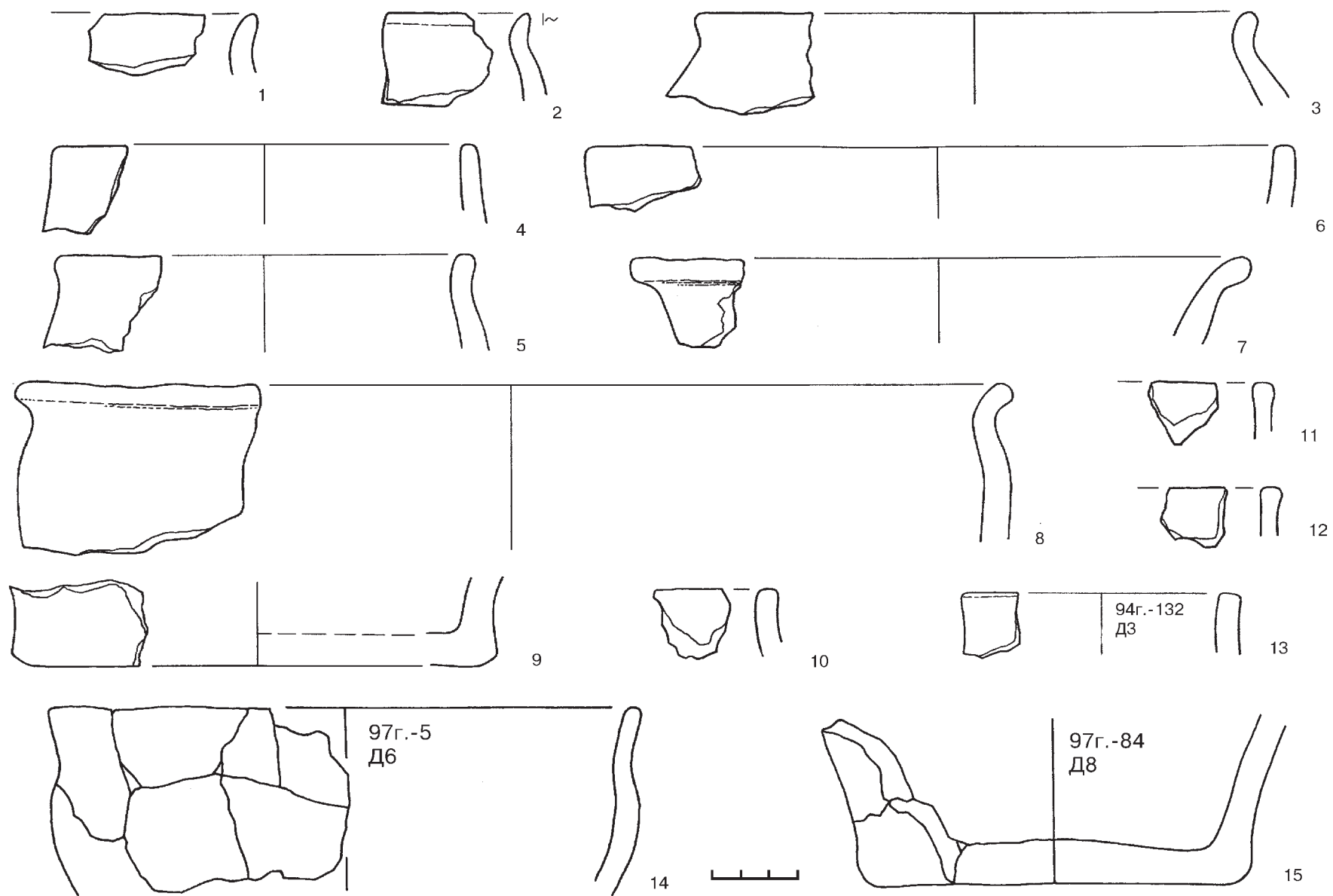

Рис. 67. Ермошино. 1993, 1994, 1997 гг. Материалы из ям. 1 – яма 7; 2, 3 – яма погребения 1; 4–12 – яма 9; 13 – яма 15; 14 – яма 54; 15 – яма 58.

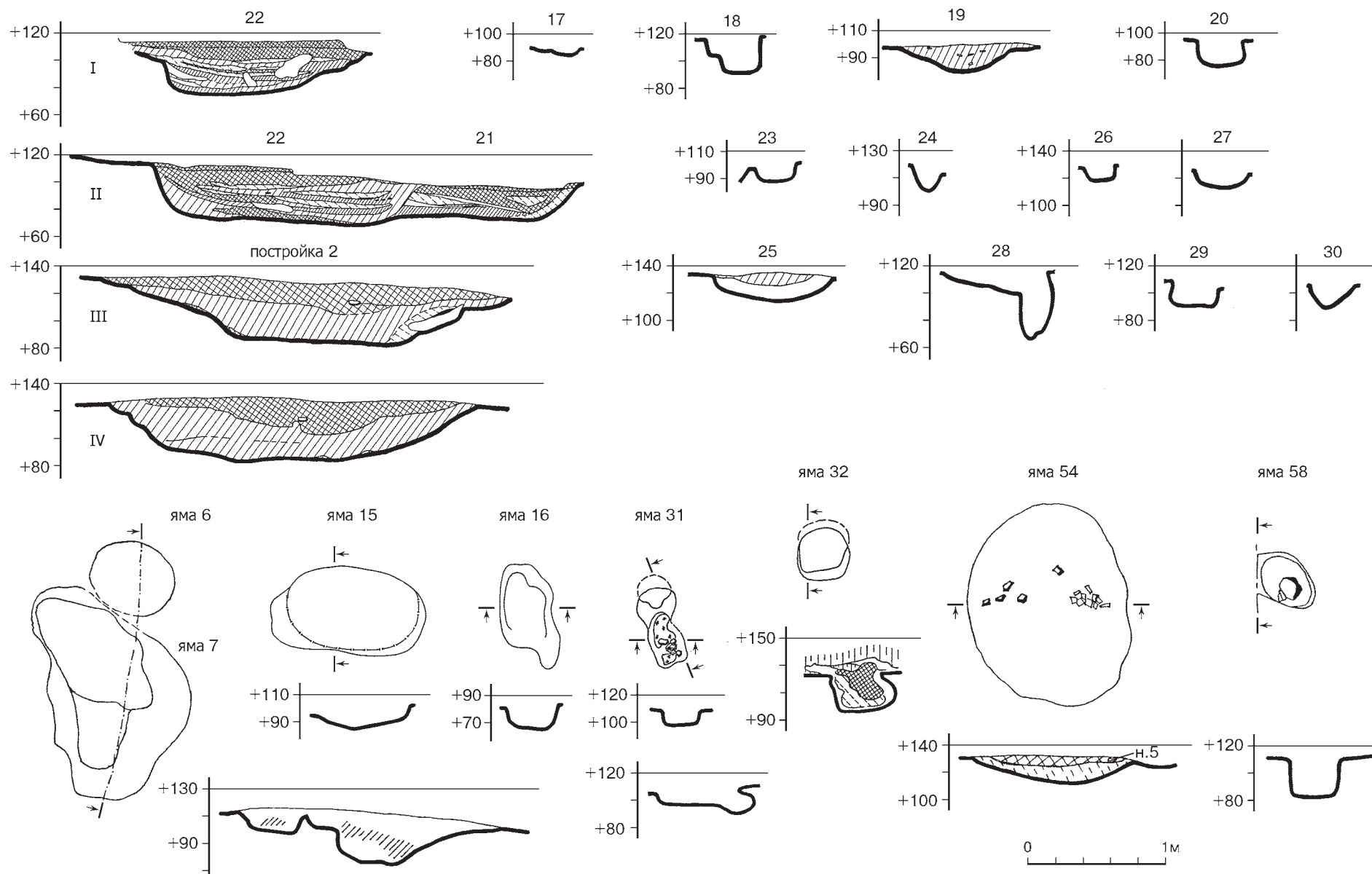

Рис. 69. Ермошино. 1993, 1994 гг. Ямы, профили, разрезы. Условные обозначения: рис. 72.

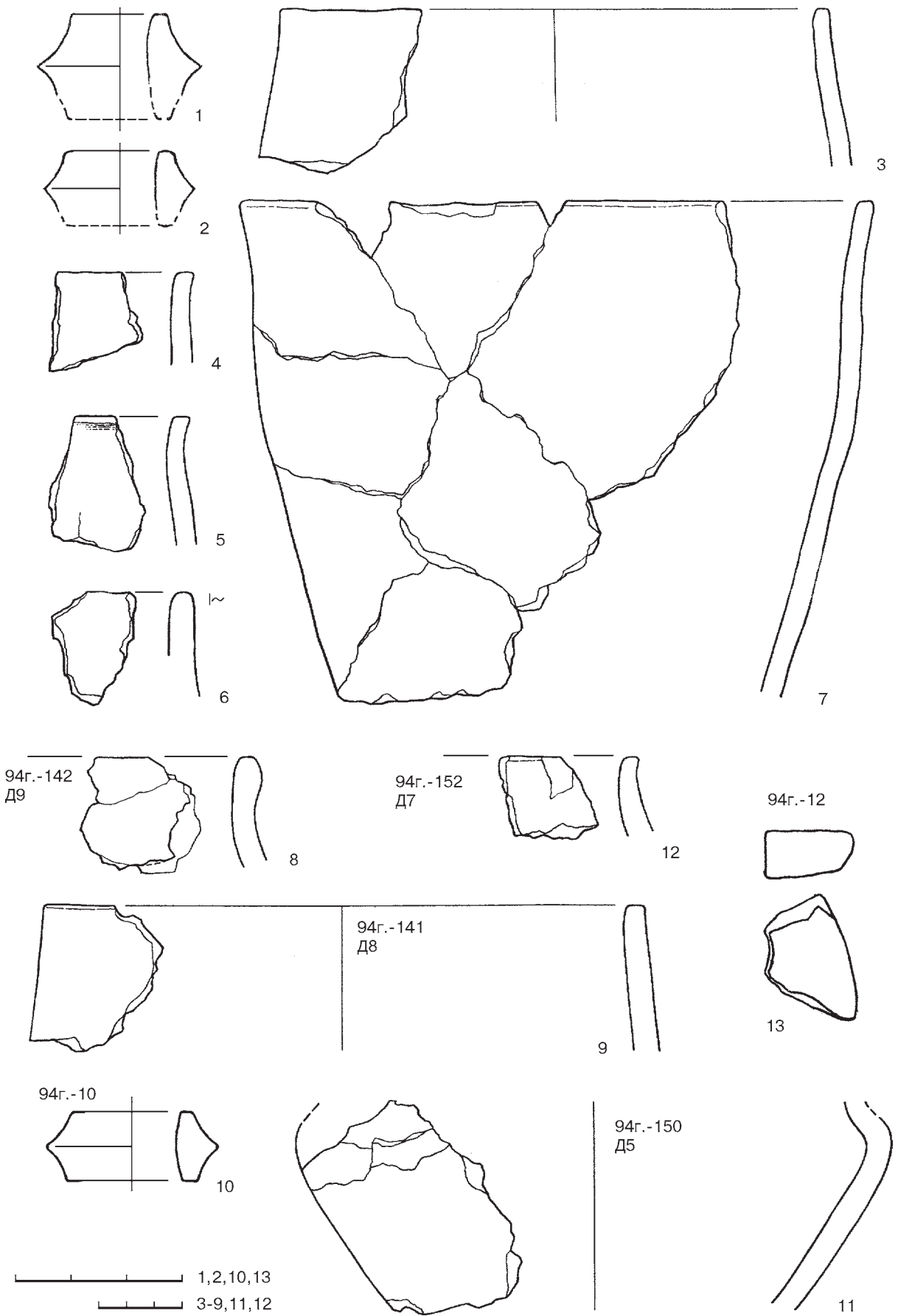

Рис. 70. Ермошино. 1993, 1994 гг. Материалы из ям.
 1-7 – яма 12; 8-10 – яма 19; 11 – яма 20; 12 – яма 21; 13 – яма 22.

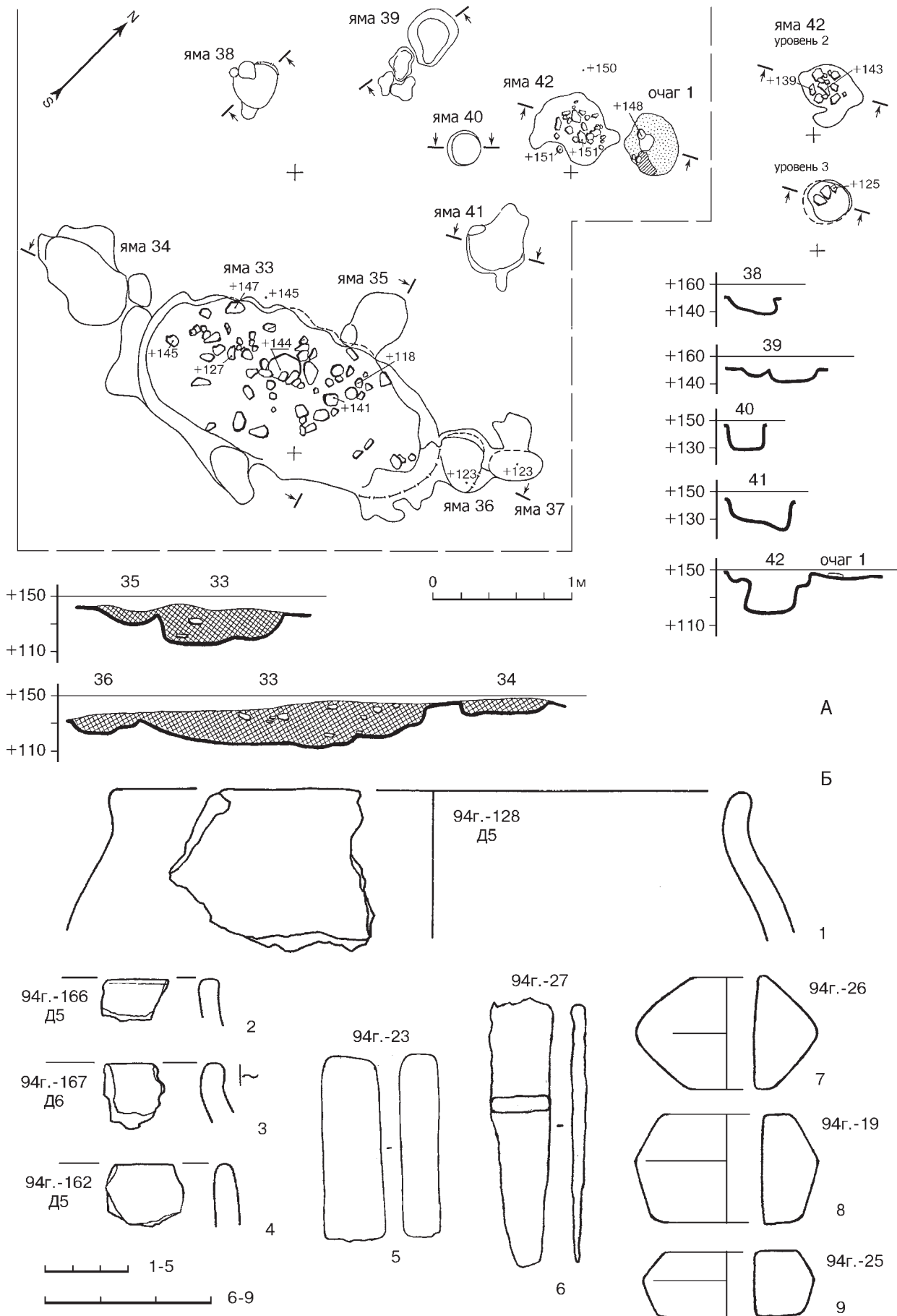

Рис. 71. Ермошино. 1994 г. Ямы (А), материалы из ям (Б).
 1-4 – яма 33(?); 5, 8 – яма 39; 6 – яма 40; 7 – яма 36; 9 – яма 42. 5 – камень; 6 – железо; остальное – глина.

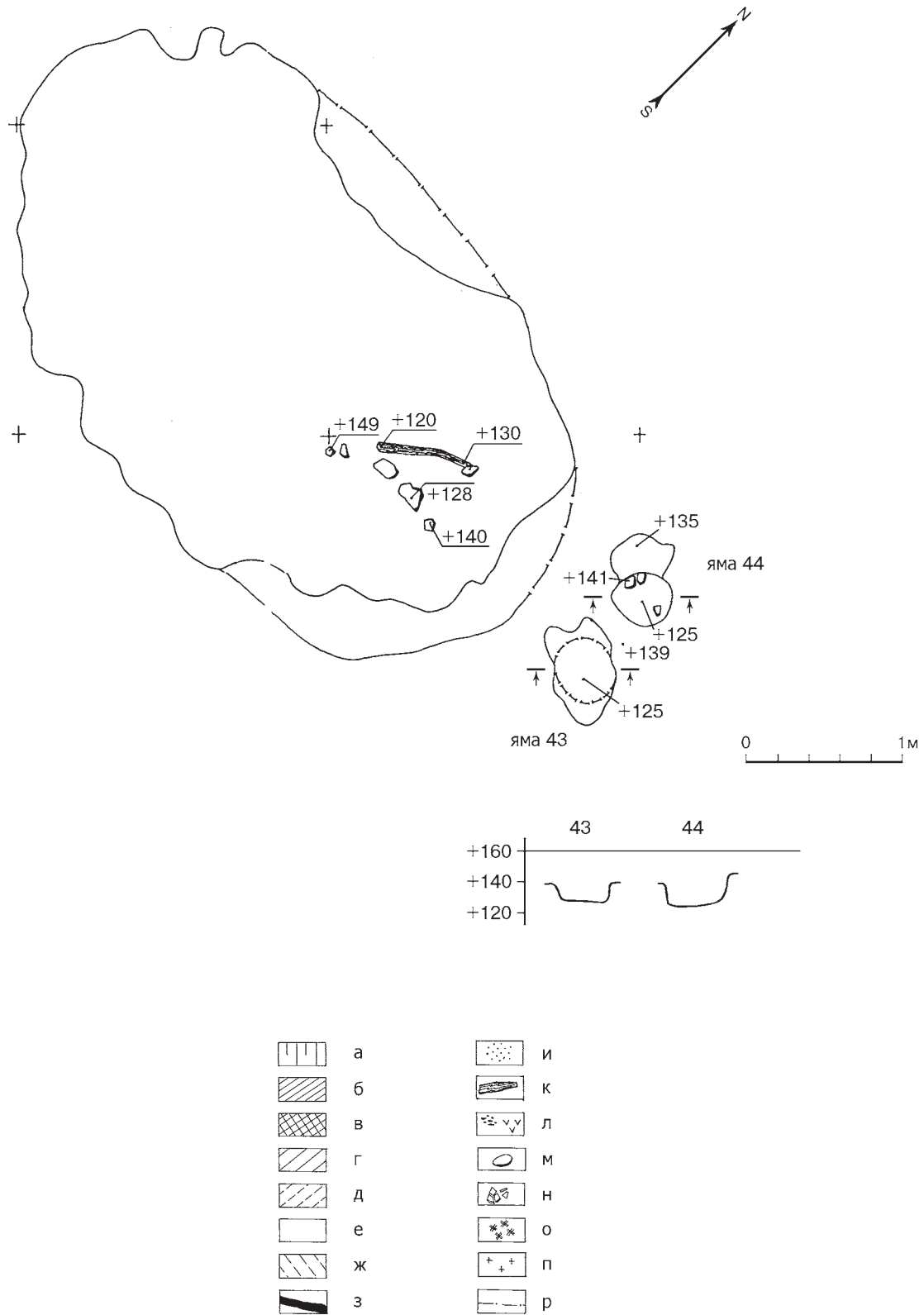

Рис. 72. Ермошино. 1994 г. Постройка 3, верхний уровень расчистки.

Условные обозначения к планам и профилям объектов поселения Ермошино:

а – пахота; б – коричневый песок; в – темно-серый песок; г – серый песок; д – светло-серый песок; е – желтый песок (без штриховки); ж – желто-серый песок; з – материк; и – прокаленный песок; к – обугленное дерево; л – угли, углистые пятна; м – камни; н – керамика; о – печина; п – кальцинированные кости; р – реальные границы раскопа и линии профилей.

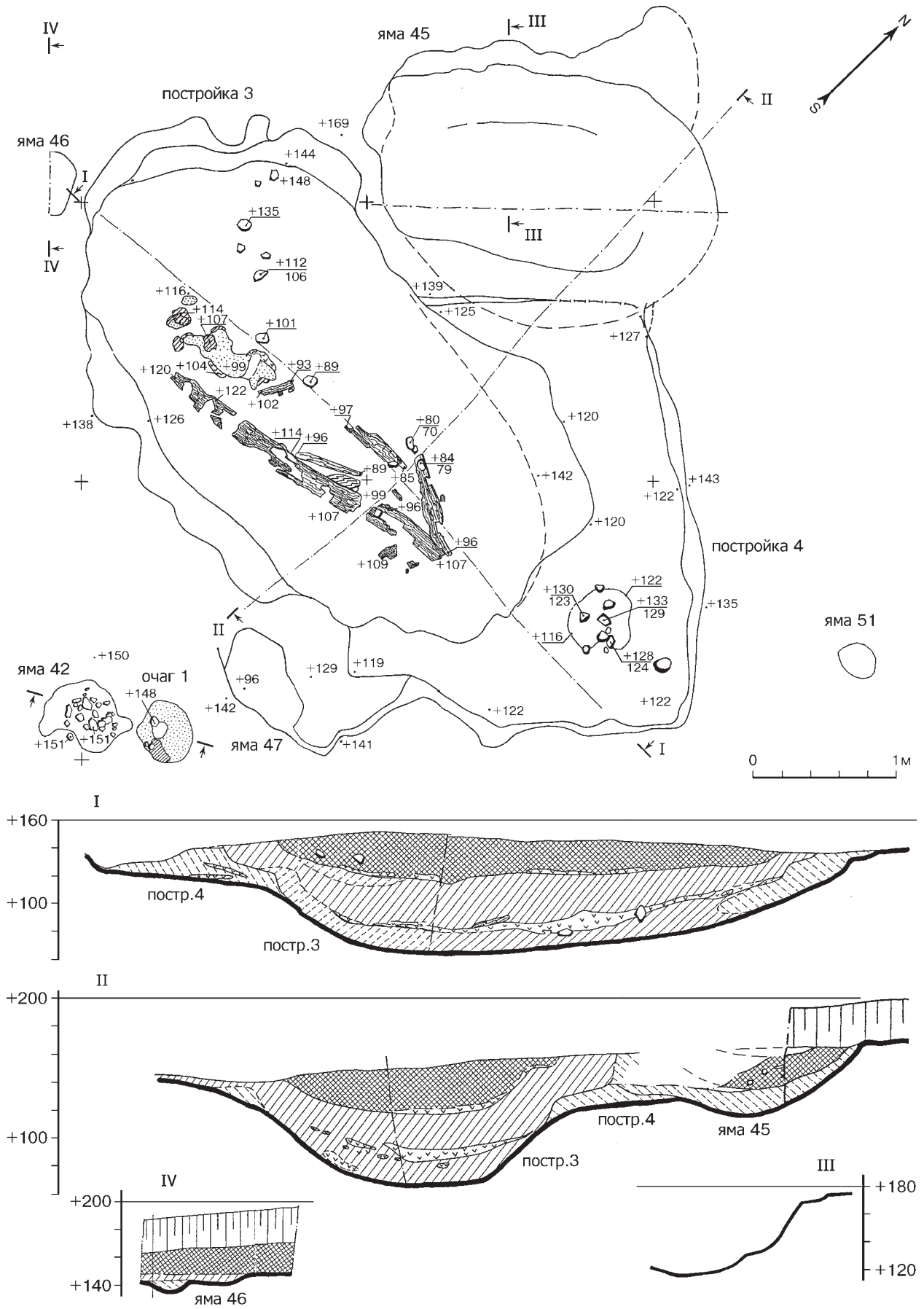

Рис. 73. Ермошино. 1994, 1995 гг. Постройки 3 и 4, прилегающие ямы. Яму 42 и очаг 1 см. также на рис. 71. Условные обозначения: рис. 72.

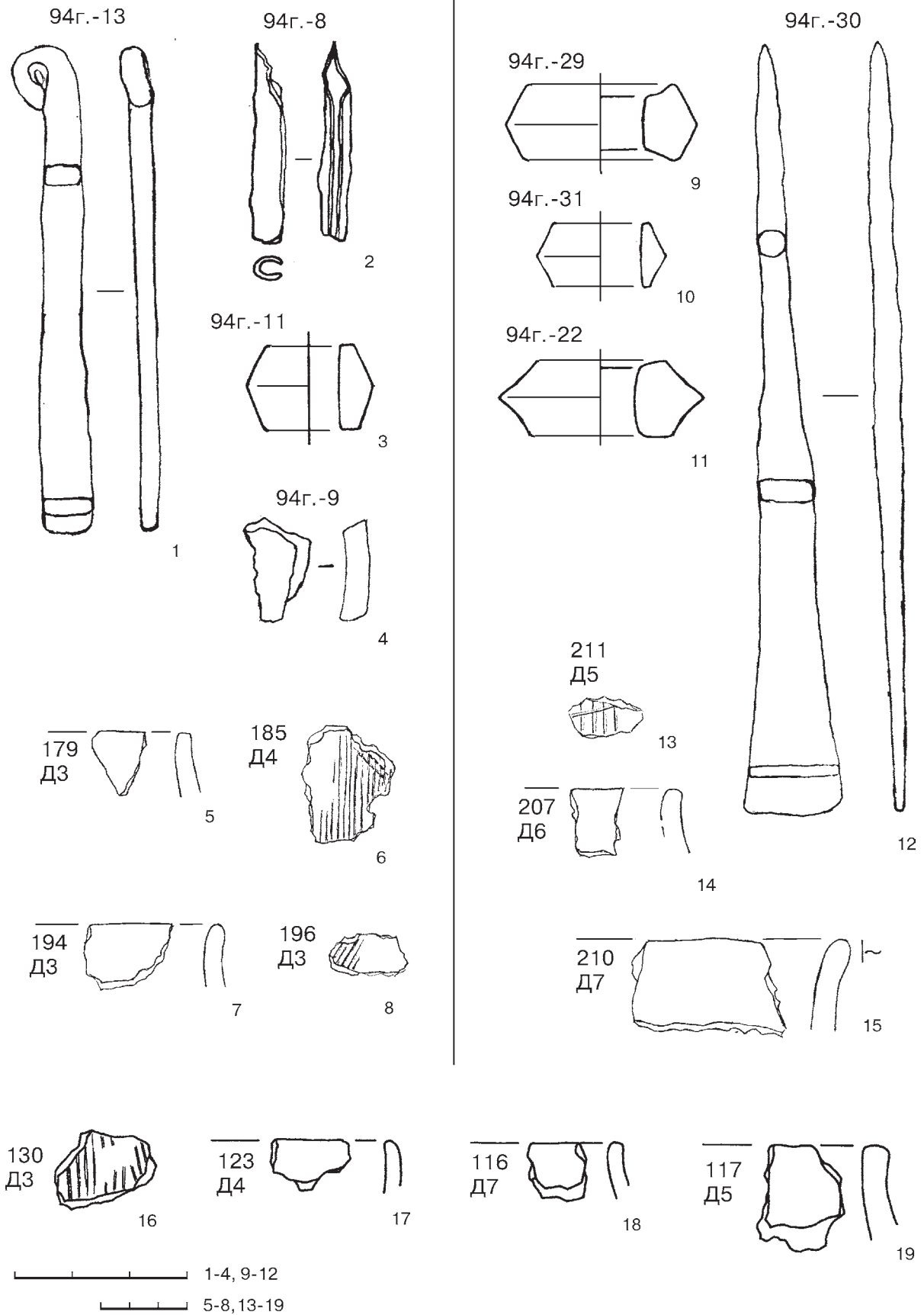

Рис. 74. Ермошино. 1994 г. Материалы из заполнения построек 2 и 3.
 1-8 – постройка 2; 9-15 – постройка 3; 16-19 – культурный слой рядом с постройкой 3.
 1, 2, 12 – железо; 4 – стекло; остальное – глина.

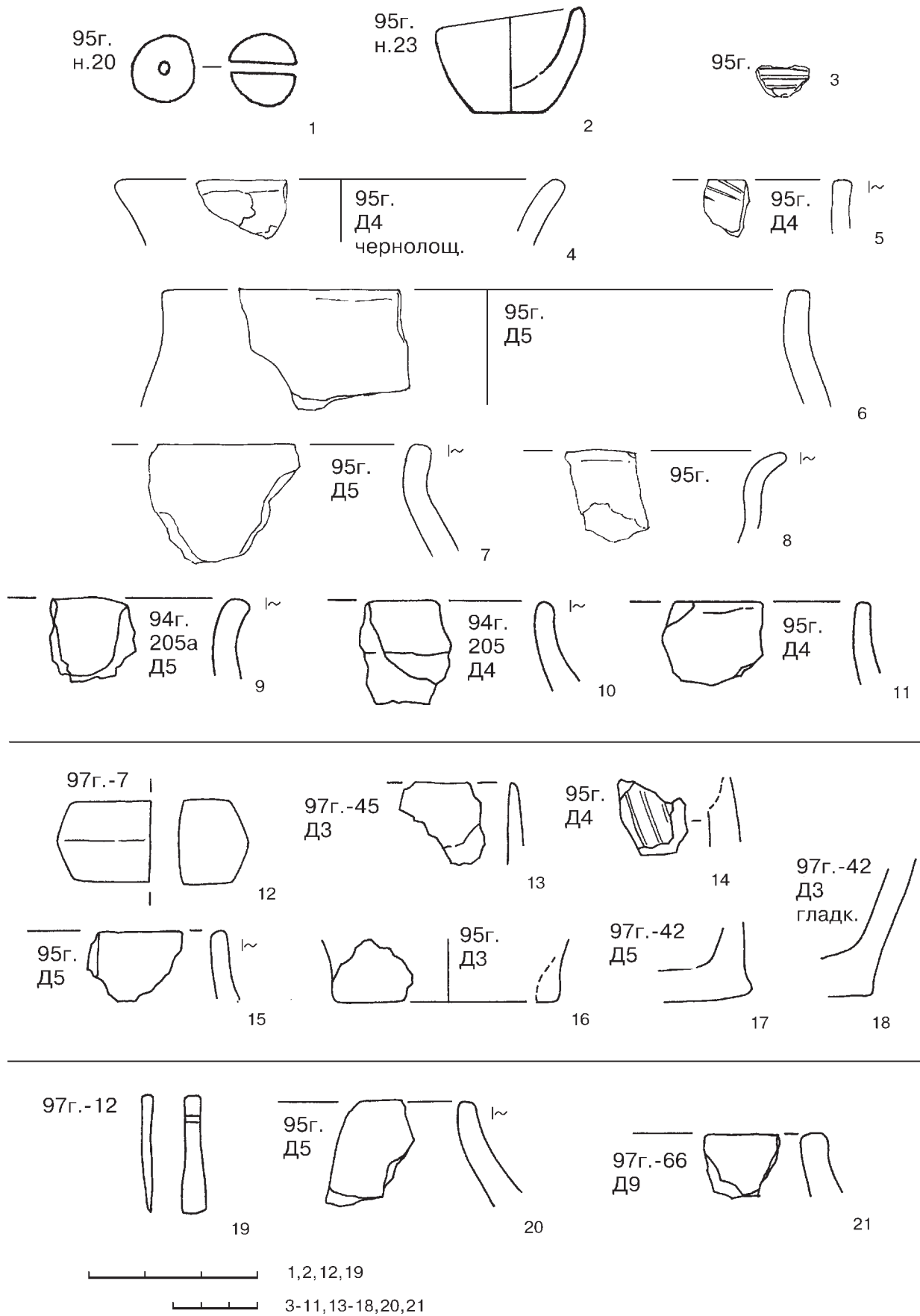

Рис. 75. Ермошино. 1994, 1995, 1997 гг. Материалы из заполнения углубленных объектов. 1-11 – яма 45; 12-18 – объект 60; 19-21 – объект 61. 19 – железо; остальное – глина.

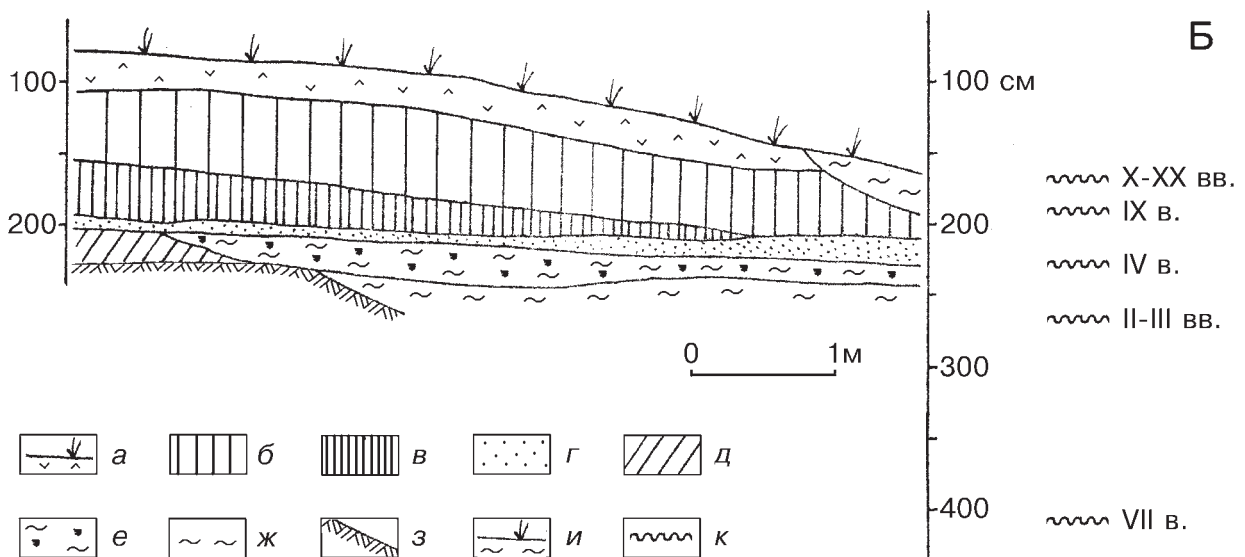
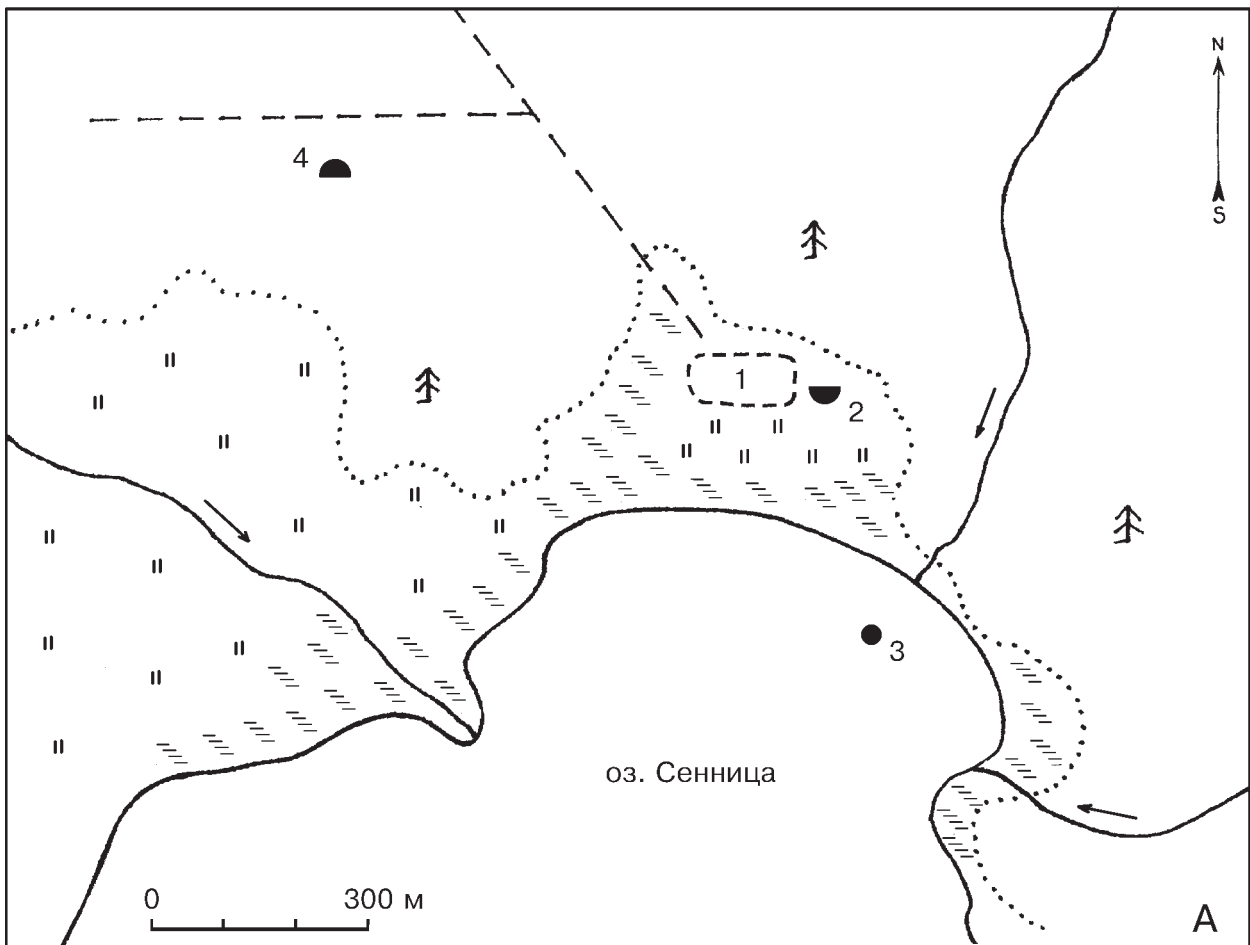

Рис. 76. Фролы. Комплекс археологических памятников на северном берегу оз. Сенница.
 А. Ситуационный план. 1 – селище, 2 – грунтовый могильник, 3 – мастерская Мосты, 4 – курганная группа.
 Б. Стратиграфия юго-восточной стенки траншеи 1997 года. Условные обозначения: а – дерн и пахота (слой 1), б – черный гумус (слой 2-3), в – слой 4 (“шихта”), г – слой 5 (серый песок), д – розовато-серая супесь (слой 6), е – слаборазложившийся торф (слой 7), ж – сильноразложившийся торф (гития) – материк, з – желтый слежавшийся песок – материк, и – перекрывающий торф (совр.), к – предполагаемый уровень стояния воды в озере по археологическим периодам.

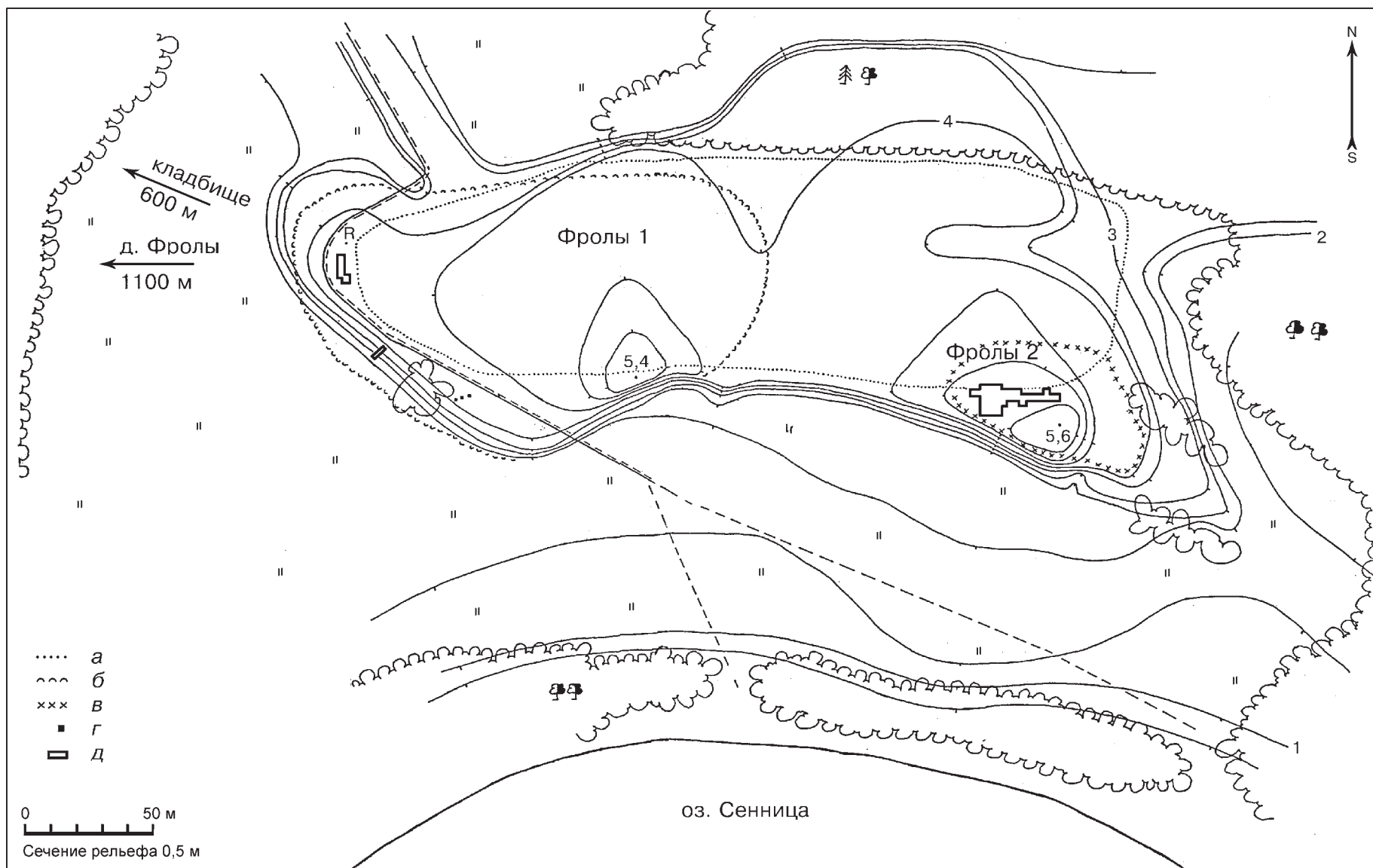

Рис. 77. Фролы (№ 6). Селище и грунтовый могильник. Топографический план.

а – граница поля; б – граница поселения; в – предполагаемая граница могильника; г – шурфы 1990 г.; д – раскопы 1996–1998 гг.

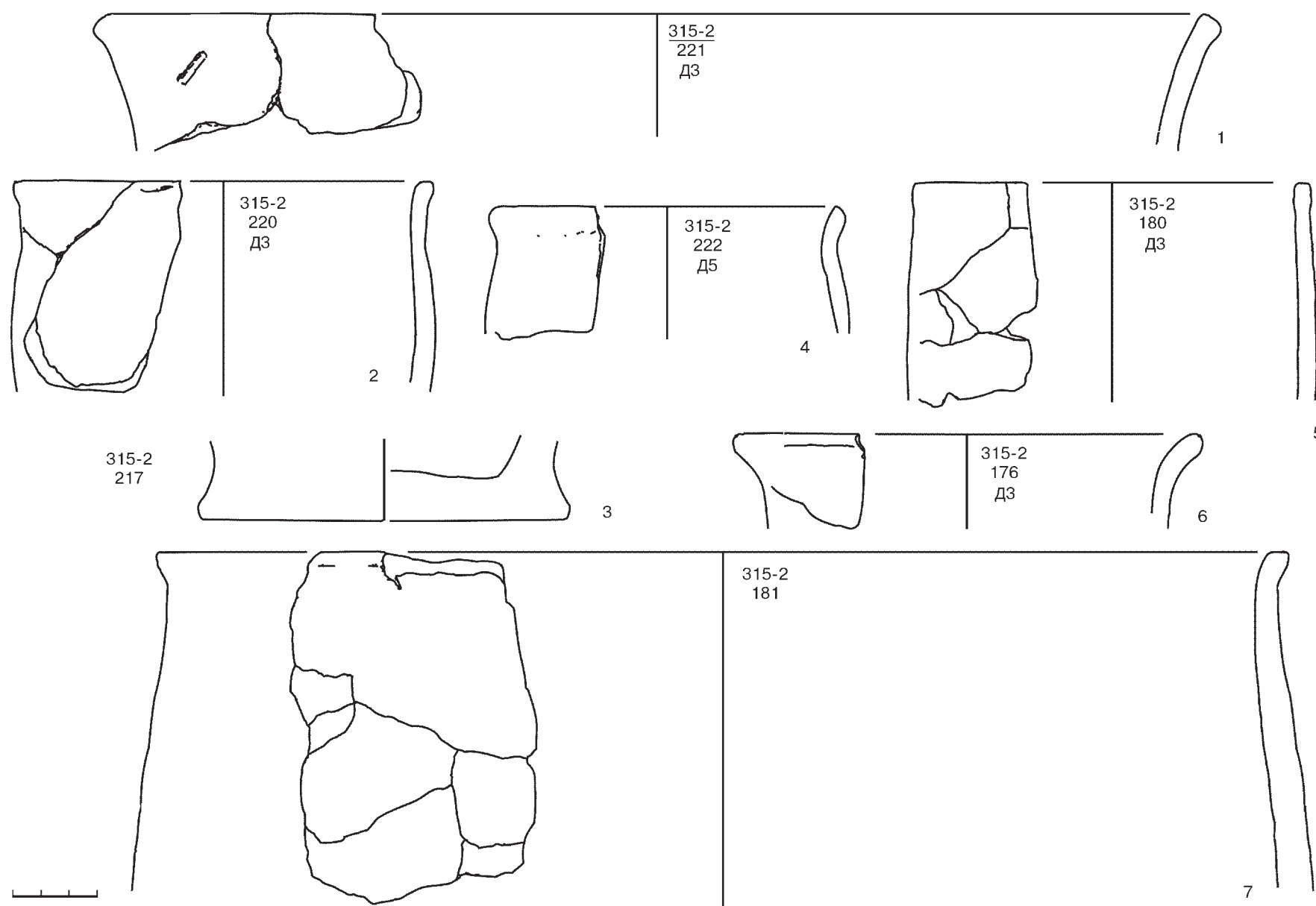

Рис. 78. Фролы.Керамика из слоя торфа (1-4) и серого песка (5-7).

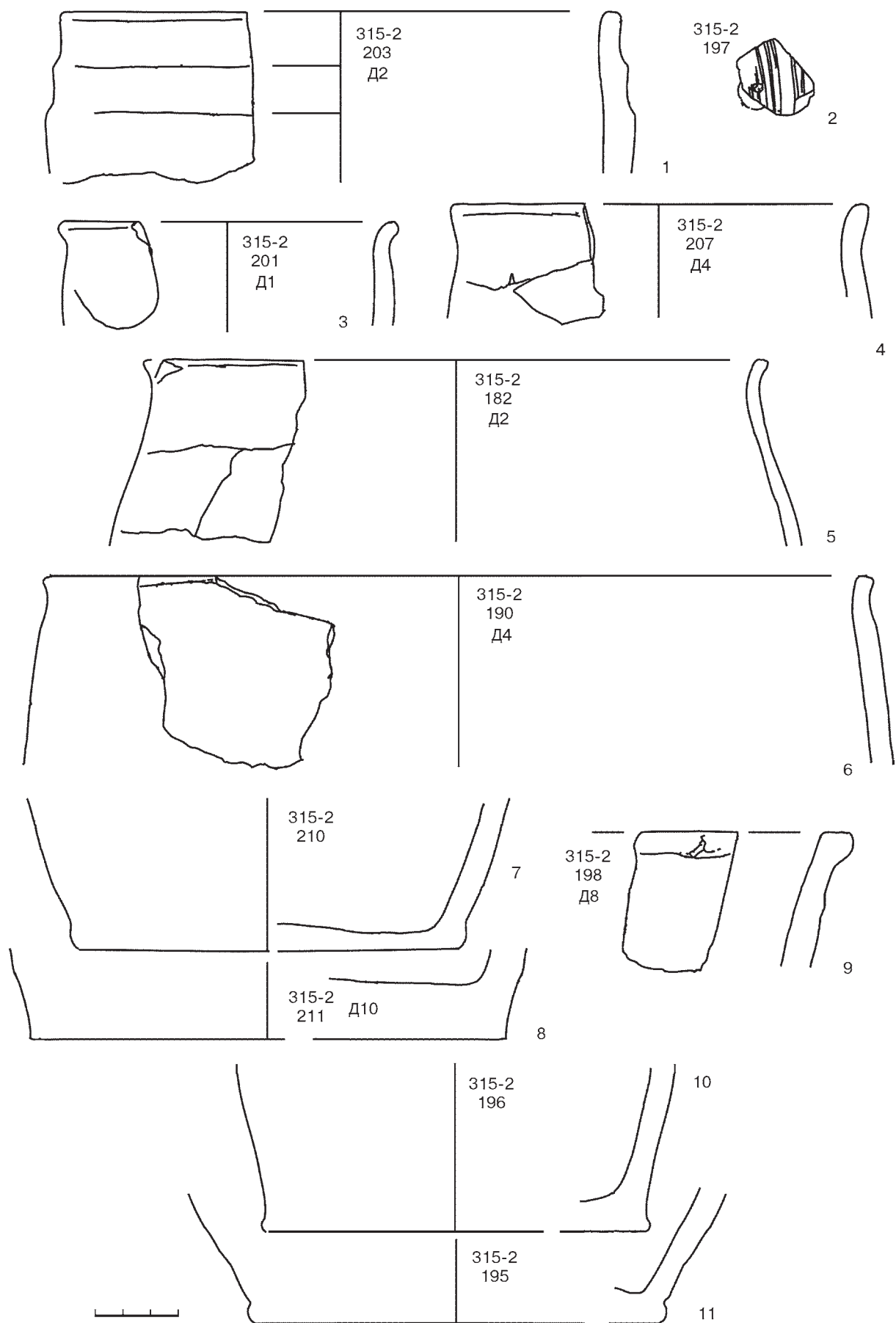

Рис. 79. Фролы. Керамика из слоя серого песка..

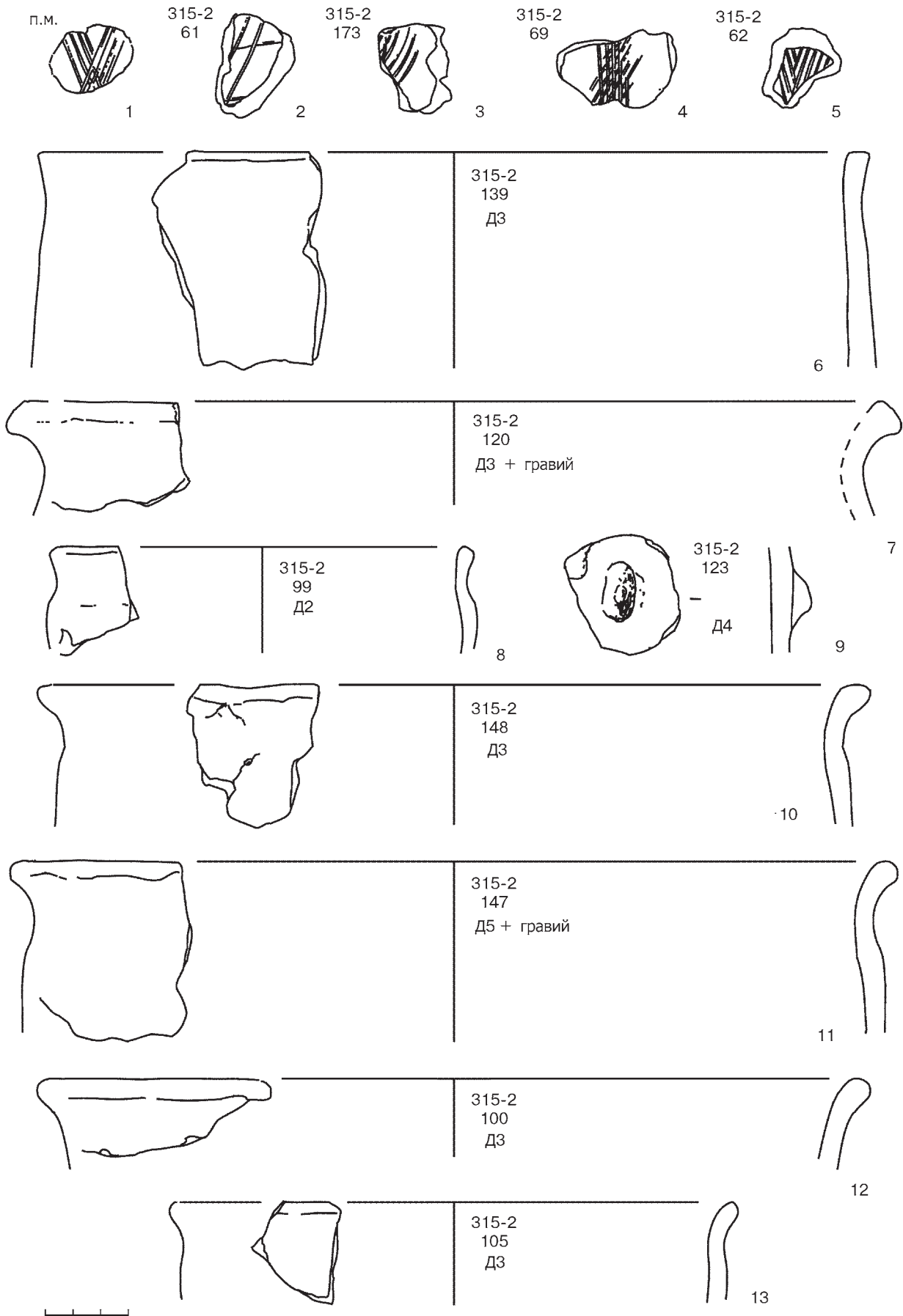

Рис. 80. Фролы. Керамика из «слоя шихты».

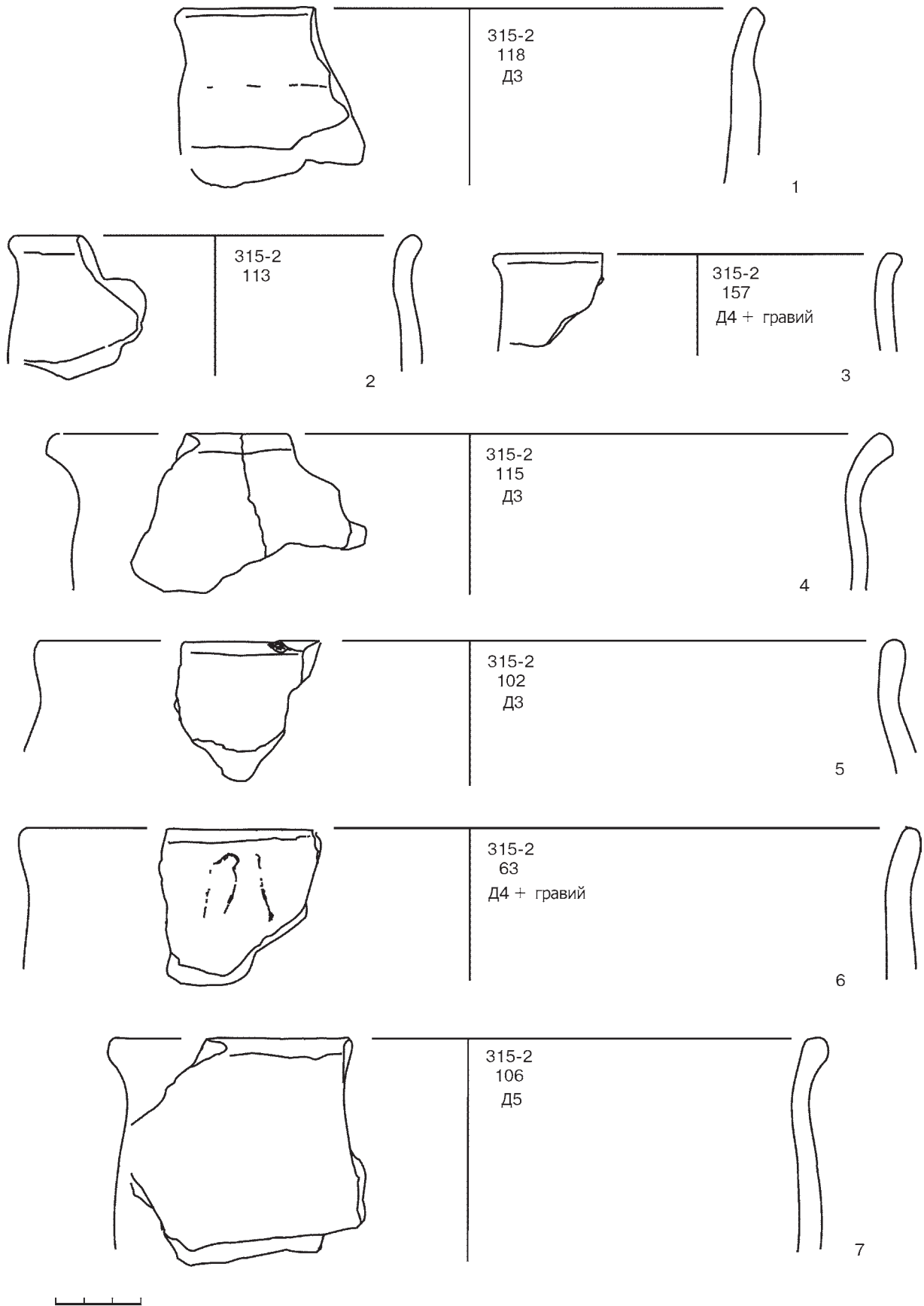

Рис. 81. Фролы. Керамика из «слоя шихты».

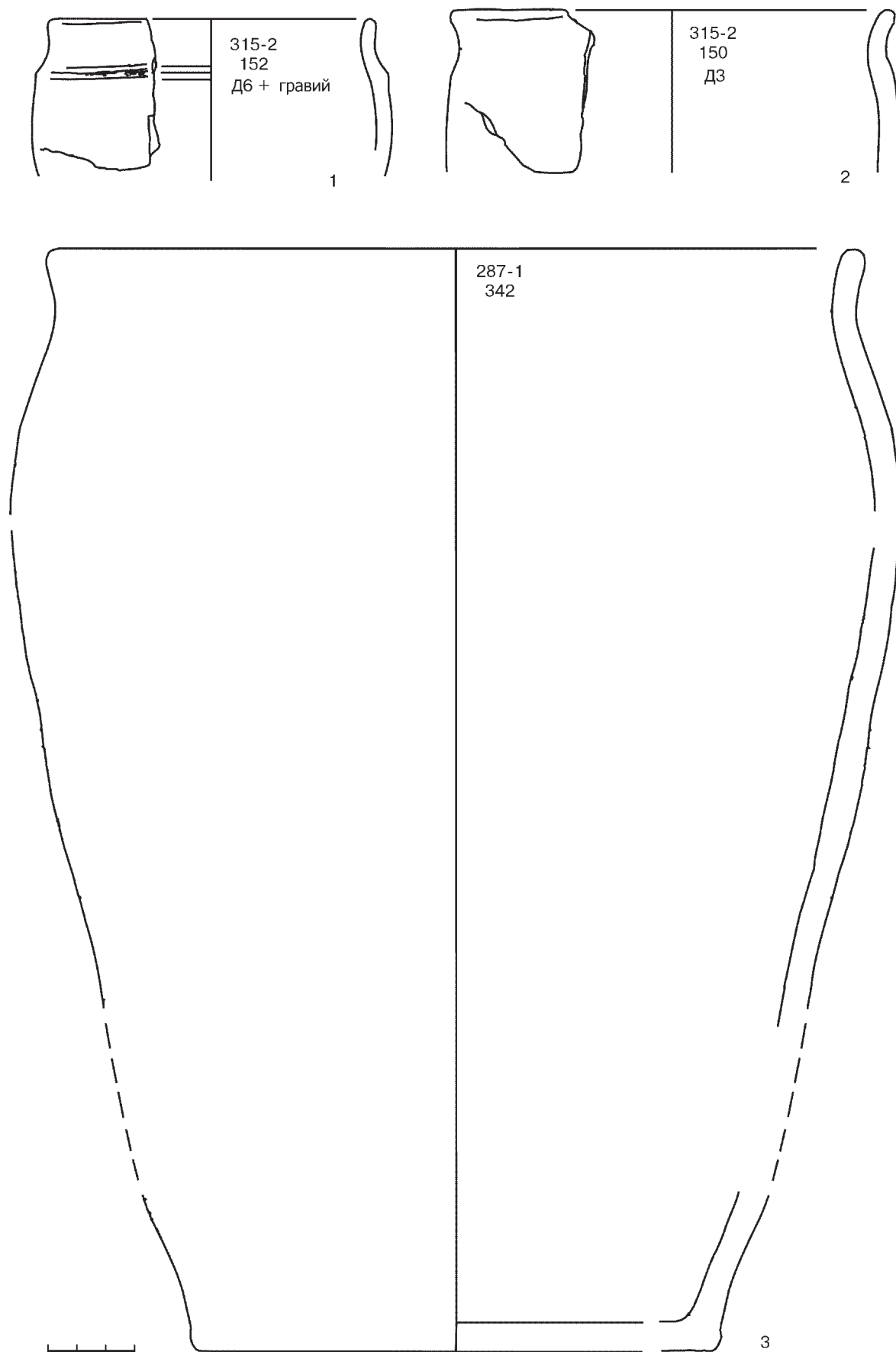

Рис. 82. Фролы. Керамика из «слоя шихты».

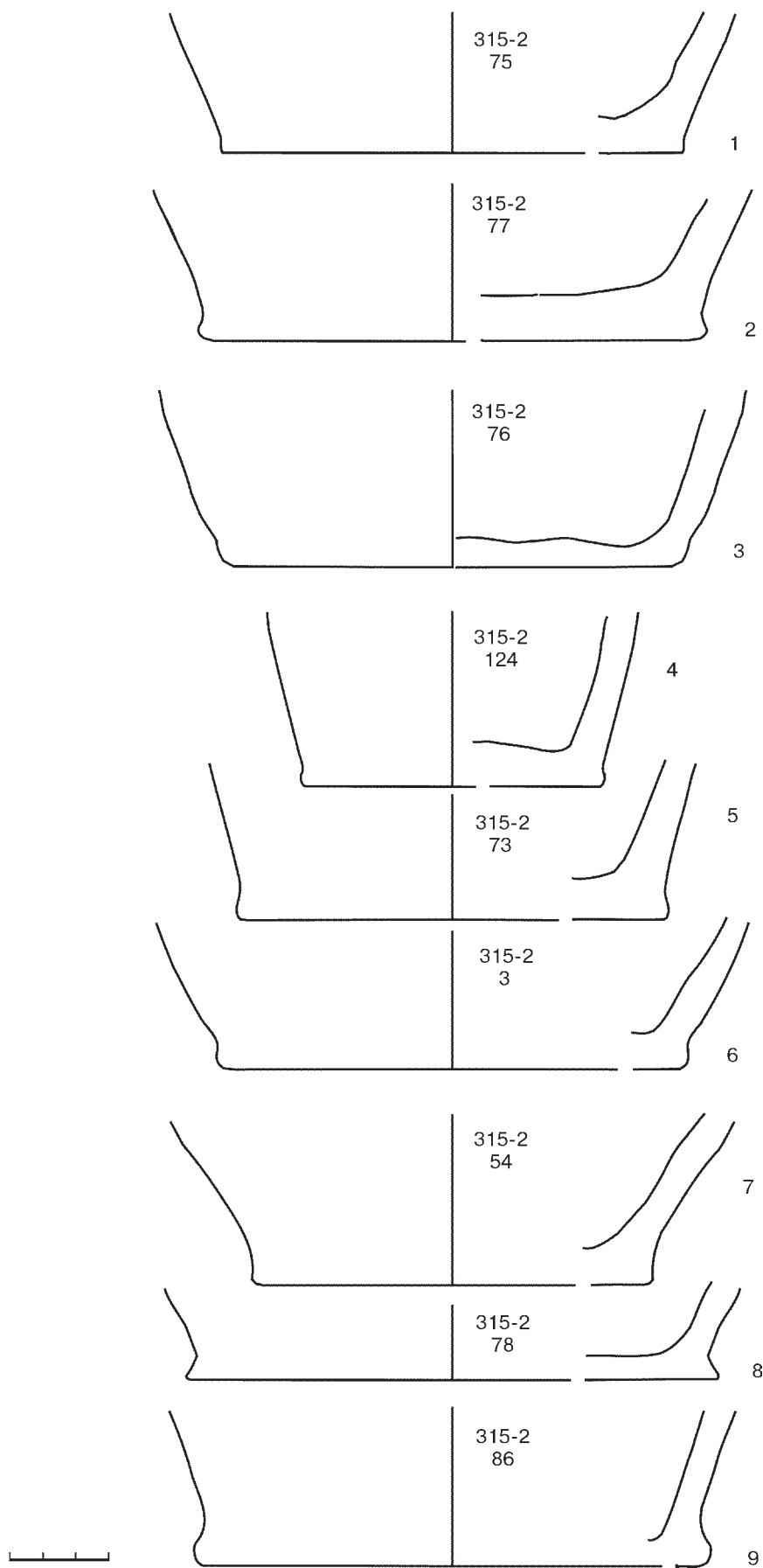

Рис. 83. Фролы. Керамика из слоя «слоя шихты».

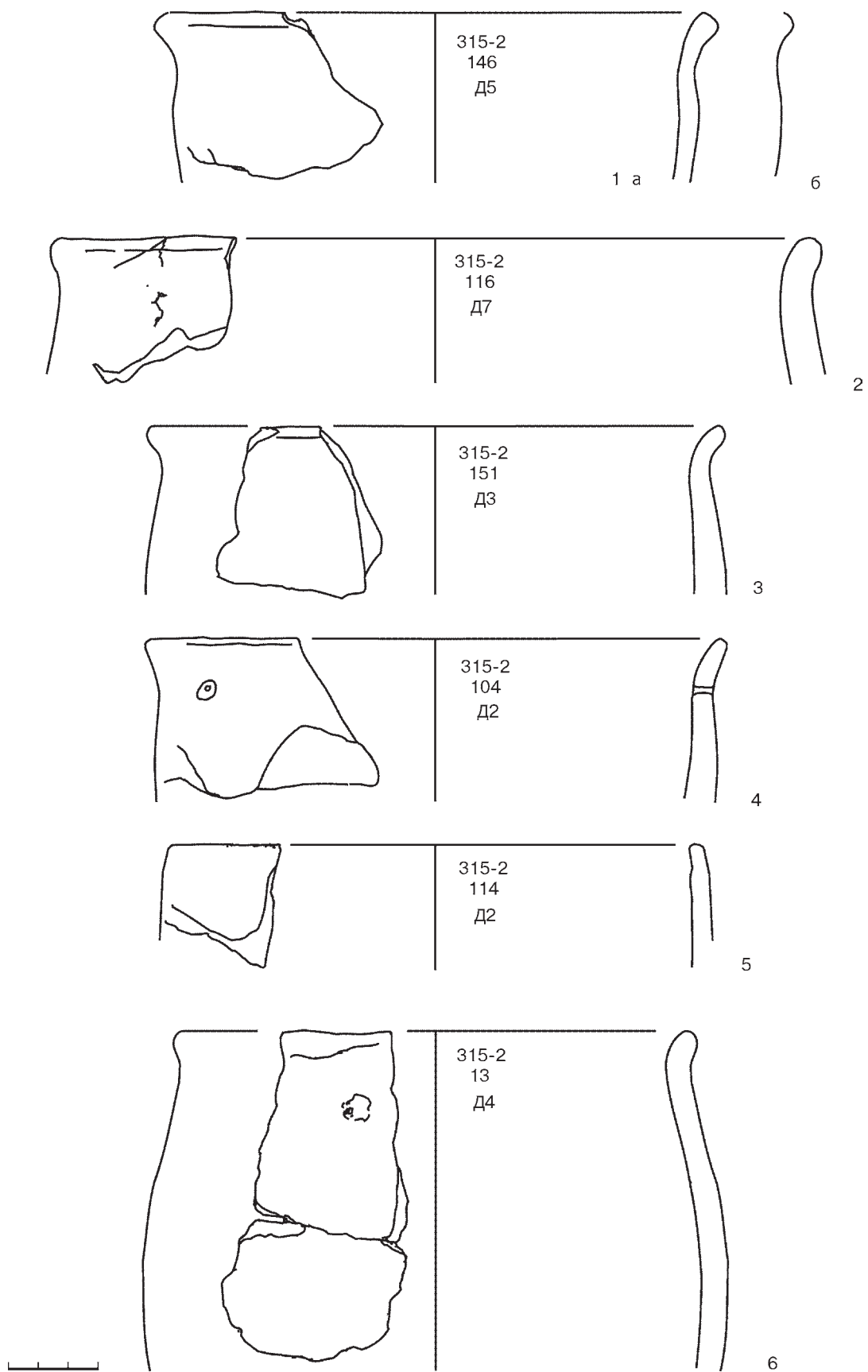

Рис. 84. Фролы. Керамика из «слоя шихты» (1–5) и слоя черного гумуса (6).

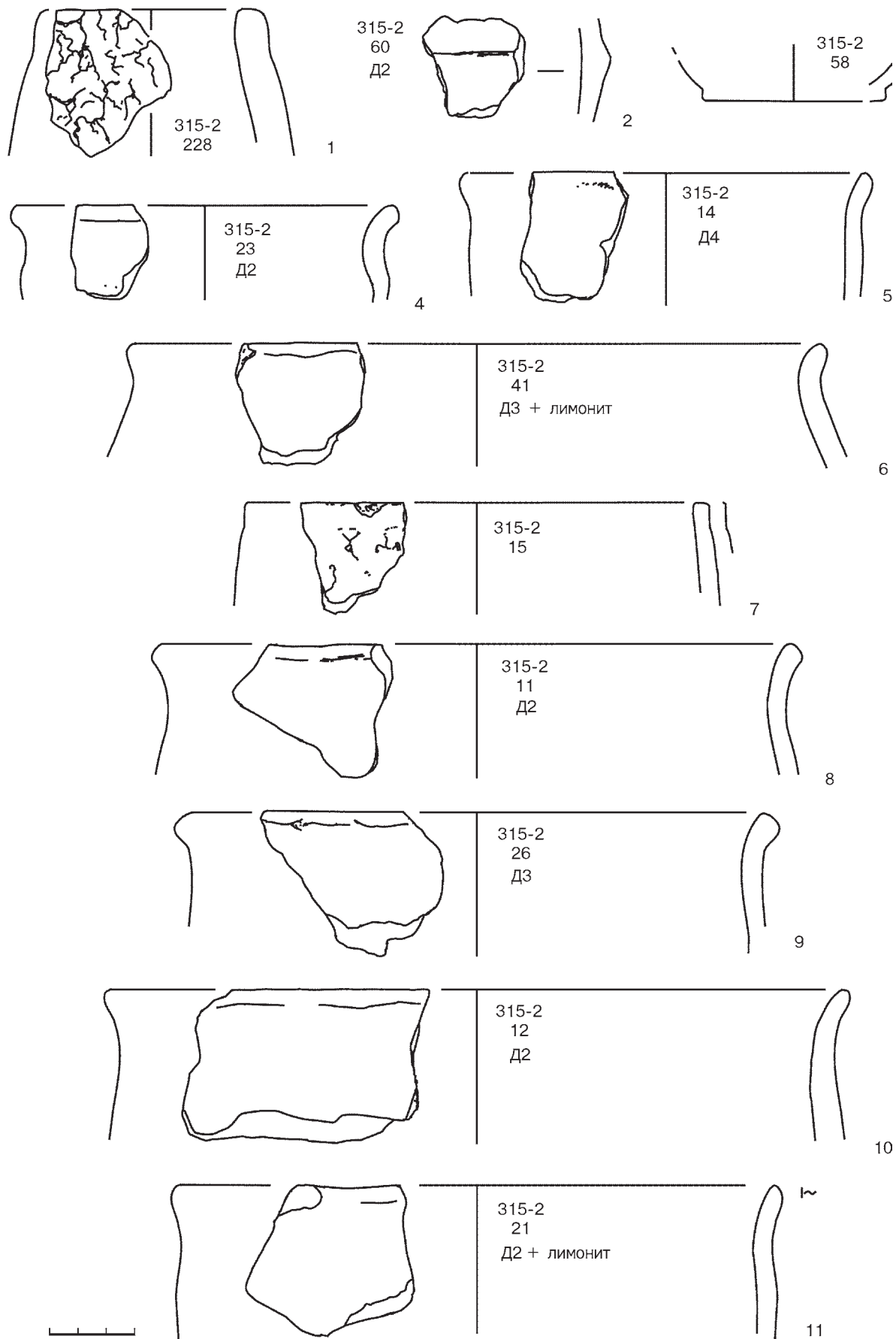

Рис. 85. Фролы. Керамика из слоев черного гумуса и пахоты.

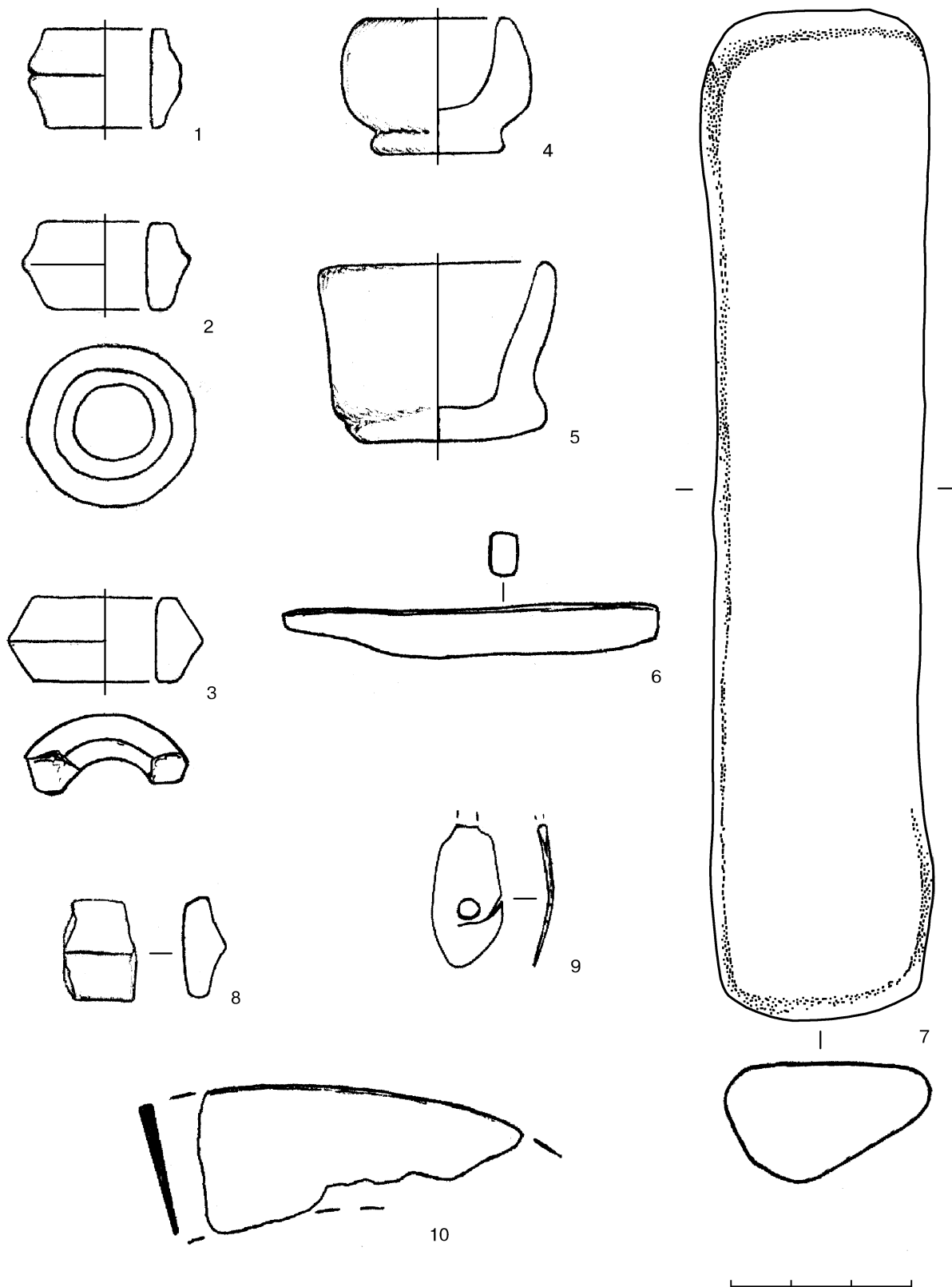

Рис. 86. Фролы. Находки из траншеи 1997 года.
 1 – слой торфа; 2 – слой серого песка; 3–7 – слой «шихты»; 8–10 – слой «черного гумуса».
 1–5, 8 – глина, 6, 10 – железо, 7 – камень; 9 – бронза.

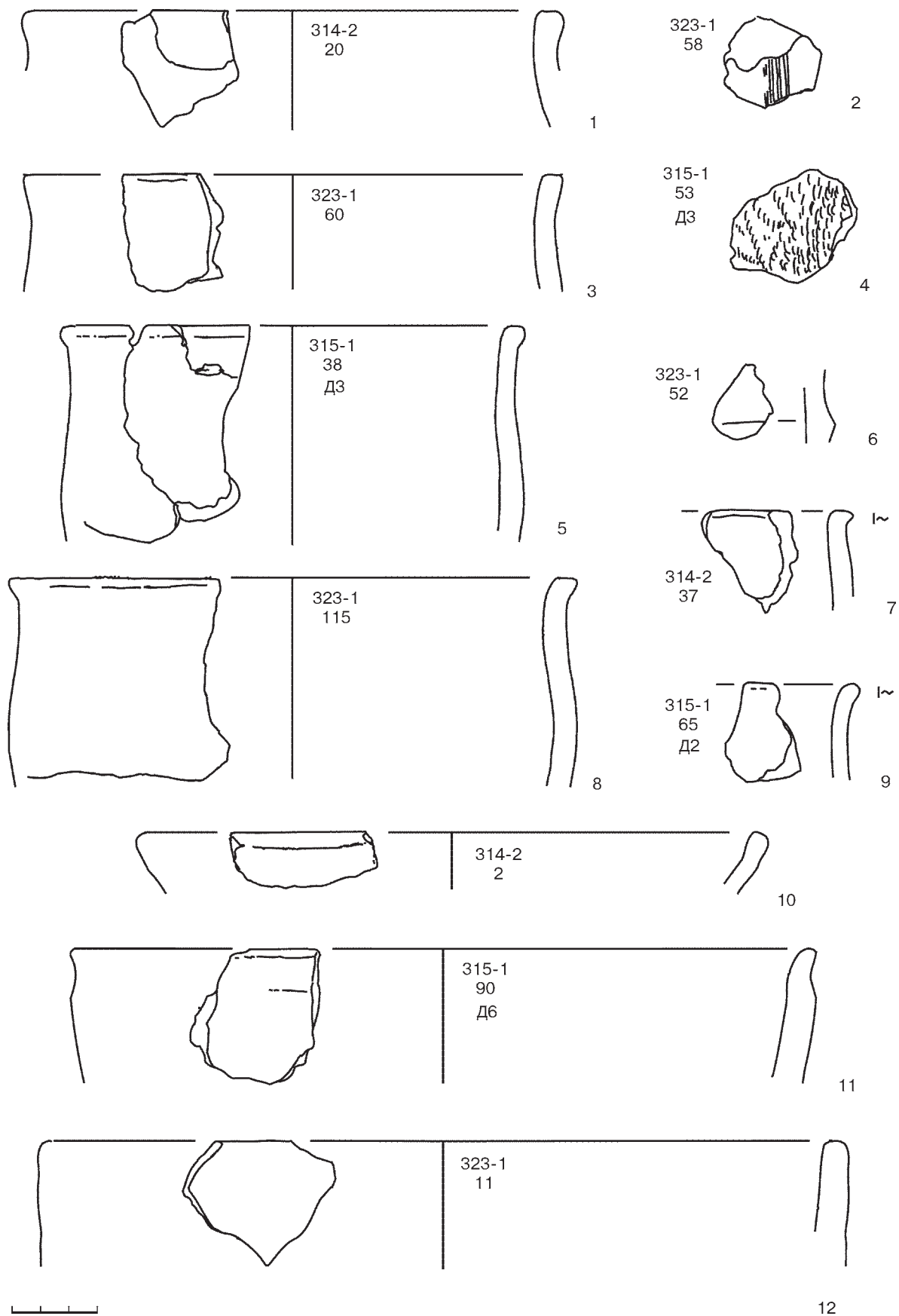

Рис. 87. Фролы. Керамика из слоя селища под могильником.

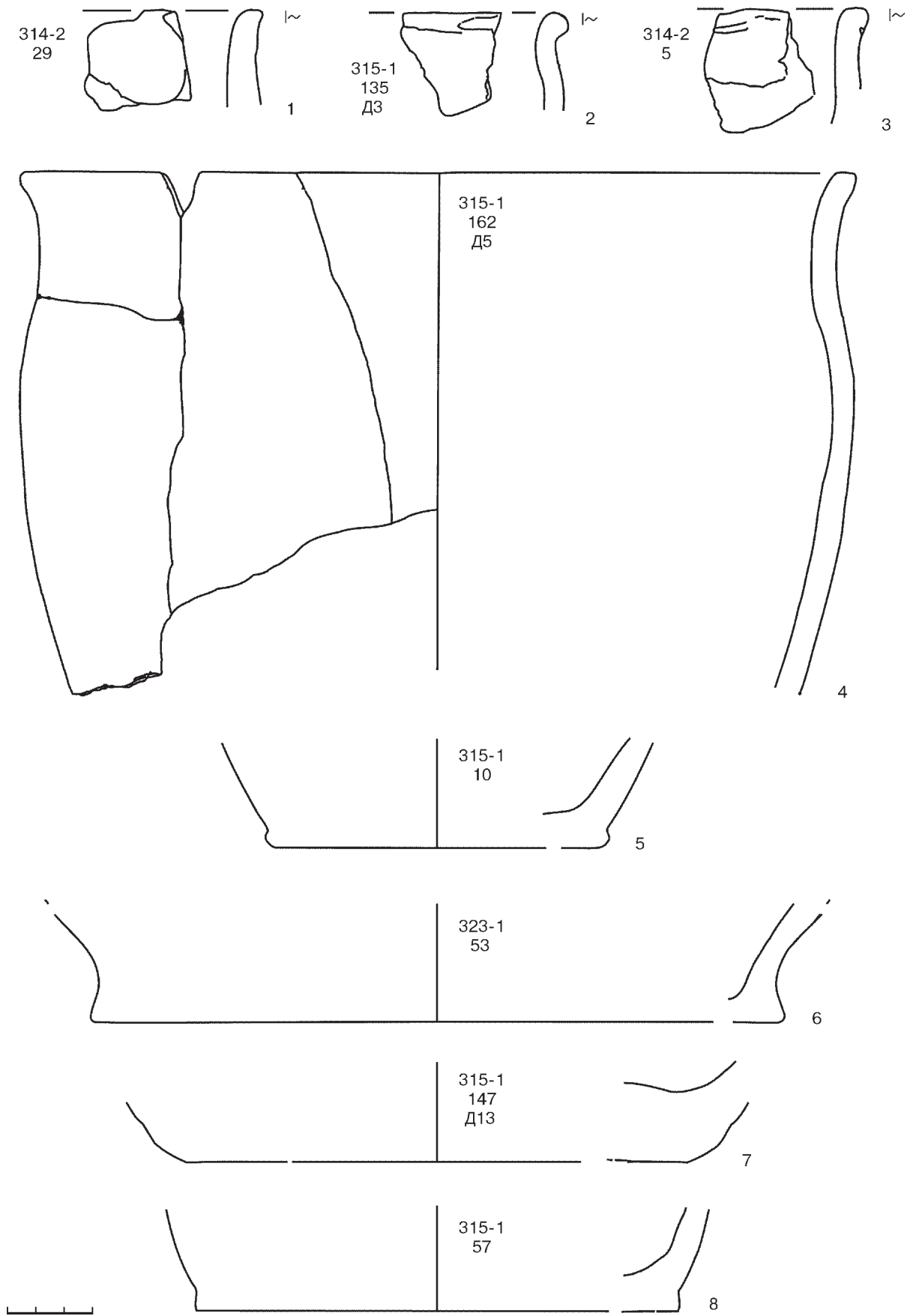

Рис. 89. Фролы. Керамика из слоя селища под могильником.

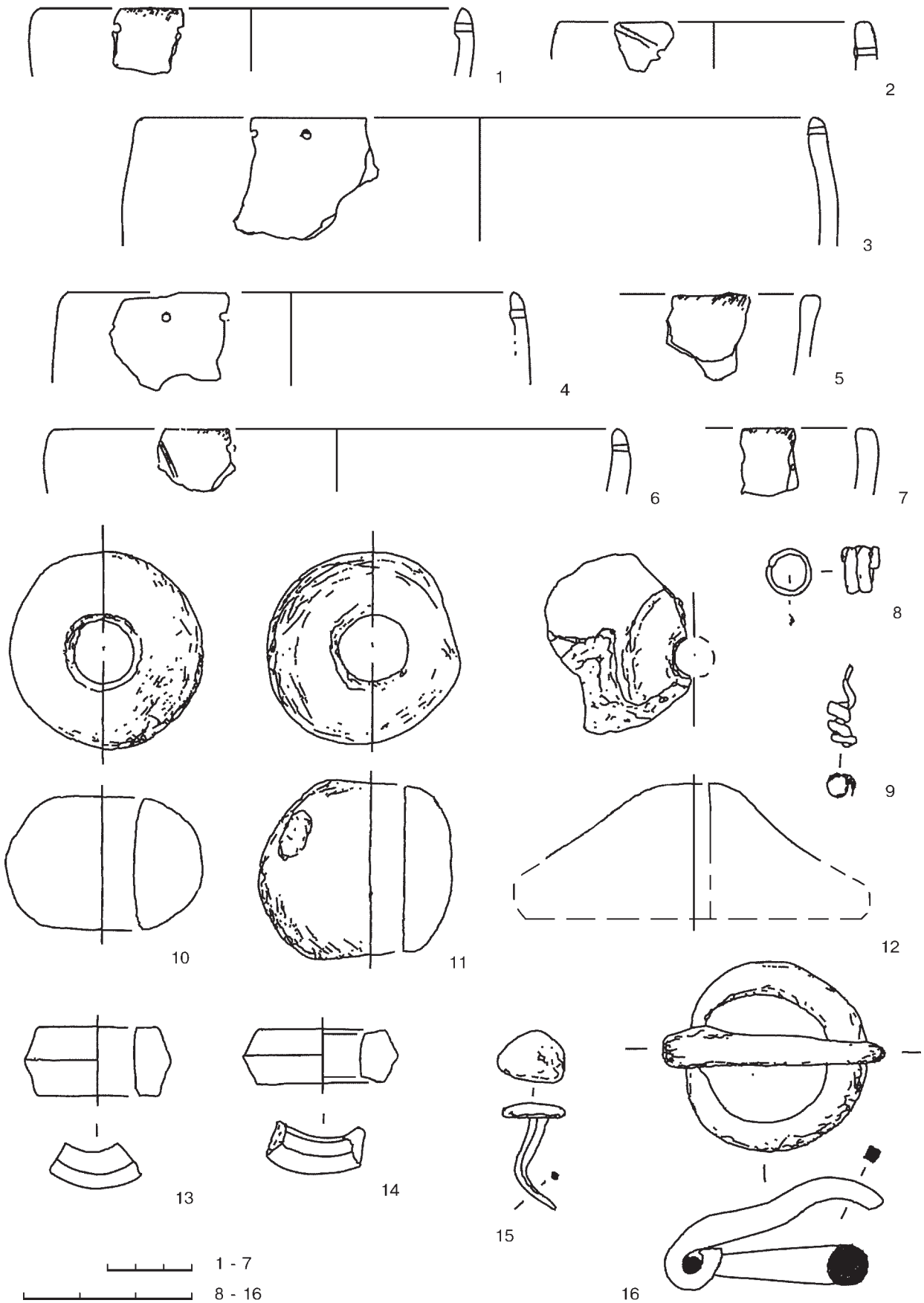

Рис. 90. Фролы. Керамика (1-7) и индивидуальные находки (8-16) из слоя селища под могильником. 1-7, 10-14 – глина, 8, 9 – бронза, 15, 16 – железо.

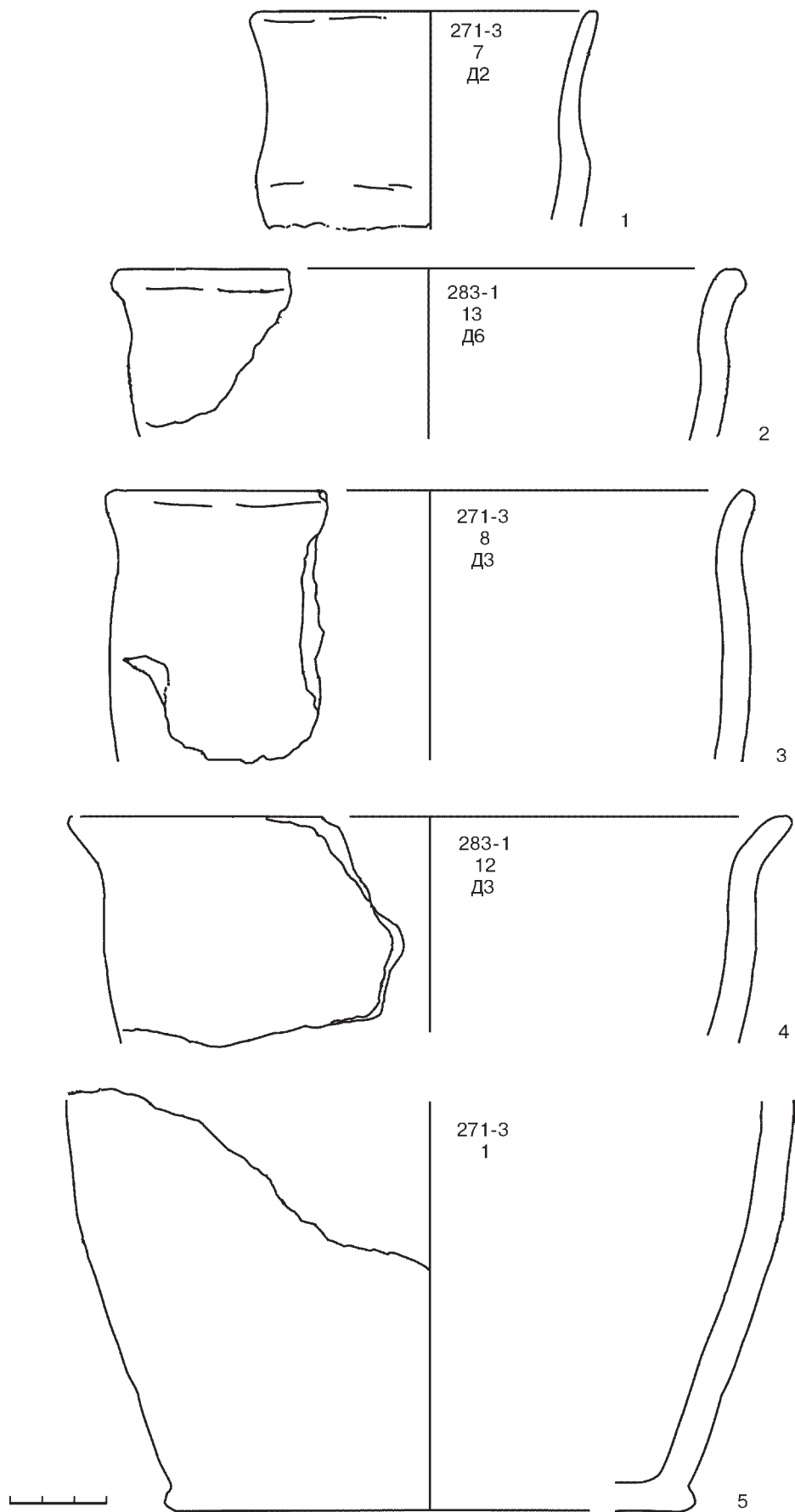

Рис. 91. Фролы. Керамика из мастерской Мосты.

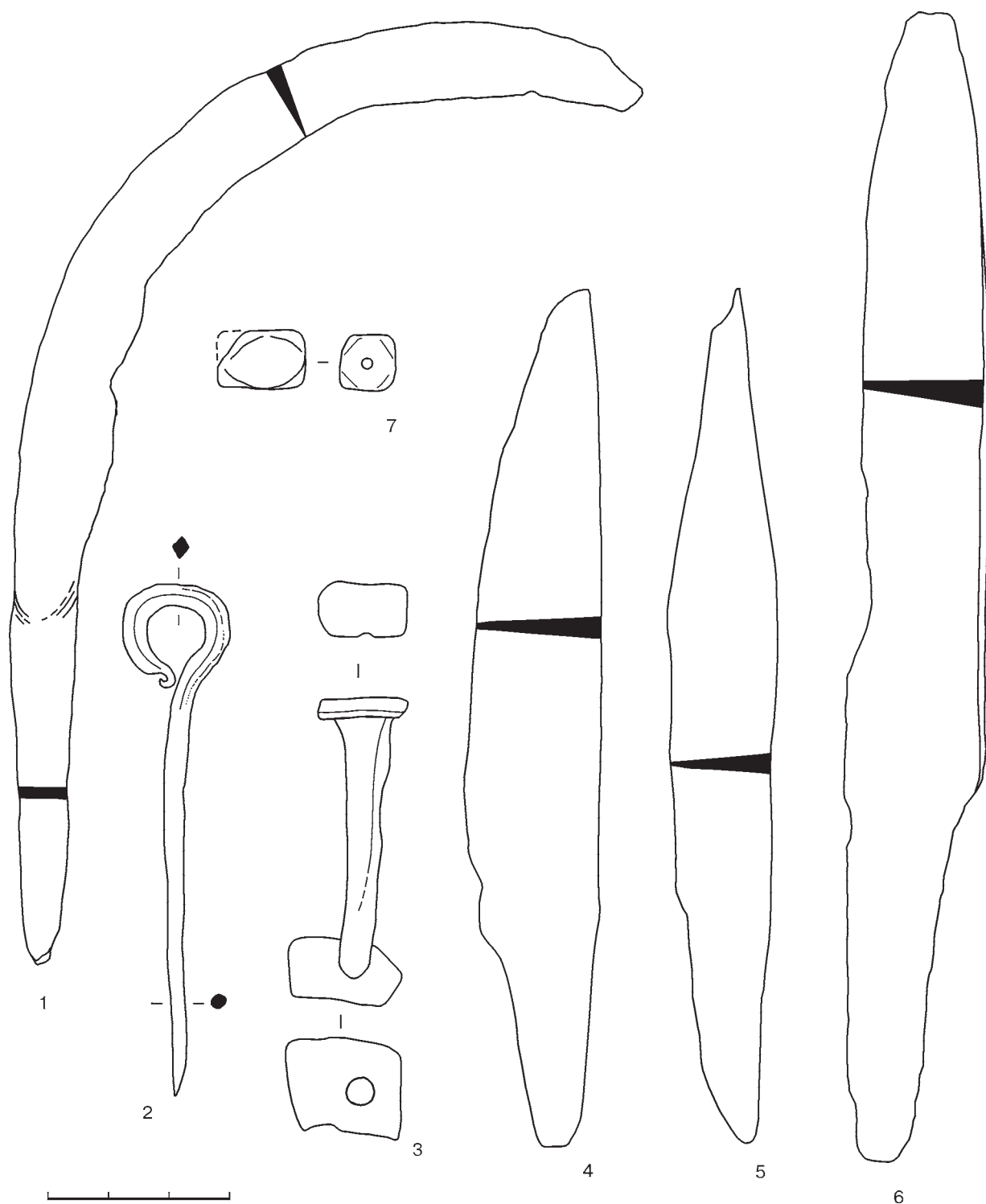

Рис. 92. Фролы. Раскоп 1996 г. Индивидуальные находки.
1–6 – железо; 7 – стекло.

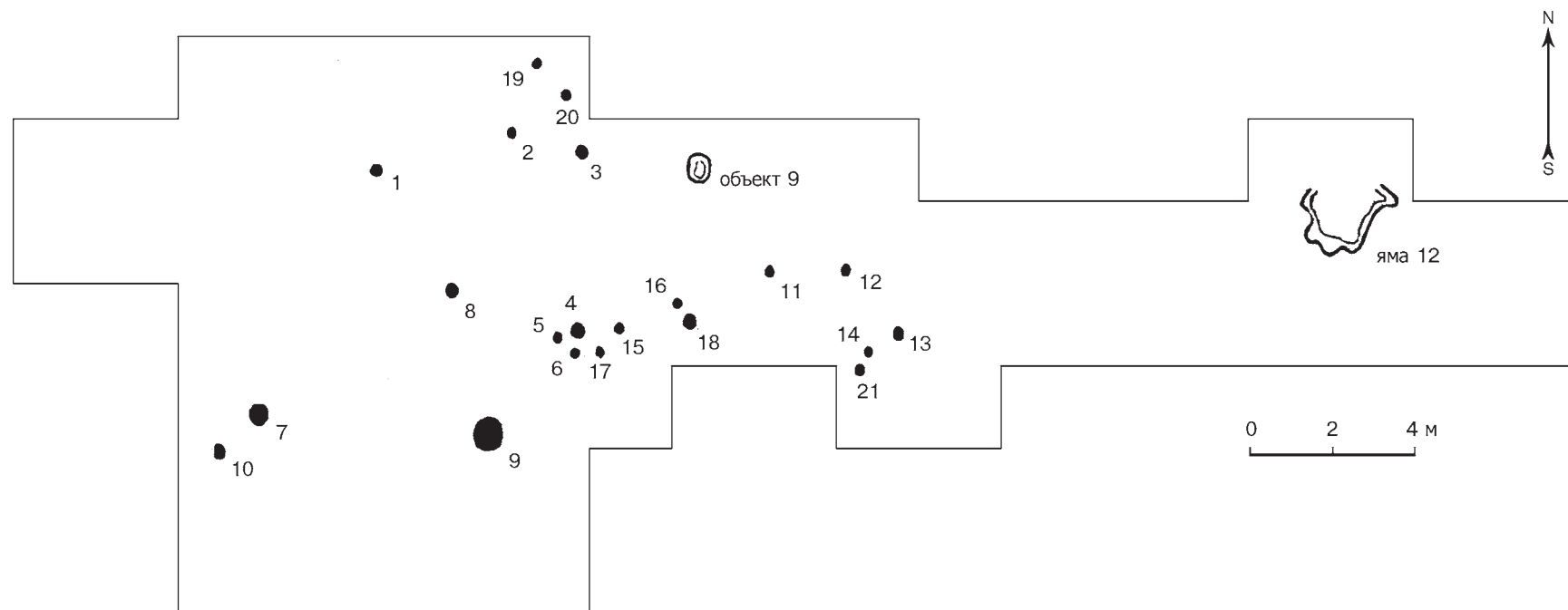

Рис. 93. Фролы. Могильник. План раскопа.

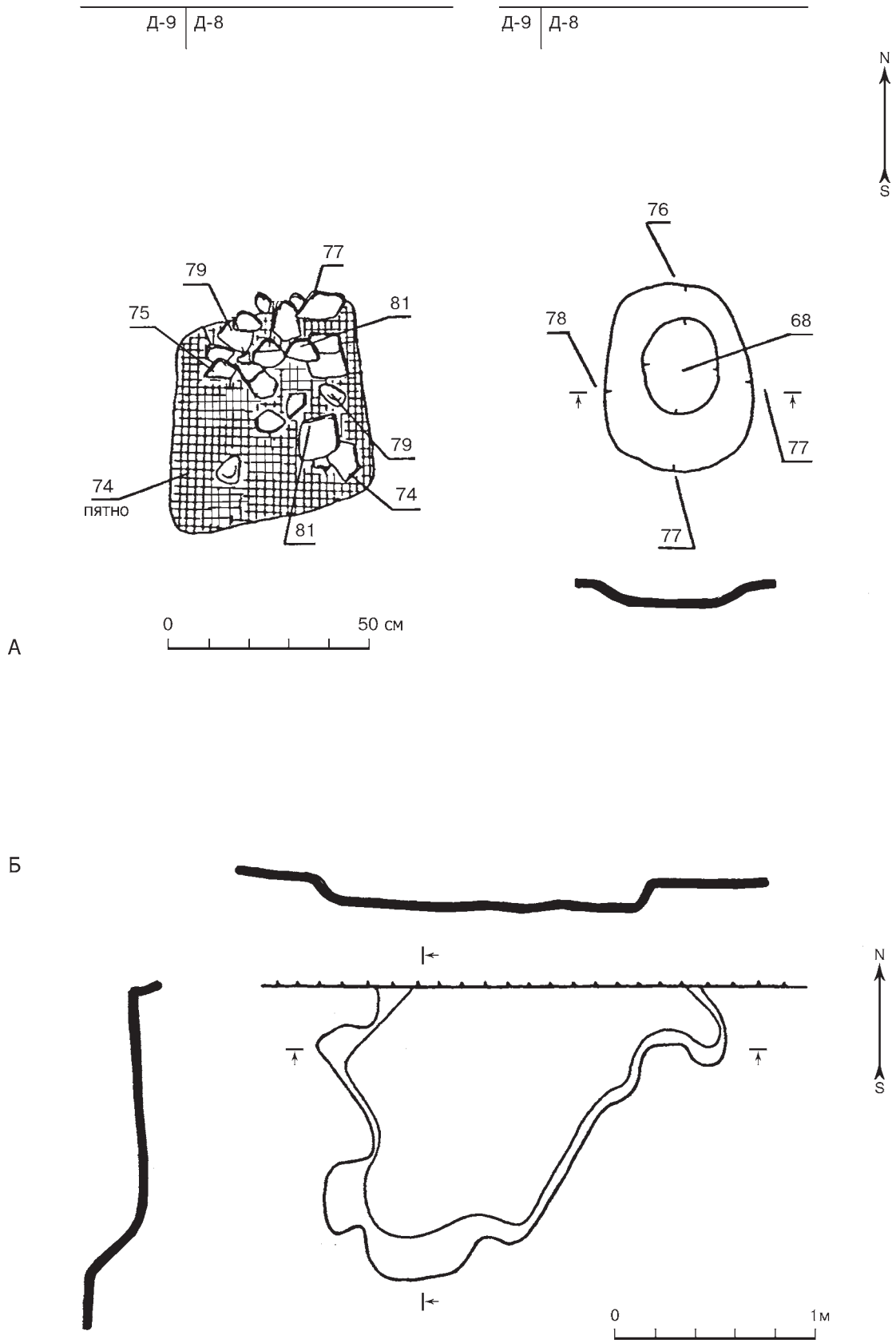

Рис. 94. Фролы. Селище под могильником.
 А – объект 9: план развала керамики и яма под ним. Б – план постройки (яма 12).

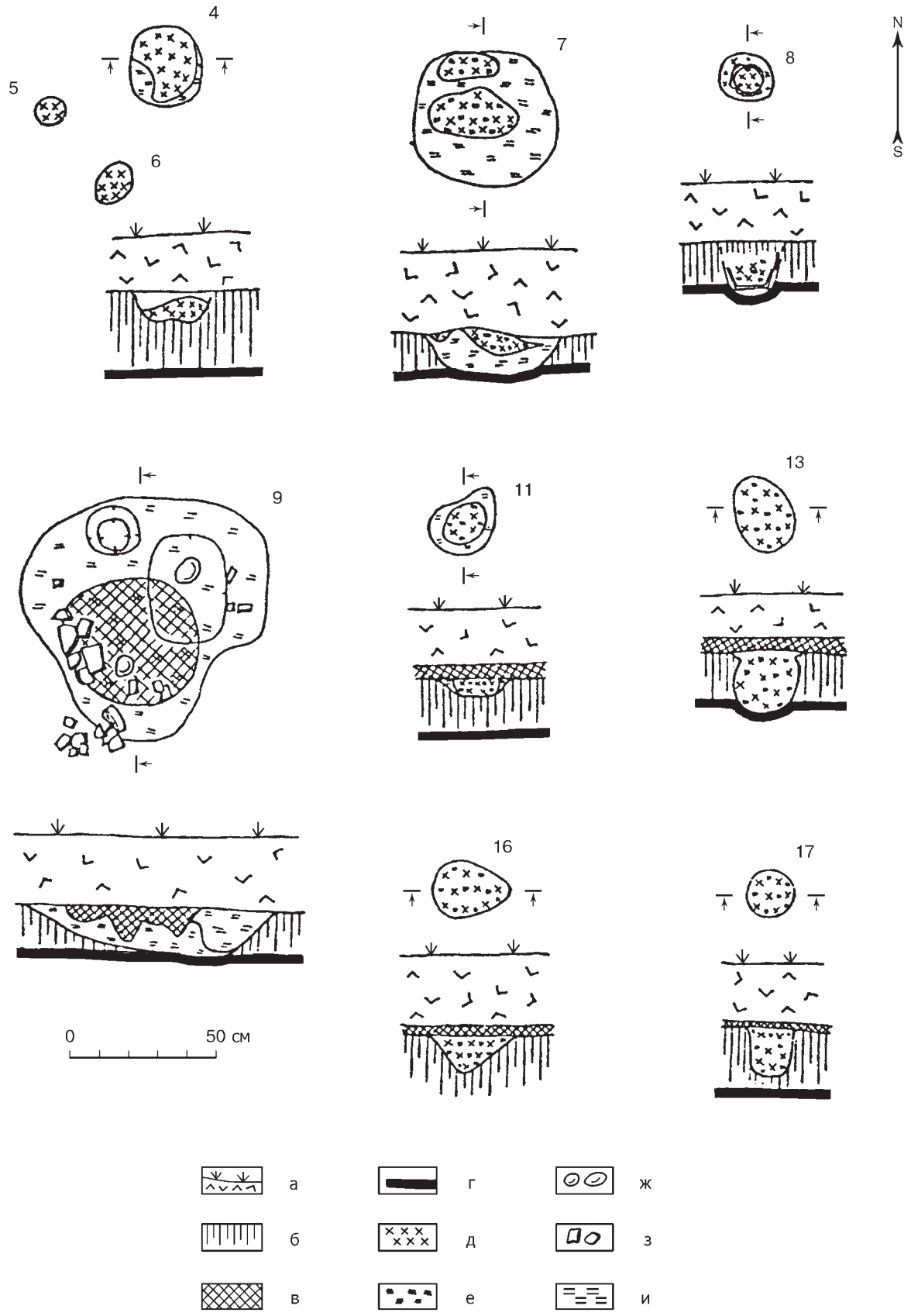

Рис. 95. Фролы. Могильник. Планы погребений.
 Условные обозначения: а – дерново-почвенный слой; б – мешанный слой; в – зольно-угольный слой;
 г – материк; д – кости; е – угли; ж – камни; з – керамика; и – серая сугесь.

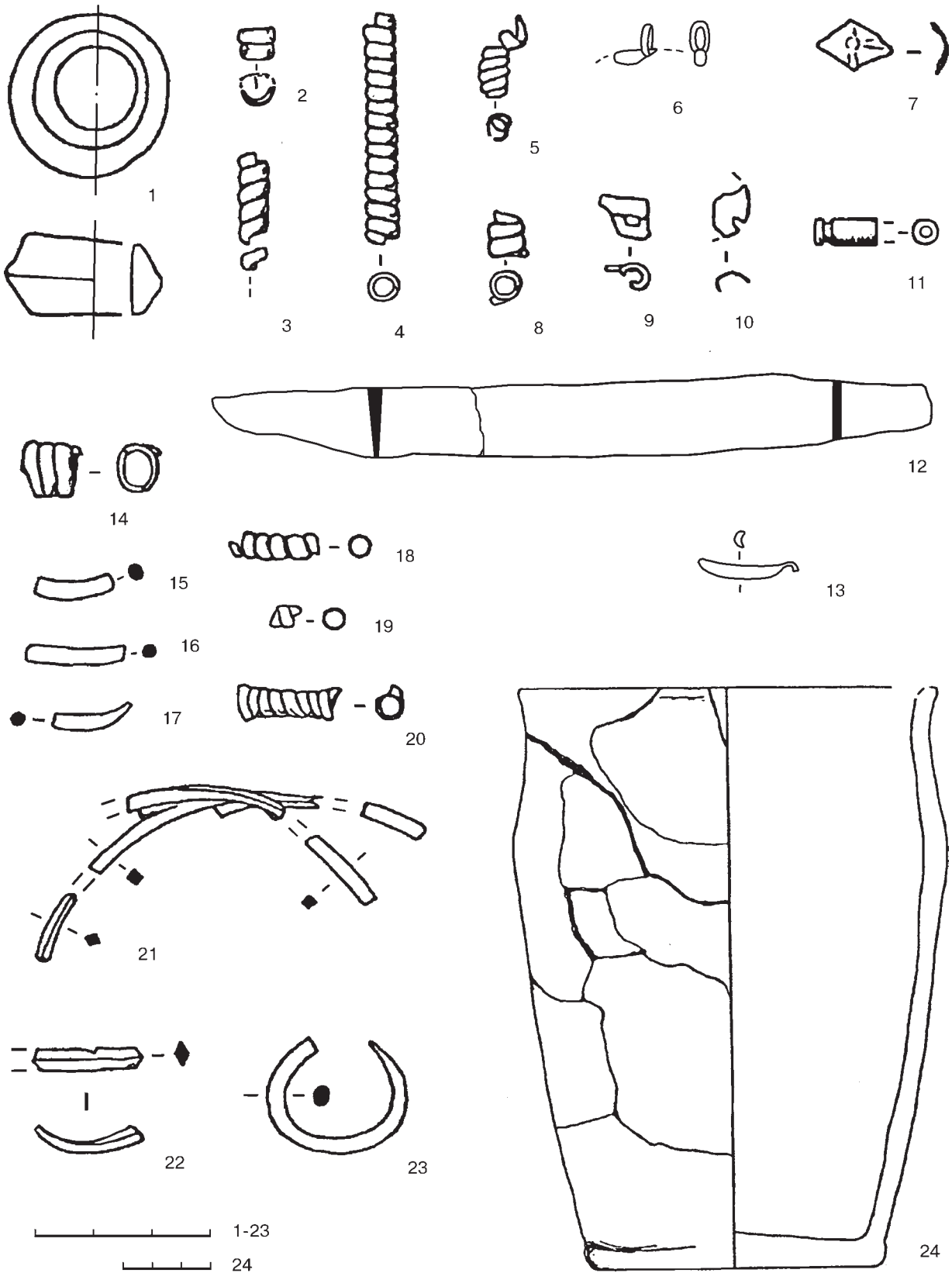

Рис. 96. Фролы. Могильник. Находки из погребений.
 1 – п. 1; 2 – п. 2; 3–10 – п. 4; 11, 12 – п. 9; 13, 24 – п. 8; 14–20 – п. 13; 21, 22 – п. 17; 23 – п. 20.
 1, 24 – глина; 2–10, 13–23 – бронза; 11 – стекло; 12 – железо.

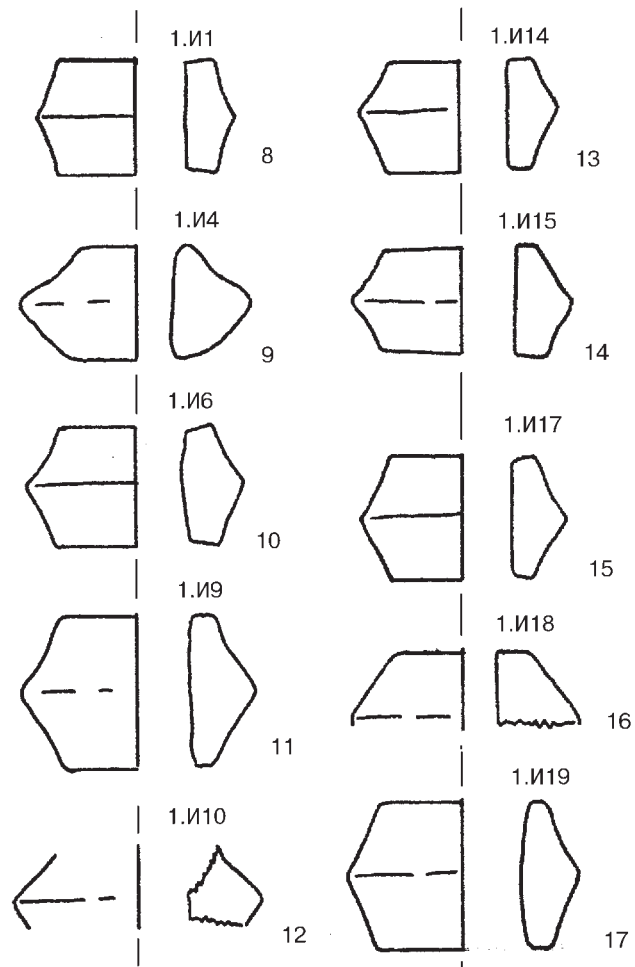
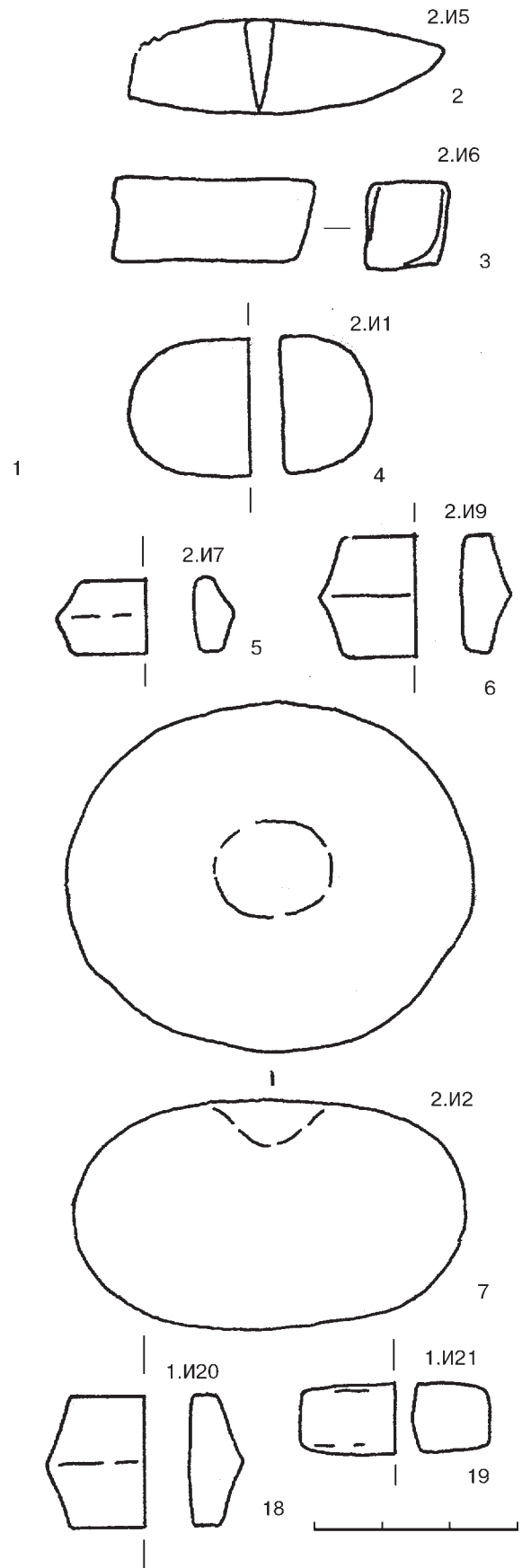
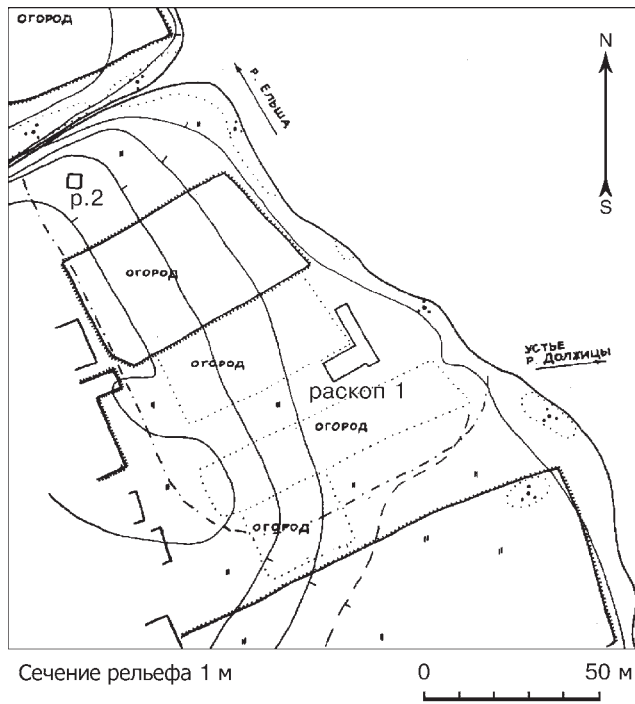

Рис. 97. Подосинки. План (1), находки. 2-7 – раскоп 2; 8-19 – раскоп 1.
2 – железо; 3, 7, 19 – камень; остальные – глина.

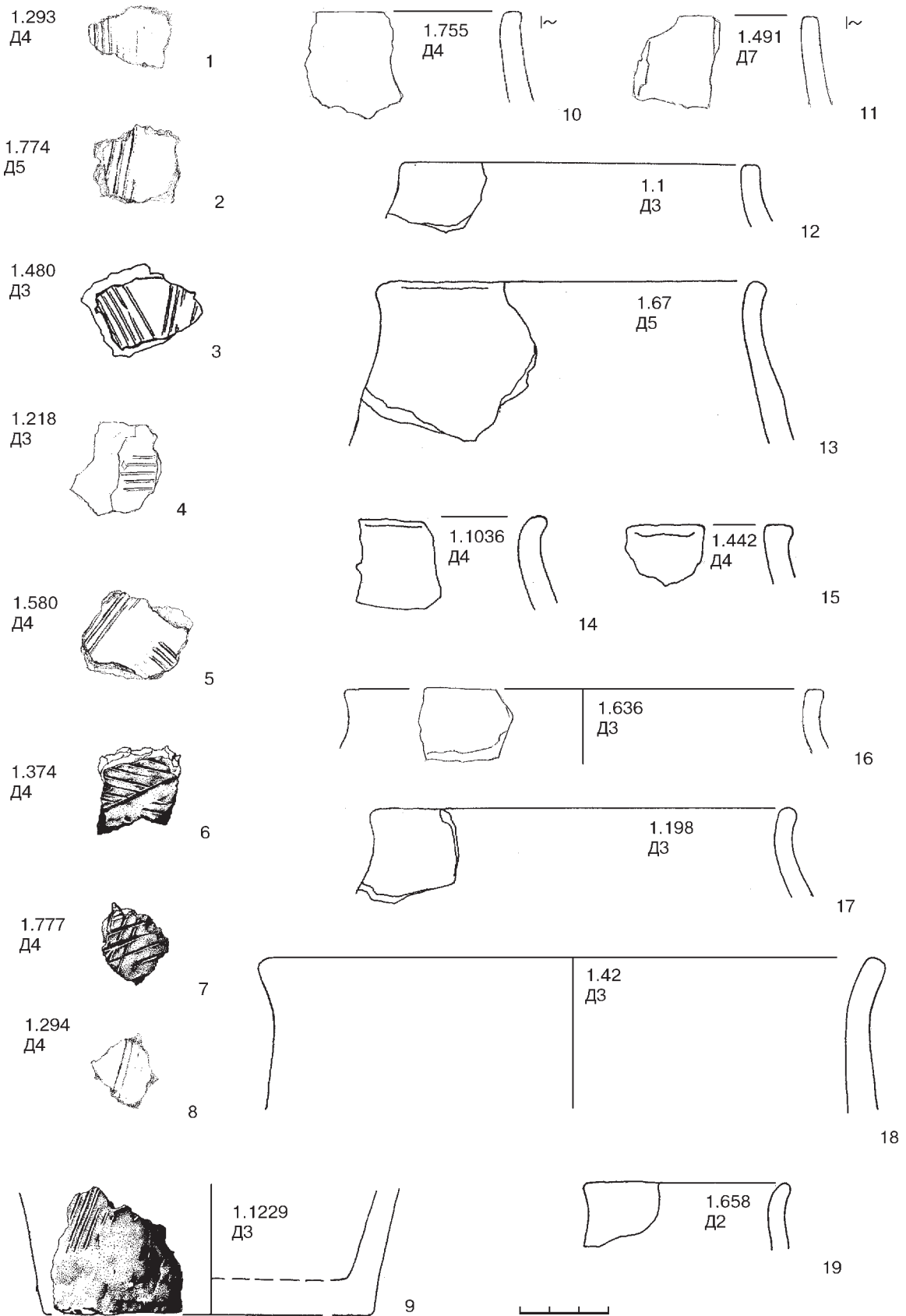

Рис. 99. Подосинки. Раскоп 1. Керамика.

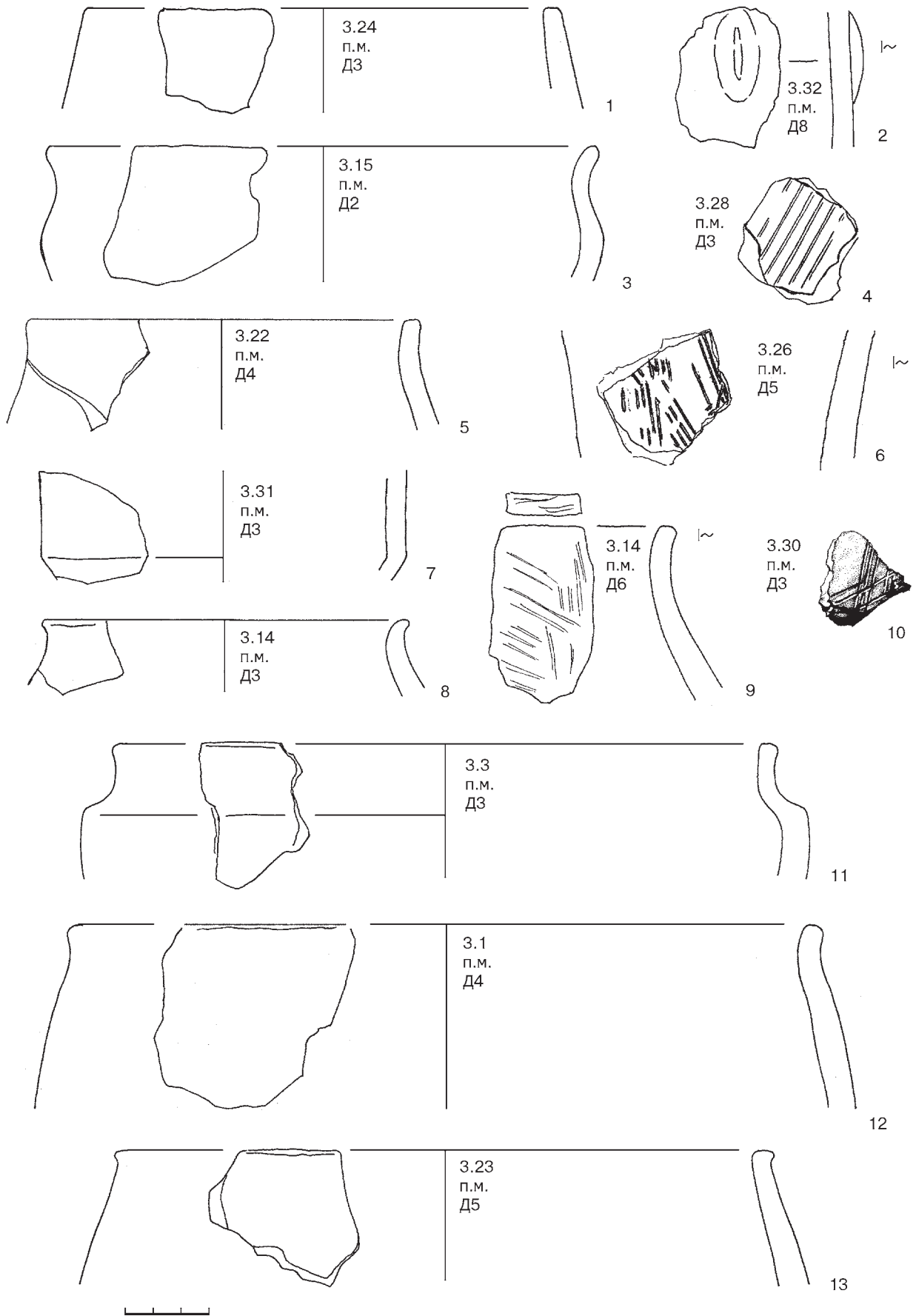

Рис. 100. Подсинки. Подъемный материал. Керамика.

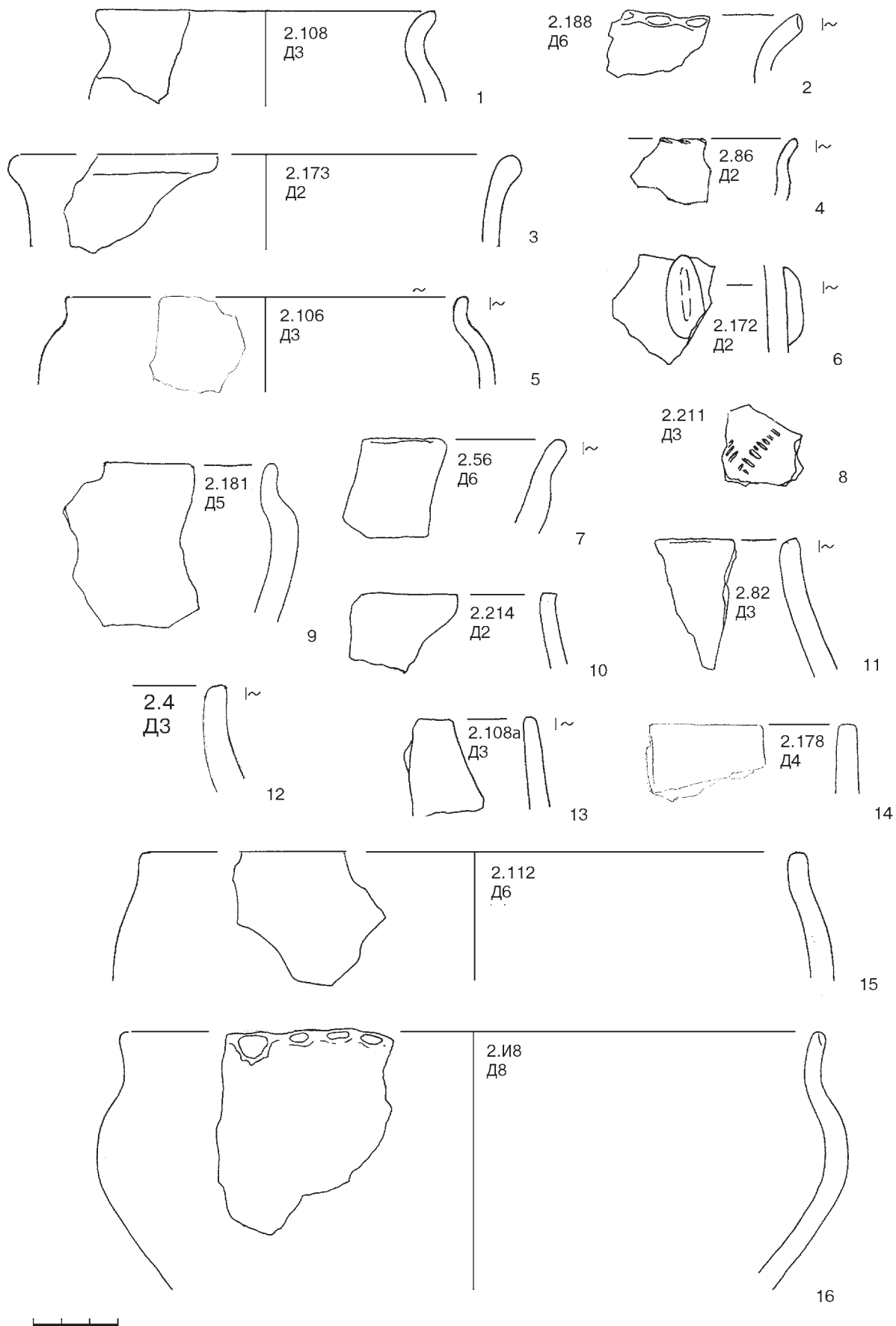
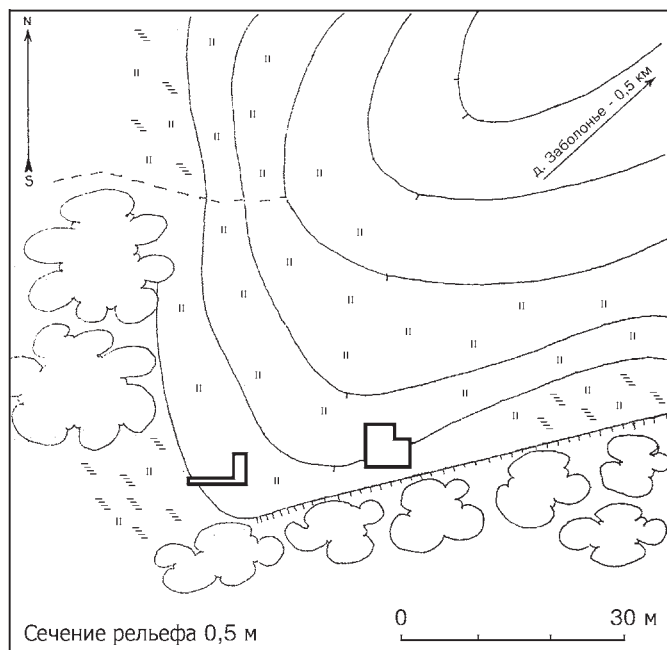
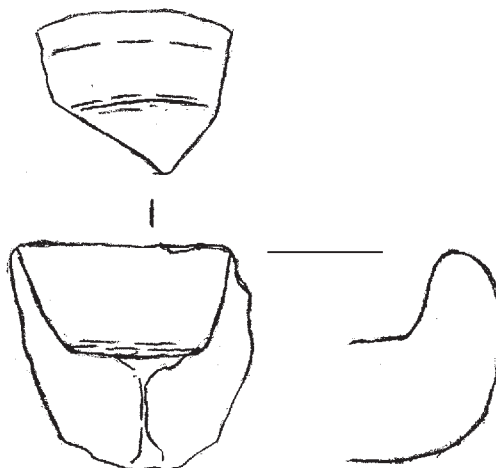

Рис. 101. Подсинки. Раскоп 2. Керамика.

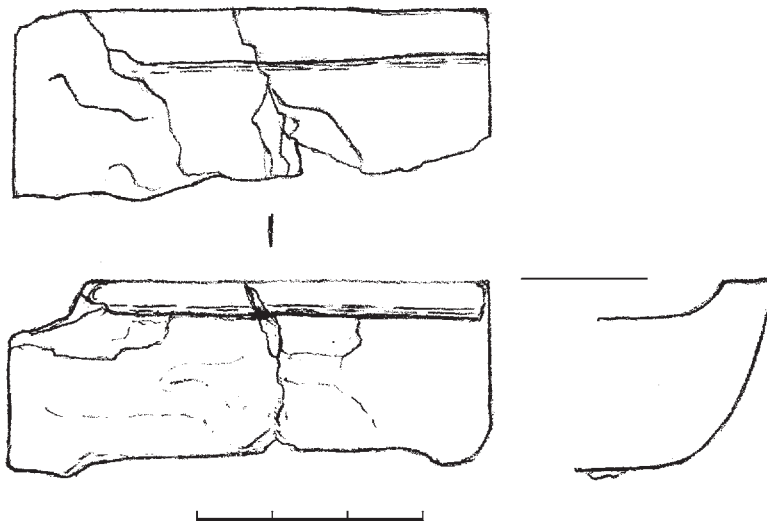

1

256-5
51

2

3

Рис. 102. Заболонье. План (1), находки (глина).

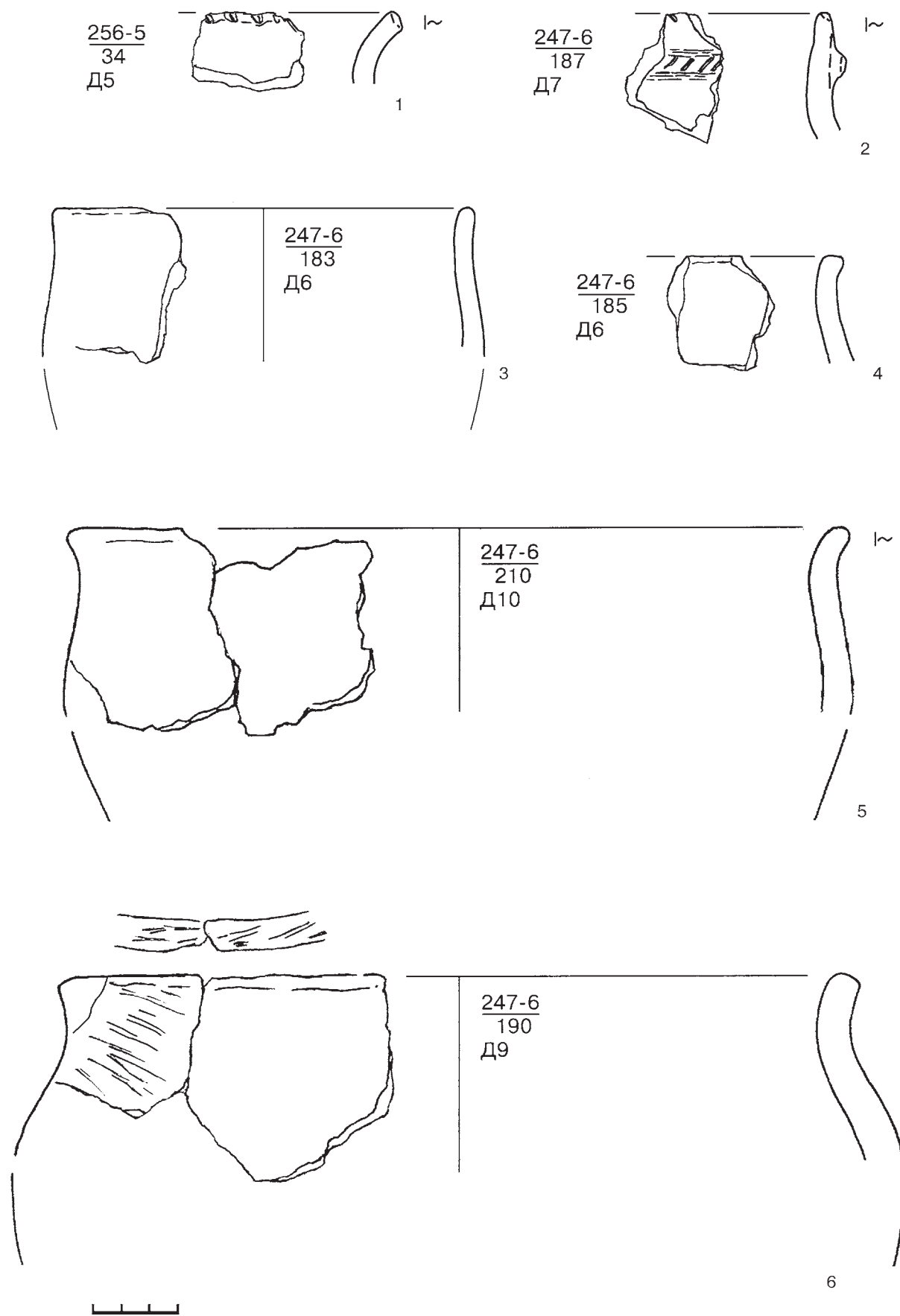

Рис. 103. Заблонье. Керамика.

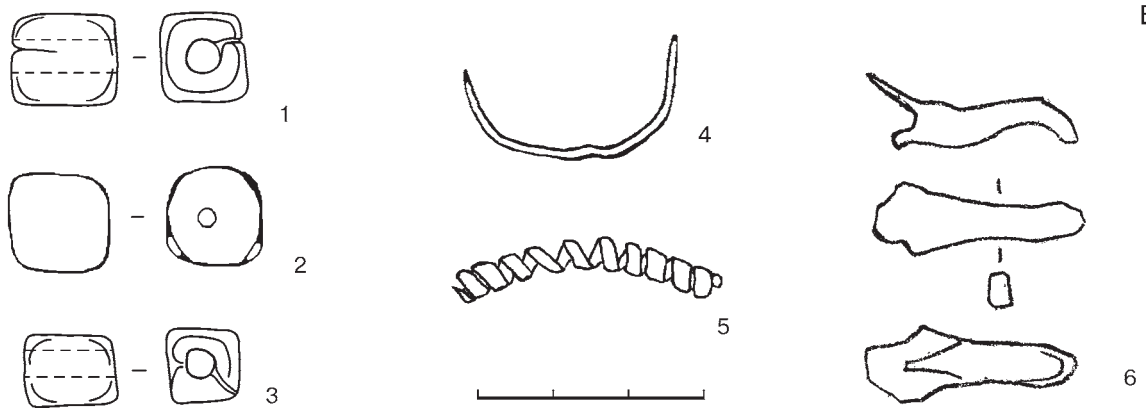
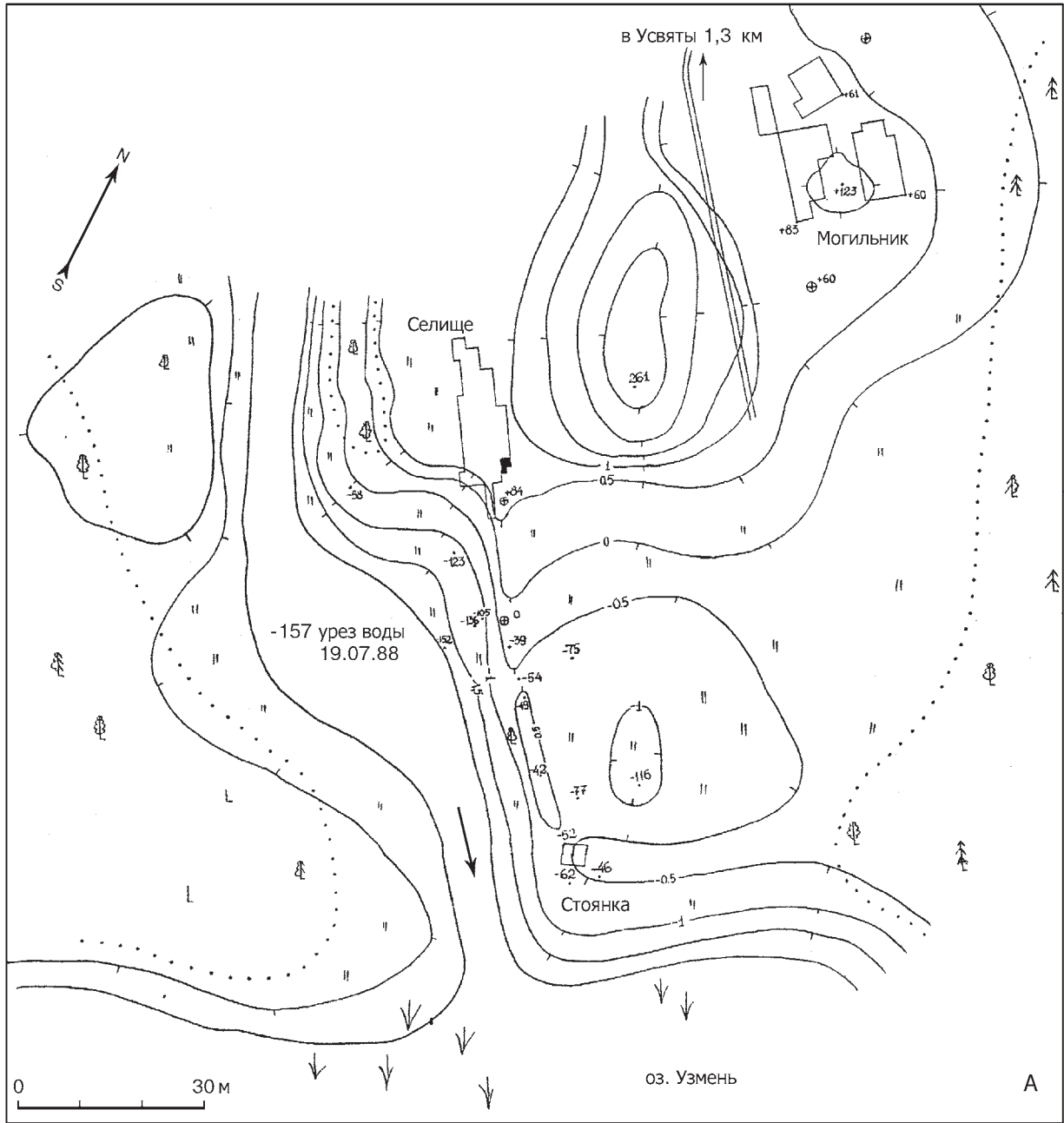

Рис. 104. Узмень. А – план памятника (черным цветом выделен шурф 1988 г.).
 Б – находки с селища: 1–3 – синее стекло, 4–6 – бронза.

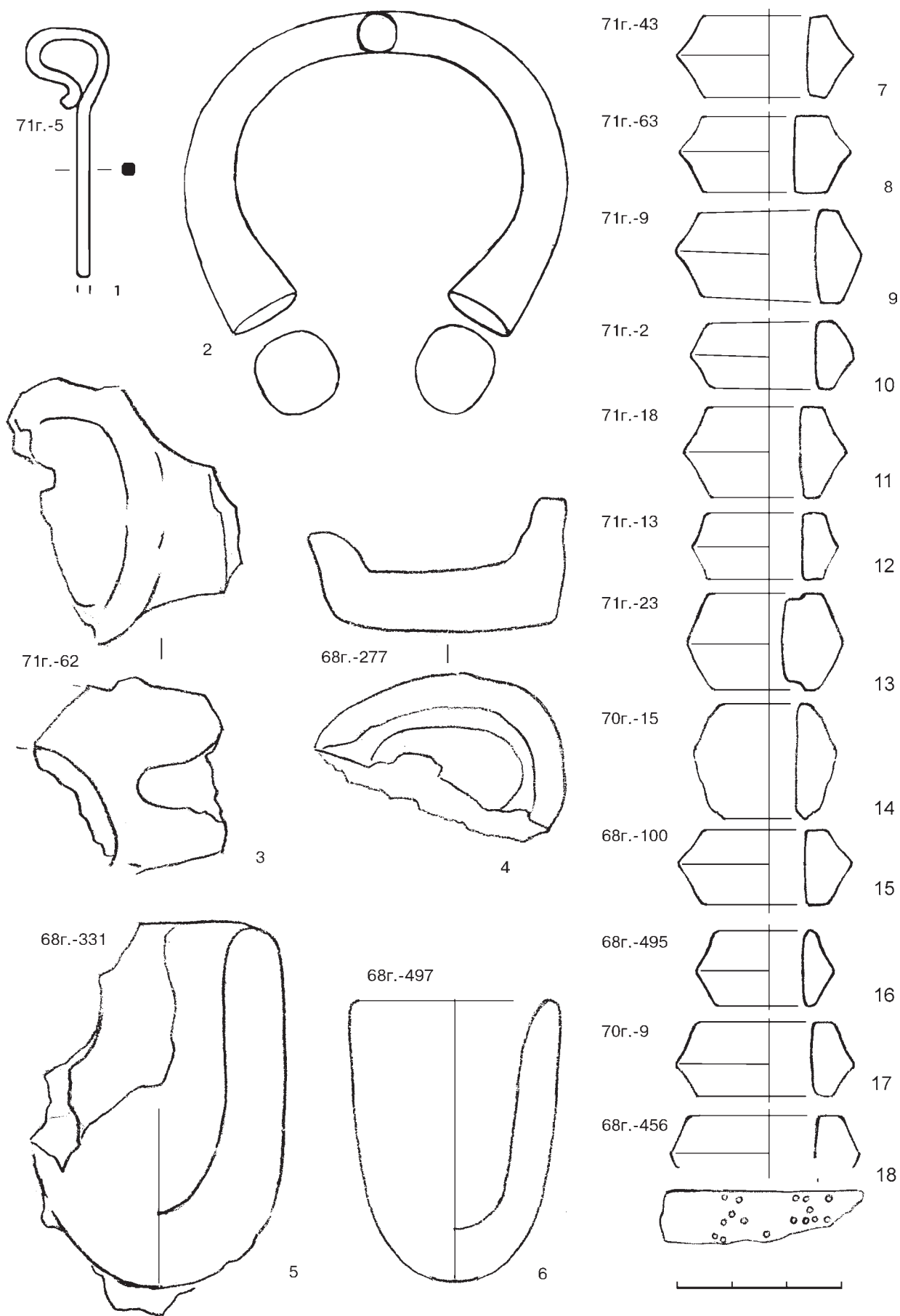

Рис. 105. Узмень, селище. Находки. 1 – железо; 2 – бронза; 3–18 – глина.

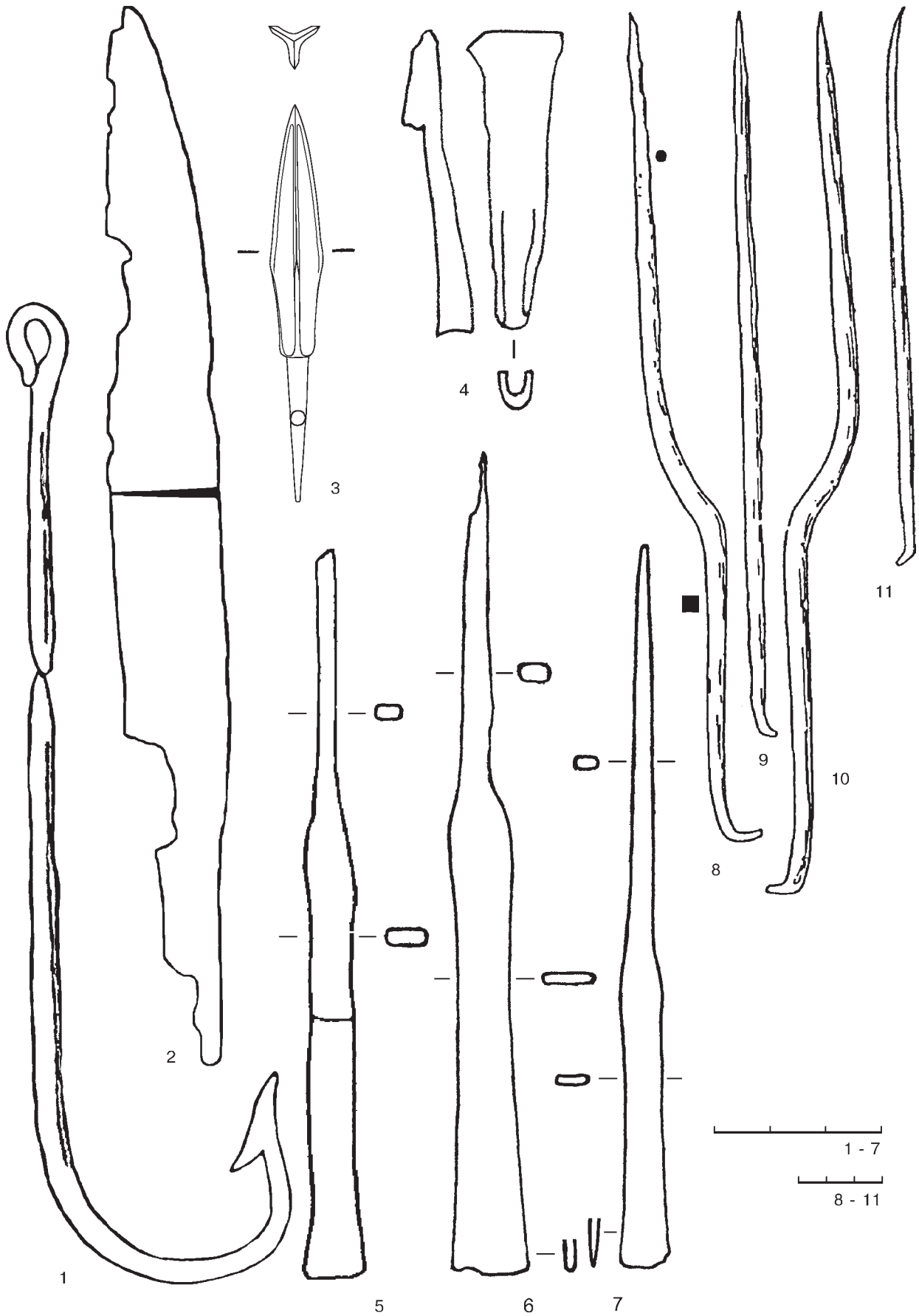

Рис. 106. Узмень, селище. Находки. Железо.

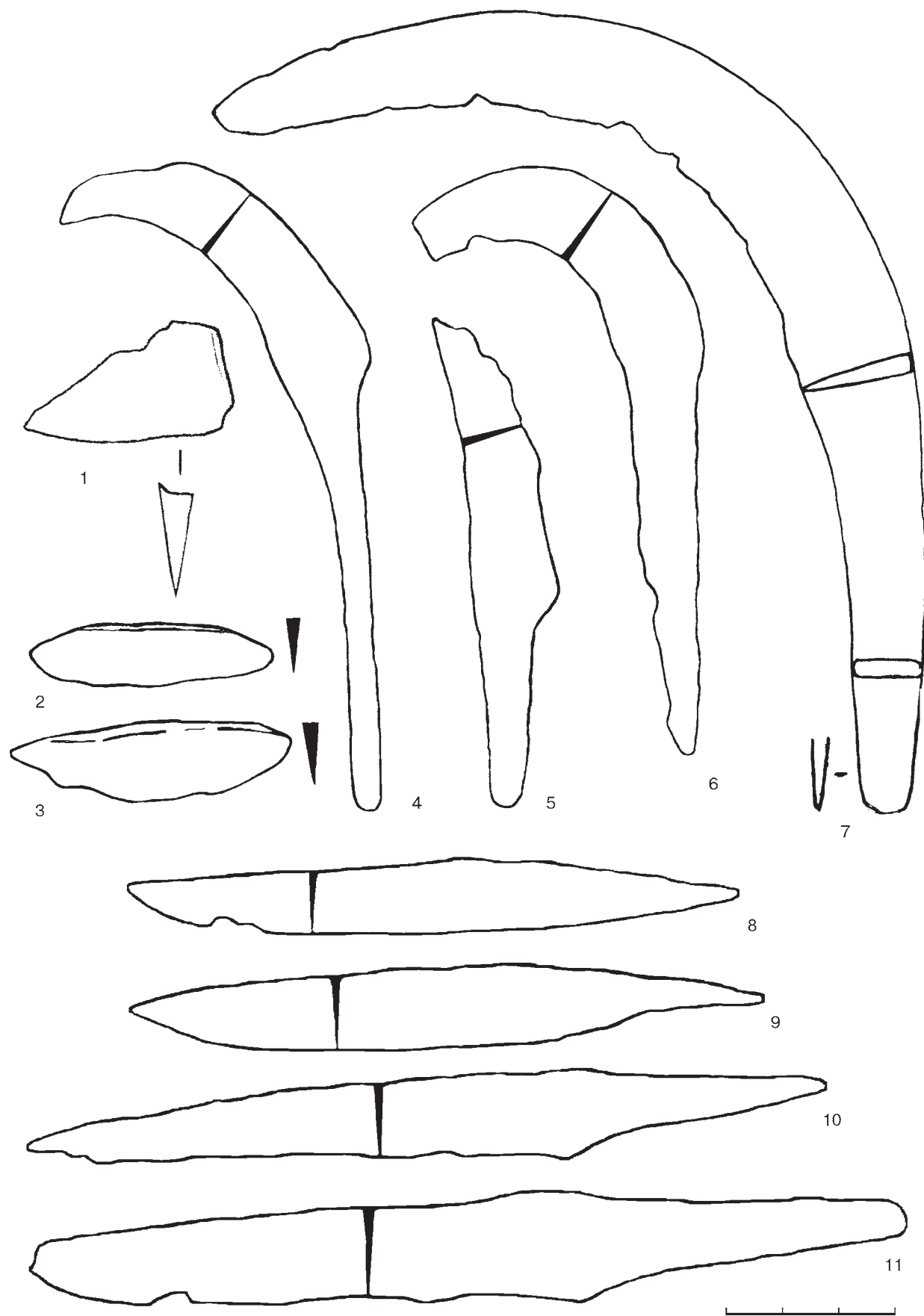

Рис. 107. Узмень, селище. Находки. Железо.

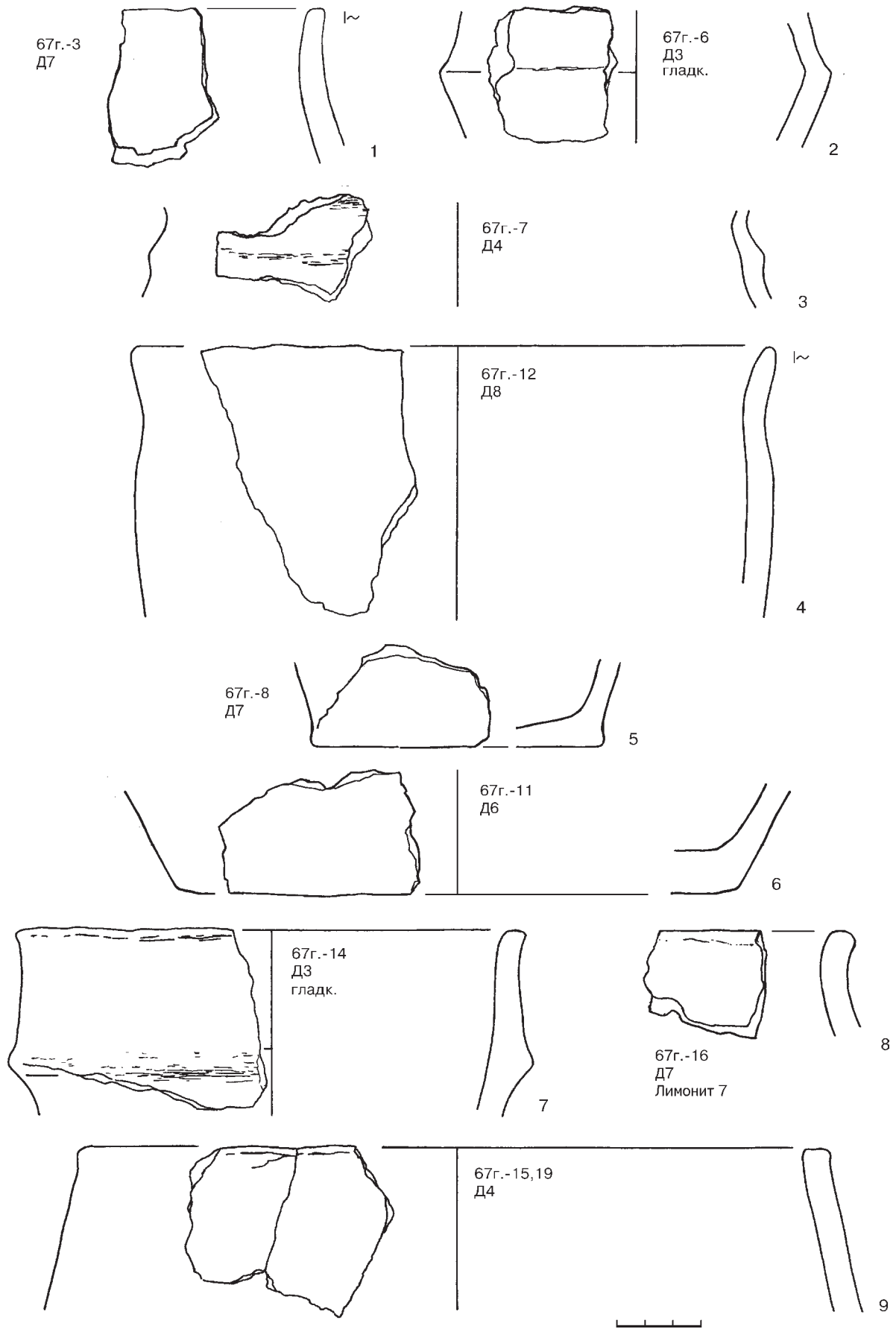

Рис. 108. Узмень, селище. Керамика.

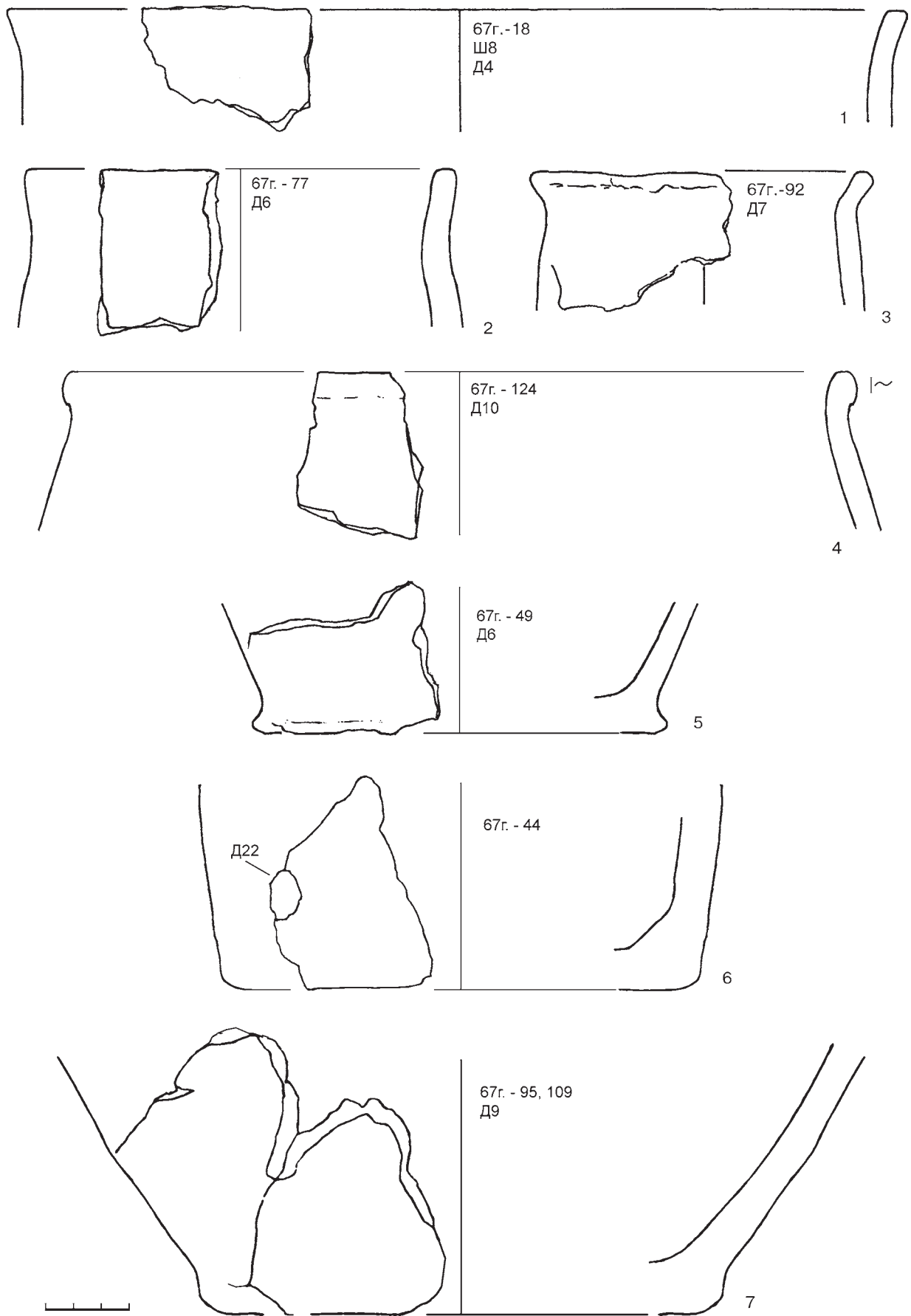

Рис. 109. Узмень, селище. Керамика.

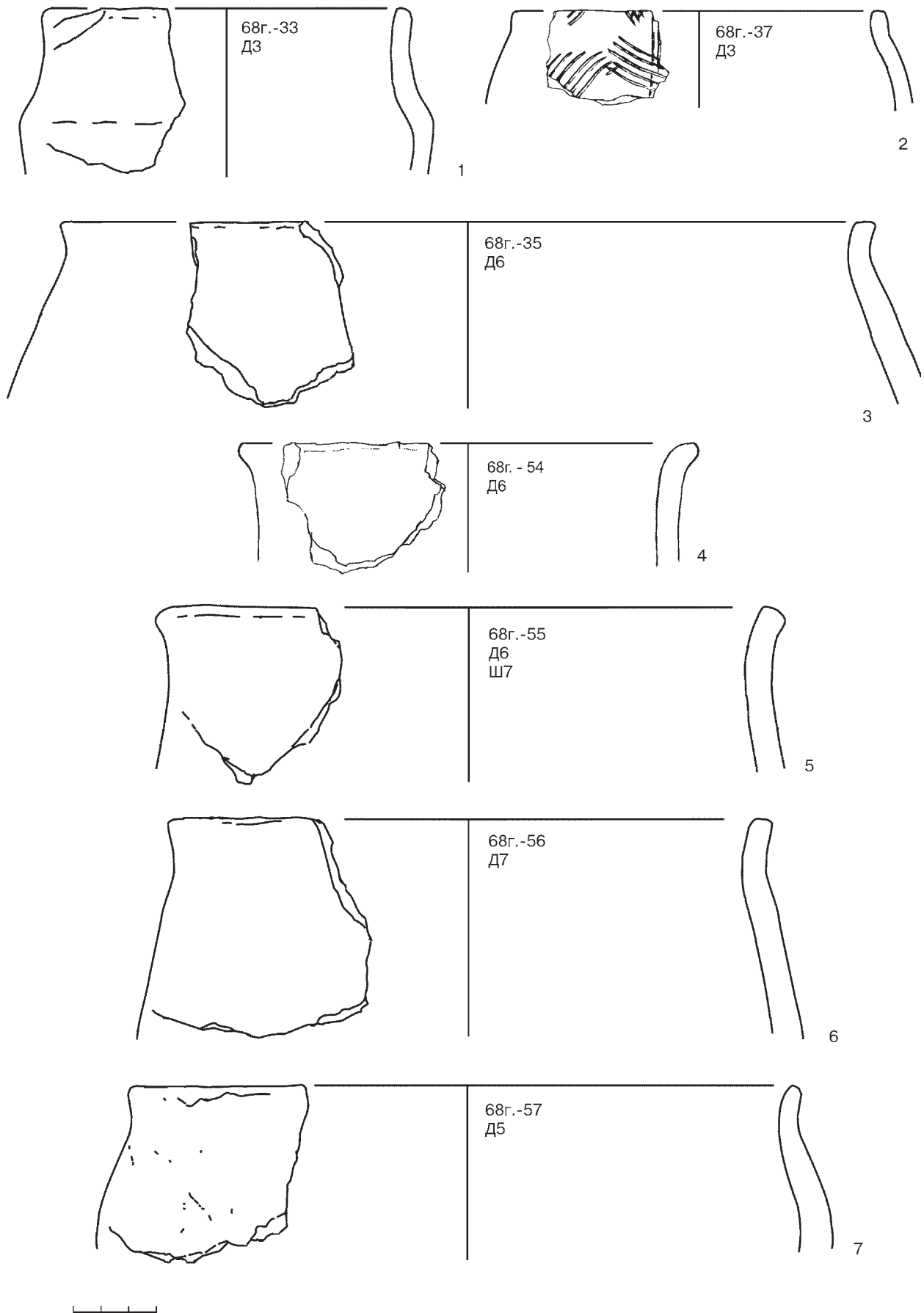

Рис. 110. Узмень, селище. Керамика.

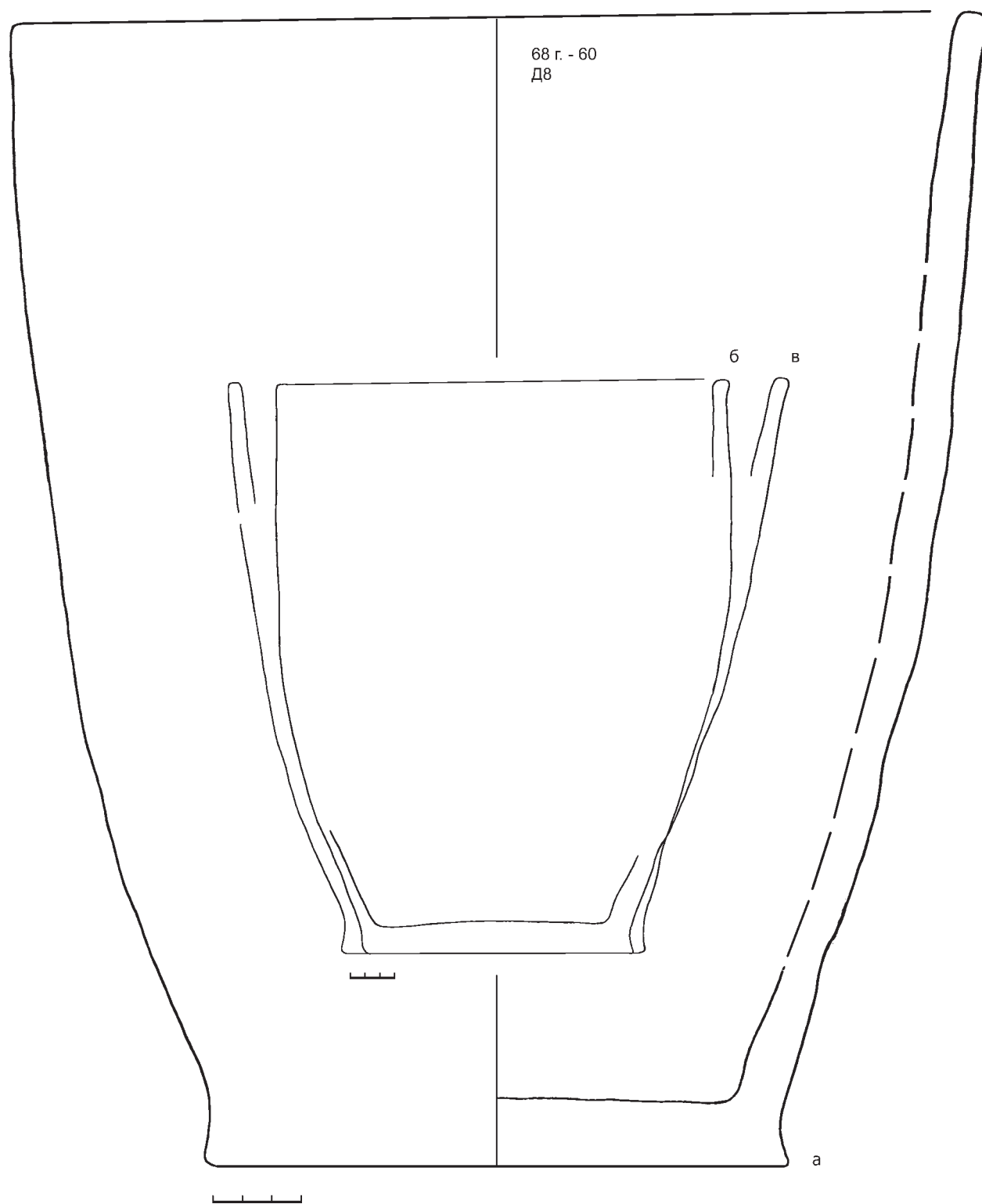

Рис. 111. Узмень, селище. Керамика.

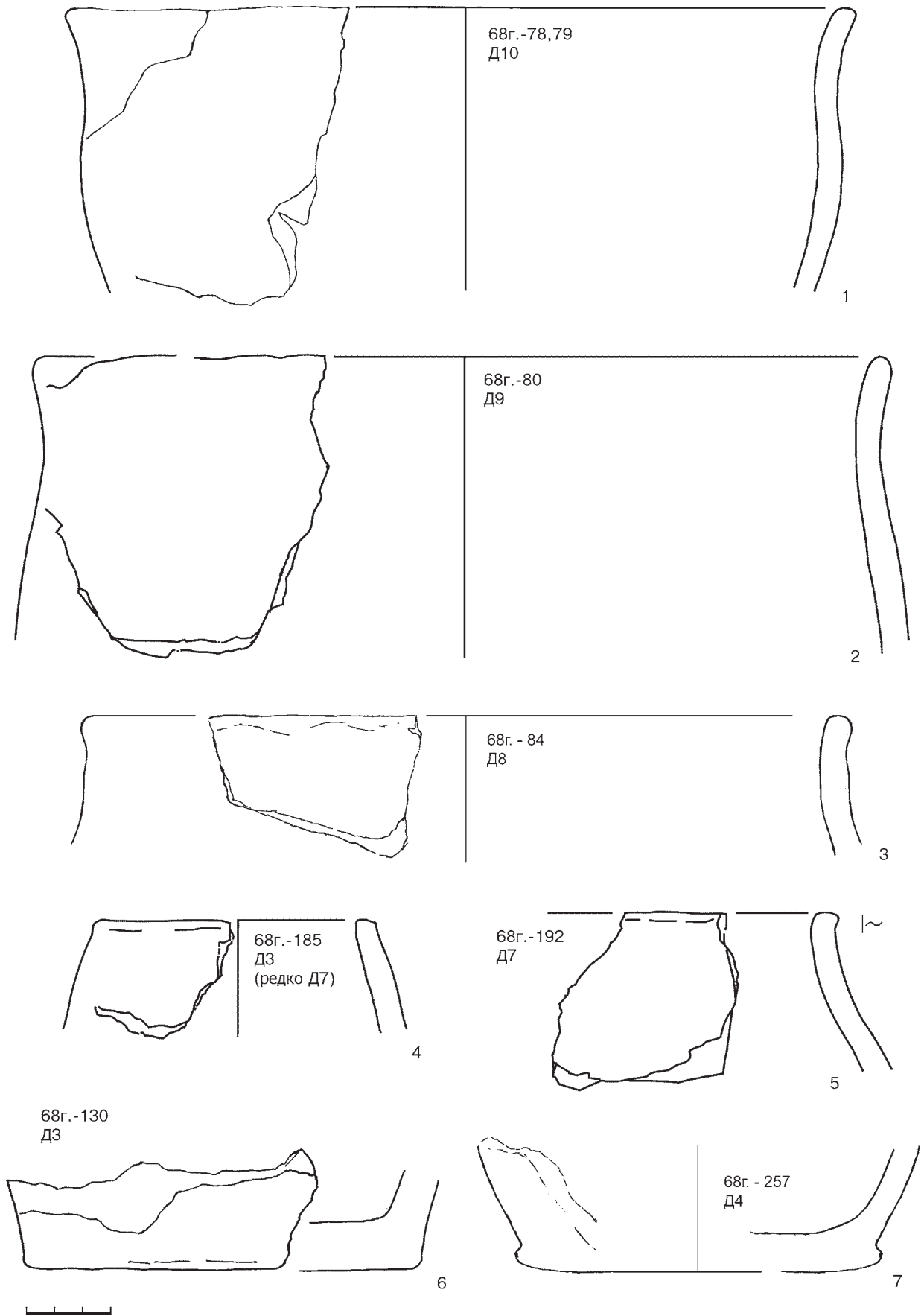

Рис. 113. Уzmanь, селище. Керамика.

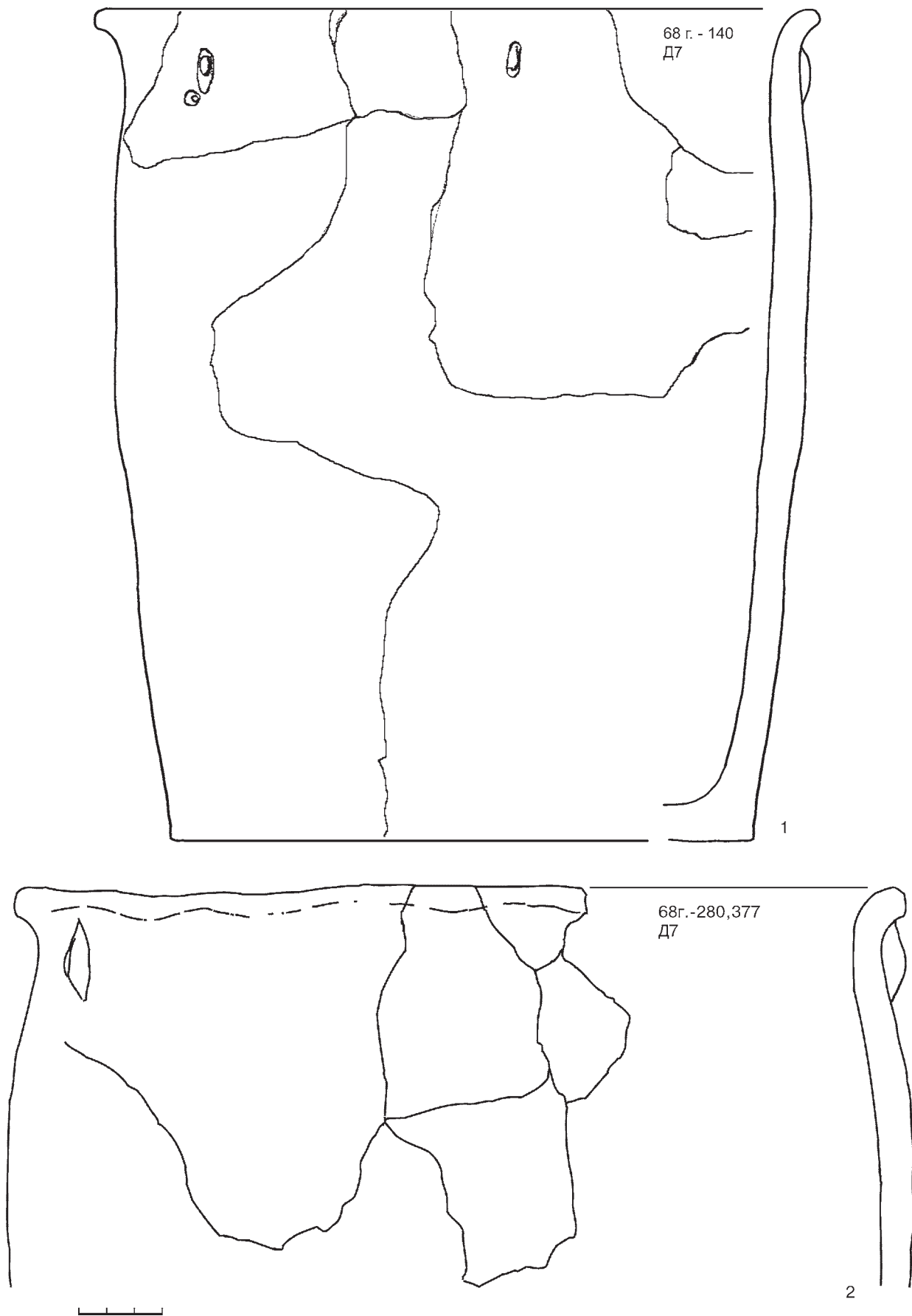

Рис. 114. Узмень, селище. Керамика.

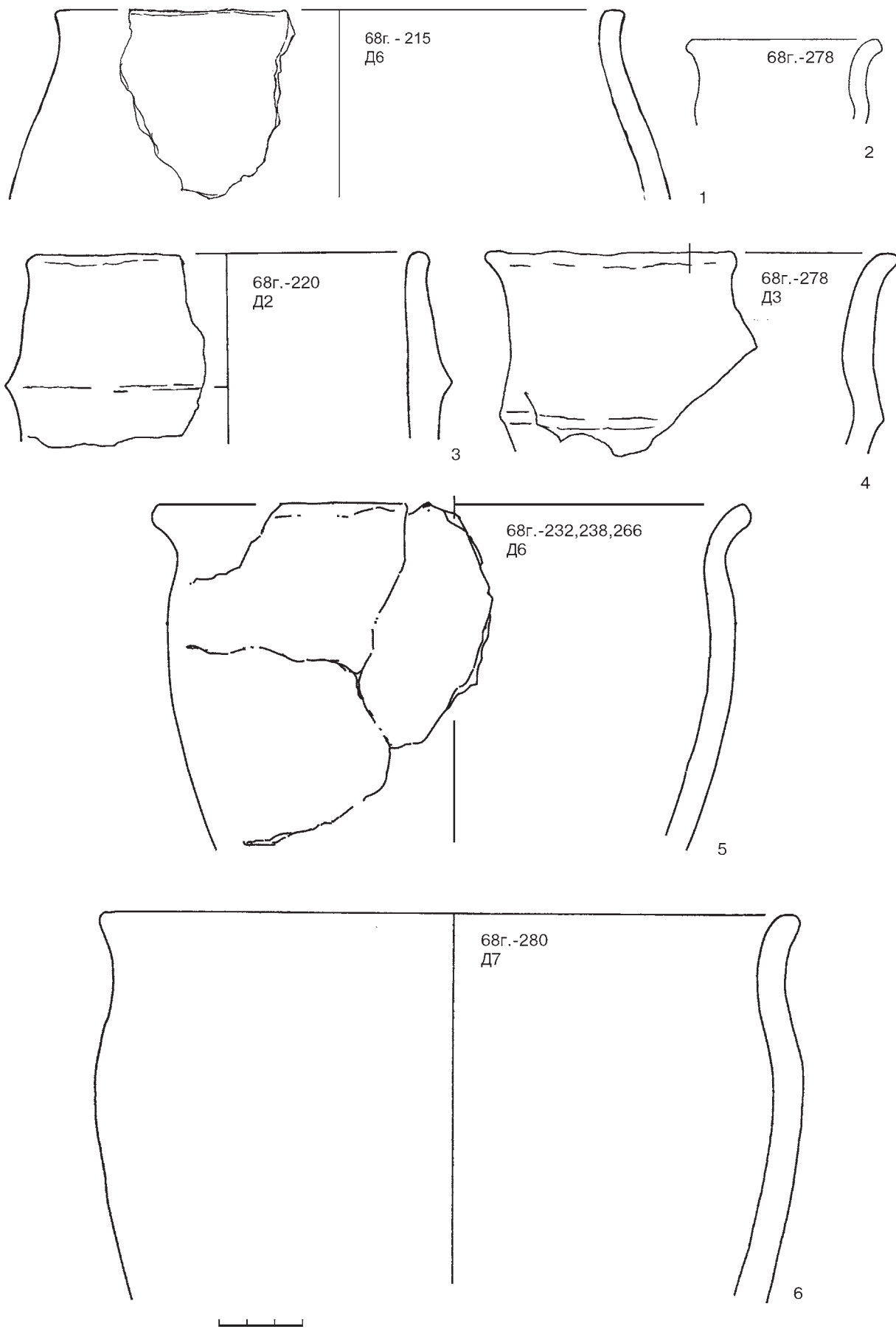

Рис. 115. Узмень, селище. Керамика.

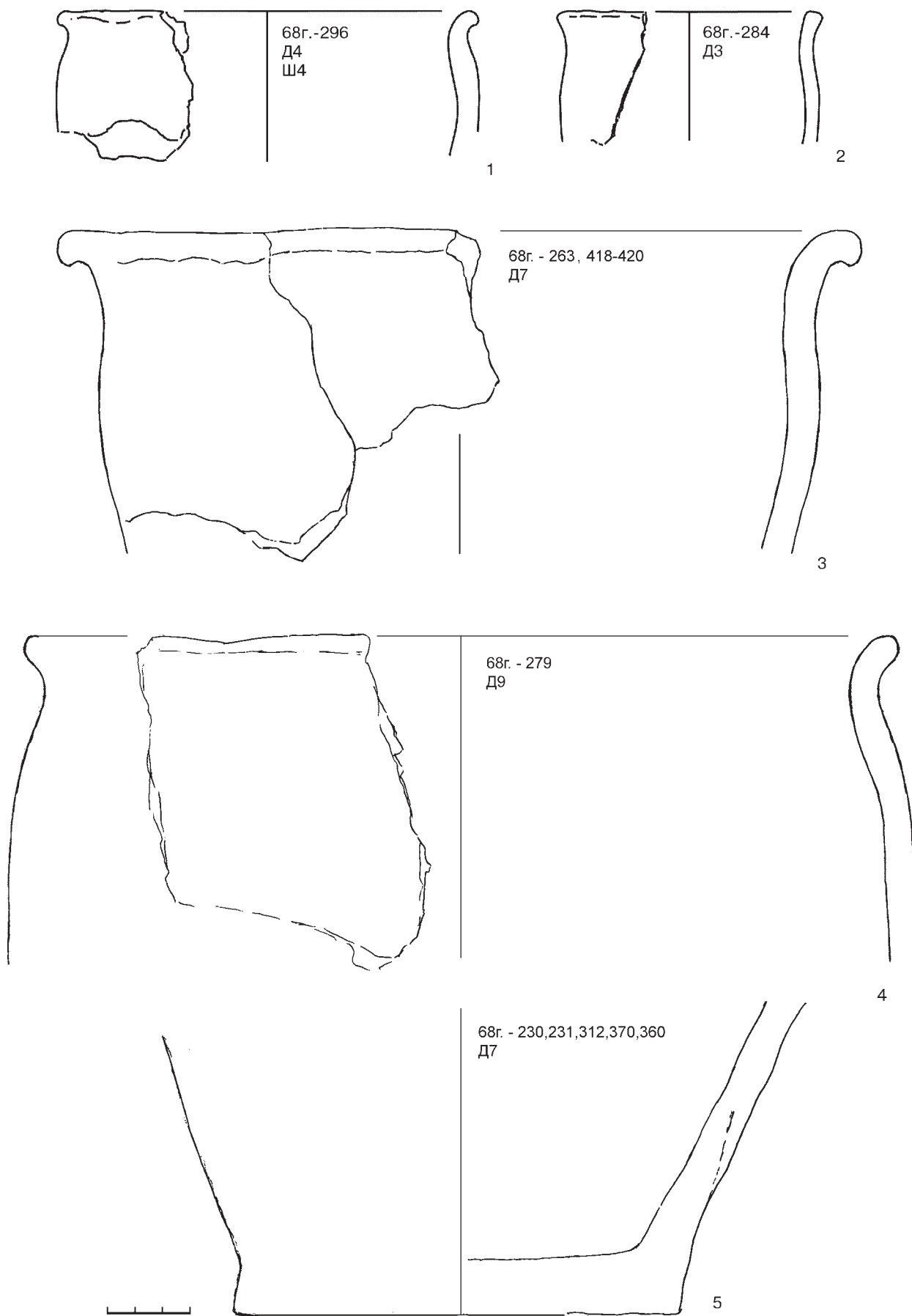

Рис. 116. Узмень, селище. Керамика.

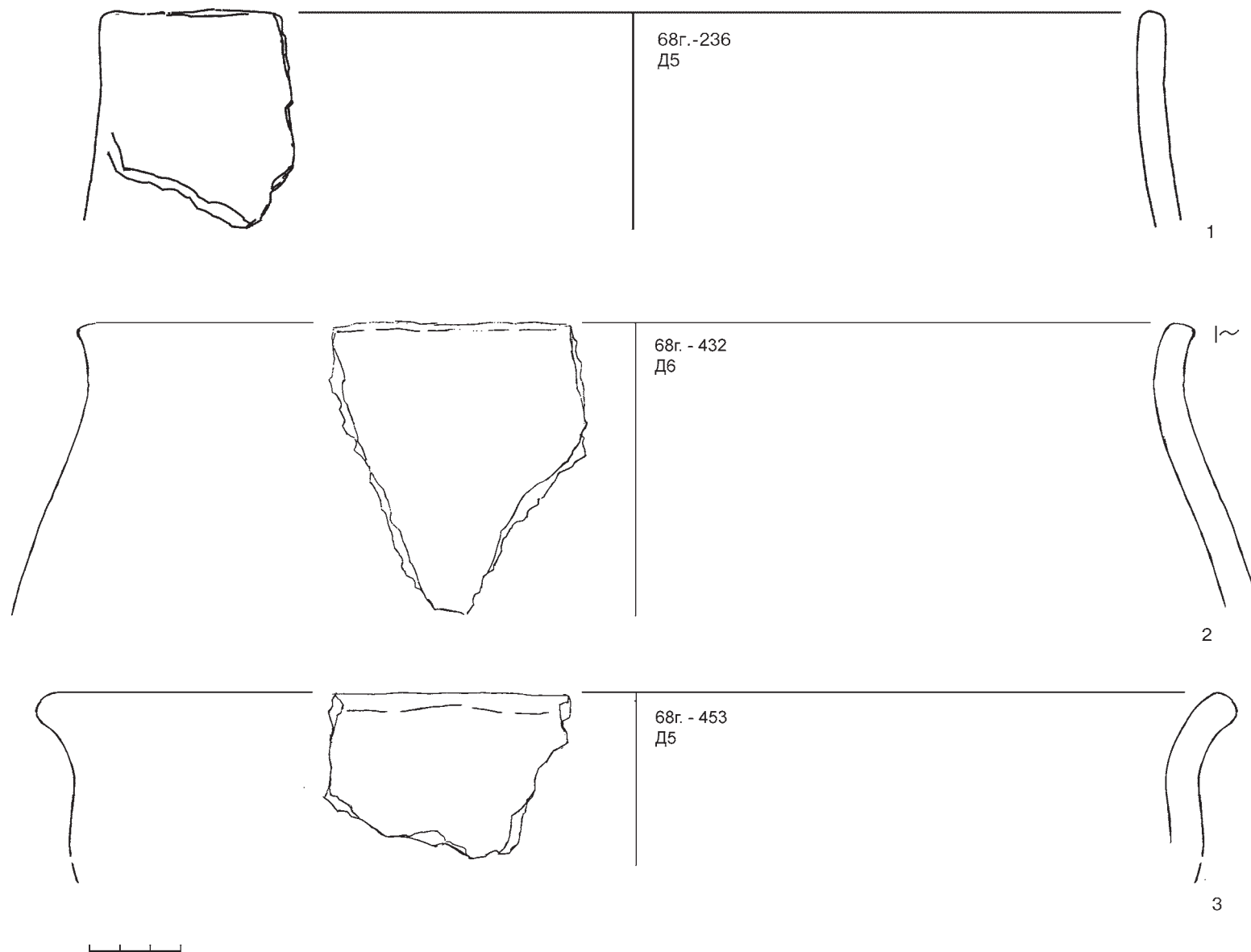

Рис. 117. Узмень, селище. Керамика.

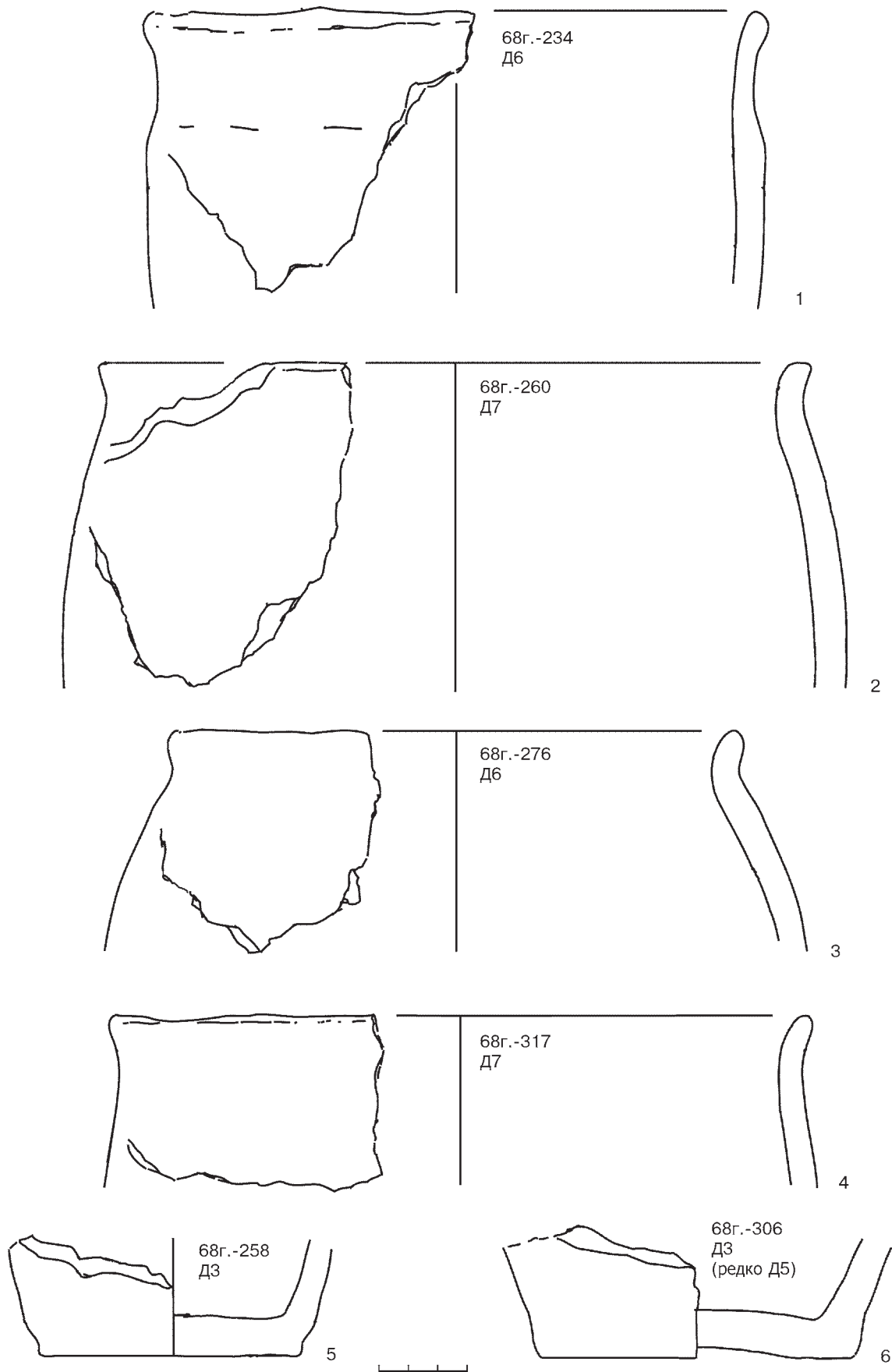

Рис. 118. Узмень, селище. Керамика.

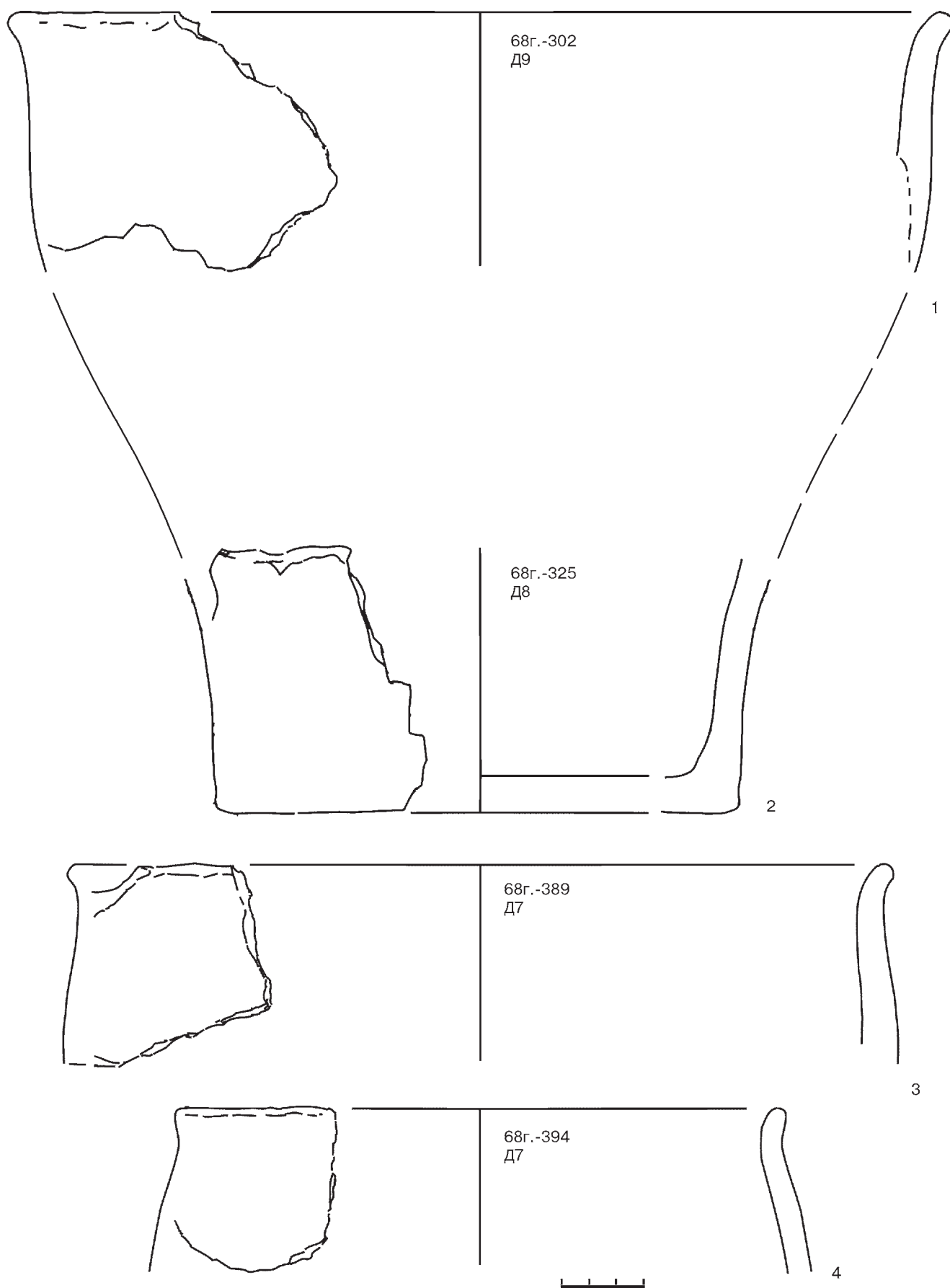

Рис. 119. Узмень, селище. Керамика. 1, 2 – гипотетическая реконструкция целой формы.

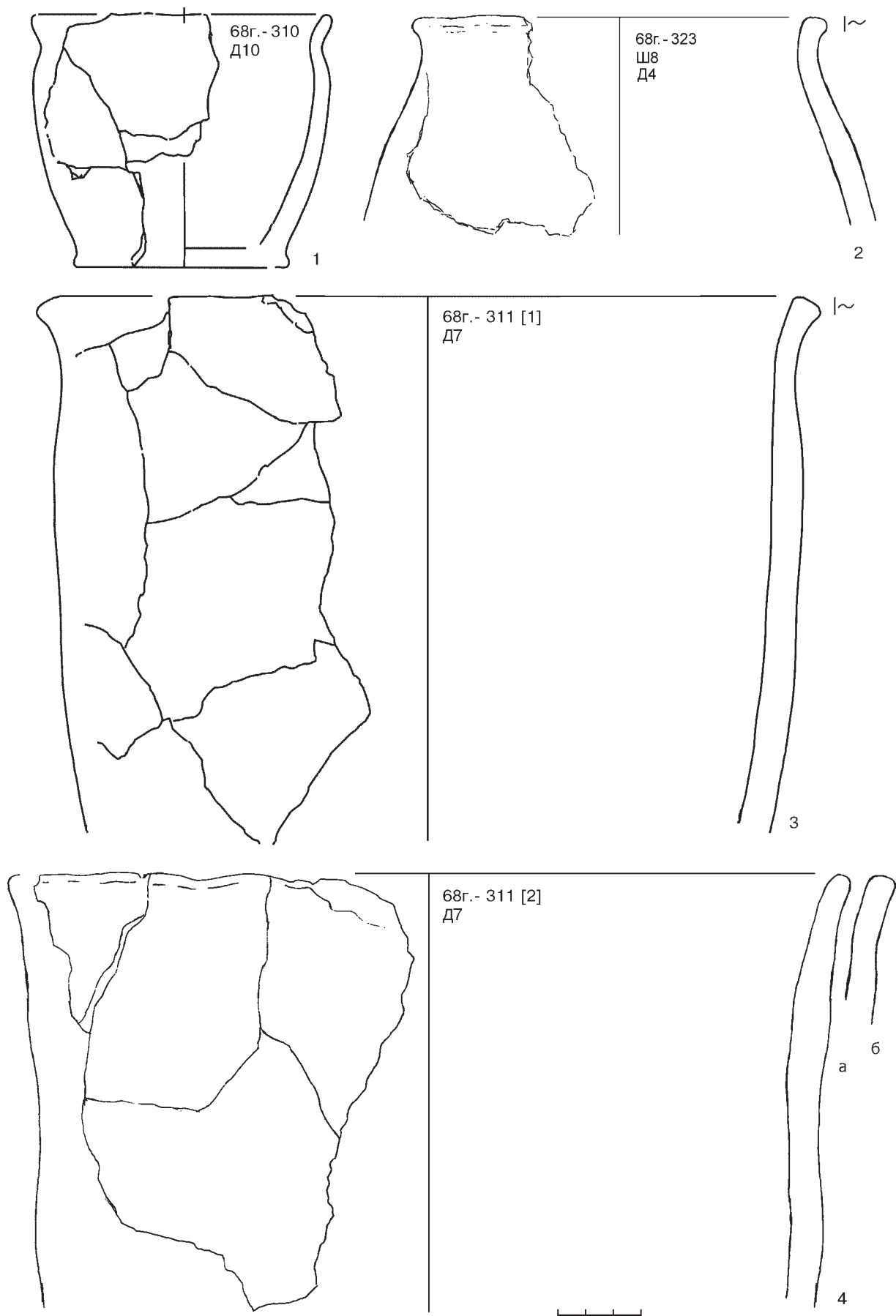

Рис. 120. Узмень, селище. Керамика.

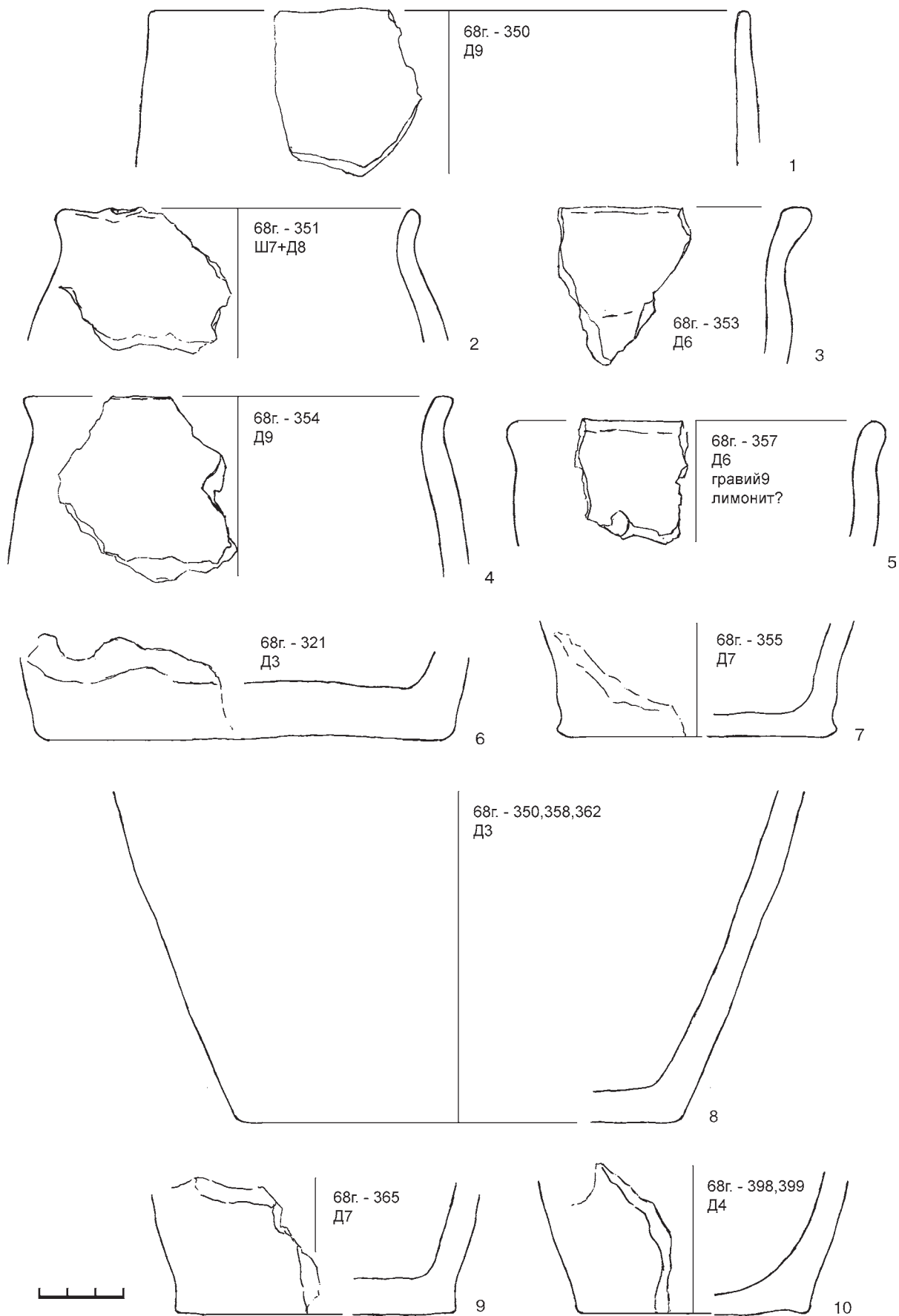

Рис. 121. Узмень, селище. Керамика.

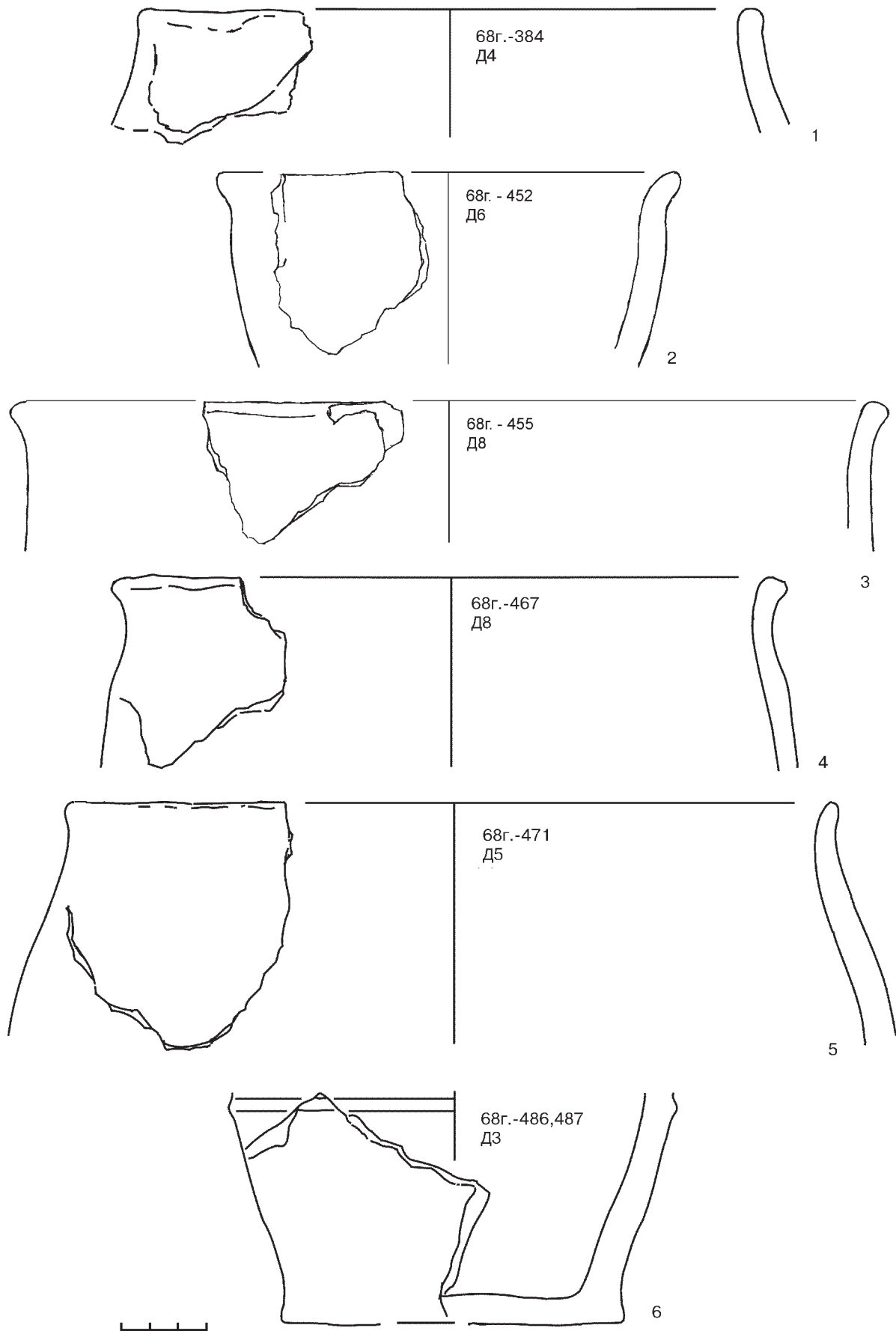

Рис. 122. Узмень, селище. Керамика.

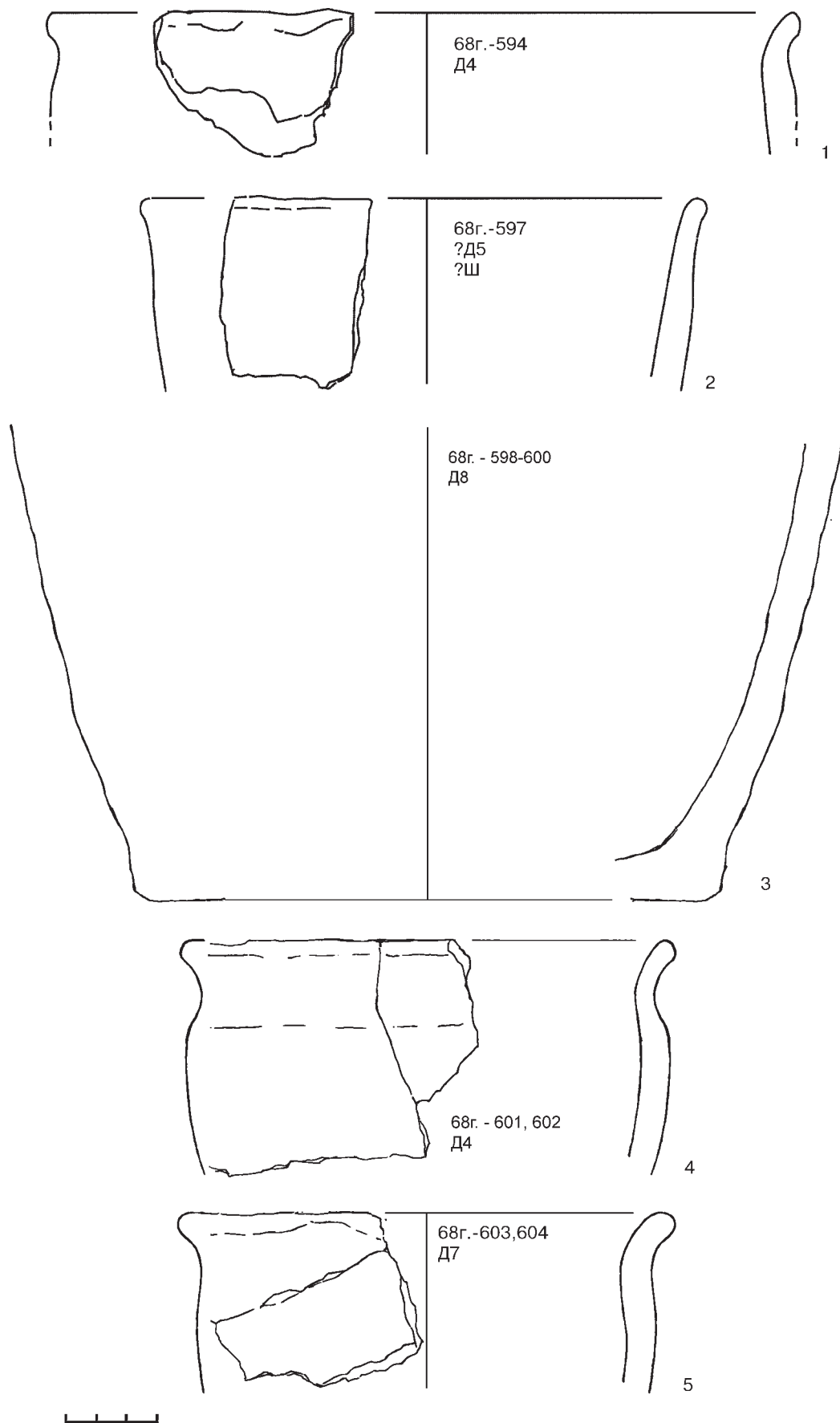

Рис. 125. Узмень, селище. Керамика.

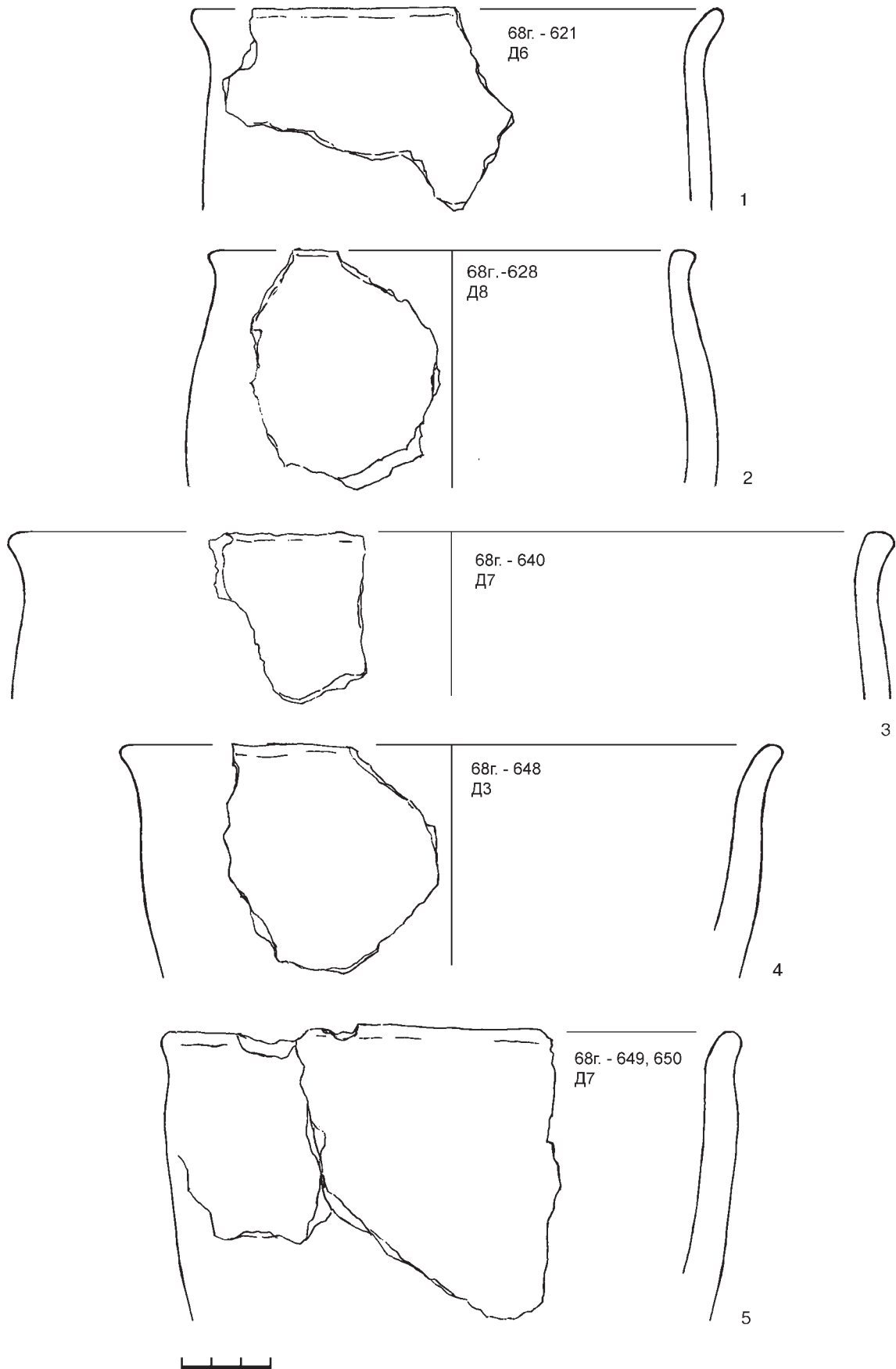

Рис. 126. Узмень, селище. Керамика.

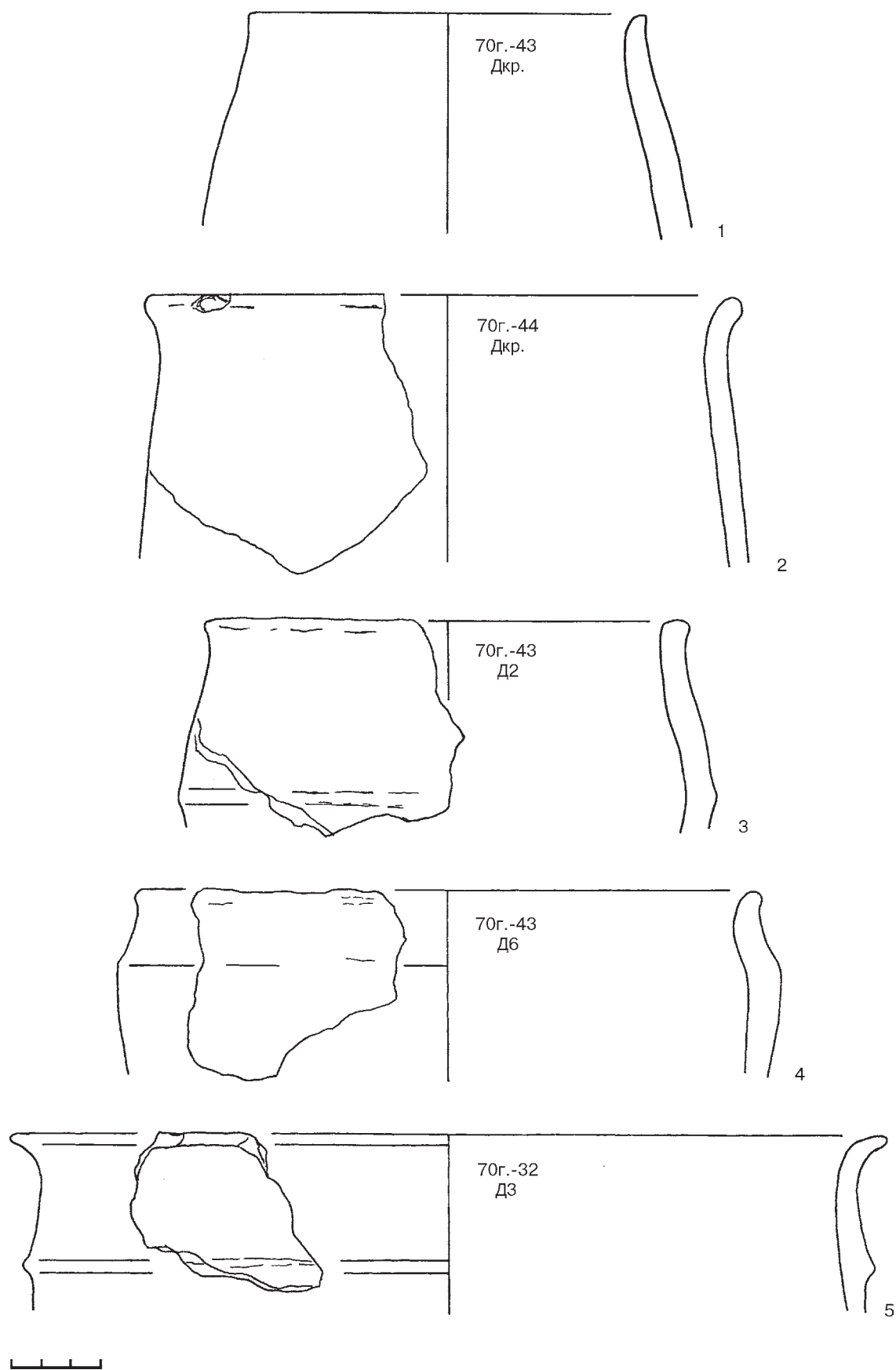

Рис. 127. Узмень, селище. Керамика.

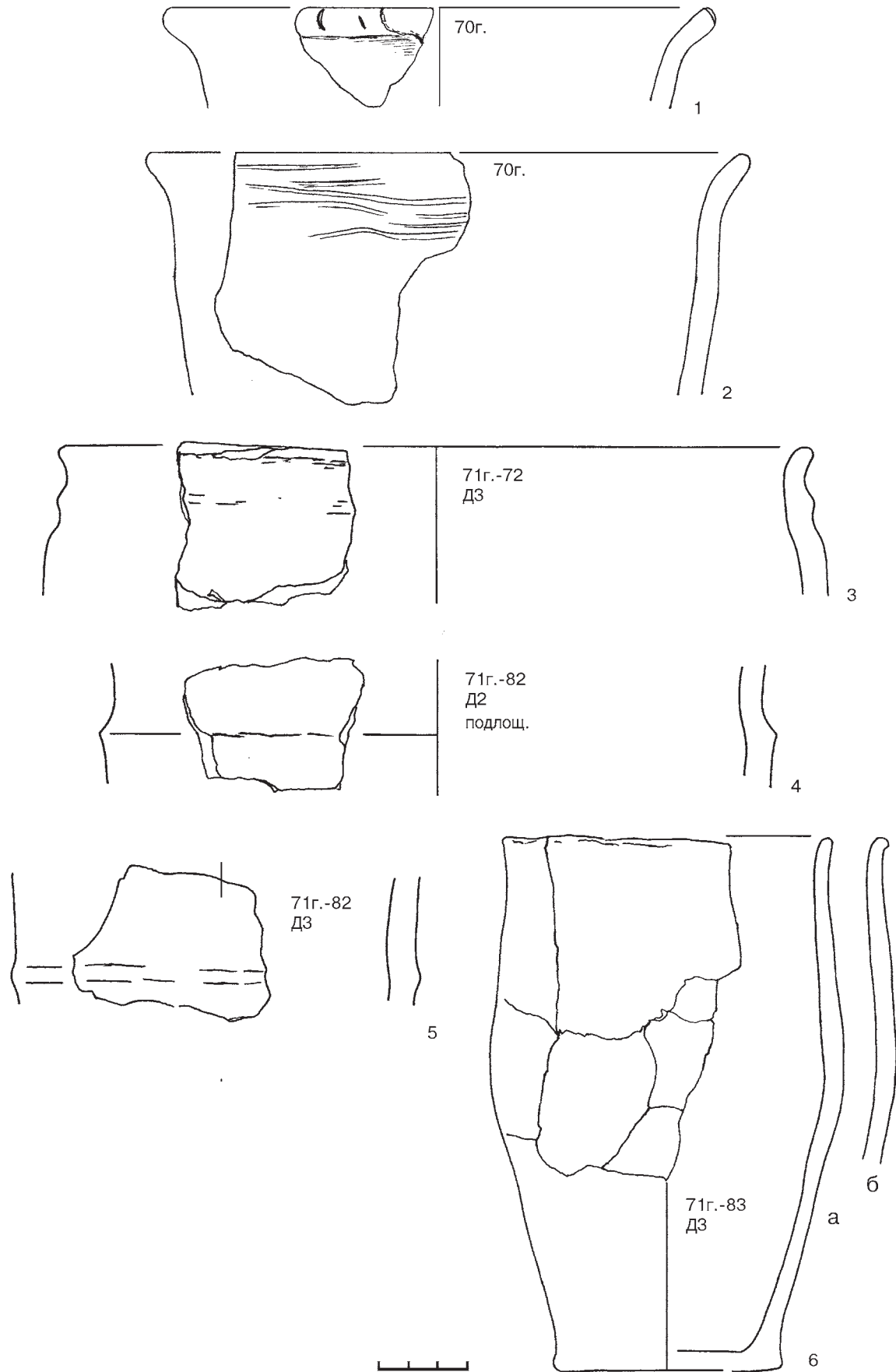

Рис. 128. Узмень, селище. Керамика.

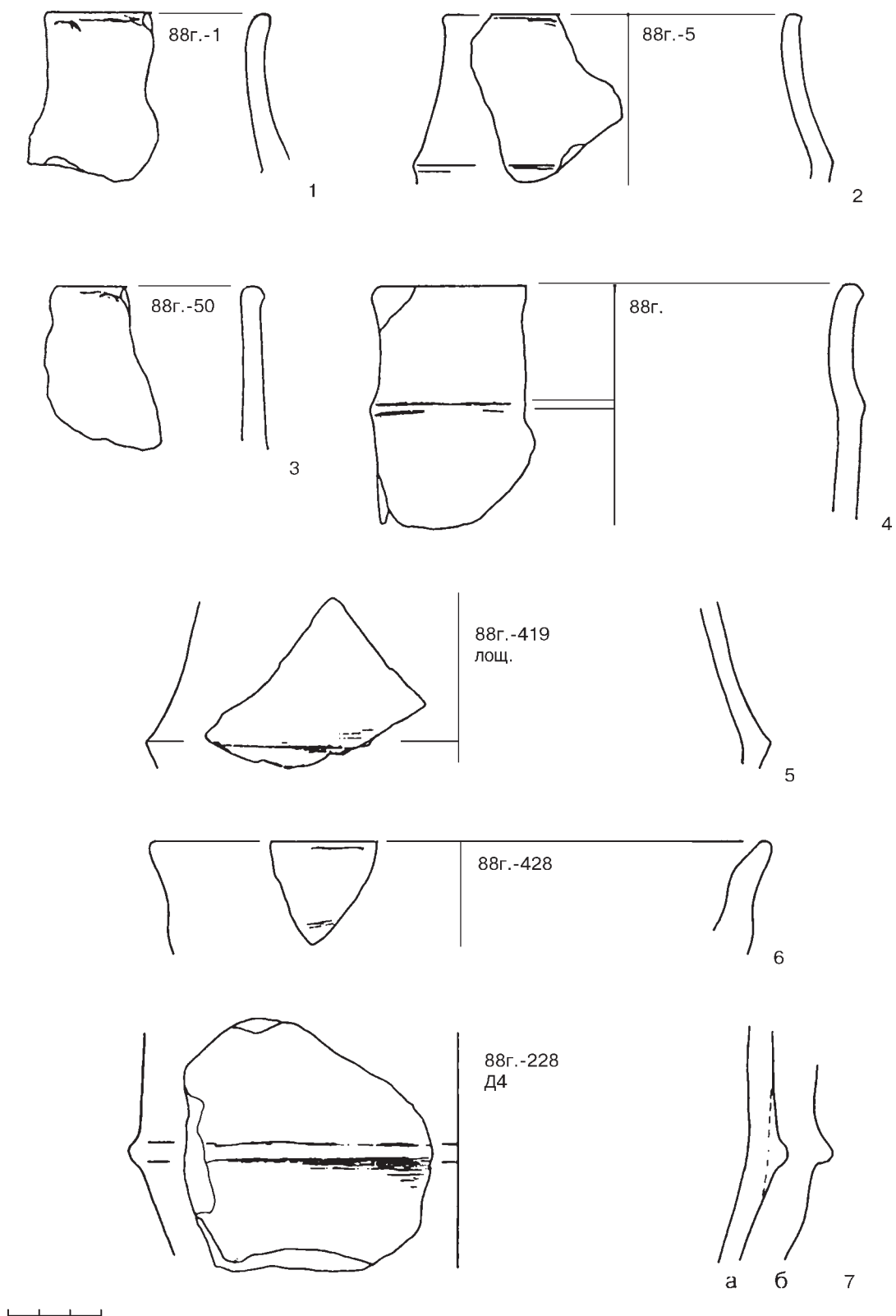

Рис. 129. Узмень, селище. Шурф 1988 г. Керамика.

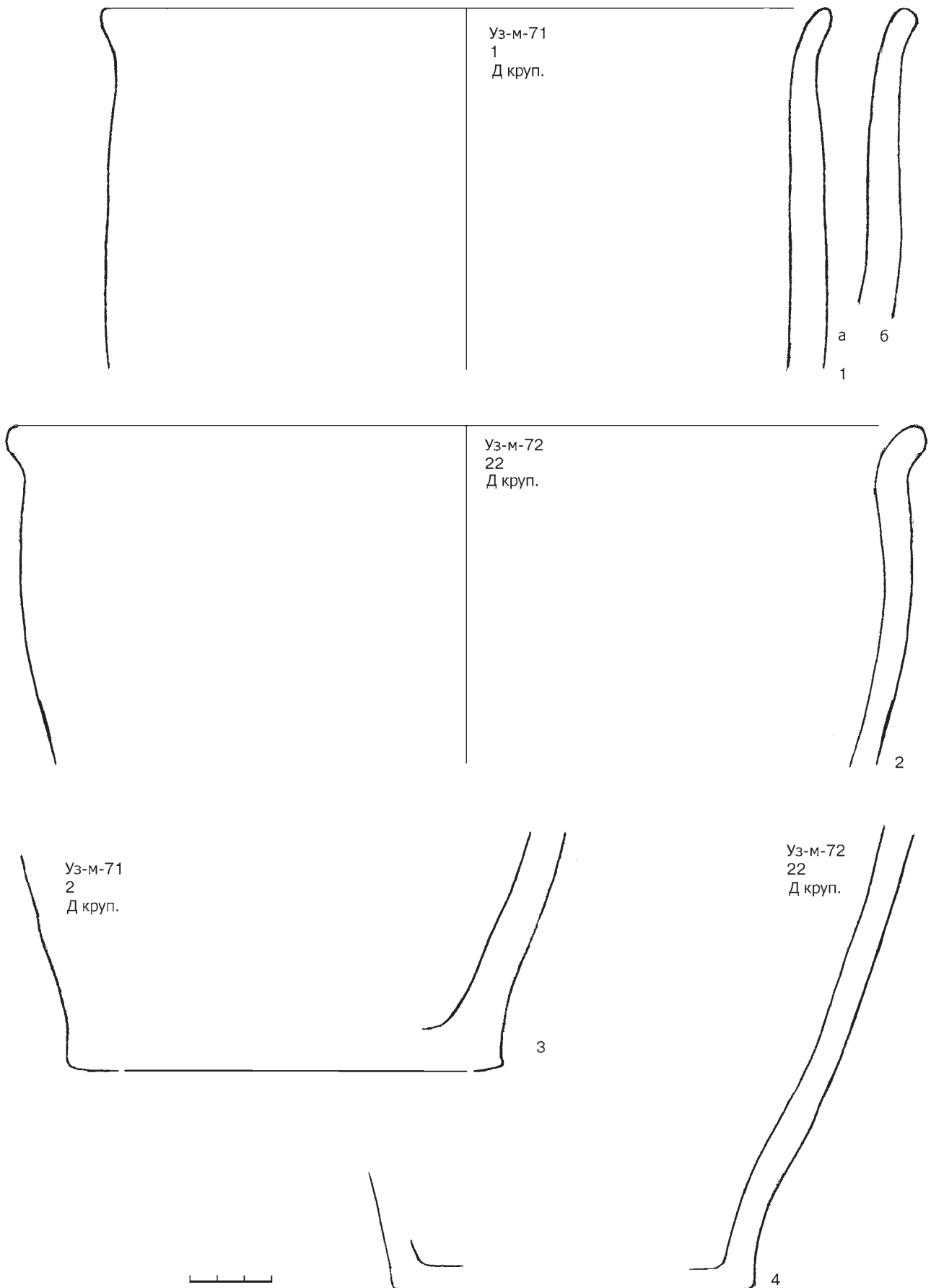
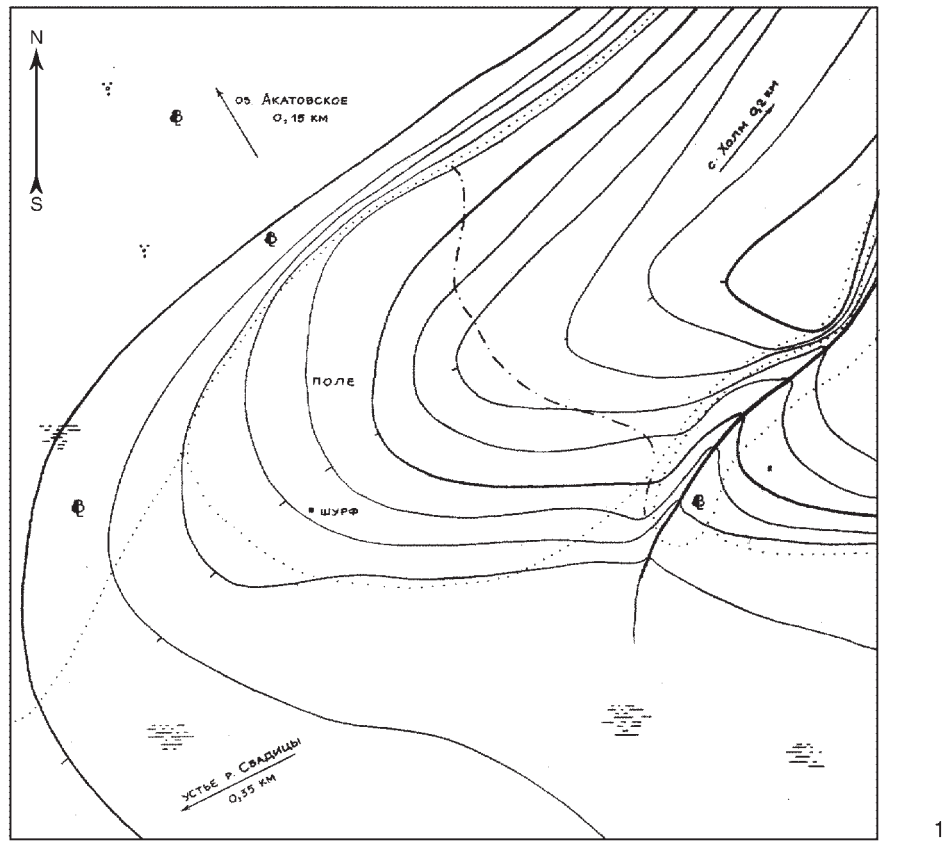

Рис. 130. Узмень, могильник. Керамика. 1, 3 – погребение 1; 2, 4 – погребение 34.

Сечение рельефа 1 м

0 50 м

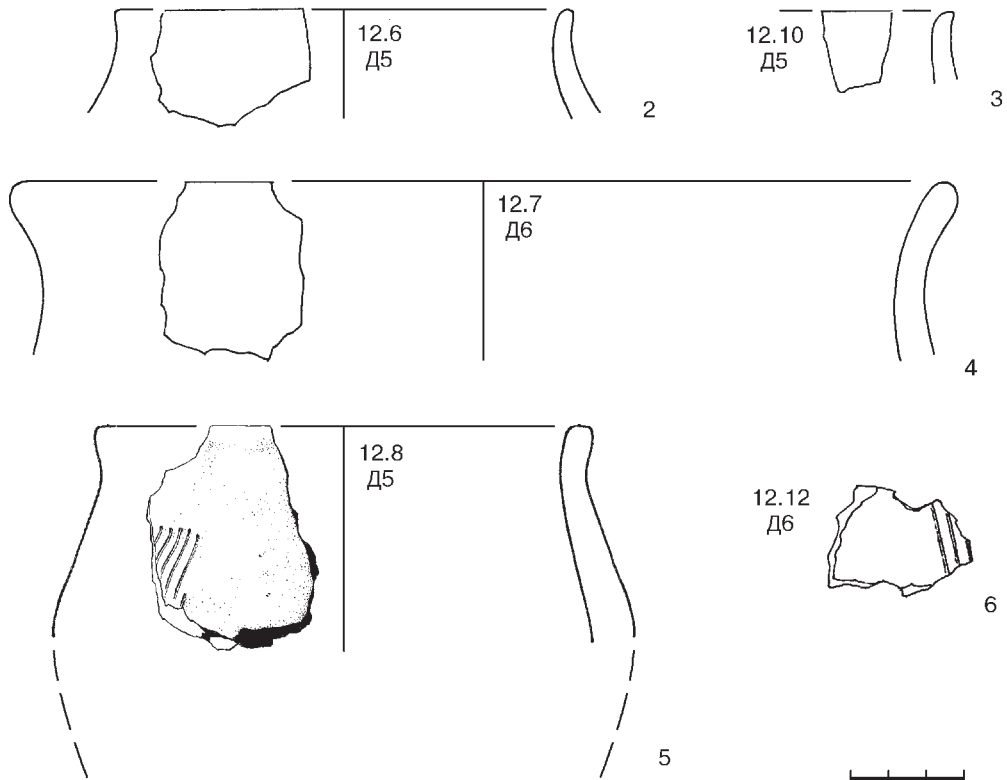
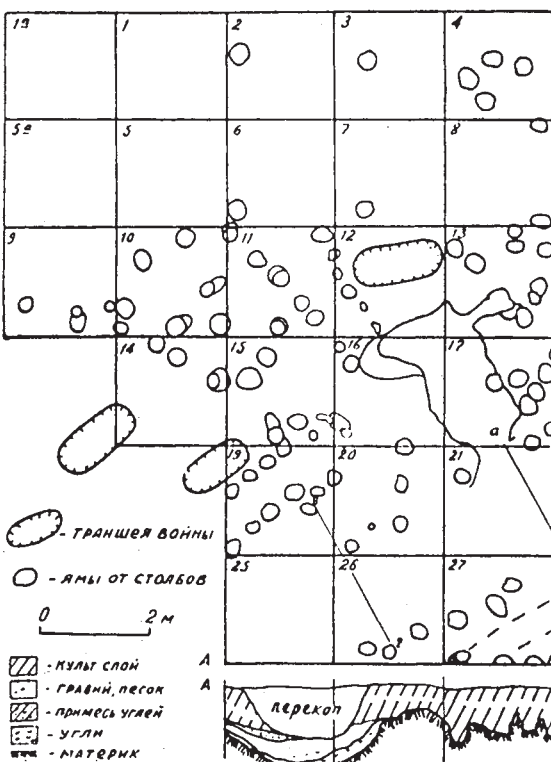
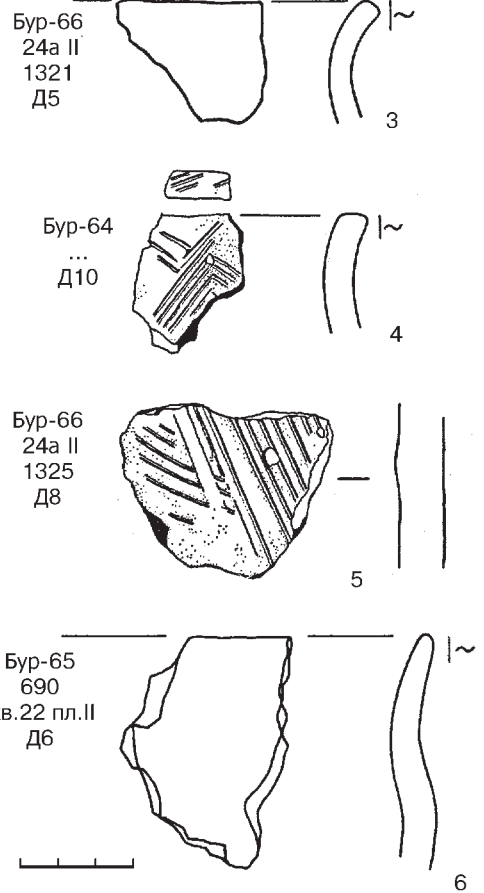
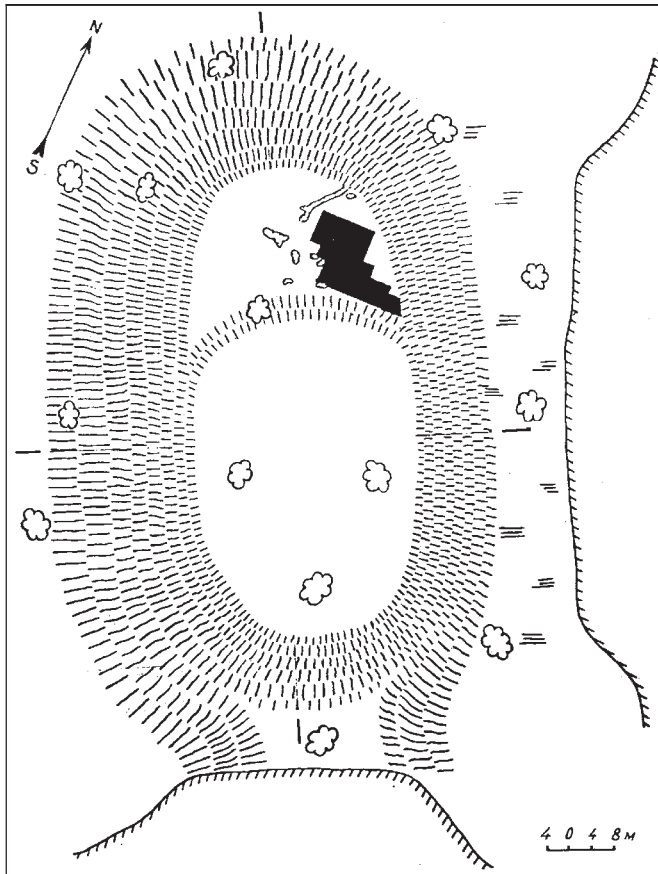

Рис. 131. Холм. План, керамика.

ГОРОДИЩЕ БУРАКОВО

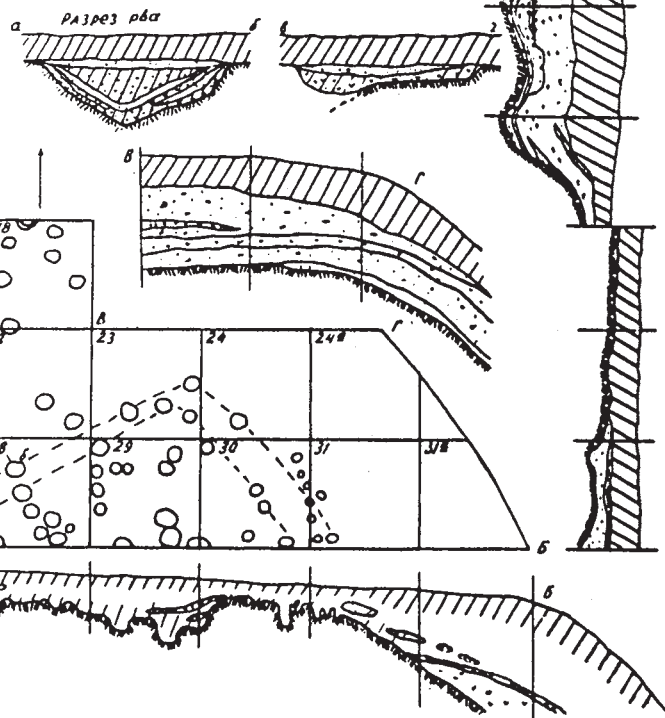

Рис. 132. Бураково, городище. Планы памятника и раскопа [Шут 1966-О], керамика верхнего слоя.

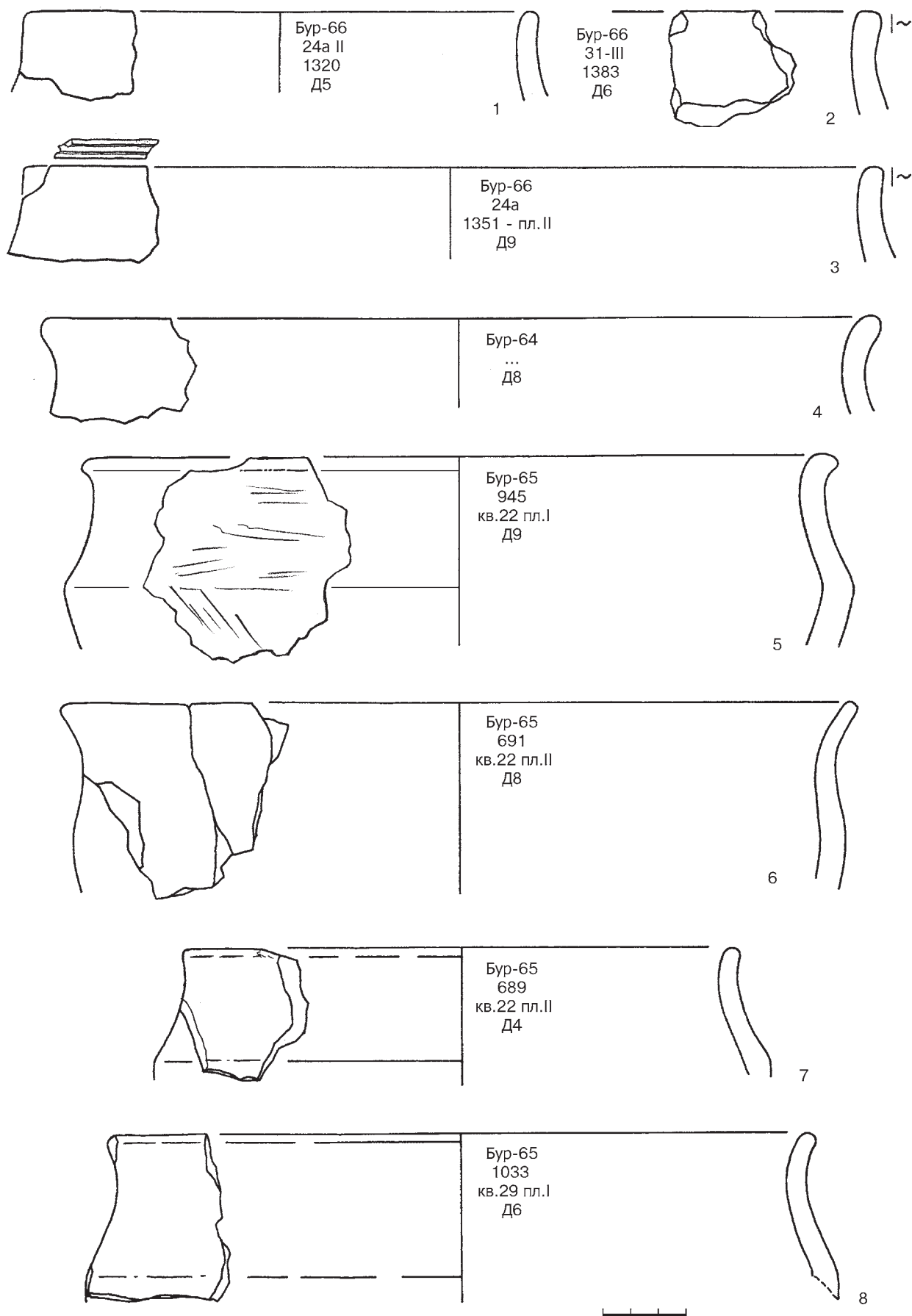

Рис. 133. Бураково, городище. Керамика верхнего слоя.

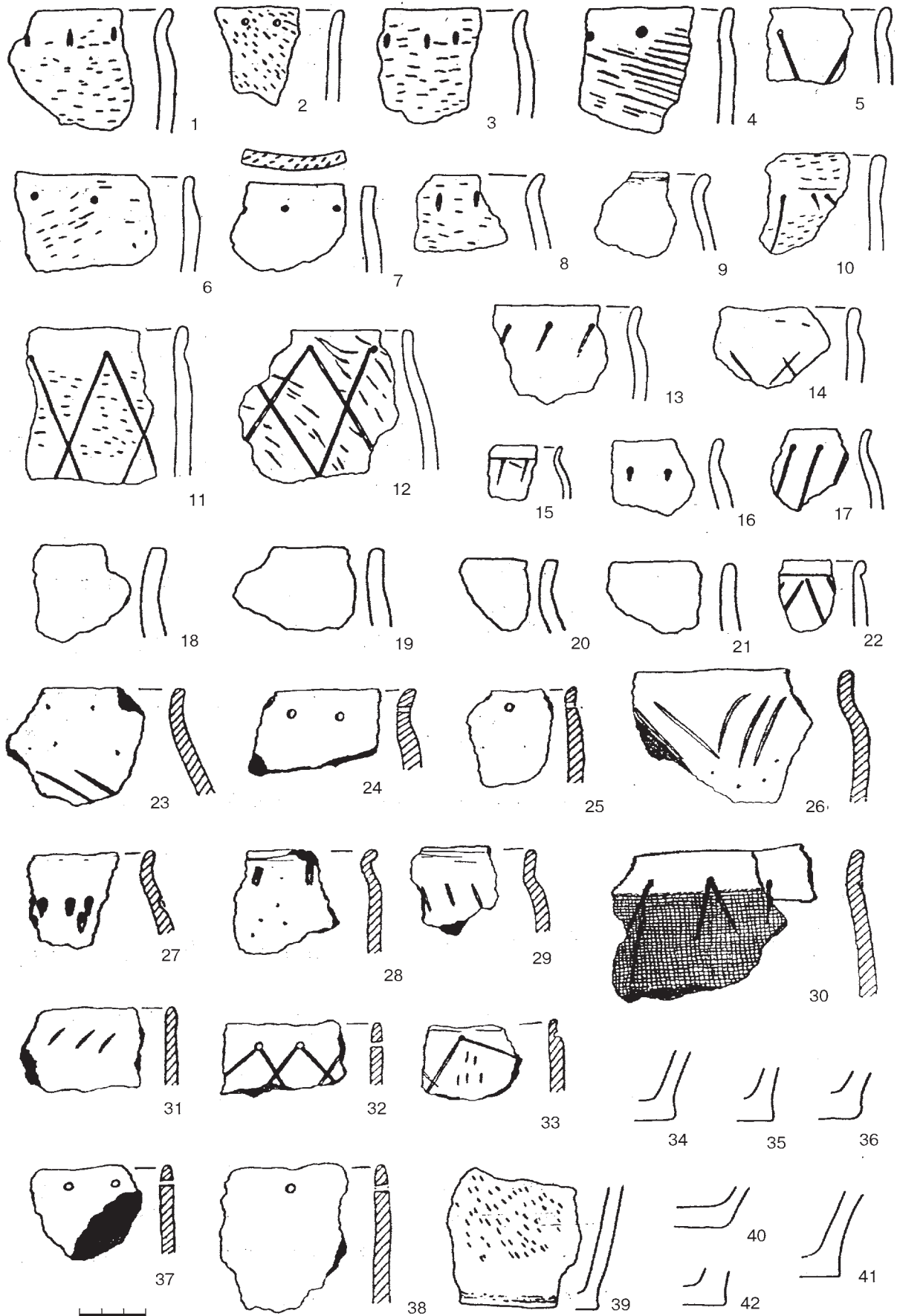

Рис. 134. Буратово, городище. Керамика нижнего слоя [Шут 1965-О, рис. 34; 1966-О, рис. 51].

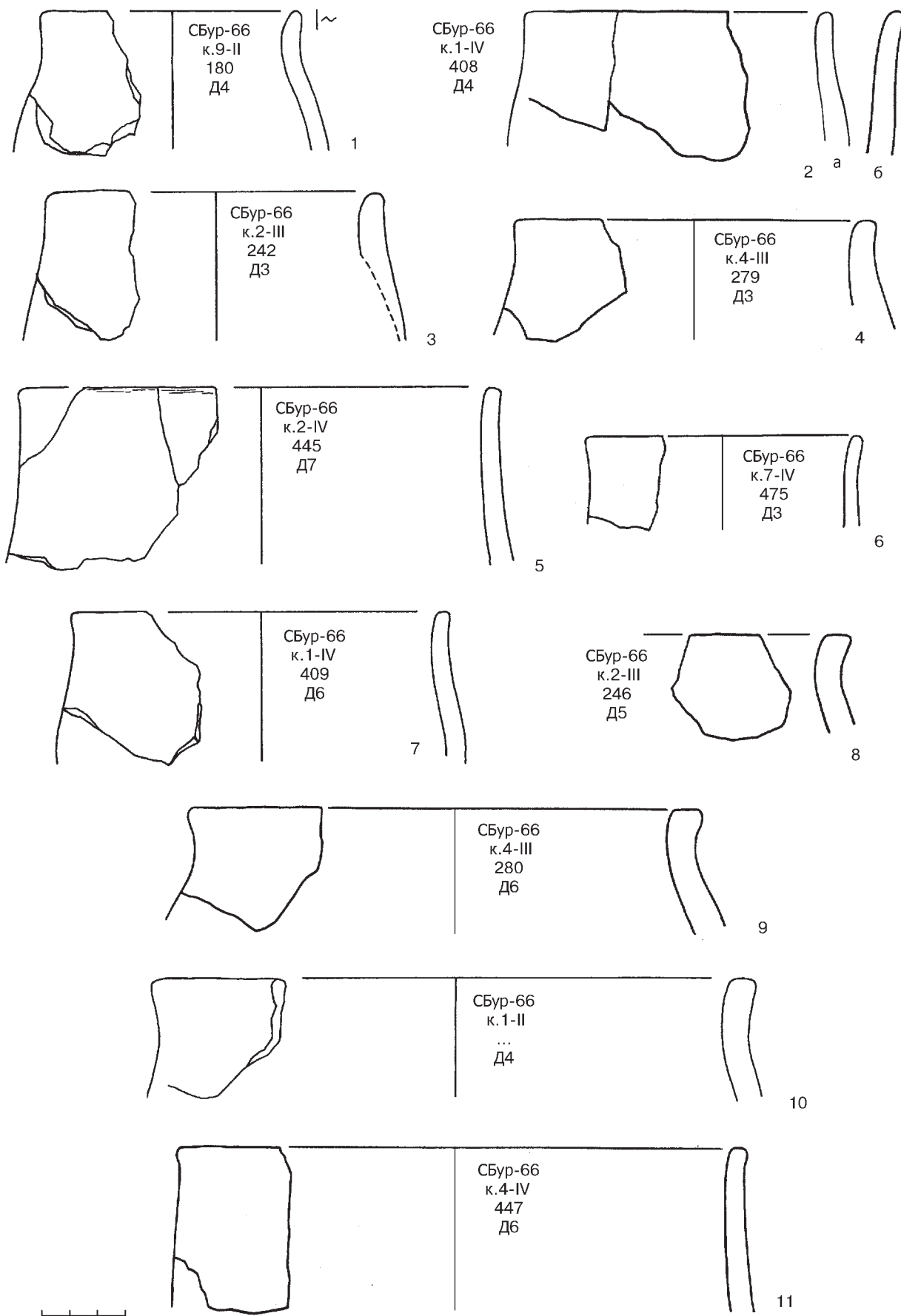

Рис. 135. Бураково, селище. Керамика.

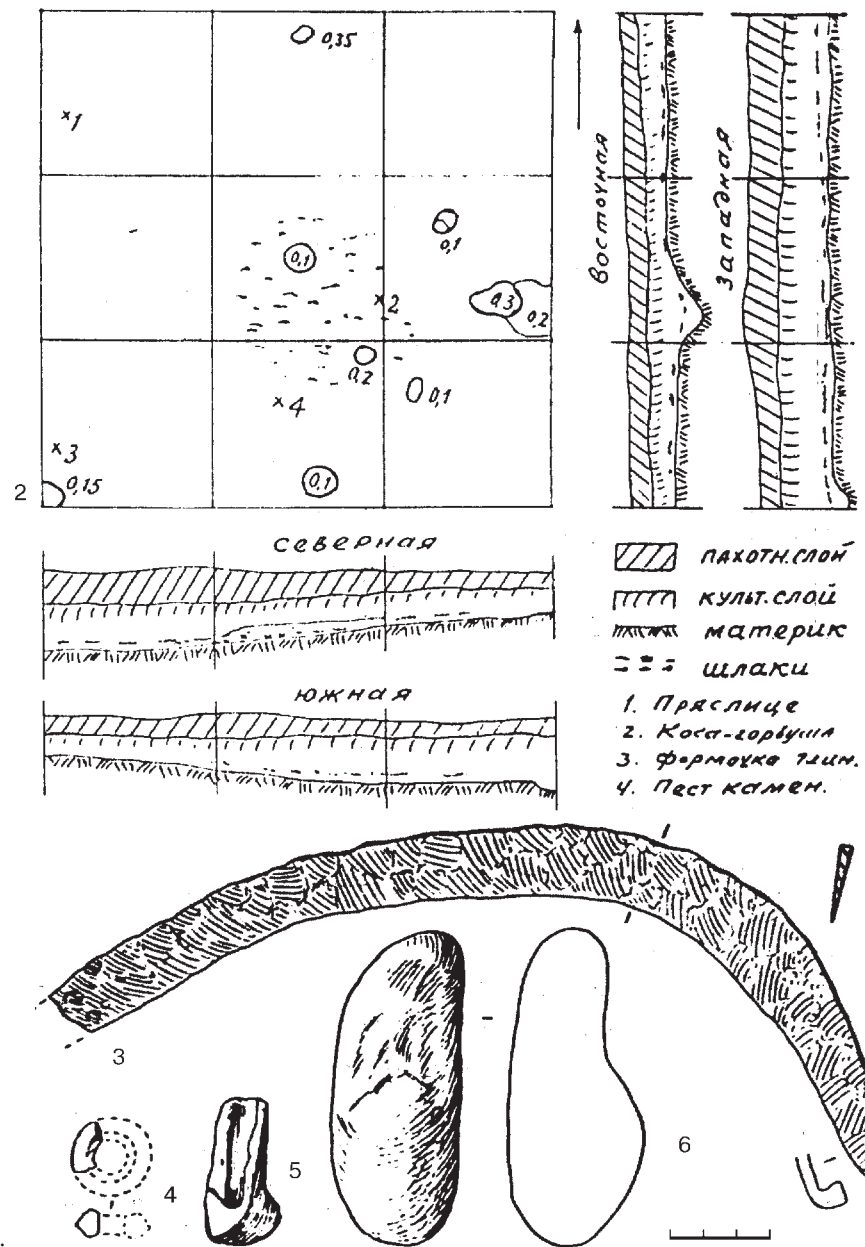
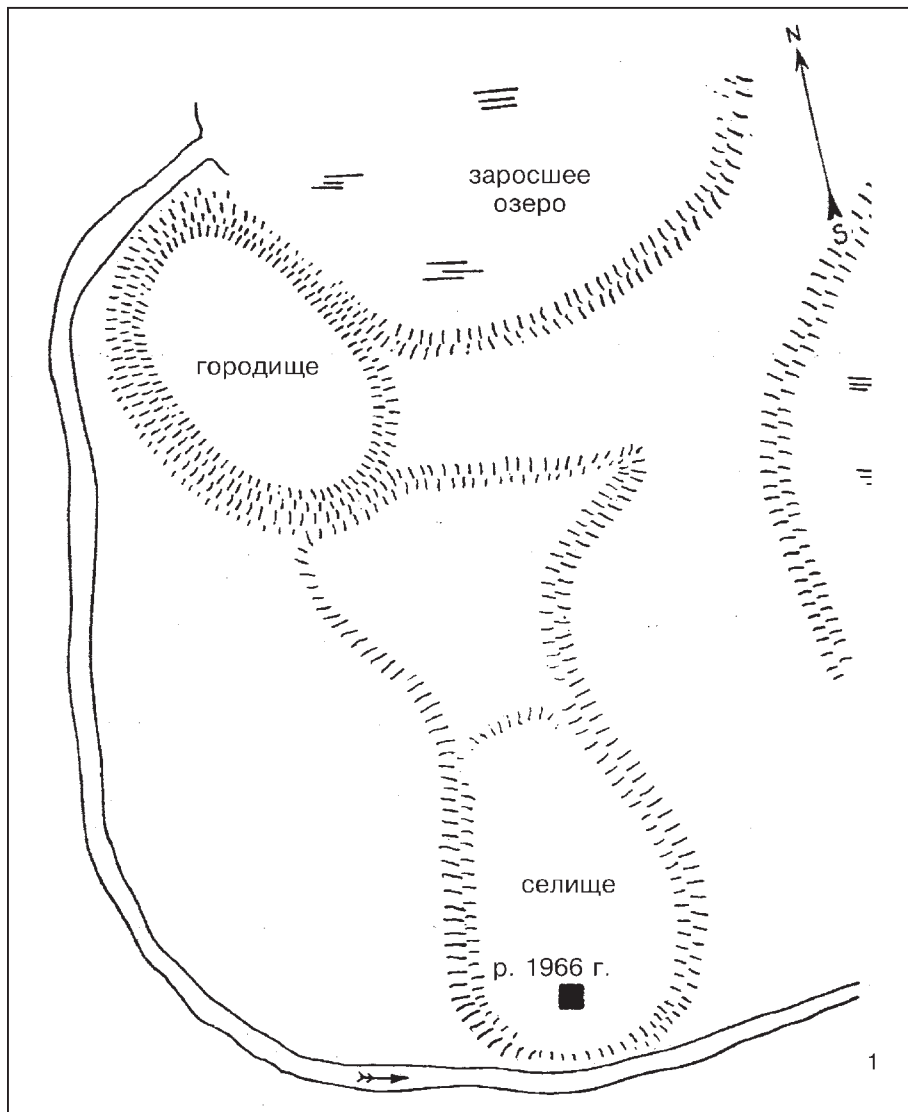

Рис. 136. Бураково, селище. Планы памятника и раскопа, находки [Шут 1966-О, рис. 52, 54, 58]. 3 – железо; 4, 5 – глина; 6 – камень.

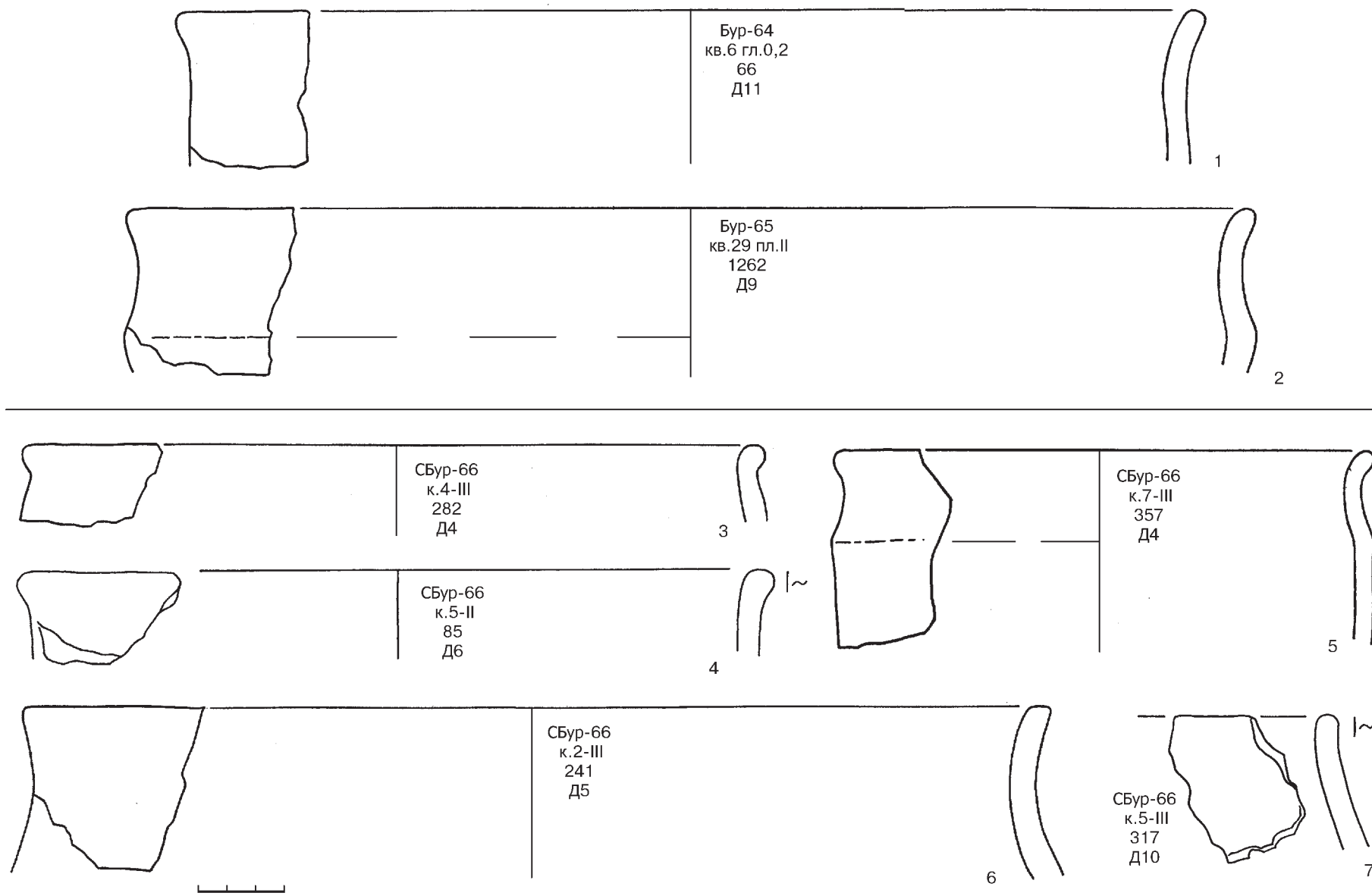

Рис. 137. Бураково, городище, верхний слой (1, 2), селище. Керамика.

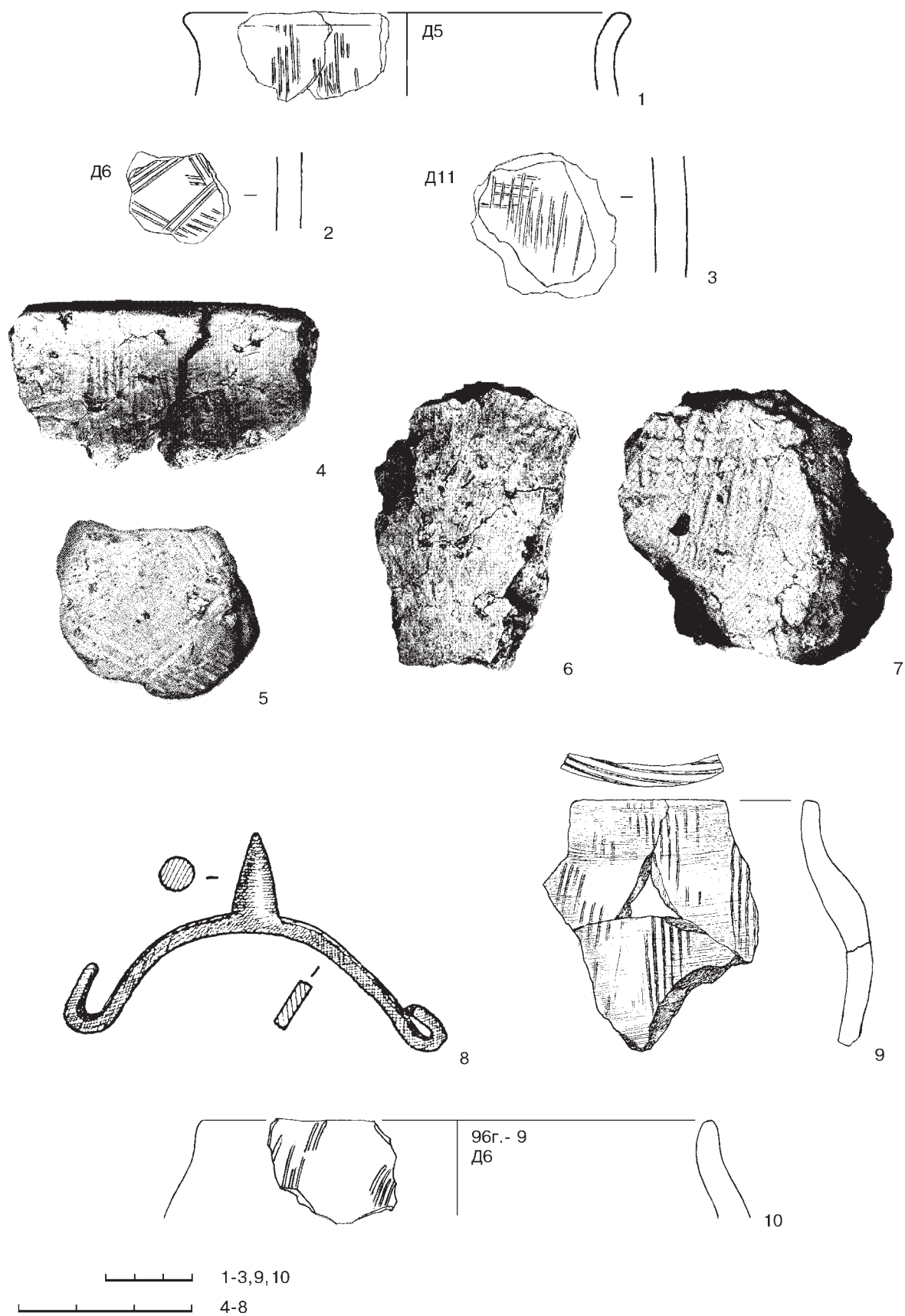

Рис. 138. Обузья (1-3 – рис., 4-7 – фото), Двор Гомель (8, 9), Вороницы (10).
Находки. 8 – железо, остальные – керамика.

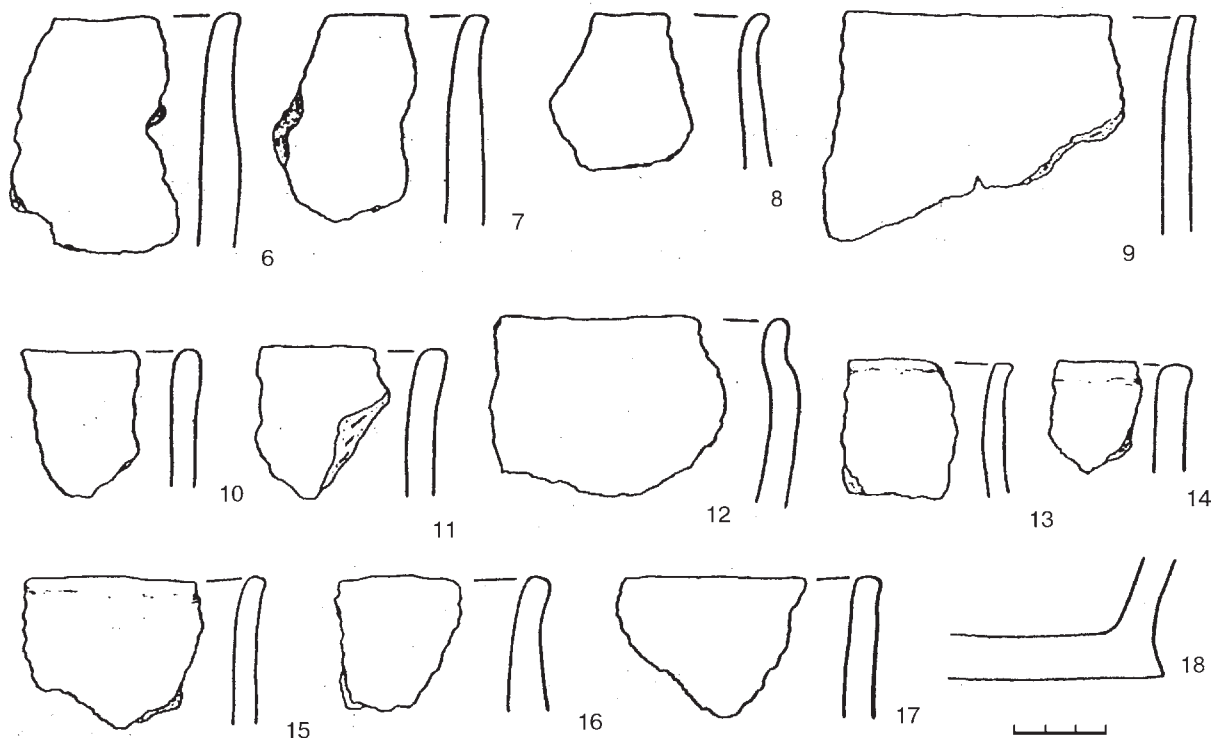
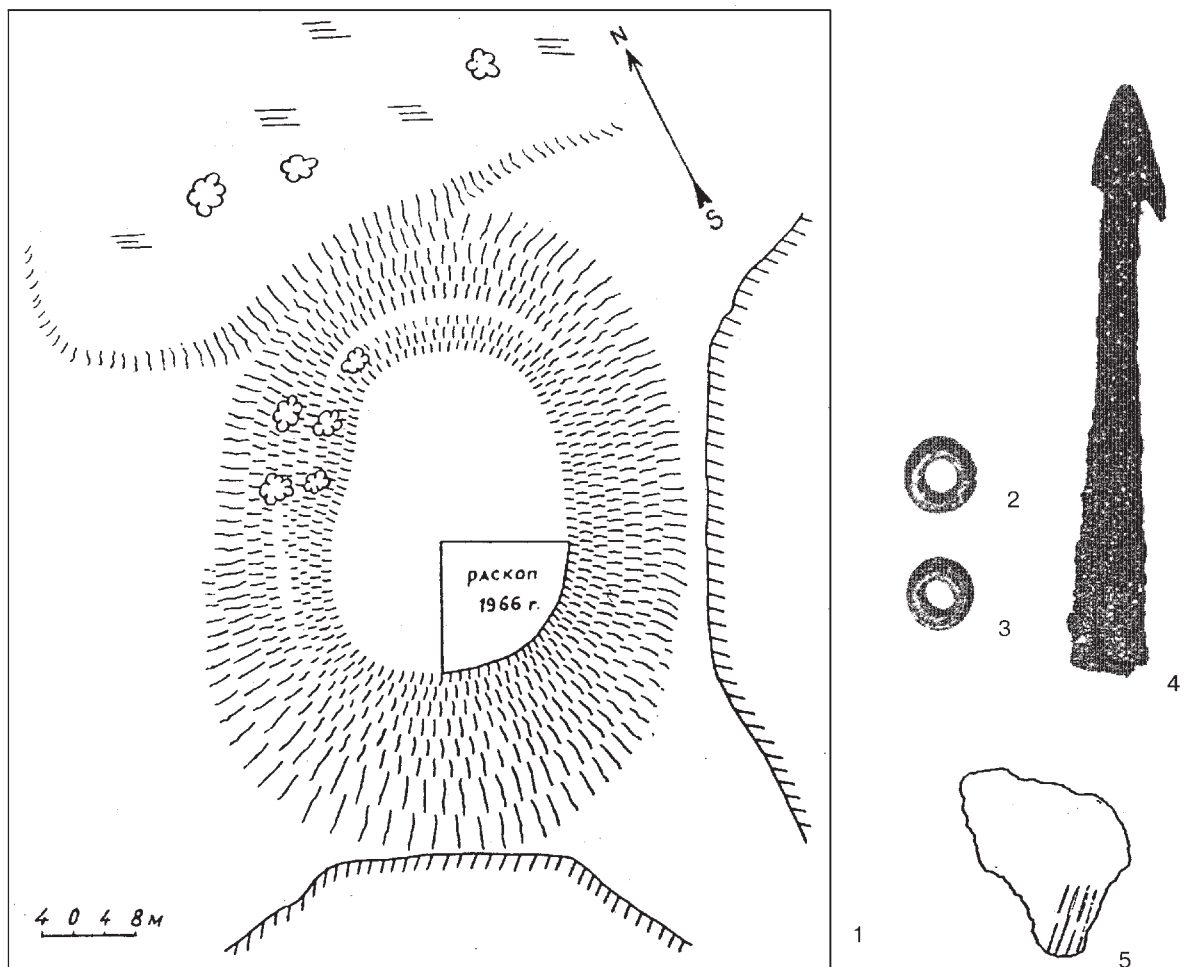

Рис. 139. Заговалино.
 План, материалы из верхнего слоя [Шут 1966-О, рис. 41, 44].

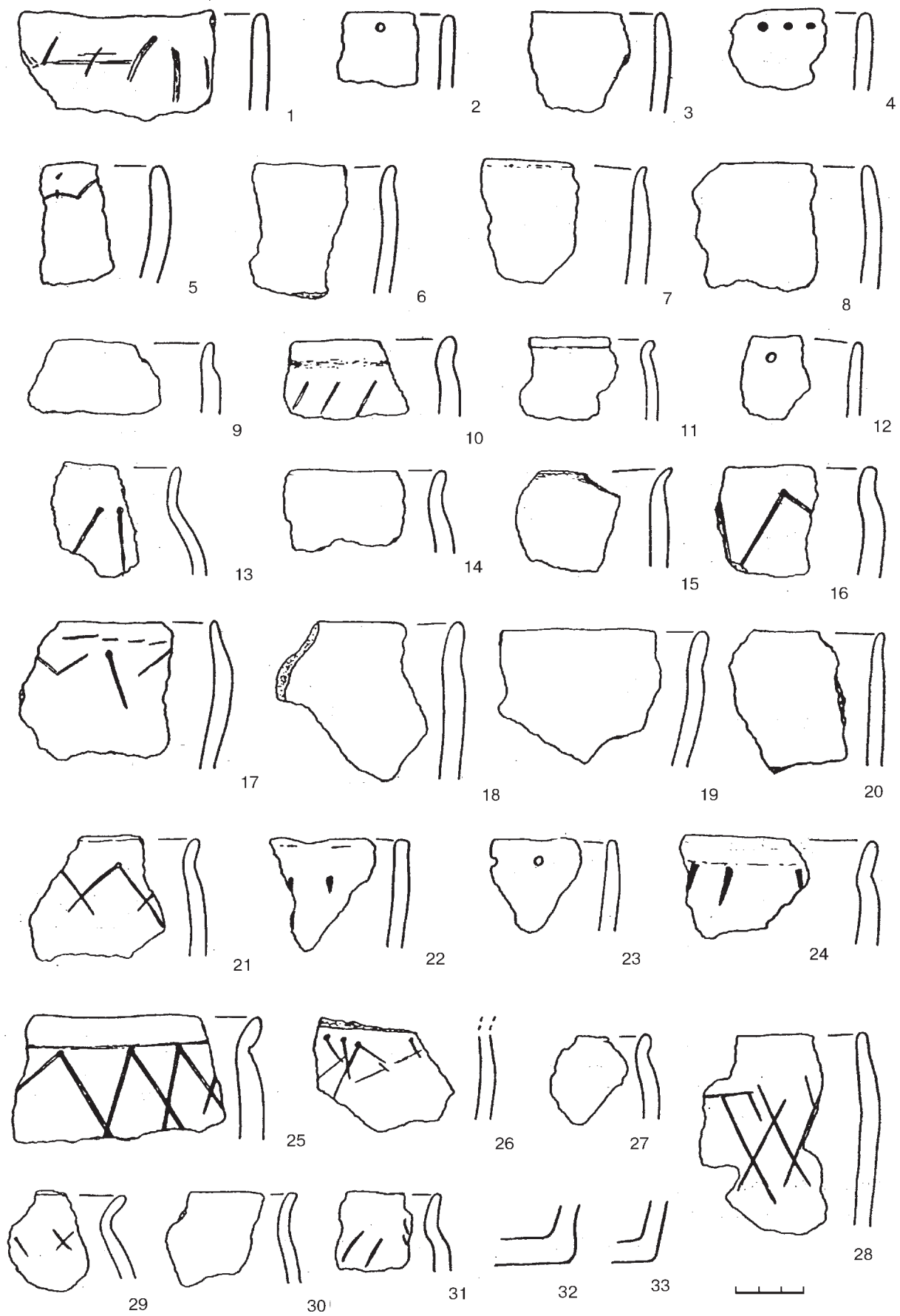
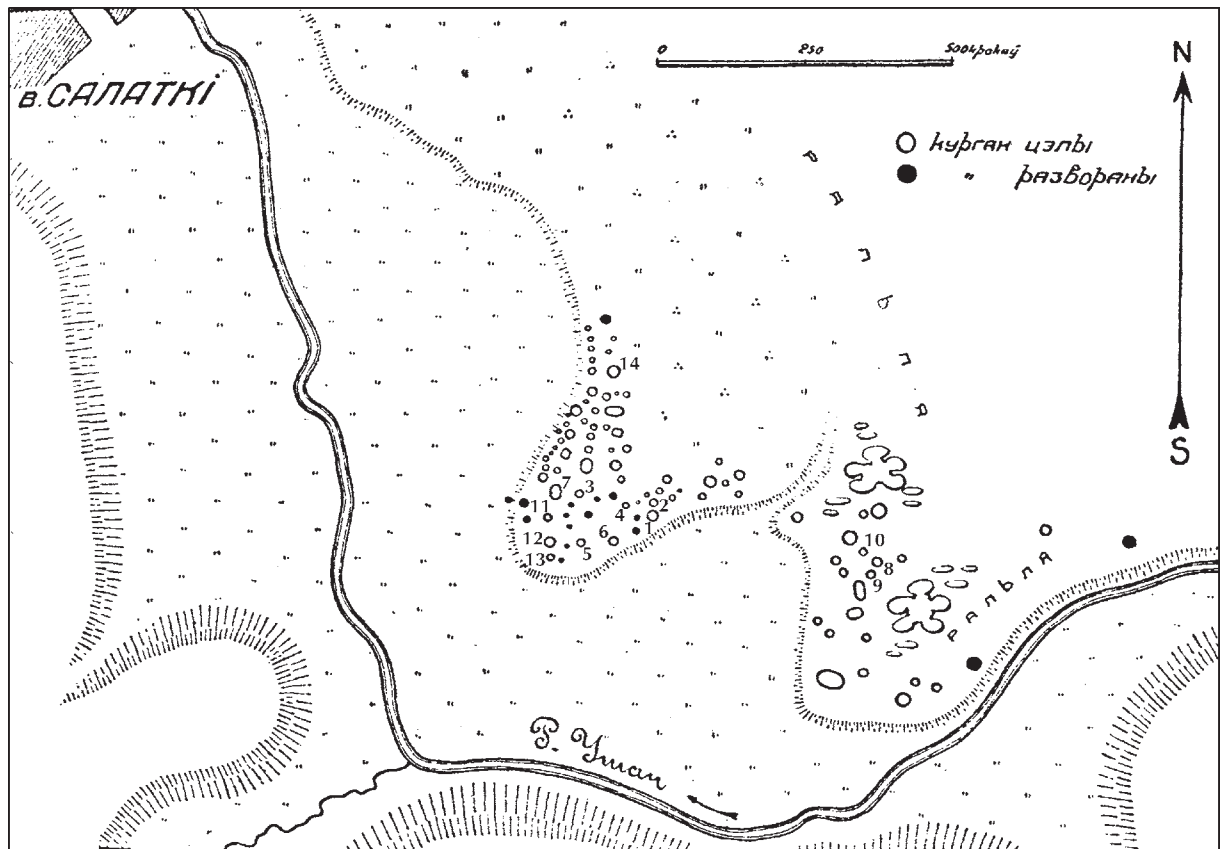

Рис. 140. Заговалино. Керамика нижнего слоя
[Шут 1966-О, рис. 42, 43].

1

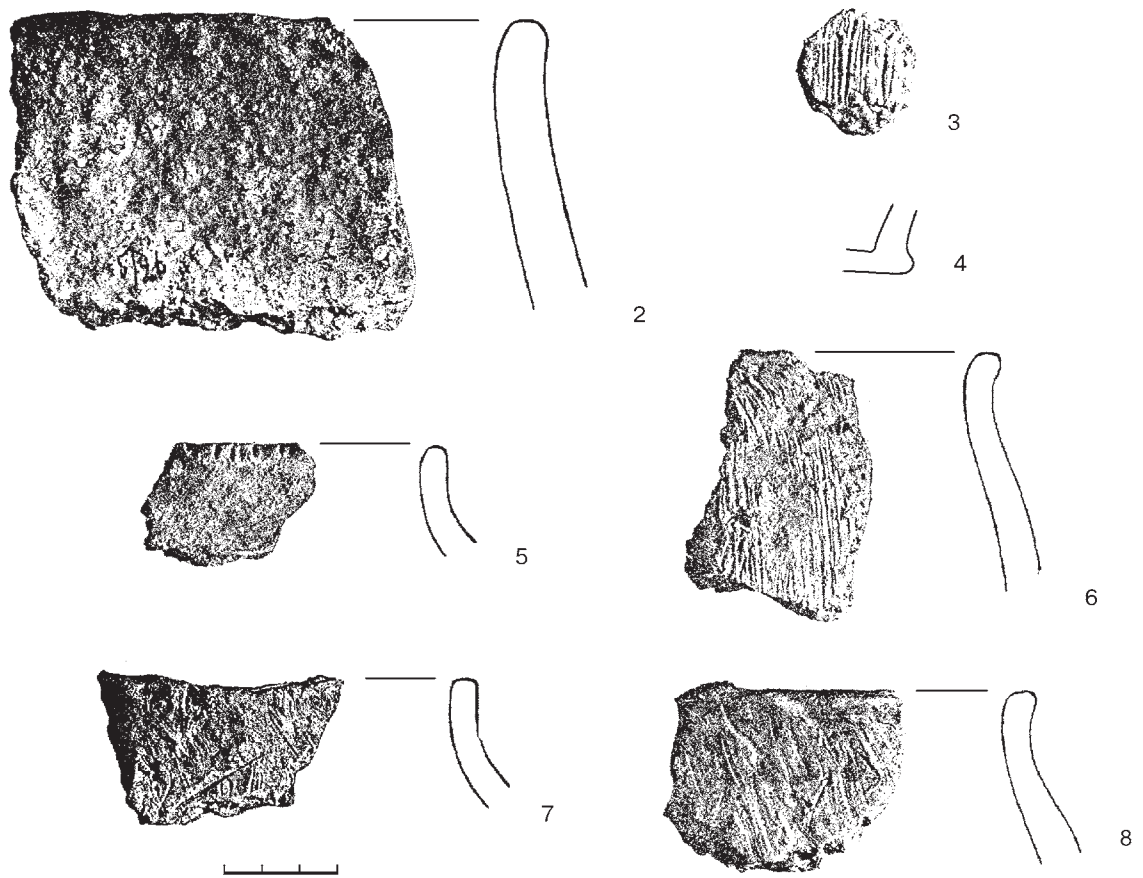

Рис. 141. Рудня. План, керамика [Лявданский 1930, с. 179, 197].

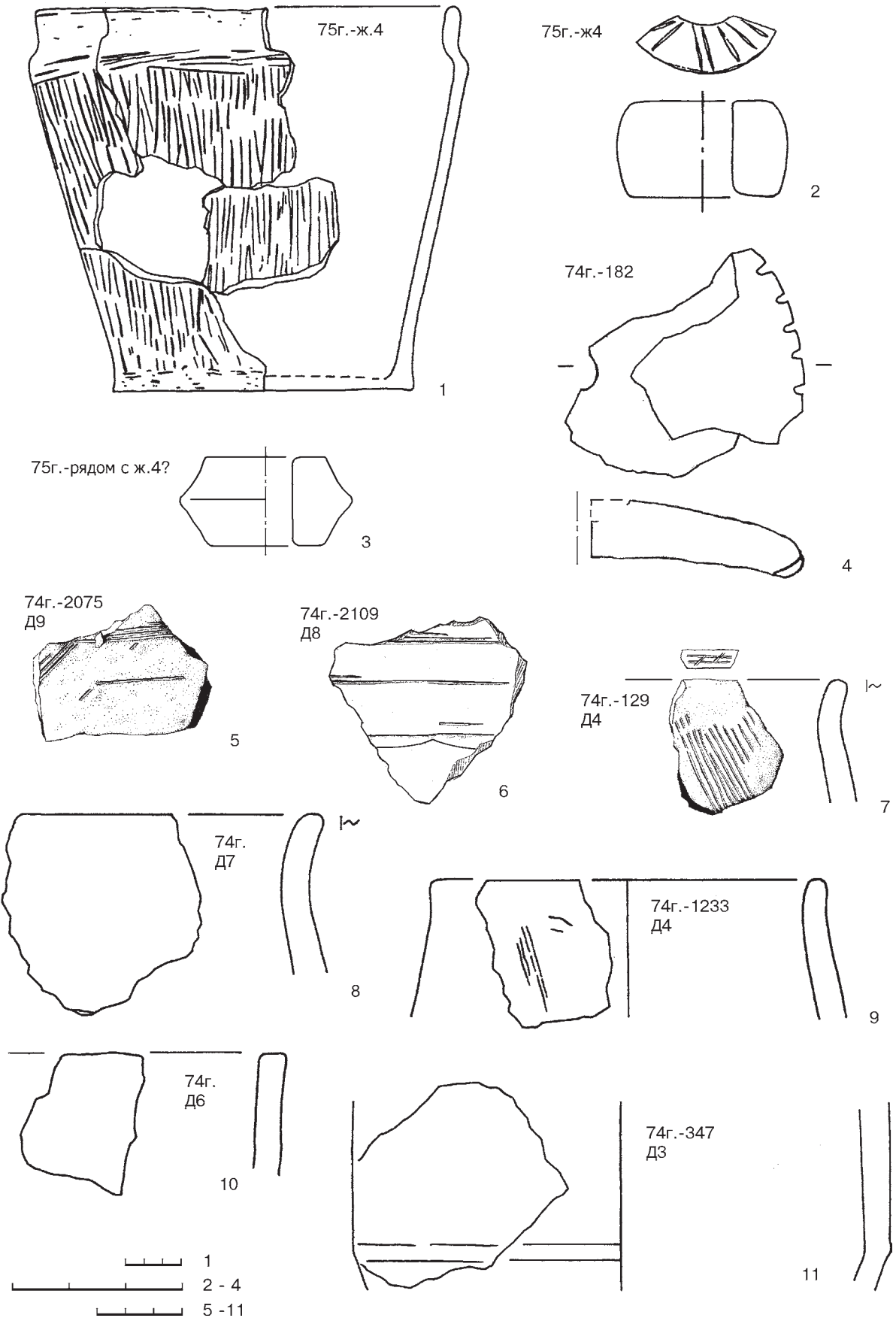

Рис. 142. Ревячка. Материалы. 1 – по: [Егорейченко 1999, мал. 42: 4].

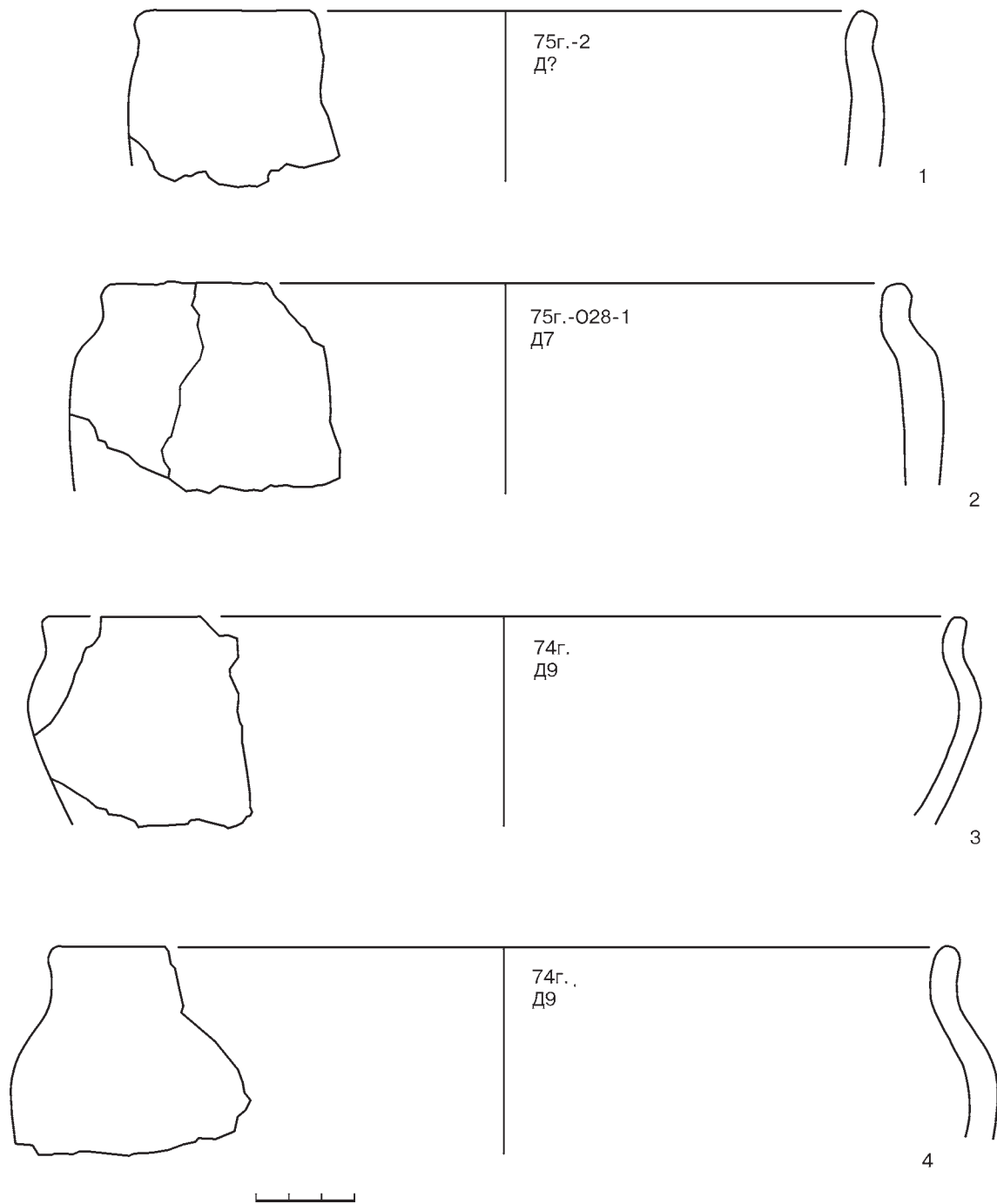

Рис. 144. Ревячка, селище. Керамика.

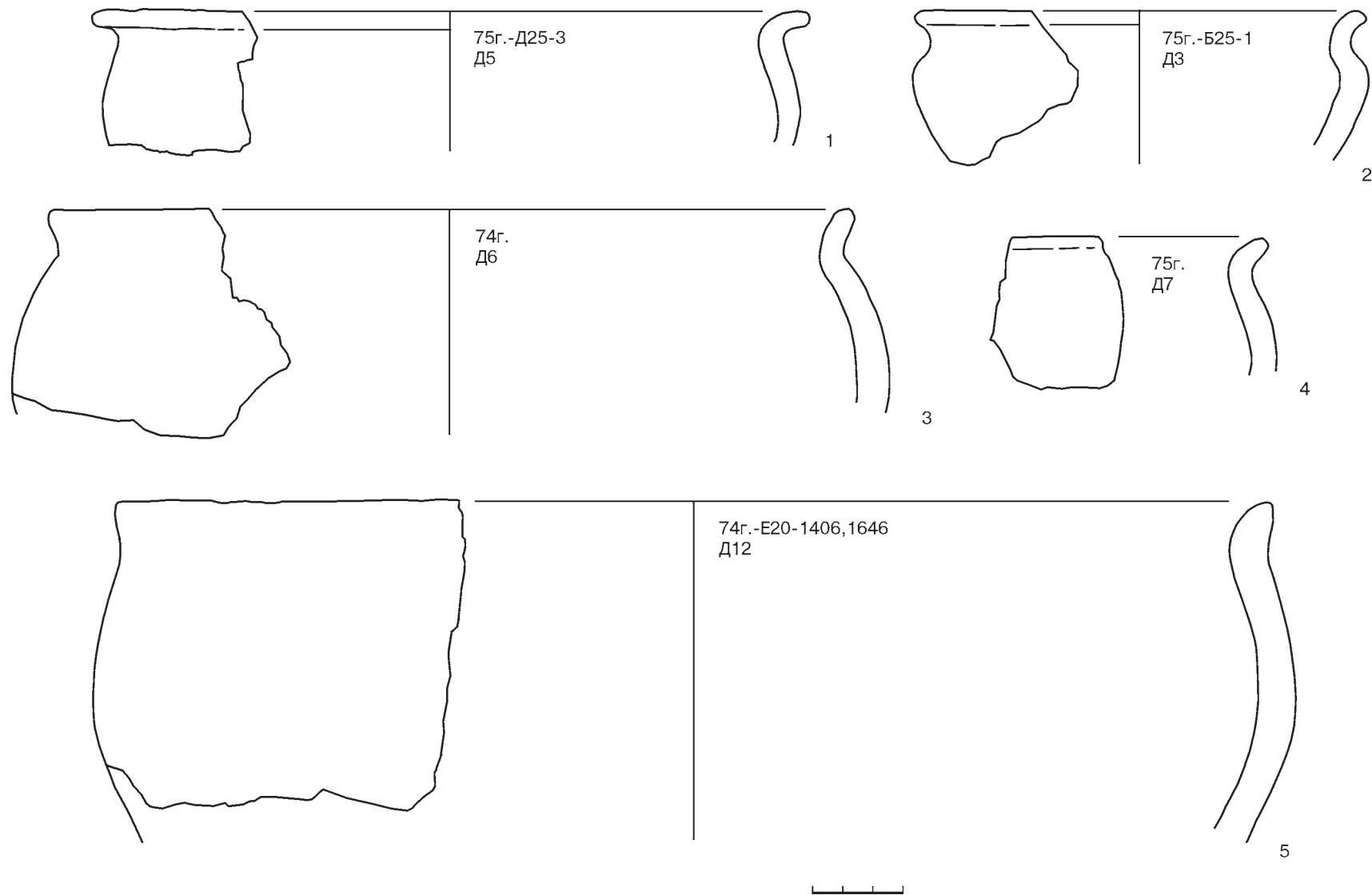

Рис. 145. Ревячка, селище. Керамика.

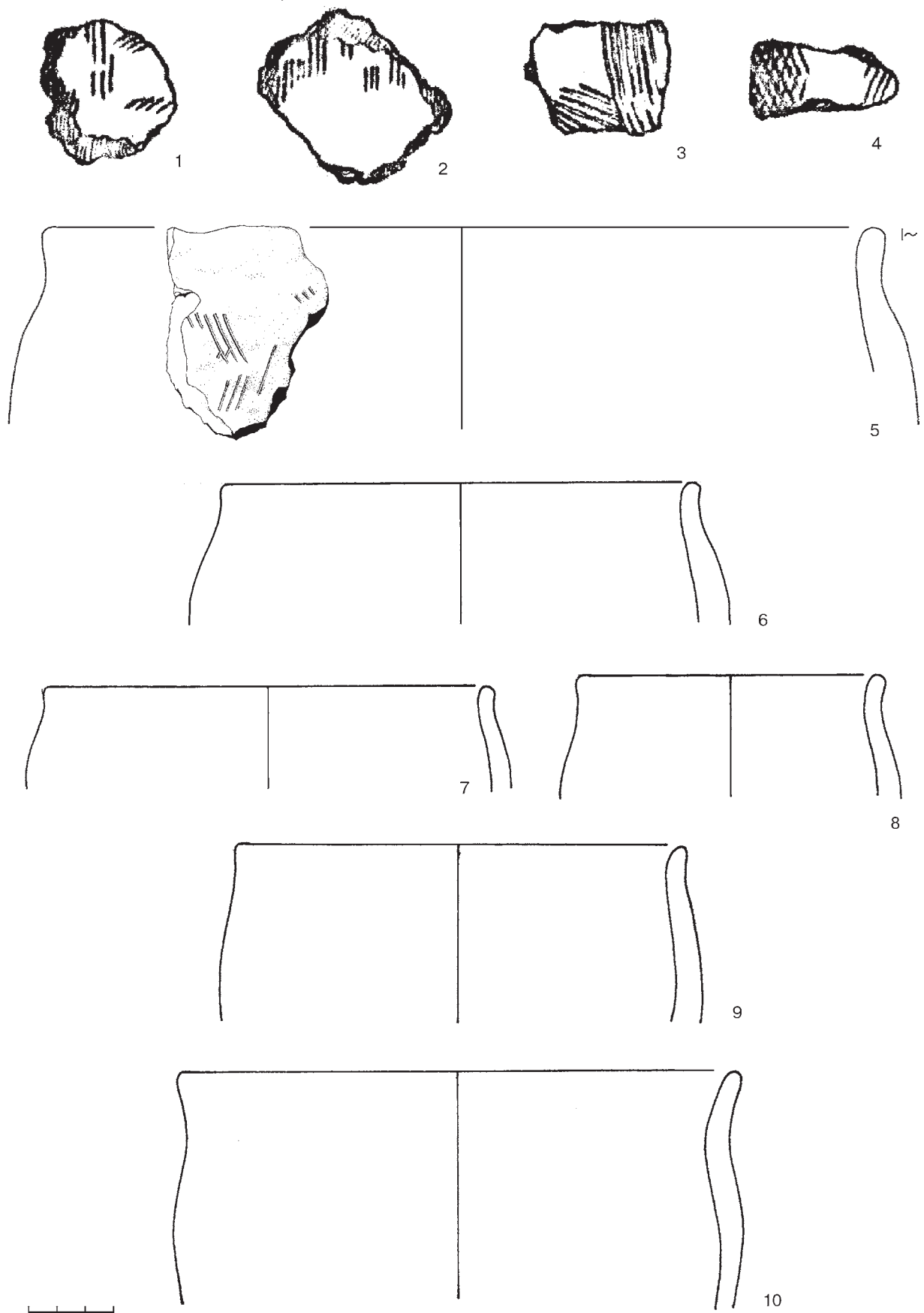

Рис. 146. Городище. Керамика. 1–4 – по: [Митрофанов 1966, с. 231].

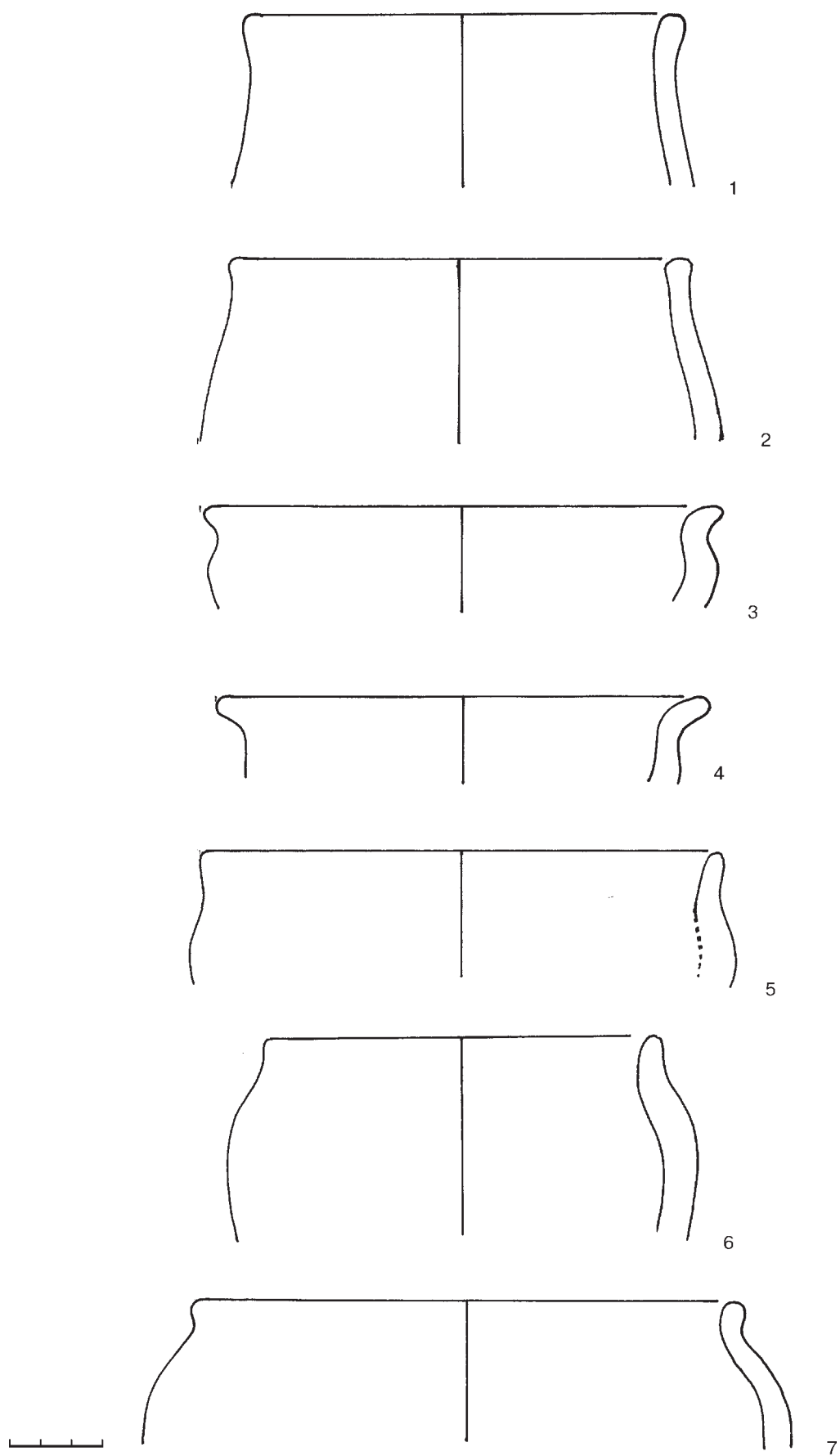

Рис. 147. Городище. Керамика.

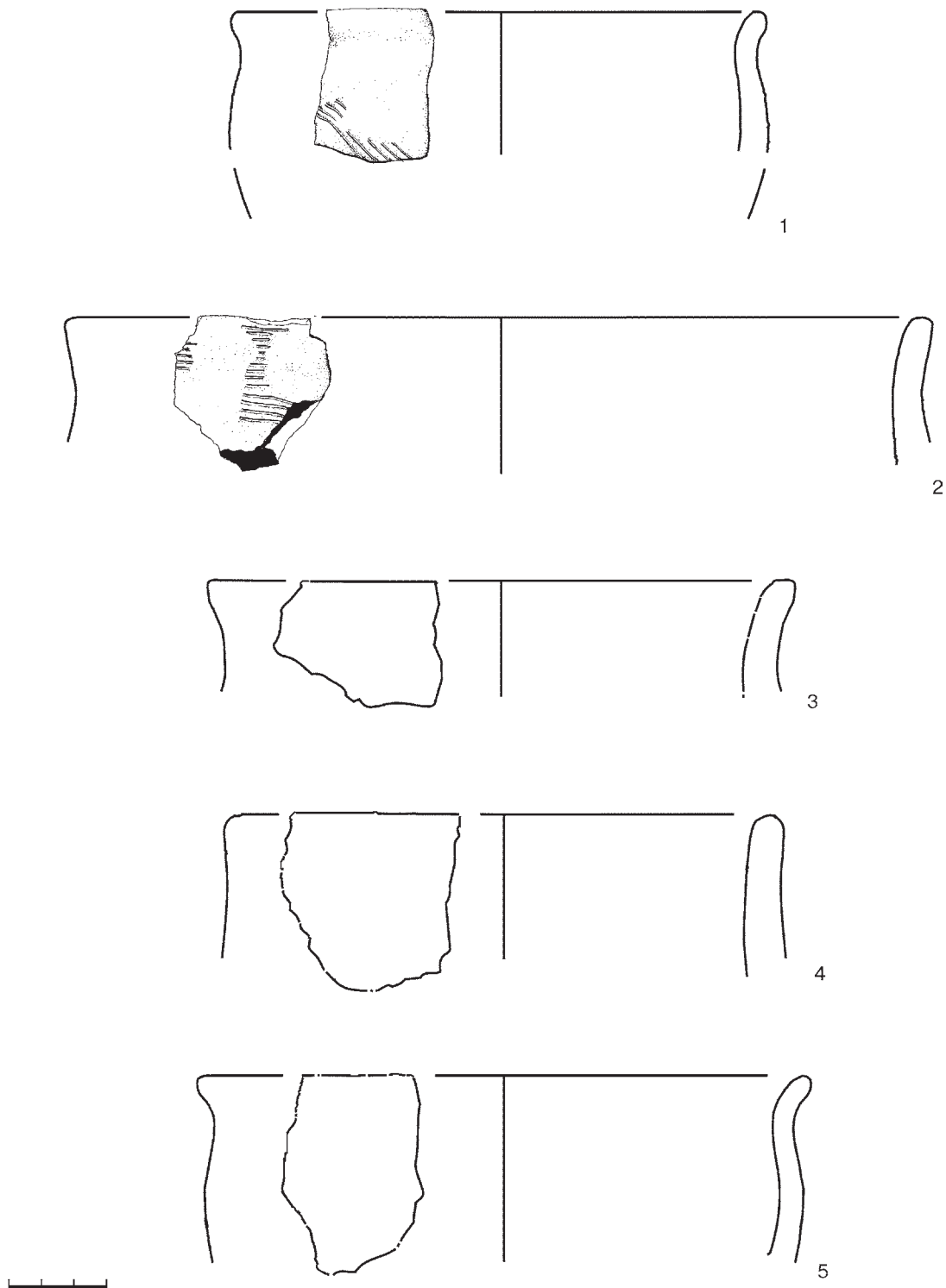

Рис. 148. Некасецк. Керамика.

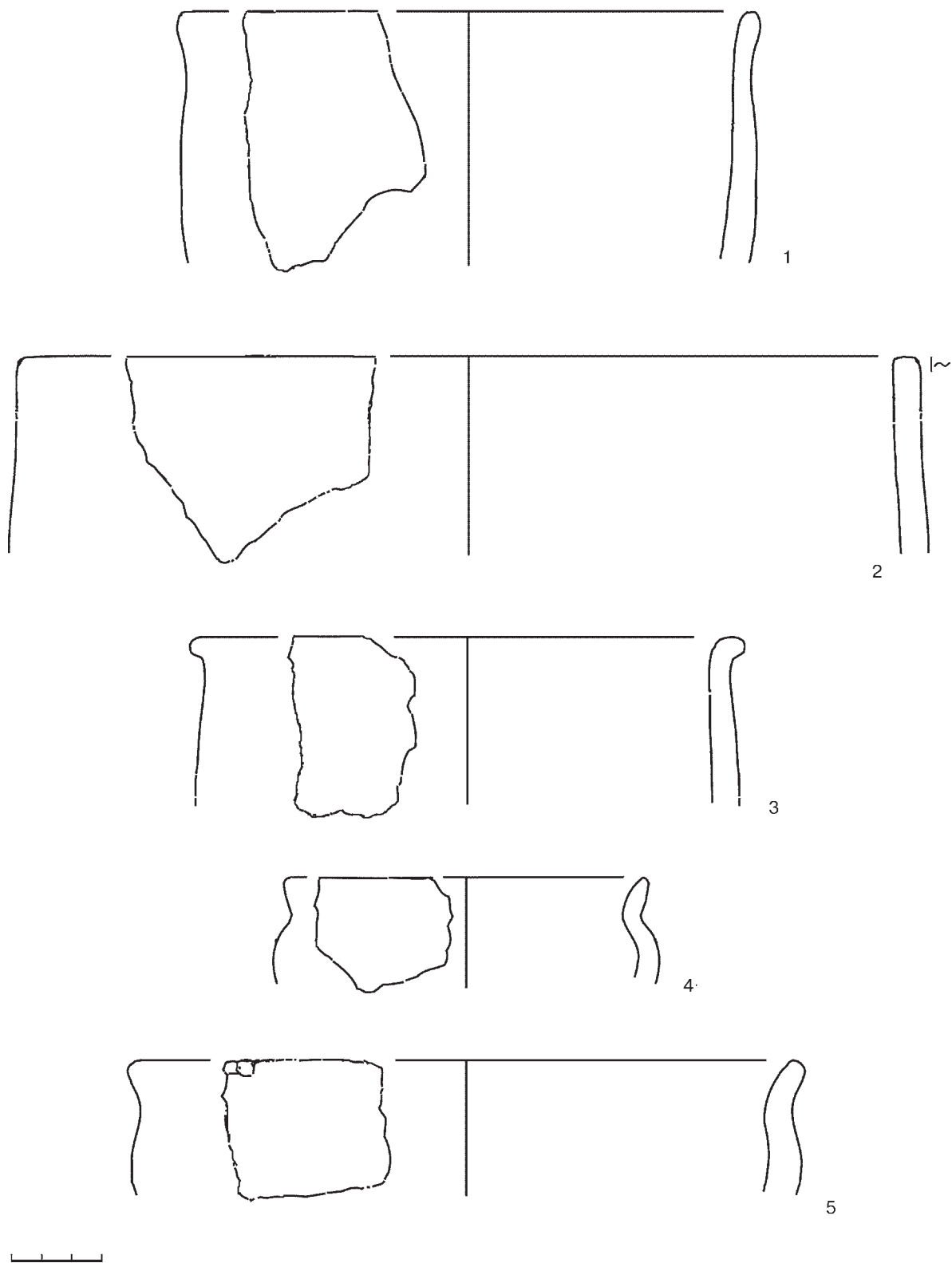
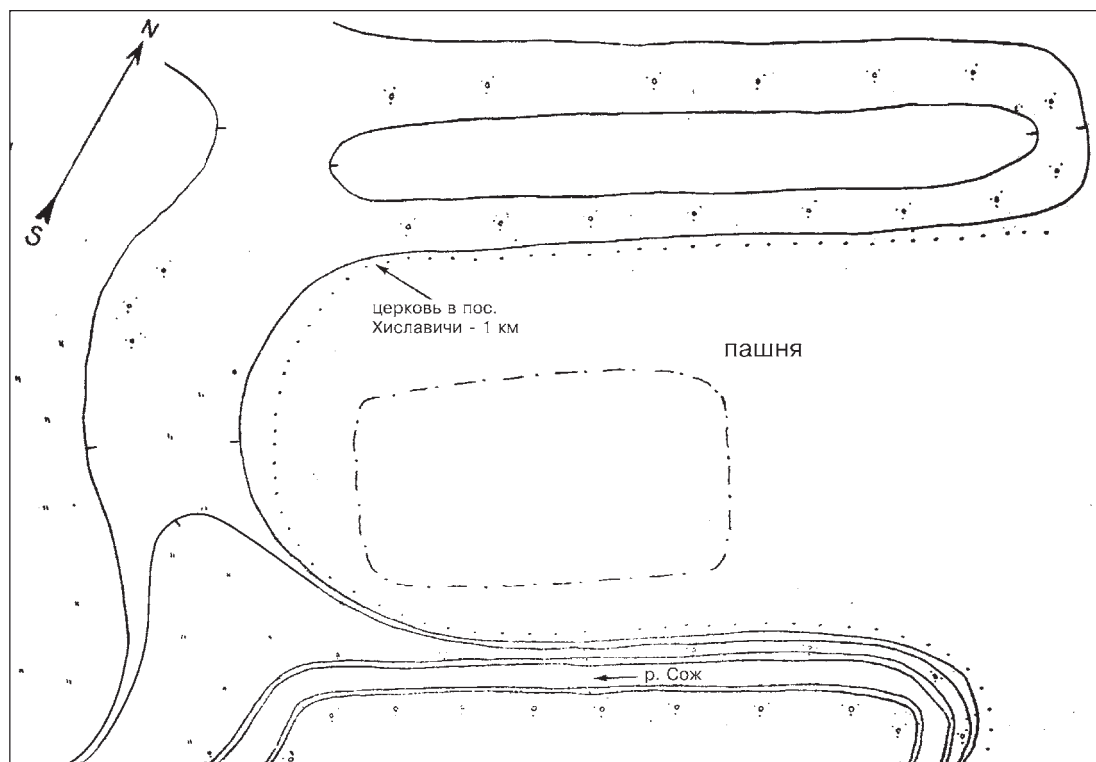

Рис. 149. Некасецк. Керамика.

Сечение рельефа 1 м

0 30 м

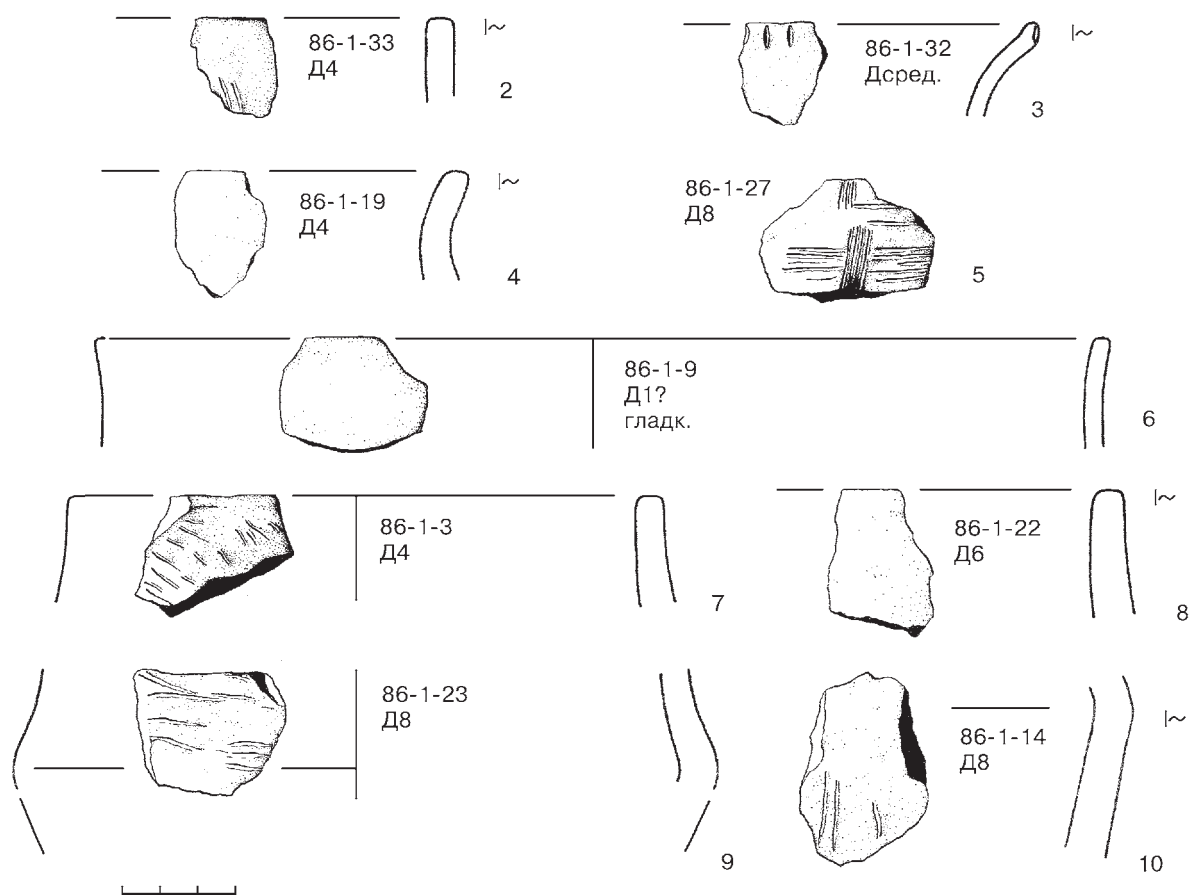

Рис. 150. Хиславичи. План (1), керамика. 1 – по: [Модестов 1986-О].

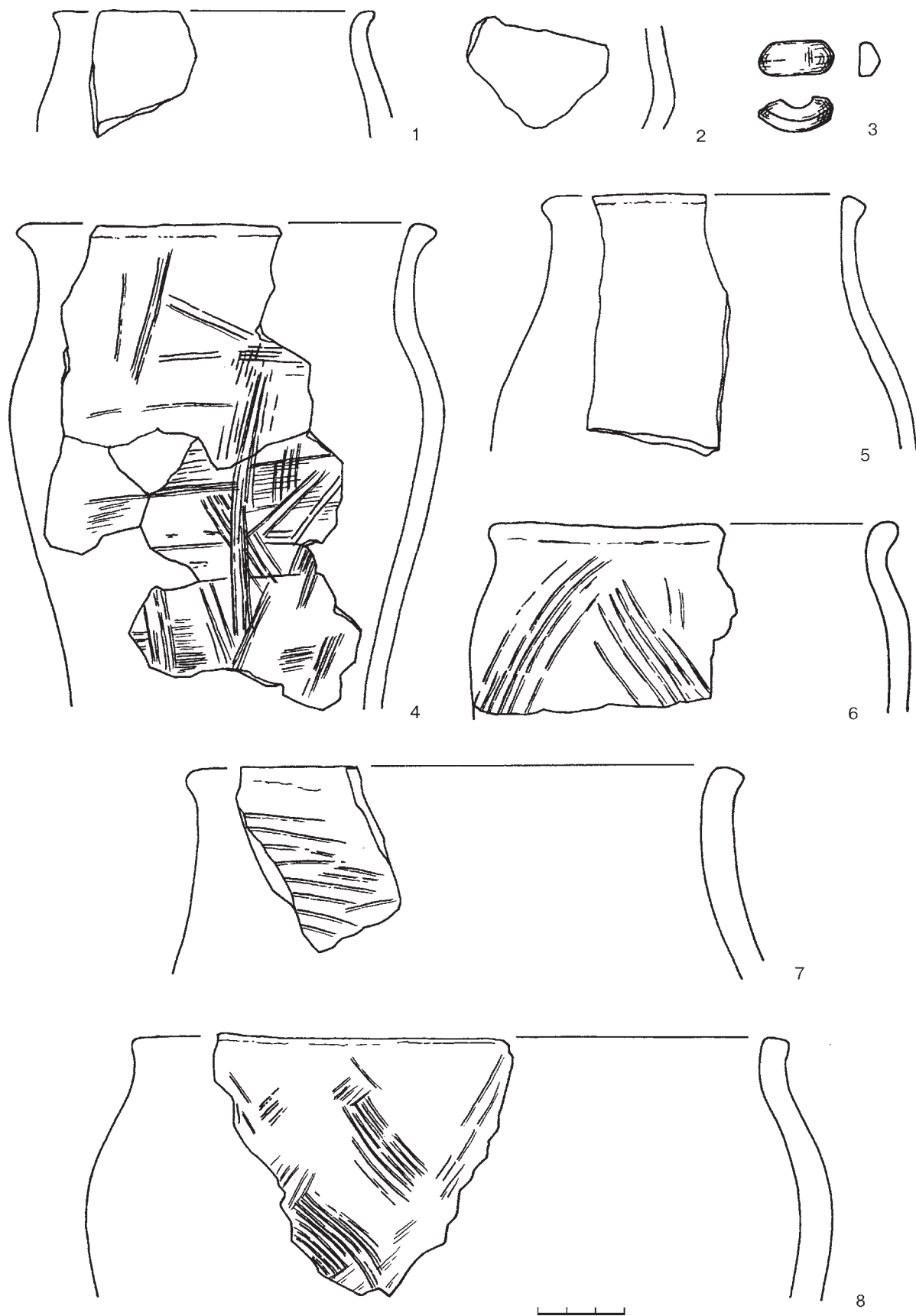

Рис. 151. Барсуки. Материалы [Мельниковская 1962, с.55].

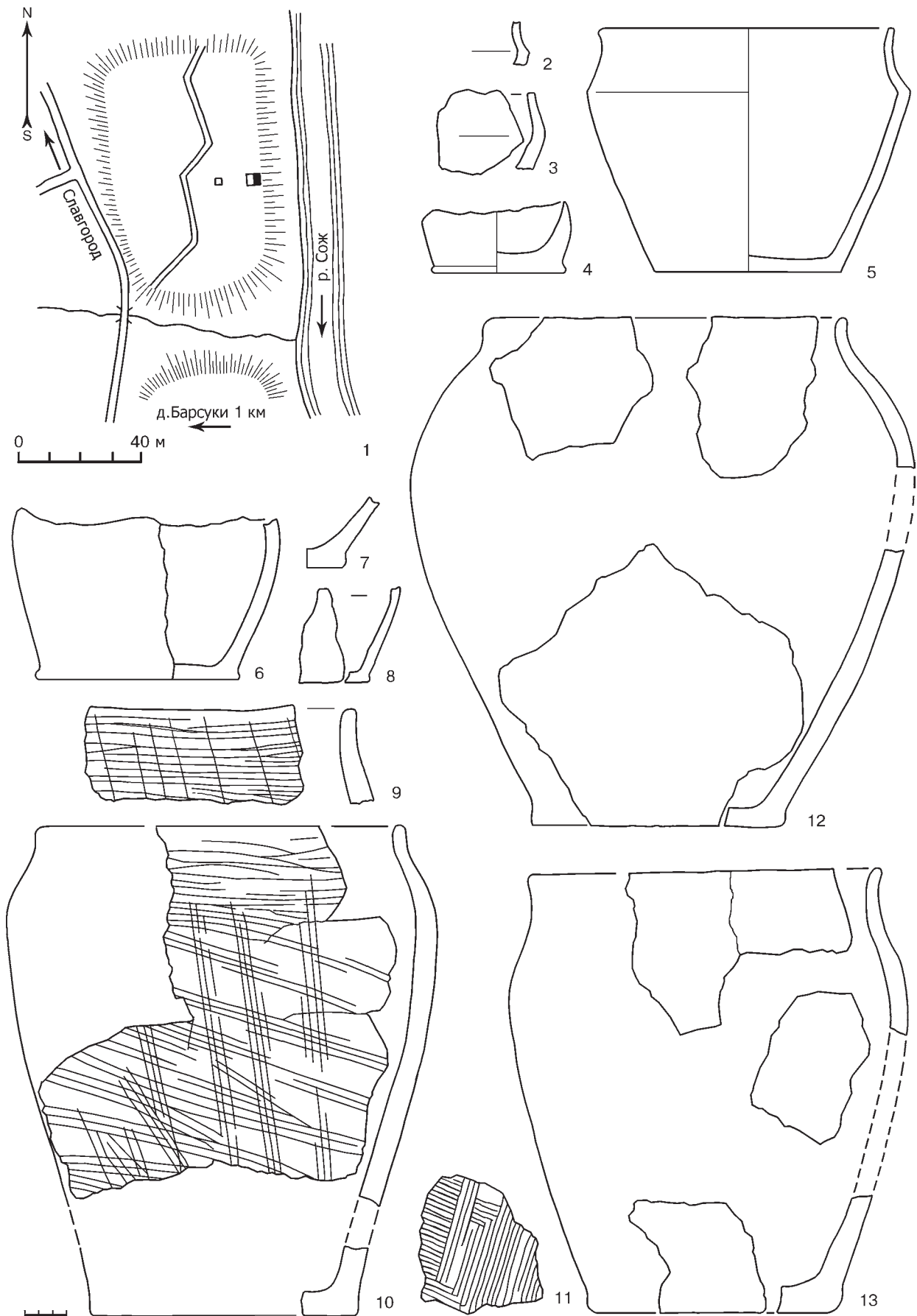

Рис. 152. Барсуки. Материалы [Шмидт 2001, с.22, 24]. 1 – план (указаны шурфы 1957 и 1969 гг.); 2–13 – керамика (2–8 – лощеная, 9–11 – с расчесами и штриховкой).

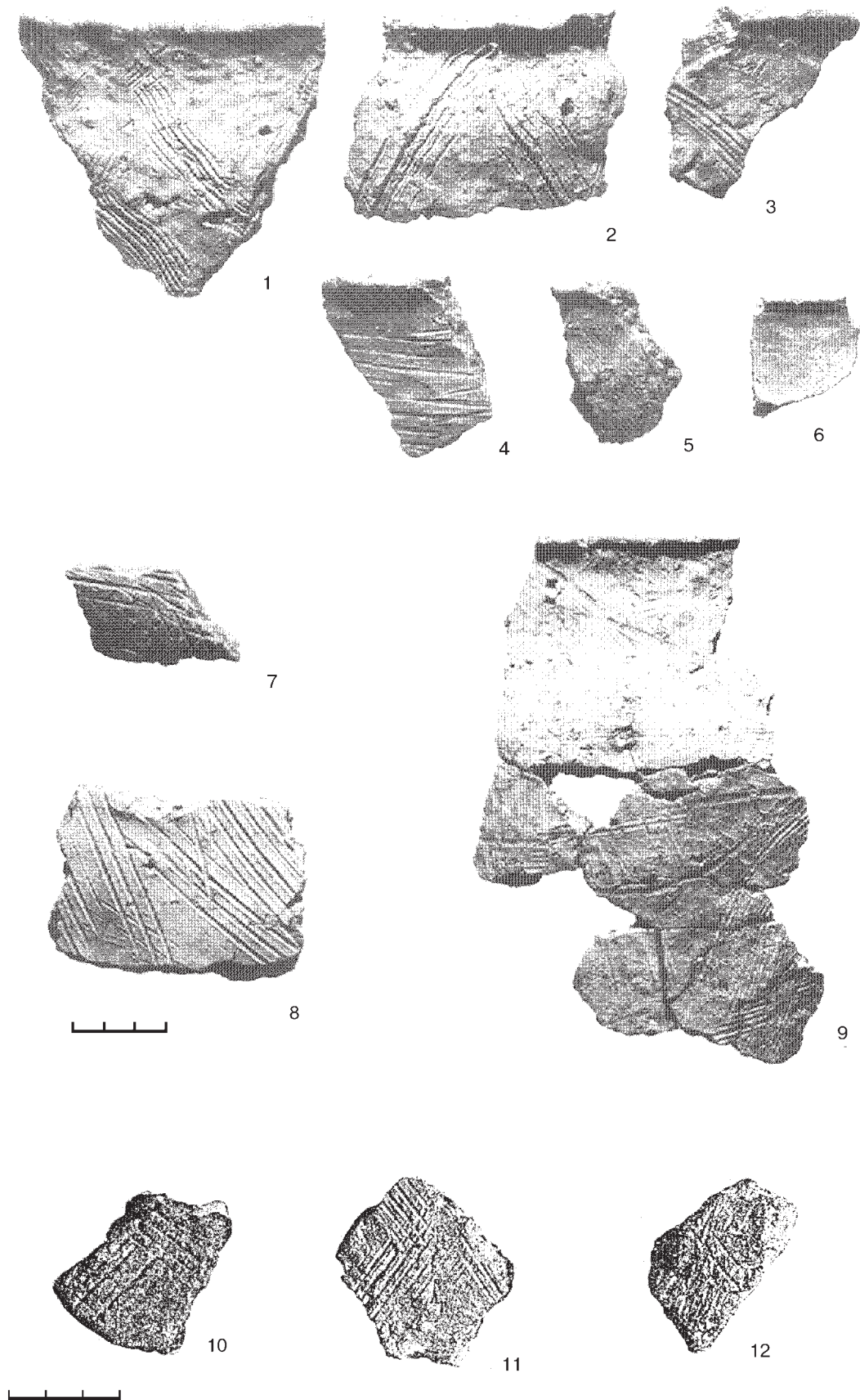

Рис. 153. Керамика памятников Посожья (фото). 1–9 – Барсуки [Мельниковская 1957-О, рис. 7, 8]; 10 – Глинка; 11 – Дерамянице; 12 – Остров [Паликарповіч 1930, табл. 9:13; 23:7,8].

Литература

- Александров А.А. 1989. Работы на селище в Борисоглебе // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород.
- Алексеева Е.М. 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12.
- Амброз А.К. 1966. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. Вып. Д1-30.
- Амброз А.К. 1989. Хронология древностей северного Кавказа V–VII вв. М.
- Археологія Беларусі. 1999. Т. 2. Жалезны век і раннія сярэднявечча. Мн.
- Аун М.Э. 1980. Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия н.э. Таллин.
- Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. 1996. Вещевые комплексы могильника Заречье 4 // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань.
- Ахмедов И.Р., Казанский М.М. 2004. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // КТВ.
- Бажан И.А., Гей О.А. 1992. Относительная хронология могильников черняховской культуры // Проблемы хронологии эпохи латена и Римского времени. СПб.
- Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю. 1989. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации // КСИА. № 198.
- Белецкий С.В. 1979. Керамика Псковской земли второй половины I – II тыс. н.э. как исторический источник (культурная стратиграфия региона). АКД. М.
- Бобринский А.А. 1978. Гончарство Восточной Европы. М.
- Бобровская О.В. 1999. Бусы и подвески раннего этапа черняховской культуры (по материалам могильников) // Сто лет черняховской культуре. Киев.
- Бубенько Т.С., Левко О.Н. 2003. Стратиграфия и хронология нижнего слоя Витебска // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья (МАБ. Вып 8).
- Будько В.Д., Вергей В.С., Кочетков В.И., Шмидт Е.А. 1970. Археологические исследования на р. Сож // АО 1969 года. М.
- Буров В.А. 1996а. К проблеме этнической принадлежности культуры длинных курганов // РА. № 1.
- Буров В.А. 1996б. К проблеме этнической принадлежности носителей культуры длинных курганов (псковско-новгородская группа) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 1. Тверь.
- Валк У.А. 1971. Об изменениях климата Эстонии в голоцене (по материалам изучения торфяных болот) // Палинология голоцена. М.
- Вяргей В.С. 1993. Киевская культура // АНБ.
- Гавритухин И.О. 2003. Хронология пражской культуры Белорусского Полесья // ГАЗ. № 18.
- Гавритухин И.О., Лопатин Н.В., Обломский А.М. 2004. Новые результаты изучения раннеславянских древностей лесного Поднепровья и Верхнего Подвинья (тезисы к концепции славянского этногенеза) // Славянский мир Полесья в древности и средневековье: Материалы международной научной конференции 19–20 октября 2004 г. Гомель.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М. 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст: Раннеславянский мир. Вып. 3. М.
- Гавритухин И.О., Терпиловский Р.В. 1991. I и II конференции «Киевская культура, ее истоки и наследие» (Курск, 1988, 1989) // СА. № 1.
- Гей О.А., Бажан И.А. 1993. Захоронение с комплексом вещей круга эмалей на нижнем Днепре // ПАВ № 3. СПб.
- Гороховский Е.Л. 1982а. О группе фибул с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев.
- Гороховский Е.Л. 1982б. Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев.
- Гороховский Е.Л. 1988а. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев.
- Гороховский Е.Л. 1988. Хронология ювелирных изделий первой половины I тысячелетия н.э. Лесостепного Поднепровья и Южного Побужья. АКД. Киев.
- Гороховский Е.Л., Обломский А.М. 1986. О дате Мошинского и Межигорского кладов // Проблемы древнейшей истории Верхнего Поочья. Калуга.
- Горюнов Е.А. 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.
- Горюнова В.М. 2004. Могильник VI–VII вв. у с. Картамышево Обоянского района Курской области // КТВ.
- Дробушевский А.И. 1994. Памятники Нижнего Посожья на рубеже н.э. // Археологія і старажытная гісторыя Магілеўшчыны і сумежных тэрыторый. Магілеў.
- Дробушевский А. 1996. Зарубинецкая культура и днепровские балты // Тэзісы дакладаў і паведамленняў беларуская дэлегацыі на VI міжнародным кангрэсе славянскай археалогіі. Мн.
- Дробушевский А.И. 2000. Чечерская группа верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры // Краеведческие записки (к 80-летию Гомельского областного краеведческого музея). Гомель.
- Дробушевский А.И., Лошенко М.И. 1995. Шепотовичское городище эпохи раннего железа // ГАЗ. № 6.
- Дубынин А.Ф. 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура. М.
- Дубицкая Н.Н. 1995. Технологическая характеристика керамической посуды из селища Абидня // ГАЗ. № 7.
- Дубицкая Н.Н. 1998. Раннеславянское селище Симоновичи на р. Птичь // Старажытнасці Бабруйшчыны.
- Дубицкая Н.Н. 2004. Поселение Симоновичи на р. Птичь // Славянский мир Полесья в древности и средневековье: Материалы международной научной конференции 19–20 октября 2004 г. Гомель.
- Егорейченко А.А. 1996. Древнейшие городища Белорусского Полесья (VII–VI вв. до н.э. – II в.н.э.). Мн.
- Егорейченко А.А. 1999а. Егарэйчанка А.А. Зарубинецкая культура // Археологія Беларусі. Том 2. Жалезны век і раннія сярэднявечча. Мн.
- Егорейченко А.А. 1999б. Егарэйчанка А.А. Культура штрихованной керамики // Археологія Беларусі. Том 2. Жалезны век і раннія сярэднявечча. Мн.
- Егорейченко А.А. 2006. Культуры штрихованной керамики. Мн.
- Еремеев И.И. 2001. Древности VIII–XI веков на водоразделе Ловати и Западной Двины (по материалам раскопок 1996–1998 гг.) // ТАС. Вып. 4. Т. II.
- Ефимова Ю.В. 2001. Особенности формирования вещевого комплекса памятников Северной Белоруссии и Южной Псковщины в раннем железном веке // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги. ПАМ-5. СПб.
- Ефимова Ю.В. 2003. Хронология вещевого комплекса днепродвинской культуры Верхнего Поднепровья // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Гордцова в Государственном Историческом музее. Часть II. М.

- Засецкая И.П. 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб.
- Зверуго Я.Г. 1977. Исследования Верхненеманского отряда // АО 1976 г. М.
- Зверуго Я.Г. 1993. Звяруга Я.Г. Засвір // АНБ.
- Зверуго Я.Г. 2005. Звяруга Я.Г. Беларускае Павілле у жалезным веку і раннім сярэдневякоуі (МАБ. Вып 10).
- Зверуго Я.Г., Медведев А.М. 1994. Звяруга Я.Г., Мядзведзеў А.М. Паселишча на беразе возера Свір // ГАЗ. № 3.
- Зверуго Я.Г., Медведев А.М. 2003а. Микольское селище (исследования 1981–1982 гг.) // МАБ. Вып. 6.
- Зверуго Я.Г., Медведев А.М. 2003б. Селище Микольцы (исследования 1983 г.) // МАБ. Вып. 7.
- Ильютин А.В. 1998. Селище Дедново на Березине // Старажытнасці Бабруйшчыны. Мн.
- Исланова И.В. 1996. О новом типе памятников третьей четверти I тыс. н.э. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 1. Тверь. История крестьянства СССР. Т. I. М., 1987.
- Казакивичус В. 1988. Оружие балтских племен II–VIII вв. на территории Литвы. Вильнюс.
- Казанский М.М. 1999. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого Переселения народов // Археологические вести. № 6. СПб.
- Кириянова Н.А. 1992. Сельскохозяйственные культуры и системы земледелия в лесной зоне Руси XI–XV вв. М.
- Клейн Л. С. 1991. Археологическая типология. Л.
- Колосовский Ю.В. 1995. Штрихованная керамика на северо-востоке Беларуси (по материалам городищ Оршанского Поднепровья) // Гістарычныя лёсы Верхняга Падняпроўя. Рэгіянальная навуковая канферэнцыя. Частка I. Археалогія. Магілёў.
- Колосовский Ю.В., Куропаткин А.С. 2002. Памятники киевской культуры в Оршанском Поднепровье // Верхнее Поднепровье и Подвинье в III – V веках н.э. Материалы. (ПСМ. Вып. 4). М.
- Колосовский Ю.В., Шарковская Н.Ю. Керамический и вещевой комплексы городища Жуково-2 (по материалам раскопок В. Н. Кузнецова в 1955 г.) // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья (МАБ. Вып. 8).
- Колосовский Ю.В., Штыхов Г.В. 2005. Археологический комплекс около д.Казиново Городокского района Витебской области // Древности Белоруссии (железный век и средневековье): МАБ. Вып. 9.
- Конечный В.Я. 1991. Комплекс памятников у д. Нестеровичи // Материалы по археологии Новгородской земли 1990 г. М.
- Конечный В.Я. 1997. К вопросу о формировании культуры длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 11. Новгород.
- Корзухина Г.Ф. 1978. Предметы убора с выемчатыми эмальями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье. САИ. Вып. Е1-43.
- Корзухина Г.Ф. 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
- Короткевич Б.С. 1989. Верхнее Подвинье в раннем железном веке // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин.
- Короткевич Б.С. 1992. Памятники типа среднего слоя городища Тушемля и днепро-двинская культура // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза. Менск.
- Короткевич Б.С. 1994. Черная металлургия раннего железного века в верховьях Западной Двины и Ловати // ПАВ. № 9. СПб.
- Короткевич Б.С. 2004. Ранний железный век в верховьях Западной Двины и Ловати. АКД. СПб.
- Короткевич Б.С., Мазуркевич А.Н. 1992. Пять вариантов днепро-двинской культуры // ПАВ. № 2.
- Кухаренко Ю.В. 1980. Могилиник Брест-Тришин. М.
- Левко О.Н. 1990. Пути и характер расселения славян на территории Северо-Восточной Белоруссии // VI Международный конгресс славянской археологии. Тезисы докладов советской делегации. М.
- Левко О.Н. 1993. Ляўко В.М. Гарадоцкае селішча // АНБ.
- Левко О.Н. 1994. Памятники второй половины I тыс. н.э. Северо-Восточной Беларуси в свете формирования племенных «княжений» // ГАЗ. № 5.
- Левко О.Н. 2003. Археологическое исследование селища у оз. Луговое на территории г. п. Городок Витебской обл. // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья (МАБ. Вып 8).
- Левко О.Н., Колосовский Ю.В. 1990. Новые данные о памятниках железного века Северо-Восточной Белоруссии // АИППЗ. Псков.
- Левко О.Н., Колосовский Ю.В. 2003. Раскопки городищ у д. Кисели (Дымокуры) Толочинского района и у д. Черкасово Оршанского района Витебской области // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья (МАБ. Вып 8).
- Левко О.Н., Шадыро В.И. 1993. Ляўко В.М., Шадыра В.И. Новы Болецк // АНБ.
- Липкинг Ю.А. 1974. Могилиники третьей четверти I тыс. н.э. в Курском Посемье // РВД. Л.
- Лопатин Н.В. 1987. Параллели в керамике культуры длинных курганов и древностей типа Тушемля-Банцеровщины // АИППЗ. Псков.
- Лопатин Н.В. 1989. Тушемля, Демидовка, Колочин: о соотношении керамики верхних слоев // КСИА. № 195.
- Лопатин Н.В. 1991. Южные традиции в керамике Смоленского Поднепровья и северной Белоруссии в I половине I тыс.н.э. // Археология и история юго-востока Руси. Тезисы конф. Курск.
- Лопатин Н.В. 1993. Керамический комплекс верхнего слоя городища Банцеровщина // Archaeoslavica. 2. Krakow.
- Лопатин Н.В. 1995. Стили декора керамики Днепро-Двинского региона в первой половине – середине I тысячелетия н.э. // Древности Северо-Западной России. СПб.
- Лопатин Н.В. 1997. Днепро-двинская культура как компонент культуры длинных курганов // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3. М.
- Лопатин Н.В. 2000. Культурные традиции населения Верхнего Поднепровья и Подвинья в III–V вв. н.э. АКД. М.
- Лопатин Н.В. 2001. Происхождение керамических традиций III–V вв. н.э. в днепро-двинском регионе // АИППЗ. Псков.
- Лопатин Н.В., 2002. Памятники верховьев Березины и Вилии в контексте культурогенеза середины I тысячелетия н.э. // ГАЗ. № 17.
- Лопатин Н.В. 2003а. Карта памятников круга Заозерье-Узьмень // Slowianie i ich sasiedzi we wczesnym sredniowieczu. Lublin–Warszawa.
- Лопатин Н.В. 2003б. Керамические стили I тыс. н.э. в Верхнем Поднепровье и Подвинье // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции. Часть II. М.
- Лопатин Н.В. 2003в. О керамике с расчесами в Верхнем Поднепровье и Подвинье // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья (МАБ. № 8).
- Лопатин Н.В. 2003г. О происхождении и локальной специфике керамических наборов культуры псковских длинных курганов // КСИА. вып. 214.
- Лопатин Н.В. 2004. Керамические стили и культурные группы III–V вв. н. э. в Верхнем Поднепровье и Подвинье // КТВ.
- Лопатин Н.В. 2005. Группы древностей V–VIII вв. н.э. в Верхнем Поднепровье и на Северо-Западе России (по керамическим материалам) // Archeologia o początkach Slowian: Materiały z konferencji (Krakow, 19–21 listopada 2001). Red.: P. Kaczanowski, M. Parczewski. Krakow.

- Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. 1994. О роли памятников III–V вв. в формировании культуры Псковских длинных курганов и Тушемли-Банцеровщины // ПАВ. № 9. СПб.
- Лопатин Н.В., Шмидт Е.А. 2002. Селище Заозерье на реке Рутавечь // Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–V веках н.э. Материалы (РСМ. Вып. 4).
- Лопатин Н.В., Штыхов Г.В. 2002. Селище Бельчица // Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–V веках н.э. Материалы (РСМ. Вып. 4).
- Лопатин Н.В., Медведев А.М. 2002. Поселение Дедиловичи (Замковая Гора). По материалам раскопок 1962 и 1963 годов // Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–V веках н.э. Материалы (РСМ. Вып. 4).
- Лухтан А. 1997. Война V века в Литве // ГАЗ. № 11.
- Лыч Б.Г. 1997. Погребальный инвентарь носителей культуры псковских длинных курганов // Ладога и религиозное сознание. ПАМ-3. СПб.
- Лявданский А.Н. 1926. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия Смоленского Гос. Университета. Т. 3, вып. 3, Смоленск.
- Лявданский А.Н. 1930а. Ляўданскі А.М. Археолёгічныя досьледы у Віцебскай акрузе // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Працы археолёгічнай камісіі. Т. II. Менск.
- Лявданский А.Н. 1930б. Ляўданскі А.М. Археолёгічныя досьледы у Полацкай акрузе // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Працы археолёгічнай камісіі. Т. II. Менск.
- Магомедов Б.В., Левада М.Е., 1996. Оружие черняховской культуры // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Т. V. Симферополь.
- Максимов Е.В., Терпиловский Р.В. 1993. Киевская культура // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. (Археология СССР). М.
- Массалитина Г.А., Нигматуллин Р.А. 2002. Селище Касилово // Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–V веках н.э. Материалы (РСМ. Вып. 4).
- Медведев А.М. 1993. Мядзведзеў А.М. Храналогія помнікаў культуры штрыхаванай керамікі у I–V стст. н.э. (па матэрыялах Беларускага Панямоння) // Час, помнікі, людзі. Памяці рэзрасаваных археалагаў. Тэзісы дакладаў... Мн.
- Медведев А.М. 1995а. К вопросу о северной границе позднезарубинецкой и киевской культур в Верхнем Поднепровье // ГАЗ. № 7.
- Медведев А.М. 1995б. Посоховидные булавки // ГАЗ. № 7.
- Медведев А. М. 1995в. Раскопки городища в Бельничском районе // Гістарычныя лёсы Верхняга Падняпроўя. Рэгіянальная навуковая канферэнцыя. Частка I. Археалогія. Магілёў.
- Медведев А.М. 1996. Белорусское Понеманье в раннем железном веке. Мн.
- Медведев А.М. 1997. Мядзведзеў А.М. Культурныя сувязі насельніцтва Беларусі у жалезным веку // ГАЗ. № 11.
- Медведев А.М. 1999. Мядзведзеў А.М. Кіеўская культура // Археалогія Беларусі. Том 2. Жалезны век і раньне сярэднявечча. Мн.
- Медведев А.М. 2004. Население Центральной и Восточной Беларуси в эпоху Великого переселения народов // Восточная Европа в древности и средневековье: Доклады международной науч. конф., посвященной 75-летию профессора Э. М. Загоруйского и 30-летию кафедры археологии и специальных исторических дисциплин БГУ. Мн.
- Мельниковская О.Н. 1962. Поселение у деревни Барсуки на реке Соже // КСИА. Вып. 87.
- Микляев А.М., Мельников А.В., Смекалова Т.Н. 1986. Черная Гора – производственный комплекс рубежа эр на юге Псковской области // Древние памятники культуры на территории СССР. Л.
- Микляев А.М. 1991. Подводные исследования озера Сенница // Изучение памятников истории и культуры в гидросфере. Вып. 2. М.
- Микляев А.М. 1994. Каменный – железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // ПАВ. № 9. СПб.
- Минасян Р.С. 1974. Новые памятники раннего железного века на юге Псковской области // Археологический сборник ГЭ. № 16.
- Минасян Р.С. 1978. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // Археологический сборник ГЭ. № 19.
- Минасян Р.С. 1979. Поселение и могильник на берегу озера Узмень // Труды ГЭ. Т. XX.
- Минасян Р.С. 1980а. Городище Городок на берегу озера Каратай // Сообщения ГЭ. № 45.
- Минасян Р.С. 1980б. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья // Археологический сборник ГЭ. № 21.
- Митрофанов А. Г. 1966. Новые данные о памятниках VI–VIII вв. средней и северной Белоруссии // Древности Белоруссии. Мн.
- Митрофанов А.Г. 1967. Банцеровское городище // Белорусские древности. Мн.
- Митрофанов А.Г. 1972. О происхождении культуры типа верхнего слоя Банцеровщины (V–VIII вв.) // Беларускія старажытнасьці. Мн.
- Митрофанов А.Г. 1978. Железный век средней Белоруссии. Мн.
- Митрофанов А.Г. 1980. Археологические памятники восточных балтов на территории Белоруссии в эпоху железа (VIII в. до н.э. – IX в.н.э.) // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига.
- Михайлов А.В. 2004. Раскопки на городище Осыно // АО 2003 г. М.
- Мяцельскі А.А. 2003. Старадаўні Крычаў. Мн.
- Носов Е.Н. 1981. Поселение и могильник культуры длинных курганов на оз. Съезжее // КСИА. Вып. 166. М.
- Носов Е.Н. 1984. К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов // КСИА. Вып. 179. М.
- Носов Е.Н. 1988. Некоторые общие проблемы славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы в свете истории хозяйства // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Вып. 1. Л.
- Носов Е.Н., Плохов А.В. 1991. Поселение Золотое Колено на средней Мсте // Материалы по археологии Новгородской земли 1990 г. М.
- Обломский А.М. 1983. Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры. АКД. М.
- Обломский А.М. 1986. Культурно-типологические группы позднезарубинецких памятников Подесенья и их взаимоотношение с деснинским вариантом киевской культуры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев.
- Обломский А.М. 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н.э. Москва, Сумы.
- Обломский А.М. 1992. О роли позднезарубинецкого населения в сложении киевской культуры Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья // РА. № 1.
- Обломский А.М. 1994. Этнические процессы в междуречье Сулы и Ворсклы в I–V вв. н.э. // РА. № 2.
- Обломский А.М. 1996а. О характере миграций населения Центральной и Южной Беларуси в лесостепь в римское время // ГАЗ. № 10.
- Обломский А.М. 1996б. Среднее Посеймье в позднеримское время. Формирование южной границы колочинской культуры // РА. № 2.
- Обломский А.М. 1999. Обломський А.М. Типи поховань на черняхівському могильнику Компанійці (етнокультурна інтерпретація) // Археологія. № 4. Київ.
- Обломский А.М. 2005. Новая концепция киевской культуры Верхнего Поднепровья // Archeologia o początkach Slowian. Krakow.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1991. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М.

- Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1998. Поселение Попово-Лежачи-4 и его место среди памятников киевской культуры // *Acta Universitatis Lodzianae. Folia archaeologica* 22.
- Падин В.А. 1974. Древности VI–VII вв. н.э. в окрестностях Трубчевска // РВД. Л.
- Паликарпович К.М. 1930. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сажа. Матар'ялы абследавання 1927 г. // *Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Працы археолёгічнай камісіі*. Т. II. Менск.
- Перхавко В.Б. 1978а. Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы // *СА*. № 3.
- Перхавко В.Б. 1978б. Раннесредневековые древности междуречья Днестра и Немана V–VIII вв. АКД. М.
- Поболь Л.Д. 1966а. Основные итоги изучения памятников позднего этапа зарубинецкой культуры в Белорусском Поднепровье // *Древности Белоруссии*. Мн.
- Поболь Л.Д. 1966б. Селище и городище VI–VIII вв. н.э. у пос. Красная Зорька Березинского района Минской области // *Пленум Ин-та археологии (АН СССР) 1966 г. Секция «Славяно-русская археология» Тез. докл.* [Ч. 2]. М.
- Поболь Л.Д. 1967. Поселения железного века около д. Щатково Бобруйского района // *Белорусские древности*. Мн.
- Поболь Л.Д. 1970. Поздний этап зарубинецкой культуры // *Очерки по археологии Белоруссии*. Ч. 1. Мн.
- Поболь Л.Д. 1974. Древности середины и третьей четверти I тыс. н.э. в Белорусском Поднепровье // РВД.
- Поболь Л.Д. 1983. Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Мн.
- Поболь Л.Д. 1993. Побаль Л.Д. Чырвоная Зорка // АНБ.
- Поболь Л.Д., Дубицкая Н.Н. 2005. Жилища на поселении Тайманово Быховского района Могилевской области (по материалам построек № 1, 2, 3, 4) // *Древности Белоруссии (железный век и средневековье)*: МАБ. Вып. 9.
- Поболь Л.Д., Дубицкая Н.Н., Пилипцевич В.В. 2003. Могильник у д. Тайманово // *Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья* (МАБ. Вып. 8).
- Поболь Л.Д., Ильютик А.В. 2001. Жилища второй четверти I тыс. н.э. из поселения Абидня // МАБ. Вып. 3.
- Поболь Л.Д., Ильютик А.В. 2002. Поселение Абидня. Постройки 1, 2, 4, 5 // *Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–V веках н.э. Материалы* (PCM. Вып. 4).
- Поболь Л.Д., Ильютик А.В. 2003. Могильник Абидня в Верхнем Поднепровье // *Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья* (МАБ. Вып. 8).
- Подгурский П.Н. 2003. Раскопки в Сенненском районе Витебской области // *АО 2002 года*. М.
- Подгурский П.Н. 2005. Раскопки в Сенненском районе Витебской области // *АО 2004 года*. М.
- Попов С.Г. 1989. Городище Сторожинец // *КСИА*. Вып. 198.
- Расиньш А.П. 1958. Материалы к истории культурных и сорных растений на территории Латвийской ССР. Т. II. Рига.
- Расиньш А.П. 1959. Культурные и сорные растения в материалах археологических раскопок на территории Латвийской ССР // *Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции*. Т. I. М.
- Седин А.А. 1995. Памятники середины – третьей четверти I тысячелетия н.э. в бассейне р. Артиславки // *Магілёўшчына*. VI выпуск. Магілёў.
- Седов В.В. 1960. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII – XV вв.). МИА. № 92. М.
- Седов В.В. 1964. Городище Церковище // *КСИА*. № 102.
- Седов В.В. 1967. Булавки восточных балтов в эпоху раннего железа // *Acta Baltico-Slavica V*. Białystok.
- Седов В.В. 1969. Культура днепро-двинского междуречья в конце I тысячелетия до н.э. // *СА*. № 2.
- Седов В.В. 1974. Длинные курганы кривичей // *САИ*. Вып. E1-8.
- Седов В.В. 1994. Славяне в древности. М.
- Седов В. В. 1995. Славяне в раннем средневековье. М.
- Седов В. В. 1998. Белорусское Подвинье и Смоленское Поднепровье в период великого переселения народов // *РА*. № 2.
- Седов В.В. 1999. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.
- Седов В.В. 2002. Славяне. Историко-археологическое исследование. М.
- Синица Е.В. 2004. Поховальний обряд слов'ян Південно-Східної Європи V–VII ст. АКД. Київ.
- Смирнов К.А. 1971. К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» с Троицкого городища // *МИА*. № 184.
- Станкевич Я.В. 1960. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тыс.н.э. // *МИА*. № 76. М.
- Сымонович Э.А., Кравченко Н.М. 1983. Погребальные обряды племен черняховской культуры // *САИ*. Вып. Д1-22.
- Тараканова С.А. 1953. Древности Псковской земли // *По следам древних культур. Древняя Русь*. Москва.
- Терпиловский Р.В. 1981. К сложению памятников киевского типа // *Актуальные проблемы археологических исследований на Украине: Тезисы докладов республиканской конференции молодых ученых*. Киев.
- Терпиловский Р.В. 1984. Ранние славяне Подесенья III–V вв. Киев.
- Терпиловский Р.В. 1991. Киевская культура и близкие ей памятники римского времени // *Гомельщина: археология, история, памятники*. Тезисы конференции. Гомель.
- Терпиловский Р.В. 1999. Терпиловський Р.В. Населення лісової зони Подніпров'я I тис. н.е. – балти чи слов'яни? // *Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н.е.* Київ, Львів.
- Терпиловский Р.В. 2003. Некоторые дискуссионные проблемы археологии и истории ранних славян // *Stratum plus*. 2001–2002, № 5.
- Терпиловский Р.В. 2004. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. Lublin.
- Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. 1992. Памятники киевской культуры (Свод археологических источников). Киев.
- Тихомиров Н.А. 1990. Княжинский и Лебяжинский могильники // *Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья*. Курск.
- Третьяков П.Н. 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.–Л.
- Третьяков П.Н. 1982. По следам древних славянских племен. Л.
- Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. 1963. Древние городища Смоленщины. М.–Л.
- Фурасьев А.Г. 1996. О времени и обстоятельствах гибели городища Демидовка в верховьях Днестра // *Ладога и Северная Русь*. ПАМ-2. СПб.
- Фурасьев А.Г. 1997. Демидовка и Узмень. Нетрадиционный взгляд на «классические» памятники // *ГАЗ*. № 11.
- Фурасьев А.Г. 2000. Среднетушемлинские памятники Подвинья // *Stratum Plus*. № 4.
- Фурасьев А.Г. 2001а. Грунтовый могильник Фролы 2 – новый памятник середины I тыс. н.э. на юге Псковской обл. // *ТАС*. Вып. 4. Т. II.
- Фурасьев А.Г. 2001б. Динамика культурных трансформаций в междуречье Западной Двины и Великой во второй и третьей четверти I тыс. н.э. АКД. СПб.
- Фурасьев А.Г. 2001в. О датировке и происхождении одной группы пряжек эпохи Великого переселения народов // *СГЭ*. Вып. 59. СПб.
- Фурасьев А.Г. 2001г. Периодизация древностей середины и второй половины I тыс. н.э. на северном берегу оз. Сенница // *ТАС*. Вып. 4. Т. II.
- Фурасьев А.Г. 2002. Памятники юга Псковской области (из фондов Северо-Западной экспедиции Государственно-Эрмитажа) // *Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–V веках н.э. Материалы* (PCM. Вып. 4).

- Фурасьев А.Г. 2003а. Истоки погребального обряда грунтовых могильников Подвинья середины I тыс. н.э. // Археологический сборник ГЭ. Вып. 36. СПб.
- Фурасьев А.Г. 2003б. Климатические изменения на Северо-Западе Русской равнины в I тыс. н.э. и генезис культуры псковских длинных курганов // Древности Подвинья: исторический аспект. СПб.
- Цоль-Адамікова Г. 1999. До питання про генезис слов'янського поховального обряду на початку раннього середньовіччя (VI–VII ст.) // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н.е. Київ – Львів.
- Черных И.Н., Малыгин П.Д., Томашевич Т.В. 1998. Исследования памятников культуры длинных курганов в Тверской области (погребальный комплекс Подол I на оз. Кафтино) // ТАС. Вып. 3.
- Шадыро В.И. 1985. Ранний железный век Северной Белоруссии. Мн.
- Шадыро В.И. 1995. Шадыра В.И. Вялікае перасяленне народаў і крывічы // ГАЗ. № 7.
- Шадыро В.И. 1999. Шадыра В.И. Днепра-Дзвінская культура // Археалогія Беларусі. Том 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мн.
- Шадыро В.И. 2004. Шадыра В.И. Гарадзішча Клішына («Выпяная гара») Крупскага раёна (раскопкі 1999–2002 гг.) // ГАЗ. № 19.
- Шадыро В.И. 2005а. Шадыра В.И. Гарадзішча Вышадкі Гарадзкага раёна // ГАЗ. № 20.
- Шадыро В.И. 2005б. Шадыра В.И. Раскопки гарадзішча «Выпяная гара» на воз. Селява Крупскага раёна // ГАЗ. № 20.
- Шадыро В.И. 2006. Шадыра В.И. Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н.э.). Мн.
- Шарова (Лопатина) О.А. 2004. Две традиции изготовления пряслиц Верхнего Поднепровья и прилегающих территорий в I-м тыс. н.э. // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья. Материалы VI научной конференции 28 февраля – 3 марта 1995 года. Калуга.
- Шмидехельм М.Х. 1955. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин.
- Шмидт Е.А. 1958. Длинные курганы у д. Цурковки в Смоленском районе // СА. № 3.
- Шмидт Е.А. 1963а. Городище у с. Новые Батеки // Третьяков, Шмидт 1963.
- Шмидт Е.А. 1963б. Длинные курганы у д. Слобода Глушица // Третьяков, Шмидт 1963.
- Шмидт Е.А. 1963в. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тыс.н.э. // МИА. № 108.
- Шмидт Е.А. 1969. Раскопки в Смоленской области // АО 1968 г. М.
- Шмидт Е.А. 1970. О культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины // МИА. № 176.
- Шмидт Е.А. 1972. Племена Смоленского Поднепровья и Подвинья в эпоху великого переселения народов (историография и общая характеристика памятников) // Социально-экономическое развитие России и зарубежных стран. Смоленск.
- Шмидт Е.А. 1974. К вопросу о древних поселениях в Гнёздове // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. VIII, Смоленск.
- Шмидт Е.А. 1975. Днепро-двинские племена в I тыс. н.э. Автореф. дисс... докт. ист. наук. М.
- Шмидт Е.А. 1976. Археологические памятники Смоленской области (с древнейших времен до VIII века н.э.). Смоленск.
- Шмидт Е.А. 1991. Археологические культуры железного века в верховьях р. Сожа // Гомельщина: археология, история, памятники. Тезисы конференции. Гомель.
- Шмидт Е.А. 1992. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепро-двинские племена (VIII в. до н.э. – III в. н.э.) М.
- Шмидт Е.А. 1994. Проблемы хронологии тушемлинской культуры в верховьях Днепра // Археалогія і старажытная гісторыя Магілёўшчыны і сумежных тэрыторый. Магілёў.
- Шмидт Е. А. 1996а. Импульсы южных и западных культур I тыс. н.э. в верхнем течении Днепра и Западной Двины // Беларусь у сістэме трансэўрапейскіх сувязяў ў I тысячагоддзі н.э. Тэзісы дакладаў. Мн.
- Шмидт Е.А. 1996б. Об этнической принадлежности племен тушемлинской культуры IV–VII вв. н.э. в верховьях Днепра // ГАЗ. № 10.
- Шмидт Е.А. 1997. Племена верховьев Днепра в IV–VII вв. н.э. // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3. М.
- Шмидт Е.А. 1999а. Древнейшие поселения в Гнёздове // Смоленск и Гнёздово в истории России. Материалы международной научно-практической конференции, состоявшейся 4–5 декабря 1998 года. Смоленск.
- Шмидт Е.А. 1999б. Племена верховьев Днепра во второй четверти I тыс. н.э. // Гісторыя Беларускага Падняпроўя (да 130 г. Магілёўскага абласнога краязнаўчага музея). Матэрыялы навуковай канферэнцыі 13–14 лістапада 1997 г. Магілёў.
- Шмидт Е.А. 2001. Селище у д. Барсуки и древности III–V вв. н.э. Посожья // Мінулая і сучасная гісторыя Магілёва. Зборнік навуковых прац. Магілёў.
- Шмидт Е.А. 2003. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н.э. Тушемлинская культура. Смоленск.
- Штыхов Г. В. 1966. Сравнительное изучение древнейших городов Полоцкой земли и памятников их окрестностей // Древности Белоруссии. Мн.
- Штыхов Г.В. 1972. Полоцкие кривичи // Очерки по археологии Белоуссии. Часть II. Мн.
- Штыхов Г.В. 1992. Штыхаў Г.В. Крывічы. Па матэрыялах раскопак кургану у паўночнай Беларусі. Мн.
- Штыхов Г.В. 1999а. Штыхаў Г.В. Культура ранніх доўгіх курганоў (V–VII стст.) // Археалогія Беларусі. Том 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мн.
- Штыхов Г. В. 1999б. Культура ранних длинных курганов V–VII вв. в Беларуси // Lietuvos archeologija. 18. Vilnius.
- Штыхаў Г. В., Казей В.У. 1993. Избшча // АНБ.
- Шут К.П. 1966. Памятники раннего железного века на севере Белоруссии // Древности Белоруссии. Мн.
- Шут К.П. 1969. Городище Загвалино Ушачского района // Вопросы истории (Тезисы докладов XII конференции молодых ученых БССР). Мн.
- Щеглова О.А. 2002. Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. на Северо-Западе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.
- Щукин М.Б. 1990. Раскопки у хутора Кулига в верховьях Псла // Материалы и исследование по археологии Днепровского Левобережья. Курск.
- Щукин М.Б. 1994. На рубеже эр. СПб.
- Щукин М. Б. 1994а. Некоторые замечания о хронологии городищ культуры штрихованной керамики // ПАВ. № 9.
- Buko A. 1990. Ceramika wczesnopolska. Wprowadzenie do badań. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Lódź.
- Ginalski J. 1991. Ostrogi kabłkowe kultury przeworskiej. Klasyfikacja typologiczna // Przegląd Archeologiczny. Vol. 38.
- Jamka R. 1964. Fibule typu oczkowego w Europie środkowej ze szczególnym uwzględnieniem ziem polskich // Materiały starożytne. T.X.
- Kaczanowski P. 1995. Klasyfikacja grotoz broni drzewcowej kultury przeworskiej z okresu rzymskiego. Kraków.
- Kazanski M. 1992. Les arctoi gentes et «l'empire» d'Herminaric. Commentaire archéologique d'une source écrite // Germania 70. Halbband. 1.
- Kazanski M. 1993. Les objets orientaux de l'époque des Grandes Migrations découverts dans le couloir rhodanien // Antiquités Nationales 25.

- Kazanski M. 1999. Les Slaves. Les origines (Ier – VIIe siecle J.-C.). Paris.
- Kazanski M. 2000. La zone forestiere de la Russie et l'Europe Centrale a la fin de l'epoque des Grandes Migrations // Die spätromische Kaiserzeit und die frühe Voelkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Lodz.
- Madyda R. 1977. Sprzaczkі i okucia pasa na ziemiach Polskich w okresie rzymskim // Materiały Starożytne i Wczesnośredniowieczne. T. IV. Warszawa.
- Szymanski W. 1967. Szeligi pod Plockiem na początku wczesnego średniowiecza, zespół osadniczy z VI–VII w. Wrocław.
- Stawiarska T. 1987. Katalog paciorków szklanych z obszaru Polski północnej w okresie wpływów rzymskich. Wrocław.
- Tejral J. 1997. Neue Aspekte der fruehenvoelkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mittel Donauraum // Neue Beitrage zur Erforschung der Spaetantike im Mittleren Donauraum. Brno.
- Tempelmann-Maczynska M. 1985. Die Perlen der roemischen Kaiserzeit und der fruehen Phase der Voelkerwanderungszeit im mitteleuropaeischen Barbaricum. Roemisch-Germanische Forschungen. Bd. 43. Mainz am Rhein.
- Thomas S. 1960. Studien zu den germanischen Kaemmen der roemischen Kaiserzeit // Arbeits- und Forschungsberichte zur saechsischen Bodendenkmalpflege. Bd. 8. Leipzig.
- Zaitseva G., Miklyaev A., Mazurkevich A., Korotkevich B. 1994. The chronology of the occupation of the region between the Dvina and the Lovat rivers // Swiatowit. T.XXXIX. Warszawa.

Архивные материалы (Отчеты о полевых исследованиях)*

- Гаврилов К.Н. Отчет о полевых работах Хотылёвской археологической экспедиции ИА РАН в 1995 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 20645.
- Климаў М.В. Справаздача за 1996 г. аб археалагічных даследаваннях у Полацку і Полацкім раёне. Архив ОА ИИ АНРБ. № 1622.
- Климаў М.В. Справаздача аб археалагічных раскопках і разведках у 1997 г. на тэрыторыі Полацкага раёна. Архив ОА ИИ АНРБ. № 1704.
- Климаў М.В. Справаздача аб археалагічных даследаваннях на тэрыторыі Полацкага раёна ў 1999 г. Архив ОА ИИ АНРБ. № 1827.
- Климаў М.В. Справаздача пра археалагічныя даследаванні на тэрыторыі Віцебскай вобласці ў 2004 г. Архив ОА ИИ АНРБ.
- Лопатин Н.В. Отчет о работах в Демидовском районе Смоленской области в 1987 г. Архив ИА РАН, Р-1. № 13188.
- Лопатин Н.В. Раскопки на селище Ермошино I в Невельском районе Псковской области в 1993 г. Архив ИА РАН.
- Лопатин Н.В. Раскопки на селище Ермошино I в Невельском районе Псковской области в 1994 г. Архив ИА РАН.
- Лопатин Н.В. Раскопки на селище Ермошино I в Невельском районе Псковской области в 1995 г. Архив ИА РАН.
- Лопатин Н.В. Раскопки на селище Ермошино I в Невельском районе Псковской области в 1997 г. Архив ИА РАН.
- Мазуркевич А.Н. Отчет о работе Велижского отряда СЗАЭ ГЭ в Смоленской обл. в 1986 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 11766.
- Мазуркевич А.Н. Отчет о работе Велижского отряда СЗАЭ ГЭ в Смоленской обл. в 1987 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 12197.
- Мельниковская О.Н. Отчет о работе Гомельского отряда Верхнеднепровской экспедиции ИИМК в 1957 г. Архив ИА РАН, Р-1, № 1664.
- Микляев А.М. Отчет о работе СЗАЭ ГЭ в 1989 г. Архив ИА РАН, Р-1, № 14540, 14541.
- Минасян Р.С. Отчет Невельской археологической экспедиции 1969 г. Архив ИА РАН, Р-1, № 4059.
- Митрофанов А.Г. [Отчет о полевых работах 1962 г.] Архив ОА ИИ АНРБ. № 147.
- Митрофанов А.Г. [Отчет о полевых работах 1963 г.] Архив ОА ИИ АНРБ. № 203.
- Митрофанов А.Г. [Отчет о полевых работах 1964 г.] Архив ОА ИИ АНРБ. № 248.
- Митрофанов А.Г. [Отчет о полевых работах 1965 г.] Архив ОА ИИ АНРБ. № 268.
- Митрофанов А.Г. [Отчет о полевых работах 1966 г.] Архив ОА ИИ АНРБ. № 326.
- Митрофанов А.Г. Отчет о полевых исследованиях группы по изучению древностей восточных балтов на территории Белоруссии в 1971 г. Архив ОА ИИ АНРБ. № 380.
- Митрофанов А.Г. Отчет об археологических исследованиях группы по изучению древностей восточных балтов на территории Белоруссии в 1972 г. Архив ОА ИИ АНРБ. № 416.
- Митрофанов А.Г. Отчет об археологических исследованиях группы по изучению древностей восточных балтов на территории Белоруссии в 1973 г. Архив ОА ИИ АНРБ. № 432.
- Митрофанов А.Г. Отчет западно-двинского отряда о полевых работах в 1974 г. Архив ОА ИИ АНРБ. № 473.
- Митрофанов А.Г. Отчет западно-двинской археологической группы о полевых работах в 1975 г. Архив ОА ИИ АНРБ. № 519.
- Модестов Ф.Э. Отчет об археологических раскопках и разведках на территории Смоленской области в 1986 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 11851.
- Нефедов В.С. Отчет о разведках в Кардымовском и Ярцевском районах Смоленской обл. за 2003 г. Архив ИА РАН. Р-1.
- Обломский А.М. Материалы римского времени поселения Хотылёво-2 // Гаврилов К. Н. Отчет о полевых работах Хотылёвской археологической экспедиции ИА РАН в 1995 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 20645.
- Подгурский П.Н. Отчет о раскопках городища Новое Село в 2004 г. Архив ОА ИИ АНРБ. № 2175.
- Третьяков П.Н. Отчет об археологических раскопках в Смоленской области в 1955 г. Архив ИА РАН, Р-1, № 1152.
- Третьяков П.Н. Отчет о работах Верхнеднепровского отряда Славянской экспедиции ИИМК АН СССР в 1956 г. Архив ИА РАН, Р-1, № 1268.
- Третьяков П.Н. Отчет об археологических работах Верхнеднепровской археологической экспедиции ИИМК АН СССР в 1957 г. Архив ИА РАН, Р-1, № 1665.
- Фурасьев А.Г. Отчет об археологических разведках в Велижском районе Смоленской области в 1995 г. Архив ИА РАН, Р-1, № 19759.
- Фурасьев А.Г. [Отчет о раскопках селища Фролы в Невельском районе Псковской области в 1996 г.] Архив ИА РАН.
- Фурасьев А.Г. [Отчет о раскопках селища Фролы в Невельском районе Псковской области в 1998 г.] Архив ИА РАН.

* Ссылки в тексте оформлены: [Гаврилов 1995-О].

- Шмидт Е.А. Отчет о раскопках городища у д. Демидовки в районе г. Смоленска в 1967 г. Архив ИА РАН, Р-1, № 3542.
- Шмидт Е.А. Отчет о разведках на территории Смоленской области в 1981 г. Архив ИА РАН, Р-1, № 8184.
- Шмидт Е.А. Отчет о раскопках в Руднянском районе Смоленской области в 1982 г. Архив ИА РАН, Р-1, № 9092.
- Шмидт Е.А. Отчет о раскопках археологических памятников на территории Смоленской области в 1983 г. Архив ИА РАН, Р-1, № 9225.
- Шмидт Е.А. [Отчет о раскопках 1985 г.] Архив ИА РАН, Р-1, № 10866.
- Шмидт Е.А. [Отчет о раскопках 1986 г.] Архив ИА РАН, Р-1, № 11264.
- Штыхов Г.В. Отчет о раскопках памятников в Северной Белоруссии в 1965 г. Архив ОА ИИ АНРБ. № 259.
- Штыхов Г.В. Отчет о раскопках памятников в Северной Белоруссии в 1968 г. Архив ОА ИИ АНРБ. № 315.
- Штыхов Г.В. Отчет о раскопках в Витебской и Минской областях и разведке в Ивацевичском районе Брестской области в 1970 г. Архив ОА ИИ АНРБ. № 368.
- Шут К.П. Отчет о полевых археологических работах в 1964 г. Архив ОА ИИ АНРБ. № 237.
- Шут К.П. Отчет о полевых археологических работах в 1965 г. Архив ОА ИИ АНРБ. № 257.
- Шут К.П. Отчет о полевых археологических исследованиях в 1966 г. Архив ОА ИИ АНРБ. № 273.
- Balodis F. Parskats par 1926. gada izrakumiem Volkarezu kapulauka // LVM AA 66 (Балодис Ф. Отчет о раскопках могильника Волкорезы в 1926 г. // Музей истории Латвии, Отдел археологии, е.х. AA 66).

Список сокращений

- АИППЗ – Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.
- АКД – Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.
- АНБ – Археалогія і нумізматыка Беларусі. Энцыклапедыя. Мн., 1993.
- АО – Археологические открытия.
- ГАЗ – Гістарычна-археалагічны зборнік. Мн.
- ГИМ – Государственный исторический музей.
- ГЭ – Государственный Эрмитаж.
- ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.
- КСИА – Краткие сообщения ИА АН СССР (ИА РАН).
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
- КТВ – Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе Римского времени и в раннем средневековье (доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова, Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.). СПб., 2004.
- МАБ – Материалы по археологии Беларуси. Мн.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
- ОА ИИ АНРБ – Отделы археологии Института истории АН Республики Беларусь.
- ПАВ – Петербургский археологический вестник.
- ПАМ – Чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога.
- РА – Российская археология.
- РВД – Раннесредневековые восточнославянские древности. Л. 1974.
- РСМ – Раннеславянский мир. Москва.
- СА – Советская археология.
- САИ – Свод археологических источников.
- СЗАЭ – Северо-Западная археологическая экспедиция.
- ТАС – Тверской археологический сборник. Тверь.

Указатель к каталогу памятников и материалам

Бассейн р. Великой

- 1) Свинухи.
- 2) Ястребово (*рис. 53: 1, 2*).
- 3) Волкорезы (*рис. 53: 3–5*).

Псковско-Смоленская часть бассейнов Западной Двины и Ловати

- 4) Осыно (*рис. 53: 6–8*).
- 5) Ермошино (*рис. 54–75*).
- 6) Фролы (*рис. 76–96*).
- 7) Пржевальское.
- 8) Подосинки (*рис. 97–101*).
- 9) Заболонье (*рис. 102, 103*).
- 10) Орляки.
- 11) Каменная Лава.
- 12) Узмень (*рис. 104–130*).
- 13) Каспля.
- 14) Алфимово.
- 15) Кислые.
- 16) Холм (*рис. 131*).
- 17) Дроково.
- 18) Шугайлово.
- 19) Никасицы.
- 20) Микулино.
- 21) Заозерье.

Белорусская часть бассейна Западной Двины

- 22) Вышедки.
- 23) Старое Село.
- 24) Бураково (*рис. 132–137*).
- 25) Городок.
- 26) Казиново.
- 27) Клишино.
- 28) Обузерьье (*рис. 138: 1–7*).
- 29) Новое Село.
- 30) Замошье.
- 31) Заговалино (*рис. 139, 140*).
- 32) Черствяды.
- 33) Двор Гомель (*рис. 138: 8, 9*).
- 34) Бельчица.
- 35) Недружно.
- 36) Горовые.
- 37) Вороницы (*рис. 138: 10*).
- 38) Рудня (*рис. 141*).
- 39) Двор Хоттевичи.
- 40) Повалишино.

Верховья Вилии и Березины

- 41) Ревячка (*рис. 142–145*).
- 42) Гуры.
- 43) Городище (*рис. 146, 147*).

44) Некасецк (*рис. 148, 149*).

- 45) Микольцы.
- 46) Дедиловичи.
- 47) Избище.

Смоленское Поднепровье и Посожье

- 48) Сельцо.
- 49) Гнёздово.
- 50) Демидовка.
- 51) Цурковка.
- 52) Старое Куприно.
- 53) Слобода-Глушица.
- 54) Хиславичи (*рис. 150*).

Оршанское и Могилевское Поднепровье с прилегающими районами

- 55) Пильковичи.
- 56) Репухово.
- 57) Задровье.
- 58) Голошевка.
- 59) Погост.
- 60) Ломачино.
- 61) Заболотье.
- 62) Зайцево.
- 63) Барань.
- 64) Лемница.
- 65) Пруды.
- 66) Абидня.
- 67) Таймановое.
- 68) Красная Зорька.
- 69) Щатково.
- 70) Дедново.
- 71) Симоновичи.
- 72) Журавель.
- 73) Барсуки (*рис. 151, 152, 153: 1–9*).
- 74) Глинка (*рис. 153: 10*).
- 75) Дерамянице (*рис. 153: 11*).
- 76) Остров (*рис. 153: 12*).
- 77) Гудок.

Подесенье

- 78) Касилово.
- 79) Хотыллёво.

N. V. Lopatin, A. G. Furasyev
 The northern frontier of the early Slavic world
 in the 3rd – 5th cc. AD
 Summary

This book discusses the problems in investigations of an insufficiently yet studied group of sites defined around 15 years ago. The sites are denoted as “the sites of the Zaozerye-Uzmen’ cultural circle”, after the eponymous settlements. The latter represent two most distinct cultural and chronological groups of the second quarter of the 1st mill. AD located in the West Dvina basin, and in the Dnieper basin within the Smolensk region. The sites attributed to the group in question were first discovered in the 1920-s – 1930-s. Since the 1950-s they were studied by E.A. Schmidt, A.G. Mitrofanov, G.V. Shtykhov, and others, and were considered as an early stage of the Tushemlya-Bantserovshchina antiquities. The authors of the current book prove an independent status of this cultural group. Chronologically, it precedes both the mentioned culture and the culture of the Pskov long kurgans.

Characteristic feature uniting the sites of the Zaozerye-Uzmen’ type is a stable set of hand-made pottery, as well as potsherds with comb patterns on the surface. Despite the proportion of such pottery is insignificant ranging from separate fragments to 10-15% of the total, it represents the most important cultural and chronological indication. The comb patterns are the result of regular processing vessels’ surface with comb-like stamp with thoroughly worked teeth (Fig. 2, 3). Special investigation of the stamps’ parameters (teeth and slots’ width) has been performed, as well as their comparison with the antler combs known from the area occupied by Chernyakhov culture. Distribution of the parameters (Fig. 4, 5) evidences that the majority of patterns could have been made with the provincial Roman antler combs and their fragments.

The materials related to the Zaozerye-Uzmen’ cultural circle are known from a series of different archaeological sites: open dwelling sites, hillforts, ground cemeteries. Open dwelling sites are most numerous, their number totals over 50. These are situated close to water – on lakesides, very often at the estuaries of small rivers, or springs. The sites occupy low bank heights, dune, bedrock banks, and often are located immediately near the floodplain. The cultural deposit may spread over the floodplain areas as well. The open dwelling sites usually occupy an area ranging from 0.7–0.8 to 2.5–3 ha.

Twelve hillforts are known (Fig. 24). Mostly, their cultural deposits contain materials of the earlier period, that is, of Dnieper-Dvina culture dating from the last

century BC – first century AD till the early centuries AD, and fragments of vessels with distinct profile more typical of the third quarter of the 1st mill. AD. The revival of the discussed hillforts registered in the mid 1st mill. AD was probably related to some threat, which forced local population to move to the fortified shelters.

Basic material obtained by the excavations of the sites of the Zaozerye-Uzmen’ type and constituting their main characteristic feature is hand-made pottery. The typology of coarse hand-made pottery used in this research is based on the scheme suggested in the synthesizing work on Kiev culture [Терпиловский, Абашина 1992, p. 46]. It was extended and modified, and its final structure is presented in Figs. 11–13.

The studies of specifics of pottery sets from basic settlements (first of all, correlation of vessels’ types, and the modes of their ornamentation) have allowed the authors to single out four cultural and chronological types entering the Zaozerye-Uzmen’ circle.

The Abidnya type. Its typical feature consists in archaic types of pottery decoration: incisions, fingernail impressions on the rim, sometimes hatched surface. The set comprises pottery of types 1, 2, and R (ribbed) 1, table vessels, and a limited quantity of pottery of different types as well, including type 7. Pottery with comb patterns in the majority of cases makes up ca. 10–15%. The sites of the Dvina basin attributed to the Abidnya group are distinguished by a higher rate of pottery of type 7.

The chronology of the group is based, first of all, on the chronological reference points provided by the model settlements (such as Abidnya and the lower horizon of the Taimanovo settlement) attributed to the early stage of Kiev culture. From the sites situated in the West Dvina basin separate finds with reliable chronology are known: those related to the barbaric enamels, and a spiral-like glass bead. These finds, together with the unified pottery set confirm that the sites are coeval with the mentioned settlements of South-eastern Byelorussia, at least within the framework of the main and final stages of the latter’s functioning, that is, the mid 3rd – early 4th cc.

The Zaozerye type. Against the background of a limited number of determined pottery shapes, in the majority of collections types 1, 2, 3, 4, 7, R-1 are met with regularly. The archaic ornamental elements (hatching, incisions, finger imprints on the rim) have ceased, while fragments with comb patterns, including those forming

rhomboid compositions are regularly present. Pottery sets from some dwelling sites are distinguished by a significant proportion of pottery types 3 and 4. These types are typical, first of all, of the Desna variant of Kiev culture, which points to mixed traditions, and gives grounds to consider the discussed group of sites somewhat later than the Abidnya type, both typologically and chronologically. The said is confirmed by the finds with reliable chronology from the sites investigated in Smolensk region falling within the late 3rd – 4th cc., in particular brooches of the Chernyakhov type, and the finds related to the barbaric enamels.

The analysis of pottery set clearly evidences the genetic continuity of the discussed materials with the Abidnya type, with some participation of the traditions of the Desna variant of Kiev culture and the local Dnieper-Dvina culture.

Certain autonomy within the framework of the Zaozerye type show the Dedilovichi, Gorodishche, and Kazinovno sites. They are distinguished by low share of comb-pattern pottery, and presence of types 8 and 9. It may be supposed that the special position of these sites is related to their relatively late chronology (most probably, they date from the 5th c.), as well as their transitional character to the antiquities of the next period, that is, the Bantserovshchina type.

The Uzmen' type. The most numerous types of pottery are 2, 3, 4, 9, 11, while types 1, 7, 8, R-1, R-4 play a limited role. At the Uzmen' settlement a significant series of pottery of better workmanship was registered. Comb-pattern pottery makes up a limited proportion, typologically determined items are very rare. Three sites are characterized by a local tradition of adding to the potter's paste not only crushed flint, but non-crushed gravel, and crushed bog iron ore (Uzmen', Froly, Kamennaya Lava).

The chronology of sites is based on a series of radiocarbon dates obtained from settlements Froly and Yermoshino. All the dates (pp. 111, 117) fall within the interval from mid 3rd to the 5th cc. Finds with reliable chronology are not numerous, they represent mostly the late period – the second part of the 4th – 5th cc.; anyway, the earliest sites of the Uzmen' type emerged somewhat earlier, which is confirmed by stratigraphic observations.

The Desna variant of Kiev culture. The leading components of the pottery set are types 3 and 4. Types 1, 2, R-2 and R-3, as well as table pottery are also very typical, but are not present at all sites. At some sites no comb-pattern pottery was registered (Kislye, Sloboda-Glushitsa). The potter's paste of vessels from the Sloboda-Glushitsa open site regularly contain the grog (crushed sherd) admixture, generally very rare in the discussed region, but typical of the Desna basin. To the group in question the sites of the Demidovka hillfort type are attributed, though they show certain specific features. The latter consists in mass use of big vessels of improved workmanship attributed to types R-2 and R-3. Finds with reliable chronology are especially numerous in Demidov-

ka (the objects of weaponry and belt-fittings of the Hun time); they suggest the chronology of the second part of the 4th c. and the whole 5th c.

All four described cultural and chronological groups occupy separate areas, which can be seen from the map (Fig. 31). Spreading of the types of the Abidnya type indicates the movement of this group from South-eastern Byelorussia to the north, and, probably, points to the region covered by the initial colonization on the middle reaches of the West Dvina. The sites attributed to the Zaozerye and Uzmen' types occupy different areas within the discussed region: the former are spread in its western (from the Upper Viliya to the Upper reaches of the Velikaya River) and southern part, while the latter – in the north-eastern part (as far as the Upper Lovat'). The sites of the Desna variant concentrate in the south-eastern part of the region.

The remains of dwellings and household constructions were traced at many sites of the Zaozerye-Uzmen' circle. Numerous constructions (over 100) have been investigated, though mostly they are known from two settlements only – Gorodishche and Dedilovichi dating back from the late period. As for the other sites, the number of houses did not exceed three – four ones at a site. All constructions are divided into three main types: 1. Ground dwellings with hearths, and the walls built of vertical posts: A – long multichamber ones (Mikulino?), and B – not large rectangular ones (Kislye). 2. Rectangular houses consisting of one chamber each, with sunken bottoms; almost all of them were built of horizontally laid logs and furnished with hearths (Yermoshino, Nekasetsk), or stone oven (Gorodishche, Dedilovichi). 3. Constructions with sunken bottoms built of horizontal logs, with “bath-like” foundation trenches (Yermoshino, Kislye, Zaozerye, Kuprino).

The second type of constructions dominates; in the period under discussion they formed a specific feature of the house-building tradition of Kiev culture. In the later period they entered the ethnographic tradition of the early Slavic cultural complex.

With the antiquities of the Zaozerye-Uzmen' circle two ground cemeteries are related: Uzmen' and Froly. The both date to the late period – the 4th – the 5th cc. The burial rite is represented by cremations; the charred bones were collected from the fire and placed in ground pits of rounded shape, 20-50 cm in diameter. Single burials were performed in vessels. The burials' infill mostly includes the remains of fire (charcoals and cinders), and small fragments of hand-made pottery. Grave goods are extremely poor: small fragments of bronze artefacts deformed by fire, glass beads, spindlewhorls. This burial tradition appears in the Dvina basin in already developed state, together with the newcomers from the areas situated farther south.

The repertoire of tools, utensils, and set of most widely spread ornaments known from the sites of the Zaozerye-Uzmen' circle form a stable complex with definite combination of types and categories of artefacts

represented at a series of sites. Therefore it may be viewed as one of indications pointing to the sites' cultural attribution. The complex comprises: knives; sickles, both with bent butt and without it; plate iron-steels; razors; spindle-whorls of double-cone shape; spherical net-weights; some types of ornaments (wire temporal rings; iron pins with bent upper part; the finds related to the East European barbaric enamels; rare imports of the Chernyakhov-type – beads and brooches).

In the investigation the most close interrelation of the antiquities entering the Zaozerye-Uzmen' circle with Kiev archaeological culture is shown. Their interrelation can be seen in all categories of archaeological materials, such as: pottery, house-building, material finds, burial rite. The detailed investigation of the culture and chronology of the discussed group proves that the antiquities of the Zaozerye-Uzmen' type are not a second-rank manifestation of the influence exerted by Kiev culture. The groups under discussion had emerged in the Dvina basin practically at the same time as the Kiev antiquities in the Desna and the Upper Dnieper regions, and should be considered as a separate West Dvina variant of Kiev culture (or cultural and historical entity).

The discussed materials allow us to put forward the conclusion to the effect that, starting from the second part of the 3rd c. AD we deal with the process of regular penetration of the Kiev cultural traditions from the Desna basin and the Upper Dnieper northward – to the West Dvina region. The process was related not to ousting out, or disappearance of the aboriginal population that had settled in the territory under study, but to a gradual decline of local traditions. Probably, the social and demographic grounds for spreading Kiev culture northward were very significant.

On the early stage (the second part of the 3rd c.) the decisive role in spreading the cultural traditions in northerly direction was played by the population of the Upper Dnieper region identified with the sites of the Abidnya type. But already at the turn of the 3rd and the 4th cc. the influence of the Desna pottery tradition can be traced; at the sites of the Zaozerye type – to a lesser, at those of the Uzmen' type – to a greater extent. The penetration of the bearers of the Desna variant of Kiev culture to the Upper Dnieper was a flow within a

more wide-scale migration process. Apparently, it developed parallel to the colonization of the Desna basin itself. In the Dnieper basin within the territory of Byelorussia this had resulted in the change of cultural tradition (represented by the second horizon of the Taimanovo settlement). This process stimulated migration of the population from the Upper Dnieper northward, to the Dvina basin, which had resulted in formation there of the sites with the mixed Desna – Upper Dnieper pottery set in the early 4th c. We cannot exclude that the process of mixing of these traditions had begun even before the migrants entirely settled down on the West Dvina, and in the Dnieper basin in the Smolensk region.

The late stage (the late 4th – 5th cc.) is marked by clear domination of traditions of the Desna variant of Kiev culture in the investigated region. Nonetheless, even in that time at some sites certain features of pottery typical of the Abidnya type survived; then they continued their development in the third quarter of the 1st mill. AD (the Zhabino hillfort, the Pskov long kurgans).

In the Upper Dnieper region and farther to the north there are known the materials interpreted as the continuation of the antiquities of the Zaozerye-Uzmen' circle and dating from the later period of the 5th – 8th cc. These are represented by the materials of the Tushemlya, Kolochin, and Bantserovshchina type, as well as the Pskov long kurgans.

The problem of ethnic attribution of the Kiev culture bearers was discussed more than once in archaeological literature. The authors of this book share the opinion on the Slavic origin of the discussed tribes with P.N. Tretyakov, E.A. Goryunov, R.V. Terpilovsky, and A.M. Oblomsky. Recently more and more grounded becomes the view that the majority of ancient groups identified both with the Slavs in the ancient authors' writings, and the population of the early Slavic states developed from, or with participation of the Kiev cultural entity. Thus the antiquities of the Zaozerye-Uzmen' circle are considered as a chain linking the early Slavic antiquities of the Middle and Upper Dnieper with the archaeological cultures of the Northern Slavs.

Translated by L.I. Avilova

List of captions

- Fig. 1. Map showing the sites of the Zaozerye-Uzmen' circle and northern sites of the other variants of Kiev culture (numbers correspond to those in Catalogue).
- Fig. 2. Fragments of comb-pattern pottery. 1 – Nekasetsk, 2 – Revyachka, 3 – Gorodishche, 4 – Burakovo, 5 – Kholm, 6 – Demidovka. Drawings executed by E.I. Telishev after N.V. Lopatin's drafts.
- Fig. 3. Fragments of comb-pattern pottery. 1, 4–6 – Zaozerye, 2 – Nekasetsk, 3 – Burakovo, 7 – Revyachka, 8 – Podosinki. Drawings executed by E.I. Telishev after N.V. Lopatin's drafts.
- Fig. 4. Distribution of the average width of the pair "tooth + slot" (according to comb-patterns and antler combs). а – pottery from settlement Abidnya; б – pottery from the sites of the Zaozerye-Uzmen' circle; в – antler combs.
- Fig. 5. Correlation of the width of tooth and slot (according to comb-patterns and antler combs). а – pottery from settlement Abidnya; б – pottery from the sites of the Zaozerye-Uzmen' circle; в – antler combs.
- Fig. 6. Bone combs (1, 2, 4, 5) and the combs reconstructed by the traces of teeth on comb-pattern pottery (3, 6). 1–3 – middle standard size, 4–6 – small standard size. 1, 2 – Lepesovka (State Hermitage), 4 – Zhurovka (State Historical Museum), 5 – Desyaty Oktyabr', 3 – Povalishino, 6 – Abidnya. Drawings executed by N.S. Safronova after N.V. Lopatin's measurements and drafts.
- Fig. 7. Proportion of pottery with smoothed surface and with comb-pattern surface.
- Fig. 8. Examples of pottery styles: I (1–3), II (4–7), III (8–10), IV (11), and IX (12–14). 1–3 – Vasilkovka; 4 – Zaozerye (eastern area); 5 – Anashkino; 6 – Froly; 7 – Karatai; 8, 10 – Demidovka; 9 – Yanovo; 11 – Abidnya; 12 – Yermoshino, burial 1; 13, 14 – Podosinki.
- Fig. 9. Pottery of Kiev culture in the Middle Dnieper and the Desna regions. Styles IV (11), V-Б (5, 7–10), VI (1–4). 1 – Mezin; 2, 4 – Lavrikov Les; 3 – Vishenki; 5 – Verkhnestrizhenskoe-3; 6–9 – Glevakha; 10, 11 – Gochevo-1 (after: [Терпиловский, Абашина 1992]).
- Fig. 10. Typology of pot-shaped vessels of Kiev culture (after: [Терпиловский, Абашина 1992, p. 46]).
- Fig. 11. Typology of pot-shaped vessels of the Upper Dnieper and the Upper Dvina regions. Modification A (whole shapes).
- Fig. 12. Typology of pot-shaped vessels of the Upper Dnieper and the Upper Dvina regions. Modification Б (from vessel's rim to the body rib).
- Fig. 13. Typology of pot-shaped vessels of the Upper Dnieper and the Upper Dvina regions. Modification В (with conditional height equal 0,8 R).
- Fig. 14. Pottery of type 1, variants а (4–11) and б (1–3). 1, 4 – Gorodok; 2, 5 – Barsuki; 3 – Froly; 6 – Zabolonye; 7 – Belchitsa; 8 – Podosinki; 9 – Zaozerye; 10, 11 – Abidnya (11 – decoration is shown schematically).
- Fig. 15. Pottery of type 2, variants б (5–13) and в (1–4). 1 – Yermoshino; 2, 4, 8, 13 – Uzmen'; 3, 6, 11 – Abidnya; 5 – Podosinki, 7 – Nekasetsk, 9 – Burakovo, 10 – Zabolonye; 12 – Dedilovichi.
- Fig. 16. Pottery of type 3. 1, 5, 7, 13 – Demidovka; 2 – Burakovo (open dwelling site); 3, 6 – Gorodok; 4, 8 – Zaozerye; 9, 11 – Sloboda-Glushitsa; 10 – Froly; 12 – Dedilovichi.
- Fig. 17. Pottery of type 4, Variants а (1–5); б (6, 11); в (7–10). 1, 9 – Zaozerye; 2 – Gorodok; 3, 7 – Demidovka; 4, 10, 11 – Uzmen'; 5 – Dedilovichi; 6 – Froly; 8 – Kazinovo.
- Fig. 18. Pottery of type 7. 1, 15 – Yermoshino; 2, 5 – Gorodishche; 3 – Abidnya; 4 – Belchitsa; 6–8 – Zaozerye; 9 – Povalishino; 10 – Uzmen'; 11 – Gorodok; 12, 13 – Novoe Selo; 14 – Demidovka.
- Fig. 19. Pottery of type 8. 1 – Gorodok; 2 – Kamennaya Lava; 3 – Demidovka; 4 – Kazinovo; 5–7 – Dedilovichi; 8 – Uzmen'; 9, 10 – Tushemlya; 11 – Gorodishche; 12 – Froly.
- Fig. 20. Pottery of type 9. 1 – Nekasetsk; 2, 3, 5 – Uzmen'; 4 – Orlyaki; 6, 7 – Revyachka.
- Fig. 21. Pottery of type 11. 1–4 – Froly; 5–9 – Kamennaya Lava; 10 – Yermoshino; 11–17 – Uzmen'.
- Fig. 22. Coarse ribbed pottery of types R-1 (1–14) and R-2 (15, 16). 1, 7, 13 – Zaozerye; 2 – Povalishino; 3 – Yermoshino; 4, 8, 14 – Gorodok; 5 – Uzmen'; 6 – Burakovo; 9 – Tushemlya; 10 – Kholm; 11 – Dedilovichi; 12 – Abidnya; 15 – Demidovka; 16 – Khotylevo.
- Fig. 23. Burnished table pottery of style IV (1–3) and ribbed pottery of improved workmanship of styles VIIa (4–6, 8, 12, 15–17) and VIIb (7, 9–11, 13, 14). 1 – Yermoshino; 2, 14–16 – Zaozerye; 3 – Zaitsevo; 4–6 – Demidovka, 7–13 – Uzmen', 17 – Khotylevo.
- Fig. 24. Map showing the hillforts yielding comb-pattern pottery (numbers correspond to those in Catalogue).
- Fig. 25. Finds from the sites of the Zaozerye-Uzmen' circle. 1, 5 – Belchitsa; 2, 6 – Kamennaya Lava; 3, 4 – Uzmen'; 7–12 – Svinukhi; 13 – Novoe Selo; 14–18 – Zaozerye.

- Fig. 26. Finds from the sites of the Zaozerye-Uzmen' circle (after: [Шмидт 1970; 1994; 2003]. 1, 6, 10, 11 – Zaozerye; 2, 5, 9, 13 – Shugailovo; 3, 4, 7 – Demidovka; 8 – Kislye; 12 – Tsurkovka.
- Fig. 27. Iron sickles from the sites of the Zaozerye-Uzmen' circle (after: [Шмидт 2003, tab. 13–15]. 1 – Gnezdovo; 2 – Zaozerye; 3 – Sloboda-Glushitsa; 4–6 – Kislye; 7–12 – Shugailovo; 13 – Mikulino.
- Fig. 28. Material finds from the sites of Kiev culture of the Upper Dnieper region (Abidnya, Taimanovo), after: [Медведев 1999; Поболь, Дубицкая, Пилипцевич 2003; Поболь, Ильюттик 2001].
- Fig. 29. Chronology of antiquities of the Zaozerye-Uzmen' circle.
- Fig. 30. Cultural and chronological groups of sites according to the correlation of pottery styles and types in pottery sets. Abbreviations and notation conventions: а – 1 find; б – 2–4 finds; в – 5 and more finds; д. 2-3 – decoration of types 2 and 3 (incisions and finger imprints, hatching); д. 4 – decoration of type 4 (comb-patterns); for «д. 4» column (comb-pattern pottery): а – no more than 1–2% in a set; в – ca. 10% and more.
- Fig. 31. Map showing spreading of sites of different cultural and chronological groups. а – the Abidnya type; б – the Zaozerye type; в – the Uzmen' type; г – the Desna variant of Kiev culture.
- Fig. 32. Pottery shapes with the decorative elements of style V (incisions, finger imprints, hatching). For notation conventions see Fig. 30.
- Fig. 33. Pottery shapes with comb-pattern surface. For notation conventions see Fig. 30.
- Fig. 34. Archaeological cultures in the Upper Dnieper and the Dvina regions during the period of forming of the Zaozerye-Uzmen' circle: а – hatched pottery (after A.A. Yegoreichenko); б, в – Dnieper-Dvina: б – general area, в – borderline of the western and eastern variants (after E.A. Schmidt and B.S. Korotkevich); г – sites of the Tushemlya middle layer type (after E.A. Schmidt and B.S. Korotkevich); д–з – Kiev culture: д – the Upper Dnieper variant, е – the Desna variant, ж – east-left-bank variant, з – the Middle Dnieper variant (after R.V. Terpilovsky), и – points of penetration of the Kiev culture traditions to the north; к – sites of the Zaozerye-Uzmen' circle (the 3rd – 5th cc.).
- Fig. 35. Scheme showing the process of cultural genesis.
- Fig. 36. Dnieper-Dvina culture. Iron artefacts (after: [Шадьро 1985]). 1, 4, 13 – Burakovo; 2, 7, 8, 14 – Kublich; 3, 11 – Barsuki; 5 – Devichki; 6 – Zagortsy; 9, 10 – Zagovalino.
- Fig. 37. Hillforts Chernaya Gora (1–8) and Karatai (9–11). Finds. 1–4, 9–11 – pottery; 5–8 – iron.
- Fig. 38. Hillfort Karatai. Clay (11–13) and iron objects (after: [Минаян 1980а]).
- Fig. 39. Pottery from middle layers of hillforts Tushemlya (1–13, 15) and Demidovka (14). 1–6 – burnished and smoothed vessels, 7–15 – coarse vessels.
- Fig. 40. Hillfort Tserkovishche (1–5) and open dwelling site Yanovo (6–15). Pottery. 4 – grey-burnished vessels, the remainder – coarse vessels.
- Fig. 41. Hillfort Polibino. Pottery. 7, 8 – smoothed vessels, the remainder – coarse vessels.
- Fig. 42. Hillforts Nazimovo (1–4) and Staroselye (5–11). Pottery.
- Fig. 43. Sites of the Chechersk-Kisteni type (the Chechersk group). Basic (1–7) and rare (8–13) shapes of non-burnished pots (after: [Дробушевский 2000]).
- Fig. 44. Cultural and chronological groups of the 5th – 7th cc. а – basic model sites of the 3rd – 5th cc.; б – area occupied by sites of the Zaozerye-Uzmen' circle (the 3rd – 5th cc.); в – и – sites of the 6th – 8th cc.: в – the Zhabino type, г – the Dorokhi type, д – the Zherybyatino type, е – the Syezzhee type, ж – the Udomlya type, з – the Bantserovshchina type ; и – the Kiseli type. 1 – Kozesky Les, 2 – Kynnu, 3 – Lindora, 4 – Lezgi, 5 – Gryadishche (Sovii Bor), 6 – Bezyva, 7 – Zherybyatino, 8 – Syezzhee, 9 – Poterpelitsy, 10 – Obrynya, 11 – Lipitsy, 12 – Gorodok (on the Shlina River), 13 – Podol, 14 – Yuryevskaya Gorka, 15 – Polibino, 16 – Borisogleb, 17 – Zhabino, 18 – Dorokhi, 19 – Mikhailovskoe, 20 – Uzmen', 21 – Yankovich (Povalishino and Atoki), 22 – Subovshchina, 23 – Gorodok, 24 – Burakovo (open dwelling site), 25 – Kazinovo (open dwelling site), 26 – Staroe Selo, 27 – Zagovalino, 28 – Dedilovich (Zamkovaya Gora), 29 – Bantserovshchina, 30 – Zaozerye (on the Rutavech River), 31 – Akatovo, 32 – Bliznaki, 33 – Cherkasovo, 34 – Kiseli, 35 – Nikodimovo, 36 – Demidovka, 37 – Tushemlya, 38 – Taimanovo.
- Fig. 45. Pottery from the sites of the Zhabino type. 1, 4, 6, 7, 9 – type 2; 2 – type 7; 3 – type 9; 5 – type R-4; 8 – type 1; 10 – type 11. 1–5 – Zhabino; 6–10 – Turushino.
- Fig. 46. Pottery from the sites of the Dorokhi type. 1, 10 – type 7; 2, 5 – type R-4(a); 3, 4, 7 – type 9; 6 (profile 6), 9 – type 11; 8 – type 4. 1, 2 – Subovshchina; 3, 4 – Povalishino; 5, 8 – Dorokhi; 6 – Borisogleb; 7 – Polibino; 9 – Mikhailovskoe; 10 – Atoki. 1, 2 – after V.I. Shadyro; 3–5, 7, 8, 9 – after G.V. Shtykhov.
- Fig. 47. Pottery from the sites of the Zherybyatino type and settlements of the Pskov and the Chudskoe Lakes regions. 1, 4 – type 4; 2, 15 – type 7; 3, 5, 23 – type R-4; 7 – type 9; 8 – type 8; the remainder – rare shapes and small fragments. 1–4, 6 – Zherybyatino; 5 – Gryadishche; 7 – Lezgi; 8 – Kozesky Les; 9–19 – Storozhinets; 20–25 – Ustye-Smolka. 9–19 – after S.G. Popov.
- Fig. 48. Pottery from the sites of the Syezzhee type and Udomlya type. 1, 8 – type 10; 2, 6а – type 8; 3а, 11 – type 7; 4, 5, 6б, 10 – type 11; 3б, 7 – type 9. 1 – Podol; 2, 5 – Syezzhee; 3 – Poterpelitsy; 4 – Lipitsy; 6 – Obrynya; 7–11 – Yuryevskaya Gorka. 1 – after I.N. Chernykh and P.D. Malygin; 2, 5 – after E.N. Nosov; 7–11 – after I.V. Islanova.

- Fig. 49. Pottery from the sites of the Bantserovshchina type. 1, 8, 11 – type 3; 2, 6, 9, 10, 13, 14, 16, 20, 21 – type 4; 3, 4 – type 8; 15, 18 – type 7; 19 – type 9. 1–5 – Bantserovshchina; 6–13 – Burakovo; 14, 15 – Kazinovo; 16–21 – Gorodok. 14–21 – after O.N. Levko.
- Fig. 50. Pottery from the sites of the Kiseli type and hillfort Tushemlya type. 1, 2 – Cherkasovo; 3–11 – Kiseli; 12–16 – Tushemlya. 1–11 – after O.N. Levko and Yu.V. Kolosovsky.
- Fig. 51. Trajectories of development of pottery shapes in the 4th – 8th cc. AD. Types are shown according to the typology in Fig. 11.
- Fig. 52. Trajectories of development of pottery shapes in the 4th – 8th cc. AD (continuation).
- Fig. 53. Comb-pattern pottery. 1, 2 – Yastrebovo; 3–5 – Volkorezy; 6–8 – Osyno.
- Fig. 54. Yermoshino. Topographic plan with sites' borders shown. Chain survey by N.V. Lopatin, 1993.
- Fig. 55. Yermoshino. General plan of excavation trenches of 1993–1995 and 1997. Bold line – objects related to the settlement (also preliminarily), thin line – objects related to the cemetery.
- Fig. 56. Yermoshino. 1993. Hand-made pottery. Surface finds.
- Fig. 57. Yermoshino. Excavation trench of 1993. Pottery from ploughed layer. 1–18 – hand-made vessels, 19 – wheel-made vessel.
- Fig. 58. Yermoshino. Excavation trench of 1994. Pottery from ploughed layer. 1–27 – hand-made vessels, 28–33 – wheel-made vessels.
- Fig. 59. Yermoshino. Excavation trench of 1994. Finds. 1 – surface find, the remainder from ploughed layer. 1–9 – clay, 10 – stone, 11–16 – iron.
- Fig. 60. Yermoshino. Excavation trenches of 1995 and 1997. Pottery from ploughed layer. 1–19 – hand-made vessels, 20, 21 – wheel-made vessels.
- Fig. 61. Yermoshino. 1993. Construction 1, horizons 4 (A) and 3 (B). Pits 9, 12. For notation conventions see Fig. 72.
- Fig. 62. Yermoshino. 1993. Construction 1. A – horizon 2a; B – horizon 2b, B – horizon 1. For notation conventions see Fig. 72.
- Fig. 63. Yermoshino. 1993. Construction 1, horizon 4. Materials. Clay.
- Fig. 64. Yermoshino. 1993. Construction 1, horizon 3. Materials. Clay.
- Fig. 65. Yermoshino. 1993. Construction 1, horizon 2. Materials. 7 – stone, the remainder – pottery.
- Fig. 66. Yermoshino. 1993. Pottery from construction 1 (horizon 2).
- Fig. 67. Yermoshino. 1993, 1994, 1997. Material from pits. 1 – pit 7; 2, 3 – pit of burial 1; 4–12 – pit 9; 13 – pit 15; 14 – pit 54; 15 – pit 58.
- Fig. 68. Yermoshino. 1994. Construction 2 and adjacent pits.
- Fig. 69. Yermoshino. 1993, 1994. Pits, profiles, cross-sections. For notation conventions see Fig. 72.
- Fig. 70. Yermoshino. 1993, 1994. Materials from pits. 1–7 – pit 12; 8–10 – pit 19; 11 – pit 20; 12 – pit 21; 13 – pit 22.
- Fig. 71. Yermoshino. 1994. Pits (A), materials from pits (B). 1–4 – pit 33(?); 5, 8 – pit 39; 6 – pit 40; 7 – pit 36; 9 – pit 42. 5 – stone; 6 – iron; the remainder – clay.
- Fig. 72. Yermoshino. 1994. Construction 3, the upper layer of excavations. Notation conventions for plans and sections of objects excavated at settlement Yermoshino: а – ploughed layer; б – brown sand; в – dark-grey sand; г – grey sand; д – light-grey sand; е – yellow sand (without hatching); ж – yellow-grey sand; з – subsoil; и – burn sand; к – charred wood; л – charcoals, charcoal spots; м – stones; н – pottery; о – clay oven debris; п – charred bones; р – actual borders of excavation trench and profiles.
- Fig. 73. Yermoshino. 1994, 1995. Constructions 3 and 4, adjacent pits. Pit 42 and hearth 1 see also in Fig. 71. For notation conventions see Fig. 72.
- Fig. 74. Yermoshino. 1994. Materials from the infill of constructions 2 and 3. 1–8 – construction 2; 9–15 – construction 3; 16–19 – cultural deposit near construction 3. 1, 2, 12 – iron; 4 – glass; the remainder – clay.
- Fig. 75. Yermoshino. 1994, 1995, 1997. Materials from the infill of sunken-bottom objects. 1–11 – pit 45; 12–18 – object 60; 19–21 – object 61. 19 – iron; the remainder – clay.
- Fig. 76. Froly. Complex of archaeological sites on the Sennitsa Lake northern side. A. General plan. 1 – open dwelling site, 2 – ground cemetery, 3 – the Mosty workshop, 4 – kurgan group. B. Stratigraphy of south-eastern wall of trench (1997). Notation conventions: а – turf and ploughed layer (layer 1), б – black humus (layer 2-3), в – layer 4 (“charge”), г – layer 5 (grey sand), д – pink-grey sandy loam (layer 6), е – slightly decayed peat (layer 7), ж – strongly decayed peat – subsoil, з – yellow dense sand – subsoil, и – overlaying peat (modern), к – supposed water-level in the lake by the archaeological periods.
- Fig. 77. Froly. Open dwelling site and ground cemetery. Topographic plan. а – field boundary; б – settlement boundary; в – supposed boundary of the cemetery; г – test-pits of 1990; д – excavation trenches of 1996–1998.
- Fig. 78. Froly. Pottery from peat layer (1–4) and grey sand layer (5–7).
- Fig. 79. Froly. Pottery from grey sand layer.
- Fig. 80. Froly. Pottery from “charge” layer.
- Fig. 81. Froly. Pottery from “charge” layer.
- Fig. 82. Froly. Pottery from “charge” layer.
- Fig. 83. Froly. Pottery from “charge” layer.
- Fig. 84. Froly. Pottery from “charge” layer (1–5) and black humus layer (6).
- Fig. 85. Froly. Pottery from black humus layer and ploughed layer.

- Fig. 86. Froly. Finds from trench of 1997. 1 – peat layer; 2 – grey sand layer; 3–7 – “charge” layer; 8–10 – black humus layer. 1–5, 8 – clay, 6, 10 – iron, 7 – stone; 9 – bronze.
- Fig. 87. Froly. Pottery from the open dwelling site deposit overlaid by cemetery.
- Fig. 88. Froly. Pottery from the open dwelling site deposit overlaid by cemetery.
- Fig. 89. Froly. Pottery from the open dwelling site deposit overlaid by cemetery.
- Fig. 90. Froly. Pottery (1–7) and individual finds (8–16) from the open dwelling site deposit overlaid by cemetery. 1–7, 10–14 – clay, 8, 9 – bronze, 15, 16 – iron.
- Fig. 91. Froly. Pottery from the Mosty workshop.
- Fig. 92. Froly. Excavation trench of 1996. Individual finds. 1–6 – iron; 7 – glass.
- Fig. 93. Froly. Cemetery. Plan of excavation trench.
- Fig. 94. Froly. Open dwelling site overlaid by cemetery. A – object 9: plan of pottery accumulation overlaying pit. Б – plan of construction (pit 12).
- Fig. 95. Froly. Cemetery. Drawings of burials. Notation conventions: а – turf-soil layer; б – mixed layer; в – cinder-charcoal layer; г – subsoil; д – bones; е – charcoals; ж – stones; з – pottery; и – grey sandy loam.
- Fig. 96. Froly. Cemetery. Finds from the burials. 1 – б. 1; 2 – б. 2; 3–10 – б. 4; 11, 12 – б. 9; 13, 24 – б. 8; 14–20 – б. 13; 21, 22 – б. 17; 23 – б. 20. 1, 24 – clay; 2–10, 13–23 – bronze; 11 – glass; 12 – iron.
- Fig. 97. Podosinki. Plan (1) and finds. 2–7 – excavation trench 2; 8–19 – excavation trench 1. 2 – iron; 3, 7, 19 – stone; the remainder – clay.
- Fig. 98. Podosinki. Excavation trench 1. Pottery.
- Fig. 99. Podosinki. Excavation trench 1. Pottery.
- Fig. 100. Podosinki. Surface finds. Pottery.
- Fig. 101. Podosinki. Excavation trench 2. Pottery.
- Fig. 102. Zabolonye. Plan (1) and finds (clay).
- Fig. 103. Zabolonye. Pottery.
- Fig. 104. Uzmen'. A – site's plan (test-pit of 1988 is shown in black). Б – finds from open dwelling site: 1–3 – blue glass, 4–6 – bronze.
- Fig. 105. Uzmen', open dwelling site. Finds. 1 – iron; 2 – bronze; 3–18 – clay.
- Fig. 106. Uzmen', open dwelling site. Finds. Iron.
- Fig. 107. Uzmen', open dwelling site. Finds. Iron.
- Fig. 108. Uzmen', open dwelling site. Pottery.
- Fig. 109. Uzmen', open dwelling site. Pottery.
- Fig. 110. Uzmen', open dwelling site. Pottery.
- Fig. 111. Uzmen', open dwelling site. Pottery.
- Fig. 112. Uzmen', open dwelling site. Pottery.
- Fig. 113. Uzmen', open dwelling site. Pottery.
- Fig. 114. Uzmen', open dwelling site. Pottery.
- Fig. 115. Uzmen', open dwelling site. Pottery.
- Fig. 116. Uzmen', open dwelling site. Pottery.
- Fig. 117. Uzmen', open dwelling site. Pottery.
- Fig. 118. Uzmen', open dwelling site. Pottery.
- Fig. 119. Uzmen', open dwelling site. Pottery. 1, 2 – hypothetically reconstructed whole shape.
- Fig. 120. Uzmen', open dwelling site. Pottery.
- Fig. 121. Uzmen', open dwelling site. Pottery..
- Fig. 122. Uzmen', open dwelling site. Pottery.
- Fig. 123. Uzmen', open dwelling site. Pottery. 1, 2 – hypothetically reconstructed whole shape.
- Fig. 124. Uzmen', open dwelling site. Pottery.
- Fig. 125. Uzmen', open dwelling site. Pottery.
- Fig. 126. Uzmen', open dwelling site. Pottery.
- Fig. 127. Uzmen', open dwelling site. Pottery.
- Fig. 128. Uzmen', open dwelling site. Pottery.
- Fig. 129. Uzmen', open dwelling site. Test-pit of 1988. Pottery.
- Fig. 130. Uzmen', cemetery. Pottery. 1, 3 – burial 1; 2, 4 – burial 34.
- Fig. 131. Kholm. Plan, pottery.
- Fig. 132. Burakovo, hillfort. Plans of the site and excavation trench [Шут 1966-О], pottery from the upper layer.
- Fig. 133. Burakovo, hillfort. Pottery from the upper layer.
- Fig. 134. Burakovo, hillfort. Pottery from the lower layer [Шут 1965-О, Fig. 34; 1966-О, Fig. 51].
- Fig. 135. Burakovo, open dwelling site. Pottery.
- Fig. 136. Burakovo, open dwelling site. Plans of the site and excavation trench, finds [Шут 1966-О, Fig. 52, 54, 58]. 3 – iron; 4, 5 – clay; 6 – stone.
- Fig. 137. Burakovo, hillfort, the upper layer (1, 2), open dwelling site. Pottery.
- Fig. 138. Obuzerye (1–3 – drawing, 4–7 – photos), Dvor Gomel (8, 9), Voronichi (10). Finds. 8 – iron, the remainder – pottery.
- Fig. 139. Zagovalino. Plan, materials from the upper layer [Шут 1966-О, Fig. 41, 44].
- Fig. 140. Zagovalino. Pottery from the lower layer [Шут 1966-О, Fig. 42, 43].
- Fig. 141. Rudnya. Plan, pottery [Лявданский 1930, p. 179, 197].
- Fig. 142. Revyachka. Materials. 1 – after: [Егорейченко 1999, Fig. 42: 4].
- Fig. 143. Revyachka. Pottery from burials.
- Fig. 144. Revyachka, open dwelling site. Pottery.
- Fig. 145. Revyachka, open dwelling site. Pottery.
- Fig. 146. Gorodishche. Pottery. 1–4 – after: [Митрофанов 1966, p. 231].
- Fig. 147. Gorodishche. Pottery.
- Fig. 148. Nekasetsk. Pottery.
- Fig. 149. Nekasetsk. Pottery.
- Fig. 150. Khislavichi. Plan, pottery.
- Fig. 150. Khislavichi. Plan (1), pottery. 1 – after: [Модестов 1986-О].
- Fig. 151. Barsuki. Materials [Мельниковская 1962, p.55].
- Fig. 152. Barsuki. Materials [Шмидт 2001, p.22, 24]. 1 – plan (test-pits of 1957 and 1969 are shown); 2–13 – pottery (2–8 – burnished vessels, 9–11 – comb-pattern and hatched vessels).
- Fig. 153. Pottery from the sites of the Sozh River region (photos). 1–9 – Barsuki [Мельниковская 1957-О, Fig. 7, 8]; 10 – Glinka; 11 – Deramyaniishche; 12 – Ostrov [Паликарпович 1930, Table 9:13; 23:7,8].

Translated by L.I. Avilova

Оглавление

Предисловие	5
Глава 1. История изучения древностей III–V вв. н.э. в Верхнем Поднепровье и Подвинье	7
1920-е – 1930-е годы	7
1960-е – 1970-е годы	7
1980-е – 2000-е годы	9
Глава 2. Памятники круга Заозерье-Узмень. Описание культуры	14
1. Керамика	14
Определение понятий	14
Виды и элементы декора	16
Анализ гребенчатых расчесов	17
Стилистические группы лепной керамики I тысячелетия н.э. в Днепро-Двинском регионе	25
Типология керамики III–VII вв. (стилей V–IX)	30
2. Памятники	49
Открытые поселения	49
Городища	49
Домостроительство	49
Погребальные памятники	51
3. Вещевой комплекс	55
4. Хронология	61
5. Подходы к подразделению	65
6. Периодизация и процессы культурогенеза	68
Основания периодизации	68
Развитие традиций киевской культуры в северной части ее ареала	70
Начальный период	70
Основной период	72
Глава 3. Культурные группы I–III вв. н.э. и происхождение древностей круга Заозерье-Узмень	75
1. Поздний этап днепро-двинской культуры	75
2. Памятники типа среднего слоя Тушемли	79
3. Происхождение древностей круга Заозерье-Узмень. Их соотношение с местными древностями предшествующего периода и с киевской культурой	89
Глава 4. Развитие традиций круга Заозерье-Узмень в третьей четверти I тысячелетия н.э.	92
Заключение. Древности круга Заозерье-Узмень и этногенез славян	104
Каталог памятников	106
Бассейн р. Великой	106
Псковско-Смоленская часть бассейнов Западной Двины и Ловати	106
Белорусская часть бассейна Западной Двины	122
Верховья Вилии и Березины	125
Смоленское Поднепровье и Посожье	127
Оршанское и Могилевское Поднепровье с прилегающими районами	128
Подесенье	131
Приложение. Н. А. Кирьянова. Находки зерна на селище Ермошино I	132
Материалы (таблицы иллюстраций)	133
Литература	236
Архивные материалы (отчеты о полевых исследованиях)	241
Список музейных хранилищ	242
Список сокращений	242
Указатель к каталогу памятников и материалам	243
N. V. Lopatin, A. G. Furasyev. The northern frontier of the early Slavic world in the 3rd – 5th cc. AD.	
Summary	244
List of captions	247

Николай Владимирович Лопатин, Алексей Геннадьевич Фурасьев
Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н.э.
(Раннеславянский мир. Выпуск 8)

Научное издание

Художники А. В. Голикова, Н. С. Сафронова, Е. И. Телишев
Подписано в печать 04.07.2007. Формат 60 х 84/ 8.
Усл. печ. л. 31,5. Уч.-изд. л. 34,0. Тираж 800 экз.

Институт археологии РАН
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19